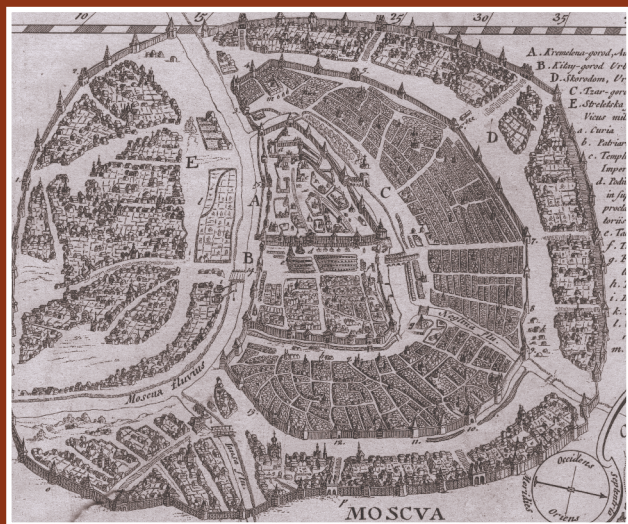

Жак Маржерет
СОСТОЯНИЕ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

Несвиж
гравюра, начало XVII в.

План Москвы,
приписываемый царевичу Федору Годунову,
начало XVII в.

Жак Маржерет СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

STUDIA HISTORICA

ESTAT
DE L'EMPIRE
DE RUSSIE ET GRAN-
de Duché de Moscovie.

AVEC
*Ce qui s'y est passé de plus memorable & Tragi-
que, pendant le regne de quatre Empereurs: à
sçavoir depuis l'an 1590. iusques en l'an 1606.
en Septembre.*

Par le Capitaine MARGERET.

A PARIS,
Chez Mathieu Guillemot, marchand
Libraire au Palais, à la gallerie par où on va
à la Chancellerie.

M. D. C.VII.

Avec privilege du Roy

*Ouvrage rélisé dans le cadre du programme d'aide à la
publication Pouchkine avec le soutien du Ministère des Affaires
Etrangères Français et de l'Ambassade de France en Russie*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ (ФРАНЦИЯ)
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РОССИИ,
СТРАН КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ
ШКОЛЫ ВЫСШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (ПАРИЖ)

Жак Маржерет

СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Ж. Маржерет в документах и исследованиях
(Тексты, комментарии, статьи)

Под редакцией
Ан. Береловича, В. Д. Назарова,
чл.-корр. РАН П. Ю. Уварова

*Издание осуществлено в рамках программы «Пушкин»
при поддержке Министерства иностранных дел Франции
и посольства Франции в России*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2007

ББК 63.3(4Фра)5-3
М 25

Исследование выполнено и издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проекты № 01-01-00397а и № 05-01-16094д,
а также при поддержке

Национального центра научных исследований (Франция),
Центра изучения России, стран Кавказа и Средней Азии,
Школы высших исследований по социальным наукам (Париж),
издательской программы «Пушкин» Министерства иностранных дел Франции

Авторы и составители:

Ан. Берелович (Париж), Т. А. Лаптева,
В. Д. Назаров (рук. проекта), чл.-корр. П. Ю. Уваров (рук. проекта)

При участии:

Т. Н. Алексинской, М. А. Бойцова, О. И. Дзярновича (Минск),
В. Н. Малова, В. Р. Новоселова

Маржерет Жак

М 25 Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В. Д. Назарова, чл.-корр. РАН П. Ю. Уварова. — М.: Языки славянских культур, 2007. — 552 с. — (Studia historica).

ISSN 1727-9968

ISBN 5-9551-0199-3

Сочинение капитана Жака Маржерета, служившего Борису Годунову и Лжедмитрию I, содержащее описание «Российской империи» и бурных событий начала Смуты, относится к числу наиболее ярких и познавательных свидетельств иноземцев о России. В издании публикуется заново переведенный текст Маржерета по экземпляру из Национальной библиотеки Франции, снабженный подробными комментариями. Самостоятельный раздел составляют многочисленные документы из российских и зарубежных архивов, относящиеся к деятельности Маржерета в России и за ее пределами. Участие в действиях королевского гарнизона в Москве, намерение примкнуть ко Второму ополчению, попытка склонить английского короля к оккупации русского Севера, приобщенность к большой европейской политике кануна и начала Тридцатилетней войны — эти и другие эпизоды биографии Маржерета и история изданий его текста раскрываются в публикуемых документах и в статьях ведущих историков России и Франции.

Книга адресована как специалистам-гуманитариям разного профиля, так и широкому кругу читателей, интересующихся прошлым России в контексте европейской истории.

ББК 63.3(4Фра)5-3

*В оформлении переплета использованы картина А. М. Васнецова
«На крестце в Китай-городе» (1902) и анонимная гравюра «Карусель,
проведенная 5—7 апреля 1612 г. на Королевской площади (Париж)»*

ISBN 5-9551-0199-3

© Авторы, составители, 2007

© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Берелович А., Назаров В. Д., Уваров П. Ю. Как издавали записки капитана Маржерета	16
I. Сочинение Ж. Маржерета о России	
Текст на французском языке	42
Перевод на русском языке	113
Комментарии	187
II. Ж. Маржерет в российских и зарубежных архивах	
Ж. Маржерет в российских документах	
Тексты и примечания	265
Комментарии	340
Ж. Маржерет в зарубежных документах	
Тексты и примечания	384
Комментарии	409
III. Современники о Ж. Маржерете	
Де Ту. История своего времени. Часть вторая	420
Исаак Масса. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей	424
Конрад Буссов. Московская хроника (1584—1613)	432
IV. Статьи	
Берелович А. Капитан Маржерет во французских архивах	446
Назаров В. Д. Капитан Маржерет и Россия: Метаморфозы судьбы одного наемника	477
Список сокращений	499
Указатель географических и этнических названий	503
Именной указатель	529
Иллюстрации	551

ВВЕДЕНИЕ

Маржерет:

«Tudieu, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme ils l'appellent, est un bougre qui a du poil au cul».

Маржерет:

«Бог мой! Становится жарко! Этот дьявол Самозванец, как они его называют, бестия, которому перцу насыпали на хвост!»

А. Пушкин

«Борис Годунов»

«Состояние Российской империи», сочиненное французским капитаном-наемником, давно занимает почетное место среди ценнейших источников по истории России эпохи Смуты. Трудно сказать, что именно в тексте Маржерета притягивало и притягивает внимание многих поколений ученых и знатоков отечественного прошлого в наибольшей мере. Автор — очевидец и активный участник многих ключевых и драматических событий в жизни России 1604—1611 гг. И он же — заинтересованный наблюдатель жизни российского общества и государства, человек цепкого и многофокусного взгляда, системного мышления, лишенный, конечно же не целиком, но во многом, резко выраженных профессиональных и культурно-цивилизационных пристрастий. Его профессиональная судьба «солдата удачи» немало поспособствовала и тому, что он очутился в России, и тому, как он сумел ее увидеть и описать.

Он не был первым французом, который пытался создать и передать своим соотечественникам образ тогдашней России, но он был первым из взявшихся за перо, кто сочетал столь высокую информированность с глубоким погружением в реальную жизнь российского общества. Он настолько тесно оказался вплетенным в ткань русской истории, что вопреки требованиям транслитерации Жак Маржере так и остался в нашей традиции с произносимым финальным «т» в фамилии. Официальные документы российского происхождения XVII в. звали его Мержеретом. Но

уже в XVIII столетии спохватились: Мержерет стал привычным нам Маржеретом. Под этим именем он присутствует на страницах «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина и отчаянно ругается на равнине близ Новгорода-Северского в пушкинском «Борисе Годунове». Издание Устрялова, в которых впервые текст Маржерета был переведен на русский язык, канонически закрепило в российской историографии именно это написание родового имени.

Само сочинение Маржерета и во Франции, и в России публиковалось неоднократно. Сравнительно недавно оно было переведено на английский и испанский языки*. Оно хорошо знакомо всем исследователям российской истории XVI—XVII столетий. Какие же причины вызвали появление настоящего издания?

Предлагаемая публикация является частью российско-французского исследовательского проекта, посвященного изучению взаимосвязей России и Франции XVI—XVII вв. прежде всего в сфере личных контактов и обмена идеями. Для эпохи последней трети XVI — первой трети XVII в., времени критического как для России, так и для Франции, фигура капитана Маржерета сугубо символична. В 1600—1614 гг. он занимал, пожалуй, одну из наиболее выгодных позиций в плане обмена информацией и идеями между Россией и остальным Христианским миром Европы по степени своей информированности и вовлеченности в водоворот событий. Заметим сразу, что термин «обмен идеями» следует понимать в самом широком смысле: от бытовых контактов, связанных с профессиональной жизнью разных людей, до политических, конфессиональных и военных планов в отношении будущего государственного бытия России, почти одновременно и во множестве возникавших при дворах Рима, Речи Посполитой, Швеции и Англии.

Все сказанное объясняет наше обращение к сочинению и к личной биографии капитана Маржерета. Были и дополнительные резоны в реализации проекта именно таким образом.

Первый и, пожалуй, наиболее важный из них — сравнительное обилие синхронной документации и источников о нашем ге-

* Подробнее см. статью А. Береловича, В. Д. Назарова и П. Ю. Уварова настоящего издания.

рое. К примеру, мы не знаем ни одного документа, относящегося к биографии Конрада Буссова после его приезда в Россию и до его отъезда в конце 1611 г. Все, что нам о нем известно, извлечено из его сочинения, из русского источника «шведского» периода его жизни и двух писем, составленных им через полтора-два года после отъезда из России. Исаак Масса вообще не известен нам по российским документам до 1613 г., свое же сочинение о России он написал в Нидерландах в 1609—1610 гг., к тому же оно оставалось неопубликованным до середины XIX века. Тогда как о жизни и деятельности Маржерета (как в России, так и за ее пределами) обнаруживались и вводились в научный оборот все новые документы как в XIX, так и в XX в. Составители данного издания счастливы тем, что и им удалось пополнить репертуар свидетельств о капитане Маржерете.

Следующим аргументом в пользу выбора личности Маржерета для данного исследования явились новые подходы в компаративном изучении институтов и идей разных конфессионально-цивилизационных традиций. В этом плане качественный перевод текста сочинения Маржерета, осуществленный в 1983 г. ленинградскими исследователями, нуждался в смысловом обновлении в ряде важных пунктов. К тому же издание 1983 г. было осуществлено по экземпляру сочинения издания 1607 г., хранящегося в Российской национальной библиотеке. Но, как оказалось, лишь экземпляр Национальной библиотеки Франции содержал более десятка маргиналий на полях. При отсутствии авторской рукописи сочинения значение этих помет — авторских или же редакторских — приобретает исключительное значение. В данном томе сочинение Маржерета публикуется по Парижскому экземпляру с воспроизведением всех маргиналий.

Еще одной особенностью данного издания является публикация всего комплекса известных на сегодняшний день сведений о Маржерете. Это потребовало большой работы по выявлению всех возможных документальных и нарративных источников в российских и зарубежных архивах и библиотеках. К сожалению, не все удалось здесь сделать: в частности, составители не сумели обнаружить подлинники документов царской казны (Казенного приказа) 1610—1611 гг., которые известны по публикации середины XIX века. Надо думать, что документальные следы деятельности Маржерета могут быть еще обнаружены также в личных архивах

кн. Радзивиллов (в Польше, Белоруссии, Литве), в ряде государственных архивов Германии. Но эти документы могли бы раскрыть нам лишь заключительные страницы жизни Маржерета. Это, конечно, очень важно, но к теме «Маржерет и Россия» они вряд ли будут иметь прямое отношение.

И последнее обстоятельство. Авторы по мере своих сил постарались соответствовать главному герою своего проекта, хотя бы в объеме той информации, которую они сумели собрать и сообщить читателю в комментариях. Ведь реальное содержание сочинения Маржерета может быть понято в максимально развернутых контекстах разнообразнейших и разноплановых сведений. Все это авторы постарались отразить в своих комментариях и к сочинению Маржерета, и к документам.

Что касается воспроизведения нами издания 1607 г. по экземпляру Национальной библиотеки, то сведения об авторской и издательской правке приведены в примечаниях к французскому тексту. Мы полностью сохранили пунктуацию и орфографию первого издания. Исключение составляют лишь буквы «u» и «v», а также «s» — чье написание дается согласно общепринятым современным принципам транслитерации памятников среднефранцузского языка. В словах под титлами вставляемые буквы даны курсивом. Следует отметить, что текст авторского предисловия — «Обращения к королю» набран курсивом и представляет собой отдельную тетрадь, не входящую в общую нумерацию тетрадью книги. «Обращение» содержит буквы, не встречающиеся в основном тексте книги — «j» и «ß». Впрочем, в колонтитулах всей книги, также набранных курсивом, «Россия» пишется как «Rußie», в отличие от основного текста, употребляющего форму: «Russie». Это уточнение тем более необходимо, что при воспроизведении французского текста колонтитулы были нами опущены.

В русском переводе курсив воспроизводит шрифт оригинала. Жирный шрифт используется нами для того, чтобы выделить слова, которые Маржерет старался дать в русской транскрипции. Так, например, «les Nobles» переводятся нами как «Дворяне», а «Deuorene» как «Дворяне».

Состав второго раздела тома определялся авторами по следующим основаниям. В его первую часть — «Ж. Маржерет в российских документах. Тексты и примечания. Комментарии» были

отобраны материалы двух видов. Во-первых все материалы, прямо связанные с деятельностью Маржерета или же оценкой его деятельности российскими современниками. Во-вторых, публикуются материалы, освещающие деятельность француза де Лескера в России в 1612—1613 гг. Поводом для их включения в данный том послужило то обстоятельство, что взаимоотношения группы наемников, прибывших в Россию в навигацию 1612 г. (в этот отряд изначально входил и Маржерет) с де Лескером, почти сразу свелись к подаче доносов друг на друга (особенно в 1613 г.) с тяжкими обвинениями в шпионстве и государственной измене.

Авторы не посчитали нужным печатать соответствующие отрывки наказов российским послам во Францию (1615 г.) и некоторые другие страны с сугубо отрицательными оценками деятельности Маржерета за 1610—1611 гг. Дело в том, что они повторяют, порой лишь с сокращениями, публикуемую в настоящем издании наказную память российским послам в Англию 1613 г. (А. И. Зюзину и А. Витовтову). Всего в этот подраздел включено 18 дел и документов, причем три дела состоят из 17 грамот, так что всего печатается 32 документа.

Тексты издаются по правилам публикации документальных источников XVI—XVII веков. Буквы ъ, ѿ, Ѡ, і заменены — соответственно — на буквы «е, о, ф, и». Буква «ер» сохранена согласно написанию в источнике. Без дополнительных оговорок слова под титлом раскрываются, выносные буквы вносятся в строку, выносные согласные смягчаются в соответствии с современным произношением. Синтаксис и пунктуация — издателей. В квадратные скобки заключены утраченные к настоящему времени части документов (к счастью, незначительные по объему), восстанавливаемые по публикациям XIX — начала XX в. или же по смыслу. Отточиями отмечены утраченные части текста, не поддающиеся однозначным реконструкциям.

Входящая документация представлена приказными подлинниками, написанными в воеводских городских избах Архангельска, Вологды, Ярославля. Они не требуют дополнительных текстологических пояснений. Исходящая из центральных ведомств документация (в 1612 г. — из приказов Второго ополчения, в 1613 г. — из московских учреждений) представляет так называемые отпуски (разной степени готовности черновики). В них всегда присутствует

значительная правка текста. Составители постарались полностью учесть характер и объем данной правки, в отдельных случаях восстанавливая зачеркнутый текст (когда это было важно для уяснения смысла распоряжения). Все текстологические примечания приведены в буквенных сносках в конце легенд каждого документа. В легендах к документам приведены все необходимые сведения о месте нахождения источника, его состоянии, размерах, филигранях, а также вся дополнительная информация, которую можно извлечь из сопутствующих текстов на обороте документов. В легендах различаются пометки и пометы: к первым отнесены (согласно археографической практике) трафаретные тексты — «адреса» документов, записи об их поступлении и т. п. Пометами же обозначены тексты резолюций, резюме и т. п. К сожалению, в сохранившихся подлинниках отсутствуют печати; там, где они были, налицо лишь следы приложенных сургучных печатей. Все сведения, сообщаемые в легендах, набраны курсивом, за исключением текстов пометок и помет, разночтений и т. п. — они набраны прямым шрифтом.

В очень немногих случаях понадобилось обоснование датировки, которое приведено в комментариях. В документах и в датированных известиях в комментариях после октября 1582 г. составители и авторы приводят даты по обоим календарным стилям, причем первой дается «родная» дата, а в скобках — переводная. Соответственно, составители или прибавляли 10 суток (когда первой шла «юлианская» дата), или отнимали 10 суток (в документах, вышедших из канцелярии короля под Смоленском и т. п.). В отдельных случаях вопрос остается неясным, предположения и оценки приведены в комментариях.

Во второй части раздела — «Ж. Маржерет в зарубежных документах. Тексты и примечания. Комментарии» — приводятся материалы о Маржерете, хранящиеся в зарубежных архивах (Франции, Англии, Польши). Речь идет, прежде всего, о письмах самого Маржерета. Это два автографа (причем в одном случае сохранилась даже личная печать капитана, которой он запечатал свое письмо), а также копия его письма из Гамбурга (где он оказался вскоре после своего отъезда из осажденной Москвы в октябре 1611 г.), воспроизведенной в издании, предпринятом младшим современником Маржерета, Сэмюэлом Перчасом. Это единственный случай, когда письмо в нашем издании воспроизводится по публикации. В данном

подразделе также приводятся два письма, упоминающие о капитане Маржерете (они впервые вводятся в научный оборот). И, наконец, — любопытный проект военной экспедиции на русский Север, представленный в 1613 г. на имя английского короля Якова I и написанный по-французски. С высочайшей долей вероятности можно заключить, что этот текст написан рукой Маржерета. Несмотря на то, что письма Маржерета ранее переводились на русский язык, пришлось проделать эту работу заново, прежние варианты перевода содержали серьезные лакуны и неточности.

При воспроизведении оригинальных текстов в данном издании орфография и пунктуация оставлены без изменения. В словах под титлами вставляемые буквы даны курсивом.

Очевиден отбор текстов современников о капитане Маржерете. К. Буссов и И. Масса (особенно — первый) активно общались с нашим героем в Москве и в России в 1600—1606 гг. Буссов явно продолжил знакомство в начале 1611 г. Почти наверняка они и уехали из Москвы в одной группе наемников в октябре 1611 г. Показательно, что, не стовариваясь, молодой голландский купеческий приказчик И. Масса и К. Буссов, немец-наемник более низкого служебного ранга, чем Маржерет, вспомнили о нем в своих сочинениях, написанных в разное время и в разных местах. Это объективно подчеркивает реальное значение Маржерета в российской жизни в указанное время. Другое дело — французский историк и дипломат Ж. О. де Ту. У него были разнообразны источники сведений о России, но одним из самых ценных стал текст самого Маржерета и, как написано в его книге, личная беседа с капитаном. Через книгу де Ту (точнее — через ее посмертное издание, вышедшее с предисловием знакомого Маржерету К. Лингельсхайма) европейский читатель познакомился с именем Маржерета, а отчасти и с его личностью. Свидетельства современников приводятся по лучшим изданиям.

Четвертый раздел составлен из статей, посвященных наименее изученной проблеме (происхождению Маржерета, роли его рода во Франции XVI—XVII вв.), а также разным аспектам темы «Капитан Маржерет и Россия» в начале XVII в.. Историю публикаций сочинения Маржерета в разных историографических и археографических традициях (французской, российской и др.) раскрывает статья трех авторов (она предшествует в нашем томе тексту издания 1607 г.)

Работа авторского коллектива на различных этапах реализации проекта осуществлялась разными лицами.

Подготовка французского текста книги Маржерета (транскрипция и набор) осуществлены П. Ю. Уваровым. Перевод его на русский язык осуществлен П. Ю. Уваровым при участии А. Береловича.

Комментарии к сочинению Маржерета написаны А. Береловичем (в комментариях — А. Б.), В. Д. Назаровым (В. Н.), В. Р. Новоселовым (В. Р. Н.), П. Ю. Уваровым (П. У.)

Первая часть второго раздела в настоящем виде подготовлена Т. А. Лаптевой и В. Д. Назаровым. На начальном этапе реализации проекта первичное выявление материалов в фонде «Сношения с Англией» и в фонде «Дела о выезде иностранцев», их первое копирование было произведено Т. Н. Алексинской. Окончательная подготовка текста к публикации с проведением всей необходимой текстологической работы была осуществлена Т. А. Лаптевой, за исключением документа № 12, выявленного и подготовленного к печати В. Д. Назаровым в отделе рукописей РНБ. Археографическая обработка (заголовки, легенды и др.), датировка документов (при необходимости) были проведены В. Д. Назаровым и Т. А. Лаптевой. Подлинник послания барона фон Флдрофа к царю Михаилу Федоровичу Романову на немецком языке был прочитан и транскрибирован В. Н. Маловым, перевод немецкого текста на русский язык был осуществлен М. А. Бойцовым.

Авторы выражают искреннюю признательность и благодарность Е. В. Калмыковой, взявшей на себя труд перевести английский текст письма Дж. Меррика на русский язык. Комментарии к документам написаны В. Д. Назаровым.

Вторая часть второго раздела издания включает пять документов из архивов Варшавы, Лондона, Парижа. Письмо Маржерета к Джону Меррику публикуется по изданию Перчеса 1625 г. Английский текст подготовлен к печати и переведен на русский язык П. Ю. Уваровым. Документы № 2—5 были ксерокопированы в Государственном архиве Англии и в Национальной библиотеке Франции по инициативе А. и В. Береловичей. Тексты этих документов на английском и французском языках были подготовлены к печати и переведены на русский язык П. Ю. Уваровым при участии А. Береловича. Археографическая обработка документов, включая заголовки, легенды и необходимые примечания, произведены П. Ю. Уваровым

и В. Д. Назаровым. Честь обнаружения документа № 6 принадлежит О. И. Дзярновичу. Он подготовил немецкий текст документа к печати, перевел его на русский язык. Ему же принадлежат и археографическая обработка документа, палеографические, лингвистические и содержательные комментарии (О. Д.). Комментарии к документам № 1—5 написаны П. Ю. Уваровым, В. Д. Назаровым. Датировка документа № 2 дана В. Д. Назаровым.

Тексты третьего раздела подготовлены к печати В. Д. Назаровым (Буссов, Масса) и П. Ю. Уваровым (де Ту), ими же составлены краткие биографические справки.

Авторы и редакторы считают своим обязательным и очень приятным долгом выразить большую благодарность всем коллегам, способствовавшим рождению и осуществлению этого проекта.

Особые слова благодарности и признательности за ценные советы и постоянную помощь в работе авторы и редакторы выражают А. И. Алексею, А. В. Антонову, В. Береловичу (Париж—Женева), Т. П. Гусаровой, Б. Н. Морозову, Е. Л. Назаровой, С. П. Орленко, А. П. Павлову, О. В. Скобелкину, чл.-корр. РАН Б. Н. Флоре, А. Л. Хорошкевич, Ю. М. Эскину.

Редакторы

А. Берелович, В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров

Берелович А., Назаров В. Д., Уваров П. Ю.

КАК ИЗДАВАЛИ ЗАПИСКИ КАПИТАНА МАРЖЕРЕТА

Французские издания сочинения Маржерета

Капитан находился в Архангельске еще 14 сентября 1606 г., королевская же привилегия на издание «*Состояния Российской империи*»¹ была выдана издателю-книгопродавцу² Матьё Гиймо (Mathieu Guillemot) 2 марта 1607 г.³ Если вычесть несколько недель, затраченных на путешествие, и еще несколько недель, чтобы обзавестись помещением, получить аудиенцию у короля, найти издателя, испросить и получить привилегию на издание книги, то остается чрезвычайно мало времени на ее написание. Тем более, что обычно для получения привилегии надо было представить уже готовую рукопись. Вот почему естественно предположить, что Маржерет в основном подготовил текст еще до возвращения во Францию. Вполне связное и систематическое изложение русских порядков и обычаев как будто не согласуется с короткими сроками его пребывания в Париже в 1606—1607 гг. За это время он мог наскоро дописать сочинение, рассказав о последних происшествиях в России, прибавив злободневные заметки, «обращение к королю» и предуведомление к читателю⁴. Версия «Вступления», согласно которой «*Состояние Российской империи*» было написано по приказу Генриха IV, в таком случае была бы не совсем неправдой, но приукрашенной, по очевидным мотивам, картиной действительности. Правда, энергия и расторопность Маржерета могли проявиться и в области литературы.

Посвящение книги королю, одобрительное отношение Генриха IV к сочинению Маржерета помогли ли автору найти издателя за такой короткий срок? Ответить на этот вопрос, увы, невозможно. Частный архив Матьё Гиймо, если он вообще существовал, пропал бесследно. Поиски в парижском нотариальном архиве⁵ не позволили также обнаружить договора между автором и издателем, хотя некоторые частные акты подобного типа, немно-

гим более поздние, сохранились⁶. Зато издательская деятельность Гиймо довольно хорошо известна. Она дает право предполагать, что их встреча с Маржеретом вряд ли была случайной. Кем был первый издатель сочинения капитана-наемника?

Матьё Гиймо I⁷ был принят в корпорацию парижских книгопродавцев в 1584 г. Его лавка под вывеской золотой лилии тогда находилась на улице Сен-Жак. В 1585 г. он перенес ее во Дворец Правосудия, «в галерею, что ведет в канцелярию»⁸, — это тот самый адрес, который указан на титульном листе *«Состояния Российской империи»*. Однако парижские беспорядки, связанные с Лигой, цензура, осуществляемая над печатью ультра-католиками, но главным образом переезд парламента в город Тур принудили Гиймо перебраться туда же в 1591 г. Находясь, как и его собратья в изгнании, в трудном материальном положении, он, вместе с шестью другими книгопродавцами-издателями, образовал товарищество, учредительный договор которого сохранился⁹. Один из шести паев получил Гиймо пополам с Себастьяном дю Муленом. Оба совместно издавали свои книги с 1592 по 1594 г.

В 1595 г. Гиймо очевидно вернулся в столицу: он единственный издатель *«Освобожденного Иерусалима»* Торквато Тассо, переведенного на французский язык, книга же опубликована в Париже. Лавка его все еще находилась во Дворце Правосудия, но он с семьей переселился и снял дом на улице де Нуайе¹⁰, причем договор упоминает «лавку под вывеской золотого креста»¹¹. Не совсем ясно, имел ли Гиймо две лавки, одну при Дворце Правосудия, другую в Латинском квартале (в доме, где он жил), или же жил он на улице де Нуайе, а работал при Дворце. Вопрос о местонахождении далеко не безразличен, если принять во внимание географию парижского издательства на рубеже двух веков.

В Париже было два центра книжной торговли, оба — вблизи потенциальных покупателей. Большинство парижан жили и работали в крохотном Латинском квартале, между Сенной и холмом Сент-Женевьев, т. е. на территории, находившейся под покровительством и надзором Университета. Лавки и печатные цеха располагались или на улице Сен-Жак, или на самом холме. Эта улица — наиболее древний очаг книжного дела, где продолжались традиции писцов Средневековья. Там печатались, главным образом на латыни, учебники, богословские труды, сочинения

латинских классиков, изучаемые в Сорбонне¹². Однако начиная с XV века появились книжные лавки и во Дворце Правосудия, в галерее, где уже существовали модные и галантерейные магазины, предназначенные для богатой и элегантной публики. Судейские могли купить здесь юридические трактаты и справочники, а публика, посещающая Дворец, находила здесь произведения изящной литературы на французском языке: сборники стихов, романы и переводы аналогичных произведений с итальянского и с испанского. Таким образом, книгопродавцы при Дворце оказались в водовороте светской и интеллектуальной жизни, где возникала, порой недолговременная, литературная слава. Именно к этой группе наиболее модных издателей и принадлежал Матьё Гиймо¹³.

Правда, не все его книги были рассчитаны на светского читателя. Еще в Туре он опубликовал по крайней мере два юридических справочника, вероятно, рассчитанных на прибывших в изгнание парижских парламентариев¹⁴, а также, безусловно, изданное по заказу властей *«Обращение господина де ла Шатр, маршала Франции, к жителям Орлеана ... 17 февраля 1594 г., дабы их привести к признанию Короля»*¹⁵. Этого факта, конечно, недостаточно для выводов о взглядах и политической позиции Гиймо. Однако гипотеза о том, что этот издатель был активным приверженцем Генриха IV, представляется вероятной.

Другие сочинения могут быть причислены к серьезной или поучительной литературе: история и путешествия (о них речь впереди), классики древности (*«История»* Диодора Сицилийского, 1585), военное искусство (*«Две книги о военной дисциплине и о ведении войны»*, 1587, перевод трактата венецианца Франческо Ферретти), философия (*«Трактат о постоянстве»* Юста Липсия, 1594¹⁶).

Уже после смерти Гиймо (он скончался в 1610 г., до 5 мая) его вдова осуществила богато иллюстрированные издания, задуманные ее мужем: *«Пятнадцать разговоров о метаморфозах Овидия»* (1612), *«Картины плоской живописи»* [иначе говоря, портреты] обоих Филостратов¹⁷ (1614). В этих публикациях отразилась другая сторона издательской деятельности Гиймо. Учитывая вкусы богатой, образованной, но не ученой публики, он выпускал то роскошные книги, украшенные гравюрами модных художников, то более де-

шевые французские и переводные издания. К первой категории относятся переиздания «Сновидений Полифила» Франческо Колонна (1601, самая известная иллюстрированная книга XVI в.) и уже упомянутые «Картины плоской живописи» (также очень популярное в начале XVII столетия иллюстрированное издание).

подавляющее большинство изданий Гиймо относится, естественно, ко второй категории. Тут и повести: «Новые истории, трагические или же комические»; «Жалостная история принца Эраста»; «Любовные страсти Эзионы» Бероальда де Вервиля, произведениям которого посвящена значительная часть каталога Матьё Гиймо¹⁸. Тут и пасторали, очень модные в начале XVII в.¹⁹: в 1592 г. Гиймо напечатал «Вторую книгу пастушеских стихотворений Жюльетты», сочинение Никола де Монтрё, автора «Турецкой войны». К концу века пасторали выходят в свет чуть ли не ежегодно: «Целомудренная любовь Элен де Март»; «Любовное раскаяние Иеромена, пастораль»; «Любовные страсти Аминтиса»; «Миртиль, пастушеское стихотворение, переложенное на французский» Г. де Базира; «Любовное пренебрежение, пастораль»²⁰. Увлечение итальянской, а с начала века и испанской литературой, объясняет обилие переводов и даже учебных пособий: в 1596 г. Гиймо выпускает самоучитель испанского языка, в 1604 г. испанский словарь Палле²¹. В 1609 г. повести Боккаччо и комедию Грото, в 1610 г. «Часы досуга» Гвиччардини напечатаны «по итальянски и по-французски, чтоб научиться обоим языкам»²².

Однако главная заслуга Матьё Гиймо перед французской литературой — издания современной французской поэзии, благодаря которым он и стал известным. Некоторых поэтов он печатает отдельно (Боннефон, дю Фор де Пибрак, де Валагр, упомянутые Вервиль и Базир²³), но предпочитает антологии, составленные им самим («Французские музы, собранные с разных сторон», 1599; «Парнасс самых отличных поэтов сего времени», 2 т., 1607; «Новый Парнасс», 1609) или другими («Собрание муз» Деспинеля и «Цветы красноречия» де Рю, 1603²⁴).

Почему же модный издатель, знаток поэзии и «изящной словесности», решил печатать «Состояние Российской империи»? Чтоб ответить на этот вопрос, нужно снова обратиться к списку сочинений, выпущенных Гиймо. В 1605 г. вышла «История Франции и достопамятных событий, происшедших в иностранных обла-

стях за семь мирных годов царствования Генриха IV», автором которой был Пьер Матьё, официальный королевский историограф, в 1607 г. — «История Тамерлана», автор Жан дю Бек²⁵. Позже появляется «История и хроника христианнейшего короля Людовика IX» Жуанвиля. В посмертной описи имущества Гиймо 1610 г. находились гравировальные доски к книге Никола де Николаи «Плавания, странствия и путешествия по Турции»²⁶.

Книга Маржерета, таким образом, не была единичной в издательской деятельности Матьё Гиймо. Она откликнулась и на интерес французской публики к истории, и на увлечение ее экзотикой и соответствовала личным пристрастиям книгопродавца. А поскольку капитан описывал с достоверностью очевидца прогремевшую по всей Европе историю Лжедмитрия²⁷, вплетался еще третий, быть может, решающий, элемент — злободневность. Протекция короля в такой ситуации, видимо, не была абсолютно необходимой.

Книга появилась в маленьком формате (в осьмушку) с типографской маркой — отличительным знаком издателя. В ней отсутствовали ангелочки и рога изобилия, которые видны на экземплярах более крупного формата, например «Истории» Диодора Сицилийского. Остался медальон: обрамленный лавровыми листьями (которые, как известно, символизировали славу), он представляет розовый куст, окруженный ростками чеснока. Вокруг лаврового венка извивается лента с латинской надписью «PER OPPOSITA» («Чрез противоположности») ²⁸. Жан Ла Кай, сам потомственный издатель, написавший в 1689 г. «Историю типографии и книжной торговли», так истолковывает смысл эмблемы: «[От чеснока] запах роз становится сильнее»²⁹. У корня розового куста — монограмма, где можно, не без труда, разобрать буквы M. GVILLEMOT. Кроме художественного и морального удовлетворения (французы XVI—XVII вв. страстно любили гербы и эмблемы), медальон и монограмма имели еще и практическую цель: осложнить возможность контрафактных изданий.

Какой был успех у книги — неизвестно. Впрочем, авторы, занимавшиеся описанием хитросплетений европейской политики кануна Тридцатилетней войны, по достоинству оценили информированность капитана Маржерета. Опубликованный парижским книгопродавцем Жаном Рише в 1611 г. первый том «Французского Меркурия», впоследствии ставшего первым фран-

цузским периодическим изданием, упоминает о книге Маржерета и заимствует из нее некоторые из пассажей, в частности — разъяснения по поводу терминов «Русь» и «Московия», рассказ об обстоятельствах убийства Димитрия. Маржерет оказывается важным информатором и для историка Жака-Огюста де Ту, который, описывая события в Московии, ссылался как на личную беседу с капитаном, так и на его книгу (подробнее см. раздел III настоящего издания). Учитывая немалую популярность «Меркурия» у французской образованной публики, а «Истории» де Ту, написанной по-латыни, — у европейской «республики ученых», можно утверждать, что Маржерет и его книга не были полностью забыты. Когда в Париж 1 сентября (21 августа) 1668 г. прибыл царский посланник, стольник Петр Иванович Потемкин, это событие снова возбудило интерес к описанию России³⁰. Издатель Жак Ланглуа-сын³¹ стал разыскивать экземпляр «Состояния Российской империи» для перепечатки с тем, чтобы удовлетворить возникшие запросы французской публики. Книга издания 1607 г. имела «столь хороший сбыт», гласит привилегия 23 сентября 1668 г. (н. с.), «что не нашлось ее ни у наследников вышеупомянутого Гиймо, ни у каких-либо других книготорговцев». Причем книгу, кроме Ланглуа, искали «еще несколько особ, любопытствующих познать вышеупомянутое Великое Герцогство Московское». Итак, шестьдесят лет спустя первое издание сочинения Маржерета оказалось распроданным. Конечно, не зная ни тиража первого издания, ни того, когда был продан последний экземпляр, трудно прийти к каким-то определенным заключениям относительно популярности книги.

Вместе с тем, проблема распространения сочинения французского капитана исключительно интересна. Возможно, здесь могут помочь посмертные описи частных библиотек. Разумеется, никто или почти никто своей библиотеки подряд не читает, но тем не менее наличие «Состояния Российской империи» у дипломата, полководца или чиновника было бы весьма показательным. Увы, розыски в этой сфере пока ограничиваются главным образом описями последней трети XVII — XVIII столетия, предпринятых к тому же с иными целями³². Каталоги публичных продаж частных книжных собраний, хранящиеся в парижской Национальной библиотеке под шифром «Δ» и «Q», также не охватывают первой

половины XVII в. Другой, косвенный (и, стало быть, менее надежный), подход — обращение к современным библиографиям, в первую очередь к Георгу Драуту (лат. Draudius), труд которого до середины XIX века служил главным источником для библиографических сведений³³. Он в 1611 г. выпустил в свет «*Классическую библиотеку*», справочник о фундаментальных трудах во всех отраслях науки. Почти в конце раздела «географических и политических трудов» он перечисляет «*Moscovitica*»: Одерборн, Бреденбах, Иоган Фабер, Александр Гванини, Гейденштейн, Герберштейн, Павел Иовий Новокомский, Поссевино, Броневский. Маржерет отсутствует³⁴. В «*Экзотической библиотеке*»³⁵ фигурирует известная «*Легенда о жизни и смерти Дмитрия, великого герцога Московского*», изданная в Амстердаме в 1606 г.³⁶ Книга Маржерета и тут не упоминается.

Хотя выявить читателей «*Состояния Российской империи*» пока не представляется возможным, мотивы и обстоятельства второго издания книги в 1669 г. могут быть прояснены³⁷. Сопоставим данные, извлеченные из привилегии 23 сентября 1668 г., с наблюдениями над опечатками первого издания и их исправлениями во втором. Привилегия сообщает, что Жак Ланглуа младший, не раздобыв экземпляра книги у своих коллег-книготорговцев, получил, по его словам, от «господина Маржерета, члена наших [королевских] советов и главного аудиенциария Франции, внучатого племянника вышеупомянутого капитана, единственный экземпляр сказанной книги, оставшийся в семье, дабы ее перепечатать, с условием никоим образом ее не изменять». Этим объясняется почти буквальное воспроизведение текста 1607 г. в издании 1669 г., включая опечатки первого издания и шероховатости речи автора. Истекшие между двумя изданиями шестьдесят лет прошли во Франции под знаком классицизма, значительно ужесточившего требования к языку и стилю. Поэтому издатель вынужден «оправдываться»: «Получив позволение перепечатать [книгу] только с условием ничего не изменять», пишет Жак Ланглуа в «*Обращении к читателю*», «приходится покорно просить тех, кто ценят одну лишь учтивость речи, припомнить, что автор был военным и что в его время [французы] говорили ничуть не лучше».

Другие неисправности могли проистекать от недостаточного знания Маржеретом русского языка. Лингвист Дин Уорт посвятил

этому вопросу небольшое исследование. Он убедительно доказал, что автор сочинения учился русскому языку на слух: его передача русских слов зависит от ударения. Но в целом ученый слишком суров к Маржерету, а порой ошибается и сам: «Prave» он понимает как искаженное «управа», тогда как речь идет о правеже³⁸. Не учитывает Уорт и другого обстоятельства — небрежности типографа, который несет главную ответственность за погрешности в работе с авторской рукописью. Поскольку последняя нам недоступна, судить можно только о правописании французских слов. В этом отношении допущены грубые ошибки: «servide» вместо «service», «poser» вместо «noter», «Po-Pologne» и т. д. Сохранившиеся и доступные экземпляры книги 1607 г.³⁹ содержат на последней странице список шести замеченных опечаток («Errata»). Все они аккуратно отмечены пером на соответствующих страницах экземпляра Национальной библиотеки. Кроме того, восемнадцать поправок внесены тем же легко читаемым почерком XVII века в разных местах печатного текста⁴⁰. Вместе с тем, не обнаружено ни одной рукописной пометки на страницах экземпляров библиотеки Сен-Женевьев и Арсенала (если не считать надписей о включении книги в библиотечный фонд)⁴¹.

Из шести опечаток, перечисленных в «Errata», пять исправлены в издании 1669 г., оказалась неучтенной одна, но весьма важная: покупная цена дуката определена «по шестнадцати алтын и по два рубля», тогда как правильно: «по полрубля». Из восемнадцати дополнительных рукописных поправок восемь были учтены типографом. Все они относятся к орфографическим или грамматическим ошибкам. Единственное исключение — была учтена очень важная смысловая поправка, когда ошибочное «среди 500 сотен» (500.cens) исправлено на верное «среди пятисот». Многие орфографические правки были сделаны вне зависимости ни от «Errata», ни от маргиналий и исправлений экземпляра издания 1607 г., хранящегося в Национальной библиотеке⁴². Поскольку десять неучтенных во втором издании рукописных поправок носят смысловой или стилистический характер, нельзя сказать с полной уверенностью, что именно этот экземпляр послужил протографом для издания Ланглуа в 1669 г. Тем не менее нельзя исключить гипотезы, что именно данный экземпляр принадлежал до 1668—69 гг. главному аудиенциарию Пьеру III

Маржерету⁴³ и был им предоставлен Ж. Ланглуа, а затем попал в Королевскую (Национальную) библиотеку.

Интерес к сочинению Маржерета возродился в начале XIX в. Очевидные политические международные стимулы — ведущая роль Российского императора Александра I в государственном обустройстве Европы после наполеоновских войн — побуждали французскую публику вновь обратиться к истории Российской империи. На этот общественный запрос откликнулся известный востоковед Юлиус Клапрот (Julius Klaproth, 1783—1835), обосновавшийся в Париже в 1815 г., который опубликовал в 1821 г. третье издание «Состояния Российской империи»⁴⁴. Родившийся в Берлине, сын знаменитого химика Мартина Генриха Клапрота, он долгое время был сотрудником Российской Академии наук в Санкт-Петербурге. Он интересовался русской историей и по специальности, и в силу своего продолжительного пребывания в стране. Посмертный каталог его библиотеки, опубликованный в 1839 г., содержит целый раздел, посвященный Восточной Европе, включая Турцию, Финляндию и азиатскую территорию Российской империи⁴⁵. Непосредственно после сочинений Герберштейна идут четыре экземпляра «Состояния Российской империи»: издания 1607 г. (№ 1436), 1669 г. (№ 1437) и два экземпляра его собственного издания 1821 г. (№ 1438—1439); № 1440 — известие, переведенное с итальянского и напечатанное в Лисабоне, о чудесном завоевании отцовского царства Дмитрием, великим князем Московским⁴⁶.

Поскольку Клапрот буквально, без комментария, воспроизводит ему принадлежащее издание 1669 г., его вклад в изучение книги капитана можно считать весьма скромным. В длительной перспективе, благодаря ему, другим филологам, коллекционерам и библиофилам, Маржерета не совсем забыли во Франции — в этом, наверное, главное значение издания Клапрота. Шарль Брюнэ (Brunet), в пятом издании своего знаменитого «Руководства для книготорговца и книжного любителя», оспаривает утверждение Пьера Жане (Jannet) о том, что «не сыщется во Франции и двух экземпляров» «Состояния Российской империи» в издании 1607 г.⁴⁷ Он называет, кроме каталога дю Рура, в котором как раз появилось спорное мнение Жане, четыре списка, где упоминается сочинение Маржерета. В хронологическом порядке: у маршала д'Эстрэ, чья

библиотека была описана в 1740 г., было два экземпляра издания 1607 г.⁴⁸; у К. Фальконе⁴⁹ и у маркиза де Куртанво было по экземпляру 1607 г. и 1669 г.⁵⁰ Библиотека Клапрота уже известна. Маркиз дю Рур имел всего-навсего один экземпляр Маржерета, да и то лишь в издании 1669 г.⁵¹

Но коллекционеры, как правило, мало интересуются содержанием собираемых ими книг. Понадобилось еще одно поколение, чтобы охота за редкой книгой превратилась в настоящую исследовательскую работу. Анри Шеврёль (1819—1889), как и Клапрот, был сыном знаменитого химика, Мишеля Эжена Шеврёля. А. Шеврёль жил в Дижоне и активно занимался историей XVI в., главным образом — местной. Он издал множество трактатов об охоте и сборник документов о гражданских войнах конца XVI в. в Бургундии⁵². За заслуги в области краеведения он был избран председателем дижонской Академии Наук, Искусств и Изящной Литературы (1876—1877). Интерес к Маржерету, бургундцу по происхождению, был вполне естественным, и побудил его дать новое и более научное издание сочинения капитана⁵³. Не исключено, что тут подействовало (по крайней мере на издателя Потъэ) еще одно обстоятельство: Крымская война 1853—1856 гг. вновь возбудила большой общественный интерес к России.

Недостатки издания Шеврёля очевидны. Он почему-то не поместил, как, впрочем, и Ланглуа, интереснейшее «Предупреждение читателю» 1607 г. Он отнесся некритически к краткой автобиографии Маржерета, изложенной в его «Обращении к королю». Странно, что Шеврёль не попытался изучить участие Маржерета в хорошо ему знакомых религиозных войнах в Бургундии. Однако нельзя отказать Шеврёлю в несомненных заслугах. Он в основном воспроизвел текст 1607 г., исправив его опечатки, а также присовокупил привилегию 1668 г. Ж. Ланглуа и обращение издателя к читателю в издании 1669 г. Он, таким образом, расширил круг доступной для читателя информации об издательской судьбе сочинения Маржерета в XVII в.⁵⁴ Шеврёль впервые снабдил издание книги Маржерета его биографией и словарем русских терминов, восстановленных трудами Проспера Мериме (сам Шеврёль, очевидно, русского языка не знал)⁵⁵. Что самое главное, он ввел, или вернул, сочинения Маржерета в актуальный научный оборот.

Для наглядности приводим таблицу содержания четырех французских изданий Маржерета XVII—XIX вв.

**Состав изданий сочинения Маржерета
1607, 1669, 1855 и 1860 гг.**

	издания			
	1607	1669	1855	1860
Привилегия 2 марта 1607 (выдержки)	Нн. (1 ст.)	—	—	—
Au Roy (Королю)	A ii— A iii об.	A iii— IX	XXV— XXVIII	XXIX— XXXII
Avertissement au lecteur (Предупреждение читателю)	Нн. (2 ст.)	—	—	—
Estat de l'Empire (Состояние Российской империи)	Л. 1— 54 об.	1—175	1—106	1—118
Errata (Список опечаток)	Нн. (1 ст.)	—	—	—
Привилегия 23 сентября 1668 г.	—	Нн. (5 ст.)	Нн.	125—127
Notice [известие Шеврёля о Маржерете и о его книге]	—	—	III—XXI	I—XVIII
L'imprimeur au lecteur (Издатель — читателю)	—	A ii— A ii об.	XXIII— XXIV	XXVII— XXVIII
Rectification des mots russes [исправление русских слов]	—	—	107—113	119—124
Два письма Маржерета	—	—	—	XIX— XXVI

нн.: страницы не нумерованы

Ничего существенного за полтора века к его трудам не было прибавлено. Издание 1946 г. еще раз повторило публикацию Шеврёля⁵⁶, добавив лишь маржеретово «Предупреждение к читателю». Это переиздание явно вписывалось в общественную атмосферу мощного русофильства, преобладавшего тогда во Франции в связи с ролью Советского Союза в разгроме нацистской Германии.

Известный ученый-востоковед Александр Беннигсен предпринял новое издание сочинения Маржерета в 1983 г.⁵⁷, снабдив его броским заголовком «Мушкетер в Москве». Модернизация текста и бегло написанное введение сделали «Состояние Российской империи» доступным широкой публике. Но в рамках популярной коллекции было немыслимо искать ответ на многие нерешенные проблемы, связанные с биографией капитана, с историей его книги и с кругом его читателей. Впрочем, свою роль в популяризации личности капитана-наемника издание Беннигсена сыграло⁵⁸.

Издания сочинения Маржерета за пределами Франции

Очевидно, что наибольший интерес к книге Маржерета был проявлен в России. Фигура капитана-наемника слишком хорошо была известна в России первой четверти XVII в. Постоянный интерес к событиям Смутного времени стал основанием для раннего знакомства с текстом французского автора. В ученой среде он стал известен задолго до перевода его книги на русский язык. Уже В. Н. Татищев, составляя свои замечания к книге Ф. И. Страленберга «Север и Восточная часть Европы и Азии»⁵⁹, обращался к текстам Маржерета и Петрея при истолковании событий, связанных с воцарением Василия Ивановича Шуйского⁶⁰. Пользовался он, скорее всего, изданием 1669 г., но ниоткуда не видно, что его специально интересовали судьбы сочинения Маржерета или же его биография (показательно, что Татищев именует его польским капитаном)⁶¹. Постоянное внимание отечественных исследователей и просто любителей истории фигура французского капитана стала привлекать с выходом в свет заключительных глав «Истории Российской» Н. М. Карамзина. Оттуда он и перекочевал, к примеру, в число действующих лиц пушкинского «Бориса Годунова». Растущий запрос на тексты описания России иностранными авторами, прежде всего — участниками или очевидцами событий Смутного времени, со стороны ученой среды и просто образованного общества был удовлетворен усилиями Н. Г. Устрялова. Выпускник Санкт-Петербургского университета, он посвятил первый этап своей ученой деятельности подбору текстов, их переводам и комментированию записок иностранцев о русской Смуте.

Эти занятия стали фундаментом его последующих разысканий (не касаемся здесь содержания и роли его широко известных учебников) и обеспечили ему быстрый карьерный рост. Уже в 29 лет он стал профессором Университета. А через три года его избрали действительным членом Петербургской Академии. Маржерет явно «поспособствовал» этим успехам. В 1830 г. почти параллельно в Петербурге и Москве появляются два издания его книги. Полный текст перевода с французского с предисловием и комментариями (и перевод, и авторские разделы были выполнены Устряловым) вышел в свет в Петербурге в типографии Главного управления путей сообщения⁶². Сокращенный вариант этой же публикации и под измененным названием был издан в Москве Лазаревским Институтом восточных языков⁶³ (интерес этого заведения к тексту Маржерета вполне оправдан).

Успех предприятия был очевидным, и уже вскоре последовали новые переиздания. В них, однако, книга Маржерета стала необходимой частью целого корпуса иностранных сочинений о Смуте, авторы которых принадлежали по преимуществу к числу ее участников и лишь в отдельных случаях — к числу ее внимательных наблюдателей. Устрялов дал серии общее название: «Сказание современников о Дмитрие Самозванце». Первое ее издание в пяти томах увидело свет в 1831—1834 гг., причем книга Маржерета, наряду с разделом сочинения де Ту, составила третий том публикации (СПб., 1832). За вычетом неизбежных поправок, были воспроизведены перевод и тексты издания 1830 г. Вскоре появилось и второе издание серии: третий том с текстами Маржерета и де Ту вышел в свет всего лишь через пять лет, в 1837 г. Наконец, в 1859 г. Н. Г. Устрялов предпринял уже третью публикацию серии в целом. Он объединил сочинения издаваемых авторов в два тома. Причем в первый, помимо сочинений Маржерета и де Ту, вошли записки М. Бера и Г. Паерле⁶⁴. В переводы были внесены исправления, комментарии были уточнены и несколько расширены (особенно за счет источников).

Несомненно, что в руках Н. Г. Устрялова было французское издание 1669 г., хотя трудно сказать, пользовался ли он при переводе именно экземпляром из тиража Ж. Ланглуа или экземпляром, опубликованным в 1821 г. В любом случае, к моменту третьего переиздания он знал и высоко ценил публикацию книги

Маржерета М. Шеврёля 1855 г. за ее близость к первоизданию 1607 г.⁶⁵ В примечаниях он поместил два текста 1612 г., освещающие важные моменты биографии Маржерета: его январское письмо Джону Мерику из Гамбурга и августовскую ответную грамоту предводителей Второго ополчения группе наемников, предложивших свои услуги⁶⁶.

Не беремся оценивать качество перевода Устрялова в контексте культуры научных переводов его времени. Как бы то ни было, на сто с лишним лет Маржерет «в редакции Устрялова» стал обязательным источником для всех исследователей, обращавшихся к истории России XVI—XVII вв. **Только устряловский текст** переиздавался (как правило частично) в самых разных учебных популярных публикациях. Полная публикация такого рода была осуществлена в 1913 г.⁶⁷

Но с точки зрения требований, сформулированных в отечественной науке в 1930—1960-е годы, издания Устрялова уже считались неудовлетворительными. Это относится и к культуре археографической подготовки, и к полноте и точности перевода. Текстовые сокращения (а они у Устрялова встречаются) никак не могут быть оправданы, равно как содержательные ошибки и неотмеченные пропуски в переводе. В последнем случае стало широко известным устряловское искажение описания Маржеретом характера выборного Земского Собора 1598 г.: новое обращение к французскому тексту позволило советским и американским ученым почти синхронно указать на эту ошибку, принципиально меняющую оценку Маржеретом высшего сословно-представительного института в России⁶⁸.

Издание английского перевода книги Маржерета американским профессором Честером Даннингом, несомненно, заслуживает положительной оценки. Он предпринял свою публикацию на основе экземпляра издания 1607 г., хранящегося в Гарварде⁶⁹. Ч. Даннинг изучил еще ряд экземпляров первого и второго изданий Маржерета, имеющих в американских библиотеках, а также в Британской библиотеке и в парижской Национальной библиотеке, знаком ему и петербургский экземпляр.

К сожалению, отсутствие французского текста в этой публикации не дает возможности понять, в какой мере автор учел те поправки, которые содержались в издании 1607 г. в «Errata» и в рукописных пометах экземпляра Национальной библиотеки. Принципы

перевода на английский язык не были сформулированы эксплицитно. Однако перевод осуществлен тщательно, с привлечением всех доступных словарей французского языка XVI—XVII вв. и с солидной проработкой терминологического аппарата. Издание снабжено обширными комментариями и может быть включено в своеобразный «конвой». В 1980—90-е годы Ч. Даннинг издал серию статей и публикаций, заметно расширяющих наши знания о Маржерете и о тех событиях, которые были прямо или косвенно с ним связаны.

Осуществленная в 1982 г. ленинградскими учеными Ю. А. Лимоновым и Т. И. Шаскольской публикация книги французского капитана вполне соответствует современным археографическим подходам к изданиям иноязычных авторов далеких эпох. Текст Маржерета представлен французским изданием 1607 г. (по экземпляру Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге), с учетом «Errata» к этой книге. Авторы воспроизвели «Обращение к читателю», опущенное Шеврёлем. Перепечатка французского текста предваряет русский перевод, выполненный под редакцией Н. В. Ревуненковой и отрецензированный В. И. Райцесом — известными медиевистами ленинградской школы. Текст снабжен небольшими комментариями, в основном историко-биографического и — реже — смыслового характера. В предисловии исследователей восстанавливается жизненный путь Маржерета, вносятся определенные уточнения в традиционные представления. Так, например, справедливо берется под сомнение устряловская характеристика Маржерета как католика, поскольку отдельные пассажи в тексте указывают, по меньшей мере, на симпатии капитана к протестантизму.

Пожалуй, главным недостатком этой публикации является ее малый тираж и ротапринтная форма издания. Что же касается перевода, то авторы пытались максимально облегчить русскому читателю восприятие текста сочинения французского капитана. Для этого они, следуя традиции, стремились передать французские обозначения тех или иных институтов с использованием русских терминов. Там, где Маржерет говорит о «Совете» (Conseil) — переводится «Дума», о герцогстве (Duché) — «княжество» и т. д. Но Маржерету вполне знакомы слова «князь» и «дума», и иногда он транслитерирует французские слова русскими буквами. Таким образом, Россия для французского читателя представлялась в этом трактате как страна довольно экзотическая, но все же принципиально сопоста-

вмая с французскими реалиями. Это не всегда удавалось передать в публикации Лимонова—Шаскольской. Порой перевод нуждается в более углубленном знакомстве с французскими политическими традициями. Так, когда говорится о том, что император в России «дарует каждому свободу совести при отправлении обрядов и верований, за исключением римских католиков», — это создает впечатление, что пребывание в России католиков было вообще запрещено⁷⁰. Но во французском тексте значит: **«l'Empereur donne liberté de conscience à un chacun d'exercer sa devotion et religion publiquement, hormis aux Catholiques Romains»**. Речь шла именно о публичном выражении своих религиозных чувств — строительстве церквей, устройстве крестных ходов и проч. Этого католикам в России не позволялось, но само их присутствие в России было при этом вполне ощутимым. Гугенотам во Франции не раз давали свободу совести, но только в рамках собственных жилищ и поместий, этого, однако, им казалось недостаточно, они хотели отправлять свои культы публично, что и приводило ко все новым религиозным войнам.

Предлагаемый в нашем издании новый перевод с точки зрения удобочитаемости уступает переводу Т. И. Шаскольской, но стремится в большей степени передать французские реалии того времени и то, как Маржерет их соотносил с описываемыми им схожими явлениями российской действительности. Цель капитана состояла в том, чтобы Россия стала понятнее французским читателям его книги. Мы же видели свою цель в том, чтобы максимально приблизить современного читателя к исторической реальности двух стран, расположенных на разных оконечностях Христианского мира Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

- ¹ Etat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie avec ce qui s'y est passé de plus mémorable & Tragique, pendant le règne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590. iusques en l'an 1606. en Septembre. Par le capitaine Margeret. A PARIS, Chez Mathiev Gvillemot, marchand Libraire au Palais, à la gallerie par où on va à la Chancellerie. M.D.C.VII. Avec *privilege du Roy*. in-12. 114 P.
- ² Огромное большинство издателей были одновременно и книготорговцами. Иногда они занимались и типографской деятельностью, но последняя все более и более выделялась как самостоятельная профессия.

- ³ 14 сентября: «Это все произошедшее до четырнадцатого сентября тысяча шестьсот шестого года» (с. 100, 173 наст. изд.). Контекст показывает, что имеется в виду день его отплытия. Дата 2 марта указана в привилегии: см. с. 43, 114 наст. изд.
- ⁴ Александр Беннигсен считает, наоборот, что книга была написана «наспех, весной 1607 г.» (*Bennigsen A. Un mosquetaire à Moscou. Mémoires sur la première révolution russe, 1604—1614. Paris, 1983. P. 33.*)
- ⁵ За период октябрь 1606 — март 1607 г. просмотрены фонды нотариальных контор, с которыми Матьё Гиймо особенно часто имел дело: фонд XLIX, нотариусы Jean François, потом Nicolas de Beaumont на площади Мобер и Jacques Fardeau на улице Сен-Жак (Archives nationales, Minutier central, далее в примечаниях «AN», «MC»).
- ⁶ *Traité d'impression pour La Nuit des Nuits et le Jour des Jours, ou les Naissances des deux Dauphins du Ciel et de la Terre, par Yves Hos, écuyer, sieur du Bois (AN, MC, CX 100, 25 сентября 1640).*
- ⁷ О нем: *Renouard Ph. Répertoire des imprimeurs parisiens, libraires, fondateurs de caractères et correcteurs d'imprimerie, depuis l'introduction de l'imprimerie à Paris jusqu'à la fin du XVIe siècle. Paris, 1965; Martin H.-J. Livre, pouvoirs et société à Paris au XVIIe siècle (1598—1701). Genève, 1974. T. 2. P. 347—348.* После его смерти дело продолжили его вдова, а впоследствии Матьё Гиймо II.
- ⁸ Ее еще называли «Galerie des prisonniers» (Галерея заключенных).
- ⁹ *Étienne Giraudet. Une association d'imprimeurs et de libraires de Paris réfugiés à Tours au XVIe siècle. Tours, 1877.*
- ¹⁰ Rue des Noyers (улица Грецких орехов): до 1680 г., она соединяла улицу Мон-Сен-Женевьев с улицей Сен-Жак, на уровне современного бульвара Сен-Жермен (*Lazare F., Lazare L. Dictionnaire historique et administratif des rues et monuments de Paris. Paris, 1855; nouv. éd. 1994. P. 593; Franklin A. Etat, Noms et Nombre de toutes les rues de Paris en 1636. Paris, 1873; nouv. éd. 1998. P. 129.*)
- ¹¹ Договор найма на пять лет, заключен между владельцем, Жеромом Маршаном, адвокатом при парижском Парламенте, и Матьё Гиймо, «уже в этом доме проживающем» (AN, MC XXIX, 156).
- ¹² *Franklin A. Op. cit. P. 431 et suiv.; Febvre L., Martin H.-J. L'apparition du livre. Paris, 1958; 2 éd. 1971. P. 254—256.*
- ¹³ *Chartier R., Martin H.-J. Histoire de l'édition française. Vol. I. Le livre conquérant. Paris, 1985. P. 388—389.*
- ¹⁴ *Imbert J. Les Institutions forenses, ou pratique judiciaire, à Tours, chez Sébastien Moulin et Mathieu Guillemot, 1593; Boyer Ph. Le Stile de la Cour et Justice des Requestes du Palais, à Tours, chez Sébastien Moulin et Mathieu Guillemot, 1594.*

- ¹⁵ Declaration de Monsieur de la Chastre, Mareschal de France faicte aux habitans d'Orleans, ... le jedy dixseptiesme Fevrier, 1594, pour les induire à recognoistre le Roy, A Tours, chez Sebastien Moulin & Mathieu Guillemot, tenant leur boutique à la Court de Parlement.
- ¹⁶ *Ferretti Fr.* Della Osservanza militare libri due di nuovo revisti. Venezia, 1576; французский перевод: Deux livres de l'Observation militaire et conduite de la guerre; Juste Lipse, Traité de la Constance, A Tours, chez Sebastien Moulin & Mathieu Guillemot, MDXCIII (1594).
- ¹⁷ Quinze discours sur les métamorphoses d'Ovide. 1612; *Philostrate*. Tableaux de platte peinture, par Blaise de Vigenère, planches en taille douce de Léonard Gaultier. Paris, chez les veuves d'Abel Langelier et de Mathieu Guillemot, 1614. Филострат Лемносский — софист III в. нашей эры, оставивший описание 64 картин; его внук, тоже Филострат, подражая деду, сочинил в конце III в. новый сборник портретов. Фюретьер, объясняя в своем словаре значение «plate peinture», приводит как раз пример Филострата: «On dit aussi des tableaux de plate peinture, comme ceux de Philostrate, des représentations qui n'ont aucun relief». Медные гравировальные доски, приготовленные (отчасти фламандскими граверами) для Овидия и Филостратов, фигурируют в посмертной описи имущества Гиймо (AN., MC., XLIX, 263, 5 мая 1610 г.). См.: Henri-Jean Martin. Op. cit. T. 2. P. 347—348, 383.
- ¹⁸ *Habanc V.* Nouvelles histoires tant tragiques que comiques. Paris, 1585; Histoire pitoyable du prince Erastus. Paris, 1587 (приписанное Антонио де Гевара); *Verville Béroalde de.* Les Amours d'Æsionne. Paris, 1597. Настоящее имя Бероальда куда более прозаично: Франсуа Бруар (1556—1623 или 1629). Воспитанный в протестантстве, он обратился в католичество между 1586 и 1588 гг. (Dictionnaire des lettres françaises. XVIe siècle. Paris, 1951. P. 98—99). Из его сочинений, кроме «Эзионы», Гиймо опубликовал «Кабинет Минервы» (Тур; Париж, 1596), «Орлеанскую деву» (La Pucelle d'Orléans, restituée par Béroalde de Verville. Paris, 1599) и обработку «Сновидения Полифила»: Le tableau des riches inventions couvertes du voile de feintes amoureuses, qui sont représentées dans le Songe de Poliphile, exposées par Béroalde. Paris, 1600.
- ¹⁹ Первый том «Астреи» Онорэ д'Юрфэ вышел в 1607 г., как и «Состояние Российской империи».
- ²⁰ *Montreux N. de.* Le second livre des bergeries de Juliette. A Tours, chez Sebastien Moulin & Mathieu Guillemot, MDXCII (1592); Les chastes amours d'Hélène de Marthe. Paris, 1597, аноним; *R. B. G. T.* Le Repentir d'Amour de Hieromene, pastorale. Paris, 1598; *G. de Bazyre.* Les amours d'Amyntis. Paris, 1601; Andreini

- I, Myrtille, bergerie [...] mise en françois. Paris, 1602; *Bracciolini F.* Le dédain amoureux. Pastorale. Faite en François sur l'italien. Paris, 1603.
- ²¹ La Parfaite méthode pour entendre, écrire [...] la langue espagnole. Paris, 1596; *Jean Pallet.* Dictionario muy coppioso de la lengua española. Paris, 1604.
- ²² *Boccace.* La Fiamette amoureuse. Italien et François. Paris, 1609; *Groto L.* La Emilia [...] Émilie, comédie. Traduite en François. Paris, 1609; *Guichardin L.* L'hore di recreatione [...] faictes italiennes et françoises pour [...] apprendre les deux langues. Paris, 1610.
- ²³ *Bonnefons J., Pancharis Io.* Bonefonii Arverni Cæsaroduni Turonum. Apud Sebastianum Mollineum & Matthæum Guillemot, MDXCII (Tours, 1592); *Pibrac Guy du Faur de.* Les quatrains du seigneur de Pybrac, à Tours, chez Sébastien Moulin et Mathieu Guillemot, 1592; Valagre le sieur de; Maisonfleur E. de, Les Cantiques du Sieur de Valagre, et les cantiques du Sieur de Maizon-fleur. Tours, 1592.
- ²⁴ Les Muses françoises ralliées de diverses pars. Paris, 1599; Le Parnasse des plus excellens poètes de ce temps. 2 vol. Paris, 1607; Le Nouveau Parnasse. Paris, 1609; Despinelle, Les Muses r'alliées. Paris, 1603; *Rues F. de.* Les fleurs du bien-dire Recueillies ès cabinets des plus rares esprits [...] pour exprimer les passions amoureuses, оба издания, Paris, 1603. В последнем случае известный книговед Шарль Брюне считал, что составитель — сам Гиймо.
- ²⁵ *Matthieu P.* Histoire de France et des choses mémorables, advenues aux provinces estrangeres durant sept années de paix, du règne de Henry IV, en sept livres. 2 t. Paris, 1605; *Bec J. du.* Histoire du grand Tamerlane, ou sont décrits les rencontres, escarmouches, batailles [...] qu'il a conduites & mises a fin durant son règne. Paris, 1607.
- ²⁶ *Joinville J. de.* Histoire et chronique du tres chrestien Roy Saint Loys, IX. du nom. Paris, 1609; заглавие Nicolas de Nicolay идентично антверпенскому изданию 1576 г. Les navigations, peregrinations et voyages faicts en la Turquie. Первое, лионское, издание названо иначе: Les Quatre Premiers Livres des navigations et peregrinations orientales de Nicolas de Nicolay. Lyon, 1567—1568.
- ²⁷ Об отголосках московских происшествий в западной Европе можно, в частности, судить по диссертации: *Erwin Brody.* The Demetrius Legend and its Literary Treatment in the Age of the Baroque. Rutherford, 1972. Но к литературным произведениям следует прибавить периодику, летучие листки и т. д., которые еще не подверглись полному учету и системному исследованию.
- ²⁸ Описание и снимки у *Silvestre L.-C.* Marques typographiques, ou Recueil des monogrammes, chiffres, enseignes [...] des libraires et imprimeurs qui ont exercé en France depuis [...] 1470 jusqu'à la fin du XVIe siècle. Paris, 1867. № 886—887. P. 508—509, 510—511.

- ²⁹ *La Caille J.* Histoire de l'imprimerie et de la librairie, où l'on voit son origine et son progrès, jusqu'en 1689. A Paris, chez Jean La Caille, MDCLXXXIX (1589). P. 174.
- ³⁰ *Rambaud R.* Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France [...]. T. VIII. Russie. Paris, 1890. P. 54—55. По старому стилю 21 августа (Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.; Л. С. 249).
- ³¹ Жак Ланглуа-отец был принят в корпорацию типографов-книготорговцев 12 мая 1633 г., Жак Ланглуа-сын 21 ноября 1652 г. Унаследовав должность отца, он стал королевским типографом (*La Caille J.* Op. cit. P. 278). Как Ла Кай, как Гиймо, Ланглуа — потомственный типограф.
- ³² *Chartier R.* Lectures et lecteurs dans la France d'Ancien Régime. Paris, 1987. P. 166 et suiv. О начальном этапе разысканий в этой области см.: *Берелович А.* Кто читал Герберштейна в XVII веке? // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002. С. 118—120.
- ³³ Его книга хранится в иностранном кабинете Петербургской Государственной консерватории. См. статью: *Равикович А. М.* Собрание старопечатных книжных изданий иностранного кабинета Ленинградской ордена Ленина Государственной консерватории. <http://biblio.conservatory.ru/Today/Public/Ravikov.htm>. О Драудиусе см.: *Allgemeine Deutsche Biographie.* Bd. 5. 1877. S. 383.
- ³⁴ *M. Draudius Georgius.* Bibliotheca classica, sive catalogus officinalis, in quo singuli singularum facultatum ac professionum libri, qui in quavis fere lingua extant [...] ordine alphabetico recensentur. Francofurti a.M., 1611 (2-е изд.: Там же. 1625) P. 860.
- ³⁵ *Idem.* Bibliotheca Exotica, sive, Catalogus officinalis librorum peregrinis linguis usualibus scriptorum. Frankfurt, 1610 (2-е изд.: Там же. 1625). P. 117.
- ³⁶ *La Légende de la vie & de la mort de Demetrius grand Duc de Moscovie,* à Amsterdam chez Corneille Nicolai, 1606 (хранится в парижской Национальной библиотеке, шифр [Rés. M 808) и 1607. Это известие приписано Пирлингом Уильяму Раселлу (*R. P. Pierling.* La Russie et le Saint-Siège. T. 3. Paris, 1901. P. 456). Но он сразу прибавляет, что оно является переводом того же анонимного источника, что и «Рассказ о кровавом и ужасном избииении, происшедшем в городе Москве, а также о страшной кончине покойного герцога Дмитрия», изданный князем Августиним Голицыным в Париже (*Récit du sanglant et terrible massacre arrivé dans la ville de Moscou, ainsi que de la fin effrayante du dernier duc Demetrius.* 1859). О «Легенде» см.: *Межов В. И.* Русская историческая библиография. Указатель книг и статей по русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам за 1800—1854 гг. включительно. Т. 1—3. СПб., 1892—1893. С. 200. № 4032.

- ³⁷ Etat de l'Empire de Russie, et Grand Duché de Moscovie avec ce qui s'y est passé de plus mémorable et Tragique, pendant le règne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590 jusques en l'an 1606, en Septembre, A Paris, chez Iacqves Langlois, fils, au Mont S. Hilaire, ruë d'Esosse, aux trois Cramillieres. M. DC LXIX. Avec Privilege du Roy.
- ³⁸ Dean S. Worth. The French captain's Russian // Russian linguistics. 5 (3), август 1981. С. 199—210.
- ³⁹ Просмотрены: в парижской Национальной библиотеке, шифр [Rés. M 805; в парижской библиотеке Сен-Женевьев, шифр [8° M Sup 262 Rés.; в парижской библиотеке Арсенала [8-N-16928, владельч. запись Moncrij S. Dionyshij in Francia Congr. S. Mauri.
- ⁴⁰ Исправленные опечатки в издании 1607 г. и их перенесение во второе издание:

Издание 1607 г.		Издание 1669 г.	
Лист	Исправления	Стр.	Напечатано
A iii	«Affectation» (вместо «affection»)	Королю	«affection» <i>не исправлено</i>
5	«Tsisar*» (вместо «Tgisar»)	13	«tsisar» <i>поправка сделана</i>
5	«Alleguoient» вместо «disent»	14	«disent» <i>не исправлено</i>
6 об.	«Engendrèrent» (вместо «engendrent»)	19	«Engendrent» <i>не исправлено</i>
7 об.	«Fit» (вместо «fait»)	22	«Fait» <i>не исправлено</i>
13 об.	«Diac*» (вместо «Diacre»)	42	«Diac» <i>поправка сделана</i>
15	«Service» (вместо «servi de»)	47	«Service» <i>поправка сделана</i>
15	«Noter» (вместо «noser»)	47	«Noter» <i>поправка сделана</i>
15 об.	«Rouge ou jaune» (вместо «rouge & jaune»)	49	«rouge & jaune» <i>не исправлено</i>
19	«brodées de perles» (вместо «bordées»)	60	«bordées» <i>не исправлено</i>
19 об.	«brodées de perles» (вместо «bordées»)	60	«bordées» <i>не исправлено</i>
21	«½ roubles*» (вместо «deux roubles»)	66	«deux roubles» <i>не исправлено</i>
27	«X mille*» (вместо «mille»)	86	«dix mille» <i>поправка сделана</i>

28	«espece*» (вместо «espée»)	89	«Espèce» <i>поправка сделана</i>
32	«Mecan*» упразднен («Patisni Mecan mieud»)	102	«Patisni mieud» <i>поправка сделана</i>
36 об.	«les autres» (вместо «ces autres»)	117	«les autres» <i>поправка сделана</i>
36 об.	«en la ville» (вместо «In la ville»)	117	«en la ville» <i>поправка сделана</i>
37 об.	«dise hola» (вместо «disent hola»)	119	«dise hola» <i>поправка сделана</i>
40	«Demetrius» (вместо «Detrius»)	128	«Demetrius» <i>поправка сделана</i>
40	«Pologne» (вместо «Po-Pologne»)	128	«Pologne» <i>поправка сделана</i>
43 об.	«bruslé» (вместо «& bruslé»)	138	«& bruslé» <i>не исправлено</i>
47 об.	Прибавлено: «alleguoeyent»	152	«alleguoeyent» нет
49 об.	«entre 500» (вместо «entre 500. cens»)	158	«entre 500» <i>поправка сделана</i>
51	«avec les gens» (вместо «apres les gens»)	163	«apres» <i>не исправлено</i>

* звездочкой отмечены опечатки, указанные на последней странице издания 1607 г. в разделе *Errata*

⁴¹ Титульный лист и л. 40.

⁴² Титлы раскрыты (например, «devieñent» превращается в «deviennent»), применяются современные, более строгие орфографические нормы: «populeus» становится «populeux», «indifferamment» — «indifferemment», «interroguans» — «interrogeans» и т. д.

⁴³ См. статью А. Береловича «Капитан Маржерет во французских архивах» в настоящем издании.

⁴⁴ *Estat de l'Empire de Russie, et Grand Duché de Moscovie avec ce qui s'y est passé de plus mémorable et Tragique, pendant le règne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590 jusques en l'an 1606, en Septembre, Paris, chez Fain, 1821, in-12, IX-180 P.*

⁴⁵ *Catalogue des livres imprimés, des manuscrits et des ouvrages chinois, tartares, japonais, etc., composant la bibliothèque de feu M. Klaproth. Paris, 1839. P. 163—174. № 1405—1509. Шифр Национальной библиотеки: [Δ 7608.*

⁴⁶ *Relacion de la senalada, y como milagrosa conquista del paterno imperio conseguida del serenissimo principe Ivan Demetrio [так!], gran duque de Moscovia, en el año de 1605; juntamente con su coronación, y con lo que a hecho después que fue*

coronado ...traduzido de lengua italiana en nuestro vulgar castellano per Juan Mosquera de la Compañia de Jesús, Lisboa, Alvarez, 1606.

⁴⁷ Charles Brunet (1780—1867), Manuel du libraire et de l'amateur de livres. 5e éd. V. 3. Paris, 1862. Col. 1412. Жане, по словам Брюне, ссылался на Аделунга. Заметим, что на первой странице экземпляра 1607 г. Национальной библиотеки ([Rés. M 805] написано по-французски, почерком XIX в., «Редчайший, и вероятно единственный, экземпляр».

⁴⁸ Catalogue des livres de la bibliothèque de feu Monseigneur le Maréchal Duc d'Estrées [...] chez Jacques Guérin. T. 2. Paris, 1740, шифр Национальной библиотеки [Δ 48678. *Rossica*: С. 96—98, № 18477—18499; Маржерет, 1607: № 18493 и 18914 (последний включен в *Polonica*). Владелец — Виктор-Мари д'Эстрэ, маршал и контр-адмирал (1660—1737).

⁴⁹ Catalogue de la bibliothèque de feu M. Falconet, médecin consultant du Roi [...] de l'Académie des Inscriptions et belles-lettres, A PARIS chez BARROIS, т. 2, 1763, шифр Национальной библиотеки [Q 7435. *Rossica*: С. 344—345, № 17204—17225; Маржерет, 1607: № 17211; Маржерет, 1669: 17212. Камий Фальконе (1671—1762) — врач, известный филолог и библиофил, академик, не имевший со скульптором никаких родственных связей.

⁵⁰ Catalogue des livres de la bibliothèque de feu François-César Le Tellier, marquis de Courtanvaux, capitaine-colonel des Cent-Suisses, dont la vente se fera en son hôtel [...] le lundi quatre mars et jours suivans. A Paris, chez Nyon l'aîné, 1782, шифр Национальной библиотеки [Q 8174. *Rossica*: С. 333—334, № 3399—3412; Маржерет, 1607: № 3403; Маржерет, 1669: 3404. Маркиз де Куртанво был правнуком Лувуа; освобожденный из-за болезни от настоящей военной службы, он всецело посвятил себя наукам (1718—1781).

⁵¹ Catalogue des livres rares et précieux composant la bibliothèque de M. L. M. d. R., Paris, P. Jannet, successeur de L.-C. Silvestre. Paris, 1848, шифр Национальной библиотеки [Δ 9811. *Rossica* с Данией и Исландией: P. 276, № 2164—2172; Маржерет, 1669: 2168. Маркиз дю Рур (Auguste-François Grimoard de Beauvoir, marquis du Roure), известный библиофил и книговед, автор *Analecta Bibliion*. Paris, 1840.

⁵² Charles IX, La chasse royale. Paris, 1857; *Idem*. Livre du roy Charles. De la chasse au cerf. Paris, 1859; *Guillaume Budé*. Traité de la vénerie. Paris, 1861; *Charles Perrault*. La Chasse, poème. Paris, 1862; Pièces sur la Ligue en Bourgogne. 1e série, Dijon, 1882; 2, 1883; 3, 1886; 4, 1887.

⁵³ Первое издание Шеврёля: *Estat de l'Empire de Russie, et Grand Duché de Moscovie avec ce qui s'y est passé de plus mémorable et Tragique, pendant le règne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590 jusques en l'an 1606, en*

Septembre, Paris, Potier, 1855, in-16, XXVIII-116 С. Второе издание: *Estat de l'Empire de Russie, et Grand Duché de Moscovie avec ce qui s'y est passé de plus mémorable et Tragique, pendant le règne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590 jusques en l'an 1606, en Septembre, par le capitaine MARGERET.* Nouvelle édition, précédée de deux lettres inédites de l'auteur et d'une notice biographique et bibliographique par Henri Chevreul. A PARIS, Chez L. Potier, 1860, in-16, XXXII-127 P.

⁵⁴ См. таблицу II на с. 26.

⁵⁵ Словарь уже фигурирует в издании 1855 г., но авторство Мериме указано только в 1860 г. (*Estat de l'Empire de Russie, et Grand Duché de Moscovie...* Paris, 1860. P. XVII).

⁵⁶ *Margeret Jacques.* *Estat de l'Empire de Russie, et Grand Duché de Moscovie avec ce qui s'y est passé de plus mémorable et Tragique, pendant le règne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590 jusques en l'an 1606, en Septembre.* Paris, éditions du Genêt, 1946. 106 P.

⁵⁷ *Un mousquetaire à Moscou. Mémoires sur la première révolution russe, 1604—1614, édité avec des notes par Alexandre Bennigsen, Paris, éd. Maspéro-La Découverte, 1983. 128 P.*

⁵⁸ Судя по всему, именно издание Беннигсена было переведено на испанский язык. *Un mosquetero en Moscu.* Jacques Margeret. Laia, 1989. 125 P. К сожалению, мы не имели возможности ознакомиться с этим изданием.

⁵⁹ *Strahlenberg Ph. J., von.* *Das Nord und Ostliche Thiel von Europa und Asia.* Stockholm, 1730.

⁶⁰ Замечания В. Н. Татищева были изданы многим позднее их написания. Последнюю публикацию см.: *Татищев В. Н.* *История Российская.* Л., 1968. Т. VII. С. 424.

⁶¹ Наличие в России во второй трети XVIII в. книги Маржерета 1607 г. практически невероятно, особенно учитывая ее редкость во Франции. Является простой опечаткой отсылка на несуществующее издание сочинения Маржерета в 1769 г. в комментариях издателей Татищева 1968 г. (*Татищев В. Н.* Указ. соч. С. 449.). Так что первый российский историк здесь ничего не искажил, вопреки замечанию Ч. Даннинга. (*J. Margeret. The Empire and Grand Duch of Moscow. A 17th-century French Account / Transl. and edited by Ch. S. L. Dunning. Pittsbourgh, 1983. P. 104—105.* Далее — *Dunning Ch.* *Op. cit.*).

⁶² Состояние Российской державы и Великого княжества Московского в начале XVII века с присовокуплением известий о достопамятных событиях, случившихся в правление четырех Государей, с 1590 года по сентябрь 1606. Сочинение

капитана Маржерета, капитана гвардии Дмитрия Самозванца. Перевод с французского, предисловие и примечания Н. Г. Устрялова. СПб., 1830.

- ⁶³ Исторические записки, содержащие в себе повествование о знаменитейших происшествиях, случившихся в царствование пяти государей, как-то: Иоанна Васильевича Грозного, сына его Федора Иоанновича, Бориса Федоровича Годунова, Лжедмитрия и Василия Ивановича Шуйского, начиная с 1590 по 14-е сентября 1806 года; с присовокуплением нравов и обычаев двора Российского и народа в то время, сочиненные очевидцем Маржеретом. Перевод с французского. М., 1830. В типографии Лазаревых Института восточных языков.
- ⁶⁴ Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб., 1859. Изд. третье, испр. Ч. 1. На титульных листах обоих томов указаний на Н. Г. Устрялова нет, но принадлежность публикации именно ему была слишком известна. Его именем подписано лишь общее введение (датировано 1 июня 1858), помещенное в первой части (Там же. С. XIII).
- ⁶⁵ Там же. С. 240 (примеч.).
- ⁶⁶ Там же. С. 447, комм. № 266; С. 420—424, комм. № 176. Устрялов в последнем случае ссылается на Московский архив (речь должна идти о Московском архиве Министерства иностранных дел), хотя текст грамоты был уже опубликован в «Собрании государственных грамот и договоров». М., 1819. Ч. 2. С. 604—607.
- ⁶⁷ *Маржерет Ж.* Состояние Российской державы и Великого княжества Московского. С предисловием И. Н. Бороздина. М., 1913.
- ⁶⁸ Так, фразу «et pour se vouloit deüement faire convoquer les Estats du pays...» Устрялов интерпретировал так, что Годунов притворно велел созвать Собор, в то время как архаичное слово «deüement», производное от глагола «devoir» — «долженствовать», означало: «как и было должно», «надлежащим образом». См.: Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета / Сост. Ю. А. Лимонов, отв. ред. В. И. Буганов. М., 1982. С. 60—61 (французский текст), с. 152 (русский перевод), с. 227—22, комм. № 19; *Dunning Ch.* Op. cit. P. 105, com. № 98. К сожалению, эта ошибка устряловского перевода долго воспроизводилась в литературе о Земских Соборах (см., например: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 146).
- ⁶⁹ Этот экземпляр происходил из личной библиотеки Николая II и был подарен Хаугтонской библиотеке князем Лобановым-Ростовским.
- ⁷⁰ Россия начала XVII в. ... С. 155. Это соображение приводится как важный аргумент в доказательство того, что Маржерет не был католиком к моменту поступления на русскую службу (Там же. С. 35).

I

СОЧИНЕНИЕ Ж. МАРЖЕРЕТА
О РОССИИ

ESTAT
DE L'EMPIRE
DE RUSSIE ET GRAN-
de Duché de Moscovie.

AVEC

*Ce qui s'y est passé de plus memorable & Tragi-
que, pendant le regne de quatre Empereurs: à
sçavoir depuis l'an 1590. iusques en l'an 1606.
en Septembre.*

Par le Capitaine MARGERET.

A PARIS,
Chez Mathieu Guillemot, marchand
Libraire au Palais, à la gallerie par où on va
à la Chancellerie.

M. D. C.VII.

Avec privilege du Roy

Extrait du Privilege du Roy

Par grace & Privilege du Roy, il est permis à MATHIEU GUILLEMOT, Marchand Libraire, d'Imprimer ou faire Imprimer par tel Imprimeur que bon luy semblera, un livre intitulé, *de l'Estat de Russie & Moscovie, composé par le Capitaine Margeret*, Et deffences sont faictes à tous Libraires, Imprimeurs & autres, d'Imprimer ou faire Imprimer ledit livre ny extrait d'iceluy en façon quelconque, n'y exposer en vente d'autres que de ceux qui auront esté Imprimez par ledit Guillemot, iusques au temps & terme de six ans prochains & consecutifs, à commencer du iour qu'ils seront achevez d'imprimer. Le tout à peine de confiscation de livres qui se trouveront imprimez, autre que par ledit Guillemot, durant ledit temps, d'amende arbitraire, & de tous despens dommages & interests, nonobstant oppositions où appellations quelconques, comme plus amplement est porté en l'Original. Donné à Paris, le 2. Mars, 1607.

Et de nostre regne, le 18.

Par le Roy en son Conseil

PERRET.

[f. Aii]

AU ROY

SIRE,

Si les sujets de vostre Majesté qui voyagent en pays esloignez, faisoient leurs relations au vray de ce qu'ils y ont veu & marqué de plus notable, leur profit particulier tourneroit à l'utilité publique de vostre Estat: non seulement pour faire voir rechercher & imiter ce qui est de bon & d'industrioux chez autruy, estant tres-vray que Dieu à disposé toutes choses en sorte que, pour mieux entretenir la société entre les hommes, les uns trouvent ailleurs ce qu'ils n'ont pas chez eux: mais aussi cela donneroit du cœur à nombre de ieunes gens oysifs & casaniers d'aller chercher & apprendre la vertu dans le penible mais utile & honorable exercice des voyages & des armes estrangeres, & leveroit l'erreur à plusieurs qui croyent que la Chrestienté n'a bornes que la Hongrie: car ie puis di-

[f. Aii v.]

re avec verité que la Russie, de laquelle i'entrepris ici la description par le commandement de vostre Majesté, est l'un des meilleurs boulevards de la Chrestienté; & que cet Empire, & ce pays là est plus grand, puissant, populeus et abondant que l'on ne cuide, & mieux muni & defendu contre les Scithes & autres peuples Mahometans que plusieurs ne iugent. La puissance absoluë du Prince en son Estat le rend craint, & redouté de ses sujets, & le bon ordre & police du dedans, le garantit des courses ordinaires des Barbares. Aprés donc, Sire, que vos trophées & vostre bonheur eurent acquis à vostre Majesté, le repos duquel la France iouist à present; & voyant de la en avant mon service inutile à vostre Majesté, & à ma patrie, que ie luy avois rendu pendant les troubles sous la charge du sieur de Vaugrenan à saint Iean de Laune, & autres frontieres de vostre Duché de Bourgogne: i'allay servir le Prince de Transsylvanie, & en Hongrie l'Empereur, puis le Roy de Pologne en la charge de Capitaine d'une compagnie de gens de pied, & finalement la fortune m'ayant porté au service de Boris Empereur de Russie, il m'honora du commandement d'une compagnie de cavalerie, & apres son decez Demetrius receu audit Empire me continua en son service, me don-

[f. A iii]

nant la première compagnie de ses gardes, & pendant ce temps, i'eu moyen d'apprendre, outre la langue, une infinité de choses concernans son Estat, les loix, mœurs & religion du pays, ce que i'ai representé par ce petit discours avec si peu d'affectation*, voire avec tant de naïveté que non seulement vostre Majesté qui à l'esprit admirablement iudicieux & penetrant, mais aussi chacun y recognoistra la vérité, laquelle les anciens ont dit estre l'ame, & la vie de l'histoire. Si ce discours plaist à vostre Majesté tant soy peu, c'est mon unique contentement, puis qu'apres avoir daigné m'escouter, elle à agreable en outre de me lire, m'assurant qu'il s'y verra des accidens bien remarquables, & dont les grands Princes peuvent tirer quelque profit, mesme par l'infortune de mon maistre Demetrius, arrivé avec grandes traverses à son Empire, eslevé & bouleversé tout en moins de deux ans, & sa mort mesme, suivye de ce mal'heur qu'aucuns le iugent avoir esté ou imposteur, ou supposé: il s'y verra pareillement beaucoup de particularitez de cet Estat dignes d'estres sçeuës, & toutesfois ignorees tant par l'eslongnement du climat, que pour la dexterité des Russes à cacher & taire les affaires de leur Estat. Je supplie Dieu, Sire, maintenir votre Maiesté en prospérité, vostre Roy-

[f. Aiii v.]

aume en paix, Monseigneur le Dauphin au desir d'imiter vos vertuz. & moi au zele que i'ay tousiours eu de pouvoir par mes tres humbles services meriter le nom,

SIRE de

Très-obeissant sujet, tres-fidelle & tres-dedié serviteur de V. M.

MARGERET

* первоначально в тексте: «d'afection», правка дана на полях

Advertissement au Lecteur

L'Empire de Russie, est une partie du pays que l'on appelleoit anciennement Scythie, duquel mot de Scythes, lon nomme encores au iourd'hui les Tartares, lesquels ont autrefois esté seigneurs de Russie, & la tenoient les grands Ducz iadis en hommage des Tartares, surnommez krim: ces Russes depuis quelque temps, & apres avoir secoué le ioug des Tartares, & que la Chrestienté à eu quelque cognoissance d'eux, ont esté nommez Moscovites, de la capitale ville Mosco, laquelle porte tiltre de Duché, mais non premiere du pays; car le Prince s'appelloit iadis grand Duc de Volodimer, & continue encores à present, se faisant nommer Duc de Volodimer & Mosco, tellement qu'il se peut dire un erreur non seulement envers plus proches voisins de les appeller Moscovites, & non Russes; eux mesmes quand on leur demande quelle nation ils sont, respondent Russac, qui veut dire Russes, & si on leur demande de quel lieu; ils respondent, is Moscoue, de Mosco, Vologda, Rasan, ou d'autres villes: Mais

[f. A.iiii v.]

aussi faut-il entendre qu'il y a deux Russies, a sçavoir celle-cy qui a tiltre d'Empire, laquelle les Polonnois appellent Russie blanche, & l'autre est la Russie noire, laquelle dépend du Royaume de Pologne, & aboutit à la Podolie, c'est ceste Russie noire dont le Roy de Pologne se qualifie Seigneur en ses tiltres, quant il dit grand Duc de Lituanie, Russie, Prussie &c. dont i'ay voulu advertir le lecteur à fin qu'il sçache que les Russes dont est icy question, sont ceux que l'on appelloit iadis Scïthes, & d'aujourd'hui par erreur Moscovites, d'autant que ce n'est que d'une seule ville que les habitans se peuvent nommer Moscovites, comme si l'on vouloit nommer tous les François Parisiens, à cause que Paris est la capitale du Royaume de France, & avec plus de raison, d'autant que Paris est capitale de toute ancienneté, & Mosco ne l'est que depuis cent ou deux cens ans, aussi le tiltre abrégé de leur Prince est Zar Hospodar y Veliquei knes N. fia Russia, qui veut dire à l'interpreter proprement, Roy, Seigneur, & grand Duc N. de tous les Russes, ou de toute la Russie, car il se peut aussi entendre en ce sens, & non des Moscovites, ou Moscovie: & à fin que l'on sçache distinguer la Russie noire de celle-cy, tout ce qui est pardela la Nepre, les Polonnois l'appellent Russie blanche, autrement & sans ceste distinction on se mesprendroit souvent en ce traité, auquel n'est parlé que de la Russie blanche iadis Scythie, & maintenant Moscovie.

[f. 1]

ESTAT DE L'EMPIRE
de Russie, & grand Duché de
Moscovie, 1606

La Russie est un país de grande estenduë, plein de grandes forests aux endroits les mieux habituez, du costé de la Lithuanie, & et de la Livonie, de grands marescages, qui sont comme des remparts à la Russie. Elle est assez bien peuplée depuis *Narve*, qui est un Chasteau et Port de Mer aux frontieres de la Livonie, appartenant au Royaume de Suede, iusques à *Archangel*, où Saint-Nicolas, qui est un autre Port de Mer esloigné l'une de l'autre, de quelques 2800. virst. (Les 4. virs, tes font une lieuë,) & depuis *Schmolensqui* (ville murée de pierres, au temps de Theodore Ivanevits par Boris Federvits, lors protecteur de l'Empire, sur les frontieres de la Lithuanie) iusques à Casan, environ de 1300. virst, de distance. Ce país de Casan à esté autrefois un royaume absolu de Tartarie: qui auroit esté conquis par les grands Ducs Basilius Iohannes, & son fil Iohannes Basilius. Le Prin-

[f. 1 v.]

ce de ce país fut pris prisonnier, dans ladite ville de Casan, par Iohannes Basilius, & encore en vie en Moschovie: il s'appelle Tsar Simeon. Ladite ville est battuë de ceste fameuse riviere *Volga*, dans laquelle se rende la riviere de *Oca*. Les Sheremises habitent pres de ladite ville, au delà de Casan est un grand país, qui consiste du long de la *Volga* (laquelle se va rendre en la mer Caspienne à Astrican) tout en campagnes, lesquelles ne sont peuplées: mais il y a de Casan à Astrican, quelques 2000. virst. C'est une ville forte, laquelle est de plus grand commerce qu'aucune en toute la Russie, & fournit presque toute la Russie de sel, & de poisson sallé; L'on tient que c'est un pays tres-fertile; car il se trouve entre Casan et Astrican, aux campagnes, force petits ceriziers, portans fruits en la saison: & même quelques ceps de vigne sauvage. Il se trouve en ladite ville d'Astrican, beaucoup de bons fructs: et allentour se trouve la plante animale, de laquelle iadis aucuns auteurs ont escript, à savoir des Moutons qui croissent hors la terre, lesquels sont attachéz à la racine, comme par un boyau de deux où trois brasses au nombril. Ledit mouton mange l'herbe alentour de soy, & puis meurt, ils sont de la grosseur d'un aigneau, la laine frizée: les peaux s'en trouve aucunes toutes blanches, & d'autres un peu picotées. P'en ay veu diverses peaux: Ce pays a esté conquis par Iohannes Basilius: Les Anglois y ont trafiqué durant sa vie, & de là en Perse. D'au

[f. 2]

de-là la *Volga*, habitent des Tartares qui se nomment Nagaye. Outre ce, il y a une autre grande province, subjuguée par Iohannes Basilius, laquelle ils appellent l'Empire ou Royaume de Siberie. Le pays est plein de bois, forests, & marescages, il n'est pas encore du tout decouvert: l'on tient qu'il se joint d'un costé sur la grande riviere Obo. De ce pays vient presque toute la Pelleterie; comme Renards noirs, lesquels sont au pays mesmes d'une grande valeur: des Sabouline & Martres, lesquelles apportent de grands revenus aux Empereurs. L'on commence à cultiver ledit pays, qui se trouve assez fertile quand aux grains. L'on y a basty quatre villes, ausquelles il y a quelques garnisons, pour tenir le peuple en subiection, lequel est fort simple, de petite stature, en phisionomie, approchant des Tartars, dits Nagaye: à sçavoir de visage plat & large, le nez enfoncé, petites yeux, & fort bazannez, ils portent les cheveux longs, peu d'entr'eux ayans barbe, habillez de Sabolline, le poil en dehors, il y a trente ans qu'ils ne sçavoient que c'estoit de pain: Ce pays est le lieu principal, où l'on envoie en exil la plus-part de ceux qui sont en disgrace du Prince.

Du costé de la Tartarie, de ceux qu'ils appellent krim, lesquels sont alliez avec le Turc, à l'aide duquel ils ont esté plusieurs fois en Hongrie, principalemnet en l'an 95. en cette grande bataille d'Agria, depuis l'année 1593. iusques à present, il s'est basty plusieurs villes et chasteaux aux campagnes de la Tatarie, pour empescher l'in-

[f. 2 v.]

ursion des Tartares: mais ce pays n'est habité que iusques à Liven, qui est environ 700. virst de Mosco. De de-là, il y a diverses villes, à savoir, Borisof, Gorod, Zaragorod, & autres. Ce Zaragorod, est prest de 1000. virst loing dudit Liven. Ces villes se peuplent encore iournallement: la terre se trouve fort fertile, mais ils n'osent cultiver qu'à l'entour des villes, ils tiennent ce Zaragorod n'estre qu'à huict iournées du grand Cam. C'estoit autrefois le rendez-vous des Tartars, lorsqu'ils s'assembloient pour venir fourrager l'Europe. Pour conclure, c'est un pays de grande estenduë, car il borde à la Lituanie, à la Podolie, au Turc, au Tartare, à la riviere de Obo, à la mer Caspienne, puis à la Livonie, à la Suede, à la Norvegu, la Terre-neufve, & à la mer Glaciale.

Ce pays est fort froid, i'entens à l'endroit les mieux habitué, du costé du septentrion et de l'Occident, comme nous avons touché cy devant: car aux campagnes de Tartarie, où le long de la Volga, de Casan, & Astrican,

sur la riviere de Obo, du costé d'Orient, sont régions fort tempérées: Or aux susdites provinces froides, il y fait six mois d'hiver, c'est à dire, qu'il y a toujours de la neige jusques à la ceinture, & que l'on peut traverser toute riviere sur la glace: nonobstant il se trouve fort fertile, y ayant abondance de toutes sortes de grains qu'avons en France, le seigle s'y seme au commencement ou à la my Aoust, le froment & avoine selon la longueur de l'hiver, en Avril ou May, & lorge sur la fin de

[f. 3]

May, il y a des fruits, à sçavoir melons fort gros, meilleurs que l'aye mangé ailleurs, force concombres et bonnes pommes, cerizes, peu de poires et prunes, il s'y trouve quantité de noisettes, fraises & semblables fruits: il y a peu de pluye en esté, & par consequent point en hiver, à *kolmengorod* Archangel, & S. Nicolas, comme aussi en d'autres lieux du costé de Septentrion, par l'espace d'un mois ou six semaines en esté; l'on y voit toujours le soleil iour & nuit, & à minuit on le voit à 2. ou 3. brasses au-dessus de la terre. En hiver, en espace d'un mois, il n'y a guere de iour, a cause que le solieil ne se voit point. Puis vous y auez de toutes sortes de venaisons et des animaux qui se trouvent en France, hor-mis les sangliers. Car des cerfs, biches et chevreux, il s'en trouve assez du costé de l'Orient, & du Midi, aux campagnes de Tartarie, & entre Casan & Astrican, il se trouve grande quantité de Elend, dite la grande beste: par toute la Russie, les lapins y sont fort rares: les faisans, perdrix, grives, merles, cailles, & alouettes, s'y trouvent en grande quantité, outre infini autre gibier, mais de becasses il s'y en voit fort peu, il s'y trouve en Aoust & Septembre grand nombre de grues: Signes, oyes, & canard sauvages en hiver, ie ny a y sçeu voir aucunes sigongnes, qu'une seule, laquelle estoit toute noire, les bestes devorantes sont ours blancs, & noirs, desquels il y a grande quantité, des renards, desquels il y a de cinq sortes, & force loups qui font grand *dommage* au bestail, à cause

[f. 3 v.]

des grandes forests qui y sont, & outre ce, il se trouve en quelques endroits du costé du Septentrion, des reines, qui sont moins gros que les cerfs, & portent de beaux & grans rameaux, leur poil est grix, tirant fort sur le blanc, leurs ongles bien plus fendus que ceux des cerfs, ils servent de nourriture, d'habitz, & de chevaux, à ceux du pays, car ils en attellent un d'iceux dans un trenoir fait à propos, & vont plus viste qu'aucuns chevaux, ils se nourrissent de ce qui se trouve sous la neige la plus

part du temps, tous les lievres y deviennent blancs en hyver & en esté sont de la mesme couleur qu'en France: il s'y trouve en esté & hiver des perdrix blanches & des faucons, tiercelets, & autres oyseaux de proye. En toute l'Europe, il n'y peut avoir de meilleurs ny de plus de diverses sortes de poissons d'eau douce qu'ils ont & en grand nombre, asçavoir l'Esturgeon, Bellouga, Cetrina, Bieley Rybe, qui veut dire poisson blanc, un plus grand qu'un saumon, du sterlet, & de toute sortes que avons en France, hormis les truites, & à bon marché, comme aussi toute autre sorte de vivres: car nonobstant ceste grande famine, dont parlerons cy apres qui dépeupla presque tout le pays de bestail, i'acheptay sur les chemins à mon départ un agneau aussi grand qu'un de nos moutons de France ou peu s'en faut, pour dix denins, qui sont environ treize sols 4. deniers, & un poulet pour sept deniers tournois, il n'y a point de chappons entr'eux sinon entre les estrangers. L'occasion d'un si grand marché est que chacune brebis à ordi-

[f. 4]

nairement deux & trois aigneaux, & lesdits aigneaux l'année suivante se trouvent meres d'autant d'aigneaux. Quant aux bœufs & vaches, ils multiplient aussi extremement, car il ne se mange point de veau en toute la Russie, veu que c'est contre leur religion, puis ils observent quinze sepmaines de ieusne tous les ans outre le mercredy et vendredy de chaque semaine, qui fait près d'un demy an, ce qui rend la chair à bon marché, comme aussi les grains desquels y a grand nombre, vu qu'il ne sortent du pays, & la terre est si grasse & si fertile d'elle mesme, qu'elle n'est iamais fumee, si ce n'est en quelques endroits, & ainsi avec un petit cheval un enfant de douze à quinze ans labourera un arpent ou deux de terre par iour.

Combien que il y ait grande abondance de vivres, & à bon marché, si est-ce que la commune se contente de fort peu, car ils ne pourroient fournir à la despense, n'ayant nulle industrie, & estant fort paresseux: car ils ne s'adonnent au travail, ains sont tellement adonnez à l'ivrognerie que rien plus, leur principal breuvage quand ils se recreent est d'eau de vie, & de medon, lequel ils font de miel qui leur vient sans labeur & en grande abondance, comme on peut iuger par la grande quantité de cire qui se tire hors du pays annuellement; Ils ont aussi de la Cervoise & autres breuvages de peu de valeur, tous indifferemment, tant homme que femmes, filles & enfans, & les Ecclesiastiques autant ou plus que les autres s'adonnent à ce vice d'ivrognerie,

[f. 4 v.]

sans mesurer leur portee, car tant que le breuvage dure, lequel il leur est permis de faire à quelque feste principale en l'an, il ne faut pas espérer qu'ils cessent de boire & iour & nuit, iusques à ce qu'ils en voyent la fin, ie parle du menu peuple, car pour les gentils-hommes, ils ont liberté de faire tel breuvage que bon leur semble & boire quand ils veulent.

On tient que l'extraction des grands Ducz à esté trois freres sortis du Dannemarc selon les Annalles de Russië, lesquels envahirent la Russië, Lituanie & Podolie, il y a environ huit cens ans, & Ruric frere aîné se fit appeller grand Duc de Volodimer, duquel sont descenduz tous les grands Ducs en ligne masculine iusques à Iohannes Basilius, lequel a premier receu le tiltre d'Empereur par Maximilian Empereur des Romains apres les conquestes de Casan, Astrican, & Siberie.

Or, quant au tiltre qu'ils prennent, ils pensent qu'il n'y en ait nul plus grand que celui qu'ils ont, se faisans appeller Zar. Ils appellent l'Empereur des Romains *Tsisar*, qu'ils ont derivé de Cesar, & tous les Roys *Kroll*, à l'imitation des Pollonnois. Ils appellent le Roy de Perse *kisel Bascha*. Et le Turc *Veli qui Ospodartursk*, qui veut dire grand Seigneur de Turquie, à l'imitation de ce qu'on l'appelle grand Seigneur, mais ce mot de ZAR, ce disent ils se trouve aux saintes Escritures. Car par tout ou il est parlé de David, ou de Salomon, ou d'autres Roys, ils sont appelez Zar David, Zar Salomon, qui est comme nous

[f. 5]

interpretons Roy David, Roy Salomon &c. Et ainsi retiennent le nom de Zar comme plus authentique, duquel nom il pleut iadis à Dieu d'honorer David, Salomon & autres regnant sur la maison de Iuda & Israel, disent-ils, & que ces mots *Tsisar** & *krol* n'est que invention humaine, lequel nom quelqu'un s'est acquis par beaux faits d'armes. A cet effect apres que Theodore Iohannes Zar de Russie eust levé le siege devant Narve, laquelle il avoit assiegee, & que les depputez & Ambassadeurs de part & d'autre furent assembléz pour conclurre la paix entre la Russie & Suede, ils debattirent plus de deux iours sur le tiltre que Theodore vouloit avoir d'Empereur, les Suedois ne voulans reconnoistre pour tel. Les Russes alleguoient** que le mot de Zar estoit encores plus grand que Empereur,

* первоначально в тексте: «Tgisar», правка дана на полях; опечатка указана в списке Errata

** первоначально в тексте: «disent», правка дана на полях

& ainsi fut l'accord faict qu'ils le nommeroient tousiours Zar & grand Duc de Moscovie, chacune des parties pensant avoir trompé l'autre par ce mot de Zar. Le roi de Pologne leur escrit tout de mesme. L'Empereur des Romains luy donne le tiltre d'Empereur, comme le faisoit feu Royné Elizabeth, & fait aussi le semblable le Roy de la grande Bretagne, le Roy de Dannemarck, le grand Duc de Toscane, le Roy de Perse, & tous ceux de l'Asie luy donnent tous les tiltres qu'il prend. Quant au Turc, veu qu'il n'y a eu nulle correspondance, ni Ambassadeurs entre'eux de mon temps, ie ne sçay quel tiltre il luy donne.

Ce Iohannes Basilius à eu sept femmes, ce qui est contre leur religion, laquelle ne permet d'en

[f. 5 v.]

prendre plus de trois, desquelles il eust trois fils. Le bruit court qu'il tua son aîné de sa propre main, ce qui se trouve autrement, car combien qu'il le frappa du bout d'un baston ferré d'une pointe d'acier carree, lequel baston est en forme de crosse nul ne l'osant porter que les Empereurs, qui est un baston dont iadis les grand Ducs recevoient hommage du Tartare Distkrim, il fut aucunement blessé du coup, mais n'en mourut pas, ains quelque temps apres en un pelerinage.

Le second fils fut Theodore Ivaneuvits lequel succeda au pere. Le troisieme fut de la derniere femme, laquelle estoit de la maison des Nagois, assavoir Demetrius Iohannes, ledit Iohannes Vaslius ou Basilius surnommé le Tyran, n'estant assure de la fidelité de ses subiects, les esprouva en diverses manieres, mais la principale fut lors qu'il esleut au trosne imperial en sa place Zar Simeon, duquel est parlé cy dessus, le fit couronner, luy resina tous les tiltres de l'Empire; & se fit faire un Palais tout contre le Chasteau, se faisant appeler Veliqui Knes Moscofsqui. Il regna 2. ans entiers, depeschans tant les affaires du païs, que de tous Ambassadeurs & autres de dehors. l'entens apres luy avoir demandé conseil, lequel valloit autant que absolu commandement. Au bout de deux ans, le deposa de l'Empire & luy donna de grands biens: Apres donc la mort de son fils aîné, il maria son second fils, assavoir Theodore, à la fille de Boris Federevits, lequel estoit Gentil-homme d'assez bonne maison que l'on appelle Deuorene Moscofsqui, lequel, peu à

[f. 6]

peu, s'acquist la grace de l'Empereur Iohannes qui decedda l'an 1584. en Mars. Apres son deceds luy succeda ledit Theodore à l'Empire, Prince fort simple, lequel s'amusoit plusieurs fois à sonner des cloches; ou la

plus part du temps en l'Eglise. Boris Federvits, estant pour lors assez aymé du peuple, & grandement favorisé dudit Theodore, s'entremet aux affaires de l'estat, & estant subtil & fort entendu, contentoit un chacun. Tellement qu'après quelques murmures de déposer ledit Theodore pour sa simplicité, en fin fut Boris esleu protecteur du país: Lequel des lors, comme l'on tient, commença à aspirer à la couronne, voyant que ledit Theodore n'avoit nuls enfans qu'une fille, laquelle decedda aagée de trois ans, & à cet effect commença par bien-faits à attirer le peuple. Il fit murrer la ville de Shmolentsqui* cy dessus nommée. Il fit clorre la ville de Mosco d'une muraille de pierres au lieu de celle de bois qui estoit auparavant: Il fit bastir quelques Chasteaux entre Casan & Astrican, comme aussi sur les frontieres de Tartarie. Ainsi, estant assuré de la bonne volonté du peuple, & mesmes de la noblesse, hor-mis des plus clairs-voyans & des principaux, envoya en exil soubz quelque couleur ceux qu'il pensoit luy estre les plus contraires. Puis envoya finalement l'Imperatrice, femme dudit deffunct Iohannes Basilius, avec son fils Demetrius Iohannes à Uglits, ville esloignée de 180. virst de Mosco. Car l'on tient que la mere & quelques autres Seigneurs, prevoyant bien le but ou ledit Boris tendoit, & sçachant le dan-

[f. 6 v.]

ger que l'enfant pourrait encourir, parce qu'il estoit desia advenu à plusieurs Seigneurs envoyez en exil par luy, desquels plusieurs estoient empoisonnez par les chemins, trouverent moyen de le changer & supposerent un autre en sa place, apres il fit mourir encores plusieurs Seigneurs innocens. Tellement que ne se doubtant plus de personne que dudit Prince, pour se despetrer de tout, envoya à Uglits faire massacrer ledit Prince qui estoit supposé. Ce qui fut effectué par le fils d'un qu'il avoit envouyé pour secretaire à la mere. Le Prince estant aagé de sept ou huit ans, celui qui fit le coup fut tué sur place, & le Prince supposé fut enterré fort simplement. Les nouvelles arrivées à Mosco engendrent** diverses pensees, l'on en murmuroit & parloit diversement. Boris, estant adverty de tout, fit mettre la nuit le feu aux principales boutiques & maisons des marchans, & d'autre part en divers lieux pour leur tailler de la besogne iusqu'à ce que la r'humeur fust un peu passée et les esprits rassis. Il se trouva present pour donner ordre que l'on esteignist le feu ou il print tant

* первоначально в тексте: «Shmolentsqui», буква «о» вымарана

** первоначально в тексте: «engendent», правка внесена между строк

de peine que l'on eut estimé le dommage luy importer de beaucoup. Puis ayant fait assembler tous ceux qui avoyent receu du dommage, apres leur avoir fait une longue harangue pour les consoler, & leur remonstrer le regret qu'il portoit de leur perte, leur promit d'impetrer de l'Empereur quelque recompense pour un chacun d'eux, à fin de pouvoir rebastir leurs maisons, & mesmes promit de faire bastir des boutiques de pierre au lieu qu'elles

[f. 7]

n'étoient que de bois auparavant: Ce qu'il effectua, si bien qu'il rendit chacun content, & s'estimoient heureux, d'avoir un si bon protecteur: finalement ledit Theodore decedda en l'an 1598. en Janvier (aucuns disent que ledit Boris fut auteur de sa mort) Lors il commença plus que devant à briguer l'Empire, mais si sourdement que nuls que les plus clairs voyans s'en apperceurent, qui neantmoins ne s'y osoient opposer: car il faignoit de briguer pour sa sœur, vefve de defunct Theodore. Combien que ce soit contre les loix du Pays, lesquelles ne permettent aucune. l'entend qui soit vefve des grands Ducs, ou Empereurs, vivre libres, ains six sepmaines apres les funérailles, se rendre Religieuse, en une Abbaye, mesme sembloit refuser ceux qui par le Conseil de l'Imperatrice, venoient devant sa porte, où en la chambre du Conseil (en laquelle est libre à un chacun indifferamment, d'entrer pendant l'entre-reigne.) Il se fit donc prier d'accepter le tiltre d'Empereur, & les reprenant, leur remonstroit qu'ils avoient tort, de se tant haster, que l'affaire méritoit une plus meure deliberation, que rien ne pressoit, veu qu'ils avoient paix avec un chacun: & que l'Empire continueroit au mesme estat qu'il estoit au temps du deffunct, lors que luy mesme en estoit le protecteur, iusques à ce qu'avec meur advis, ils en eussent choisi un autre. La verité estoit neantmoins, que le pays n'avoit receu dommage en son temps, qu'il avoit augmenté le Trésor, outre les Villes, Chasteaux, & forteresses qu'il avoit

[f. 7 v.]

fait bastir, mesmes fait paix avec tous leurs voisins, & pour-ce vouloit deüement faire convoquer les Estats du pays: à sçavoir: de chacune Ville, huict où dix personnes à fin que unanimement tous le pays en deliberast de celuy que on devoit eslire, à quoy faire il falloit du temps, car son desir (disoit-il) estoit de contenter un chacun. Pendant ce temps, il fit* courir le bruit que le Tartare venoit en personne pour fourager la Russie,

* первоначально в тексте: «font», правка внесена между строк

avec de grandes forces, selon l'advis qu'il en avoit eu des prisonniers, que les Cosacqs auoient amenez. Tellement que sur ses nouvelles, le peuple fut plus importun envers luy, à le prier de recevoir la Couronne, surquoy apres plusieurs protestations faites, que c'estoit contre son gré qu'il acceptoit, veu qu'il y en avoit plusieurs issus de plus noble race que luy, à qui par droit la Couronne appartenoit plustost qu'à luy. Et que sans cela, il témoignerait son affection de pere du peuple, & avec autant de diligence aux affaires publiques, qu'il avoit fait auparavant. Mais puis qu'il voyoit que le peuple le vouloit ainsi, & qu'aucun autre ne s'en vouloit entreprendre, qu'il estoit content de se charger d'un si pesant fardeau. Apres avoir fait teste aux infideles, qui venoient avec une armée de cent mil hommes, pour ravager l'Empire, & leur avoir donné la loy, aussi bien qu'à tout le reste de leurs voisins. Des lors on le nomma par les tiltres de ses predecesseurs. Pour donc effectuer ce que dessus, il fit assembler les gens de guerre à Serpo, ville scituée sur la Oca, passage

[f. 8]

commun des Tartares, qui est à 90. virst de Mosco ou il s'achemina en personne. Apres que sa sœur l'Imperatrice, se fust renduë au Deuitsi Monasteri, qui veut dire, Cloistre des Vierges, scituée à 3. virst, de Mosco, & fut fait monstre de l'armée en Iuillet: & selon le dire tant des estrangers, que des Russes qui estoient presens, se trouva cinq cens mil hommes, tant de pied que de cheval, ie parle encore du moins, car la Russie n'a iamais esté en plus grande vogue qu'alors. Et pource que cecy ne semble estre vray semblable: ie marqueray cy apres la forme qu'il practiquent à lever tant de gens, selon ce que i'en ay vu et appris. Mais pour finir cette guerre, il ne se trouva d'autre ennemi, qu'un Ambassadeur avec environ cent hommes, vestus de peaux de mouton selon leur coustume, mais tres-bien montez, qui venoient pour traicter quelque accord de la part du Tartare, de quoy Boris estoit bien informé au paravant. Cet accord luy acquist un tres grand renom, car apres avoir fait veoir à l'Ambassadeur toutes les forces de Russie, fait iouer plusieurs fois tout le canon, lequel estoit rangé des deux costez d'un chemin, large de deux virst, ou environ, & les pieces assez esloignées l'une de l'autre, faisant passer ledit Ambassadeur quelques-fois entre lesdites pieces, finalement le renvoya avec forces presens, ainsi apres avoir licencié l'armée, vint ledit Boris Federvits en la ville de Mosco, en grand triomphe. Le bruit courut lors que le Tartar entendu sa venuë, n'avoit oser passer outre, & fut

[f. 8 v.]

ledit Boris couronné le premier Septembre 1598. qui est leur premier iour de l'an.

Ce pays receu le Christianisme, il y a environ 700. ans, premierement par un Evesque de Constantinople. Ils tiennent la religion Grecque, ils baptisent les enfans, les plongeans trois fois dans l'eau: Au nom du Pere, du Fils, & du saint Esprit: Puis le Preste leur pend une croix au col, laquelle il reçoit du Parrain, pour tesmoigner du baptesme, laquelle il porte iusqu'à la mort. Ils aduoient la Trinité, neanmoins ils different de nous, en ce qu'ils n'auoient le saint Esprit, procedder du Père & du Fils esgalement, ains du Pere seul, reposant sur le Fils. Ils ont plusieurs Images, mais nulle taillee que la croix, car toutes les autres sont de plattes peintures. Ils dient avoir la Vierge Marie peinte par les propres mains de l'Euangeliste saint Luc, leur plus grand patron est saint Nicolas, outre les saints qu'ils ont de la Grece ils en canonisent plusieurs. Mais il n'y a nulle sainte entre eux, que la Vierge Marie. Ils ont un Patriarche, qui a esté créé au temps de Iohannes Basilius, par celuy de Constantinople. Il y a, si ie ne me trompe, cinq Archeveschez, plusieurs Eveschez & Abbayes, les Prestres seuls administrent les sacremens, lesquels Prestres sont mariez, leurs femmes venans à mourir, ils ne peuvent plus administrer, s'ils ne se remarient, ils se peuvent rendre moynes: les Moines ne sont non plus mariez que le Patriarche, Evesques, & Abbez, & pource ne peuvent administrer les sacremens ny manger de chair, ains faut que chacun

[f. 9]

d'eux reçoivent les sacremens desdits Prestres, ils administrent le sacrement sous les deux especes à tous, indifferemment, clercs & lais, apres la confession auriculaire, coustumierement une fois l'an: Si les Prestres se remarient, ils deviennent Lais. Ils n'estiment aucuns estre deuement baptizez que ceux qui le sont à la Grecque, combien qu'ils dispensent les Catholiques de se rebaptiser. Ils observent leurs festes exactement, & le vendredy mesme, autant que dimanche: combien qu'il n'y a feste si grande, en laquelle ils ne permettent d'ouvrir les boutiques, & travailler à ce qui leur est necessaire apres midy. Ils ieusnent le mercredy & le vendredy, & outre-ce ont quatre caresmes en l'an: assavoir le grand Caresme, duquel nous parlerons cy apres: deux autres chacun de quinze iours: & le quatriesme qui commence huit iours avant la saint Nicolas, & finist à Noel, lesquels ils observent aussi estroitement que faire se peut, ne mangeans oeufs ny aucune chose qui provienne de

chair. Ils ont les Sainctes Escritures en leur langue, qui est Esclavonne. Ils font grand compte des Pseaumes de David. L'on ny presche iamais, ains à quelques festes ils ont certaines leçons qu'ils lisent de quelque chapitre de la Bible ou nouveau Testament, mais l'ignorance est telle parmy le peuple, qu'il ne se trouvera pas le tiers qui sçache que c'est l'Oraison Dominicale, & Symbole des Apostres. En fin on peut dire l'ignorance est mere de leur devotion. Ils abhorrent les estudes, et principalement la langue latine. Il n'y à aucune escolle

[f. 9 v.]

ny université entr'eux. Les Prestres seuls enseignent la ieunesse à lire et escrire, à quoi peu de gens s'adornent. La plus grand part de leurs caracteres sont Grecs, & sont presque tous leurs livres escrit à la main, fors quelque bible & nouveau testament qu'ils ont de Pologne, lesquels sont imprimez, car il n'y a que dix ou douze ans qu'ils ont appris à imprimer, & sont encore pour le iourd'huy les livres plus recerchez que les imprimez. Deux fois l'an, les fleuves & eaux courantes y sont benistes, & apres ladite benediction l'Empereur & les grands ont accoustumé de saulter dedans l'eau, mesme i'ay veu couper la glace à cet effect, & l'Empereur saulter dedans. Le iour de Pasques fleuries, l'on monte le Patriarche sur un asne, lequel s'asied en femme, & au defaut d'un asne l'on prend un cheual que l'on couvre d'un linge blanc, tellement que l'on n'en voit rien que les yeux, l'on luy fait de grandes oreilles, & l'Empereur le conduit par la bride iusques dans une église hors du Chasteau qu s'appelle Hierusalem, & de là le conduit à l'Eglise de nostre Dame: il y a des gens ordonnez ce iour là qui despouillans leurs robes, les estendent sur le chemin suivans en la procession les Prestres & des autres Ecclesiastiques de la ville. Il ont entr'eux un ordre de ceux lesquels ayans esté administrez comme proches de la mort, sont obligez s'ils r'eschappent, de porter un habit different des autres habits monachals leurs vie durant: & tiennent ce-cy à une grande saincteté. Les femmes de ceux-cy se peuvent remarier, nul ne peut entrer en

[f. 10]

leurs Eglises qu'il ne soit de leur religion, le Patriarche, Evesques & Abbez sont creez à la volonté de l'Empereur. Toutes choses Ecclesiastiques sont iugees par le Patriarche si elles ne sont de quelque importance: car lors il en faut communiquer à l'Empereur. Sous quelque couleur que ce soit le mary repudie sa femme, l'envoyant contre sa volonté en un cloistre dont y a nombre & ce remarient iusques à la troisieme fois.

L'empereur donne liberté de conscience à un chacun d'exercer sa devotion & religion publiquement, horsmis aux Catholiques Romains, & ne permettent nul l'un entr'eux depuis que Ioannes Basilius surnommé le Tiran fit assembler tous ceux qui estoient au pays, & les fit amener sur un pont apres leur avoir fait lier pieds & mains, leur fit renoncer leur croyance, & les força de dire qu'ils vouloient estre baptizez & croire en Dieu le Père, le Fils, & le saint Esprit, & en mesme instant les fist tous ietter dans l'eau. Les Livoniens qui furent pris prisonniers en Livonie il y a trente huit ou quarente ans, lors que ledit Ioannes Basilius conquist la plus grande part d'icelles, & amené tous les habitans de Dorpt, & de Narve en Moscovie, lesdits Livoniens qui sont de religion Luterienne obtindrent deux Temples dedans la ville de Mosco, y faisans exercice public, mais finalement furent lesdits Temples par le commandement dudict Ioannes Basilius, à cause de leur orgueil & de leur vanité desmolis, & toutes leurs maisons saccagees, sans respect l'age n'y de sexe, & bien qu'en hyver furent

[f. 10 v.]

mis à nud comme les enfants sortans du ventre de leurs meres: ils ne pouvoient de cecy ietter la coulpe autre que sur eux mesmes: car sans se souvenir du mal passé, & d'avoir esté emmenez hors de leur patrie, spoliez de leurs biens, & reduictz en servitude sous la puissance d'un peuple du tout grossier & barbare, & outre gouvernez par un Prince tyran, au lieu de s'humilier à cause de leursdites adversitez: leur comportement fut si superbe, leur façon de faire si hautaines, & leurs habits si somptueux que l'on les eust tous iugez estre princes ou princesses, car les femmes allant au Temple n'estoient vestuës d'autres estoffes que de velours, satin, damas, & la moindre de tafetas, combien qu'elle n'eust eu vaillant autre chose: leur gain principal consistoit en la liberté qu'ils avoient de vendre eu de vie, medon & autre sorte de breuvage, sur lequel ils gagnent non dix pour cent, ains cent pour cent, ce qui semblera incroyable, mais neantmoins c'est la verité.

Et bien queles Livoniens, soient & ont esté touiours tels, si eust-on iugé qu'ils avoient esté amenez en Russie, pour y faire voir leur vanité, & insolence, qu'en leur propre pays ils n'eussent osé pratiquer, à cause des loix & de la iustice, & finalement leur fut donné une place hors la ville, pour y bastir leurs maisons, & une Eglise, n'estant depuis permis à aucuns d'iceux de demeurer en la ville de Mosco. Il se trouve mesme des Tartars, Turcs et Persiens, outre les Mordovites, & autres nations Mahometanes, sous la domi-

[f. 11]

nation des Russes, qui tiennent chacune leur religion, sans les Siberiens, les Lapes & autres lesquels ne sont, ny Chrestiens, ny Mahometains. Ains adorent certains animaux, selon leur fantaisie, sans estre forcez en leur religion.

Ils ne gardent iamais leurs morts vingt-quatre heures, soit Princes où esclave. Ainsi, s'il meurt le matin, il est enterré le soir, ils ont ordinairement un nombre de femmes pour pleurer leurs morts, lesquels l'interroguent pourquoy il est mort: s'il n'estoit favorisé de l'Empereur, s'il n'avoit assez de bien, s'il n'avoit assez d'enfans, une honneste femme, où si c'est une femme, si elle n'avoit un bon mary, avec semblables follies. Puis on luy met une chemise neufve, des gouestres, des souillers qui sont comme des pantoufles, & un bonnet, puis le mettent dans le Cercueil, & le portent en terre, les parents y assistent, avec les amis. Après l'enterrement, ils commençent à pleurer sur les tombeaux, interroguans comme au paravant, puis s'en vont, & au bout de six semaines s'assemblent sur le tombeau, la vefve avec quelques principaux amis, & y rapportent à boire & à manger, & aupres y avoir bien pleuré, faisant les mesmes interrogatoires, ils mangent les viandes qu'ils ont y apportez, distribuans le reste de ce qu'ils ne peuvent manger aux pauvres. Cela se fait entre le commun peuple, mais si c'est quelqu'un de qualité, l'on fait ledit festin en la maison, apres que les principaux parens sont de retour de du sepulchre, sur lequel ils font eux mesmes lesdicts interrogatoires, où font

[f. 11 v.]

faire par femmes louées à cest effect, lesquels distribuent aux pauvres, tout ce qu'on porte sur le sepulchre, & ainsi continuent tous les ans une fois lesdits banquets, lesquels ils font en commemoration des morts. Au bout de six semaines, la femme se peut remarier, car le deuil ne dure d'avantage.

Or l'observation du grand Caresme est telle, une semaine avant icelle, laquelle ils appellent Maslonits, qui veut dire semaine grace, en laquelle combien que ils n'osent manger nulle chair, si mangent-ils toutes choses provenant de chair, à sçavoir, beurre, fromage, œufs, laict. Et ce vont entre-visiter, ce baisant, prenant congé, & requerant pardon les uns des autres, s'ils s'estoient offensez, de paroles ou des faicts, mesme ce r'encontrant par les rues, combien qu'il ne se seroient iamais veuz au paravant ce baisent, disant, *Prosti mene Poialoi*. qui veut dire, pardonnez moy, ie vous prie, lequel respond, *Boch tibi prosti*, Dieu vous pardonne,

& me pardonnez aussi. Or avant que passer outre, il faut sçavoir que ce n'est pas en cette saison seule qu'ils s'entre-baisent, ains en tout temps, car c'est une espece de salutation que ils ont entre eux, de s'entre-baiser, tant les hommes que les femmes, en prenant congé les uns des autres, ou se r'encontrant, ne s'ayant veu de long temps: la semaine finie, ils vont tous aux bains, ne sortent peu où point la semaine suivante hors de leurs logis, & ne mangent la plus-part que trois fois ladite semaine, mais ny chair, ny poisson, ains du miel, & toutes sortes de racines,

[f. 12]

la semaine suivante, ils sortent de leurs logis, mais fort simplement abillez, comme s'ils portoient le deuil, ils mangent tout le reste du Caresme (hormis la dernière semaine) toutes sortes de poisson, tant frais que sallé, sans beure, ou autre chose provenant de chair, mais le mecredi & vendredy, ils mangent peu de poisson frais, ains tout poisson sallé, & racines, la dernière semaine est observée aussi estroitement, où plus que la première, car en icelle, ils reçoivent tous costumièrement le Sacrement. Or le iour de Pasques, est la semaine suivante, ils s'entre-visitent les uns les autres (comme en la semaine grace) avec des œufs rouges, lesquels ils s'entre-presentent, disant *Christus vos Christ*, qui veut dire: Christ est ressuscité, l'autre respond, *As isten vos Christ*, en vérité il est ressuscité, changent, où donnent un œuf, & ce baisent, ce qu'ils font en ce reiouissant, en tesmoignage de la resurrection. L'Empereur tient c'est ordre (comme aussi au dernier iour de la semaine grace, un chacun vient baiser sa main) le lendemain de Pasques, comme aussi le iour ensuivant, en sortant pour aller au service, un chacun des principaux & connus de l'Empereur, viennent baiser sa main, & il leur donne un oeuf, deux ou trois, selon qu'il les favorise. Et n'y a que festins par l'espace de quinze iours.

Ils ont forces cloches en Russie, combien qu'en cela ils semblent differer des Grecs, lesquels n'en ont nulles en leurs Eglises, comme l'on voit par ceux qui suivent leurs religions, à sçavoir, Valachs, Moldoviens, Retzes, & d'autres,

[f. 12 v.]

mais ce n'est contre la Religion Grecque, ains que eux estant sous la domination des Turcs, L'alcoran, desquels ne permet nulles Cloches en leur Sinagogue, non-plus que les Iuifs, ils n'en osent avoir, combien que les Catholiques Protestans & Ariens en avoient en Transilvanie, lors que Estienne, puis apres Roy de Pologne, et, apres luy, Sigismundus Batori la tenoient comme en hommage du Turc, mais Grecs n'en avoient nulles.

Tous les passages du pays sont tellement fermez, qu'il est impossible l'en sortir sans licence de l'Empereur, il ne se trouve pas qu'ils ayent laissé sortir de nostre temps, aucuns du pays de ceux qui portent les armes, car ie suis le premier: mesmes s'il y a guerre contre les Polonais, ils n'y envoient aucun Polonois, quoy qu'ils en ayent bon nombre, ains les envoient aux frontieres de Tartarie, & ainsi en font-ils des autres nations qui sont parmy eux, de crainte qu'ils ont que lesdits estrangers s'enfuyent ou rendent à l'ennemy, car c'est la nation la plus défiante et soupçonneuse du monde.

Tous leurs chasteaux & forteresses sont de bois, excepté Shemolensqui, le chateau de Ivand, Gorod ou Narve, le chateau de Thoula, Casan & Astrican, & le chateau de Columna, & et le chateau de Poutimel sur les frontieres de la Podollie, & la ville de Mosco qui est une grande ville, par laquelle passe une riviere plus grande que la Seine: la ville est enclose d'une muraille de bois qui a de circuit comme i'estime plus que Paris:

[f. 13]

apres elle a une grande muraille, qui a de circuit autant que la moitié de celle de bois, mais non au dela la riviere: puis il y a la troisieme qui est de brique, qui enclost toutes les boutiques de pierre des marchans; puis il y a le Chateau qui est grand, & fut basty au temps de Basilius Ioannes pere de Ioannes Basilius par un Italien: dans le Chateau y a diverses Eglises de pierre, entre lesquelles il y en a quatre toute couvertes de cuivre doré: la ville est pleine de bastimens de bois, chaque bastiment n'a que deux estages, mais une grande place en leur logis à cause du feu auquel ils sont fort subiets depuis peu du temps, ils ont basty beaucoup d'Eglises en pierre, il y a aussi un nombre infiny de bois, & mesme les rues sont pavees ou planchees de bois.

La principale noblesse reside tousiours à Mosco, assavoir les knez (qui veut dire Ducs) puis ceux du Conseil qui se nomment Donmey Bayarin, des Acolintshes qui sont Mareschaux; puis les Donmey Deuorene & autres Moscoffqui Deuorene. D'iceux sont choisis les Chefs & Gouverneurs des Villes. Il n'y a au conseil aucun certain nombre: car il depend de l'Empereur, d'en faire autant que bon luy *semble*. l'en ay cognu iusques à trente-deux. Le secret Conseil est coustumierement des plus proches du Sang, en matieres de grande consequence. L'on prend (par forme) l'advis des Ecclesiastiques, faisant venir le Patriarche avec quelques Evesques au Conseil, combien qu'il n'y a à par-

[f. 13 v.]

ler proprement, nulle loy, ny conseil, que la volonté de l'Empereur, soit bonne où mauvaise, à mettre tout à feu & à sang, innocens, où coupables. Le le tiens pour l'un des plus absolus Princes qui soit. Car tous ceux du pays, soit Nobles, ou Innobles: les freres mesmes de l'Empereur, s'appellent *Clops hospodaro*, qui est à dire, esclaves de l'Empereur. Ils admettent outre plus au conseil deux Domnei Diac, lesquels ie tiens plustot pour Secretaires, que pour Chancelliers, combien qu'ils le font ainsi interpreter. L'un est celuy dans l'office duquel on despesche tous Ambassadeurs, & les negoces foraines. L'autre est celuy en l'office duquel tous gens de guerre ont leurs expeditions, tant Lieutenans Generaux, Gouverneurs des Villes, qu'autres, hor-mis les Strœlites, qui est la meilleure infanterie (qui sont Arquebouziers) qui'ils ayent, car ils ont leur office à part.

Outre ce chaque Prouvince du pays à son office, ou il y a un du Conseil ou Acolnitshes avec un Diac* pour iuger de tous differends qui surviennent entre ceux qui servent l'Empereur. Il faut noter que nulz Iuges ny Officiers n'osent prendres nulz dons de ceux qui ont affaire d'eux, car s'ils sont accusez ou par leurs propres serviteurs, ou par ceux qui leur ont fait des presents, (ce qui advient souvent pour ne estre expediez comme ils l'esperent) ou par autre quel qu'il soit, & convaincus, tous leurs biens sont confisquezz, & outre ce sont mis sur la Pravue (de laquelle parlerons cy apres) pour les faire payer une amen-

[f. 14]

de, apres restitution dés presens selon que L'Empereur en ordonne cinq cens mil, ou deux mil Roubles plus ou moins selon la qualité, mais si c'est du Diak, qui ne soit bien favorisé de l'Empereur est fouëtté par la ville luy pendant au col (si c'est argent qu'il aye pris) une bourse pleune d'argent, & ainsi tout de mesme de toute autre chose, car si ce sont fourrures, perles, ou autre chose qu'elle qu'elle soit, mesmes iusques à du poisson salé, l'on à accoustumé de leur pendre au col, lors qu'ils sont fouëttez, ce qui ne s'execute avec verges, anins avec un fouët, puis envoyez en exil, ce qu'ils ne recherchent pour le temps present seulement, ains pour le futur, nonobstant ce ne laissent de prendre, car il se trouve une nouvelle invention, qui est qu'on vient offrir à l'image de celuy à qui l'on à affaire, desquelles images un chacun à grand nombre en sa maison, lesquelles les

* первоначально в тексте: «diacre», «ге» вымарано; опечатка указана в списке Errata

plus simples appellent Boch, qui veut dire Dieu, & les autres Obros, qui veut dire Images ou representation) ce que l'on veut le pendant sur ladite Image, ce qui toutesfois ne les excuse si le present surpasse sept ou huit Rouble, & que l'Empereur en soit adverty, il leur est aussi aucunement loisible par l'espace de huict iours apres Pasques de prendre quelque petite chose lors qu'ils s'entrebaissent, avec des oeufs, comme avons desia touché, mais il ne faut pas qu'ils prennent aucuns dons si l'on leur presente pour quelque espoir que par cela l'on aye de leur faveur, car cela ne les exempte s'ils sont accusez des parties desquelles ils l'ont receu, veu

[f. 14 v.]

qu'il peuvent tesmoigner leur avoir donné pour [t]el ou tel subiect, ains sont exempts pendant ledit temps de tous autres accusateurs, tellement qu'il faut que tous Iuges & Officiers se contentent de leurs pensions annuelles & terres qu'ils possèdent de l'Empereur. Il n'y a nul appel d'une sentence donnee, il faut que tous indifferemment, de quelque Province tant esloignee qu'elle soit, horsmis les habitants des villes, viennent pour estre iugez en la ville de Mosco. Quant aux habitans ils ont en chaque ville un Goubna Starast, lequel iuge de toutes causes, dont y appel à Mosco. Ces Iuges subalternes ont aussi pouvoir de rechercher & d'emprisonner tous meurtriers, voleurs & larrons, les faire donner la question, & apres leur confession en escrire à Mosco à un Office qu'ils appellent Rosboinie Pricas; à ce ordonné. Il ne se peut executer un homme en toute la Russie sans expresse ordonnance de la Cour souveraine de Mosco. Leurs loix portent que chacun plaide pour soy mesme ou par quelque sien parent ou serviteur à ce depputé, car de Procureur ou Advocat il ne s'en parle point. Tous differends, hormis ceux desquels on peut iuger à l'œil, se terminent par un serment que l'une des parties defere à l'autre, luy faisant baiser une croix dans une Eglise à ce ordonnee avec quelque ceremonie. Il faut noter que ceux qui servent l'Empereur à cheval sont exempts de faire ce serment en personne, car ils font baiser ladite croix par un serviteur, hormis lors qu'ils prestant serment aux Princes: & ceux qui sont

[f. 15]

redevables de quelques sommes de deniers, lesquels ne peuvent ou ne veulent payer soit à l'Empereur ou à autre, l'on les mis sur la Prave, qui est un lieu où il faut qu'ils se trouvent aux iours ouvriers dez le Soleil levant pour estre battus & fustigez d'une baguette ou houssine sur le gras des iambes iusque vers dix ou onze heures, par des gens ordonnez à cela qui s'appellent Nedelsic: l'en ay vue remener plusieurs sur des charrettes en

leurs logis; cela continue iusques à entiere satisfaction de la debte: ceux qui servent l'Empereurs à cheval en sont exempts, mettant un de leurs gens en leur place.

La Noblesse, sous laquelle ie comprens tous ceux qui tirent gages annuelz possedans terres de l'Empereur, tiennent ceste reigle, ils se levent ordinairement en esté au Soleil levant, vont au Chasteau (i'entens s'il sont en Mosco) où le Conseil se tient depuis la premiere heure iusques a six heures du iour, puis l'Empereur va ouyr le service* où ceux du Conseil l'accompagnenet qui dure depuis sept heures iusques a huict, qui est depuis unze heures iusques à midy: apres que l'Empereur est sorty un chacun se retire pour aller disner, & apres disner se couchent & dorment deux ou trois heures, puis sur les quatorze heures sonne une cloche, & retournent tous les Seigneurs au Chasteau, où ils demenrent iusques sur les deux ou trois heures du soir, puis se retirent soupent & s'en vont coucher. Or, il faut noter** que tous vont à cheval en esté & en hyver sur les trenoirs, tellement qu'il ne font nul exer-

[f. 15 v.]

cice, ce qui les rend gros & replets, mesmes tiennent en honneur ceux qui sont les plus ventrus, [l]es appellans Dorotney Schalouec, qui signifie lun brave homme, ils sont fort simplement habillez si ce n'est quelque iour de feste ou bien que l'Empereur sorte en public, ou que quelque Ambassadeur doive avoir audience: Leurs femmes vont en esté en chariot & en hyver en un tresnoir, si ce n'est lors que l'Imperatrice va aux champs; car lors il y a un grand nombre de femmes qui suivent son carrosse, estans à cheval comme un homme, & portent toutes des chapeaux de feustre blanc, semblables à ceux que les Evesques & Abbez portent par les champs, hormis que iceux sont gris obscurs ou noirs, elles sont habillees d'une robe longue, aussi large aux espaules que par le bas, ordinairement d'escarlatte ou de quelque beau drap rouge, dessous laquelle elles ont une autre robe de quelque estoffe de soye avec de grandes manches larges de plus d'une aulne de Paris, sur le devant les manches sont de quelque drap d'or d'un tiers d'aulne de longueur, un bonnet sur la teste en broderie de perles si elle est femme: mais si c'est une fille elle porte un haut bonnet

* первоначально в тексте: «servi de», «се» вставлено на полях, «de» вымарано

** первоначально в тексте: «по се», «тер» вставлено на полях, «се» вымарано

de regnard noir, comme les Nobles font lors que l'on donne audience à un Ambassadeur: si c'est une femme qui n'ait eu aucuns enfans elle peut porter mesme bonnet qu'une fille: puis elles portent toutes un colier de perles de quatre bons doits de largeur, & des pendants d'oreilles qui sont fort longs, chaussees de bottes de marroquin rouge ou* iaune, le talon
[f. 16]

de trois doigts de haut, ferré comme les bottes des Polonois ou Hongres, elles se fardent toutes, mais fort grossierement, & tiennent que c'est une honte de ne se farder soit vieilles ou ieune, riche, ou pauvres. Elles sont tenuës de fort pres & ont leurs logis separés de celui de leurs maris. L'on ne les voit iamais, car c'est la plus grande faveur qu'ils font l'un à l'autre de se monstrier leurs femmes, si ce n'est aux proches parens. Mesme si quelqun se veut marier, il faut parler aux parens de la fille, lequel s'il est content d'entrer en alliance avec luy, depute un de ses plus fideles parents où amis, pour aller voir ladite fille, & luy en fait son rapport, & sur ce rapport contractent mariage, & qui se desdit, paye une somme d'argent accordé entr'eux. Apres ce contract, il peut aller veoir son espouse. Le iour du mariage, elle est menée à l'Eglise, ayant un voile sur la face, comme le fist Rebeca, lors qu'elle fut advertie que c'estoit Isaac, que elle voyoit venir de tout loin. Tellement qu'elle ne peut voir personne, ny personne la voir au visage. Puis est r'amenée de mesme façon, & assise à table, & continuë ainsi voilée iusques à la consommation du mariage, qu'ils vont aux bains, ou s'il n'y vont, se font ietter un seau deau dessus la teste: car il se tiennent souillé iusque à lors, suivant en cela les Iuifs, & les Turcs. Ils faut qu'ils reçoivent la benediction d'un Prestre, ou Moine, avant que d'entrer en leurs Eglises, ou mesme se présenter devant aucunes images desquelles un chacun à bon nombre en sa maison, & en font de mesme, toutes-

[f. 16 v.]

fois & quantes qu'ils cognoissent leur femmes, tout ce que l'on donne en mariage est estimé au double ou au triple & tout autre chose, & s'il advient que elle meure sans enfans le mary paye le tout, suivant l'estimation aux plus proches parens, un chacun s'estime riche, par le nombre des serviteurs & servantes qu'il a, & non par l'argent qu'il possèdent, ce qu'ils ont retenu des Anciens. Car les serviteurs desquels ils ont grand nombre, sont esclaves, & demeurent Cerfs, tant eux que leurs enfans, aux

* первоначально в тексте: «&», «ou» вставлено между строк

heritiers de leur premier maistre. Outre ce, ils ensuivent plusieurs choses de l'antiquité comme en leurs escrits, car leurs registres, memoires, & requestes ou supplications, sont roulées en rouleaux, & non enregistrés dans les livres, ou pliez comme entre nous, & ainsi de tous leurs autres escrits. Ce qu'il imitent des Anciens, & mesme de la saincte escriture, comme nous lisons du Prophete Ezechiel ch. 3. Comme aussi la manière qu'il sont d'inviter un homme à un banquet, ou disner. L'Empereur mesme invitant les Ambassadeurs ne dit autre chose, que *klibyest samnoi*, qui veut dire mangez du pain avec moi, & est le plus grand reproche qu'ils facent à celui qui se monstre ingrat, de dire tu as oublié mon pain & mon sel.: Mesme si l'Empereur fait quelque voyage, ou qu'un Empereur soit esleu, où se marie, où assiste à un baptesme, la commune luy vient offrir entre autres presens, chacun un pain & du sel. Leur reverence est d'oster le Chappeau, & se prosterner, non à la façon des Turcs, ou des Perses ou autres Mahume-

[f. 17]

tans, mettans la main sur la teste, ou sur la poitrine, ains baissant la main droite iusques à terre, ou moins basse, selon l'honneur qu'ils veulent faire. Mais si un inferieur veut impetrer quelque chose de son superieur, il se prosternera du tout la face contre terre. Comme aussi en leurs prieres devant quelques Images, & ne sçavent que c'est d'autre reverence, non plus que de mettre le genouil en terre, car c'est la façon des Mahumetans (disent-ils) à cause que coustumierement ils s'agenouillent pour s'asseoir en terre, les femmes en usent de mesme.

Il se trouve beaucoup de gens âgez entr'eux, de 80. 100. ou 120. ans. Ils ne sont pas si subiects à la maladie qu'en ses quartiers. Ils ne sçavent que c'est de Medecines, si ce n'est l'Empereur, & quelques principaux seigneurs. Mesmes ils tiennent plusieurs choses soüillées, desquelles on se sert en Medecine, entr'autres ne prennent volontiers des Pilules; quant aux Clisteres ils les abhorent. Comme aussi le Muscq, la Civete, & autre telle chose. Mais si les simples sont malades, ils prennent coustumierement un bon traict d'eau de vie, & y mettent une charge de poudre d'arquebouze dedans, où bien une teste d'ail pilée, remuent cela & le boivent, & vont à l'instant à une estuve, laquelle est si chaude, que l'on n'y scauront presque durer, & y demeurent iusques à ce qu'ils aient sué une heure ou deux, & en usent de mesme en toute sorte de maladies.

Quant au revenu de l'Empire l'on tient cet ordre. Premièrement le Domaine de l'Empereur

[f. 17 v.]

vient en un office qu'il appelle de Vorets, sur lequel office le maistre d'hostel à la superintendance & en iuge avec deux Diaques: outre-ce le pays est divise en cinq Offices qu'ils appellent Setvart, ausquels Offices l'on apporte les revenus ordinaires, outre-ce il y a un autre Office qu'ils appellent Bolshoi Prichod, lequel Office à la survoyance desdits Setuarts, & mesmes s'il y a quelques imposts extraordinaires, ils sont tous apportez audit Prichod: le Revenu de l'Empereur outre son Domaine consiste en tailles, qu'il faut que non seulement les villes payent, mais aussi tous les paysans, n'en exemptans pas les terres hereditaires de ceux du sang: puis en imposts & gabelles de toutes sortes de marchandises, & sur les cabarests où ils vendent eau de vie, medon, l'hydromel & cervoise, car il ne s'oseroit vendre par toute la Russie, que par ceux qui ont afferme les cabarests en chaque ville ou le village, puis sur les Pelleteries, Cire & autres marchandises. Or, le Domaine de l'Empereur consiste la plus part en vivres, assavoir Grains, Eau de vie, Miel, Venaison, Chairs, Vollaille, Fruittage & toutes autres choses necessaires à la cuisine & sommellerie: toute chose nonobstant ce, est particulièrement taxee à plus haut prix, & de ceux qui sont un peu esloignéz de la ville l'on prend le tout en argent, mesme il s'en trouve plusieurs qui sont taxez en argent, asçavoir chacun Voit: qui contient sept ou huict decetin de terre labouree selon les lieux ausquels ils sont, un Decetin est une piece de terre sur laquelle on

[f. 18]

peut semer deux Shetvert de grain, qui est comme on disoit un arpent de terre, & payent de cela annuellement dix, douze, quinze Roubles, voire iusques a vingt Roubles selon la fertilité de la terre, chaque Rouble fait environ six livres douze sols, qui monte tous les ans à une grande sommes, tellement qu'il se trouve de deniers clairs en cet Office iusques a cent vint mil, voire iusques a cent cinquante mille Roubles tous les ans, selon les fraiz & despens des Ambassadeurs estrangers & autres extraordinaires qui sortent de cet Office, il s'est trouvé en outre des deniers clairs en quelques uns de ces cinq Setuart, comme celui de Casan, & *Nouva* Setvart, apres tous frais faits (car ce sont les lieux desquels toutes pensions & gages de la plus part des gens de guerre sont payez) iusques a quatre vingts ou cent mille Roubles, & les autres de quarente a soixante mille Roubles, outre le Bolshoi prichod, lequel outre l'extraordinaire que l'on leve par tout le pays par le commandement de l'Empereur à la ville de Mosco, & plusieurs autres parties casuelles, comme de ceux qui

tombent en disgrâce, les biens desquels sont confisquez: puis il y a les fourrures & cires qui viennent à un office appelé Casna, qui est le lieu du Tresor: ce qui revient du seau, asçavoir pour chaque lettre scellée un quart de Rouble, est comprins en cet office, duquel le paye toute sorte de marchandise prinse pour l'Empereur: outre ce chaque Office des Provinces r'apporte une bonne somme d'argent au bout

[f. 18 v.]

de l'an, car l'Empereur à la dixiesme partie de tout ce qui ce demande par droict de iustice: outre ce il y a deux offices, sçavoir l'une où s'expedie la donation des terres appellé Pomiesnej prikas, car pour chaque lettre il faut donner deux trois ou quatre Roubles selon la grandeur des terres dont ils prennent possession, puis si quelqu'un tombe en disgrâce, le revenu desdictes terres revient audit Office iusques à ce que l'Empereur les donne à quelque d'autre: l'autre Office s'appelle Conusnej prikas, qui est l'Office de l'escurie: ledit Office a aussi plusieurs revenuz & casualitez, car tous chevaux qui se vendent au pays, horsmis des paysans paye pres de vingt sols pour le registre qui s'en tient, afin de n'encourir aucun danger si on pretendoit que le cheval eust esté desrobé: puis il y-a grands revenuz de chevaux que les Tartars dit Nagais amenant vendre en Russië, car premierement l'Empereur prend le choix de la dixiesme partie des chevaux: en outre de chaque cheval qu'ils vendent, il prend du vendeur ou l'acheteur selon qu'ils s'accordent à raison de cinq pour cent: or apres avoir eslevé deux ou trois ans lesdictes dizaines de chevaux, qui sont ieunes chevaux ou poulains l'on les vend, ce qui monte à une grande somme d'argent, car i'en ay veu amener à une fois pres de quarente mille: ils viennent deux ou trois fois en l'an, & en amenant plus ou moins, tellement que l'on ne peut pas estre certainement asseuré du revenu de l'Empereur, nonobstant c'est un pays fort riche, car il n'en

[f. 19]

sort nul argent, ains y en entre en bonne quantité tous les ans, car ils font tous leurs payemens avec marchandises, desquelles ils ont grand nombre, à sçavoir, toute sorte de pelleterie, cire, suif, peaux de vache, & de élend. D'autres peaux teintes en rouge, du lin, du chanvre, de toute sortes de cordage, du caviare, qui sont des œufs de poisson sallé, il s'en meine grande quantité en Italie, puis du saumon sallé force huilles de poisson, & autres marchandises. Car de grains, combien qu'il y en ay grande quantité, il ne s'en oseroit transporter hors du pays, du costé de la Livonie. Outre ce, ils ont beaucoup de cendres, des semences de lin, filets,

& autres marchandises, laquelle ils troquent ou vendent, n'achetans rien des estrangers à deniers contans, non pas mesme l'Empereur, si c'est quelque somme comme de 4. ou 5000 roubles, il fera faire ce payement en pelleteries ou en cires.

L'Empereur à un trezor de son espargne, auquel on ne touche point, ainsi s'y met tous les ans plus ou moins. Outre cecy, y a le Roschodnoy Casna, qui est le trezor ou se prend l'argent pour despenes extraordinaires, il est plein de toutes sortes de ioyaux en grand nombre, principalement de Perles, car il s'en porte plus en Russie, qu'en tout le reste de l'Europe. J'ay veu au tresor pour le moins 50. Robes des Empereurs de rechange, à l'entour desquelles estoient des ioyaux au lieux de passement, & les Robes tout entierement brodées* de Perles, & autres bordees tout à l'entour d'un pied, d'un demy pied, de quatre doigts de Perles, j'ay veu demy douzaines de Couver-

[f. 19 v.]

tures de lict toutes brodées** de Perles, & diverses autres choses. Il y a aussi de riches ioyaux, car ils en acheptent tous les ans, lesquels demeurent au trezor, outre ceux qu'il reçoit des Ambassadeurs. Il y a quatre Couronnes, à sçavoir, trois d'Empereur, & la quatriesme est celle dont iadis les grands Ducs estoient Couronnez, sans celle que Demetrius fit faire pour l'imperatrice sa femme, laquelle n'estoit encore parachevée, car ce n'est pas la façon de pays de couronner les femmes d'Empereurs ny grands Ducs, Demetrius a esté le premier, il y a deux Sceptres, & deux Pomes d'or pour le moings, lesquels j'ay vu, ayant eu l'honneur par plusieurs fois d'accompagner Demetrius Iohannes, aux voutes dans lesqueles est le trezor. Or ils disent & tiennent que tout est deppendant du Tresor, soit habits, ioyaux, estoffes ou argent: outre y a deux cornes de Licorne toutes entieres, & une Crosse, qui est celle que les Empereurs portent faite d'une piece entiere d'une Licorne, c'est a dire la longueur, car ce qui traverse le dessus surquoy on s'appuye est d'une contrepiece de Licorne: puis y a une autre demye Licorne, delaquelle on use iournellement aux medecines. J'y ay encore vu une autre crosse d'or, mais un peu creuse par dedans à cause de la pesanteur: il y à grand nombre de plats d'or, grands & petits & tasses à boire: outre-ce un nombre infiny de vesselle d'argent dorée & non doree, comme l'on pourra iuger par ce discours:

* первоначально в тексте: «bordées», правка внесена между строк

** первоначально в тексте: «bordées», правка внесена над строкой

qu'après l'élection de Boris Federvits, lors qu'il fit assembler l'armée à Serpo comme avons touché

[f. 20]

cy devant, il fit festin par l'espace de six semaines presque iournellement, à dix mil hommes chacune fois, lesquels estoient tous traitez en vaiselle d'argent, selon le dire de ceux qui y estoient, & tous sous pavillons. Y'y ay veu une demi douzaine de tonneaux faicts d'argent, lesquels Ioannes Basilius fit faire de la vaisselle d'argent qu'il trouva en Livonye lors qu'il la conquist: l'un desdits tonneaux presque de la grandeur d'un demy muid, & d'autres de moindre grandeur: un grand nombre de bassins d'argent fort grands & creux, avec une boucle de chaque costé pour les porter, lesquels quatre hommes apportent costumierement sur chaque table pleins de Medon, & selon la longueur d'icelles tables trois ou quatre bassins plus ou moins, & avec un chacun de grandes tasses d'argent pour puiser dans iceux bassins, car deux ou trois cens hommes ne fourniroient pas à verser à boire aux conviez du festin: toutes lesdites vaisselles sont ouvrages de Russië: outre icelles il y a un grand nombre de vaisselle d'argent d'Allemagne, d'Angleterre, de Pologne, qui sont, ou presens de Princes envoyez par Ambassadeurs, ou qui ont esté acheptez pour la rareté de l'ouvrage: puis il y a en ce tresor abondance de toutes sortes d'estoffe, asçavoir draps d'or & d'argent de Perse, de Turquie: toutes sortes de velours, satin, damas ou tafetas & autres de soye, & à la verité il en faut grande quantité, car tous ceux qui viennent pour servir l'Empereur ont leur bienvenuë, qu'ils appellent qui consiste en argent, &

[f. 20 v.]

selon la qualité une robe de drap d'or autant que velours, satin, damas ou taffets pour luy faire un habit: outre-ce quant il récompense quelqu'un soit pour services fait à la guerre ou autres, il leur en donne de mesme: aussi ont tous Ambassadeurs venans ou des Tartars & Nogois, ou des krim, ou quelque autre nations de l'Asie, tant eux que leurs gens des robes d'estoffes de soye, chacun selon sa qualité, tellement que pour tenir le Trésor toujours fourny tous marchands tant estrangers que Russes, sont obligez d'apporter toutes estoffes & autres choses de valeur au Tresor, & là on va choisir de tout pour l'Empereur: que s'il se trouvoit qu'ils vendissent, ou celassent, avant l'avoir monstré pour dix ou douze escus de marchandise, tout le reste seroit confisqué, combien qu'ils eussent payé la gabelle & tous les impôts. Ils n'ont nulz mineraux que le fer lequel est

fort doux, combien que ie ne doute pas qu'en un si grand pays il n'y ait d'autres minieres, mais ils n'ont personne qui s'y entende.

Il n'y a d'autre monnaie entre'eux que des Denins ou Copek, qui valent environ seize deniers tournois & des Moscofques ou Dengi qui valent huict deniers tournois: item des Polusques qui vallent quatre deniers, laquelle monnoye est d'argent un peu plus fin que les reales de huict, ils payent toutes sommes avec la susdite monnoye, car il ne s'en voit autre en toute la Russië, ils réduisent tout leurs sommes en Roubles, qui est cent denings, qui valent environ comme avons ia touché six livres douz sols, & en demis

[f. 21]

Roubles ou quart de Roubles, puis en Grivene, qui sont dix denins, & en Altnis qui sont trois denins, qui valent quatre sols: les marchands estrangers y apportent force reales & Reics Daller, sur lesquelles ils gagnent, car les Russes les acheptent & reçoivent en payement à douze Altin la piece, qui fait trente six denins, qui est environ quarente huict sols, puis les revendent à la monnoye où il ce rafine tant soy peu, & ce battent en la susdite monnoye, une reale de quarante sols comme nous appellons, estant de poids pese quarent deux denins: outre-ce lesdits marchans y apportent grand nombre de Ducats, lesquels l'on achepte & vend comme autre marchandise, sur lesquels souventes fois ils gagnent beaucoup, i'en ay veu achepter iusques a vint-quatre Altin la piece qui fait environ quatre livres seize solz, i'en ay veu vendre aussi à seize Altin & $\frac{1}{2}$ *. Roubles la piece, mais le prix le plus commun est de dixhuict à vint-un Altin: or cette grande cherté de Ducats advient quant un Empereur est couronné, ou se marie, & à un Batesme, car un chacun vient offrir comme avons touché cy devant quelques presens, mais la commune ce ioinct par troupe & compagnie, lesquels offrent à l'envy l'un de l'autre de riches presens, entre lesquels y a coustumierement un nombre de Ducats soit en des gobelets ou tasse d'argent, ou dans des plats couverts de taffetas, ils sont aussi rencheris quelques iours avant Pasques, car depuis ledit iour iusques a huict iours apres Pasques la façon est que l'on s'entre-visite & baise

[f. 21 v.]

avec des œufs rouges, comme avon touché cy devant, mais l'on va visiter les grands, & ceux desquels l'on à affaire, leur offrant avec l'œuf quelque

* первоначально в тексте: «2», правка внесена над строкой; опечатка указана в списке Errata

ioyaux, perles ou quelques ducats, car c'est la seule saison de toute l'annee en laquelle ils osent prendre, encores faut-il que ce soit secrettement, car ceste saison n'excuse pas si l'on prend chose de plus grande valeur que de dix ou douze Roubles.

Le plus grand Office de Russië est le Grand Maistre de l'Escurie, qu'ils appellent Conusnej Baiarj, puis celui qui à la survoyance des medecins & apoticairez, lequel ils nomment Abtesqui Baiarj; puis le maistre d'hostel, & apres l'echansson: ces quatres Offices sont des premieres du Conseil: apres ce il y a divers Offices, comme Stolnic Tshesnic Strepzik pages & autres en grand nombre: la Garde de l'Empereur est composee de dix mille Strelits qui resident en la ville de Mosco, ce sont arquebuziers, ils n'ont qu'un General: ils sont divizez en Pricas, qui est une compagnie de cinq cens, sur lesquels ils ont un Golova que nous nommerons Cappitaine, chacune centaine d'hommes à un Centenier, & chaque dix hommes un Decetnic, que nous nommerons Corporal, ils n'ont Lieutenant ny Enseigne: chacun Capitaine selon les services qu'il a faicts, à trente, quarente, iusques a soixante Roubles de gages annuelz, & des terres par mesme moyen iusques a trois quatre ou cinq cens Setuart: chaque Setuart est comme un arpent de terre, & ce doibt ainsi entendre en tout ce dis-

[f. 22]

cours: la plus part des Centeniers ont des terres & ont de douze iusques a vingt Roubles, les Caporaux iusques a dix Roubles, & les Strelits quatre & cinq Roubles par an: ils ont en outre chacun douze Setvart de seigle & autant d'avoyne tous les ans: quand l'Empereur va aux champs, combien que ce ne soit qu'à six ou sept virst de la ville, la plus part d'iceux vont avec luy, & ont chevaux hors des escuries de l'Empereur: si on les envoie en quelque part en l'armee ou en garnison, l'on leur donne des chevaux; il y a gens ordonnez à les nourrir: chaque dizaine à un chariot pour mener leurs provisions: outre ceux qui font residence en Mosco cy devant nommez, l'on choisit des principaux Gentils-hommes de chaque ville, souz lesquelles ils ont leurs terres, lesquels ils appellent Vuiborne Devorens de quelque ville selon la grandeur d'icelle, seize, dixhuict iusques à vingt, voire iusques a trente. Lesquels resident dans la ville de Mosco l'espace de trois ans: puis d'autres choisiz, & ceux là licentiez, qui faict qu'il y a tousiours un nombre de cavalerie, tellement que les Empereurs ne sortent gueres souvent qu'ils n'ayent dix-huict & vint mille chevaux avec eux, car tous ceux qui dependent de la Cour montent à cheval: la plus part d'iceux couchent par ordre tous les nuicts

au Chasteau sans aucunes arms: s'il est question de recevoir quelque Ambassadeur selon que le Prince luy veut faire honneur, il envoye de sesdits Streliss avec leurs arquebuzes se mettre en rang un à un de chaque costé du che-

[f. 22 v.]

min iusques son logis, assavoir des l'entree de la porte de bois ou de pierre selon que l'Empereur en ordonne, puis va un nombre de ses Moscofsqui & dernieres nommez Deuorens, qui vont tous avec les principaux marchands fort richement habillez s'il en est besoing, car cela dépend de l'honneur que l'on veut faire à l'Ambassadeur: un chacun à trois ou quatre robes de rechange pour cet effect, quelques-fois il les fait habiller de ses toilles d'or & d'argent, de Perse avec le haut bonnet de renard noir, quelquesfois avec Svietnoi Plati, qui sont robes de quelques tabins ou camelot de soye, ou escarlate, ou quelque autre beau fin drap de couleur legere passementé d'or, & le bonnet noir, autrement ils ont des habits qu'ils appellent Schisteit Plati qui sont honnestes accoustremens: le nombre de gens & de qualité augmente & diminuë selon l'honneur que l'on veut faire, lesquels les vont recevoir à un trait d'arc de la ville, & quelques-uns un quart de lieuë, là où on amene audit Ambassadeur pour luy & ses gens des chevaux hors de l'escurie de l'Empereur pour entrer dans la ville, & ainsi est conduit iusques en son loigis, au devant duquel on pose des gardes, ne permettant y entrer personne que ceux qui sont à ce deputez, ny mesmes sortir aucun qui n'aye une garde apres pour veoir ou il va, ce qu'il fera & dira: ils ont gens à ce ordonnez, comme aussi pour leur fournir & pourveoir de toutes sortes de vivres à eux necessaires aux despens de l'Empereur sur les frontieres: non seulement les Ambassadeurs,

[f. 23]

mais tous estrangers qui viennent pour servir l'Empereur sont pourvez tant en la ville de Mosco, que par les chemins chacun selon sa qualité de tous vivres necessaires tant pour eux que pour leurs chevaux (ce qu'ils appellent Corme) lequel est augmenté ou retranché aux Ambassadeurs, selon que l'Empereur en ordonne, le tout estourny de l'Office nommé de Vorets comme à esté touché cy dessus.

Quand aux gens de guerre, il faut premierement parler des Voyvodes, qui sont generaux de l'armée, l'on les choisist coustumierement de Domnei Baiari & Acolnithes, c'est à sçavoir, s'il y a apparence de quelques ennemis, car autrement, ils choisissent annuellement des Domnei &

Moscoffqui de Vorenne, qu'ils envoient sur les frontieres de Tartarie, pour empescher l'incursion de quelques troupes amasses de Tartares, qui viennent quelquesfois enlever de l'herbe, les chevaux de quelques garnisons, lesquels s'ils ne trouvoient resistance, ravageroient plus outre. Ils separent leur armée en cinq, à sçavoir, l'avant-Guarde qui est pres quelque ville plus approachans les confins de Tartarie: la seconde est l'aisle droite, qui est pres quelque autre ville: la troisieme est l'aisle senestre, puis le corps de l'armée, & l'arriere-garde, toutes separées l'un de l'autre: Mais les generaux sont tenus au moindre aduertissement de venir ioindre le gros. Il n'y a autre office en l'armée, que lesdits generaux, sinon que toute la gendarmerie, tant cavallerie qu'infanterie, est reduite sous Ca-

[f. 23 v.]

pitanes sans Lieutenans, enseigne, trompettes & tambours. Chasque General à son enseigne particuliere, laquelle ce discerne par quelque saint qui y est peint, elle sont sacrées par le Patriarche, comme autres saints. Il y a deux ou trois hommes ordonnez à la tenir droite. Outre-ce, chaque general à son propre Nabat, qu'ils appellent, ce sont de ces tambours de cuivre, qui se portent à cheval: ils en ont chacun dix ou douze, & autant de trompettes & quelque haute bois, lesquels ne sonnent iamais que lors qu'ils sont prests à donner quelques bataille, ou en quelque escarmouche, hors-mis l'un des tambours que l'on sonne pour desloger ou monter à cheval.

L'ordre qu'ils tiennent pour descouvrir l'ennemy dans ces grandes campagnes de Tartarie, est tel: il y a des chemins qu'ils appellent chemin de l'Empereur, chemin de krim, chemin du grand camp: outre-ce il y a quelques chesnes espars deça & dela aux campagnes, eslognez de huit, dix, iusques a quarente virst l'un de l'autre: souz la plus part desdits arbres, il y a certaines sentinelles, ascavoir deux hommes avec chacun un cheval de relaiz, l'un d'iceux faict sentinelle au dessus de l'arbre, & l'autre faict repaistre les chevaux la selle sur le dos, ils se rechantent tous les quatre iours, en cas que celuy qui est au dessus apperçoive quelques poussieres l'eslever en l'air, il a ordre de descendre sans rien dire qu'il ne soit monté à cheval, & à bride abbatue, vient au second arbre criant de loing & faisant signe qu'il a veu des gens: celuy qui garde les chevaux du se-

[f. 24]

cond arbre monte à cheval par le commandement de celuy qui est sur l'arbre, lequel le descouvre estant encores loing, & aussi tost quel'on

peut entendre ou discerner de quel costé il monstre qu'il a veu ladite poussiere, court avec son cheval en lesse à bride abbatuè iusques a l'autre arbre, lesquels font tout de mesme, & ainsi de main en main iusques a la premiere fortesse, & de là iusques à Mosco, sans autres nouvelles, sinon que l'on a veu des gens, ce qui se trouve plusieurs fois n'estre qu'un haras de chevaux sauvages, ou quelques troupes de bestes sauvages, mais si celui qui est demeuré sur le premier arbre vient & continuè les nouvelles, & ainsi le premier du second, lors on s'arme, & les Generaux cy dessus nommez s'assemblent: l'on envoie pour essayer de recognoistre les forces de l'ennemy, mesmes il se trouve de ces sentinelles escartees du chemin qu'ils tiennent, lesquels s'espandent deça delà en attendant que l'ennemy passe, & viennent sur leur piste & recognoissent à peu pres leurs forces par la largeur du chemin qu'ils font au travers de l'herbe, laquelle est de plus grande hauteur qu'un cheval, mais ce n'est pas herbe de prairie, ains de terre deserte, car les Russes y mettent le feu tous les printemps, tant afin que Tartare n'aye si tost pasturage, que afin qu'elle croisse plus grande, que s'ils viennent par aucuns des chemins cy dessus nommez, ils cognoistront leur force aussi à peu pres par certaine mesure de la profondeur du chemin qu'ils font, mesmes ils le cognoistront à peu pres par la poussiere qu'ils voyent s'eslever

[f. 24 v.]

en l'air, car ils ne vont pas volontiers au travers de l'herbe pour crainte de mettre leurs chevaux hors d'aleyne, & ainsi viennent lesdites sentinelles par quelques sentiers secrets qu'ils cognoissent apporter des nouvelles de leurs forces, pour ausquelles resister les Generaux se retirent vers quelques rivieres & bois pour empescher leur passage, mais le Tartare est un ennemy si leger & si dextre, que cognoissant cela il amusera l'armee avec vint ou trente mille chevaux pendant qu'il envoie quelque nombre fourrager le pays par quelque autre chemin. Ce qu'ils effectueront avec telle promptitude, que leur coup sera fait avant que l'armee Russe en reçoive advertissement: or ils ne se chargent d'autre butin que les prisonniers, il n'y a nul bagage entr'eux, combien que chacun d'iceux aye un cheval ou deux de relais, lesquels sont si bien dressez qu'ils ne leur donnent aucune fascherie, & sont si a dextres qu'ils descendront d'un cheval en trottant, & saulteront sur l'autre, ils n'ont autres armes qu'un arc, des flesches, & un cimenterre, ils tirent beaucoup plus roide & plus seurement en fuyant que autrement: la provision qu'ils portent est un peu de chair sechee au soleil, laquelle est descoupee fort menuè:

outré-ce ils ont force cordage attaché à larçon de leur selle: en fin une centaine d'iceux mettront tousiours en fuite deux cens Russes, sinon que ce soient gens d'eslite: l'Infanterie Russe ou arquebuziers estans sur le bord d'une riviere ou dans quelques bois les fait retirer plus viste que le pas, combien qu'à la verité ils sont plus adroits

[f. 25]

à leur faire peur, qu'aucun dommage, s'il advient qu'aucin bataillon de quinze ou vingt mil chevaux vienne à les poursuivre un peu, il nes'en trouvera pas à la portée du canon, trois où quatre mille ensemble, ressemblans de reste plustost des fantomes sur des asnes, que des hommes à cheval. Ainsi se retirent les Tartares, sans faire iamais grand perte, si ce n'est que l'on tienne le passage entre quelque bois où riviere, attendant leur retour. Ce qui n'advient souvent.

Les forces des Russes, consistent la plus-part en cavallerie, outre les Devorens cy devant nommez, il y faut adiuster le reste des Vuibornei Devoren, & les Gorodovoi Devoren deti Baiarsqui, & sin Baiarsqui, lesquels font un grand nombre, les compagnies s'appellent chacune par le nom des villes, sous lesquelles ils ont leurs terres, quelque ville a trois quatre, iusques à huit & douze cens hommes, comme Shmolensqui, Novo-Gorod*, & autres, il y a grand nombre de villes, telles qu'elles qui feront un grand nombre de gens. Or il faut outre leurs personnes qu'ils fournissent chacun un homme à cheval, & un homme de pied, de chacun 100. Setvart de terre qu'il possedde, i'entens en temps de necessité, car autrement on se contente de leurs personnes. Cela fait un nombre incroyable d'ombres, plustot que d'hommes. Leur entretenement est, premierement des seigneurs du conseil, de 500. roubles, iusques à 1200. roubles, qui est l'entretienement de Knes Feder Ivannevits Mistislofqui,

[f. 25 v.]

qui a tousiours eu la premiere place, pendant la vie de quatre Empereurs. Les Acolnitches depuis 200. iusques à 400. roubles, & de terre depuis 1000. setvart, iusques à deux mil, i'en ay cognu en un mesme temps, une quinzaine, les Domnai Devorens, lesquels coustumierement ne surpassent pas six, depuis 100. roubles, iusques à 200. roubles, & de terre de 800. iusques à 1200. setvart, les Moscoffqui Deuorens de 20. iusques à 100. roubles, & de terre de 500. iusques à 1000. setvart, les Vibornei

* первоначально в тексте: «Novo, Gorod», запятая вымарана, вставлен дефис

Deuorens, de huict iusques à quinze roubles: les Gorodovoi Deuoren de cinq iusques à douze roubles, & de terre iusques à 500. setvart. Tous lesquels sont annuellement payez, hors des setvarts, cy dessus nommez, & faut fournir deux hommes de chaque 100. setvart, comme est dit cy dessus. Quand aux autres qui sont Deti Baiarsqui & Sin Baiarsqui, leur paie est de 4.5. & 6. roubles, paie de six à sept ans une fois. Ils tiennent tous terres de l'Empereur, de cent iusques à trois cens setvart. Leur service correspond coustumierement aux gages, qui est plustot d'emplir le nombre qu'autre chose.

Il faut que les principaux cy dessus nommez, aient une cotte de maille, un heaume, une lance, arc & fleche. Comme aussi chacun de leurs serviteurs, avec bonne monture, les autres qu'ils aient assez bons chevaux, un arc, des flesches, & un cimenterre, comme aussi leurs serviteurs: en fin cela faict un grand nombre de gens mal montez sans ordre, coeur ou discipline, desquels plusieurs

[f. 26]

sont souvent de dommage à l'armee que de bien: outre-ce il y a les forces de Cassan, que l'on tient estant iointes aux Sheremisse faire presque vingt mille chevaux: il y a puis apres les Tartares qui servent l'Empereur, ayans paye annuelle avec les Mordovitre, qui feront de sept à huict mille chevaux, leurs gages sont de huict iusques a trente Roubles: puis il y a les Schercassi, qui sont de trois a quatre mille: puis les estrangers tant Allemans, Polognois, que Grecs, qui sont deux mil cinq cens, lesquels tirent gages de douze iusques à soixante roubles, quelques Capitaines ont iusques 120 roubles sans leurs terres qui est de six cens iusques à mille Setvarts.

Apres tout il y-a les Datich-ney Ludei, qu'il faut que Patriarche, Evesques Abbez & tous autres Ecclesiastiques fournissent, lesquels possèdent des terres, sçavoir comme dit est cy dessus, un homme a cheval & un de pied de chaque cent Stvart: selon les necessitez, on prend nombre de chevaux au lieu de gens pour conduire l'artillerie & autres munitions de guerre & pour les Strelits & autres ausquels il faut fournir chevaux, cecy suffira pour la Cavallerie.

Leurs chevaux sont la plus part amenez de Tartarie dit Nagois, lesquels chevaux ils appellent Koin, ils sont d'une mediocre taille bons de travail, & couvrent d'une haleine sept ou huict heures, mais s'ils viennent a estre recreuz & du tout hors d'aleine, leur faut quatre ou cinq mois pour les remettre, ils sont fort farouches & s'es-

[f. 26 v.]

pouventent fort au bruit d'un arquebuze, l'on ne les ferre nullement non plus que les chevaux du pays, ils mangent peu ou point d'avoine, & les y faut accoustumer petit à petit si on leur en veut donner, puis ils ont des genets des Gorgiens, mais ils ne sont communs, ce sont de fort beaux chevaux & bons, mais non pas à comparer aux koins pour longue haleine ny vitesse, si ce n'est pour une courte carriere, puis ils ont des chevaux Turcs, & de Pologne, lesquels ils appellent Argamak, il s'en trouve de bons entre iceux, tous leurs chevaux sont Hongres: outre ce il se trouve de fort bons bidets entre ces Nagois, mais non si communement, & sont tous blancs & picotez de noir comme un Tigre ou Leopard, tellement que l'on les iugeroit estre peints: les chevaux du pays s'appellent Merin, sont coustumierement petits & bons, principalement ceux qui viennent de Vologda & de la alentour, & sont bien plustot appris que ceux de Tartarie: on aura un fort beau & bon cheval de Tartarie, ou du pays pour vint roubles, lequel fera plus de service qu'un argamak cheval Turc, qui coustera cinquante, soixante & cent roubles: tous leurs chevaux sont subiets à plus grande maladie qu'en France, ils sont fort subiets à un mal qu'ils appellent Naritse, c'est une matiere qui leur tombe aux iambes & n'y a plus de secours, mais si tost qu'ils s'en apperçoivent, ils persent la peau de la poitrine presque entre les iambes, & l'on y passe une corde faicte de chanvre & des-

[f. 27]

corce d'arbre laquelle on frotte avec du goudron puis on fait courir le cheval deux ou trois fois le iour iusques à ce qu'il soit tout en eau, & remuë-on souvent ladite corde, & au bout de trois ou quatre iours l'ordure vient en maturité, laquelle sort par le pertuis, & ainsi continue iusques a quinze iours ou trois semaines, puis ils ostent la corde & le trou vient à se fermer, & sont les chevaux fort dispos apres cela, mais pour eviter ceste maladie l'on envoye tous chevaux apres que la glace est fondue dans quelque riviere, où on les tient dans l'eau iusques au col une heure ou deux, iusques a ce que ils ne se peuvent presque tenir debout à force de trembler, ce qui les amaigrit fort, car ils continuent cela l'espace de quinze iours, & apres se trouvent fort agiles: lesdits chevaux sont aussi fort subiets à estre poussifz & n'estiment un cheval de Tartare ou du pays estre propre au travail qu'il n'ait sept à huit ans, & continuent tels iusques a vint ans: i'ay veu des chevaux en l'age de vingt-cinq à trente ans rendre encores bon service, & les tient-on

estre ieunes à dix ou douze ans: & ce trouve entre'eux de fort bonnes haguenees.

La meilleure Infanterie conciste comme a esté dict cy dessus en Strelits & Cosaks, desquels n'est encore parlé: outre les X* mille arquebuziers de Mosco, il y en a en chaque ville qui approchent de cent virst des frontieres de Tartarie, selon la grandeur des chasteaux qui y sont, plus ou moins de soixante, quatre vingts, iusques à cent cinquante, outre les villes sur les frontie-

[f. 27 v.]

eres qui en sont bien garnies. Puis il y a les Cosaks que l'on disperse en yver en des villes par delà Loka, lesquels tirent paye esgalle aux Strelits, avec du grain, & outre ce sont fournis de poudre & plomb par l'Empereur. Il y en a d'autres qui ont des terres, lesquels ne bougent des garnisons. Il y en peut avoir de ceux qui suivent les armes, de 5. à 6000. Puis il y a les vrais Cosaks qui se maintiennent du long des riviers, aux campagnes de Tartarie, comme la Volga, la Dona, la Nepre & autres, lesquels souvent font beaucoup plus de dommage aux Tartares, que toute l'armée Russe, ils n'ont pas grand entretenement de l'Empereur, sinon qu'ils ont liberté, comme l'on dit, de faire du pis qu'ils peuvent. Il leur est permis de se retirer par fois aux villes frontieres, y vendre leur butin, & achepter ce qu'ils ont de besoin. Quand l'Empereur pense avoir affaire d'eux, il leur envoie de la poudre, du plomb, & quelques 7. 8. où 10000. roubles, ce sont eux qui coustumierement amènent les premiers prisonniers de Tartarie, par lesquels on apprend le dessein des ennemis, la coustume est de donner à celui qui a prins quelque prisonnier lequel il amène, du bon drap & du damas, pour luy faire de chacun une robe, 40. Martres, une tasse d'argent, & 20. où 30. roubles. Il s'en trouve sur ses rivieres, iusques au nombre de 8. à 10000. qui viennent ioindre l'armée par le commandement de l'Empereur, ce qui se fait en temps de nécessité. Combien que ceux de dessus le Nespre s'entriennent le plus sou-

[f. 28]

vent en la Podolie: adioustant un homme de chaque cent setvart, lesquels sont tous paysans, plus propres à manier une charruë, que une harquebuze, combien que l'on ne les cognoistroit pas aux habits, car il faut qu'ils soient vestus à la Cosaque, à sçavoir, une robe iusques pardessous

* первоначально в тексте: «mille», над строкой вставлено «X»; опечатка указана в списке Errata

les genoux, estroite sur le corps comme un pourpoint, avec un grand collet renversé par derriere, pendant iusques à la ceinture: il faut que la moitié d'iceux ayent harquebuzes, deux livres de poudre, quatre livres de plomb, & un cimenterre. Les autres sont à la discretion de ceux qui les envoient, moyennant qu'ils ayent un arc, des fleches, & un cimenterre, où une espèce* d'espieu, plus propre à embrocher un ours sortant de la taniere, que pour aucun service qu'ils en facent. Il ne faut oublier le cimenterre. Outre ce, il faut en temps de necessité, que les marchans fournissent des gens selon leurs moyens, qui trois, qui quatre, plus ou moins.

Or comme est notté cy dessus, que les Cosakes amenant coustumierement des prisonniers, dés le commencement du Caresme, par lesquels on a advis si le Tartare s'assemble, & selon d'advís l'on donne commandement par tout le país. Pendant les neges qu'un chacun envoie sa provision es villes, pres desquelles on delibere attendre l'ennemy. Cette provision se meine sur des trenoirs ausdites villes, laquelle consiste en Suchary, qui est du pain taillé par petits morceaux: seiché au four comme du biscuit. Puis du Croup qui est fait de millet & orge mondé,

[f. 28 v.]

mais le principal est fait d'avoine. Puis ils ont du Tolotna qui est de l'avoine eschaudée, puis seichée, laquelle on reduit en farine, ils s'en servent en diverses manieres, tant pour manger que pour boire, mettants deux ou trois cuilleres de ladite farine dans un bon trait d'eau, & deux ou trois grains de sel, la remuent, la boivent, & tiennent cela pour un bon & sain breuvage. Puis du porc, du boeuf, & du mouton salé, & seché à la fumée: du beure, & du fromage seiché, & pilé menu comme sablon, avec une cuillerée ou deux, duquel ils font du bon potage, puis force eauë de vie, avec quelque poisson seiché & sallé, lequel ils mangent sans faire cuire. Cecy est la provision des principaux: car pour les autres, ils se contentent de biscuit, quelque Crup d'avoine, & Tolotna, avec un peu de sel. Ils ne se mettent gueres souvent en campagne contre le Tartare, qu'ils ne commencent à voir l'herbe sous les pieds. Quand aux autres ennemis, s'ils ne viennent inesperement, l'on tient le mesme ordre, ainsi les Empereurs ne despendent guere plus: qu'ant à la gendarmerie, ayant guerre que n'en ayant point, si ce n'est en recompensant ceux qui ont fait

* первоначально в тексте: «esprée», правка внесена на полях; опечатка указана в списке Errata

quelque service, à sçavoir, prins un prisonnier, où tué un des ennemis, receu quelque blessure, & choses semblables. Car on leur donne de l'argent, selon la qualité de la personne, une piece de drap d'or, où autre estoffe de soye, pour luy faire un habit.

Les Empereurs de Russie ont correspondance avec l'Empereur des Romains, les Roys d'An-

[f. 29]

gleterre & de Dannemarc, & avec le Roy de Perse: aussi ont ils & ont eu d'ancienneté avec les Roys de Pologne & de Suede, mais a present que par forme, car ils se diffient tousiours les uns des autres, ne sçachans à quelle heure le guerre se declarera. Quant aux Turcs depuis qu'ils leverent la siege d'Astrican, qu'ils avoient assiegee avec les Tartares dit Nagais, & quelque nombre de Petigorsqui Chercassi qui sont les Georgiens, il y environ quarente ans, il n'y a eu que deux Ambassadeurs Turcs en Russië, & deux Russes à Constantinople, tellement qu'ils n'ont point de guerre les uns avec les autres, mais il n'y a pas davantage de correspondance & congratulation entr'eux depuis trente ans, que s'ils estoient beaucoup plus eslognez: il n'avoit guerre pour lors qu'avec le Tartare dit Krim, & avec lesdits Petigorsqui Shercassi qui sont les Gorgiens, car il s'est basty sur leurs terres & frontieres, quatre ou cinq villes & chasteaux, les principales sont Tirc, & Samaria: l'annee mil six cens cinq, les Georgiens prindrent un des plus proches chasteaux de leurs confins assistez de quelques Turcs, mais ce n'estoit pas grand chose: les Gorgiens sont hommes belliqueux, & sont fort bien montez: la plus part de leurs chevaux sont genets, ils sont armez de certains corcelets legers, mais ayant fort bonne trempe, sont fort agilles, & portent tous des lances ou dardz: ils feroient grand dommage à la Russië s'ils estoient en aussi grand nombre que d'autres leurs voisins, combien que la Volga les separe, car ils habitent entre la mer

[f. 29 v.]

Caspie, & le pont Euxin.

Revenons à Boris Federvits, qui fut couronné Empereur le premier Septembre mil cinq cens quatre vingt dix-huict, iouissant paisiblement de l'Empire en plus grande prosperité qu'aucun de ses predecesseurs, lequel changea de ces façons accoustumees; qui estoit d'oüir particulièrement les necessitez & requestes d'un chacun, car au lieu de cela il se tenoit clos se monstrant peu souvent au peuple, & ce avec beaucoup plus de ceremonie & difficulté qu'aucuns de ses predecesseurs: il avoit un fils nommé Feder Borisevits, & une fille, il commença deslors à pratiquer

pour soy allier avec quelques Princes forains, afin de s'asseurer & establir tant soy que les siens au Throsne Imperial: outre-ce il commença à exiler ceux desquel il se soupçonnoit, & faisoit des mariages comme bon luy sembloit, alliant à sa maison les plus grands de ceux desquels il se pensoit servir, ne restant plus en la ville de Mosco que cinq ou six maisons avec lesquels il ne s'estoit allié, asçavoir celle de Mistisloftsqui, qui n'estoit marié, & avoit deux sœurs, l'une desquelles avoit espousé Tsar Simeon, l'autre n'estant mariee, laquelle il fit rendre Religieuse contre sa volonté, & ne fut permis audit Mistisloftsqui de se marier: puis il y avoit la maison de Choutsqui, lesquels estoient trois freres: pour s'allier de ladite maison, il fit espouser au second frere nommé Demetrius la sœur de sa femme, ne permettant que l'aisné sa mariast, lequel s'appelle Knes Vasilej Ivannevits Choutsqui, lequel

[f. 30]

est a present regnant en Moscovie, & duquel sera parlé au long cy apres, pour la crainte qu'il avoit que quelques maisons s'allians ensemble, ne luy fissent resistance. Finalement il envoya Tsar Simeon en exil, duquel est parlé amplement cy devant, lequel avoit espousé la soeur dudit Mistisloftsqui: estant en exil ledit Empereur Boris luy envoya un iour de sa nativité, iour qu'ils solemnisent grandement en toute la Russie, une lettre par laquelle on luy donnoit esperance qu'il seroit en bref restitué, & celui qui portoit la lettre avec du vin d'Espagne qui luy estoit envoyé quant & quant par Boris, luy en fit boire à la santé de l'Empereur, comme aussi à son serviteur, lesquels peu de temps apres devindrent aveugles, & l'est encores ledit Zar Simeon, ie luy en ay ouy faire le recit de sa propre bouche.

L'an second des son regne, il pratiqua tant qu'il fit venir au pays Goustaves fils de Heric Roy de Suede (lequel fut desposé du Royaume par son frere Ioannes Roy de Suede) sous esperance de luy donner sa fille en mariage s'il l'eust trouvé tel qu'il esperoit: il fut à la verité fort magnifiquement receu & honoré de grands dons de l'Empereur, asçavoir de vaisselle d'argent pour toute sa maison, force estoffes de drap d'or & d'argent de Perse, velours, satin & autres estoffes de soye pour toute sa suite, ioyaux, chesnes d'or & de perles, force beaux chevaux, avec toutes les harnascheures, pelleterie ou fourrure de toutes sortes, & une somme d'argent qui veritable-

[f. 30 v.]

ment ne correspondoit aux presens, asçavoir dix mille rouble: il fit son entree en Mosco comme un Prince, mais il ne se comporta pas biens:

finallement fut envoyé comme disgracié à Ouglits (ville où l'on supposoit Demetrius Iohannes avoit esté meurtry) son revenu annuel montant s'il eust seté bien mesné à quatre mille roubles.

L'an mil six cens, vint une grande ambassade de Pologne, à sçavoir, Leo Sapia à present Chancellier de Lituanie, avec lequel la paix fut conclue pour vingt ans, il fut longuement retenu contre son gré, car il demeura en Mosco depuis le mois d'Aoust iusques à la fin du grand caresme 1000. six cens un, Boris estant pour lors malade: le iour qu'il eust ses depesches, il baisa la main de l'Empereur estant en la Chambre d'Audiance assis sur le Trosne Imperial, la couronne sur la teste, le sceptre en la main, la pomme d'or devant luy, son fils assis aupres de luy à sa senextre, les seigneurs du Conseil & Occolnithes assis sur des bancs tout allentour de la chambre vestus de robbe de tres riche toille d'or brodees de perles, un haut bonnet de regnard noir sur la teste: à chasque costé de l'Empereur deux ieunes seigneurs debout vestus de robbes de velours blanc bordees tout allentour par le dehors de la largeur d'un demy pied d'ermine, un haut bonnet blanc sur la teste, avec deux grandes chaines d'or émaillee au col en croix, & chacun d'eux vne riche hache d'armes d'acier de damas qu'ils tiennent sur leurs espaules en telle posture que

[f. 31]

s'ils estoit prest à deslacher le coup, cela represente une grande Majesté. La grand salle par où les Ambassadeurs passent, toute pleine de bancs, sur lesquels sont assis d'autres de Voreennes, habillez de mesme. Ils ne s'osent trouver aucuns qui n'ayent robes de draps d'or, & ne se bougent lors l'Ambassadeur passe par une allée reservée à c'est effect. Et y a tel silence, que l'on diroit la salle & chambre estre vuide. C'est l'ordre coustumiere de recevoir les Ambassadeurs. Il disna en la presence de l'Empereur, luy & ses gens, iusques au nombre de trois cens hommes, ils furent tous traitez en vaiselle d'or, dont y en a grande quantité, i'entends quant aux plats, car d'assiettes ne serviettes, il ne s'en parle point, l'Empereur mesme n'en use point, & mangerent de tres bon poisson, mais mal accomnodé, veu que c'estoit en Caresme, auquel ils ne mangent oeufs, beurre, ny aucun l'aitage, & beu plusieurs santez, d'un costé & d'autre, il fut renvoyé avec bons & honnestes presens.

Or il faut noter que l'Empereur ce fait servir à table fort somptueusement, selon la façon ancienne du pays, à sçavoir avec deux ou trois cens Gentils-hommes, vestus de robes de drap d'or, ou d'argent de Perse, avec un grand colet qui renverse par derriere sur les espaules

d'un grand demy pied, bordé de perles, & un bonnet rond sur la teste, brodé, de mesme, ledit bonnet n'a point de bords, ains est fait proprement comme une escuelle sans oreille, & au dessus dudit bonnet, un haut bonnet de regnard

[f. 31 v.]

noir, puis de grosse chaisne d'or au col esdits deux ou trois cens, lesquels on augmente selon le nombre des conviés, sont ordonnés à apporter les viandes devant l'Empereur, & les tiennent iusques à ce qu'il en demande telle où telles, l'ordre est que apres que l'Empereur est assis, & les Ambassadeurs où autres conviez, les susdits Gentils-hommes viennent deux à deux, habillez comme dit est, passez par devant la table de l'Empereur, luy font une grande reverance, & s'en vont ainsi deux á deux, les uns derrier les autres, querir les viandes hors des cuisines, & la portent devant l'Empereur. Mais autant que la viande vienne, l'on apporte de l'eau de viè dans des flacons d'argents, par dessus toutes les tables, avec de petites tasses, pour y verser & boire. Sur lesdites tables n'y a que du pain, du sel, du vinaigre, & du poivre, mais point d'assiettes, n'y de serviettes. Apres que l'on a beu, où pendant que l'on boid de l'eau de viè, l'Empereur envoie à un chacun particulierement de sa table, un morceau de pain, appellant celuy par nom à qui l'on le presente tout haut, lequel ce leve, & l'on luy donne le pain, luy disant, Zar hospodar y veliquei knes: N. Fsia Russia ialoet tebe, qui veut dire, l'Empereur seigneur & grand Duc: N. de tous les Russes te fait grace. Il le pren, fait la reverance, & puis s'assoit, & ainsi en fait-on à un chacun particulierement, puis les viandes venuës, l'Empereur envoie à un chacun des principaux, un plat plein de viande, & apres cela, toutes les tables sont fornies de viande en grande abondance: puis l'Em-

[f. 32]

pereur envoie à un chacun particulierement un gobelet ou tace, pleine de quelque vin d'Espagne, avec les mesmes paroles & ceremonies que dessus, puis quant l'on a un plus de demy diné, l'Empereur envoie de rechef à un chacun, un grande tasse pleine de quelque Medon rouge, desquels ils ont de diverses sortes: apres cela, l'on apporte de grands bassins d'argent, pleines de medon blanc, lesquels l'on pose sur les tables, & un chacun avec de grandes tasses puise dedans, & à mesure que l'une est vuide, l'on en r'apporte un autre de quelque autre sorte, selon que l'on le demande, plus où moins fort. Puis l'Empereur envoie la troisieme à un chacun, une tasse pleine de quelque fort medon ou vin claret, puis

finalement quand l'Empereur à disné, il envoie la quatriesme & derniere fois à un chacun une autre tasse pleine de Patisni* mieud, qui veut dire, Medon de miel vierge, lequel n'est pas fort, mais est clair comme eau de roche, & fort delicat. Apres cela, l'Empereur envoie à un chacun particulièrement un plat de viande, que un chacin envoie en sa maison, & a ceux que l'Empereur favorise le plus, il taste un peu desdites viandes avant que de les envoyer, ce qui se donne, reiterant les paroles cy dessus mentionnées, comme aussi tout ce que l'on reçoit pendant le diné, outre les conviez l'Empereur envoie à chaque noble en sa maison, & tous ceux qu'il favorise, un plat de viande qu'il appelle Podatdh, ce qui ne se fait seulement en temps de festin ains tous les iours une fois, & s'observe si exactement que

[f. 32 v.]

faire ce peut. Si l'Empereur n'est dispos à festoyer un Ambassadeur, apres qu'il a eu audience, selon la façon du pays, l'Empereur luy envoie à diner au logis, avec telle ceremonie; Premièrement l'on envoie quelque principal Gentis-homme, vestu de toile d'or, le colet & bonnet brodé de perle, qui va devant le diné à cheval pour porter la parole, & denoncer la grace de l'Empereur à l'Ambassadeur, comme aussi pour luy tenir compagnie pendant le diné. Il a quinze ou vint serviteurs à l'entour de son cheval, apres luy marchent deux hommes, portant chacun une nape, lesquelles sont roulées comme un rouleau, apres suivent deux autres qui porte des celieres, & deux autres avec deux vinaigriers pleins de vinaigre, puis deux autres, un desquels porte deux cousteaux, & l'autre deux culiers, lesquels sont fort riches; apres cela suit le pain, que six hommes portent, & vont tous deux à deux, puis apres cela suit l'eau de vië, & apres iceux une douzaine d'hommes portant chacun un pot d'argent, d'environ trois chopine chacun, plein de vin de diverses sortes, mais la plus-part, vins fors d'Espagne, Canarie, & d'autres lieux: apres iceux sont portés autant de grandes coupes d'ouvrage d'Alemagne, puis apres suivent les viandes, à sçavoir, celles que l'on mange froides les premieres, puis le bouilly & le roty, & finalement la patisserie, toutes lesquelles viandes sont portées dans des grandes plats d'argent, mais si l'Empereur favorise l'Ambassadeur, toute la vaisselle que l'on met dessus sa table est d'or, apres viennent

* первоначально в тексте: «Patisni Месан mieud», «Месан» вымарано; опечатка указана в списке Errata

[f. 33]

dixhuict ou vingt grands brocs, chacun porté par deux hommes, pleins de Medon de diverses sortes, apres suivent une douzaine d'hommes portant chacun cinq ou six grandes tasses pour boire, & apres tout, suivent deux où trois chariots pleins de Medon & Servoise pour le commun, le tout est porté par des Strelits à ce deputez, lesquels sont fort honnestement habillez. I'en ay veu iusques à trois & quatre cens porter des viandes & breuvages comme dit est, pour un seul disner, & ay veu en un iour trois disner envoyez à divers Ambassadeurs, mais à l'un plus à l'autre moins, nonobstant avec telle ceremonie que dessus.

En l'an mil six cens un, commença ceste grande famine qui dure trois ans, la mesure du bled laquelle se vendoit au paravant quinze sols se vendoit trois roubles, qui font presque ving livres: pendant ces trois ans il se commit des choses si enormes qu'elles sont incroyables, car de veoir le mary quitter sa femme & enfans, la femme meurtrir son mary, la mere ses enfans pour les manger, cela estoit assez odrinaire; mesmes i'ay veu quatre femmes voisines delaissees par leurs maris, lesquelles ayans complotté ensemble que l'une iroit au marché pour achepter une voiture de bois, cela faict elle promettant le payement au paysant en son logis, mais apres avoir deschargé le bois entra dans le poisle pour recevoir son payement, il fut estranglé par ses femmes, & mis en lieu où par la gelee il se pouvoit garder, attendant que son cheval fust peremierement par elles mangé; cela descouvert confesse-

[f. 33 v.]

rent le faict, & que le corps dudit paysant estoit le troisieme: en fin ce fust une famine si grande de que dans la ville de Mosco sont morts de famine & enterrez en trois lieux publics à ce destinez hors de la ville plus de six vinct mille personnes: à quoy fust pourveu par ordre, & aux despens de l'Empereur, mesmes de linceux pour leur enterrement, sans ce qui est mort aux autres villes de Russie: l'occasion de si grand nombre de morts en la ville de Mosco, est que l'Empereur Boris faisoit tous les iours donner aumosne à autant de pauvres qu'il s'en trouvoit, à chacun un Moscof, qui est quelque sept deniers tournois, tellement qu'un chacun entendant la liberalité de l'Empereur y accourut, combien que aucuns d'entr'eux eussent encores de quoy vivre: arrivez qu'ils estoient en Mosco, ne pouvoient vivre pour lesdits sept deniers, bien qu'és principalles festes & dimanches ils eussent un denin qui est le double: & ainsi tombans en plus grande foiblesse qu'ils n'estoient, mouroient en ladite ville ou sur les chemins s'en retournans:

finalement Boris adverty comme ils accouroient tous en la ville de Mosco, & que le pays commençoit petit à petit à se dépeupler pour venir mourir en Mosco, ne leur fit plus rien donner, lors l'on les trouvoit morts & demy morts par les chemins du froid & faim qu'ils enduroient, qui estoit un estrange spectacle: la somme que l'Empereur Boris desboursa pour les pauvres est incroyable, n'y aiant ville en toute la Russië, outre la despence qui se faisoit en Mosco, ausquelles il n'envoyast plus ou moïn

[f. 34]

pour la nourriture desdits pauvres: ie scay qu'il envoya à Shmolensqui par un de ma cognoissance vint mille roubles: il avoit cela de bon qu'il faisoit ordinairement de grandes aumosnes, & beaucoup de biens aux Ecclesiastiques, lesquels aussi estoient tous pour luy: ceste famine à grandement diminué les forces de Russië & le revenu de l'Empereur.

L'an mil six cens deux, au commencement du mois d'Aoust, arriva le Duc Iean frere de Christiernus Roy de Dannemarck pour espouser la fille de l'Empereur, il receut de grands honneurs selon le pays: il y avoit quelques deux cens hommes à sa suite: ses Gardes estoient vint-quatre arquebuziers, & vingt-quatre hallebardiers: trois iours apres son arrivee il eust audience de sa Maiesté, lequel le receut fort amiablement, l'appellant fils: il y avoit un siege préparé en la chambre de presence au costé de son fils, sur lequel il fut assiz: apres l'audience il disna avec l'Empereur à sa table ce qui ne s'estoit veu au paravant, car c'est contre la façon du pays qu'aucuns horsmis les les fils y soient assis: les tables estans levees fut apres luy avoir fait des riches presens conduit en son logis: quelques quinze iours apres il tomba mallade d'un exces comme l'on tient, duquel il mourut quelque temps apres: l'Empereur le fut veoir par trois fois avec son fils pendant sa malladie, il le regretta grandement: tous les medecins furent disgraciez: l'Empereur ne voulut permettre qu'il fut enbausmé, estant contre leur Religion: il fut enterré dans l'Eglise des Alemans,

[f. 34 v.]

deux virst hors de la ville: toute la Noblesse le conduisoit iusques dans ladite Eglise, où ils demeurerent iusques a la fin de toute la ceremonie: l'Empereur & toute sa Noblesse en porterent le deüeil trois semaines: peu de temps apres mourut l'Imperatrice sa sœur vefve de l'Empereur Theodore Ivanevis, elle fut enterree dans un monastere de femmes.

Pendant tout ce temps sa ialousie & soupçon alloit tousiours croissant: il exila plusieurs fois les Choutsqui, les soupçonnant plus que tous autres, combien que le second frere avoit esté marié avec la soeur

de sa femme: plusieurs ont esté tourmentez innocemment pour les avoir visitez, mesmes lors qu'ils estoient en grace: nul des medecins n'osoit à peine d'estre exilé visiter aucunes seigneurs, ou leur administrer aucune chose sans ordre expres de l'Empereur, car il n'y a eu iamais en toute la Russië aucuns medecin que ceux qui servent l'Empereur, ny mesmes aucune boutique d'apotecaire: en fin ayant ouy le vent depuis l'an mil six cens de Demetrius Ioannes que quelques-uns le tenoient estre en vie: il ne se faisoit de là en avant tous les iours que tourmenter & gehenner pour ceste occasion: deslors si un serviteur venoit accuser son maistre, combien que ce fust faussement, sous esperance de ce faire libre, il estoit par luy recompensé, & le maistre ou quelqu'un de ses principaux serviteurs tourmenté pour le faire confesser ce qu'il n'avoit iamais faict, n'y veu, ny ouy: la mère dudit Demetrius prinse hors du monastere où elle

[f. 35]

estoit, & envoyee environ six cens virst de Mosco: en fin il y en a eu fort peu des bonnes famille qui n'aye resseny que c'est que le soupçon d'un tyran, combien que l'on l'eust pris pour un Prince tres-clement; car il ne s'est pas executé publiquement pendant son regne avant la venuë de Demetrius en Russië dix personnes, hormis quelques voleurs qui s'estoient assemblez, iusques au nombre de cinq cens, desquels plusieurs estans prisonniers, furent pendus, mais secrettement, un grand nombre de personnes tourmentez, envoyez en exil, empoisonnez par les chemins, & infiny nombre noyez, sans toutesfois qu'il receust aucun alegement.

Finalemnt, l'an mil 604. se descouvrit ce qu'il avoit tant craint, à sçavoir, Demetrius Ioannes, fils de l'Empereur Ioannes Basilius, lequel on supposoit avoir esté tué à Ouglis, comme a esté dit cy dessus. Lequel avec environ quatre mil hommes entra en Russie, par les frontieres de Podolie, assiegea premierement un chasteau qui s'appelle Tcheringo, lequel se rendit, puis un autre lequel se rendit aussi, puis ils vinrent à Poutimel ville tres-grande & riche, laquelle se rendit, ensemble plusieurs autres chasteaux, comme Rilsque, Crom, Caratshof, & plusieurs autres, & du costé de Tartatrie, Saragorod, Borisof, Gorod, Liven, & autres places ce rendirent. Et ainsi ses forces s'augmentans, vint assieger Novogorod, Siversqui, qui est un chasteau scitué sur une montagne, le Gouverneur duquel s'appelloit Pietre Federevis Bas-

[f. 35 v.]

mannof (duquel sera parlé cy apres) lequel fit si bonne resistance, qu'il ne le peut prendre. Finalemnt l'armée de l'Empereur Boris se logea

le 15. Decembre, à quelques dix virst de la sienne. Quenes Feder Ivannevits Mistisloftski, estant General du corps de l'armée, lequel attendoit encores des forces: nonobstant le 20. Decembre se ioignirent les deux armées. Lesquelles apres avoir escarmouché deux ou trois heures, se retirerent sans trop grande perte, fors que Demetrius y perdit une belle occasion, ses Capitaines faisans voir le peu d'experience qu'il avoient en l'art militaire. Car en escramouchant, il vint trois compagnies Pollonnoises, charger un des bataillons si furieusement, que ledit bataillon se vint fondre sur l'aisle droicte, & ainsi sur le corps de l'armée, avec tel desordre & confusion, que toute l'armée horsmis laisle senestre, s'esbranla & tourna le dos, tellement que si autres cent chevaux fussent venus donner en flanc, ou sur l'autre bataillon qui estoit à demy esbranlé, c'est sans doubte que quatre compagnies eussent deffait toute l'armée de l'Empereur. Car ledit Mistisloftski general de l'armée, fut abbatu de son cheval, & receut trios ou quatre coups sur la teste, & eust esté pris prisonnier par Demetrius, sans une douzaine d'harquebuziers qui leur fist lacher prise; En fin l'on eust dit que les Russes n'avoient point de bras pour frapper, nonobstant que ils fussent de quarente à cinquante mil hommes. Les armées retirées d'un & d'autre costé, l'on se tint sans rien faire iusques apres Noel: les pri-

[f. 36]

sonniers furent envoyez en Mosco, entre lesquels y avoit un Capitaine de cavallerie Polonnoise, nommé Domarasqui. Le vingt-huictiesme Decembre, Demetrius Ioannes leva le siege de Novagorod, voyant qu'il ne pouvoit rien faire, & se retira au pays de Siverqui, lequel est fort fertile, ou la plus grande part des Polonnois le quitterent. Nonobstant ce, il assembla toutes les forces qu'il peut, tant des Russes, Cosaks, que Pollonnois, avec un bon nombre de paysans, lesquels s'exerçoient aux armes: l'armée de Boris se r'enforçoit aussi tous les iours, combien qu'il en eust une de costé de Crom, & suivoient ledit Demetrius. (mais si l'entement, que l'on eust dit qu'ils n'avoient envie de mordre). A la fin apres avoir tenu les bois & forests, par lesquels l'armée fut conduite l'espace d'un mois entier, ils s'aprocherent de rechef des forces de Demetrius, lequel adverty que l'armée estoit logée dans un village si serrée que l'on ne se pouvoit remuer, vint pour donner la nuict une camisade, & mettre le feu audit village, par quelques paysans, qui en sçavoient les advenües; mais ils furent descouverts de tous costez, par les batteurs d'estrades. Et ainsi on se tint à alert iusques au matin, qui estoit le 21 Ianvier, 1605. Les armées

s'approcherent, & apres quelque escarmouche, le canon ioüant d'une part & d'autre, Demetrius envoya sa principale cavallerie le long d'un valon, pour tascher de couper entre le village & l'armée. Mistisloftsqi adverty de cecy, fit avancer l'aisle droite, avec deux com-

[f. 36 v.]

pagnies d'étrangers. Ledit Polonnois voyant qu'il estoit prevenu, ioüa à quite ou à double, chargeans avec quelques dix cornettes l'aisle droite avec telle furie, que apres quelque resistance que firent lesdits estgrangers, tout tourna le dos, hormis le corps de l'armée, lequel estoit comme en extaze, ne se mouvant non plus, que s'ils n'eussent eu aucun sentiment, donna droit au village, à la venuë duquel estoit la plus part de l'infanterie, & quelques pieces de canon. Ladite infanterie voyant les Polonnois si proches, fit un escouppetade, de dix où douze mil harquebuzades, qui mit si bien l'espouvante parmy les Polonnois, qu'ils tournerent bride en grande confusion. Ce pendant la reste de leur cavallerie, & infanterie s'approchoit en aussi grande dilligence qu'ils pouvoient, pensans avoir tout gagné. Mais voians les leurs tourner bride en tel desordre, commencerent à gagner au pied, & furent poursuivis par cinq ou six mil chevaux, plus de sept ou huict virst de pays. Demetrius perdit presque toute son infanterie, quinze tant enseignes que cornettes, treize pieces d'artillerie, & demeurèrent cinq ou six mil hommes sur la place, sans un nombre de prisonniers, desquels tous ceux qui ce trouvoient Russes, furent pendus en l'armée: les* autres furent menez avec les cornettes & enseignes, trompettes & tambours, en triomphe en** la ville de Mosco. Demetrius avec le reste de ses forces se retira à Poutimel, ou il demeura iusques au mois de May. L'armée de Boris alla assieger Rilets qui 'estoit rendu audit Deme-

[f. 37]

trius: mais après y avoir demeuré quinze iours sans rien faire, leva le siege, en intention de licencier pour quelques mois l'armée, laquelle estoit bien fatiguée. Mais Boris adverty de cecy, escrivit aux chefs de son armée, avec expresse deffence de ne la licentier. Apres donc que l'armée se fut un peu rafraichie & reposée au pays de Sivers, Mistisloftsqi, & Knes, Vasilei, Ivannevits, Choutsqui (lequel fut envoyé de Mosco, pour compagnon audit Mistisloftsqi) sachelinerent vers l'autre armée, laquelle (après

* первоначально в тексте: «ces», правка внесена на полях

** первоначально в тексте: «la», правка внесена на полях

avoir ouy la deffaitte de Demetrius) avoit mis le siege à Crom: les deux armées iointes demeurerent devant Crom, sans executer chose digne, que de se faire mocquer d'elles, iusques au decedz didit Boris Fedrevits, lequel mourut d'une appoplexie un samedy vingt-troisiesme d'Avril, audit an.

Or avant *que* passer outre, il faut noter *que* il n'y a nulls duels entr'eux, car *premierement* ils ne portent nulls armes *sinon* à la guerre où en quelque voyage, & si l'on est offensé de paroles ou autrement de quelques-uns, il ne s'en faut ressentir que par la voye de iustice, laquelle *condamne* celluy qui auroit touché l'honneur d'autruy à une amende qu'ils appellent *Beshest*, qui veut dire *reparation d'honneur*, laquelle toutesfois dépend de celuy qui est offensé, asçavoir de le faire battre avec des batogue (qui s'exécute en ceste façon,) l'on luy despouille le dos iusques à la chemise, puis l'on le couche par terre sur son ventre, & y a deux hommes qui le tiennent un par la teste, & l'autre par

[f. 37 v.]

les pieds, & avec des bagetes de la grosseur du doigt le frappe sur le dos en presence du Iuge & de celuy qui est *offencé*, & de tout ceux qui se trouve iusques a ce que le Iuge dise* *hola*, ou bien faut qu'il paye à l'interessé la somme des gages qu'il a annuellement de l'Empereur pour sa satisfaction, mais s'il est marié, il faut qu'il paye pour *reparation de l'honneur de sa femme*, deux fois autant, tellement que s'il a quinze roubles de gage annuel, il paye quinze roubles pour la *reparation de son honneur*, & trante roubles pour sa femme, qui monte à quarente cinq roubles, & en use de mesme quel que soit ses gages: mais l'iniure peut estre telle, que celuy qui a offence aura le foit par la ville, & outré ce, pourra ladite somme, puis exilés, que si par cas fortuit, comme i'ay veu une fois en six ans, entre les *estrangers* il se face un *dueil*, & que une des parties soit blessée, soit celuy qui a appellé ou a esté appellé, car il estime tout-un: il est puni comme un meurtrier, & ne peut servir nulle excuse, & encore plus, combien que un home soit grandement iniurié de paroles, si ne luy est-il permis le frapper, combien que ce ne fust que de la main, à peine de ce que dessus, que si cela arrive, & l'autre luy rende le coup, & que il y aye quelque plainte, ils sont tous deux *condamnez* à estre batus comme dessus, ou payé une amende à l'Empereur, à cause, dissent-ils que celuy qui a esté offensé est entré en l'autorité de la Iustice,

* первоначально в тексте: «dissent», «ent» вымарано

(laquelle seule se reserve la connoissance des torts faicts, & les punir,) en ce vengeant par in-

[f. 38]

iure, ou coup reciproque de celuy qui l'auroit offensé, & pource est la iustice beaucoup plus briefue & rigoureuse en ces debats, iniures, & calomnies, que en aucune autre chose. Ce qu'ils observent non seulement aux villes en temps de paix, ains aussi aux armées en temps de guerre, fort exactement, ce qui se doit entendre de la noblesse: (car la reparation d'honneur de la commune & bourgeois, n'est que de deux roubles) Vray est que ils ne prennent pas chaque paroles à pied levé, car ils sont fort simples en leur parler, veu que ils n'usent que de toy, & sont mesme encore esté plus simples, car si l'on parloit d'une chose douteuse, & que il ne fust ainsi, au lieu de dire c'est la vostre, où pardonnés moy, où choses semblables, ils disent tu as menty, & mesme le serviteur à son maistre, & combien que Ioannes Basilius ait esté surnommé, & tenu pour un tiran; si n'a-il prins ses demantis en mauvaise part, mais maintenant il n'en use si librement que ils faisoient il y a quelque 20. ou trente ans, depuis qu'il y a eu des estrangers parmi eux.

Les knes, Mistisloftsqui, & Choutsqui, furent mandez incontinent apres la mort dudit Boris, par l'Imperatrice sa femme, & Feder Borisvits, fils du deffunct, sans toutesfois que l'armée fust advertie, de sa mort. Le vingt-septiesme arriva en l'armée, tant pour faire prester serment aux gens de guerre, que pour suppléer à la place des precedens. Pietre Federvits Basmanof (lequel estoit gouverneur de Novagorod,

[f. 38 v.]

lors que Demetrius l'avoit assiegée) & encores un autre. L'armée presta serment de fidelité, & obeïssans à Feder Borisvits, fils deffunct, le recognoissant pour Empereur, lequel envoya des letters fort favorables en l'armée, les admonnestant de continuer la meme fidelité envers luy, qu'ils avoient tesmoigné à feu Boris Federvits son Pere, les assurant de sa liberalité envers un chacun après les six semaines du dueil expirées.

Knes, Vacile, Ivannevits, Galitchin, & Pietre Federvits, bas Manof, avec plusieurs autres, se rendirent à Demetrius Iohannes, le dixseptiesme May, & prindrent prisonniers deux autres Voivod, à sçavoir Ivannevits, Godonof, & Michal Saltocof. Le reste des Voivod & de l'armée prindrent la fuite vers Mosco, laissant tout le canon & autres munitions aux trenchées. De iour en iour, les villes & chasteaux se rendoient audit Demetrius, lequel s'achemina de Poutimel, pour venire en l'armée. Il n'avoit que six

companies de cavallerie, Polonnoise, qui sont six cens hommes, quelques Cosak de dessus la Donna & Nieper, avec quelque peu de Russes. Il envoya incontinent licencier l'armée, pour se rafraischir quelques trios ou quatre semaines, à sçavoir ceux qui ont leurs terres pardeça Mosco, & envoya le reste de l'armée pour couper les vivres en la ville de Mosco, & luy avec quelques deux mil homes s'chemina à petites iournées vers ladite ville de Mosco, y despeschant iournellement des letters, tant à la noblesse, que à la commune, les assurant de sa clemence s'ils

[f. 39]

se rendoient, & leur remonstrant que Dieu premier, & puis luy, ne faudroient à les punir de leur obstination, & rebeillon, s'ils y continuoient. Finalement le peuple aiant receu une desdites letters, s'assambla en la place devant le chasteau. Mistisloftski, Choutsqui, Belsqui, & autres estant envoyez pour appaiser le tumulte, les letters furent nonobstant leüe publiquement, & après s'estre entr'animez, les uns & les autres coururent au chateau, prindrent l'Imperatrice vefve du defunct Empereur Boris, avec son fils & sa fille prisonniers, & outre tous les Godonof, Saborof, & Villiaminof, lesquels ne sont qu'une maison, & pillerent tout ce qu'ils trouverent.

Demetrius Iohannes estoit à Thoula, ville esloignée de Mosco, de quelque cent soixante virst, lors qu'il en receut les nouvelles, & despescha Knes Vacilei Galitchin, pour recevoir le serment de la ville. Tous les principaux vindrent au devant dudit Demetrius, iusques à Thoula. Finalement le vingtiesme Iuin, l'Imperatrice vefue du deffunct, & son fils Feder Borisvits, furent comme l'on tient estouffez, mais on fit courir le bruit qu'ils s'estoient empoisonnez. La fille fut constituée sous des gardes, tous les autres parens furent exilés, qui deça, qui delà. Boris Federevits deffunct, à la requeste des grands fut deterré de l'Eglise nommée Archangel, lieu de sepulture des grands Ducs & Empereurs, & fut enterré en une autre Eglise.

Finalement Demetrius Iohannes, fit son entrée

[f. 39 v.]

le trentiesme de Iuin en la ville de Mosco, ou estant arrivé il despescha Mistisloftski, Choutsqui, Vorotinsqui, Mosalsqui & autres querir l'Imperatrice sa mere, laquelle estoit dedans un Monastere quelques 600. virst de Mosco, Demetrius l'alla recevoir à une virst de la ville, & apres conferances d'un quart d'heure, en presence de tous les nobles, & de ceux de la ville, elle monta dans un carosse, & l'Empereur Demetrius

& toute la noblesse a pied a l'entour du carosse, l'amenerent iusques à la maison de l'Empereur, ou elle demeura iusques à ce que le cloister dans lequel fut enterrée l'Imperatrice, vefue de l'Empereur Theodore sœur de Boris, fut parachevé d'estre basty pour elle. Finalement il se fit couronner le dernier de Iuillet suivant, qui se fit avec peu de ceremonie, sinon que tous les chemins depuis la chambre iusques a l'Eglise nostre Dame, & de là iusques à Archangel estoient couverts d'une escarlatte, & dessus icelle d'un drap d'or de perse, sur lequel il marchoit; Arrivé qu'il fut en ladite Eglise nostre Dame, ou le Patriarche l'attendoit, avec tout le Clergé, après prieres & autres ceremonies, l'on apporta la Couronne, le Septre, & la Pomme d'or hors du tresor, lesquels luy furent delivrez, puis en sortant de ladite Eglise pour aller à Archangel, l'on jetta le long du chemin petites pieces d'or, de la valeur d'un demy escu, d'un escu. & quelques, unes de deux escus que l'on fit battre à cet effect, car il ne se fait acune monoye d'or en Russie, & d'Archangel il sien retourna en son Palais, ou

[f. 40]

il y eut table ouverte pour tous ceux qui se peuvent asseoir. C'est la façon coustumiere, dont ils usent aux couronnemens. Peu de temps apres knes, Vacilei, Choutsqui, fut accusé & convaincu en presence de personnes, choisies de tous Estats du crime de leze-Majesté & condamné par l'Empereur Demetrius Iohannes à avoir la teste tranchée, & ces deux freres envoyez en exil, lequel fut amené quatre iours apres en la place publique, ou ayant desià la teste sur le tronc de bois pour la luy couper, vint sa grace provurée par l'Imperatrice mere dudit Demetrius, & par un Poulonnois, nommé Bouchinsqui & autres, nonobstant il fut envoyé en exil avec ses freres, ou il ne demeura gueres, ça esté la plus grande faute que iamais l'Empereur Demetrius* eust sçeu commettre, car cecy luy à procuré sa mort. En ces entrefaites il depescha Offernace, Ioannevits. Velaci en ambassade en Pologne**, pour accomplir comme l'on tient une secrette promesse faite au Palatin Sandemier, d'espouser sa fille lors qu'il plairoit à Dieu le restablir au throsne de feu Iohannes Basilius son pere, & ce pour estre par luy assisté à la conquete de son Empire. Offernaci arriva à la Cour, & negotia, si bien que les nopces furent solemnisées à Cracovia, ou le Roy de Pologne assista personnellement, pendant ce

* первоначально в тексте: «Detrius», правка внесена на полях

** первоначально в тексте: «Po-Pologne», первый слог вымаран

temps, l'Empereur Demetrius fit lever une garde estrangere à sçavoir une compagnie de cent Archers, pour la garde de son corps, ausquels i'avois l'honneur de commander, & deux cens halbardiers, (ce qui

[f. 40 v.]

ne s'estoit veu au paravant en Russie) il donna liberté de se marier à tous ceux qui au temps de Boris, n'avoient osé se marier, comme à Mitisloftsqui, lequel espousa une cousine germaine de la mere dudit Empereur Demetrius, qui assista deux iours de suite aux nopces. Vacilei, Choutsqui estant r'apellé, & en aussi grande grace qu'auparavant, avoit des-jà fiancé une de ladite maison, ses nopces se devoient solemniser un mois après celles de l'Empereur, en fin l'on ne voyoit autre chose que nopce & ioye au contentement d'un chacun, car il leur fit gouter petit à petit que c'est qu'un país libre, gouverné par un Prince Clement, il alloit tous les iours une fois ou deux voir l'Imperatrice sa mere, il se monstroit par fois un peu trop familer envers les Seigneurs, lesquels sont esleveez & nourris en telle subiection & crainte, qu'ils n'oseroient presque parler en presence de leur Prince sans commandement, combien que ledit Empereur sçavoit autrement tenir une Maiesté & graandeur digne d'un Prince tel qu'il estoit, au reste, il estoit sage, avoit assez d'entendement pour servir de Maistre d'Escole à tout son conseil, nonobstant ce se commença à descouvrir quelques menées secretes, & fut apprehendé un Secretaire ou Diac, lequel fut gehenné en presence de Pietre, Federvis, Basmanof, plus grand favori que l'Empereur eust, lequel ne confessa ny accusa le chef de ceste menée qui estoit comme l'on à apprins puis après, Vacilei, Choutsqui, ainsi fut ledit Secretaire envoyé en exil.

[f. 41]

Finalement l'Imperatrice arriva aux frontiere de Russie avec son pere, & un sien frere, un sien beau frere nommé Visnovetsqui, & plusieurs autres Seigneurs. Le 20. d'Avril, Michal Ignatevis, Tatichof, un seigneur en grand credit vers l'Empereur fut esloigné par disgrace, pour quelque parole desdaigneuse, donné à l'Empereur, en faveur de Knes Vacilei, Choutsqui, disputant lors avec l'Empereur, d'un rothy de veau qui estoit sur la table, car c'est contre leur religion, & finalement r'entra en grace le iour de Pasques, a la Solicitation, de Pietre, Federvits, Basmanof: combien qu'un chacun se doutast, & l'Empereur mesme (bien qu'il ne fust Prince soupçonneux) qu'il y avoit quelque mauvaise trame, car il n'avoit pas accoustumé de ce monstrier tel au paravant, comme il avoit fait quelque quinze iours avant son exil, son r'appel fut une faute approchant de celle

de Choutsqui, car l'on le cognoissoit avoir un esprit malicieux, qui ne pouvoit oublier nulle iniures.

Sur la fin d'Avril l'Empereur Demetrius recut des nouvelles, que entre Cassan & Astricant, s'estoit assemblé environ quatre mille Cosaks, (lesdits Cosaks comme tous ceux desquels avons parlé icy devant sont gens de pied, & ainsi ce doit entendre en toute ce present discours, & non cavaliers comme sont les Cosaks, qui resident la Podolie & Russie noire, sous la domination du Roy de Pologne, lesquels l'on à veu deçà & delà aux armées, tant en Transilvanie, Valachie, que Moldavie & autres lieux, les-

[f. 41 v.]

quels Cosaks estoient d'ancienneté montés & armés comme sont les Tartares, & continuë le tout, sinon que depuis peu de temps: la plupart se sont servits d'harquebuzes, mais ils ne portent nulls armes defensives, si ne metez au nombre d'icelle le scimeterre) lesquels faisoient du dommages du long de la Volga, & disoient avoir avec eux un ieune Prince nommé Zar Pieter, lequel estoit vray fils (comme ils en faisoient courir le bruit) de l'Empereur Theodore Ioannes, fils de Ioannes Basilius, & dela sœur de Boris Federvits, qui regna apres ledit Theodore, lequel nasquit environ l'an 1588. & fut secretement changé, car l'on supposa selon leur dire, une fille en sa place, laquelle deceda aagée de trois ans, comme avons touché cy devant. Tellement que ce Zar Pierer pouvoit ester âgé de seize à dix sept ans, si leur dire eust esté vray, mais l'on sçavoit bien que ce n'estoit qu'une couleur qu'il prenoit pour piller le pays, pour quelque mescontentement que lesdits Cosaks avoient dudit Demetrius, heu esgard qu'ils ne furent recompensez d'iceluy, comme ils esperoient. Nonobstant l'Empereur luy escrit une lettre, par laquelle il luy mandoit, que s'il estoit le vray fils de Theodore son frere, qu'il seroit le bien venu, luy faisant ordonner toute chose necessaire par les chemins, quant aux vivres, ce qu'ils appellent corme, mais aussi que s'il n'estoit le vray, qu'il se retirast hors de ces confines. Pendant le temps que les postes aloient & revenoient, fust ledit Demetrius miserablement assassiné, comme toucheront cy apres, mais a-

[f. 42]

vant mon depart de Russie, lesdits Cosaks prindrent & saccagerent trois chasteaux scituez le long de la Volga, & prindrent quelques petites pieces, & autres munitions de guerre, & ce separent, la plus grand part s'en alla aux campagnes de Tartarie, les autres se retirent dans un chateau qui

est my chemin, entre Cassan & Astrican, sous esperance de piller les marchans qui trafiquent à Astrican, où pour le moins en tirer quelque composition, mais estant à Archangel, ie receu les nouvelles que tout estoit appaisé par delà, & que lesdits Cosaks avoient tout quitté.

L'Imperatrice espouse de Demetrius, fit son entrée en Mosco un vendredy 12. May, plus magnifiquement qu'aucuns qui ayt esté veü au paravant en Russie, elle avoit dix chevaux de Nagaye attellez en son carrose, lesquels estoient blancs picottez de noir, comme Tigres, ou Leopardz, lesquels se ressembloient su bien que l'on n'eüst sçeu faire difference de l'un à l'autre, elle avoit quatre companies de cavalerie Polonnoise, fort bien montez & richement habillez, puis une compagnée de Heydouc pour sa garde, elle avoit plusieurs Seigneurs à sa suite, elle fut menée au cloister de l'Imperatrice mere de l'Empereur, ou elle demeura iusques au dixseptiesme quelle fust menée au Palais en haut en son quartier, elle fut couronnée le lendemain avec telle ceremonie que l'Empereur, conduite soubz le bras droict par l'Ambassadeur du Roy de Pologne, Chastelain de Malagosqui, & à la gauche par la femme de Mitislofts-

[f. 42 v.]

qui, & en sortant de l'Eglise, l'Empereur Demetrius la menoit par la main, & Vacilei Choutsqui la conduisoit soubz le bras gauche. Ce iour les Russes seuls furent au festin, le dixneufiesme commencerent les nopces, ou tous les Polonnois estoient, excepté l'Ambassadeur, par ce que l'Empereur refusoit le laisser asseoir à sa table. Et combien que ce soit contre la coustume des Russes, de laisser soir aucuns Ambassadeurs à la table de l'Empereur, si ne laissa ledit Chastellain Malagosqui, Ambassadeur du Roy de Pologne, à remonstrer à l'Empereur, que son Ambassadeur avoit eu le mesme honneur du Roy son maistre, car il fut touiours assis à la propre table du Roy de Pologne pendant les nopces. Mais le Samedy & Dimanche, il y disna ayant une table à part, prés de celle de leurs Majestez, pendant le temps, l'Empereur Demetrius fut adverty, tant par son beau pere le Palatin Sendemier & son Secretaire, que Pietre Basmanof & autres que l'on machinoit quelque chose contre luy mesmes, aucuns prisonniers furent pris, mais l'Empereur ne sembloit y adiouster grande foy.

Finalement le Samedy 27. May, (lequel se doit entendre comme allieurs stile nouveau: combien que les Russes comptent stile ancien) A six heures du matin ne se doutant rien moins que de cela, fut le iour fatal auquel l'Empereur Demetrius Ihoannes, fut inhumainement assassiné,

& comme l'on tient mil sept cens & cinq Pollonnois, massacrez, leurs logis estans fort esleignez les uns

[f. 43]

des autres, Vacilei Ivanevits, Choutsqui, estant chef des conspirateurs, Pietre Federvits Basmanof, fut tué en une gallerie tout contre le quartier de l'Empereur, & reçut le premier coup de Michale Tatichof, duquel il avoit procuré la liberté non trop long temps au paravant, & quelques Archers du corps de ses gardes tuéz, l'Imperatrice espouse dudit Empereur Demetrius fut constitué prisonnier, avec son pere, frere & beau frere & tous autres qui eschaperent la furie du peuple, chacun en maison à part, le deffunct Demetrius, fut trainé mort & nud, devant le monastere de l'Imperatrice sa mere, iusques sur la place publique, ou ledit Vacilius Choutsqui, devoit avoir eu la teste tranchée, & fut ledit Demetrius mis sur un table de environne aulne de longueur, la teste pendante d'un costé & les iambes de l'autre, & ledit Pietre Basmanof, couche sous ladite table, lesquels demeurerent en spectacle, à un chacun iusquès au troisieme iour que ledit chef de la conspiration. Vacilei, Ivanevits Choutsqui, lequel est celuy duquel avons tant parlé, fut esleu Empereur. (Combien que ce n'est pas un Royaume qui va par eslection ains par succession, mais d'autant que Demetrius estoit le dernier de ceste maison, & ne restoit nuls qui fussent du Sang, fust ledit Choutsqui, Esleu par ses brigues, & menée comme avoit fait Boris Federvits, apres la mort de Theodore, comme avons touché cy dessus,) lequel fit enterré Demetrius, hors de la ville, pres un grand chemin. La nuit apres qu'il fut assassi-

[f. 43 v.]

né, il survint une grande gellée qui dura huit iours, laquelle gasta tous les grains, arbres, & mesmes l'herbe des champs. Ce qui n'estoit advenu en ce temps la auparavant, surquoy à la requeste de ceux qui suivoient le party dudit Choutsqui. Demetrius fut deterré quelques iours apres, bruslé* & reduit en cendres. Pendant ce temps, il n'y avoit que murmures, les uns pleurans, d'autres se lamentans, & quelques autres se reiouissans, en fin c'estoit une vraye Metamorphose. Le conseil, le peuple & pays divisez les uns contre les autres, commençans des nouvelles trahisons. Prouvinces se revoltoient, sans pouvoir sçavoir par un long temps ce qui en adviendroit. L'Ambassadeur de Pollogne estroitement gardé. Tous ceux qui avoient esté aucunement favorisez du defunct, exilés. Finalement l'Imperatrice

* первоначально в тексте: «& bruslé», «&» вымарано

vefue du defunct Empereur Demetrius Iohannes, fut conduite au logis du Palatin son pere, bien estroitement gardée avec toutes les Dames d'honneur, & autres Polonnoises.

Or pour tacher à appaiser le tumulte & murmure du peuple, l'esleu Vasilius Choutsqui, envoya son frere Demetrius, & Michale Tatichof, & d'autres des siens à Ouglits, pour deterré le corps où les os du vray Demetrius, qu'ils pretendoient estre fils de Iohannes Basilius, meurtry quelques dixsept ans auparavant audit Ouglits, comme avons touché cy dessus, lesquels trouverent ledit corps (comme ils font courir le bruit) tout entier, ses habits aussi frais & en-

[f. 44]

tiers qu'ils estoient quant l'on enterra, (car c'est la coustume d'enterrer un chacun avec les habits dans lesquels il a esté meurtry) & mesmes des noisettes entieres en sa main. Lequel estant deterré, fit à ce qu'ils disent, plusieurs miracles, tant en la ville que par les chemins. L'on l'amena avec procession du Patriarche, & tout le Clergé, avec toutes les Relliques, desquelles ils ont un grand nombre. L'esleu Empereur Vacilei Choutsqui, la mere du deffunct Demetrius, & de toute la Noblesse en la ville de Mosco, où il fut canonizé Sainct par le commandement dudit Vacilei Choutsqui. Ce qui n'appaisa guere le people, car ledit Vacilei fut par deux fois bien pres à estre déposé, combien qu'il le fist couronner le vingtiesme Iuin suivant.

Il envoya un grand nombre de Pollonnois, à sçavoir, des serviteurs gens de petite qualité en Pologne, retenant les principaux comme prisonniers, pour faire venire le Polonnois à une paix, il envoya le Palatin Sendemier, avec sa fille l'Imeratrice à Ouglits pour y estre gardez, ledit Palatin estant fort malade.

Pour conclure, le defunct Empereur Demetrius Iohannes, fils de l'Empereur Iohannes Basilius, surnommé le Tiran, estoit âgé d'environ ving-cinq ans, n'ayant nulle barbe, d'une stature mediocre, les membres forts & nerveux, brun de complexion, & avoit une verruë pres du nez, sous l'oeil droit, il estoit agile, avoit un grand esprit, estoit clement, tost offensé, mais aussi tost apaisé, liberal, en fin un Prince qui ay-

[f. 44 v.]

moit l'honneur, & l'avoit en recommandation. Il estoit ambitieux, ses dessins estoient de se faire cognoistre à la posterité, & estoit deliberé ayant ia donné commandement à son secretaire de se preparer au mois d'Aoust dernier, mil six *cens* six, pour partir avec les navires Angloises,

pour venire en France congratuler le Roy tres-Chrestien, & avoir correspondance avec luy, duquel il m'a parlé plusieurs fois avec grande reverence. En fin la Chrestienté à perdu beaucoup en sa mort, si ainsi est qu'elle le soit, comme il est fort vray semblable, mais ie parle en cette façon, d'autant que ie ne l'ay veu mort de mes yeux, a cause que i'estois pour lors malade.

Quelques iours apres ce meurtre, commença à courir le bruit que Demetrius n'avoit esté tué, ains un qui luy ressembloit, lequel il avoit mis en sa place, apres qu'il fut adverty quelques heures avant iour de ce qui se devoit passer, & sortit hors de Mosco, pour veoir ce qui en adviendrait, non tant (ie iuge si ainsi est) pour aucune craint qu'il eust, veu qu'il y pouvoit remedier autrement, que pour reconnoistre ceux qui luy estoient fidelles, à quoy il n'eust peu pourveoir autrement, ayant choisi la voye la plus dangereuse. Ce qui ce pouvoit attribuer au peu de soubçon qu'il auroit eu de la fidelité de ses sujets, ce bruit continua iusques à mon depart de Russie, qui fut le quatorziesme iour de Septembre mil six cens six, à la verité ie pensois que ce fut une menée de quelque nouvelle faction, pour rendre Vacilei Ivannevits Choutsqui,

[f. 45]

chef de la conspiration & a present regnant, odieux envers le peuple, pour plus aisément parvenir à leur dessein, ce que ie ne puis encor'croire atrement veu ce qui sera touché cy après. Or pour rendre vray semblable ce bruit, les Russes alleguent premierement, qu'apres minuit on vint nom de l'Empereur Demetrius querir hors de la petite escurie qui est au chasteau, trois chevaux turcs, lesquels ne furent ramenez, & ne sçavoit-on iusques alors ce qu'ils estoient devenus, celuy qui les delivra fut apres par le commandement de Choutsqui tourmanté iusques à la mort, pour luy faire confesser ce qui en estoit: outre ce que le maistre du premier logis ou ledit Demetrius auroit repeu apres son depart de Mosco, attesta avoir parlé audit Demetrius, & mesme apporta une lettre escrite de sa main, (à ce qu'il disoit) par laquelle il se plaingnoit des Russes, leur reprochant leur ingratitude & mescognoissance de sa bonté & clemence, les asseurant qu'il ne faudroit à se venger en bref des coupables. Et en outre, ce trouverent plusieurs billets & lettres semées par les ruës, tendant au mesme effect, & mesme que l'on l'avoit pris des chevaux de poste: furent aussi trouvées plusieurs autres lettres au mois d'Aoust, tesmoignans qu'ils avoient failly à leur coup, & que ledit Demetrius les viendroit voir en bref, au premier iour

de l'an. Je toucheray en passant ce qui me fut rapporté par un marchand François, nommé Bertrand, de Cassans, retournant de la place ou [f. 45 v.]

le corps dudit Demetrius estoit, lequel me dit qu'il n'eust pensé que iceluy Demetrius eust eu aucune barbe, veu qu'il ne s'en estoit apperceu durant sa vie (comme aussi n'avoit-il) mais que le corps gissant sur la place, avoit eu une barbe espece comme pouvoit veoir, combien qu'elle estoit razée, & mesme me disoit qu'il avoit les cheveux beaucoup plus long qu'il ne pensoit, car il l'avoit veu le iour avant sa mort, outre-ce, fus asseuré par le secretaire dudit Demetrius, lequel est Pollonnois, noommé Stanislaus Boutshinski, qu'il y avoit un ieune seigneur Russe fort aymé & favorisé dudit Demetrius, qui luy ressembloit fort, fors qu'il avoit un peu de barbe, lequel ne se trouvoit point & ne sçavoit-on ce qu'il estoit devenu, selon le dire des Russes.

Puis ie fus adverty par un François qui estoit cuisinier du Palatin Sandemir, que l'Imperatrice femme dudit Demetrius ayant eu advis du bruit qui couroit, se persuada entierement qu'il estoit en vie, affirmant qu'elle ne le pouvoit croire autrement, & deslors se demonstroit bien plus ioyeuse qu'au paravant.

Quelque temps apres l'election dudit Choustqui, se revolterent cinq ou six principales villes, sur les frontieres de Tartarie, prindrent leurs Generaux prisonniers, tuerent & deffirent une partie de leurs forces & garnisons, mais avant mon depart en Juillet, envoyerent en Mosco pour impetrer leur pardon, lequel ils obtindrent s'excusans qu'on les avoit informez que l'Em-

[f. 46]

pereur Demetrius estoit en vie: pendant ce temps y avoit grande division en Mosco, entre les nobles & les autres pour l'eslection qui avoit esté fait de Vacilei Choutsqui sans leur consentement & agreation, & faillit ledit Choutsqui à estre deposé: finalement le tout s'appaisa, & fut couronné le vintiesme de Juuin.

Après son couronnement, commencerent des secrettes & nouvelles menees contre ledit Choutsqui, en faveur (comme ie présuppose) de Knes Feder Ivannevit Mistisloftski, lequel est de la principale maison de toute la Russie, & avoit eu plusieurs voix en l'eslection, & fut escheuë sur luy si le pays eust esté assemblé, lequel nonobstant refusa d'estre esleu, selon quelque bruit en court, assurant qu'il se rendoit moyne se l'eslection tumboit sur luy: ledit Mistisloftsq. à espousé la cousine

germaine de la mere de Demetrius, qui est (comme avons touché) de la maison de Nagois: tellement qu'il y a apparence que ceste menee est plus de par les parens de sa femme, comme i'estime que de son consentement. Puis fut accusé un grand seigneur nommé Pieter Miquiteuits Sheremetof, & convaincu par tesmoins en son absence estre chef de ceste menee: il est de ladite maison des Nagois, & fut envoyé de la ville où il estoit en exil, & comme i'ay entendu, puis apres empoisonnée sur les chemins.

Fut aussi au mesme temps en une nuict escript sur les portes de la plus part des nobles, & des estrangers, que l'Empereur Vacelei Choutsq. faisoit commandement que la commune eust à sac-

[f. 46 v.]

cager lesdites maisons, veu qu'ils estoient traistres, & pour l'effectuer s'assembla ladite commune (laquelle est allechee au butin par les changemens advenuz au paravant, & croy qu'elle seroit contente à telle conditions d'avoir tous les huitcs iours nouveaux Empereurs) laquelle fust appaisée avec quelque peyne: quelque temps apres un iour de Dimanche, l'on fit au desçeu de Cchoutsq. convoquer la commune devant le chasteau en son nom, souz pretexte qu'il vouloit parler à eux: ie me trouvoy fortuitemment pres de l'Empereur Cchousq. lors qu'il sortoit pour aller au service, où estant, adverty que la commune s'assembloit en son nom sur la place, fut fort estonné, & fit faire inquisition de ceux qui avoient faict faire ladite assemblée, ne bougeant de la place où il en fut adverty, un chacun y accourant, commença ledit Schoutsqui à pleurer leur reprochant leur incostance, & qu'ils ne devoient user de telle subtilité pour se défaire de luy s'ils en avoient envie, que c'estoit eux qui l'avoient esleu, lesquels avoient le mesme pouvoir de le déposer s'il ne leur agreoit, & que son intention n'estoit de s'y opposer, & ainsi en delivrant une espece de crosse que nul ne porte que les Empereurs, & le chapeau: leur dit si ainsi est, choisissez en un autre tel que bon vous semblera, & reprenant incontinant le baston, dit, ie suis las de telle menee, tantost vous me voulez massacrer, & tantost les nobles & mesmes les estrangers du moins vous les voulez saccages: ie ne desire si vous me cognoissez pour tel que m'avez esleu qu'cecy

[f. 47]

demeure impuny: sur quoy tous les assistans s'escrierent qu'ils luy avoient presté serment de fidelité & obeissance, qu'ils vouloient tous mourir pour luy, & que ceux qui se trouveroient coupables fussent puniz: avant cecy avoit esté faict commandement à la commune de s'en retourner chacun

chez soy, & furent apprehendez cinq hommes qui estoient autheurs de ceste convocation de peuple: l'on tient que si ledit Choutsqui fust sorty où que la commune eust esté toute assemblee, il eust couru mesme risque que Demetrius: quelques iours apres lesdits cinq hommes furent condamner à avoir sortir par la ville, qui est le punissement ordinaire; & apres exiliez: la sentence fut prononcee, faisant mention que Mistisloftsqui, lequel estoit accusé comme chef de ceste menee, estoit innocent; la coulpe tombant sur Pieter Scheremetof cy dessus nommé.

Ledit Vacelei Choutsqui courut un autre danger lors que l'on amena le corps du vray Demetrius (comme ils en fait courir le bruit) meurtry dixsept ans y a, ainsi que i'ay touché cy devant en Mosco, où ledit Chutsqui avec le Patriarche, & tout le clergé l'allerent recevoir hors de la ville, ledit Choutsqui y faillit, comme l'on dit, à estre lapidé, combien que nobles appaiserent la commune avant qu'ils fussent assemblez.

Pendant ce temps se revolta le Duché de Siversqui, qui avoit selon le dire des Russes, ia presté le serment de fidelité audit Choutsqui, & mirent sept ou huict mille hommes en campagne, soustenans Demetrius estre en vie, lesquels n'ayans nulz

[f. 47 v.]

chefs furent desfaits par les forces que Vacilei Choutsqui y envoya, composees de cinquante à soixante mil hommes, & tous les estrangers, comme i'en receuz nouvelles à Archangel: ceux qui eschapperent se retirent à Poutimel qui est une des villes capitales dudict Siversqui: mesmes on disoit que ladite ville s'estoit renduë, & que troutes ces revoltes estoient advenues par quelques troupes de Polonois ramassez sur les confins de Russie, & de Podolie, lesquels faisoient courir le bruit Demetrius estre en vie en Pologne, qui est tout ce qui s'est passé pour verifiser le soupçon que l'on avoit de la vie de Demetrius, iusques au quatorziesme Septembre mil six cens six.

Quant aux opinions de ceux qui ne tiennent Demetrius Ioannes estre où avoir esté de Ioannes Basilius surnommé le tiran, ains un imposteur, i'y respondray, disant ce qui m'en semble.

L'objection des Russes est premierement de Boris Federvits lors regnant, Ptince fort subtil & cault, & d'autres ses ennemis s'allegoyent* qu'il estoit un imposteur, veu que le vray Demetrius Ioannes fut tué en l'age de sept à huict ans à Ouglits, y a quelque dixsept ans, comme avons

* «Salleguoyent» вставлено от руки на полях

touché cy dessus. Ains qu'il estoit un Rostrig, à sçavoir un Moine qui a quitté son Couvent, nommé Grisque, où Gregorij Otrepiof.

Et ceux qui s'estiment des plus clairs voyans, tant estrangers qui l'ont cognu qu'autres, alleguent qu'il n'estoit pas Russe, ains Pollonnois,

[f. 48]

Transilvain, où d'autre nation, eslevé & nourry à cest effect.

Pour responce, i'ay touché cy devant le subject pourquy Boris Federvits, protecteur de l'Empire soubs Theodore Iohannes, fils du Iohannes Basilius, & frere dudit Demetrius Iohannes, envoya ledit Demetrius avec l'Imperatrice sa mere en exil à Ouglits: l'on iugera par le discours, que ce n'estoit le fait dudit Theodore son frere, tant pour sa simplicité, que pour ce que ledit Demetrius n'estoit qu'un enfant pour lors, âgé de quatre à cinq ans, lequel ne luy pouvoit aucunement nuire, ains que c'estoit par les menées dudit Boris Federvits. Or il est assez à presupposer, que la mere & autres des plus grands qui restoient pour lors, comme des Romanevits, Nagois & autres, voyant le but ou ledit Boris tendoit, essayerent par tous moyens à delivrer l'enfant du danger ou il estoit. Or ie sçay & croy, que l'on confessera qu'il ny avoit nul autre moyen que de le changer & en supposer un autre en sa place, & le faire nourrir secretement, en attendant si le temps ne changeroit ou empescheroit point les desseins dudit Boris Federvits, ce qu'ils effectuerent si bien que nul fors ceux de la partie n'en sçeurent rien, il fut nourry secretement, & apres la mort (comme ie tiens de l'Empereur Theodore son frere) & que ledit Boris Federvits fust esleu Empereur, il fut envoyé en Pologne, en habit de moyne, pour le faire passer les confines de Russie, avec ledit Rostrigue, cy dessus nommé, ainsi que l'on tient,

[f. 48 v.]

ou estant arrivé il se mit au service d'un seigneur, de Pologne, nommé Visnovetsqui, Gendre du Palatin Sendemier: finalement vint au service dudit Palatin, & se descouvrit à luy, lequel l'ammena à la Court de Pologne, où il receut quelque petit secours; Ce que dessus servira pour responce, & pour verifier qu'il ne fust meurtry à Ouglits, ains un supposé en sa place.

Touchant ce qu'il l'appelle Rostrigue, c'est chose tres-assurée, que peu de temps après l'election de Boris Federvits, il y eut un moine qui s'enfuit d'un Couvent où il estoit, lequel il appelle Rostrigue, & se nommoit Grisque Otrepiof, lequel avoit esté autrefois Secretaire du Patriarche, & s'enfuit en Pollogne, ce fut deslors que Boris commença à doubter de ce

qui en estoit, comme l'on peut voir par le cours de sa vie. Pour respondre à cela, ie dis que c'est chose asseurée qu'ils estoient deux qui s'enfuirent en habit de Moine, à sçavoir ce Rostrigue, & un autre lequell iusques à present n'a point de nom. Car l'Empereur Boris lors regnant, envoya par toutes les frontieres, couriers avec expres commandement de faire guetter tous les passages, & de retenir un chacun, ne laissant mesmes passer ceux qui avoient passe-port. Car (ainsi que contenoit le mandement dudit Boris, comme i'ay appris) il y avoit deux traistres de l'Empire qui s'enfuioient en Pologne, & furent lesdits chemins fermez, tellement que par l'espace de trios ou quatre mois, nul ne pouvoit entrer ny sortir, pour aller d'une ville à l'autre, à cause des Sastafs, qui

[f. 49]

est une espece de gardes qui tenoient les chemins, qu'on ne pose iamais qu'en temps de contagion.

Outre ce, c'est chose toute approuvée & asseurée, que ledit Rostrigue est âgé de trente cinq à trente huict ans, au lieu que ledit Demetrius ne pouvoit avoir que de vingt trois à vingt quatre ans, lors qu'il r'entra en Russie, puis il l'y ramena, & un chacun qui la voulu voir la veu, ses freres sont encore en vie, ayans des terres sous la ville de Galits. L'on cognoissoit ce Rostrigue devant la fuite, pour un homme insolent, adonné à yvrongnerie, & pour laquelle insolence, fut par ledit Demetrius consiné à Ierislaf, deux cens trente virst de Mosco, où il y a une maison de la compagnie Angloise, & celuy qui y demuroit lors que ledit Demetrius fut assassiné, m'a affermé qu'il avoit esté asseuré par ledit Rostrigue, lors mesmes que les nouvelles vindrent que ledit Demetrius avoit esté meurtry, & Vacilei Choutsqui est esleu Empereur. Que ledit Demetrius estoit le vray fils de l'Empereur Ioannes Basilius, & qu'il l'avoit conduit hors de Russie. Ce qu'il attesta avec grandes sermens, asseurant que l'on ne pouvoit nier que luy mesme en fust Grisque Otrepiof, surnommé Rostrigue, c'est cy sa propre confession, & se trouveront peu de Russes qui le croye autrement. Quelque temps apres Vacilei Choutsqui esleu Empereur l'envoya querir, mais ie ne sçay ce qu'il est devenu. Cecy suffira pour cette obiection.

Quand à l'obiection que font la pluspart des

[f. 49 v.]

estrangers, qu'il estoit quelque Polonnois ou Transilvain, Imposteur de par soy mesme, ou eslevé à cest effect, ils le veulent prouver, par ce qu'il ne parloit pas la langue Russe si nettement qu'il convenoit, outre

ce qu'il n'avoit les façons de faire des Russes desquelles il se mocquoit, n'observoit leur religion que par forme, & autres semblables raisons, car pour conclusion (disent ils) tous ces gestes et façons ressembloient son Polonnois.

Or s'il estoit Polonnois eslevé pour c'est effect, il faudroit en fin que l'on sçeut par qui, outre ce ie ne pense que l'on eust pris un enfant aux ruës, combien que ie diray en passant qu'entre 500.*, il ne s'en trouvera un capable d'exécuter ce qu'il enterprint en l'âge de 23. à 24. ans. Mais outre cela, quelle raison eust meu les chefs de ceste menée d'entreprendre telle chose, veu qu'en Russie l'on ne doutoit du meurtre, puis Boris Federvits estoit regnant au païs, en plus grande prospérité qu'aucun de ses predecesseurs, craint & redouté du peuple tout ce qui se peut, ioint que la mere dudit Demetrius avec plusieurs de ses parens vivans, pouvoient tesmoigner ce qui en estoit. Et qu'il est vray semblable, que cela se fust fait avec le consentement du Roy de Pologne, & des Estats: car d'entreprendre une chose de si grande consequence, laquelle si elle n'eust reussy fut tombé tout le dommage sur la Pologne par une grande guerre en temps desavantageux, sans le sçeu du Roy, il n'y a nulle apparence. Or si cela eust esté, la

[f. 50]

guerre ne se fust commencée avec 4000. hommes, & eust eu ledit Demetrius, comme i'estime, quelques Conseillers & gens de qualité de quelques Seigneurs Polonnois deputez par le Roy, pour le conseiller en ceste guerre: puis ie croy qu'ils l'ussent assisté d'argent, mesmes n'est vray semblable que la plus part des Polonnois l'eussent quitté, lors qu'il leva le siege devant Novagorod Siversqui, comme nous avons touché cy devant, veu qu'il tenoit desia pres de quinze, tant villes que chasteaux, & son armée se renforçoit tous les iours. Or de dire que ce soit un imposteur, qui à entrepris ces choses de soy-mesme, il me semble que ce seroit une simplicité de croire que n'ayant que 20. ou 21. an lors qu'il se descouvrist eust appris à cest effet la langue Russe tant de temps auparavant, & mesmes à lire & escrire, combien que l'on peut demander ou il l'auroit apris, puis qu'il eust l'entendement & discretion de respondre à chasque question qu'on luy fit, comme i'estime lors qu'il se descouvrit, car la Russie n'est pas un pays libre, auquel on puisse entrer pour apprendre la langue, & s'informer de telle & telle chose, puis en sortir, car outre ce qu'il est fermé,

* первоначально в тексте: «500. cens», «cens» вымарано

comme avons ia touché, toutes choses y sont si secrettes, qu'il est fort difficile d'apprendre la verité d'une chose si on ne la veu de ces propres yeux. Aussi ie ne pense estre vray semblable, qu'il eust peu conduire cette menée sans qu'aucun l'eust sçeu. Or si quelques uns l'eussent sçeu, ils se fussent descouverts pendant sa vie, ou apres sa mort,

[f. 50 v.]

enfin, s'il eust esté Polonnois, il se fust comporté autrement envers quelqu'un d'iceux, qu'il ne fist & ne pense pas que le Palatin Sendemier, se fust tant hasté à luy faire aucune promesse, avant qu'il eust esté mieux informé de ce qu'il estoit, de dire qu'il ne l'ignoroit pas, il n'est vray semblable, comme nous toucherons cy apres.

Quand à ceux qui tiennent qu'il a esté nourry & eslevé par les Iesuites, de quelle nation tiennent qu'il fust, car n'est pas Polonnois, comme il apert cy dessus, & touchera cy apres, encores moins d'autre nation que Russe, s'ils le confessent, il faut sçavoir là ou ils l'ont pris, veu qu'il ny a eu nul Iesuite en toute Russie, avant la venuë de Demetrius: si ce n'a esté avec des Ambassadeurs, lesquels l'on tient & regarde de si pres, qu'il est impossible qu'ils eussent peu emmener un enfant hors de Russie. Or il est impossible de tirer un enfant hors du pays, par autre moyen, si ce n'est pendant les guerres, que Estienne Roy de Pologne à euës en Russie, il y a quelque trente ans, & quand bien ils auroient eu moyen d'en recouvrer un pendant les guerres de Suede & de Russie, comment est il possible qu'il en ayent recouvré un qui n'a eu son paragon en Russie; puis ie pense qu'ils n'eussent sçeu l'eslever si secretement, que quelqu'un des Estat de Pologne, & par consequent le Palatin Sendemier n'en eust esté finalement adverti, or pour le moins nous confesserons ledit Demetrius n'avoir esté ignorant de ce qu'il estoit, que s'il eust esté nourry par des Iesuites, cest sans doute qu'ils luy eussent appris à parler, & à lire & escrire en

[f. 51]

latin.

Mais il est tres-certain qu'il ne parloit nullement latin, i'en puis tesmoigner, moins le sçavoit-il lire & escrire, comme ie puis monstrier par son nom qu'il a souscrit, lequel n'est trop bien, & eust aussi favorisé lesdits Iesuistes plus qu'il ne faisoit, en esgard qu'il n'y en avoit que trois en toute la Russie, qui vindrent avec* les gens de guerre Poulonnois,

* первоначально: «apres les gens», правка внесена между строк

lesquels n'avoient autre Religieux, l'un desquels Iesuiste fut apres le couronnement de Demetrius à leur sollicitation, envoyé à Rome.

Quand aux autres objections qu'il ne parloit vray Russe, ie respond que ie l'ay ouy parler peu de temps après son arrivée en Russie, & trouve qu'il parloit aussi bon Russe que faire ce pouvoit, sinon que pour orner la langage il y mesloit par fois quelque fraze Polonnoise. Mesme i'ay veu des letters qu'il dicta pour divers subiets avant qu'il fust receu en Mosco, lesquelles estoient si bien, que nul Russe ny pouvoit trouver que redire: & quand bien il se seroit trouvé quelque deffaut à la prononciation de quelque parolle, cela n'est suffisant tesmoignage pour le reprover, veu sa longue absence du pays, & en si bas aage.

A ce qu'on allegue qu'il se mocquoit des façons de faire des Russes, & qu'il n'observoit leur religion que par forme, il ne s'en faut esmerveiller. Principalement si l'on considere leurs mœurs & manieres de vivres, car ils sont rudes & grossiers, sans aucune civilité, & est une nation faul-

[f. 51 v.]

ce, sans foy, sans loy, sans conscience, sodomites & entachez d'infinis autres vices & brutalitez. Veu *que* Boris Federvits duquel nul ne doubtera, hayssoit non tant eux *que* leurs vices, & y a apporté ce tant peu de reformation qu'il y a. Comment donc Demetrius, lequel sçavoit en partie que c'est que du monde, nourry quelque espace de temps en Pologne, qui est un pays libre, & entre les grands pouvoit-il faire moins que desirer quelque reformation & civilité parmi ses subiets.

L'on adioust que l'il n'observoit leur religion, aussi ne font plusieurs Russes que ie cognois, entres autres un nommé Posnic Demetrius, lequel pour avoir esté en ambassade de la part de Boris Federvits en Dannemarck, apprint en partie que c'estoit de la religion, se mocquant ouvertement à son retour entre ses familiers, de l'ignorance des Moscovites. Pourquoi non Demetrius lequel pour son aage ne manquoit de iugement, & qui s'adonnoit à la lecture des saintes Escritures, & lequel avoit sans doute, ouy traiter en Pologne les differens de Religion, & apprins le sens des articles de foy, qu'il faut que tous Chrestiens croyent, n'eust abhoré leur ignorance, ie parle comme avoüant leur dire, combien que ie sois asseuré qu'il n'y a nul de ses accusateurs estrangers, ny mesmes de Russes que fort peu qui ayent apperçu en luy choses par lesquelles ils le puissant iuger de ce dont ils l'accusent, car il observoit toutes leurs ceremonies generally, combien que ie ne sois ignorant qu'il avoit resolu de

[f. 52]

fonder une université, pour conclurre s'il estoit Polonnois, il n'en eust mescontenté aucun: les Russes mesmes comme Boris & ceux de sa faction, & l'Empereur Vacilej Choutsqui à present regnant, ne se dessaisiroient d'un si seur baston, s'ils pouvoient alleguer avec vray semblance que Demetrius eust esté estranger.

Quand à ceux qui veulent obiecter comme font quelques Russes, que quoy qu'il fust le Palatin Sandemier, n'ignoroit quel il estoit, si ainsi est & qu'il eust esté autre que le vray Demetrius, qu'elle apparence y a-il qu'il se fust si tost allié avec luy, veu qu'il fut adverty de la trahison dont Choutsqui fut convaincu peu de temps apres l'arrivee de Demetrius en Mosco? Outre-ce combien qu'il se fust voulu allier avec luy, il est croyable qu'il luy eust conseillé de ne licentier les Polonnois, & Cosaks qu'il tenoit avec luy, veu qu'il les pouvoit retenir sans aucune suspicion, eu esgard que tous ses predecesseurs avoient touiours tasché d'attirer autant d'estrangers à leur service qu'il leur estoit possible, ce qu'il ne fit, car il les licentia tous, fors une compagnie de cent chevaux: pareillement i'estime que le Palatin eust amené plus grandes forces avec l'Imperareice sa fille qu'il ne fit, & eust trouvé moyen de faire loger les Polonnois proche l'un de l'autre au lieu qu'ils furent logez fort à l'escart, & à la discretion des Russes: mesmes apres la consommation du mariage lors qu'il se parloit de tant de trahisons, comme nous avons veu cy devant, il eust tant impetré de Demetrius, & luy eust tant

[f. 52 v.]

remonstré & conseillé qu'ils eussent prevenu le tout avec grande facilité.

Pour plus grande preuve qu'il n'estoit Russe, s'il n'estoit vray fils de Iohannes Basilius: premierement ie croy que ses adversaires eussent tant fait durant sa vie & apres sa mort qu'ils eussent trouvé ses parens quelz qu'ils soient, principalement si nous considerons l'ordre & façon de proceder des Russes: puis il est vray semblable que s'il se fust senty coupable, il eust tasché en tout & par tout de complaire aux Russes: car il estoit assez adverty que Boris ne se pouvoit plus de rien prevaloir, que le nommant heretique, & ainsi n'eust permis aucun Iesuite d'entrer en Mosco: & sçavoit assez que Boris avoit encouru la malveillance du peuple pour avoir tasché de s'allier avec quelque Prince forain, & ainsi eust obvié cela en s'alliant à quelque maison Russe, comme tous ses predecesseurs, ce qui l'eust fortifié: mais si nous venons à considerer

son assurance, nous verrons qu'il ne pouvoit estre moins que fils de quelque grand Prince: il avoit une eloquence qui ravissoit tous les Russes: & mesmes reluisoit en luy une certaine majesté, laquelle ne se peut dire, & ne s'est veu au paravant aux grands en Russië, beaucoup moins en un de basse qualité, comme il faudroit necessairement qu'il feust si n'eust esté fils de Iohannes Basilius: son entreprise aussi semble assez prouver son bon droict, de venir assaillir un si grand pays, lors qu'il estoit florissant plus que iamais, gouverné par un Prince fin, & redoubté de ses subiects, allié avec la plus

[f. 53]

part des principales maisons de Russië, & qui avoit dechassé, faict mourir & exilé tous ceux desquels il se doubtoit; bien voulu de tout clergé, ayant par bien-faits & aumosnes attiré & acquis comme l'on eust iugé le cœur de tous ceux du pays, en paix avec tous ses voisins, & regné huict ou neuf ans paisiblement avec si petit nombre de gens comme il avoit. Venons à considerer la mere de Demetrius avec plusieurs de ses parens en vie, lesquels pouvoient dire contraire si ainsi n'eust esté.

Puis considerons son Estat, lors qu'il fut delaisé par la plus grande partie des Polonois, quelle assurance fut-ce de se mettre entre les mains des Russes, desquels il ne pouvoit encores estre bien assuré, leurs forces ne passant le nombre de huit à neuf mil hommes, desquels une grande partie estoient paysans, & faire teste à une armée de plus de cent mil hommes, puis ayant perdu la bataille, toutes ses dites forces deffaites, perdu le petit nombre de canons qu'il avoit avec toutes ses munitions, s'en alla rendre avec trente ou quarante personnes dedans une ville nommée Rilsque, laquelle s'estoit renduë à luy peu de temps au paravant, sans aucune assurance de leur fidelité, & de la à Poutimel, qu'est une grande & riche ville, ou il seiourna depuis le mois de Janvier, iusques en May ensuivant, sans que iamais il se demonstrast autre en ses adversitez, qu'au paravant, combien que Boris fist tous ses efforts tant par secrettes menees que ouvertement, pour le faire empoisonner, tuer ou empri-

[f. 53 v.]

sonner, puis tant de fausses allegations, pour persuader le peuple qu'il estoit un imposteur, sans que iamais Boris voulust faire interroger la mere en public, pour tesmoigner de ce qui en estoit & furent finalement entrainés de dire, que combien qu'il fust le vray fils de Iohannes Basilius, qu'il ne devoit estre receu, pour autant qu'ils n'estoit legitime, veu qu'il estoit fils de la septiesme femme, ce qui est contre leur religion, & qu'il

estoit un heretique, & toutesfois cela ne peut de rien servir contre luy: puis parlons de sa clemence envers un chacun apres qu'il fut receu en Mosco, & principalement envers Vacilei Choutsqui à present Empereur, lequel fut convaincu de trahison, & luy fut prouvé par les Annalles de Russie, & par son conportement envers Boris, que luy ny leur maison n'avoient iamais esté fidelles serviteurs de leurs Princes, & mesmes fut ledit Demetrius prié par tous les assistans de le faire moirir, veu qu'il s'estoit tousiours trouvé pertubateur du repos public: ie parle comme ayant ouy & veu le tout de mes yeux & oreilles, ce nonobstant il luy pardonna, combien que Demetrius sçavoit bien que nul n'osoit aspirer à la Couronne que ladite maison de Choutsqui: il pardonna aussi à plusieurs autres, car il estoit sans aucun soupçon.

Outre ce, s'il estoit un imposteur, comme ils disent, & que la verité n'en ait esté cognüe que peu de temps avant son assassinat, pourquoy ne fut-il constitué prisonnier; où porquoy ne l'amenerent il vif sur la place publique pour luy prou-

[f. 54]

ver devant le peuple la assemblé, qu'il estoit un imposteur, sans l'avoir ainsi tué, & mis le pays en si grande division, dont plusieurs y ont perdu la vie. Et faut que tout le pays croye sans aucune autre preuve, le dire de quatre où cinq hommes, qui estoient les principaux conspirateurs.

Puis pourquoy est-ce que Vacilei Choutsqui & ses complices, ont pris tant de peine á countrouver des mensonges pour le rendre odieux aux people? Car ils ont fait lire des lettres publiquement, lesquelles contenoient que Demetrius vouloit donner la plus-part de la Russie au Roy de Pologne, comme aussi à son beau-pere le Palatin, en fin qu'il vouloit diviser la Russie? Item qu'il avoit envoyé tout le trezor en Pologne? Mesmes qu'il devoit le lendemain, qui estoit un Dimanche, faire assembler toute la commune avec la noblesse hors de la ville, sous pretexte qu'il se vouloit recréer avec le Palatin son beau pere & luy faire veoir tout le canon lequel l'on debuoit mener dehors à c'est effect, & les devoit tout faire tailler en pieces par les Polonnois, faire piller leurs maisons & mettre le feu dans la ville. Et qu'il avoit envoyé à Shmolentsqui, faire de mesme, & infinies autres faussetez, à quoy ils adioustent, ainsi que dessus, que le corps du vray Demetrius massacré y a dix sept ans, lors qu'il estoit aagé de huict ans, s'estoit trouvé encores tout frais, comme avons ia touché, l'ayans canonisé pour Sainct, par le commandement dudit Choutsqui. Le tout pour persuader au peuple son dire. Et pour ce ie conclus que si De-

[f. 54 v.]

metrius eust esté un imposteur, la pure verité prouvée eust esté *suffisante* pour le rendre odieux envers un chacun, & que s'il se fust senty coupable en aucune chose, il eust eu iust subject de croire les machinations & trahisons complotées & tramées contre sa personne, desquelles il estoit assez adverty, & y eust peu remedier avec grande facilité. Parquoy ie croy, puis-que l'on ne peut prouver qu'il fut autre, ny pendant sa vie, ny apres sa mort, puis par les soupçons que Boris avoit de luy, & la tyrannie dont il a usé à cest effect, puis par la diversité d'opinions que l'on a de luy, outre ses comportements, son assurance, & autres qualitez qu'il avoit de Prince, qualitez qui ne se trouvent en un supposé & usurpateur. Et mesme qu'il estoit assuré & sans soupçon, ayant esgard particulierement à tout ce qui est cy devant dit dudit Demetrius: Je conclus qu'il estoit le vray Demetrius Iohannes, fils de l'Empereur Iohannes Basilius, surnommé le Tiran!

FIN

ERRATA

Au 5. feuillet, 6. ligne, lisez Tsisar au lieu Tgisar, au 13. feuillet de b. 22. ligne, lisez diac, au lieu de diacre, au 21. feuillet 19. ligne, lisez demy, au lieu de deux, au 27. feuillet 27. ligne, lisez dix mille, au lieu de mille, au 28. feuillet 14. ligne, lisez espece, au lieu d'espée, au 32. feuillet 18. ligne, lisez Patisni mieud, au lieu de Patisni Mekan mieud.

СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ВЕЛИКОГО
ГЕРЦОГСТВА МОСКОВСКОГО С ОПИСАНИЕМ
ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ
И ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ,
СЛУЧИВШИХСЯ В ПРАВЛЕНИЕ
ЧЕТЫРЕХ ПОСЛЕДНИХ ИМПЕРАТОРОВ,
то есть с 1590 до сентября 1607 г.

КАПИТАНА МАРЖЕРЕТА
В ПАРИЖЕ,

у Матъё Гиймо, книгопродавца
во Дворце в галерее,
что ведет в канцелярию¹.

MDCVII

С королевской привилегией

Извлечение из королевской привилегии

Королевской милостью и привилегией дозволяется МАТЬЕ ГИЙМО², книгопродавцу, печатать самому или по своему усмотрению отдавать в печать тому или иному типографу книгу, озаглавленную «О СОСТОЯНИИ РОССИИ И МОСКОВИИ, НАПИСАННУЮ КАПИТАНОМ МАРЖЕРЕТОМ»³ и запрещается всем книгопродавцам, типографам и другим печатать или отдавать в печать указанную книгу либо извлечения из нее в том или ином виде, а также выставлять ее на продажу кому-либо, кроме тех экземпляров, что были отпечатаны указанным Гиймо, до истечения ближайших шести лет, начиная со дня, когда книгу закончат печатать. Все это — под угрозой конфискации книг, печатаемых в течение указанного времени иначе, чем по заказу вышеназванного Гиймо, а также под страхом произвольного штрафа и возмещения всех издержек и убытков по суду, невзирая ни на какие апелляции и протесты, о чем более подробно изложено в оригинале привилегии. Выдано в Париже, 2 марта 1607 г. Нашего царствия год 18.

От имени короля в его Совете —

Перре⁴.

[f. A ii]

Королю⁵

Сир, если бы подданные Вашего Величества, путешествующие в дальних странах, составляли правдивые изложения того, что они увидели и отметили как наиболее важное, то их частная выгода обернулась бы к общественной пользе вашего государства; не только побуждая к подражанию тому, что есть хорошего и искусного у других, ибо поистине Бог, чтобы наилучшим образом поддерживать сообщество меж людьми, устроил все так, что одни находят в других местах то, чего нет у них, но также придавая смелости многим праздным молодым домоседам отправиться искать и учиться добродетели в трудных, но полезных и почетных занятиях: путешествиях и ратных делах на чужбине, и рассеивая ошибку многих, полагающих, что Христианский мир⁶ заканчивается Венгрией. Ибо

[f. A ii v.]

доподлинно могу сказать, что Россия, описание коей я предпринимаю по поручению Вашего Величества, — один из надежнейших редутов Христианского мира, ибо эта Империя, эта страна более обширна, могущественна, населена и изобильна, чем думают, и лучше вооружена и защищена против скифов и иных магометанских народов, чем считают многие. Абсолютная власть государя⁷ в своем государстве внушает страх и почтение подданным, а внутри страны хороший порядок и управление⁸ защищают ее от постоянных варварских набегов.

С тех пор, Сир, как ваши победы и ваша благодать добыли Вашему Величеству покой, которым поныне наслаждается Франция, сочтя теперь бесполезной службу Вашему Величеству и отчизне, каковую во время смуты я нес под началом господина де Вогренана⁹ в Сен-Жан де Лон, на других рубежах вашего герцогства Бургундского, я отправился служить государю Трансильванскому¹⁰ и Императору¹¹ в Венгрии, а затем — королю польскому¹² в чине капитана отряда пехотинцев, и, наконец, судьба привела меня на службу к Борису¹³, российскому Императору. Он оказал мне честь командовать кавалерийским отрядом. И после его кончины Димитрий¹⁴, получивший это королевство, оставил меня на службе, дав

[f. A iii]

мне первый отряд своей гвардии. За это время я кроме языка имел возможность изучить множество вещей, относящихся к его го-

сударству: законы, нравы и веру страны, что я и изложил в сем кратком сочинении, написанном без всяких ухищрений и с такой простотой, что не только Ваше величество, наделенное на удивление рассудительным и проницательным умом, но и каждый распознает в нем истину, которую древние называли душой и жизнью истории.

Если сие сочинение хоть немного понравится Вашему Величеству, это будет для меня единственной наградой, раз вы не только снизошли до того, чтобы меня выслушать, но соблаговолили прочесть мое сочинение, заверив, что в нем смогут увидеть весьма примечательные происшествия, из коих великие Государи извлекут некоторую пользу, даже из несчастья моего господина Димитрия, пришедшего к власти в своей Империи, преодолев большие препятствия, возвысившегося и низвергнутого всего за два года¹⁵, и самая его смерть явилась следствием того несчастья, что некоторые считали его самозванцем или подмененным. Можно там увидеть многое и об особенностях этого государства, достойного быть известным, но все же незнакомого как в силу удаленности своего местоположения, так и вследствие умения русских скрывать и замалчивать дела своего государства.

Я молю Бога, Сир, хранить Ваше Величество в благоденствии, ваше

[f. A iii v.]

королевство в мире, монсеньора Дофина¹⁶ — в желании подражать вашим достоинствам, а меня — в постоянном моем рвении покорнейшей службой всегда быть достойным имени,

Сир,

вашего покорнейшего подданного, вернейшего и преданнейшего слуги В(ашего) В(еличества),

МАРЖЕРЕТА

[A iiiii]

Предуведомление к читателю

Российская Империя является частью страны, издавна именуемой Скифией, каковым словом «Скифы» и сегодня называют Татар, которые были некогда сеньорами России, и великие герцоги владели ею как вассалы Татар, зовущихся **Крым**¹⁷. Эти Русские, с некоторых пор, после того, как сбросили иго Татар¹⁸, и Христианский мир получил о них некоторое представление, стали называться Московитами, по имени столичного города Москва, обладание которым дает герцогский титул¹⁹, но не первый в стране. Ибо некогда государь именовался Великим герцогом Владимирским и поныне продолжает именоваться Великим герцогом Владимирским и Московским²⁰. Таким образом, не только мы, удаленные от них, но и ближайшие их соседи впадают в ошибку, именуя их Московитами, а не Русскими. Сами же они, когда их спрашивают, какой они нации, отвечают «**Руссак**», что означает — Русские, а если спрашивают, откуда они, то отвечают «**из Москвы**» — из Москвы, Вологды, Рязани или из других городов²¹. Но

[f. A iiiii v.]

следует также уразуметь, что есть две России, а именно — та, что носит титул Империи и которую поляки называют Белой Россией, и другая, Черная Россия, находящаяся в зависимости от Польского королевства и примыкающая к Подолии. Сеньором этой Черной России и называет себя король Польши в своих титулах, когда именуется Великий герцог Литовский, Русский, Прусский и прочая²². Об этом я хотел предупредить читателя, чтобы он знал, что русские, о которых идет здесь речь — это те, кого некогда звали Скифами, затем, по ошибке — Московитами, хотя московитами могут называться жители одного лишь города, все равно как если бы всех Французов начали бы называть Парижанами по той причине, что Париж — столица Франции, да и то с бóльшим основанием, поскольку Париж является столицей с незапамятных времен²³, а Москва — всего лишь сто или двести лет²⁴. Также краткий титул их Государя — «**царь Господарь и Великий князь всея Россия**»²⁵, что дословно означает: «Король, сеньор и великий герцог N всех Русских», или можно понимать также: «всей России», но отнюдь не «Московитов» или «Московии». А чтобы отличать Черную Россию от этой, Поляки все расположенное по ту сторону Днепра

зовут Белой Россией, иначе же, без такого различения, в этом сочинении будут все время путаться, поскольку речь здесь идет только о Белой России, некогда Скифии, а ныне — Московии.

[f. 1]

СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ВЕЛИКОГО ГЕРЦОГСТВА МОСКОВСКОГО

1606 г.

Россия — страна громадной протяженности, полная больших лесов даже в самых населенных местах со стороны Литвы и Ливонии — больших болот, которые для России как бы служат укреплениями. Она довольно плотно заселена от *Нарвы*, замка и морского порта на Ливонской границе, принадлежащего королевству Швеции, до *Архангельска* или Святого Николая, — другого морского порта, удаленного от первого на 2800 верст²⁶ (четыре версты равны одному лье²⁷), и от Смоленска (города на Литовской границе, при Федоре Ивановиче обнесенного каменной стеной Борисом Федоровичем²⁸, бывшим в ту пору протектором Империи) до Казани, на расстоянии примерно 1300 верст²⁹. Эта область Казань была некогда абсолютным королевством Татарии³⁰, которое было завоевано великими герцогами Василием Иоанновичем³¹ и его сыном Иоанном Васильевичем³². Государь

[f. 1 v.]

той страны был взят в плен в указанном городе Казани Иоанном Васильевичем и поныне еще живет в Московии и зовется Царь Симеон³³. Указанный город омывается той знаменитой рекой *Волгой*, куда впадает река *Ока*. Близ указанного города обитают Черемисы. За Казанью вдоль *Волги* (каковая впадает в Каспийское море у Астрахани) простирается большая страна, сплошь покрытая безлюдными степями, впрочем, на указанной реке построены некие замки. От Казани около 2000 верст до Астрахани³⁴. Это укрепленный город, торгующий больше, чем любой другой в России, и почти всю Россию снабжающий солью и соленой рыбой. Полагают, что сей край очень плодороден, поскольку на равнинах между Казанью и Астраханью множество мелких вишневых деревьев, приносящих плоды, и даже встречаются лозы дикого винограда. В указанном городе Астрахани много хороших фруктов, а в окрестностях имеется животное-растение, которое ранее было описано некоторыми авто-

рами, а именно: бараны, растущие из земли, соединенные с корнем чем-то вроде идущей от пупа кишки в два-три брасса длиной. Сей баран съедает всю траву вокруг себя, а затем умирает; размером они с ягненка, с курчавой шерстью, у одних шкуры совсем белые, у других — слегка пятнистые. Я видел разные их шкуры³⁵. Эта область была завоевана Иоанном Васильевичем³⁶. При его жизни англичане торговали там, а оттуда — с Персией³⁷. За

[f. 2]

Волгой обитают Татары, именующиеся Нагаями. Помимо того, имеется еще одна большая провинция, покоренная Иоанном Васильевичем, которую они зовут Империей или Королевством Сибири. Область эта полна лесов, чащоб и болот и пока еще совсем не открыта: считают, что одной своей стороной она примыкает к реке **Оби**. Из этой страны поступает почти вся пушнина, как-то: черные лисы, высоко ценимые в самой стране, соболь и куница, приносящие Императору большой доход³⁸. Эту страну начинают уже возделывать и находят ее достаточно плодородной для зерна³⁹. Там построены четыре города, где размещены гарнизоны, дабы держать в повиновении народ⁴⁰, который весьма прост, маленького роста и внешне походит на татар, называемых Нагаями, то есть — лицо у них широкое и плоское, нос приплюснут, маленькие глаза, они весьма смуглы, носят длинные волосы, мало кто из них имеет бороду, одеты в соболиные шкуры, мехом наружу, еще тридцать лет назад не знали, что такое хлеб. Эта страна служит основным местом ссылки большинства тех, кто впадает в немилость Государя⁴¹.

Со стороны Татарии [населенной] теми, кого они зовут крым[цами], являющимися союзниками Турецкого султана, с чьей помощью они, начиная с 1593 г. по настоящее время, не раз ходили на Венгрию, особенно — в 1595 г., когда произошла великая битва при Агрии⁴². В степях Татарии построены многие города и замки, чтобы помешать

[f. 2 v.]

набегам Татар, но эта страна обитаема лишь до Ливен, расположенных примерно в 700 верстах от Москвы⁴³. За ними есть различные города, а именно: Борисов город, Царев город и другие. Этот Царев город почти на 1000 верст удален от указанных Ливен⁴⁴. Города сии и ныне продолжают заселяться: земля там очень плодородна, но

они осмеливаются ее обрабатывать лишь в окрестностях городов. Считают, что Царев город всего в восьми днях пути от Великой Ставки. Некогда там собирались татары, чтобы устраивать набеги на Европу. Итак, эта страна большой протяженности, ибо она граничит с Литвой, Подолией, Турцией, Татарией, рекой Обью, Каспийским морем, затем — с Ливонией, Швецией, Норвегией, Новой Землей и Ледовитым морем.

Эта земля очень холодна, я имею в виду самые ее населенные Северную и Западную части, как мы упомянули ранее, ибо, что касается степей, лежащих в Татарии, или на берегах Волги от Казани до Астрахани, или у реки Обь, с восточной стороны, то они районы весьма умеренные. В вышеназванных же холодных провинциях зима длится шесть месяцев, это означает, что снегу всегда по пояс и что любую реку можно перейти по льду. Тем не менее, они весьма плодородны, там в изобилии имеются все те же злаки, что и у нас во Франции: рожь там сеют в начале или в середине августа, пшеницу и овес — в апреле или в мае, смотря по продолжительности зимы, и ячмень в конце

[f. 3]

мая⁴⁵. Есть фрукты и овощи, а именно: изрядно большие дыни, лучшие из тех, что я где-либо ел, много огурцов и хороших яблок и черешен, груш и слив мало, орехов, земляники и подобных плодов там во множестве. Летом дождей мало, а зимой, следовательно, и вовсе нет. В *Холмогорах* [—] Архангельске и Св. Николае⁴⁶, а также и в других местах Севера на протяжении месяца или шести недель лета солнце видно и днем, и ночью, и в полночь его видно на высоте двух-трех брассов над землей; зимой в продолжение месяца совсем нет дня, поскольку солнце не показывается вовсе. Также вы обнаружите там всю возможную крупную дичь и животных, какие есть и во Франции, за исключением кабанов. Оленей, ланей и косуль достаточно встречается на востоке и на юге, в татарских степях, а также между Казанью и Астраханью; множество лосей — так называемого большого зверя; кролики же по всей России весьма редки; в изобилии фазаны, куропатки, певчие и черные дрозды, перепелки и жаворонки, не считая бесчисленной прочей дичи, но бекасы попадают там довольно редко. В августе и сентябре большое количество журавлей, зимой — лебедей, диких гусей и уток; аиста мне довелось видеть лишь однажды, и он был черного цвета. Хищные звери —

белые и черные медведи, которых очень много, пять видов лисиц и пропасть волков, наносящих большой вред скоту, поскольку
[f. 3 v.]

там везде большие чащобы. Помимо того, кое-где на севере встречаются северные олени, они немного меньше обыкновенных и носят прекрасные большие рога, шкура у них серая, почти белая, копыта же раздвоены гораздо больше, чем у обычного оленя. Жителям тех областей они дают пищу, одежду и служат вместо лошадей, ибо их впрягают по одному в особо изготовленные сани, и они бегут быстрее любой лошади; питаются большую часть времени тем, что отыскивают под снегом. Все зайцы там зимой становятся белыми, летом же они такого цвета, как во Франции. Летом и зимой там встречаются белые куропатки, а также соколы, челиги и другие хищные птицы. Во всей Европе нельзя сыскать лучших и более разнообразных сортов пресноводных рыб, каковых они имеют в большом количестве, а именно: Осетр, **Белуга**, **Осетрина**, **Белая рыба**, то есть рыба с белым мясом, она немного крупнее лосося; стерлядь и все те рыбы, что есть и у нас во Франции, за исключением форелей. Всё стоит очень дешево, как, впрочем, и все другие съестные припасы⁴⁷. Ибо несмотря на тот великий голод, о котором я расскажу ниже и который истребил в стране почти весь скот, я купил по дороге домой ягненка, такого большого, как баран у нас во Франции или самую малость поменьше, за десять денингов, что составляет примерно тринадцать су 4 денье, а также цыпленка за семь турецких денье⁴⁸. Каплунов у них совсем нет, разве только у иностранцев. Причина такой дешевизны в том, что каждая овца

[f. 4]

приносит обычно двух или трех ягнят, а те на следующий год становятся матерями такого же числа ягнят. Что касается быков и коров, то они множатся столь же быстро, поскольку во всей России не едят телятины, ибо это противоречит их вере, к тому же они соблюдают пятнадцать недель поста в году, помимо среды и пятницы каждую неделю, что составляет около полугода⁴⁹. Это делает мясо дешевым, как дешев и хлеб, которого очень много, так как его не вывозят из страны. Земля же там сама по себе столь тучна и плодородна, что никогда не удобряется, разве что в некоторых местах, и ребенок двенадцати — пятнадцати лет с одной лошадкой вспахивает за день арпан⁵⁰ или два земли.

Хотя съестных припасов там много и они дешевы, простой народ довольствуется весьма малым, поскольку они не могли бы иначе обеспечить себя, не имея никаких промыслов и будучи очень ленивыми, так они не расположены к труду, но столь расположены к пьянству, что более невозможно. Когда они отдыхают, то их выпивка в основном состоит из водки и **медона**, который делают из меда, добываемого ими без труда и в изобилии, как можно судить по большому количеству воска, ежегодно вывозимого из страны⁵¹. У них есть также брага⁵² и прочая дешевая выпивка. Этому пороку пьянства без меры предаются все, как мужчины, так и женщины, девушки и дети; священники не меньше,

[f. 4 v.]

а то и больше, чем другие. Ибо пока остается выпивка, которую им позволено готовить лишь к нескольким большим праздникам в году⁵³, нечего и надеяться, что они когда-либо остановятся, прежде, чем не покончат с ней. Я говорю о простом народе, поскольку дворяне вольны делать любую выпивку и пить, когда захотят.

Согласно анналам России, считается, что Великие герцоги ведут свое происхождение от трех братьев, выходцев из Дании, завоевавших Россию, Литву и Подолию примерно восемьсот лет назад, и старший брат Рюрик стал называться Великим герцогом Владимирским, от которого произошли все великие герцоги по мужской линии до Иоанна Васильевича, который после завоевания Казани, Астрахани и Сибири первым был именован титулом Императора Римским императором Максимилианом⁵⁴.

Что же касается принятого ими титула, они, веля себя именовать **Царь**, думают, что нет титула выше. Римского императора они именуют *Цисарь*, что они образовали от Цезаря, а всех королей — *Кроль*, на польский манер. Короля Персии они называют *кизел Баша*, а Турецкого султана — «*Великий Господар турск*», то есть великий Господин Турции, в подражание имени Великий Государь. Но о слове «ЦАРЬ» они говорят, что оно содержится в Священном Писании, ибо всюду, где сказано о Давиде, или о Соломоне, или о прочих королях, они названы «**Царь Давид**», «**Царь Соломон**», что мы

[f. 5]

переводим как «Король Давид», «Король Соломон» и т. д. И они считают имя «**Царь**» наиболее древним, и, по их словам, этим име-

нем Богу некогда было угодно удостоить Давида, Соломона и других, правивших домом Иуды и Израиля, и что эти слова «**Цисарь**» и «кроль» суть всего лишь человеческое измышление, каковое имя некто стяжал себе воинскими подвигами. Поэтому, после того, как русский царь Федор Иоаннович снял предпринятую им осаду Нарвы, и с обеих сторон депутаты и послы собрались, чтобы заключить мир между Россией и Швецией, они более двух дней спорили о титуле — Федор хотел иметь титул Императора, а Шведы не желали признавать его за ним. Русские ссылались на то, что слово **Царь** еще важнее, чем император и в итоге пришли к соглашению, что его всегда будут именовать Царем и Великим герцогом Московии⁵⁵, причем каждая из сторон считала, что обманула другую этим словом **Царь**. Польский король так же величает его письменно. Римский император⁵⁶ титулует его Императором, как делала покойная королева Английская⁵⁷, и подобным образом поступает король Великобритании⁵⁸; король Дании⁵⁹, Великий герцог Тосканский⁶⁰, король Персии⁶¹ и все азиатские короли именуют его всеми титулами, которые он принимает. Что касается Турецкого султана⁶², то, поскольку при мне между ними не было ни переписки, ни послов, я не знаю, как тот его титулует.

Этот Иоанн Васильевич, вопреки их религии, не разрешающей жениться

[f. 5 v.]

свыше трех раз, имел семь жен, от которых у него было три сына⁶³. Ходит слух, что он убил старшего⁶⁴ своей собственной рукой, но было, как я считаю, иначе, так как, хотя он и ударил его концом жезла, подкованного четырехгранным стальным острием, каковой жезл в форме епископского посоха никто, кроме императора, не смеет носить, этот жезл великие герцоги некогда получали в знак вассальной зависимости⁶⁵ от Татар, именуемых **Крым**, и тот получил какое-то ранение, но умер не от этого, а некоторое время спустя, во время паломничества⁶⁶.

Вторым сыном был Федор Иванович⁶⁷, наследовавший отцу. Третий, а именно — Димитрий Иоаннович был от последней жены⁶⁸, принадлежавшей к дому Нагих⁶⁹. Указанный Иоанн Васильевич, прозванный Тираном, не будучи уверен в верности своих подданных, испытывал их разными способами, но главным был тот, когда он возвел вместо себя на императорский трон

Царя Симеона⁷⁰, о котором было сказано выше, короновал его, передал ему все императорские титулы, а для себя велел возвести дворец напротив замка, велел называть себя **Великий Князь Московский**. Симеон правил целых два года, ведя как дела внутри страны, так и посольские и иные внешние дела, разумеется, испрашивая у него сперва совета, который значил столько же, что и категорический приказ⁷¹. По истечении двух лет [Иоанн] лишил его Императорской власти, даровав ему большие имена⁷². После смерти своего старшего сына, своего второго сына, а именно — Федора, он женил на дочери⁷³ Бориса Федоровича, который был дворянином достаточно знатного рода, называемого **Дворяне Московские**⁷⁴, и

[f. 6]

мало-помалу приобрел милость императора Иоанна, скончавшегося в марте 1584 года. После его кончины власть в Империи унаследовал указанный Федор, государь весьма простоватый, часто забавлявшийся звоня в колокола или проводя большую часть времени в церкви. Борис Федорович, в ту пору достаточно любимый народом и находящийся в большой милости у указанного Федора, вмешивался в государственные дела и, будучи весьма ловок и сметлив, умел потрафить каждому. Посему, когда стал раздаваться ропот, чтобы низложить Федора по причине его простоты, протектором страны в итоге был избран Борис, который, как считают, с тех пор начал мечтать о короне, видя, что у Федора нет детей, кроме дочери, умершей в возрасте трех лет⁷⁵, и с этой целью стал благодеяниями привлекать народ. Он повелел укрепить вышеназванный город Смоленск⁷⁶. Он распорядился обнести Москву каменной стеной вместо прежней, деревянной⁷⁷; он построил несколько замков между Казанью и Астраханью, равно как и на границах Татарии⁷⁸. Заручившись, таким образом, поддержкой народа и даже дворянства, за исключением самых могущественных и дальновидных, он под любым предлогом отправлял в ссылку тех, кого считал наибольшими своими противниками. Затем, наконец, отправил Императрицу, жену указанного покойного Иоанна Васильевича, с ее сыном Димитрием Иоанновичем в Углич, город, удаленный от Москвы на 180 верст⁷⁹. Как полагают, мать и некоторые другие вельможи, предвидя цель указанного Бориса, и сознавая

[f. 6 v.]

опасность, которой мог подвергнуться ребенок, поскольку уже знали о том, что многие вельможи, отправленные в ссылку, были в дороге отравлены, сумели подменить его и подставить на его место другого. После он безвинно предал смерти еще многих вельмож. И поскольку он не опасался более никого, кроме этого принца, чтобы обезопасить себя полностью, он послал в Углич убить выше-названного принца, который был подменен. Что и было исполнено сыном того, кого он отправил матери в качестве секретаря. Принцу было лет семь-восемь; тот, кто нанес удар, был убит на месте, а подмененный принц был похоронен весьма скромно. Достигнув Москвы, новости породили многие толки, о них шептали и судили по-разному. Будучи извещен обо всем этом, Борис велел поджечь ночью самые богатые лавки, купеческие дома, а также дома в разных местах, чтобы наделать им хлопот вплоть до того времени, как ропот немного стихнет и умы успокоятся. Он лично присутствовал там и распоряжался тушением огня, чтобы создалось впечатление, что его очень занимает нанесенный ущерб. Затем, собрав всех потерпевших и обратившись к ним с длинной речью, чтобы утешить их и выразить сожаление об их потерях, пообещал выхлопотать у Императора некоторое возмещение убытков для каждого, чтобы они могли отстроить дома, и даже пообещал выстроить им каменные лавки, тогда как прежде

[f. 7]

они были сплошь деревянными⁸⁰. Это он и исполнил так хорошо, что каждый остался доволен и почитал счастьем иметь такого хорошего протектора. Наконец, в январе 1598 скончался указанный Федор (некоторые говорят, что тот же Борис был творцом его смерти⁸¹). Тогда он пуще прежнего начал домогаться императорской власти, но так скрытно, что никто, кроме самых дальновидных, которые, впрочем, не осмеливались ему противиться, этого не замечал, поскольку он делал вид, что добивается власти для своей сестры, вдовы покойного Федора, хотя это и противоречит законам страны, не позволяющим ни одной вдове — я разумею здесь вдов Великих герцогов или Императоров — жить свободно, но обязывают через шесть недель после похорон постричься в монахини⁸². Он даже делал вид, что отказывает тем, кто Советом Императрицы направлялся либо к его дверям, либо в палату Совета (куда в период

междучарствия каждый мог свободно входить)⁸³. Так он заставил себя просить принять титул Императора, но возражал им, указывал, что они делают ошибку, столь торопясь в деле, заслуживающем более зрелого рассуждения, и что их сейчас ничто не торопит, ибо они в мире со всеми, и что якобы Империя будет пребывать в том же состоянии, что и при покойном Императоре, когда он сам был ее протектором, вплоть до того времени, когда они по зрелом рассуждении выберут другого. По правде говоря, страна, действительно, при нем не понесла ущерба ни в чем, он приумножил Казну, кроме того, что по его распоряжению было построено много городов, замков и крепостей,

[f. 7 v.]

он также заключил мир со всеми своими соседями. Посему он хотел созвать Штаты страны⁸⁴ надлежащим образом, а именно по восемь—десять человек от каждого города, с тем, чтобы вся страна единодушно решила, кого должно избрать; для этого требовалось время, ибо его желанием (как он говорил) было удовлетворить каждого.

В это время он распустил слух, что сам Татарский [хан] с большим войском идет грабить Россию, как показали приведенные казаками пленные⁸⁵. От этих новостей народ более настоятельно стал просить его принять корону, на что он все время заявлял, что он принимает ее против воли, поскольку есть много выходцев из родов более знатных, чем его, которым по праву должна принадлежать корона. И что и без того он мог бы проявлять свою отеческую любовь к народу, с таким же тщанием в делах общественных, что и прежде. Но поскольку он видит, что народ этого столь желает и что никто другой не хочет вмешиваться, он рад будет взять на себя столь тяжкое бремя, одержав верх над неверными, идущими со стотысячным войском разорять Империю, и приведя к порядку их и прочих соседей. С тех пор его именовали титулами его предшественников. Для того же, чтобы осуществить все вышесказанное, он велел собрать войско в Серпу[хове], городе в 90 верстах от Москвы, расположенном на Оке, на

[f. 8]

месте обычной переправы Татар⁸⁶, куда он прибыл сам, после того, как его сестра — Императрица удалилась в **Девичий Монастырь**, что означает Обитель Дев, расположенный в 3-х верстах от Москвы⁸⁷.

В июле был проведен смотр войска: по словам как иностранцев, так и присутствовавших там русских, было пятьсот тысяч человек пеших и конных. Я еще называю наименьшее число, ибо Россия никогда не была на таком подъеме, как в то время. И раз это кажется неправдоподобным, я объясню ниже способ, каким им удается выставить так много людей, насколько я его увидел и понял. Но чтобы закончить эту войну, не нашлось другого неприятеля, кроме посла с примерно сотней людей, одетых по их обычаю в овчины, но на очень хороших конях, посланных Татарским [ханом]⁸⁸ для заключения какого-то соглашения, о чем Борис был хорошо осведомлен заранее. Это соглашение принесло ему большую известность, так как, показав послу все военные силы России, он велел палить всем пушкам, расположенным по обе стороны дороги, шириной около двух верст, причем орудия были достаточно удалены друг от друга, несколько раз проведя указанного посла между этими орудиями, он, наконец, отослал его с богатыми подарками. Распустив после этого армию, указанный Борис Федорович с большим триумфом вступил в Москву. Ходили слухи, что Татары не осмелились идти дальше, прослышав о его прибытии. И был

[f. 8 v.]

указанный Борис коронован первого сентября 1598 г., в день, который для них — первый день года⁸⁹.

Эта страна приняла Христианство около 700 лет назад изначально от епископа Константинопольского. Они придерживаются греческой религии и крестят детей, троекратно погружая их в воду: во имя Отца, Сына и Святого Духа, затем священник вешает им на шею крест, полученный им у крестного отца, чтобы засвидетельствовать крещение, каковой [крест] носят до смерти. Они почитают Троицу, однако отличаются от нас тем, что не признают Святой Дух исходящим равно от Отца и от Сына, но — лишь от одного Отца, покоясь на Сыне. У них много икон, но совсем нет скульптур, кроме Распятия, все остальные — плоские изображения. Они утверждают, что у них есть Дева Мария, писанная рукой самого Луки Евангелиста⁹⁰; их главный патрон — святой Николай; помимо святых, которых они переняли из Греции, они канонизируют многих. Но у них нет ни одной святой, кроме Девы Марии. У них есть Патриарх⁹¹, поставленный при Иоанне Васильевиче патриархом Константинопольским⁹². Если не ошибаюсь, у них пять

Архиепископов, много епископов и аббатов⁹³. Свершают таинства лишь священники, каковые священники женаты, и если их жены умирают, то они не могут более свершать таинства, и, коли они не женятся снова, они могут стать монахами. Монахи же неженаты, как и Патриарх, Епископы и Аббаты, и потому не могут ни свершать таинств, ни есть мяса, и посему каждый

[f. 9]

из них получает причастие от вышеназванных священников⁹⁴. Они причащают под обоими видами всех, не разделяя на клириков и мирян, после тайной исповеди⁹⁵, проводимой обычно раз в год. Если священники женятся вторично, то они становятся мирянами. Крещеными они не признают никого, кто не крестился по греческому обряду, однако освобождают католиков от необходимости перекрещиваться⁹⁶. Они точно соблюдают все свои праздники, и даже пятницу, так же как и воскресенье; хотя нет такого большого праздника, в который они бы не разрешали после полудня открывать лавки и делать необходимую работу. Они постятся по средам и пятницам, помимо того у них четыре поста в году, а именно: Великий пост, о котором мы скажем ниже, два других по две недели каждый и четвертый, начинающийся за неделю до дня святого Николая и заканчивающийся на Рождество, каковые они соблюдают сколь возможно строго, не употребляя ни яиц, ни всего, имеющего животное происхождение⁹⁷. У них есть Священное писание на своем языке, которым является Славянский. Они высоко ставят псалмы Давида. У них никогда не проповедуют, разве что по некоторым праздникам они устраивают определенные наставления⁹⁸, где читают главы из Библии или Нового завета, но невежество среди народа таково, что и треть не знает, что такое Отче наш или Символ веры. Словом, можно сказать, что невежество — мать их благочестия. Они ненавидят учение и, в особенности, латинский язык. У них нет ни одной школы,

[f. 9 v.]

ни университета. Только священники обучают молодежь читать и писать, что мало кого привлекает. Большая часть их букв по начертанию — греческие, и почти все их книги писаны от руки, за исключением нескольких печатных Библий и Новых заветов из Польши. Поскольку они обучились книгопечатанию лишь десять—двенадцать лет назад⁹⁹, то рукописные книги ценятся

выше печатных. Два раза в год там освящаются реки и проточные воды, и после указанного освящения Император и вельможи имеют обыкновение прыгать в воду, и я даже видел, как для этого прорубили лед, и Император прыгнул туда. В Вербное воскресенье на осла сажают Патриарха, который садится по-женски; если нет осла, то берут лошадь, покрывают ее белым полотном, так, что видны только глаза, приделывают ей длинные уши, и Император ведет ее под уздцы к церкви, расположенной вне замка и именуемой Иерусалим, а оттуда ведет ее к церкви Богоматери¹⁰⁰. На этот день назначают особых людей, которые срывают с себя одежды, устилая ими дорогу процессии священников и других духовных лиц города. Есть среди них особый разряд людей, которые уже соборовались, как бы чувствуя приближение смерти, и если они все же не умерли, то оставшуюся жизнь обязаны носить особое одеяние, отличное от других монашеских одежд, они почитают это за великую святость. И жены этих людей могут вновь выходить замуж. Никто [f. 10]

из иноверцев не может заходить в их церкви. Патриарха, епископов и аббатов поставляют по воле Императора. Патриархом решаются все церковные дела, не имеющие особой важности, в последнем случае о них надо сообщать Императору. Под любым предлогом муж может отказаться от жены, отправить ее против воли в один из многочисленных монастырей и жениться снова до трех раз.

Император дарует каждому свободу совести публично отправлять свои обряды и исповедовать религию, за исключением Римских Католиков¹⁰¹. И не допускают у себя ни одного Еврея с тех пор, как Иоанн Васильевич, прозванный Тираном, велел собрать их всех, кто был в стране, и приказал отвести их на мост, связав им руки и ноги, велел им отречься от своей веры и принудил их сказать, что они хотят быть окрещены и верить в Бога-Отца, Сына и Святого Духа, и тотчас же приказал всех их бросить в воду¹⁰².

Ливонцы, которые были взяты в плен в Ливонии тридцать восемь или сорок лет назад, когда указанный Иоанн Васильевич завоевал большую ее часть и вывел всех жителей Дерпта и Нарвы в Московию, эти ливонцы, принадлежа к Лютеранской вере, получили два храма внутри города Москвы и публично отправляли там службу, но, в конце концов, из-за их высокомерия и тщеславия эти храмы были по приказанию Иоанна Васильевича разрушены,

и дома их всех, без различия пола и возраста, были разорены¹⁰³.
И хотя зимой

[f. 10 v.]

они были изгнаны нагими, в чем мать родила, им не на кого пенять, кроме как на самих себя, ибо, забыв о приключившихся с ними несчастьях, о том, что они уведены из своей страны, что их имущество отнято, а они ввергнуты в рабство во власть народа совсем грубого и варварского, и, вдобавок, управляемого государем-тираном, вместо того, чтобы смириться перед лицом свершившегося с ними, вели себя столь высокомерно, их манеры были столь вызывающи, а платья — столь роскошны, что их можно было принять за принцев и принцесс, поскольку женщины, отправляясь в церковь, одевались не иначе, как в бархат, атлас, камку, на худой конец — тафту, даже если у них за душой ничего другого не было. Основной их барыш заключался в том, что им была дарована свобода продавать водку, **медон** и иные крепкие напитки, на чем они наживают не какие-нибудь десять процентов, но — сто процентов, что покажется невероятным, но однако же это правда. И хотя Ливонцы всегда были и будут такими, можно было бы вообразить, что они были выведены в Россию, чтобы там явить свое тщеславие и заносчивость, коих они не смели выказывать в своей собственной стране по причине законов и правосудия; и им, в конце концов, было дано место вне города, чтобы построить там дома и церковь, и с тех пор не дозволяется жить в городе Москве.

Под властью русских находятся также татары, турки и персы, помимо Мордовитов [**мордвы**] и иных магометанских народов,

[f. 11]

исповедующих свою религию¹⁰⁴, не считая сибиряков, лапландцев и прочих, каковые не являются ни христианами, ни магометанами, но, следуя своим фантазиям, поклоняются различным животным, не принуждаемые в своей вере.

Они никогда не оставляют покойников на сутки, будь то Государь или раб. И если он умирает утром, его хоронят вечером. Чтобы оплакивать покойников, обычно имеется множество женщин, которые вопрошают, зачем он умер, разве не был он обласкан Императором, разве не было достаточно добра, разве не было у него достаточно детей, честной жены, либо, если это женщина, — разве не было у нее доброго мужа, и подобную чепуху. Затем ему

надевают новую рубаху, гетры, туфли, наподобие тапок, и колпак, затем кладут его в гроб и предают земле в присутствии родных и друзей. После погребения они принимаются плакать на могиле, вопрошая, как и прежде, затем уходят, и через шесть недель вдова и близкие друзья собираются на могиле и приносят еду и питье; вволю поплавав и задав те же вопросы, они едят принесенные кушанья, раздавая нищим остатки того, что не смогли съесть. Так принято у простонародья, но если умерший — человек знатный, то указанный пир устраивают дома, после возвращения близких родственников с могилы, где они произносили те же вопрошания, или предоставили

[f. 11 v.]

делать это нанятым с этой целью женщинам, и раздавали нищим все, что принесли на могилу. И продолжают каждый год устраивать подобные пиры в память об умерших. По истечении шести недель, женщина может вновь выходить замуж, поскольку траур не длится дольше¹⁰⁵.

А Великий пост соблюдают так: неделю перед ним, которую они называют **Маслониц**[а], то есть масляной неделей, они, хотя и не позволяют себе ничего мясного, едят прочую пищу животного происхождения: масло, сыр, яйца, молоко. И ходят друг другу в гости, целуясь, кланяясь и прося друг у друга прощения, если обидели словами или поступками. И даже встречаясь на улице, даже если прежде не виделись, целуются, говоря *Прости мене Пожалой*, что означает «простите меня, пожалуйста», на что отвечают *Бох тиби прости*, «Бог вас простит и меня простите также». Прежде, чем перейти к дальнейшему, следует отметить, что они целуются не только в эту пору, но всегда, поскольку это — вроде приветствия, принятого у них, как у мужчин, так и у женщин: целоваться при прощании или при встрече после долгой разлуки. В конце этой недели все они идут в баню и всю следующую неделю почти совсем не выходят из дома и по большей части едят лишь три раза на протяжении указанной недели, но не мясо и не рыбу, а только мед и разного рода коренья.

[f. 12]

На следующей неделе они выходят из своих жилищ, но очень скромно одетыми, как если бы они носили траур. Далее на протяжении Великого поста (кроме последней недели) они едят всякую

рыбу, как свежую, так и соленую, без масла и всего, имеющего животное происхождение, но по средам и пятницам они едят мало свежей рыбы, а лишь соленую рыбу и коренья; последняя неделя соблюдается так же, если не более строго, как и первая, так как теперь по обычаю они все получают причастие. В день Пасхи и на следующей неделе они ходят друг другу в гости (как и на масленой неделе) и дарят друг другу красные яйца, говоря: *Христус вос Христ*, что означает «Христос воскрес», на что другой отвечает: *Ас истен вос Христ*, «воистину воскрес», меняют или дарят яйцо и целуются, делая это в знак радости, свидетельствуя о воскресении. Император соблюдает тот же порядок (как и в последний день масленой недели, [когда] каждый приходит поцеловать ему руку): сразу после Пасхи, как и на следующий день, когда он идет к службе, каждый из знатных и приближенных к Императору приходит целовать ему руку, а он дарит одно, два или три яйца, смотря по тому, кого как жалует. Пирьы идут все две следующих недели. В России много колоколов, и этим, казалось бы, они отличаются от Греков, которые совсем не держат их в своих церквах, насколько это можно видеть у тех, кто придерживается их религии, как то: у Валахов, Молдован, Ретов [Русин] и других,

[f. 12 v.]

но это не противоречит греческой религии. Однако находясь под владычеством турок, коим, как и Евреям, Коран не позволяет иметь колокола в их синагогах, они также не смеют их держать, хотя они имелись у Католиков, Протестантов и Ариан в Трансильвании в ту пору, когда Стефан¹⁰⁶, впоследствии король Польши, а затем и Сигизмунд Баторий владели ею как вассалы Турецкого султана. Греки же их совсем не имели.

Все выезды из страны закрыты так плотно, что покинуть ее без дозволения Императора невозможно; до сих пор не бывало, чтобы они выпускали кого-нибудь из тех, кто носит оружие, я же был первым¹⁰⁷. Даже если ведется война против Поляков, ни одного Поляка они на нее не пошлют, хотя их и немало, но отправляют их на границы Татарии, и так же они поступают с другими имеющимися среди них нациями, из опасения, что указанные инородцы сбегут или перейдут на сторону врага¹⁰⁸, ибо это самая мнительная и недоверчивая нация на свете.

Все их замки и крепости деревянные, за исключением Смоленска, замка Иван-города или Нарвы, замка Тулы, Казани и Астрахани, замка Коломны и замка Путивля на границах Подолии¹⁰⁹, а также города Москвы — большого города, через который протекает река, большая, чем Сена. Город обнесен деревянной стеной, которая в окружности, как я полагаю, больше Парижа¹¹⁰.

[f. 13]

Далее есть еще одна высокая стена, окружностью в половину деревянной, но не заходящая за реку. Затем следует третья стена из кирпича, которая опоясывает все каменные лавки купцов; затем есть большой замок, построенный при Василии Иоанновиче, отце Иоанна Васильевича, одним итальянцем¹¹¹. В замке находятся различные каменные церкви, из коих четыре сплошь покрыты золоченой медью. Город полон деревянных зданий, каждое здание только в два этажа, но их жилье включает также [пустое] пространство, поскольку они подвержены пожарам. Недавно они отстроили много каменных церквей, но и деревянных там множество, и даже улицы вымощены или выложены деревом.

В Москве постоянно проживает высшее дворянство, а именно **князя** (то есть герцоги), затем члены Совета, которые зовутся **Думный боярин**, затем — **Окольничие**, которые суть маршалы, затем **Думные Дворяне** и еще — **Московские Дворяне**. Из них выбираются правители и губернаторы городов¹¹². У Совета нет четко определенного числа членов, так как от Императора зависит назначить по своему усмотрению. Я знал их до тридцати двух. Тайный совет для дел сугубой важности обычно из ближайших родственников¹¹³. Спрашивают мнение духовенства (для формы), приглашая на Совет Патриарха с некоторыми епископами, хотя

[f. 13 v.]

у них, собственно говоря, нет иного закона или совета, кроме воли Императора, будь она хороша или дурна — все придать огню и мечу, правых и виноватых. Я считаю его одним из самых абсолютных монархов. Ибо все жители страны, благородные и неблагородные, и даже братья Императора называют *Хлопы господаро*, что означает рабы Императора¹¹⁴. Сверх того в Совет допускают двух **думных дьяков**, которых я считаю скорее секретарями, чем канцлерами¹¹⁵, хотя они и настаивают на таком переводе. В ведомство одного входят дела послов и торговли с другими странами¹¹⁶.

У другого в ведомстве все дела военных, как Наместников, губернаторов городов¹¹⁷, так и других, за исключением **Стрельцов** — их лучшей пехоты (которые суть аркебузиры¹¹⁸), поскольку они имеют отдельное ведомство.

Помимо этого, каждая провинция имеет свое ведомство, куда входит член Совета или окольник с дьяком, чтобы судить все споры, возникающие меж теми, кто служит Императору¹¹⁹. Надо отметить, что никто из судей и должностных лиц не смеет принимать никаких подарков от тех, чьи дела они решают, ибо если их обвинят в том их же служители, либо те, кто сделал им подношение (что случается часто, если дело не решилось так, как они надеялись), или кто бы то ни был другой, и будут изобличены, то все их имущество будет конфисковано, да сверх того они будут поставлены на **Праве**[ж] (о котором — ниже), чтобы после возвращения подношения заставить их платить

[f. 14]

штраф, смотря сколько назначит Император — от пятисот до двух тысяч рублей, в зависимости от положения виновного. Но если это дьяк, который не слишком жалует императором, его хлещут и гоняют плетью по городу, повесив ему на шею кошель, полный денег (если он брал деньгами), и таким же образом поступают с любыми другими вещами, будь то меха, жемчуг и даже соленая рыба — все имеют обыкновение вешать на шею пока порют, причем не розгами, но кнутом, затем отправляют в ссылку. И делается сие не только ради настоящего, но еще и впредь на будущее. Но невзирая ни на что, продолжают брать, ибо придумали новый способ, который заключается в том, что у того, с кем имеют дело, делают подношение иконе (каковых икон много в каждом доме, и которых одни, самые простые, зовут **Бох**, что означает «Бог», а другие — **оброз**, что значит — «икона» или «изображение»), подвесивая его к этой иконе, что, впрочем, не служит оправданием, если презент превышает семь или восемь рублей и если о том узнает Император. Им дозволено в продолжении недели по Пасхе принимать небольшие подарки впридачу к яйцам, когда они целуются, как уже отмечалось. Но они не должны принимать никаких подарков, если их подносят в надежде заслужить тем благоволение, ибо если та сторона, от кого они получили подношение, их обвинит и сможет доказать, что делалось это с той или иной целью,

[f. 14 v.]

то это уже не будет служить оправданием. Однако от прочих обвинений они в эти дни защищены. Итак, все судьи и должностные лица обязаны довольствоваться своими ежегодными пенсиями и землями, которые они получают от Императора¹²⁰. Вынесенный приговор не подлежит обжалованию, жители любой провинции, как бы ни была она удалена, обязаны, за исключением горожан, судиться в городе Москве¹²¹. Что касается простых горожан, то в каждом городе есть **Губно[й] Ст[а]рост[a]**, все дела, подсудные ему, могут обжаловаться в Москве. Эти судьи первой инстанции наделены также властью разыскивать и заключать в тюрьму всех убийц, воров и разбойников, допрашивать их и, получив признание, писать в Москву, в назначенное для этого ведомство, именуемое ими **Разбойный приказ**¹²². Во всей России нельзя казнить человека без особого постановления Высшего суда в Москве. По их законам каждый ведет судебный процесс сам, либо через какого-нибудь назначенного для этого родственника или слугу, так как о прокуроре или адвокате¹²³ там нет и речи. Все споры, за исключением тех, что можно рассудить на глазок, заканчиваются тем, что одна сторона присуждается дать клятву другой и обязана целовать крест в отведенной для этого церкви, соблюдая при этом определенные церемонии. Следует заметить, что те, кто несет конную службу Императору, освобождены от того, чтобы давать такую клятву лично, и велят целовать крест своему слуге, за исключением тех случаев, когда присягают Государям¹²⁴. Тех, кто

[f. 15]

должен Императору или кому другому некую сумму денег, которую платить не хочет или не может, они выставляют на правез; это место, где им надо в будни находиться с восхода солнца до десяти или одиннадцати часов и получать удары палкой или прутком по икрам ног от назначенных для этого людей, которые зовутся **Недельщиками**¹²⁵. Я много раз видел, как их отвозили домой на телегах, и это продолжается до полного возмещения долга. Те же, кто несет конную службу Императору, освобождены от этого и выставляют вместо себя кого-либо из своих людей.

Дворянство, под которым я понимаю всех, кто получает ежегодное жалование, владея землями Императора¹²⁶, придерживается такого порядка: летом они поднимаются обычно с вос-

ходом солнца и отправляются в замок (разумеется, это если они в Москве), где Совет заседает с часу до шести часов дня, затем Император в сопровождении Совета отправляется слушать службу, которая длится с седьмого до восьмого часа, то есть с одиннадцати часов до полудня. После того, как Император удалится, все идут к себе обедать и после обеда ложатся и спят часа два-три, затем, в четырнадцатом часу звонит колокол, и все эти вельможи возвращаются в замок, где пребывают до двух или трех часов вечера, затем возвращаются, ужинают и ложатся спать¹²⁷. Надо отметить, что летом все ездят верхом, а зимой на санях, так что не свершают никаких упражнений,

[f. 15 v.]

что делает их жирными и тучными, они даже почитают наиболее пузатых, зовя их **Дородный Человек**, что означает славный человек; одеваются они очень просто, кроме праздничных дней, публичного выхода Императора или приема какого-нибудь посла. Их жены летом ездят в повозках, а зимой на санях, если только Императрица не выезжает за город, ибо тогда изрядное число женщин следует за ее каретой, сидя верхом по-мужски. Женщины носят шляпы из тонкого белого войлока, наподобие тех, что носят на прогулках епископы и аббаты, разве что они темно-серые или черные. Одеваются они в длинное платье, одинаково широкое в плечах и до полу, обычно scarлатового или хорошего красного сукна, под которым они носят другое платье какой-нибудь шелковой ткани с рукавами свыше парижского локтя шириной, спереди рукава обшиты золотой парчой на треть локтя, на голове — шитый жемчугом убор, если она замужняя женщина, если же это девица, она носит высокий головной убор из черной лисы, какой надевают дворяне при приеме посла, если же это женщина, совсем не имеющая детей, она может носить девичий убор. Затем все они носят жемчужные ожерелья в добрых четыре пальца шириной и весьма длинные серьги; обуваются в сапожки красного и желтого сафьяна с каблуком

[f. 16]

в три пальца высотой, подкованные, наподобие венгерских и польских сапог; они все красятся, но весьма грубо, и все — молодые и старые, бедные и богатые — почитают стыдным не краситься. Их содержат в строгости, и их покои отделены от покоев мужа. Их

никогда не видно, так как показывать жен друг другу — у них знак высочайшего расположения, если речь не идет о близких родственниках. Если же кто-нибудь захочет жениться, то надо поговорить с родителями девушки, и если те согласны заключить с ним союз, то он посылает одного из самых верных друзей или родственников посмотреть эту девушку и рассказать ему, и по этому рассказу сговариваются о браке, и если кто затем откажется, выплачивает условленную меж ними сумму денег¹²⁸. После этого договора он может пойти посмотреть свою супругу. В день свадьбы ее ведут в церковь, закрыв лицо покрывалом, как сделала Ревекка, когда ей сказали, что идущий вдали человек и есть Исаак¹²⁹. Так что и она не может никого видеть, и ее лица никто не может разглядеть. Затем ее таким же образом ведут и усаживают за стол, и так она остается закрытой до завершения свадьбы, после чего они идут в баню, или же, если не идут туда, то велют вылить себе на голову ведро воды, ибо до того считают себя оскверненными, следуя в том Евреям и Туркам. Им нужно получить благословение священника или монаха, прежде чем заходить в их церкви, или даже предстать перед одной из икон, каковых много в доме у каждого, и так поступают

[f. 16 v.]

всякий раз, когда познают своих жен. Все, что дается при заключении брака, оценивается [против обыкновенного] вдвое или втрое; а если случается так, что она умирает не оставив детей, муж выплачивает все ближайшим родственникам согласно оценке¹³⁰.

Каждый из них считается богатым в зависимости от того, сколько у него слуг и служанок, а не от того, сколько у него денег, и это они сохранили от Древних. Ведь слуги, которых у них множество, являются рабами, и как они, так и их дети, остаются сервами¹³¹ наследников своего первого хозяина. Помимо этого, они многие вещи ведут от древности, как и в своих письменах, поскольку их реестры, докладные записки и жалобы или прошения свернуты в свитки, а не регистрируются в книгах или не сложены как у нас¹³², и так же все их прочие бумаги. В этом они подражают древним и также Святому писанию, как мы читаем у пророка Иезекииля Гл. 3¹³³. Так же, как и в их способе приглашать на пир или на обед. Сам Император, приглашая послов, говорит не иначе, как **клеб есть са мной**, что означает «поешьте со мной хлеба», и самый большой упрек, который можно сделать тому, кто проявил неблагодарность,

это сказать: ты забыл мой хлеб и соль. Если же Император путешествует, или будет Император венчан на царство, или же будет жениться, или участвовать в крещении, [простой] народ каждый раз среди прочих подарков будет подносить ему хлеб и соль. В знак почтения у них снимают шапки и prostираются в поклоне, но не на манер Турок, Персов или прочих

[f. 17]

Магометан, прикладываящих руку к голове или груди, а опускают правую руку до земли, или не так низко, в зависимости от того, какой почет хотят оказать. Но если низший хочет испросить чего-либо у высшего, то prostирается на земле ниц. Подобным же образом поступают во время молитвы перед некоторыми иконами, и не знают иных знаков почтения, и не преклоняют колен, ибо таков (по их словам) обычай Магометан, поскольку те обыкновенно опускаются на колени, садясь на землю, и женщины поступают подобным же образом. Среди них много пожилых людей — 80, 100 либо 120 лет. Они не столь подвержены болезням в сих краях. Они не знают врачей, разве что Император и несколько главных вельмож¹³⁴. Многие вещи, используемые врачами, они даже считают нечистыми, среди прочего неохотно принимают пилюли, клистиры же ненавидят, равно как мускус, цибет и прочие подобные средства. Если же заболевают простолюдины, то они берут обычно добрую чарку водки и засыпают туда заряд ружейного пороха, или же головку толченого чеснока, перемешивают все это и выпивают, затем сразу же идут в парилку, столь жаркую, что почти невозможно терпеть, и сидят там, пока не пропотеют час или два, и так поступают при всякой болезни.

Что касается доходов Империи, то в них придерживаются следующего порядка. Прежде всего, домен Императора

[f. 17 v.]

поступает в ведомство, которое они называют **Дворец**¹³⁵, над этим ведомством осуществляет надзор и суд гофмейстер¹³⁶ с двумя дьяками; кроме того, страна разделена на пять ведомств, которые они называют **Четвертями**, в каковые ведомства поступают ординарные доходы¹³⁷. Сверх того есть и другое ведомство, называемое **Большой Приход**, это ведомство проверяет вышеназванные Четверти, и если вводятся экстраординарные налоги, они также поступают в этот Приход¹³⁸. Помимо домена, доход Императора

складывается из тальи¹³⁹, которую должны платить не только города, но также все крестьяне, не исключая наследственных земель [князей государевой] крови¹⁴⁰, затем из налогов и акцизов на товары всякого рода и на кабаки, где они продают водку, **медон**, или винный мед, или медовуху, и брагу, так как во всей России, в каждом городе и деревне их не осмеливается продавать никто, кроме тех, кто взял кабаки на откуп, а также — на меха, воск и иные товары. Хотя императорский домен по большей части состоит из припасов, а именно: зерна, водки, меда, крупной дичи, мяса, птицы, фруктов и всего прочего, потребного для кухни и кладовой, всякая вещь все равно облагается особым налогом по самой высокой цене, а с тех, кто хоть немного удален от города, все берут деньгами, со многих налоги исчисляются деньгами, а именно с каждой **выти**, что включает в себя семь-восемь **десятин** обрабатываемой земли, смотря по месту нахождения¹⁴¹. Десятина — это участок земли, на котором можно

[f. 18]

за сеять две **четверти** зерна, все равно что арпан земли, и с нее платят ежегодно десять, двенадцать, пятнадцать рублей, а то и до двадцати рублей¹⁴², в зависимости от плодородия земли, рубль же составляет примерно шесть ливров двенадцать солей, что дает ежегодно сумму настолько великую, что в этом ведомстве находится от ста двадцати до ста пятидесяти тысяч рублей чистыми каждый год — в зависимости от расходов и издержек заграничных послов и прочих экстраординарных расходов, что исходят из этого ведомства. Кроме того, в некоторых из тех пяти четвертей, как, например, в Казанской и в **Новой** Четверти¹⁴³, после осуществления всех расходов (а именно с этих земель выплачиваются всякие пенсии и жалования большинству военных) остаются чистые деньги, числом до восьмидесяти — ста тысяч рублей, и в остальных от сорока до шестидесяти тысяч рублей сверх тех, что поступают в Большой приход, куда кроме экстраординарных налогов, взимаемых по всей стране и свозимых по приказу Императора в город Москву, попадают и многие иные случайные доходы, как, например, от попавших в опалу, чье имущество конфискуется. Затем имеются еще меха и воск, что поступают в ведомство, именуемое **Казна**, то есть место хранения казны¹⁴⁴. Все, что поступает от приложения печати, а именно по четверти рубль с каждой запечатанной грамоты, —

также относится к этому ведомству. Отсюда оплачиваются всякие товары, взятые для Императора¹⁴⁵. Сверх того, каждое ведомство в провинции приносит немалые деньги

[f. 18 v.]

в конце года, ибо Император имеет право на десятую часть того, что взимается правосудием. Есть два ведомства, а именно: одно, раздающее земельные пожалования, именуемое **Поместный приказ**¹⁴⁶, ибо за каждую грамоту надобно заплатить два, три или четыре рубля в зависимости от размера земель, во владение которыми они вступают, а также, если кто-нибудь попадает в опалу, доходы с указанных земель поступают в то же ведомство, до того срока, пока Император не передаст их кому-нибудь иному. Другое ведомство называется **Конюшенный приказ**, то есть ведомство конюшни. Указанное ведомство имеет также много доходов и случайных поступлений, ибо с любой лошади, которую продают по всей стране, все, за исключением крестьян, платят около двадцати солей за регистрацию сделки, с тем, чтобы не подвергаться никакой опасности, если скажут, что лошадь была ранее украдена¹⁴⁷. Затем имеются также большие доходы с лошадей, которых приводят в Россию на продажу Татары, называемые Нагаями. Ибо, во-первых, Император отбирает десятую часть лошадей; сверх того с каждой лошади, что они продают, он берет пять процентов с продавца или покупателя, смотря по договоренности. Выращивая два или три года указанную десятую часть лошадей, которые к моменту продажи были молодыми лошадьми или жеребятами, их продают, и это составляет крупную сумму денег, так как я однажды видел, как туда доставили [их] около сорока тысяч. Они приезжают туда два или три раза в год и приводят их в большем или меньшем количестве, так что невозможно точно определить доход Императора. И все же это очень богатая страна,

[f. 19]

поскольку из нее вовсе не вывозят денег, ибо они осуществляют все расчеты товарами, каковых у них в избытке: всевозможные меха, воск, сало, коровьи и конские кожи, другие кожи, крашенные в красный цвет, лен, пеньку, всякого рода канаты, **кавьяр** — то есть икру соленой рыбы, доставляющуюся в большом количестве в Италию, затем соленую семгу, много рыбьего жира и многие другие товары. Ибо зерно, хотя его у них в избытке, они не осмеливаются вывоз-

ить из страны в направлении Ливонии. Кроме того, у них много поташа, льняного семени, пряжи и других товаров, каковые они меняют или продают, ничего не покупая у иностранцев за звонкую монету, и даже Император, если речь идет о какой-нибудь сумме в 4 или в 5000 рублей, велит платить мехами или воском. Император имеет сохранную казну¹⁴⁸, к которой он и не притрагивается, но, напротив, каждый год что-либо туда добавляет. Сверх того, имеется **Расходная казна**, то есть казна, из которой берутся деньги на экстраординарные расходы. Она полна всевозможными драгоценностями, в основном жемчугом, так как его носят в России больше, чем в остальной Европе. Я видел в казне самое меньшее 50 переменных платьев Императора, расшитых по краям драгоценностями вместо позументов, и платья, полностью вышитые жемчугом, и платья, покрытые жемчужной вышивкой на фут, на полфута, на четыре пальца. Я там видел полдюжины

[f. 19 v.]

постельных покрывал, полностью вышитых жемчугом, и многие другие вещи. Там есть также много драгоценностей, хранящихся в казне, поскольку их покупали ежегодно, сверх того, что получали от послов. Там есть четыре короны, а именно: три императорских и четвертая, которой некогда были увенчаны Великие герцоги, это не считая той, что Димитрий велел сделать для своей жены — императрицы, которая не была еще закончена, ибо не в обычае той страны короновать жен ни Императоров, ни Великих герцогов. Димитрий был первым¹⁴⁹. Имеются там два скипетра, по меньшей мере два золотых [державных] яблока, каковые я видел, имея честь многократно сопровождать Димитрия Иоанновича под своды, где расположена казна. Итак, они считают и говорят, что все относится к казне, будь то одежда, драгоценности, ткани или деньги. Кроме того, там имеется два цельных рога Единорога и один посох, с которым ходят Императоры, сделанный из цельного куска [рога] Единорога — имеется в виду продольная его часть, поскольку верхняя перекладина, на которую опираются, сделана из среза рога Единорога; кроме того, имеется еще половина [рога] Единорога, который используют повседневно как медицинское средство. Я еще видел другой золотой посох, но отчасти полый изнутри, из-за своей тяжести. Там имеется еще множество больших и малых золотых блюд и чаш для питья, сверх того — серебряной посуды,

позолоченной и непозолоченной, бесконечное число, как можно заключить из следующего рассуждения: после избрания Бориса Федоровича, когда он повелел собрать армию под **Серпухо**[вым], как мы упоминали

[f. 20]

выше, он закатывал пиры в течение шести недель, почти ежедневно, на десять тысяч человек каждый раз. Всем им подавали в шатрах на серебряной посуде, по рассказам тех, кто там присутствовал¹⁵⁰. Я там видел полдюжины бочек, сделанных из серебра, которые Иоанн Васильевич повелел сделать из серебряной посуды, захваченной им в Ливонии, когда он ее завоевал; один из выше-названных бочонков емкостью почти в мюид¹⁵¹, прочие меньшего размера: много серебряных тазов, больших и тяжелых, имеющих петли с обеих сторон, за которые их можно нести. И обычно четыре человека ставят их, наполненных **медоном**, на каждый стол, в зависимости от его длины три или четыре таза, где больше, где меньше, и к каждому еще большие серебряные чаши, чтобы черпать из этих тазов, ибо двух или трех сотен людей не хватило бы, чтобы разливать питье всем гостям на пиру. Вся эта посуда русской работы, но сверх того есть множество серебряной посуды из Германии, Англии, Польши, либо подаренных государями через послов, либо купленных за редкостную работу. Затем, в той же казне имеются в изобилии всякого рода ткани, а именно: золотая и серебряная парча из Персии и Турции, всевозможные сорта бархата, атласа, камки, тафты и прочих шелковых тканей¹⁵². И, действительно, они потребны в большом количестве, поскольку все те, кто прибывает служить Императору, получают [подарок на] приезд, как они его называют, который состоит из денег

[f. 20 v.]

и, смотря по достоинству [прибывшего] — из платья золотой парчи или столько же бархата, атласа, камки или тафты, чтобы пошить ему одежду¹⁵³; кроме того, когда он вознаграждает кого-либо за военную или иную службу, он дарит ему то же; также и все послы, прибывающие либо от Татар и Ногаев, или от крым[цев], либо от какого иного азиатского народа, как сами они, так и их люди получают платья и шелковые ткани каждый согласно своему достоинству. Поэтому, чтобы казна всегда была полна, все купцы, как иностранные, так и русские, обязаны приносить все ткани и иные

ценные вещи в Казну, чтобы там выбрать [вещи] для Императора. И если обнаружится, что они, прежде чем показать, продали или утаили товаров на десять или двенадцать экю, все остальное конфискуется, хотя бы они и уплатили габель¹⁵⁴ и все налоги. У них совсем нет минералов, кроме железа, довольно мягкого, хотя я не сомневаюсь, что в такой большой стране есть и иные ископаемые, но у них нет никого, кто бы в этом понимал.

У них нет иной монеты, кроме **Деннин[гов]**, или **копеек**, которые стоят около шестнадцати турецких денье, и **Московок**, или **денег**, которые стоят восемь турецких денье, и еще **Полушки**, которые стоят четыре денье. Эти монеты из серебра, немного более чистого, чем в восьмиреаловой¹⁵⁵ монете. Этой монетой они выплачивают все суммы, так как иной в России нет, они переводят все свои суммы в **Рубли**, которые составляют сто деннингов, стоимостью, как отмечалось, примерно в шесть ливров двенадцать солей, и в половины

[f. 21]

рубли или четверти рубля, затем — в **Гривны**, что составляет десять деннингов, и в **Алтыны**, которые суть три деннинга и стоят четыре соля¹⁵⁶. Иностранные купцы привозят туда много реалов и рейхсталлеров, что выгодно [русским], поскольку Русские их покупают и принимают ими платежи по двенадцати алтын за штуку, что составляет тридцать шесть деннин[гов], то есть около сорока восьми солей, затем перепродают их на монетный двор, где их сколь-нибудь очищают и перечекаивают в вышеназванную монету. Реал в сорок солей, как мы его зовем, если соответствует уставному весу, весит как сорок два деннинга. Помимо того, вышеназванные купцы привозят туда великое множество дукатов¹⁵⁷, каковые покупаются и продаются, как и прочие товары, на чем они часто много выигрывают. Я видел, как платили за них по двадцать четыре алтына за штуку, что составляет примерно четыре ливра шестнадцать солей, и я также видел, как их продавали по шестнадцати алтын и по полрубля за штуку, но самая обычная цена — от восемнадцати до двадцати одного алтына. И эта дороговизна дукатов бывает, когда коронуется или женится Император, или при крестинах. Потому что каждый, как мы упомянули выше, спешит преподнести несколько подарков, но простонародье объединяется в группы и компании, которые, стремясь перещеголять друг друга, преподносят

дорогие подарки, среди которых обычно бывает много дукатов в серебряных кубках, или чашах, или на блюдах, покрытых тафтой, они также поднимаются в цене за несколько дней до Пасхи, поскольку с этого времени до восьмого дня по Пасхе есть обычай посещать друг друга с красными яйцами и целоваться,

[f. 21 v.]

как мы уже упоминали прежде, но, посещая важных особ и тех, к кому у них есть дело, преподносят им вместе с яйцом и какую-нибудь драгоценность, жемчуг или несколько дукатов, поскольку это единственное время в течение всего года, когда они осмеливаются это принимать. Причем надо, чтобы это было скрытно, ибо если примут вещь, превышающую стоимостью десять или двенадцать рублей, то не спасет и время года.

Высшая должность в России — Главный начальник конюшни, которого они называют **Конюшенный Боярин**¹⁵⁸, затем — тот, кто надзирает за врачами и аптекарями, коего они зовут **Аптецкий боярин**¹⁵⁹, далее дворецкий¹⁶⁰, и затем — кравчий¹⁶¹: эти четыре должности являются первыми в Совете. Кроме этих, есть еще много разных должностей, как **Стольник**, **чашник**, **стряпщий**, паж и многие другие¹⁶². Императорская гвардия¹⁶³ состоит из десяти тысяч **Стрельцов**, размещенных в городе Москве; это аркебузиры, у них лишь один Генерал: они разделены на **Приказы**, которые суть отряды по пятисот человек, над которыми стоит **Голова**, по-нашему Капитан¹⁶⁴, каждая сотня человек имеет **Сотника**, и каждый десяток человек имеет **Десятника**, по-нашему Капрала¹⁶⁵. Нет у них ни Лейтенанта, ни знаменосцев. Каждый капитан, в зависимости от своих заслуг, имеет по тридцать, сорок и до шестидесяти рублей ежегодного жалования, и на тех же условиях земли до трех, четырех и пяти сотен четвертей: каждая **четверть** есть арпан земли, и так следует понимать

[f. 22]

во всем этом сочинении. Большинство сотников имеют земли и от двенадцати до двадцати рублей, капралы до десяти рублей и стрельцы четыре-пять рублей в год. Вдобавок они имеют каждый по двенадцати четвертей ржи и столько же овса всякий год.

Когда Император выезжает за город, пусть даже на шесть-семь верст от города, бóльшая их часть отправляются с ним, получая лошадей из конюшен Императора. Когда их отправляют куда-либо

в армию или в гарнизон, им дают лошадей. Имеются люди, коим поручено их кормить. Каждый десяток имеет свою повозку, чтобы везти их припасы.

Помимо тех, ранее названных, живущих в Москве, выбирают самых знатных дворян в каждом городе, вокруг которого они владеют землями, и называют их **Выборные дворяне** такого-то города. В зависимости от его размеров их бывает шестнадцать, восемнадцать — до двадцати, а то и до тридцати, которые пребывают в Москве в течение трех лет, затем выбирают других, а этих отпускают¹⁶⁶. Это приводит к тому, что всегда есть достаточно кавалерии, настолько, что Император часто не выходит без того, чтобы при нем не было восемнадцати-двадцати тысяч всадников, ибо все, кто подчинен двору, садится на коня. Большая часть из них по очереди ночует во Дворце, безо всякого оружия.

Если нужно встретить какого-нибудь посла, то смотря по тому, какой почет ему хочет оказать Государь, он посылает этих стрельцов с аркебузами выстроиться в ряд по обе стороны дороги

[f. 22 v.]

до самого его жилья. А именно от деревянных или каменных ворот в зависимости от того, как прикажет Император. Затем — множество московских и последними названных **Дворян**, что идут вместе с главнейшими купцами, если надо — очень богато одетыми, поскольку это зависит от той чести, которую хотят оказать послу. На этот случай каждый имеет три-четыре платья на смену. Иногда им велят одеться в золотую и серебряную парчу с высокой шапкой из черной лисы. Иногда — в **Цветное платье**: то есть обьяринное платье из шелковой обьяри или шелкового камелота, scarлатового или какого-нибудь другого дорогого тонкого светлого сукна, расшитого золотом¹⁶⁷, и черную шапку. В иных случаях [они носят] одежды, которые они называют **Чистое Платье** и которое является нарядным одеянием. Число людей и их достоинство возрастает и уменьшается в зависимости от оказываемых почестей. Они выходят встречать на расстояние полета стрелы от города, а некоторые — на четверть лье, куда приводят указанному послу и его людям лошадей из императорской конюшни, дабы въехать в город, и так их сопровождают до самого их жилья, перед которым выставляют стражу, не позволяя туда заходить никому, кроме тех, кому это поручено. Но также и не выходить никому без стражи,

чтобы следить, куда он идет, что сделает и скажет. Они имеют людей, назначенных для этого, а также, чтобы снабжать их на границе всем необходимым за счет Императора¹⁶⁸. Не только послы,

[f. 23]

но и все иностранцы, прибывающие на службу Императору, каждый в зависимости от своего достоинства, как в Москве, так и по дороге обеспечивается всеми припасами, необходимыми как для себя, так и для своих лошадей, что называется у них **Корм**, каковой послам увеличивают или урезают по приказанию Императора. Все это поставляется из ведомства, называемого **Дворец**, как отмечалось выше¹⁶⁹.

Что касается военных, то прежде надо сказать о **Воеводах**, которые являются генералами армии. Обычно их выбирают из Думных бояр и Окольных, надо отметить, что это — в случае появления неприятеля, ибо в иное время они ежегодно избираются из Думных и Московских Дворян, которых они направляют на границы Татарии, дабы помешать набегам каких-нибудь объединенных татарских отрядов, являющихся порой, чтобы похищать с пастбищ гарнизонных лошадей, а если они не встречают сопротивления, то разоряют еще больше.

Они разделяют свою армию на пять частей, а именно: авангард, расположенный у какого-нибудь города, наиболее приближенного к границам Татарии; вторая — правое крыло, размещенное близ какого-нибудь другого города, третья — левое крыло, затем — основная часть армии и арьергард. Все они разделены между собой, но генералы должны идти на соединение по первому же уведомлению¹⁷⁰. Кроме этих генералов, других должностей в армии нет, если не считать, что все воинство, как кавалерия, так и пехота, подчинено

[f. 23 v.]

капитанам, а лейтенантов, знаменосцев, трубачей и барабанщиков нет. Каждый генерал имеет свою особую хоругвь, они различаются по тому, какой святой на ней изображен, они освящаются Патриархом, как и иные [лики] святых. Два-три человека назначены его поддерживать. Помимо этого, каждый генерал имеет свой личный, как они говорят, **Набат**, это медные барабаны, перевозимые на лошадях, у каждого их десять или двенадцать и столько же труб и несколько гобоев, все это звучит лишь тогда, когда они готовы вступить в бой, или во время какой-нибудь стычки, за исключе-

нием одного из барабанов, в который бьют, чтобы выступать в поход или садиться на коней.

Порядок, которого они придерживаются, чтобы обнаружить врагов в этих громадных равнинах Татарии, таков. Имеются дороги, которые они зовут: дорога Императора, крымская дорога, дорога Великой Ставки. Кроме этого, на равнинах здесь и там рассеяны дубы, удаленные друг от друга на восемь, десять, и до сорока верст. Под большинством этих деревьев помещены дозоры, а именно два человека, каждый с подставной лошастью. Один несет дозор на вершине дерева, другой пасет оседланных лошадей, они сменяются каждые четыре дня. Если тот, кто наверху, видит, что в воздух поднимается пыль, ему приказано спускаться не говоря ни слова, пока не окажется в седле, и скакать на своей лошади во весь опор к следующему дереву, подавая знаки и крича, что он увидел людей. Тот, кто стережет коней

[f. 24]

у другого дерева, садится на лошадь по команде того, кто, сидя на дереве, еще издали обнаруживает его [первого дозорщика], и как только он может услышать или разобрать, на какую сторону указывает тот, кто увидел эту пыль, то скачет во весь опор до другого дерева, где происходит то же самое. И так из рук в руки до первой крепости, а оттуда — в Москву, не сообщая никаких новостей, кроме того, что видели людей. Поэтому часто оказывалось, что это лишь табун диких коней или стадо каких-нибудь диких животных. Но если приезжает тот, кто остался на первом дереве и подтверждает новости, также как и первый со второго дерева, тогда они вооружаются, и вышеназванные генералы соединяются и посылают разведать силы врага. Среди этих дозорных находятся те, кто съезжают с дороги и рассеиваются тут и там, поджидая, пока проедет неприятель, идут по его следу и приблизительно определяют его численность по ширине дороги, проложенной ими в траве, которая выше лошади, но это не луговая трава, но трава дикой земли, так как каждую весну русские выжигают ее, как с тем, чтобы Татарин в раннюю пору не имел бы пастбищ, так и с тем, чтобы она лучше росла. И если они едут по любой из вышеназванных дорог, то их число определяют также весьма примерно, по глубине протоптанного ими пути. Также примерно их распознают, наблюдая поднимаемую ими в воздух пыль,

[f. 24 v.]

поскольку они не любят ехать прямо по траве, опасаясь, что лошади запыхаются. И когда эти дозорные по тайным ведомым им тропам приносят вести об их силах, для отпора им генералы отступают до какой-нибудь реки или леса, чтобы помешать их продвижению. Но Татарин — враг столь легкий и проворный, что прознав об этом с двадцатью или тридцатью тысячами коней отвлекает армию и в то же время направляет другую часть разорять страну по иной дороге, и это проделают с такой быстротой, что их удар будет нанесен прежде, чем русская армия получит предупреждение. Они не отягощают себя иной добычей, кроме пленников, и не берут с собой никакой поклажи, хотя каждый из них имеет одну или две сменных лошади, столь хорошо выученных, что не доставляют им хлопот, а они сами столь проворны, что на рысях прыгают с одной лошади и вскакивают на другую. Из оружия у них только лук, стрелы и кривая сабля; удирая они стреляют гораздо сильнее и точнее, чем в иных обстоятельствах. Провизия, которую они берут с собой, — немного сушеного на солнце мяса, очень мелко нарезанного; кроме того, они привязывают к арчаку седла толстую и длинную веревку. В итоге сотня их всегда обратит в бегство двести русских, если только это не будут отборные люди. Русская пехота, или аркебузиры, находясь на берегу реки или в лесу, заставляет их убежать во весь опор, хотя в действительности

[f. 25]

они более способны их напугать, нежели чем нанести какой-нибудь вред. Если случится, что отряд в пятнадцать или двадцать тысяч всадников начинает их преследовать, то на расстоянии пушечного выстрела их не окажется и трех—четырёх тысяч вместе, а остальные будут походить скорее на привидения на ослах, чем на людей на лошадях. Таким образом татары уходят, никогда не неся больших потерь, если только, поджидая их возвращение, им не перекроют проход через какой-нибудь лес или реку, но это случается нечасто.

Русские силы состоят большей частью из кавалерии; кроме дворян, о которых мы говорили ранее, нужно включать в нее остаток **выборных дворян и городских дворян, детей боярских, сыновей боярских**, каковые составляют большое число¹⁷¹. Каждый из отрядов называется по имени города, под которым они имеют

свои земли. Различные города имеют (от) трехсот-четырёхсот до восьмисот-тысячи двухсот человек, например, Смоленск, Нов-город и другие; есть много таких же городов, выставляющих множество людей. Но надо, чтобы кроме себя лично каждый снарядил одного конного и одного пешего воина с каждых 100 четвертей владеемой земли¹⁷². Я говорю лишь о случае необходимости, так как в другое время довольно их самих. Это дает невероятное число, но скорее теней, чем людей.

Их содержание, прежде всего вельмож из Совета, — от 500 рублей до 1200 рублей; таково содержание **Князя** Федора Ивановича Мстиславского,

[f. 25 v.]

в продолжение жизни четырех Императоров всегда занимавшего первое место¹⁷³; окольных от 200 до 400 рублей и земель от 1000 четвертей до двух тысяч, я знал одновременно пятнадцать окольных¹⁷⁴; Думных дворян, которых обычно не более шести, — от 100 рублей до 200 рублей и земли от 800 до 1200 четвертей; Московских дворян — от 20 до 100 рублей и земли от 500 до 1000 четвертей, Выборных дворян — от восьми до пятнадцати рублей; Городовых дворян — от пяти до двенадцати рублей и земли до 500 четвертей¹⁷⁵. Кроме вышесказанных четвертей, все это выплачивается ежегодно, и, как указывалось, нужно снарядить двух человек с каждых 100 четвертей. Что касается прочих — детей боярских и сыновей боярских, их жалование — 4, 5 или 6 рублей — выплачивается разом за 6—7 лет. Все они держат земли от Императора, от ста до трехсот четвертей. Их служба обычно соответствует жалованью, то есть состоит скорее в том, чтобы образовать количество, чем в чем-либо другом.

Из вышеназванных лучшие должны иметь кольчугу, шлем, копье, лук и стрелы, как и каждый из их слуг, а также добрую лошадь. Прочие должны иметь пригодных лошадей, лук, стрелы и кривую саблю, как и их слуги. В итоге получается множество людей, плохих наездников, лишенных порядка, рвения и дисциплины, из коих многие

[f. 26]

часто приносят армии больше вреда, чем пользы. Кроме того, есть войска Казани, которые, как считают, составляют вместе с **Черемисами** почти двадцать тысяч коней, есть, далее,

Татары, которые за ежегодную плату служат Императору вместе с **Мордвинами**, они составят от семи до восьми тысяч коней, их жалование от восьми до тридцати рублей,¹⁷⁶ затем есть **Черкассы**, их от трех до четырех тысяч, затем иностранцы — как Немцы, Поляки, так и Греки, их две тысячи пятьсот, каковые получают жалование от двенадцати до шестидесяти рублей, некоторые капитаны получают до 120 рублей, не считая земли, которой же у них от шестисот до тысячи четвертей¹⁷⁷. Наконец, есть **Даточные люди**, которых должны выставлять патриарх, епископы, аббаты и прочие священнослужители, владеющие землями, а именно, как сказано выше, одного конного и одного пешего с каждых ста четвертей, порой, если нужно, берут у указанных священнослужителей вместо людей большое количество лошадей, чтобы перевозить артиллерию и прочие боевые припасы, и для стрельцов и прочих, которых нужно снабжать лошадьми. Этого достаточно для [описания] кавалерии¹⁷⁸.

Их лошади большей частью приводятся из Татарии, именуемой Нагайской, каковых лошадей они называют **Конями**, они невысокого роста, весьма хороши в работе и скачут семь—восемь часов без отдыха, но если их совсем загнали, для их восстановления потребуется четыре-пять месяцев. Они весьма пугливы и

[f. 26 v.]

очень бояться аркебузных выстрелов. Их никогда не подковывают, так же как и местных лошадей, овса они едят мало или совсем не едят, и к нему надо их приучать мало-помалу, коли возникнет желание его им давать. Затем у них есть легкие верховые лошади Грузин, но они не распространены, это красивые и хорошие лошади, но они несравнимы с **конями** ни в выносливости, ни в скорости, разве только в беге на короткое расстояние. Затем у них есть Турецкие и Польские лошади, которых они зовут **Аргмаками**, среди них есть хорошие; все их лошади — холощенные. Кроме того, среди ногайских встречаются, но довольно редко, очень хорошие кобылки, все белые и в мелких черных пятнах, как тигры или леопарды, так что их можно принять за раскрашенных. Местные лошади называются **меринами**, они обычно маленькие и хорошие, прежде всего те, что из Вологды и ее окрестностей, и гораздо скорее объезжаются, чем татарские. За двадцать рублей можно приобрести весьма красивую и хорошую татарскую или местную лошадь, ко-

торая послужит больше, чем аргамак — турецкая лошадь, которая будет стоить пятьдесят, шестьдесят и сто рублей. Все эти лошади болеют чаще, чем во Франции, они весьма подвержены болезни, называемой **Норица**: это гной, скапливающийся спереди, и если это быстро не вылечить, он переходит в ноги и тогда уже не помочь. Но как только его замечают, то прорезают кожу на груди почти между ногами и вкладывают туда веревку из пеньки и

[f. 27]

древесной коры, которую натирают дегтем, затем два-три раза в день заставляют лошадь бегать, пока она не будет вся в мыле, и часто передвигают названную веревку, и через три-четыре дня созревает нечистота, которая выходит через отверстие. Так продолжается до пятнадцати дней или трех недель, затем вынимают веревку, и дыра со временем заживает, лошади после этого вполне резвы. А чтобы избежать этой болезни, они загоняют всех лошадей в реку, когда та вскрыется ото льда, где держат их по шею в воде час или два, пока они едва смогут держаться на ногах от сильной дрожи, что их сильно истощает, поскольку продолжается в течение пятнадцати дней, но после того они становятся весьма резвыми. Эти лошади также весьма склонны к запалу. Татарскую или местную лошадь считают пригодной к работе лишь с семи или восьми лет и продолжают считать таковой до двадцати лет. Я видел лошадей в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет, все еще несущих добрую службу. Десяти- или двенадцатилетних считают [еще] молодыми. Находятся среди них и весьма хорошие иноходцы.

Лучшая пехота состоит из стрельцов, как было сказано выше, и из **Казачков**, о которых еще не было речи; помимо десяти тысяч аркебузирова в Москве, они есть в каждом городе, приближенном на сто верст к татарским границам, в зависимости от величины имеющихся там замков, от примерно шестидесяти-восьмидесяти до ста пятидесяти, помимо пограничных

[f. 27 v.]

городов, где их достаточно. Затем есть казаки, которых рассылают зимой в города по ту сторону Оки, они получают плату, равную со стрельцами, и зерно; кроме того, Император снабжает их порохом и свинцом. Есть еще и другие, имеющие земли и не покидающие гарнизонов. Таких, выступающих на войну, там наберется от 5 до 6 тысяч¹⁷⁹. Затем есть настоящие казаки, которые

держатся в татарских полях вдоль таких рек, как Волга, Дон, Днепр и другие, и часто наносят гораздо больший урон татарам, чем вся русская армия; они не получают большого содержания от Императора, разве только, как говорят, свободу вести себя как можно более вызывающе. Им позволено иногда направляться в пограничные города, продавать там свою добычу и покупать необходимое. Когда Император намеревается обратиться к ним, он посылает им пороха, свинца и каких-нибудь 7, 8 или 10 тысяч рублей. Это именно они обычно приводят из Татарии первых пленников, от которых узнают замысел неприятеля¹⁸⁰. Есть обычай тому, кто взял какого-либо пленного и привел его, дарить хорошего сукна и камки, чтобы из того и другого сделать платье, 40 куниц, серебряную чашу и 20 или 30 рублей. Они располагаются по рекам числом от 8 до 10 тысяч, готовые соединиться с армией по приказу Императора, что и происходит в случае необходимости, хотя казаки с Поднепровья содержатся

[f. 28]

чаще всего в Подолии¹⁸¹. Надо еще прибавить по одному человеку [выставляемому] с каждых ста четвертей, каковые все являются крестьянами, более годными управляться с плугом, чем с аркебузой. Их, однако, не отличишь по одежде, поскольку им надлежит быть одетыми по-казацки, то есть — в платье ниже колен, узкое, как камзол, с большим воротом, откинутым назад и доходящим до пояса. Половина из них должны иметь аркебузы, по два фунта пороха, четыре фунта свинца и саблю. Остальные — по произволу тех, кто их посылает, при условии, что будут иметь лук, стрелы и саблю или нечто вроде кола, пригодного скорее для того, чтобы проткнуть медведя, вылезавшего из берлоги, чем для всего того, что им делают. Не нужно забывать и про саблю. Кроме того, и купцы должны при необходимости снаряжать воинов в соответствии со своими средствами, кто трех, кто четырех, более или менее.

Как замечено выше, казаки обычно в начале Великого поста приводят пленных, от которых узнают, не собирается ли Татарин¹⁸², и в зависимости от новостей по всей стране отдается приказ. Пока лежит снег, каждый должен отправить свою провизию в города, у которых решено встретить неприятеля. Эти припасы перевозятся на санях в указанные города; они состоят из **Сухарей**, то есть хлеба, нарезанного на мелкие кусочки и высу-

шенного в печке, как галеты. Затем из «крупы», которая делается из проса, очищенного ячменя,

[f. 28 v.]

но главным образом — из овса. Затем у них есть **Толокно**, это — запаренный, затем высушенный овес, превращенный в муку, они приготавливают его по-разному, как для еды, так и для питья: всыпают две-три ложки названной муки на добрую дозу воды, с двумя-тремя крупинками соли, размешивают, выпивают и считают это вкусным и здоровым напитком. Затем — соленая и копченая свинина, говядина и баранина, масло и сушеный и мелко толченный, как песок, сыр, из двух-трех ложек его делают похлебку, затем много водки и сушеная и соленая рыба, которую они едят сырой. Это пища начальников, так как остальные довольствуются сухарями, овсяной крупой и толокном с небольшим количеством соли. Они редко выступают в поход против татар, пока не появится трава. Относительно других врагов придерживаются того же порядка, если только они не появляются неожиданно. Таким образом, и во время войны, и без нее Император почти ничего не тратит на воинство, разве только лишь на вознаграждения за какие-нибудь заслуги — тому, кто возьмет пленного, убьет врага, получит рану и тому подобное, так как им в соответствии со званием дарят кусок золотой парчи или другой шелковой материи на платье¹⁸³.

Русские Императоры имеют сношение с Римским императором, королями

[f. 29]

Английским и Датским и с королем Персидским. Также имеют и издревле имели с королями Польским и Шведским, но в настоящее время только для формы, так как они постоянно подозревают друг друга, не зная, когда разразится война. Что касается турок, то с тех пор, как они сняли осаду Астрахани, которую осадили лет сорок назад¹⁸⁴ с татарами, именуемыми Нагаями, и некоторым числом **Пятигорских Черкассов**, то есть Грузин, в России побывали всего лишь два турецких посла, и два русских — в Константинополе, так что хотя они и не воюют друг с другом, но меж ними не было переписки и приветствий в течение тридцати лет, как если бы они были гораздо более удалены. С тех пор не было войн, кроме как с **Татарами**, называемыми **Крым**¹⁸⁵, и Пятигорскими Черкассами, то есть Грузинами, потому что на их землях и границах были

построены четыре или пять городов и замков, главные — **Терек** и **Самария**¹⁸⁶. В тысяча шестьсот пятом году грузины взяли один из ближайших к их границам замков при помощи некоторых турок, но это не возымело серьезных последствий. Грузины — люди воинственные, на прекрасных лошадях, большинство их лошадей — рысаки; они вооружены легкими нагрудными латами превосходного закала, весьма ловки и все носят пики или дротики; они могли бы нанести большой урон России, если бы были столь же многочисленны, как прочие ее соседи, хотя их и разделяет Волга, так как они живут между морем

[f. 29 v.]

Каспием и Понтом Эвксинским¹⁸⁷.

Вернемся к Борису Федоровичу, коронованному императором первого сентября тысяча пятьсот девяносто восьмого года и мирно вкушавшему власть в большем благоденствии, чем любой из его предшественников, каковой изменил обычную манеру, заключающуюся в том, чтобы выслушивать прошения и обращения каждого особо, ибо вместо этого он скрывался, нечасто показываясь народу, и с гораздо большими церемониями и препонами, чем любой из его предшественников. У него был сын, по имени Федор Борисович, и дочь¹⁸⁸. Тогда он начал действовать с целью породниться с какими-нибудь чужеземными государями, чтобы утвердиться на Императорском троне самому и закрепить его за своим родом. Кроме того, он начал ссылать тех, кто был для него подозрителен и заключал браки так, по своему усмотрению, соединяя свойством со своим домом тех, кем надеялся воспользоваться; и в городе Москве осталось лишь пять или шесть домов, с которыми он не породнился, а именно дом Мстиславского¹⁸⁹, неженатого и имевшего двух сестер, одна из которых вышла за царя Симеона¹⁹⁰, другую, незамужнюю, он против ее воли сделал монахиней¹⁹¹ и не позволил сказанному Мстиславскому жениться. Затем был дом Шуйских, их было три брата; чтобы породниться со сказанным домом, он выдал за среднего брата, по имени Димитрий¹⁹², сестру своей жены¹⁹³, не дозволяя жениться старшему, князю Василию Ивановичу Шуйскому¹⁹⁴, ныне

[f. 30]

правляющему в Московии, о котором будет пространно рассказано позднее, из опасения, чтобы какие-нибудь дома, соединившись,

вместе не оказали бы ему сопротивления. В конце концов он отправил в ссылку царя Симеона, о котором подробно говорилось выше, женатого на сестре указанного Мстиславского. Когда тот был в ссылке, этот император Борис послал ему в день своего рождения, день, широко празднуемый по всей России, письмо, в котором обнадеживал его скорым прощением, и тот, кто доставил письмо вместе с одновременно посланным Борисом испанским вином, велел ему и его слуге выпить за здоровье Императора, и спустя немного времени они ослепли, а указанный царь Симеон и поныне слеп, этот рассказ я слышал из его собственных уст.

Во второй год своего правления он сделал так, что в страну приехал Густав¹⁹⁵, сын шведского короля Эрика¹⁹⁶ (который был низложен своим братом, Иоанном¹⁹⁷, королем Швеции), пообещав ему дать в жены свою дочь, если тот оправдает его надежды. Он действительно был принят с большим великолепием и удостоен великих даров от Императора, а именно: серебряной посуды для всех его людей, многих тканей: золотой и серебряной персидской парчи, бархата, атласа и других шелковых тканей для всей его свиты, драгоценностей, золотых и жемчужных цепей, многих прекрасных лошадей с полной сбруей, всевозможных мехов или шкур и суммы денег, которая на

[f. 30 v.]

самом деле не соответствовала дарам: а именно десять тысяч рублей. Он въехал как Государь, но вел себя не лучшим образом; в конце концов, как впавший в немилость, он был отправлен в Углич (город, где, как полагали, был умерщвлен Димитрий Иоаннович); его годовой доход при надлежащей рачительности поднимался до четырех тысяч рублей.

В 1600 году прибыло великое посольство из Польши, именно Лев Сапега¹⁹⁸, нынешний канцлер Литвы, с которым был заключен мир на двенадцать лет; его долго задерживали против воли, ибо он прожил в Москве с августа до конца Великого поста 1601-го, поскольку Борис был тогда болен. В день, когда он получил свои послания, он поцеловал руку Императора, сидевшего в палате аудиенций на императорском троне, с короной на голове, скипетром в руке, золотой державой перед собой; сын его сидел рядом по левую руку, господа из Совета и окольные сидели на скамьях кругом палаты, одетые в платья из очень дорогой золотой парчи, обшитые жем-

чугом, в шапках из черной лисы; по обе стороны от Императора стояли два молодых сеньора, одетых в платья из белого бархата, снаружи кругом обшитые горностаем на ширину в полфута, в высоких белых шапках, с большими золотыми цепями, покрытыми эмалью и перекрещенными на шее, и каждый с дорогим боевым топором из дамасской стали, они держат их на плече,

[f. 31]

словно готовясь нанести удар¹⁹⁹; все это олицетворяет величие государя. Большая зала, через которую проходят послы, полна скамей, на которых сидят прочие дворяне, одетые так же; никто не смеет присутствовать там без платья из золотой парчи; они не шевельнутся, пока посол не проследует по проходу, оставленному для этой цели, и там такая тишина, что можно было бы счесть палату и залу пустыми. Таков обычный порядок приема послов. Он обедал в присутствии Императора, с ним и все его люди, числом до трехсот человек, им подавали на золотой посуде, которой там великое множество, я имею в виду блюда, так как ни о тарелках, ни о салфетках там и речи нет, даже Император ими совсем не пользуется, и ели очень хорошую, но скверно приготовленную рыбу, так как это было в Великий пост, когда они не едят яиц, масла, ничего молочного, и много выпивши за здоровье обеих сторон, он был отправлен с хорошими и подобающими дарами.

А нужно заметить, что по древнему обычаю страны Император велит подавать себе на стол весьма пышно, а именно двести или триста знатных людей, одетых в платья из золотой или серебряной персидской парчи, с большим воротником, расшитым жемчугом, который спускается сзади по плечам на добрых полфута, и в круглых шапках, также расшитых, шапки эти совсем без полей, но сделаны в точности как суповая чашка без ручек, а сверху сказанной шапки высокая шапка из черной лисы,

[f. 31 v.]

затем массивные золотые цепи на шее; и сказанные двести или триста человек, число которых увеличивают смотря по количеству приглашенных, назначены подносить Императору кушанья и держать их до тех пор, пока он не спросит того или другого. Порядок таков, что после того, как усядется Император, а также послы или другие приглашенные, вышесказанные дворяне, одетые как сказано, начинают проходить по двое пред столом Императора,

низко ему кланяются и отправляются также по двое, одни за другими, выносить кушанья из кухонь и подносят их Императору²⁰⁰; но перед тем, как появится кушанье, приносят на столы водку в серебряных сосудах, вместе с чашечками, чтобы наливать в них и пить. На сказанных столах только хлеб, соль, уксус и перец, но совсем нет ни тарелок, ни салфеток. После того, как выпьют, или пока пьют водку, Император посылает со своего стола каждому в отдельности кусок хлеба, называя громко по имени того, кому его предназначает, тот встает, и ему дают хлеб, говоря: **Царь господарь и великий князь Н. вся Россия жалует тебе**, то есть Император, господин и великий герцог всех Русских оказывает тебе милость; тот его берет, кланяется и затем садится, и так каждому в отдельности. Затем, когда приносят кушанье, Император отправляет полное блюдо кушанья каждому из знатнейших, и после этого на все столы подаются яства в великом изобилии. Затем

[f. 32]

Император посылает каждому отдельно кубок или чашу какого-нибудь испанского вина, с теми же словами и церемониями, что и прежде; затем, когда обед перевалит за середину, Император снова посылает каждому большую чашу красного **медона**, какого есть у них различные сорта. После этого приносят большие серебряные тазы, полные белого **медона**, которые ставят на столы, и все большими чашами черпают оттуда, и по мере того, как один опустеет, приносят другой, с другим сортом, смотря какой спросят — большей или меньшей крепости. Затем Император в третий раз посылает каждому чашу крепкого **медона** или вина-кларета. В заключение, когда Император отобедает, он посылает каждому в четвертый и в последний раз очередную чашу, полную **паточного меда**, то есть напитка из чистейшего **медона**, он не крепкий, но прозрачный, как родниковая вода, и весьма вкусный. После этого Император посылает каждому в отдельности блюдо с кушаньем, которое каждый отправляет домой, а для тех, кому Император более всего благоволит, он, прежде чем послать, что дает, пробует указанное кушанье, причем повторяются выше-названные слова, как и всякий раз при подношении во время обеда. Кроме приглашенных, Император отсылает домой каждому дворянину и всем тем, кого он жалует, блюдо кушанья, которое

называется **Подача**; и не только с пиршеств, но ежедневно по разу, что соблюдается как возможно

[f. 32 v.]

точно²⁰¹. Если Император не расположен пировать с послом, после приема, по обычаю страны, Император посылает ему обед домой следующим порядком: прежде всего направляет какого-нибудь знатного дворянина, одетого в золотую парчу, с воротником и в шапке, расшитыми жемчугом, который перед обедом отправляется верхом, чтобы передать послу приветствие и объявить милость Императора, а также чтобы составить ему компанию за обедом. Его лошадь окружают пятнадцать или двадцать слуг, затем идут два человека, несущие каждый по скатерти, свернутой в свиток, затем следуют двое других, несущие солонки, и еще двое с двумя уксусницами, полными уксуса, затем еще двое, один из которых несет два ножа, а другой две ложки, весьма дорогие, далее следует хлеб, который несут шесть человек, идущих парами; далее следует водка и после — дюжина человек, несущих каждый по серебряному сосуду, примерно в три шопина²⁰² каждый, с винами разных сортов, но по большей части с крепкими винами из Испании, с Канар и из других мест. После этого несут столько же больших кубков немецкой работы; дальше следуют кушанья, а именно: сначала те, которые едят холодными, затем вареное и жареное и, наконец, пирожное. Все эти кушанья приносятся в больших серебряных блюдах, но если Император благоволит послу, то вся посуда, которой накрывают на стол, — золотая. Затем появляются

[f. 33]

восемнадцать или двадцать больших жбанов, наполненных **медоном** различных сортов, каждый из них несут два человека, далее следует дюжина людей, несущих каждый по пять—шесть больших чаш для питья, и после всего следуют две или три тележки с **медоном** и брагой для простолудинов, все несут отряженные для этого стрельцы, которые одеты самым подобающим образом. Я видел до трех и четырех сотен их, несущих, как сказано выше, кушанья и напитки для одного обеда, и видел, как в один день посылали три обеда разным послам, но одному больше, другому — меньше; однако тем же вышеописанным порядком²⁰³.

В тысяча шестьсот первом году начался тот великий голод, который продлился три года; мерка зерна, которая продавалась за пятнадцать солей, продавалась за три рубля, что составляет почти двадцать ливров. В продолжение этих трех лет совершались вещи столь чудовищные, что выглядят невероятными, ибо было довольно привычно видеть, как муж покидал жену и детей, жена умерщвляла мужа, мать — детей, чтобы их съесть. Я был также свидетелем, как четыре жившие по соседству женщины, оставленные мужьями, сговорились, что одна пойдет на рынок купить телегу дров, сделав это, пообещает крестьянину заплатить у себя дома, но когда, разгрузив дрова, он вошел в горницу, чтобы получить плату, то был удушен этими женщинами и положен туда, где на холоде мог сохраняться, дожидаясь, пока его лошадь будет ими съедена в первую очередь; когда же это

[f. 33 v.]

открылось, признались в содеянном и в том, что тело этого крестьянина было третьим. Словом, это был столь великий голод, что не считая тех, кто умер в других городах России, в городе Москве умерли от голода более ста двадцати тысяч человек; они были похоронены в трех общественных местах, отведенных для этого за городом, о чем, включая даже саван для погребения, заботились по приказу и на средства Императора²⁰⁴. Причина столь большого числа умерших в городе Москве состоит в том, что Император Борис велел ежедневно раздавать милостыню всем бедным, сколько их будет, каждому по одной **московке**, то есть около семи турецких денье, так что, прослышав о щедрости Императора, все бежали туда, хотя у некоторых из них еще было на что жить; а когда прибывали в Москву, то не могли прожить на эти семь денье, хотя в большие праздники и по воскресеньям получали деннинг, то есть вдвойне, и, впадая в еще большую слабость, умирали в сказанном городе или на дорогах, возвращаясь обратно. В конце концов Борис, узнав, что все бегут в Москву, чтобы в Москве умереть, и что страна мало-помалу начала пустеть, приказал больше ничего им не давать; с этого времени стали находить их на дорогах мертвыми и полумертвыми от перенесенных холода и голода, что было ужасным зрелищем. Сумма, которую Император Борис потратил на бедных, невероятна; не считая расходов, которые он понес в Москве,

по всей России не было города, куда бы он не посылал больше или меньше

[f. 34]

для прокормления указанных нищих. Мне известно, что он послал в Смоленск с одним моим знакомым двадцать тысяч рублей. Его хорошей чертой было то, что он обычно щедро раздавал милостыни и много богатств передавал священнослужителям, которые в свою очередь все были за него. Этот голод значительно уменьшил силы России и доход Императора²⁰⁵.

В начале августа тысяча шестьсот второго года приехал герцог Иоанн²⁰⁶, брат короля Датского Христиана, чтобы жениться на дочери Императора. По обычаю страны, он был встречен с большими почестями; в свите его было около двухсот человек, охрана состояла из двадцати четырех аркебузирова и двадцати четырех алебардьеров. Через три дня после приезда он имел аудиенцию у Его Величества, который принял его ласково, называя сыном; рядом со своим сыном он и отвел для него кресло в тронном зале. После приема он отобедал вместе с Императором за его столом, чего прежде не было, так как против обычая страны, чтобы там сидел кто-либо, кроме его сыновей. После того, как поднялись из-за стола, сделав ему богатые подарки, проводили в его жилище. Дней пятнадцать спустя он заболел, как считают, от невоздержанности, от чего умер спустя некоторое время. Император со своим сыном трижды навещал его во время болезни и много сожалел о нем; все врачи впали в немилость. Император не допустил, чтобы его набальзамировали, так как это противоречит их религии. Он был похоронен в Немецкой церкви,

[f. 34 v.]

в двух верстах от города; все дворяне сопровождали его до сказанной церкви, где они оставались до самого конца церемонии; Император и все его дворянство три недели носили по нему траур. Немного позже умерла Императрица, сестра его, вдова Императора Федора Иоанновича, она была похоронена в женском монастыре²⁰⁷.

Все это время его зависть и подозрительность постоянно возрастали; он много раз ссылал Шуйских, подозревая их больше всех остальных, хотя средний брат был женат на сестре его жены; многие были безвинно подвергнуты пыткам за то, что навещали их пусть даже и в ту пору, когда они были в милости. Без прика-

зания Императора ни один врач под страхом изгнания не смел посещать вельмож или прописывать им что-либо, так как во всей России никогда не бывало никаких врачей, кроме тех, что служат Императору, даже ни одной аптекарской лавки. Наконец, прослышав в тысяча шестисотом году слух, что некоторые считают Димитрия Иоанновича живым, он с тех пор целые дни только и делал, что пытал и мучил по этому поводу. Отныне, если слуга доносил на своего хозяина, хотя бы ложно, в надежде получить свободу, он бывал им вознагражден, а хозяина или кого-нибудь из его главных слуг подвергали пытке, чтобы заставить сознаться в том, чего они никогда не делали, не видели и не слышали. Мать узаканного Димитрия была взята из монастыря, где она

[f. 35]

жила, и отправлена примерно за шестьсот верст от Москвы. Наконец, осталось совсем мало хороших фамилий, которые не испытали бы, что такое подозрительность тирана, хотя его считали очень милосердным государем, так как за время своего правления до прихода Дмитрия в Россию он не казнил публично и десяти человек, кроме некоторых воров, которых собралось числом до пятисот, и многие из них, взятые под стражу, были повешены²⁰⁸. Но тайно множество людей были подвергнуты пыткам и отправлены в ссылку, отравлены в дороге, и бесконечное число утоплено; однако он не почувствовал облегчения.

Наконец, в 1604 году обнаружился тот, кого он так опасался, а именно Димитрий Иоаннович, сын Императора Иоанна Васильевича, которого, как было сказано выше, считали убитым в Угличе. Каковой примерно с четырьмя тысячами человек вступил в Россию через границы Подолии, осадил сначала замок под названием Чернигов, который сдался, затем другой, который также сдался, затем они пришли в Путивль, очень большой и богатый город, который сдался, и с ним многие другие замки, как Рыльск, Кромь, Карачев и многие другие, а в стороне Татарии сдались Царьгород, Борисов Город, Ливны и другие города²⁰⁹. И поскольку его войско выросло, он начал осаду Новгород-Северского, это замок, стоящий на горе, губернатора которого звали Петр Федорович

[f. 35 v.]

Басманов²¹⁰ (о котором будет сказано ниже), каковой оказал столь хорошее сопротивление, что он не смог его взять. Наконец, 15 де-

кабря армия Императора Бориса расположилась верстах в десяти от его армии. Князь Федор Иванович Мстиславский, бывший генералом основной армии, ждал еще подкрепления; несмотря на это, 20 декабря две армии сошлись и после двух—трехчасовой стычки разошлись без особых потерь, разве что Димитрий упустил там хороший случай, его капитаны проявили недостаток опыта в военном искусстве. Ибо вступив в стычку, три польских роты обрушились на один из батальонов столь яростно, что сей батальон опрокинулся на правое крыло и также на основную армию в таком беспорядке и смятении, что кроме левого крыла все войско смешалось и обратило врагам тыл, так что если бы другая сотня всадников ударила во фланг или по другому батальону, наполовину смешавшемуся, то, без сомнения, четыре роты разбили бы всю армию Императора; ибо сказанный Мстиславский, генерал армии, был сбит с лошади и получил три или четыре удара в голову, и был бы взят в плен Димитрием, если бы не дюжина аркебузирова, которые освободили его от пленения. Словом, казалось, что у Русских не было рук, чтобы биться, несмотря на то, что их было от сорока до пятидесяти тысяч человек. Армии, разойдясь в стороны, пребывали в бездействии до Рождества; пленники,

[f. 36]

между которыми находился капитан польской кавалерии по имени Домарацкий²¹¹, были отправлены в Москву. Двадцать восьмого декабря Димитрий Иоаннович, видя, что ничего не может сделать, снял осаду Новгорода и ушел в Северскую землю, которая весьма плодородна, где его покинула большая часть Поляков. Несмотря на это, он собрал все силы, какие смог, как Русских, Казаков, так и Поляков и доброе число крестьян, которые приучались к оружию. Армия Бориса также крепла с каждым днем, хотя одна его армия находилась в стороне Кром и преследовала указанного Димитрия (но так медленно, что можно было подумать, что они не желают схватить их). Наконец, целый месяц пробыв в лесах и чащах, сквозь которые вели армию, они вновь приблизились к войскам Димитрия, который узнав, что армия расположилась в деревне в такой тесноте, что невозможно было двинуться, решил напасть ночью врасплох и предать огню указанную деревню при помощи нескольких крестьян, которые знали к ней подходы. Но они были со всех сторон обнаружены дозорными и до утра простояли в бое-

вой готовности, а это было утро 21 января 1605 года. Армии сблизились и, после нескольких стычек, при пушечной стрельбе с обеих сторон, Димитрий послал основную свою кавалерию вдоль ложбины, чтобы попытаться отрезать армию от деревни; узнав об этом, Мстиславский выдвинул вперед правое крыло с двумя

[f. 36 v.]

отрядами иноземцев. Поляки, видя, что их предупредили, все поставили на кон, атаковав с какими-нибудь десятью хоругвями кавалерии правое крыло с такой яростью, что после некоторого сопротивления, оказанного этими иноземцами, все обратились в бегство, кроме основной армии, которая была как замороженная и не трогалась, словно потеряв всякую чувствительность, затем они двинулись вправо к деревне, у которой находилась большая часть пехоты и несколько пушек. Пехота эта, видя поляков так близко, начала давать залпы, произведя десять или двадцать тысяч аркебузных выстрелов, которые вселили такой ужас в ряды поляков, что они в полном смятении обратились в бегство. Тем временем остальная часть их кавалерии и пехота приближались с величайшей поспешностью, считая дело выигранным. Но увидев своих, поворотивших назад в таком беспорядке, пустились бежать; и на протяжении семи или восьми верст они были преследуемы пятью или шестью тысячами всадников. Димитрий потерял почти всю свою пехоту, пятнадцать знамен и штандартов, тринадцать пушек и пять или шесть тысяч человек убитыми, не считая пленных, из которых все, оказавшиеся русскими, были повешены среди армии, другие со знаменами и штандартами, трубами и барабанами были с триумфом уведены в город Москву²¹². Димитрий с остатком своих войск ушел в Путивль, где находился до мая.

Армия Бориса приступила к осаде Рильска, сдавшегося вышеназванному

[f. 37]

Димитрию. Но, пробыв там в бездействии пятнадцать дней, осаду сняли, намереваясь распустить на несколько месяцев армию, которая очень устала. Однако Борис, узнав об этом, написал командующим своей армии, безоговорочно запретив ее распускать. После того, как армия немного оправилась и отдохнула в Северской земле, Мстиславский и князь Василий Иванович Шуйский (который был послан из Москвы в товарищи сказанному Мстиславскому)²¹³ на-

правились к другой армии, которая, прослышав о поражении Дмитрия, осадила Кромы. Обе соединившиеся армии пребывали под Кромами, не занимаясь ничем достойным, вызывая лишь насмешки, вплоть до кончины указанного Бориса Федоровича, который умер от апоплексии в субботу двадцать третьего апреля того же года²¹⁴.

А прежде чем перейти к дальнейшему, следует отметить, что меж ними совсем не бывает дуэлей²¹⁵, так как, во-первых, они не носят никакого оружия, разве только на войне или в каком-нибудь путешествии, и если кто-нибудь оскорблен словами или иначе, то должно требовать удовлетворения только путем суда, который приговаривает того, кто задел честь другого, к штрафу, называемому **бесчест[ие]**, то есть возмещение ущерба для чести, которое, однако, зависит от пострадавшего, а именно — подвергнуть ли битью батогами (что происходит таким образом): ему обнажают спину до рубахи, затем укладывают его на землю на живот, два человека держат его, один за голову и другой

[f. 37 v.]

за ноги, и прутьями в палец толщиной бьют его по спине в присутствии судьи и оскорбленного и всех тех, кто тут [случайно] находится, до тех пор, пока судья не скажет «довольно»; или же обязать его выплатить заинтересованному лицу в качестве возмещения сумму жалования, которое тот ежегодно получает от Императора. Но если тот женат, он должен заплатить вдвое больше в удовлетворение за оскорбление его жены, так что если тот получает пятнадцать рублей ежегодного жалования, он платит ему пятнадцать рублей в удовлетворение за оскорбление и тридцать рублей для его жены, что составляет сорок пять рублей, и так поступают, каким бы ни было жалование. Но оскорбление может быть таким, что оскорбленного бьют кнутом и гонят по городу, сверх того он заплатит сказанную сумму и затем будет сослан. Если в непредвиденном случае, какому я был свидетелем один раз за шесть лет, произойдет дуэль между иностранцами, и если одна из сторон будет ранена, будет то вызвавший или вызванный, так как для них это безразлично, его наказывают как убийцу и ничто ему не служит оправданием. Более того, даже если человек был сильно оскорблен словами, ему, однако, не разрешается ударить хотя бы рукой под угрозой выше-сказанного. Если же это произойдет и другой возвратит ему удар,

то в случае жалобы их обоих приговаривают к вышеназванному наказанию или к уплате штрафа Императору, по той причине, как они говорят, что, отомстив за себя оскорблением или возвратив удар оскорбителю, оскорбленный покусился на авторитет суда (который оставляет лишь в своей компетенции расследование ущерба и наказание за него);

[f. 38]

и поэтому суд намного более скор и строг в этих спорах, оскорблениях и клевете, чем при любых других делах. Это соблюдается весьма строго не только в городах и мирное время, но также в армиях во время войны, относясь лишь к дворянству (так как удовлетворение за оскорбление простолюдина и буржуа²¹⁶ всего лишь два рубля). Правда, они не придираются немедленно к каждому слову, потому что весьма просты в разговоре, так как употребляют только «ты», и даже были еще проще, так как если идет разговор о чем-либо сомнительном или небывалом, то вместо того, чтобы сказать: «это по-вашему», или «простите меня», или тому подобное, они говорят «ты врешь», и так даже слуга своему господину. И хотя Иоанн Васильевич был прозван и слыл тираном, однако не считал за дурное подобные уличения во лжи; но теперь, с тех пор, как среди них появились иностранцы, не прибегают к ним так свободно, как каких-нибудь двадцать или тридцать лет назад.

Князя Мстиславский и Шуйский были отозваны незамедлительно после смерти указанного Бориса его женой императрицей и Федором Борисовичем, сыном покойного; армия, однако, не была оповещена об его смерти. Двадцать седьмого для того, чтобы привести воинство к присяге, и для того, чтобы сменить на этом месте своих предшественников, в армию приехал Петр Федорович Басманов (который был губернатором Новгорода,

[f. 38 v.]

когда Димитрий его осаждал) и еще один [вельможа]. Армия признала Императором и присягнула в верности и покорности Федору Борисовичу, сыну покойного, который послал весьма благосклонные письма в армию, увещывая ее хранить по отношению к нему ту же верность, что она показала по отношению к усопшему отцу Борису Федоровичу, заверяя в своей щедрости к каждому по истечении шести недель траура.

Князя Василий Иванович Голицын²¹⁷ и Петр Федорович Басманов со многими другими семнадцатого мая перешли к Димитрию Иоанновичу и взяли в качестве пленников двух других воевод, Ивановича Годунова²¹⁸ и Михаила Салтыкова²¹⁹. Остальные воеводы и армия пустились бежать в Москву, бросив в траншеях все пушки и военные припасы. Изю дня в день города и замки сдавались сказанному Димитрию, который выступил из Путивля навстречу армии. У него было только шесть отрядов Польской кавалерии, то есть шесть сотен человек, некоторое число Казаков с берегов Дона и Днепра и немного Русских. Он немедленно послал приказ распустить армию на отдых недели на три-четыре, а именно тех, у кого были земли по эту сторону от Москвы, а остаток армии послал отрезать съестные припасы от города Москвы. Сам же с двумя тысячами человек отправился короткими переходами к указанному городу Москве, ежедневно посылая туда письма как к дворянству, так и к простому люду²²⁰, уверяя их в своем милосердии, если [f. 39]

они сдадутся, указывая, что прежде Бог, а затем и он не преминут наказать их за упрямство и непокорность, если они не останутся. Наконец, получив одно из сказанных писем, народ собрался на площади перед замком. Мстиславский, Шуйский, Бельский²²¹ и другие были посланы, чтобы усмирить волнение, тем не менее письма были публично прочитаны; и, распалив друг друга, те и другие побежали в замок, захватили императрицу — вдову покойного Императора Бориса²²² с сыном и дочерью и сверх того всех Годуновых, Сабуровых, Вельяминовых — это все одна семья, и разграбили все, что нашли.

Димитрий Иоаннович был в Туле — городе, удаленном от Москвы на сто шестьдесят верст, когда он получил известие о происшедшем, и поспешил отправить князя Василия Голицына, чтобы привести город к присяге. Вся знать вышла навстречу сказанному Димитрию к Туле. Наконец, двадцатого июня императрица — вдова покойного и его сын Федор Борисович были, как считают, удушены, но был пущен слух, что они отравились. Дочь была оставлена под стражей, все другие родственники были сосланы кто куда. Покойный Борис Федорович был по просьбе вельмож вырыт в Архангельской церкви, месте погребения великих князей и императоров, захоронен в другой церкви²²³.

Наконец, тридцатого июня Дмитрий Иоаннович вступил
[f. 39 v.]

в город Москву; приехав туда, он поспешил отправить Мстиславского, Шуйского, Воротынского²²⁴, Мосальского²²⁵ и других за своей матерью, императрицей, которая находилась в монастыре за 600 верст от Москвы²²⁶. Дмитрий отправился встречать ее за версту от города, и, после четвертьчасовой беседы в присутствии всех дворян и жителей города, она взшла в карету, и Император Дмитрий и вся знать окружили карету и пешком препроводили ее до императорского дворца, где она жила до тех пор, пока не был перестроен для нее монастырь, в котором похоронена Императрица — вдова Императора Федора, сестра Бориса. Наконец, в конце июля он короновался, что свершилось без больших торжеств, разве только весь путь от покоев до церкви Богоматери и оттуда до Архангельской был устлан алым сукном, а сверху золотой персидской парчой, по которой он шагал. Когда он вошел в сказанную церковь Богоматери, где его ждал Патриарх²²⁷ со всем духовенством, то после молитв и других обрядов ему вынесли из сокровищницы корону, скипетр и золотое [державное] яблоко, которые были ему вручены. Затем, когда он выходил из сказанной церкви, направляясь в Архангельскую, по пути бросали мелкие золотые монеты, стоимостью в полэку, в экю и некоторые в два экю, отчеканенные для этого случая, так как в России совсем не делают золотых монет²²⁸; а из Архангельской он возвратился в свой Дворец, где

[f. 40]

был накрыт стол для всех, кто мог усесться. Таков их обычай, соблюдаемый при коронации. Немного времени спустя князь Василий Шуйский был обвинен и изобличен в присутствии лиц, избранных из всех сословий, в преступлении оскорбления Величества²²⁹ и приговорен Императором Дмитрием Иоанновичем к отсечению головы, а два его брата отправлены в ссылку. Четыре дня спустя он был выведен на площадь, но когда голова его уже лежала на деревянной колоде в ожидании удара, явилось помилование, испрошенное Императрицей — матерью названного Дмитрия, и одним поляком, по имени Бучинский²³⁰, и другими. Тем не менее, он был отправлен в ссылку вместе с братьями, где он нисколько и не пробыл. Это было самой большой

ошибкой, какую только мог допустить Император Димитрий, ибо стало причиной его гибели. Тем временем он спешно отправил Афанасия Ивановича Власьева²³¹ с посольством в Польшу, как считают, чтобы исполнить данное палатину Сандомирскому²³² секретное обещание, чтобы получить от него помощь при завоевании империи, жениться на его дочери²³³, когда Богу будет угодно восстановить его на троне покойного отца Иоанна Васильевича. Афанасий приехал ко двору и провел переговоры так хорошо, что в Кракове была отпразднована свадьба, на которой лично присутствовал Польский король. В это время Император Димитрий велел на вербовать иноземную гвардию, а именно отряд в сотню стрелков для охраны своей особы, которыми я имел честь командовать, и двести алебардьеров (чего

[f. 40 v.]

прежде не видывали в России). Он разрешил жениться всем тем, кто при Борисе не смел жениться: так, Мстиславский женился на двоюродной сестре матери указанного Императора Димитрия, который два дня подряд присутствовал на свадьбе. Василий Шуйский, будучи снова призван [из ссылки] и в столь же великой милости, как прежде, посватался уже к одной из этого же дома, его свадьба должна была праздноваться через месяц после свадьбы Императора. Словом, только и слышно было о свадьбах и радости ко всеобщему удовольствию, ибо он давал им понемногу распробовать, что такое свободная страна, управляемая милосердным государем. Каждый день или дважды в день он навещал Императрицу мать. Он вел себя иногда слишком запросто с вельможами, которые воспитаны и возвращены в таком унижении и страхе, что без приказанья почти не осмеливались говорить в присутствии своего Государя; хотя указанный Император умел иначе являть свое величие и могущество, достойное такому, как он, Государю, к тому же он был мудр, достаточно разумен, чтобы выступать в роли школьного учителя для всего своего Совета. И все же, начали проявляться какие-то тайные интриги, и был схвачен один секретарь или дьяк, пытаный в присутствии самого большого любимца Императора, Петра Федоровича Басманова, но не сознавшийся и не выдавший главаря этой интриги, кем был, как позднее стало известно, Василий Шуйский; и вышеназванный секретарь был отправлен в ссылку²³⁴.

[f. 41]

Наконец императрица достигла границ России со своим отцом и братом, и своим зятем, по имени Вишневецкий²³⁵, и многими другими вельможами. 20 апреля Михаил Игнатъевич Татищев²³⁶, вельможа, пользовавшийся большим доверием Императора, был удален, впад в немилость за некие дерзкие слова, обращенные к Императору в поддержку князя Василия Шуйского, поспорившего тогда с Императором о бывшем на столе телячьем жарком, поскольку это противоречило их религии. В конце концов, он вернул себе милость в день Пасхи по ходатайству Петра Федоровича Басманова, хотя все, и сам Император (который вовсе не был мнительным государем), подозревали, что существует какой-то скверный заговор, так как он прежде обычно не вел себя так, как недели за две до своего изгнания; его возвращение было ошибкой почти равной возвращению Шуйского, так как его злобный нрав, не забывавший никаких обид, был всем известен.

В конце апреля Император Димитрий получил известие, что между Казанью и Астраханью собрались около четырех тысяч Казаков (указанные Казаки, как и все те, о которых говорилось выше, и как следует понимать везде в данном сочинении — пешие воины, а не кавалеристы, как Казаки, живущие в Подолии и Черной Руси под властью Польского короля, встречающиеся в войсках в Трансильвании, в Валахии и Молдавии и в других местах,

[f. 41 v.]

каковые Казаки с древности были конными и вооружались, как Татары, и [ныне] продолжают также, разве только с недавнего времени большинство их пользуется аркебузами, но они не носят никакого оборонительного оружия, если не считать таковым кривую саблю²³⁷). Каковые Казаки, разбойничавшие по Волге, говорили, что с ними находится молодой государь по имени Царь Петр²³⁸, являвшийся истинным сыном (как они пустили слух) Императора Федора Иоанновича, сына Иоанна Васильевича, и сестры Бориса Федоровича, правившего после указанного Федора, родившимся около 1588 года и тайно подмененным, тогда как, по их словам, на его место подставили девочку, которая умерла в возрасте трех лет, как мы упомянули выше. Если бы они говорили правду, то этому Царю Петру могло быть от шестнадцати до семнадцати лет; но было хорошо известно, что это всего лишь предлог,

чтобы грабить страну из-за недовольства указанным Димитрием со стороны этих Казаков, полагавших, что они не вознаграждены так, как они надеялись. И все же Император написал ему письмо, в котором извещал, что коли он истинный сын его брата Федора, то да будет желанным гостем, и приказал наделять его в пути всем необходимым по части припасов, что они зовут **кормом**, но если он истинным не является, то пусть покинет его пределы. Пока послания шли туда и обратно, был указанный Димитрий подло убит, как будет описано ниже. Но

[f. 42]

до моего отъезда из России указанные Казаки захватили и разграбили три замка вдоль Волги, захватили несколько маленьких пушек и другое военное снаряжение и разделились: большинство отправилось в татарские равнины, другие ушли в замок, находящийся на полдороге между Казанью и Астраханью, в надежде грабить купцов, торгующих в Астрахани, или, по меньшей мере, вынудить у них некую дань. Но, будучи в Архангельске, я получил известие, что там все успокоилось и названные Казаки все это оставили²³⁹.

В пятницу 12 мая состоялся въезд в Москву Императрицы — супруги Димитрия, великолепнее всех, когда-либо виденных в России. В ее карету впряжены были десять ногайских лошадей, белых с черными пятнами, как тигры или леопарды, которые были так похожи, что нельзя было бы отличить одну от другой; у нее было четыре отряда польской кавалерии на весьма хороших лошадях и в богатых одеждах, затем отряд **гайдуков** — телохранителей, она имела много вельмож в своей свите. Ее отвезли в монастырь к Императрице — матери Императора, где она прожила до семнадцатого числа, когда ее доставили в верхние покои дворца. Назавтра она была коронована по тому же обряду, что и Император. Под руку ее вел посол Польского короля шатлен Малогощский²⁴⁰, под левую жена

[f. 42 v.]

Мстиславского, а при выходе из церкви ее вел за руку Император Димитрий, и под левую руку ее вел Василий Шуйский. В этот день на пиршестве присутствовали только русские; девятнадцатого начались свадебные торжества, где присутствовали все поляки, за исключением посла, так как Император отказался усадить его за свой стол. И хотя это против обычая Русских — сажать какого-

нибудь посла за царский стол, этот шатлен Малогощский, посол Польского короля, не преминул заметить Императору, что его послу была оказана подобная честь Королем его повелителем, так как во время свадебных торжеств его всегда усаживали за собственным столом Короля Польши. Но в субботу и в воскресенье он обедал за отдельным столом, рядом со столом их Величеств. Тем временем Император Димитрий был предупрежден своим тестем, палатином Сандомирским и его секретарем, и Петром Басмановым, и другими, что против него самого нечто затевается, кое-кто был взят под стражу, но Император, казалось, не слишком поверил этому.

Наконец, в субботу 27 мая (здесь, как и в других местах, подразумевается новый стиль, хотя русские считают по старому стилю), в шесть часов утра, когда менее всего помышляли об этом, наступил роковой день, когда Император Димитрий Иоаннович был бесчеловечно убит и, как считают, вырезаны тысяча семьсот пять Поляков, чьи жилища были удалены друг

[f. 43]

от друга. Главой заговорщиков был Василий Иванович Шуйский. Петр Федорович Басманов был убит на галерее против покоев Императора и первый удар получил от Михаила Татищева, которому он незадолго до этого испросил свободу, и были убиты несколько стрелков из телохранителей. Императрица — супруга сказанного Императора Димитрия, ее отец, брат, зять и все прочие, избежавшие народной ярости, были заключены под стражу, каждый в отдельном доме²⁴¹. Покойного Димитрия, мертвого и нагого, протащили мимо монастыря Императрицы, его матери, до площади, где тому же Василию Шуйскому должны были отрубить голову, и положили указанного Димитрия на стол длиной примерно в ольн²⁴² так, что голова свешивалась с одной стороны и ноги с другой, а указанного Петра Басманова положили под этот стол. Они три дня оставались зрелищем для каждого, пока указанный глава заговора Василий Иванович Шуйский, тот, о ком мы столько говорили, не был избран Императором (хотя это королевство не выборное, а наследственное, но, поскольку Димитрий был последним из этого дома, и не осталось никого, кто был бы его крови, указанный Шуйский посредством своих козней и интриг был избран, как ранее сделал и Борис Федорович после смерти Федора, о чем

мы упоминали выше); каковой велел зарыть указанного Дмитрия за городом у большой дороги. В ночь после того, как он был [f. 43 v.]

убит, наступил великий холод, продлившийся восемь дней, который погубил все хлеба, деревья и даже траву на полях. Такого прежде не бывало в это время, поэтому по требованию тех, кто следовал партии сказанного Шуйского, спустя несколько дней Дмитрия вырыли, сожгли и обратили в пепел. В это время был слышен лишь ропот, одни плакали, другие горевали, а некоторые другие радовались, словом, это была полная метаморфоза. Совет, народ и страна разделены одни против других, начав новые предательства. Провинции восставали, не имея возможности узнать, что там произойдет дальше. Польского посла неотступно стерегут. Все, к кому сколько-нибудь был благосклонен покойный, высланы. Наконец, Императрицу, вдову покойного Императора Дмитрия Иоанновича, препроводили в жилище палатина, ее отца, и очень строго охраняли вместе со всеми статс-дамами и другими Польками²⁴³.

И чтобы усмирить народное волнение и ропот, избранный Василий Шуйский отправил своего брата Дмитрия и Михаила Татищева и других своих [людей] в Углич, чтобы извлечь тело или кости истинного Дмитрия, который, как они утверждали, был сыном Иоанна Васильевича, умерщвленным около семнадцати лет назад в Угличе, как мы упоминали выше²⁴⁴. Они обнаружили, что тело (как они распустили слух) совершенно цело, одежды такие же свежие и

[f. 44]

целые, какими были, когда его хоронили (так как принято хоронить каждого в той одежде, в которой он был убит), и даже орехи в его руке целы. После того, как его выкопали, он сотворил, как говорят, много чудес как в городе, так и по дороге. В сопровождении процессии с патриархом, всем духовенством, всеми мощами, какие имеются у них в большом числе, с избранным Императором Василием Шуйским, с матерью покойного Дмитрия и со всем дворянством его доставили в город Москву, где он был канонизирован по указанию вышеназванного Василия Шуйского. Это почти не усмирило народ, так как указанный Василий дважды был очень близок к низложению, хотя он и короновался двадцатого июня того же года²⁴⁵.

Он выслал в Польшу большое количество Поляков, а именно слуг, людей низкого положения, задержав в плену главных, чтобы принудить Поляка к миру; палатина Сандомирского с дочерью-Императрицей он сослал в Углич, чтобы содержать их там под стражей, причем указанный палатин был очень болен²⁴⁶.

Итак, покойному Императору Димитрию Иоанновичу, сыну Императора Иоанна Васильевича, прозванного Тираном, было около двадцати пяти лет, бороды совсем не имел, был среднего роста, с сильными и жилистыми членами, смугл лицом; у него была бородавка около носа под правым глазом; он был ловок, большого ума, был милосерден, вспыльчив, но отходчив, щедр; наконец, был государем,

[f. 44 v.]

любившим честь и питавшим к ней уважение. Он был честолюбив, намеревался стать известным потомству и решился, отдав уже своему секретарю приказание готовиться к тому, чтобы в августе минувшего тысяча шестьсот шестого года плыть с английскими кораблями во Францию, дабы приветствовать Христианнейшего короля²⁴⁷ и завязать отношения с ним, о котором он мне говорил много раз с великим почтением. Короче, Христианский мир много потерял с его смертью, если таковая случилась, что весьма вероятно; я говорю так потому, что своими глазами не видел его мертвым, поскольку я был тогда болен.

Несколько дней спустя после этого убийства разошелся слух, что был убит не Димитрий, но некто на него похожий, которого он поместил на свое место после того, как за несколько часов до рассвета был предупрежден о том, что должно произойти. Он выехал из Москвы, чтобы посмотреть, что же произойдет, не столько из какого-то страха (как я думаю, коли это оказалось бы правдой), так как он мог это предотвратить иным способом, сколько для того, чтобы узнать, кто ему верен, чего он не мог устроить иначе, как избрав самый опасный путь. Это можно объяснить тем, что он мало сомневался в верности своих подданных. Сей слух держался до моего отъезда из России, произошедшего четырнадцатого сентября тысяча шестьсот шестого года; я думал, что в действительности это были козни каких-нибудь новых заговорщиков с целью сделать ныне правящего Василия Ивановича Шуйского,

[f. 45]

главу заговора, ненавистным для народа, чтобы легче было достичь своих замыслов²⁴⁸; и [даже] теперь я не могу предположить что-либо иное, имея в виду то, что будет сказано ниже. В подтверждение этого слуха русские ссылаются, во-первых, на то, что после полуночи от имени Императора Димитрия явились взять из малой конюшни, которая находится в замке, трех турецких лошадей, которые не были приведены обратно, и до сих пор неизвестно, что с ними стало; того, кто их выдал, после замучили до смерти по приказу Шуйского, вынуждая его сознаться, как это было. Далее [ссылаются] на то, что хозяин первого жилья, где указанный Димитрий должен был отдыхать после своего отъезда из Москвы, подтвердил, что говорил с указанным Димитрием, и даже принес письмо, написанное (как он говорил) его рукой, в котором тот винил русских, упрекая их в неблагодарности и в забвении его доброты и милосердия и грозил вскоре покарать виновных. И сверх того обнаружилось много записок и писем, разбросанных на улицах, сводящихся к тому же, и еще к тому, что его узнали в большинстве мест, где он брал подставных лошадей. В августе также обнаружилось много других писем, свидетельствовавших о том, что их попытка не удалась и что вскоре, в первый день года, сказанный Димитрий с ними повстречается. Я отмечу заодно то, что мне сообщил французский купец по имени Бертран де Кассан²⁴⁹, вернувшись с площади,

[f. 45 v.]

где было тело указанного Димитрия; он сказал, что не думал, будто у Димитрия была какая-либо борода, так как он не замечал ее при его жизни (потому что ее и в самом деле не было), но что тело, лежавшее на площади, имело, как можно было видеть, густую бороду, хотя [у Димитрия] она была выбрита; и также говорил мне, что волосы у него были гораздо длиннее, чем он думал, так как видел его за день до смерти. Кроме того, секретарь указанного Димитрия, по имени Станислав Бучинский²⁵⁰, уверял, что был один молодой русский вельможа, весьма любимый и жалуемый сказанным Димитрием, который весьма на него походил, только у него была небольшая борода, который совершенно исчез, и, по словам русских, неизвестно, что с ним случилось.

Затем я узнал от одного француза, бывшего поваром у палатина Сандомирского, что Императрица — жена указанного Димитрия,

узнав о ходившем слухе, полностью уверилась, что он жив, утверждая, что не может представить себе его иначе, и с того времени казалась гораздо веселее, чем прежде.

Некоторое время спустя после избрания сказанного Шуйского взбунтовались пять или шесть главных городов на татарских границах, пленили генералов, перебили и уничтожили и разоружили часть их войск и гарнизонов, но перед моим отъездом в июле прислали в Москву просить о прощении, которого они добились, извинив себя тем, что их известили, будто

[f. 46]

император Димитрий жив. В это время в Москве происходил большой раздор между дворянами и прочими из-за того, что Василий Шуйский был выбран без их согласия и одобрения, и сказанный Шуйский едва не был низложен; в конце концов все успокоилось, и он был коронован двадцатого июня²⁵¹.

Против указанного Шуйского после его коронации начались новые секретные козни, в пользу (как я предполагаю) князя Федора Ивановича Мстиславского, который происходил из знатнейшего во всей России дома и получил много голосов при выборах и был бы избран, если бы собралась [вся] страна. Несмотря на это, он отказался от избрания, как ходят слухи, заверив, что сделается монахом, если выбор падет на него. Сказанный Мстиславский был женат на двоюродной сестре матери Димитрия, которая (как мы упомянули) из рода Нагих, так что есть вероятность, как я полагаю, что эти происки происходят более от родственников его жены, чем с его согласия. Затем знатный вельможа Петр Никитович Шереметев²⁵² в свое отсутствие был обвинен и изобличен свидетелями как глава этих козней; он из указанного рода Нагих; и из города, где он находился, он был отправлен в ссылку и, как я слышал, был впоследствии отравлен в дороге.

Тогда же было однажды ночью написано на воротах большинства дворян и иностранцев, что поскольку они суть предатели, Император Василий Шуйский приказывает дать черни

[f. 46 v.]

указанные дома на разорение, и, чтобы выполнить это, собралась указанная чернь (которой предыдущие перемены привили вкус к добыче, и полагаю, что она была бы довольна на таких условиях каждую неделю иметь новых императоров), каковая была усмирена

с некоторым трудом. Спустя какое-то время в воскресенье тайно от Шуйского созвали от его имени перед замком народ под предлогом, что он хочет говорить с ним; я случайно находился около Императора Шуйского, когда он выходил, чтобы идти к службе²⁵³. Узнав, что народ собирается от его имени на площади, он был весьма удивлен и велел провести расследование, кто затеял этот сбор. Он остался на месте, где узнал об этом, и когда все туда прибежали, указанный Шуйский начал плакать, упрекая их в непостоянстве, и говорил, что они не должны пускаться на такую хитрость, чтобы избавиться от него, если они того желают; что они сами его избрали и в их же власти его низложить, если он им не угоден, то не в его намерении тому противиться. И, отдав им род посоха, который не носит никто, кроме Императора, и шапку, сказал им: если так, изберите другого, кто вам понравится; и, тотчас взяв жезл обратно, сказал: мне надоели эти козни, то вы хотите убить меня, а то дворян и даже иноземцев, по меньшей мере, вы хотите их хотя бы пограбить; если вы признаете меня тем, кем избрали,

[f. 47]

я не желаю, чтобы это осталось безнаказанным. Вслед за этим все присутствующие вскричали, что они присягнули ему в верности и послушании, что все хотят умереть за него и что пусть те, кто окажутся виновными, будут наказаны. До этого народу было дано приказание расходиться по домам, и были схвачены пять человек, которые оказались зачинщиками этого созыва народа. Считают, что если бы указанный Шуйский вышел, или собрался бы весь народ, то он подвергся бы такой же опасности, как и Димитрий. Несколько дней спустя эти пять человек были приговорены к битью кнутом среди города, то есть к обычному наказанию, а затем высланы. При оглашении приговора упомянули, что Мстиславский, который был обвинен как глава этих происков, невиновен, вина же падает на вышеназванного Петра Шереметева.

Указанный Василий Шуйский подвергся другой опасности, когда в Москву привезли тело истинного Димитрия (как о том пустили слух), умерщвленного семнадцать лет назад, как я упоминал выше, и указанный Шуйский с патриархом и всем духовенством отправился встречать его за город; там указанный Шуйский, как говорят, был едва не побит камнями, хотя дворяне умилили народ прежде, чем он собрался.

В это время взбунтовалось Северское герцогство, по словам русских, уже присягнувшее указанному Шуйскому; и утверждая, что Димитрий жив, в поход отправились семь или восемь тысяч человек, совсем без

[f. 47 v.]

предводителей, которые поэтому были разбиты войсками, посланными туда Василием Шуйским, включавшими от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек, и всех иноземцев; известия об этом я получил в Архангельске²⁵⁴. Те, кто спаслись, ушли в Путивль — один из главных городов сказанного Северского герцогства; говорили также, что сказанный город сдался, и что все восстания учинили какие-то польские шайки, скопившиеся у границ России и Подолии. Это все, из подтверждающего предположение, что Димитрий жив, произошедшее до четырнадцатого сентября тысяча шестьсот шестого года.

Что касается мнения тех, кто считает, что Димитрий Иоаннович не сын или не был сыном Иоанна Васильевича, прозванного Тираном, но [был] самозванцем, я отвечу на это, сообщив свои соображения об этом.

Возражение русских исходит прежде всего от правившего тогда Бориса Федоровича, государя весьма хитрого и лукавого, и от прочих его врагов, ссылавшихся на то, что он был самозванец, поскольку истинного Димитрия убили в возрасте семи-восьми лет в Угличе семнадцать лет тому назад, как мы упомянули выше, и что он сам был **Расстрига**, а именно монах, покинувший свой монастырь, по имени Гришка, или Григорий Отрепьев.

Те же, кто считают себя самыми проникательными, как иностранцы, знавшие его, так и прочие, указывают на то, что он был не Русским, но Поляком,

[f. 48]

Трансильванцем или другой нации, возвращенным и воспитанным для этой цели²⁵⁵.

Дабы ответить на это, я уже прежде упомянул причину, почему Борис Федорович, правитель империи при Федоре Иоанновиче, сыне Иоанна Васильевича и брате указанного Димитрия Иоанновича, отправил этого Димитрия с Императрицей-матерью в Углич²⁵⁶; и как можно судить по рассказу, это сделал не указанный Федор, его брат, как по простоте своей, так и потому, что

этот Димитрий был тогда всего лишь ребенком четырех-пяти лет, который не мог ему чем-либо повредить, но это были козни указанного Бориса Федоровича. Вполне вероятно, что его мать и другие из оставшейся тогда высшей знати, как Романовичи, Нагие и другие, зная цель, к которой стремился сказанный Борис, пытались всеми средствами избавить ребенка от опасности, в которой он находился. И я считаю и полагаю, что всякий согласится с тем, что не было никакого иного средства, кроме как подменить его и подставить на его место другого, а его воспитать тайно, пока время не переменит или вовсе не смешает замыслы указанного Бориса Федоровича. Что они и проделали, и столь хорошо, что никто кроме соучастников ничего не узнал. Он был воспитан тайно, после смерти брата (поскольку я считаю Императора Федора таковым), когда сказанный Борис Федорович был избран Императором, он был отправлен с этим вышеупомянутым Расстригой в Польшу, в монашеской одежде, чтобы его провели через границы России. Как считают,

[f. 48 v.]

прибыв туда, он стал служить одному польскому вельможе по имени Вишневецкий²⁵⁷, зятю палатина Сандомирского; затем перешел на службу к сказанному палатину и открылся ему. Тот доставил его к польскому двору, где он получил некую небольшую помощь. Вышесказанное послужит для ответа и подтвердит, что в Угличе был умерщвлен не он, но подставленный на его место.

Касательно того, кого они называют Расстригой, то совершенно достоверно, что спустя немного времени после избрания Бориса Федоровича объявился один монах, бежавший из монастыря, где он жил, прозываемый Расстригой, по имени Гришка Отрепьев, который прежде был секретарем патриарха и бежал в Польшу. Именно с тех пор Борис начал подозревать, в чем было дело: как можно убедиться из его жизни. Чтобы ответить на это, скажу, что достоверно известно, что в монашеской одежде бежали двое, именно, этот Расстрига и другой, до сих пор совершенно безымянный. Ибо правивший тогда Император Борис послал ко всем границам гонцов с беспрекословным приказом сторожить все переходы и задерживать всякого, не пропуская даже тех, у кого есть паспорт. Потому что (так говорилось в письменном приказе указанного Бориса, как я узнал) два предателя Империи

бежали в Польшу; и эти дороги были перекрыты таким образом, что в течение трех или четырех месяцев никто не мог ни въехать, ни выехать из одного города в другой из-за **Застав**, то

[f. 49]

есть своего рода стражи, охранявшей дороги, которую ставят только во время морового поветрия²⁵⁸.

Кроме того, совершенно бесспорно и достоверно то, что указанному Расстриге было от тридцати пяти до тридцати восьми лет, в то время как указанному Димитрию, когда он вернулся в Россию, могло быть только от двадцати трех до двадцати четырех лет. Потом он [Димитрий] привел его [Расстригу] в Россию, и всякий, кто хотел, видел его; еще живы его братья, имеющие земли под городом Галичем. Этого Расстригу знали до бегства как человека дерзкого, приверженного к пьянству, за каковую дерзость он и был указанным Димитрием удален в Ярославль, за двести тридцать верст от Москвы, где есть дом Английской компании. И тот, кто там жил, когда указанный Димитрий был убит, мне ручался, что даже тогда, когда пришли известия об убиении указанного Димитрия и об избрании Василия Шуйского Императором, сей Расстрига уверял его в том, что указанный Димитрий был истинным сыном Императора Иоанна Васильевича и что он выводил его из России. Сие он подтверждал великими клятвами, уверяя, что невозможно отрицать, что он сам — Гришка Отрепьев, прозванный Расстригой, это его собственное признание, и немного найдется русских, которые думали бы иначе. Спустя некоторое время Василий Шуйский, избранный Императором, прислал за ним, но я не знаю, что с ним случилось. Этого довольно будет для приведенного возражения.

Что касается возражения, которое высказывают большинство [f. 49 v.]

иностранцев, что он был Поляк или Трансильванец, самозванец сам по себе или воспитанный для этой цели, то они хотят доказать это тем, что он говорил по-русски не так чисто, как ему подобало, кроме того, не имел русских привычек, над которыми насмехался, соблюдал их религию только по форме и другими подобными доводами, так что, следовательно (говорят они), во всех его поступках и манерах чувствовался Поляк.

Итак, если бы он был Поляк, воспитанный с этой целью, то нужно было бы в конце концов знать кем; притом я не думаю,

чтобы взяли ребенка с улицы, и скажу мимоходом, что среди пяти сотен не найдется и одного, способного исполнить то, за что он взялся в возрасте 23—24 лет. Но сверх того, какое соображение могло подвигнуть зачинщиков этой интриги предпринять такое дело, когда в России не сомневались в убийстве? Далее, Борис Федорович правил страной при большем благоденствии, чем любой из его предшественников, народ почитал и боялся его, как только возможно; притом мать названного Дмитрия и многочисленные родственники были живы и могли засвидетельствовать, кто он. И если бы так было, то по всей вероятности такой замысел был бы осуществлен с согласия Короля Польши и Штатов, ибо совершенно невероятно без ведома Короля предпринять дело, имеющее столь значительные последствия, весь урон от которого, если оно не удастся, падет на Польшу в виде большой войны в невыгодное время. Но если бы так было,

[f. 50]

то война не была бы начата с 4000 человек, и сказанный Дмитрий имел бы, как я полагаю, нескольких советников и благородных людей из польских вельмож, отряженных Королем, чтобы быть ему советниками в этой войне. Далее, я считаю, что они помогли бы ему деньгами; также неправдоподобно, [в таком случае], что, когда он снял осаду Новгорода Северского, его покинули бы большинство Поляков, как мы упомянули выше, тем более, что он удерживал уже около пятнадцати городов и замков, а его армия крепла с каждым днем. И, как мне кажется, было бы наивно поверить предположению, что это самозванец, который предпринял все самостоятельно. Имея всего лишь 20 или 21 год от роду, ко времени, когда он объявился, [ему бы пришлось] заранее, в продолжение долгих лет учиться с этой целью русскому языку, даже читать и писать по-русски, притом что можно спросить, где бы он мог его выучить, потому что, как я полагаю, он внятно и разумно отвечал на каждый заданный вопрос, когда он объявился; ибо Россия — это не свободная страна, куда можно отправиться обучаться языку и разузнать о том-то и о том-то, а затем уехать; так как сверх того, что она недоступна, как мы уже упомянули, все вещи там столь секретны, что весьма трудно узнать правду о том, чего не видел собственными глазами. Итак, мне кажется неправдоподобным, что он смог бы осуществить этот замысел так, чтобы никто о нем

не узнал. А если бы кто-нибудь о нем узнал, то объявился бы при его жизни или после его смерти.

[f. 50 v.]

Наконец, если бы он был Поляком, то вел бы себя иначе по отношению к некоторым из них. И я не думаю, что палатин Сандомирский давал бы ему какое-нибудь обещание столь поспешно, не узнав сначала получше, кто он такой. Говорить, что палатину тот не был неизвестен, неправдоподобно, как заметим ниже.

Касательно тех, кто считает, что он воспитан и выращен иезуитами, то к какой же нации, по их мнению, он принадлежал? Ведь он не Поляк, как явствует из вышесказанного и будет замечено ниже, еще менее вероятно, что он — какой-то иной нации, кроме Русской. И коли признать это, то спрашивается, где они его взяли, так как до прихода Димитрия во всей России не бывало иезуитов, разве только при послах, с которых не спускают глаз, так что они не смогли бы вывезти ребенка из России. Итак, вывезти ребенка из страны было возможно только во время войн, которые Польский король Стефан вел с Россией около тридцати лет назад. И если бы даже они знали способ сыскать ребенка во время войны Швеции с Россией, насколько возможно, чтобы они сыскали такого, который был бы несравним ни с одним в России? Я думаю также, что они не смогли бы воспитать его в такой тайне, что кто-нибудь из польских Штатов, а следовательно, и палатин Сандомирский, в конце концов не были бы о том извещены. Признаем по меньшей мере, что сказанный Димитрий не заблуждался относительно того, кто он такой и, если бы он был воспитан иезуитами, они, без сомнения, научили бы его говорить, читать и писать по

[f. 51]

латыни.

Но совершенно ясно, что он совсем не говорил на латыни, я могу это засвидетельствовать, еще менее умел по-латински читать и писать, как я могу показать по его имени, которое он написал не слишком уверенно. Он также больше жаловал бы сказанных иезуитов, чем он это делал, принимая во внимание, что их было всего трое во всей России, приехавших вслед за Польскими военными, у которых не было других монахов; после коронации Димитрия один из этих иезуитов был по их просьбе отправлен в Рим²⁵⁹.

Касательно других возражений, что он неправильно говорил по-русски, я отвечаю, что слышал его спустя немного времени после его приезда в Россию и нахожу, что он говорил по-русски как нельзя лучше, разве только, чтобы украсить речь, вставлял порой польские фразы. Я видел также письма, продиктованные им по разным поводам до того, как он въехал в Москву, которые были так хороши, что ни один русский не мог бы найти повода для упреков. А если и были ошибки в произношении некоторых слов, этого недостаточно, чтобы осуждать его, принимая во внимание его долгое отсутствие в стране и с такого юного возраста.

Ссылаются и на то, что он насмеялся над русскими обычаями и следовал русской религии только по форме; этому не нужно удивляться. Особенно если принять во внимание их нравы и образ жизни, так как они грубы и необразованны, без всякой учтивости, народ

[f. 51 v.]

лживый, без веры, без закона, без совести, содомиты и запятнаны бесчисленными другими пороками и грубостью. Ведь Борис Федорович, в котором никто не усомнится, ненавидел не столько их, сколько их пороки, и так мало преуспел в их исправлении. Как же мог Димитрий, который отчасти узнал свет, некоторое время воспитывался в Польше — свободной стране — и среди знатных, по меньшей мере не желать как-то исправить и цивилизовать своих подданных?

Говорят еще, что он не соблюдал их религию. Но так же поступают многие русские, которых я знал, среди прочих некто по имени Посник Димитриев²⁶⁰, который, побывав с посольством Бориса Федоровича в Дании, узнав отчасти, что такое религия, по возвращении среди близких друзей открыто высмеивал невежество москвитов. Почему бы Димитрию, который для своих лет не лишен был разума, предавался чтению Священного Писания и, без сомнения, слышал в Польше рассуждения о религиозных спорах и познал смысл догматов веры, которые надлежит чтить всем христианам, не презирать их невежество? Я говорю так, исходя из их утверждения, хотя я уверен, что, за редким исключением, никто из его иностранных и мало кто из русских обвинителей не заметил ничего такого, что подтверждало бы вещи, в которых его обвиняют, так как он обычно соблюдал все их обряды; хотя я и знаю, что он решил

[f. 52]

основать университет²⁶¹. В заключение, если бы он был поляком, он не причинил бы никому из них неудовольствия. Да и сами русские, например, Борис и его приверженцы и ныне правящий Император Василий Шуйский не лишили бы себя столь надежной опоры, коли могли бы с правдоподобием показать, что Димитрий — иностранец.

Касательно тех, кто, подобно некоторым русским, хочет возразить, что кто бы он ни был, уж палатин Сандомирский не заблуждался на его счет; если это так и если бы он был кем-то иным, а не истинным Димитрием, то какова вероятность, что он так скоро вступил бы с ним в родство, хотя был осведомлен об измене, в которой был уличен Шуйский вскоре после приезда Димитрия в Москву? Кроме того, поскольку он хотел породниться с ним, он, вероятно, посоветовал бы не распускать бывших при нем Поляков и Казаков, которых он мог удержать, не вызывая никаких подозрений, если принять во внимание, что все его предшественники всегда старались привлечь к себе на службу столько иностранцев, сколько было возможно; этого не случилось, так как он распустил всех их, за исключением отряда в сотню всадников. Я полагаю также, что палатин привел бы большее войско со своей дочерью-Императрицей, чем было, и изыскал бы способ разместить поляков вблизи друг от друга, вместо того, чтобы поселять их на значительном отдалении во власти русских. Также после совершения свадьбы, когда, как мы увидели из вышесказанного, столько говорилось об измене, он смог бы упротить Димитрия

[f. 52 v.]

и мог бы столько указать ему и посоветовать, что они могли бы все предотвратить с большой легкостью.

Еще большим доказательством того, что он был не просто русским, но именно истинным сыном Иоанна Васильевича, я считаю, во-первых, то, что его противникам удалось бы и при его жизни, и после смерти найти его родственников, кем бы те ни были, особенно если принять во внимание порядок и способ ведения дел у русских. Далее, если бы он чувствовал свою вину, он, вероятно, стремился бы всегда и во всем угождать русским; и поскольку ему было хорошо известно, что Борису уже ничего не оставалось, дабы одержать верх, кроме как провозгласить его еретиком, он, сле-

довательно, не разрешил бы ни одному иезуиту войти в Москву; и поскольку он знал хорошо, что Борис вызвал недовольство народа, пытаясь породниться с каким-нибудь иноземным государем, он, следовательно, избежал бы этого, породнившись, как все его предшественники, с каким-нибудь русским родом, что укрепило бы его положение. Но если мы примем во внимание его уверенность, мы увидим, что он должен был быть по меньшей мере сыном какого-нибудь великого государя. Его красноречие очаровывало всех русских, а в нем также блистала некая величественность, которой нельзя выразить словами и невиданная прежде среди знати в России, еще менее — среди людей низкого происхождения, к которым он неизбежно должен был принадлежать, если бы не был сыном Иоанна Васильевича. Его правоту, кажется, достаточно доказывает то, что со столь малым числом людей, что он имел, он решился напасть на столь огромную страну, когда она процветала более, чем когда-либо, управляемая государем проницательным и внушавшим страх своим подданным, породнившимся

[f. 53]

с большинством знатных фамилий в России и изгнавшим, предавшим смерти и сославшим всех тех, в ком он сомневался, любимым всем духовенством, благодеяниями и подаяниями завоевавшим, как можно было судить, сердца всех подданных, замирившимся со всеми соседями и мирно правившим восемь или девять лет. Примем во внимание и то, что мать Димитрия и многочисленные оставшиеся в живых родственники могли бы высказать противное, если бы это было не так.

Затем рассмотрим его положение, когда он был оставлен большей частью поляков; с какой уверенностью он отдался в руки русских, в которых еще не мог быть вполне уверен, притом их силы не превышали восьми—девяти тысяч человек, из которых большая часть были крестьяне, и решился противостоять более чем стотысячной армии; затем, проиграв сражение, причем все его указанные войска были разгромлены, утрачены немногие имеющиеся у него пушки со всеми боевыми припасами, он с тридцатью или сорока людьми вернулся в город, именуемый Рыльск, который сдался ему немного раньше, не будучи убежден в его верности, и оттуда в Путивль — большой и богатый город, где жил с января по май того же года, и никогда не проявлял себя как-то иначе в своих не-

взгодах. Хотя Борис прилагал все усилия как тайными кознями, так и открыто веля его отравить, убить

[f. 53 v.]

или захватить в плен, а также ложными уверениями убедить народ в том, что он самозванец, тем не менее при этом Борис ни разу не захотел допросить всенародно его мать, чтобы засвидетельствовать, кто он такой, и в итоге пришлось объявить, что даже если бы он и был истинным сыном Иоанна Васильевича, он не мог бы быть признан, поскольку он не был бы законен в виду того, что был сыном от седьмой жены, что противоречит их религии, и потому, что он — еретик; и тем не менее это ничем не помогло. Затем скажем о его милосердии ко всякому после его въезда в Москву, и особенно к Василию Шуйскому, нынешнему Императору, который был уличен в измене, и ему было доказано по анналам России и по его поступкам в отношении Бориса, что ни он, ни его род никогда не были верными слугами своих государей, также и все присутствовавшие просили Димитрия предать его смерти, так как он всегда был возмутителем общественного спокойствия, я говорю то, что слышал своими ушами и видел своими глазами; и, несмотря на это, Димитрий его простил, хотя хорошо знал, что никто не посмеет стремиться к короне, кроме сказанного рода Шуйских²⁶²; он простил также многих других, так как чужд был подозрений.

Кроме того, если, как они говорят, он был самозванцем, и истина открылась лишь незадолго до убийства, почему он сам не был взят под стражу? Или почему его не вывели на площадь, пока он был жив,

[f. 54]

чтобы перед собравшимся народом уличить его как самозванца, не прибегая к убийству и не ввергая страну в столь серьезную распрю, при которой многие лишились жизни? И вся страна должна была безо всякого другого доказательства поверить словам четырех или пяти человек, которые были главными заговорщиками. Далее, почему Василий Шуйский и его сообщники взяли на себя труд измыслить столько лжи, чтобы сделать его ненавистным для народа? Ибо они приказали публично читать письма, в которых говорилось, что Димитрий хочет подарить большую часть России королю Польши, а также своему тестю-палатину, словом, что он хотел разделить Россию, а также, что он отправил всю казну в Польшу.

И что он намеревался на следующий день, в воскресенье, собрать простонародье и дворянство под предлогом, что хочет развлечься с палатином, своим тестем, и показать ему все пушки, которые с этой целью должны были вывезти из города, и намеревался приказать полякам всех их перебить, разграбить их дома и поджечь город, и что он послал в Смоленск приказ учинить то же, и другие бесконечные вымыслы. К чему прибавили, как рассказано выше, что тело истинного Димитрия, убитого семнадцать лет назад, когда ему было восемь лет, было найдено совсем целым, и, как мы уже упомянули, канонизировали его как святого по повелению указанного Шуйского. Все это для того, чтобы убедить народ в своих словах. И поэтому я заключаю, что если

[f. 54 v.]

бы Димитрий был самозванцем, то было бы достаточно доказать чистую правду, чтобы сделать его ненавистным для каждого; что если бы он чувствовал себя виновным в чем-либо, он с полным основанием был бы склонен поверить, что вокруг него замышляются и строятся козни и измена, о которых он был в достаточной мере осведомлен, и мог предотвратить их с большой легкостью. Посему я считаю, что раз ни при его жизни, ни после смерти не удалось доказать, что он — другой; далее, по подозрению, которое питал к нему Борис и по тирании, к которой он поэтому прибег; далее, по разногласиям во мнениях о нем; далее, по его поведению и уверенности и по другим бывшим у него качествам государя, качествам, невозможным для подмененного и узурпатора, и также потому, что он был уверен и чужд подозрений; особенно принимая во внимание то, что сказано выше об этом Димитрии, я заключаю, что он был истинный Димитрий Иоаннович, сын Императора Иоанна Васильевича, прозванного Тираном!

КОНЕЦ.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Имеется в виду Дворец Правосудия Palais de Justice — место расположения Парижского парламента и других судебных курий. Галереи Дворца Правосудия были к тому же излюбленным местом прогулок парижской публики. Здесь размещался один из двух важнейших центров книжной торговли. В отличие от университетского квартала, где шла торговля в основном религиозной, учебной и научной литературой, книгопродавцы, обосновавшиеся в галереях Дворца, специализировались на юридических книгах и литературных новинках, отечественных и переводных (подробнее см.: *Берелович А., Назаров В. Д., Уваров П. Ю.* Как издавали записки капитана Маржерета — наст. изд. С. 17—18). — А. Б., П. У.
- ² Гиймо Матъё (Guillemot Mathieu) (?—1612), парижский книготорговец. О нем подробнее см.: *Берелович А., Назаров В. Д., Уваров П. Ю.* Указ. соч. С. 17—18. — А. Б.
- ³ В привилегии так и стоит «*de l'estat et empire*» («о состоянии»), что несколько расходится с титульным листом как этого, так и последующего издания. В привилегии 1668 г. предлог «*de*» отсутствует. — П. У.
- ⁴ Перре Анри (Henri Perret), королевский секретарь, докладчик Палаты прошений (рекетмейстр) Королевского совета Генриха IV. — П. У.
- ⁵ Генрих IV Бурбон (1553—1610), король Наварры (с 1563 г.), король Франции (с августа 1589, коронован 27(17).02.1594 г., Париж открыл ему ворота 22(12).03.1594 г., в 1595 г. окончательно примирился с папой Климентом VIII. В литературе по-разному оценивается роль короля в подготовке и публикации книги Маржерета. Это во многом объясняется неясностями в его «Обращении к королю», которое в издании 1607 г. предшествует и «Предупреждению к читателю», и собственно тексту книги. Что же посчитал необходимым сообщить на сей счет сам автор? Строго говоря, два факта. Первый — капитан «предпринял описание» России «по поручению» Генриха IV. Ни о форме, ни о времени полученного от монарха задания Маржерет ничего не говорит. Второй факт — аудиенция автора книги у короля: он выслушал капитана, высказался о «некоторой пользе», которую «великие государи извлекут» из описанных в сочинении «весьма примечательных происшествиях». В ходе приема выяснилось также, что Генрих IV «соблаговолил прочесть» текст Маржерета. Сопоставим эту информацию с хронологией возвращения капитана и другими обстоятельствами. Последняя точная дата пребывания капитана в России 14(4) сентября 1606 г., когда он находился в Архангельске. Около этой даты Маржерет отплыл оттуда на корабле, принадлежавшем, ско-

рее всего, английской Московской компании. Время его путешествия трудно определить точно. Но при любом маршруте (через Англию, Голландию или же порты Германии) он вряд ли появился в Париже ранее первой половины — середины ноября 1606 г. Уже 2 марта (20 февраля) 1607 г. издатель книги получил на нее привилегию: процедура предполагала предварительное представление рукописи. Итак, на написание книги и на все повседневные и карьерные заботы — наем жилья и устройство жизни в Париже, поиски издателя-типографа, установление связей при дворе (напомним, что родные места Маржерета находились далеко от французской столицы) — у капитана оставалось почти наверняка никак не более трех месяцев. Думаем, что в таких обстоятельствах составление описания России с чистого листа вряд ли было выполнимой задачей даже для столь бравого и решительного воина, как Маржерет. Полагаем, что основные разделы своего сочинения он составил еще в России. В Париже капитан принаравливал текст к требованиям жанра описаний (уже вполне устоявшимся в европейском издательском деле), а главное — к «высочайшим» пожеланиям, исходящим от короля и его окружения. В частности, заключительный раздел, целиком посвященный разбору аргументов о подлинности или ложности «царевича Димитрия», выпадал из канона описаний государства, страны, общества или же попал в книгу явно не на свое место (и в этом случае он был бы непропорционально велик). Но эта часть прекрасно соответствовала реальному интересу короля и его окружения, запросам столичной публики. Ее любопытство уже раздражили донесения и брошюры о чудесном появлении сына и наследника царя Ивана-«деспота», о его победе в войне с могущественным государем далекой России, Борисом Годуновым, о недолгом его правлении и трагической свадьбе. Можно представить реакцию двора и читающего общества, когда в Париже оказался бургундский наемник-гугенот, не просто участник и очевидец многих драматических событий, но начальник личной охраны «царя Димитрия».

Догадывался ли Маржерет, находясь в Москве, о растущем интересе к тому, что происходило в России? Предполагаем, что он был неплохо осведомлен. На его глазах происходил интенсивный дипломатический обмен с рядом стран, но главное — с папским престолом; он имел доверительные беседы с самим царем и многое почерпнул от его польских секретарей и, возможно, кое-что от сопровождавших «царевича» иезуитов. Наконец, он общался с лицами, приехавшими на майские свадебные торжества, в том числе с купцами (одного французского торговца он называет по имени, но вряд ли им ограничивалось «представительство» Франции). Он знал наверняка

или же уверенно догадывался о том, что убийство «царя Димитрия» и воцарение Василия Шуйского будет оперативно отражено в европейской печати. В Архангельске он вращался среди английских и голландских купцов, крайне заинтересованных в получении свежей информации из Москвы и ее передаче за рубеж (как известно, автором брошюры о майских событиях 1606 г. в российской столице был Уильям Рассел или Руссель — о нем см. коммент. 38 на с. 361 во 2-м разделе наст. издания). Наконец, от самого «царя Димитрия Ивановича» ему было известно о его намерении отправить летом 1606 г. посла к Генриху IV. Так что у капитана нашлось немало веских причин еще в России заняться заметками о ее устройстве.

Сообразуя сказанное, предлагаем следующую гипотезу. Маржерет объявился в Париже уже с какими-то текстами будущей книги. Он (возможно, совместными усилиями с издателем М. Гиймо) довел сей факт до сведения короля и его советников, получив в ответ монаршее «поручение», сообщенное ему, скорее всего, кем-то из близких к Генриху IV лиц. Рукопись книги, а скорее, составленную на ее основе «меморию», король «соблаговолил» прочесть, видимо, где-то в конце января—февраля 1607 г. — вряд ли ознакомление и последовавшая за ним аудиенция далеко отстояли от 2 марта. Нельзя исключать того, что после беседы с королем капитан внес в рукопись какие-то поправки. Так ли это было или же случилось иначе, но вскоре книга Маржерета увидела свет и стала доступна обществу. Сказанное — лишь один из вариантов интерпретации той информации, каковую сообщил капитан во вступительных текстах и основных разделах книги и касающихся вопросов ее написания. При любом истолковании несомненна личная заинтересованность Генриха IV в публикации сочинения и весьма вероятно составление автором еще в России текста ее описания, если не целиком, то в виде каких-то больших разделов. — *В. Н.*

- ⁶ Христианский мир («Chretiené») — не столько конфессиональный, сколько геополитический и культурный термин, самоназвание западноевропейской цивилизации. Входил ли в этот понятийный круг византийский (православный) культурный ареал и если да, то когда и в каких контекстах — ответить достаточно сложно. Во всяком случае мнение о том, что Венгрия является пограничной христианской страной, окруженной «неверными» (сарацинами), было вполне распространено во Франции. Еще в 1424 г. один из венгерских теологов, обучавшийся в Парижском Университете, пытался через суд доказать, что Венгрия не только древняя христианская страна, но находится на значительном удалении от сарацинских земель. Однако в годы османской экспансии XVI в. представление о Венгрии как

о последнем бастионе христианства только усилилось. Именно прямые и казавшиеся порой неотвратимыми угрозы христианской Европе со стороны Османской империи резко усилили в середине 1520-х годов интерес к России как мощному христианскому (и православному) государству и потенциальному союзнику (см., в частности: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Сост., автор вв. ст., примеч., указателей — О. Ф. Кудрявцев. М., 1997). Этот фактор был значим и позднее при описании России, но уже не играл, как правило, ведущей роли. — В. Н., П. У.

⁷ Термин «абсолютная власть» имел несколько значений. Прежде всего он указывал на полную независимость правителя. Так, согласно позднесредневековым определениям, король Франции являлся абсолютным государем, то есть «императором в своем отечестве», независимым ни от императора Священной Римской империи, ни от папы. Именно независимость русского государя позволяла Маржерету именовать его императором. В этом же значении автор упоминает позднее о Казанском ханстве до его завоевания Иваном Грозным. В XVI и, особенно, в XVII веке термин «абсолютная власть» все чаще употреблялся в значении «неограниченной монархии». Распоряжения монарха, наделенного абсолютной властью, имели большую силу, чем обычаи страны, позитивное право или постановления различного рода представительных учреждений. При этом всячески подчеркивалось, что абсолютная власть не тождественна тирании и деспотизму. Негативные коннотации термин обретает лишь накануне и во время Французской революции. Определение Маржеретом характера власти московского государя в данном случае не содержит никакого осуждения, а скорее, наоборот, сообщает читателям позитивную оценку. — П. У.

⁸ «Le bon ordre et pollice du dedans» — слова «порядок» и «управление» не были полностью синонимичными. Во Франции XVI—XVII вв. термин «ordre» означал богоустановленную упорядоченность мира, и долг монарха заключался в поддержании общих принципов порядка и равновесия. Термин «police» указывал на действия короля по поддержанию этого порядка и включал в себя все относящееся к королевской службе во имя общего блага. — П. У.

⁹ Вогренан Байе де, Филипп (Vaugrenan Baillet, Philippe, sieur de) (1555 — окт. 1595) — французский капитан, во время религиозных войн действовал на стороне короля Генриха IV. В 1589—1595 гг. возглавлял оборону г. Сен-Жан де Лон в Бургундии от войск Католической Лиги, под его началом и воевал Жак Маржерет. Умер в должности коменданта Сен-Жан де Лон. Генрих IV посетил город (один из немногих своих оплотов в Бургундии) в июне 1595 г. уже после коронации (в феврале 1594 г.). — П. У.

¹⁰ Маржерет перечисляет монархов, которым он служил как наемник-профессионал, почти наверняка в хронологической последовательности. В таком случае, в государе Трансильвании (Семиградья) следует видеть Сигизмунда Батория (Батори), княжившего там с перерывами в 1588—1602 гг. Вообще в последней трети XVI в. дунайские княжества (Валахия, Трансильвания, Молдова) были объектом постоянной борьбы между Османской империей, Габсбургами и Речью Посполитой. С формированием в 1593 г. «Священной Лиги» (ее ядром была Священная Римская империя германской нации во главе с австрийскими Габсбургами) Сигизмунд вошел в ее состав в начале 1594 г. под патронатом императора Рудольфа II. После поражения в конце октября 1596 г. от турок имперских и венгерских войск (см. коммент. 42 в наст. разделе) ситуация в регионе (весьма сложная из-за множества противоречивых интересов) оказалась еще запутанней, чем обычно. Внешние факторы не ограничивались Империей и Турцией, в борьбу все более втягивалась Речь Посполитая (и в целом, и отдельные группировки магнатов), а с 1595—1596 гг. — Валахия. В итоге Сигизмунд всего за 6 лет трижды отрекался от власти в Трансильвании и, соответственно, дважды возвращался. Первый его отъезд произошел в апреле 1598 г.: по декабрьскому соглашению 1597 г. он получал от императора два герцогства в Силезии и годовую ренту, отказываясь от власти в Трансильвании (здесь Сигизмунд как бы развивал договор 1595 г., по которому Рудольф II наследовал его права в случае бездетной смерти трансильванского правителя). Причем в мае 1598 г. эрцгерцог Максимилиан публично (под давлением императора) отказался от своих претензий на трон в Речи Посполитой, что, казалось бы, предполагало ее невмешательство в трансильванские коллизии. По одному из вариантов эрцгерцог и намечался в качестве верховного правителя Трансильвании. Но события пошли совсем иначе. Уже в августе 1598 г. государственное собрание призвало Сигизмунда, вскоре вернувшегося в страну. Последний, не получив немедленной и достаточной помощи в Вене, стал искать ее в другой стране, вызвав двоюродного брата Андрея (Андраша) Батория, католического прелата в Речи Посполитой. Кандидатуру последнего утвердило государственное собрание в марте 1599 г. В острую внутреннюю борьбу в Трансильвании в 1599 г. вмешивается валашский господарь: он сумел заключить мир с османами в октябре 1598 г. и пользовался военно-дипломатической поддержкой Вены еще с 1597 г. В военной борьбе гибнет Андрей Баторий, Сигизмунд еще до начала кампании уезжает на польскую территорию, в конце 1599 г. Михай Храбрый государственным собранием утвержден князем Трансильвании.

Его попытка объединить под своей властью все три придунайские княжества завершилась полным поражением, несмотря на первые успехи. В мае 1600 г. он изгнал молдавского господаря Иеремию Могилу, ставленника Речи Посполитой, но уже в сентябре был разбит ее армией во главе с великим коронным гетманом и коронным канцлером Я. Замойским. В том же месяце в Трансильвании вспыхивает восстание против его гарнизонов и управителей, а османские войска оккупируют центральные области Валахии. Михай бежит на территорию Империи. В феврале 1601 г. Сигизмунд Баторий в третий раз избирается трансильванским господарем (при поддержке протестантской партии местных магнатов), в августе его войска терпят поражение от отрядов Михая и наемников под командованием Д. Баста, ориентированных на Империю. В феврале 1602 г. Сигизмунд Баторий в третий и последний раз отрывается от власти в Трансильвании и в конце июля окончательно покидает ее. В августе 1601 г. от рук наемников погибает Михай Храбрый. Условия службы наемников в первые годы «долгой войны» были заманчивыми, что, скорее всего, объясняет несколько большее внимание Маржерета к этому периоду своей «средневропейской» биографии (подробнее см.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973. С. 18—35, 81—86, 110—120, 135 и др.; *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. С. 29—76*, разделы В. П. Шушарина, Б. Н. Флори, Л. Е. Семеновой; *Семенова Л. Е.* Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV — начало XIX в. М., 2006. С. 168—177). — *В. Н.*

¹¹ Рудольф II Габсбург (1552—1612), император Священной Римской империи германской нации и король Венгрии с 1576 г. Последовательный сторонник контрреформации, один из главных организаторов «Священной Лиги» (1593). В его правление состоялась едва ли не самая длительная война с Османской империей, получившая у современников название «Долгой» (завершилась в 1606 г.). С 1589 г. взял курс на дипломатическое сближение с Речью Посполитой, пытаясь опереться на Сигизмунда III и контрреформационные круги коронной знати и шляхты. — *В. Н.*

¹² Сигизмунд III Ваза (1566—1632), старший сын шведского короля Юхана III и Катарины Ягеллонки; польский король с 1587 г. и великий князь Литовский (с января 1588 г.), коронован в 1588 г.; король Швеции в 1592—1599 гг. Был воспитан отцом в католической традиции, что, помимо прочего, способствовало его успеху в соперничестве за польскую корону. Решительную победу над эрцгерцогом Максимилианом в январе 1588 г. ему обеспечили сторонники «партии политиков» во главе с корон-

ным канцлером Я. Замойским. При избрании Сигизмунд III вместе с отцом обещали инкорпорировать шведские владения в Северной Прибалтике в состав Речи Посполитой, но обещание оказалось невыполненным. После смерти Юхана III в ноябре 1592 г. Сигизмунд III наследовал ему: он прибыл в Швецию в сентябре 1593 г. и был коронован в феврале 1594 г., летом того же года вернулся в Речь Посполитую, публично гарантировав права лютеран на коронационном риксдаге. Верховным правителем в Швеции оставался дядя Сигизмунда III, герцог Карл (в будущем король Карл IX). Последний сумел сплотить основную массу дворянства, большинство аристократических фамилий, отесняя сторонников Сигизмунда III от рычагов реальной политики и консолидируя общество вокруг требований защиты веры (лютеранства) и национальных (политических и экономических) интересов. Решающие события развернулись в 1598—1599 гг. Получив деньги от сейма на личную военную экспедицию (Речь Посполитая войну Швеции не объявляла), Сигизмунд летом 1598 г. высадился в Швеции, но потерпел решительное поражение в сентябре того же года. Почти сразу нарушил условия подписанного соглашения, отказавшись распустить остатки своей армии и захватив Кальмар, после чего отбыл в Польшу. В 1599 г. пал Кальмар, Сигизмунд III утратил контроль над шведскими гарнизонами в северной Прибалтике, к весне 1600 г. его сторонники потерпели окончательное поражение в Финляндии. В 1599 г. риксдаг низложил Сигизмунда III, а в 1600 г. провозгласил королем Карла IX (последовательно именовался в официальных документах королем с 1604 г., коронован в 1607 г.). На сейме 1600 г. Сигизмунд III провозгласил инкорпорацию шведских владений в Эстонии в Речь Посполитую, что предопределило начало войны, получившей название «Инфлянтской» и шедшей с переменным успехом. Последовательный и активный сторонник контрреформации, что отражалось в его внутренней и в гораздо большей степени во внешней политике. — В. Н.

- ¹³ Борис Федорович Годунов (ок. 1552 — 13(23).04.1605), русский царь в 1598—1605 гг. Происходил из древнего боярского служилого рода Сабуровых — Вельяминовых — Годуновых. Делал карьеру в опричном, а затем особом дворе Ивана IV. Успех ему обеспечили женитьба на Марии, дочери Г. Л. Скуратова-Бельского (ок. 1570) и брак его сестры Ирины с царевичем Феодором Ивановичем. Боярин с 1580 г., в 1580—1584 гг. входил в ближайшее окружение царя Ивана, был им включен в состав совета опекунов при Федоре. После воцарения последнего уже к осени 1584 г. возглавил правительство, в 1586—87 гг. окончательно стал единоличным правителем (к 1589 г. получил право самостоятельных дипломатических сношений,

в 1591 г. — почетный титул «слуги государя»). После смерти царя Федора Ивановича главный претендент на русский трон: избран царем на Земском Собрании 17(27).02.1598 г., «наречен на царство» 21 февраля (3 марта) и коронован 3(13) сентября того же года. В 1598—1600 гг. пытался организовать коалицию государств против Речи Посполитой, но результат оказался отрицательным (Павлов. Государев двор. С. 27—63; Назаров В. Д. Борис Федорович Годунов // БРЭ. М., 2006. Т. 4. С. 45—46). — В. Н.

¹⁴ «Царь Димитрий Иванович» — самозванец, выдавший себя летом 1603 г. в имени князя А. Вишневецкого за сына Ивана IV от Марии Нагой. По общепринятому мнению специалистов, этнический русский, скорее всего, происходил из незнатного служилого рода уездных дворян Нелединских-Отрепьевых. Юрий (Юшко) Богданов сын Отрепьева при постриге принял имя Григорий. Пересек границу России в середине октября 1604 г. во главе небольшого войска, состоявшего из наемников, украинских и донских казаков. Вступил в Москву 20(30) июня, короновался 21(31).07.1605 г. Убит боярами-заговорщиками в ходе восстания жителей Москвы против польских и литовских гостей, прибывших на царскую свадьбу 17(27) мая 1606 г. — В. Н.

¹⁵ Отсчет «возвышения» «моего господина Димитрия» Маржерет явно ведет со дня начала военной кампании. Отсюда и «два года». — В. Н.

¹⁶ Наследник престола, будущий король Франции Людовик XIII (1610—1643). В 1606 г. дофину было пять лет. Политики и придворные начала XVII в. на все лады подчеркивали его сходство с Генрихом IV, видя в этом залог продолжения долгожданного мира и процветания королевства. В массовом порядке печатались изображения королевской семьи или отдельно — портреты дофина, где подчеркивалось его сходство с королем. Ведь за последние сорок лет у французских королей не было наследников по прямой линии, что имело катастрофические последствия для страны. — П. У.

¹⁷ Речь идет о Крымском ханстве, образовавшемся при распаде Золотой Орды во второй четверти XV в. В момент написания Маржеретом своей книги других суверенных ханств (Казанского, Астраханского, Сибирского), выделившихся из Золотой Орды при ее развале, уже не существовало. — В. Н.

¹⁸ Ликвидация ордынской зависимости произошла в правление великого князя Ивана III. В современной литературе этот факт относят или к 1472 г., или к 1480 г. (последнее, на наш взгляд, предпочтительней — Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983. С. 33—56; ср.: Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 154—182). — В. Н.

¹⁹ Маржерет придерживался той традиции в описании России, когда герцогский титул приравнивается к титулу великого князя. Московское княже-

ство образовалось в последней трети XIII в., первым московским князем стал кн. Даниил Александрович. Титул великого князя закрепился за его вторым сыном, Иваном Калитой, двумя сыновьями последнего и всеми последующими государями из династии московских Рюриковичей (последний — царь Федор Иванович). — *В. Н.*

- ²⁰ Маржерет точно фиксирует иерархию великокняжеских титулов, не объясняя, правда, ее происхождения, что, впрочем, вряд ли входило в его задачу. Дело в том, что княжества Северо-Восточной Руси, находившейся в политической и экономической зависимости от ханов Золотой Орды, объединялись по их воле, а отчасти в соответствии с добатыевской традицией в иерархическое сообщество во главе с Великим княжением Владимирским. В отличие от доордынских времен этот княжеский стол не был наследуемым, передача ярлыка на него была исключительной компетенцией ханов Золотой Орды. На протяжении XIII — начала XIV в. территория собственно Владимирского великого княжества росла за счет выморочных княжений. Сам великий князь Владимирский обладал рядом прав, преимуществ, но и обязанностей. Именно он отвечал за доставку (а в ряде случаев и за сбор) выхода (дани) в Сарай, он возглавлял соединенные силы княжеств в походах, предпринимаемых по приказу хана. Соответственно, после пребывания какого-то князя на великокняжеском столе во Владимире титул великого князя как бы распространялся и на его родовое княжение. Так, в XIV—XV вв. великими князьями титуловались стольные князья тверские, московские, нижегородско-суздальские. В разные периоды XIII—XIV вв. владимирский стол объединял от 7 до 10 княжеств. По завещанию 1389 г. великого князя Дмитрия Ивановича Донского, так или иначе санкционированному ханом Тохтамышем, Владимирское великое княжение стало «наследуемой вотчиной» московских монархов. С тех пор только в их полном титуловании мог употребляться, и притом на первом месте (до 1547 г., когда был принят еще и царский титул), титул великого князя Владимирского. Заметим, что Рязанское, Смоленское княжества и оставшаяся часть Черниговского княжения в государственно-политическую систему Владимирского княжества не входили. Изменение в статусе Владимирского стола в конце XIV в. привело к уравниванию формального статуса всех княжеств Северо-Восточной Руси при сохранении их зависимости от Орды. — *В. Н.*

- ²¹ Это наблюдение Маржерета чрезвычайно важно для понимания этнической (и государственной) самоидентификации российских людей в конце XVI — начале XVII в. особенно в контексте идущих ныне дискуссий. — *В. Н.*

- ²² Указание Маржерета на местоположение Черной Руси и на последовательность титулов польского короля при перечислении объектов владения в титулатуре великого князя Литовского соответствуют реалиям эпохи. Под Подолией он понимает северо-западную часть современной Украины, а в других местах своей книги вообще украинские земли или даже большую их часть. — *В. Н.*
- ²³ Париж мог претендовать на звание «столицы» с 987 г., со времени вступления на престол династии Капетингов, графов Парижских. Реально роль главного города королевства Париж начинает играть со второй половины XII века. «Миф о Париже» объяснял духовное лидерство города тем фактом, что его первым епископом был ученик апостола Павла Дионисий Ареопагит. Все бы хорошо, тем более, что первого епископа Парижа действительно звали Дионисием. Но беда в том, что новозаветный Дионисий не был Ареопагитом, а оба они не имели никакого отношения к Парижу. — *П. У.*
- ²⁴ Маржерет не разъясняет принцип подсчета лет применительно к Москве как столице: идет ли речь о стольном граде великого княжения Московского (тогда цифра должна приближаться к 300 годам), или же речь идет о столице двух объединенных великих княжеств (в этом случае следует говорить о 220 годах), или же он говорит о Москве как о политическом и государственном центре всей России (тут дело ограничится примерно 120 годами). — *В. Н.*
- ²⁵ Маржерет включил в краткий царский титул редко встречающийся термин «господарь» вместо «государь», возможно, вследствие своего опыта ознакомления с титулатурой великого князя Литовского. Формула «вся Русь» (по капитану — «вся Россия») закрепилась в официальной, и притом различной (по видам) документации в России (так или иначе исходящей от имени правящего монарха) с 1470-х — середины 1480-х гг. Ранее эта формула использовалась, не всегда, правда, последовательно, на монетах, печатях, а также в официальных документах московских государей, направленных в адрес новгородских или псковских властей и т. п. (подробнее см.: *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 159—167 и др.). — *В. Н.*
- ²⁶ Измерение протяженности европейской части России — от Нарвы до Архангельска, — предлагаемое Маржеретом, уникально и почти наверняка объясняется личным опытом капитана. Он прибыл в страну в составе небольшой группы наемников, завербованных русским послом в Империю дьяком Аф. Власьевым. Царский дипломат зафрахтовал в Любеке два судна и приплыл на них в Ивангород в конце июня 1600 г., в конце июля того же года посол и сопровождающие его лица въехали в Москву. Отплыл же Маржерет в середине сентября 1606 г. из Архангельска. Несколько уди-

вительно замечание Маржерета о плотности заселения. Впрочем, оно объяснимо: и дорога из Ивангорода до Москвы (через Великий Новгород), и дорога Москва—Архангельск были главными артериями внешней торговли в государстве, что не могло не сказаться на заселенности непосредственно прилегающих к ним территорий. Не умеем объяснить цифру в 2800 верст. Если измерить расстояние по названным путям, то их сумма составит немногим менее 2300 верст. Это, видимо, ошибка памяти, вызванная одновременностью обеих поездок. (Петров. Справочники. С. 110, 145—146; Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 153). Маршрут приезда должен был особенно врезаться в память Маржерета из-за случившегося инцидента. Аф. Власьев закупил большую партию товаров для казны, а не на продажу. Посему он считал возможным, не нарушая, по его мнению, условий Тязвинского договора, выгрузить товары также в Ивангороде. Комендант Нарвы усмотрел, однако, в этом нарушение русской стороны договорных обязательств и с целью воспрепятствовать такому ходу дел собирался открыть огонь из пушек. Правитель Швеции герцог Карл (будущий король Карл IX) отдал приказ шведской эскадре блокировать устье р. Наровы, захватить и конфисковать любекские корабли. Одному из них удалось прорваться во время шторма, команда второго провела в России более года и отплыла на родину на другом судне (Флоря Б. Н. Русско-польские отношения. С. 125—126). — В. Н.

²⁷ В эпоху Старого порядка величина этой меры длины варьировалась. В почтовом лье было 3898 м (200 туазов), морской лье составлял 5556 м (двадцатая часть градуса земной поверхности), сухопутный, или «обычный», лье — 4445 м (одна двадцать пятая часть градуса), метрический лье составлял 4000 м. Судя по соотношению версты и лье, речь у Маржерета идет о сухопутных лье. — П. У.

²⁸ Федор Иванович (1557— 7(17).01.1598), второй по старшинству из неумерших в младенчестве сыновей царя Ивана IV, «наречен» (провозглашен) царем сразу же после кончины отца (в ночь на 19.03.1584 г.), коронация состоялась 31 мая (10 июня) 1584 г. (по другим сведениям — 28 мая (7 июня) 1584 г. (Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 126—129; Павлов. Государев двор. С. 29—35, 219—221). Маржерет несколько ошибается в сроках строительства крепости в Смоленске: подготовительные работы велись в 1595 г., возведение крепостных стен и башен началось в 1596 г. и завершилось в 1602 г., уже в царствование Бориса Годунова. Любопытно, как по-разному фиксирует он написание фонетически идентичных букв в разных позициях. Так, отчество Бориса Годунова

здесь и далее передается как «Federvits», тогда как имя царя Федора — как «Theodore» (с учетом происхождения имени из греческого языка). Равным образом капитан пишет имя Иван (Иоанн) как «Johannes», но отчество — «Ivanovots». — В. Н., П. У.

²⁹ По поверстным книгам считалось от Смоленска до Москвы 260 верст, а от Москвы до Казани посуху 680 верст, водным же путем — 960 верст (по Москве-реке, Оке, Волге, Казанке). Сумма 260 и 960 (1220 верст) близка к цифре Маржерета (*Петров*. Справочники. С. 120, 144). — В. Н.

³⁰ Un royaume absolu de Tartarie — букв. «абсолютное королевство Татарии». В данном случае термин «абсолютный» применен в первом значении — «независимый от всякой иной власти», что и дало нам возможность перевести данное словосочетание с использованием понятия «суверенитет». Впрочем, реальная история взаимоотношений Москвы и Казани была намного сложнее, чем об этом писал Маржерет. Так, с 1487 г. и по начало XVI в. российские государи не раз «сажали из своей руки» казанских ханов из представителей местной династии. Позднее, в первой половине 1530-х и во второй половине 1540-х гг. в роли московских ставленников выступали, как правило, касимовские царевичи. — В. Н.

³¹ Василий Иванович (1479—1533), старший сын великого князя Ивана III от второй жены Софьи (Зои) Палеолог. В опале под домашним арестом с декабря 1497 г., прощен с получением титула великого князя в марте 1499 г. (стал вторым соправителем отца; первым с февраля 1498 г. был великий князь Дмитрий Иванович, внук Ивана III от единственного сына от первой жены). 14 апреля 1502 г. венчан «великим князем Владимирским и Московским и всея Руси самодержцем» (Дмитрий-внук арестован тремя днями ранее). С этого времени и до конца октября 1505 г. (когда умер Иван III) был единственным соправителем и наследником отца. Маржерет ошибается: при Василии III состоялось четыре похода на Казань (1506, 1523, 1524, 1530 гг.), но ни один из них не завершился взятием столицы ханства. Московское влияние в ханстве после 1487 г. было порой определяющим в выборе или смене правителей, но после 1518 г. (когда пресеклась местная династия), а в особенности после 1521 г. возможности политического давления Москвы на местную знать резко сократились. — В. Н.

³² Иван Васильевич (1530—1584), старший сын великого князя Василия III от второй жены Елены Глинской, великий князь с декабря 1533 г., первый русский царь (венчан 16.01.1547 г.). Казанские походы начались в 1545 г., с зимнего похода 1547—1548 г. в войне с Казанским ханством стал участвовать Иван IV. Этот поход, как и зимний поход 1549—1550 г.

оказались в целом неудачными. Военные действия летом 1551 г. привели к построению на правом берегу Волги, рядом с устьем Казанки, русской крепости Свияжск. Поход 1552 г. завершился взятием Казани и ликвидацией Казанского ханства. — В. Н.

³³ Маржерет путает двух Чингисидов, носивших одно имя после крещения в православие — Симеон. Первый из них — последний казанский хан Едигер (Ядгар), из астраханской династии Чингисидов (потомок хана Большой Орды Ахмада). В 1542 г. выехал на службу в Россию, где пробыл до 1550 г. в статусе служилого царевича. С 1550 г. ушел в Ногайскую Орду; где-то с весны 1552 г. — хан в Казани, оказал ожесточенное сопротивление русским войскам при осаде и штурме Казани в августе—октябре 1552 г. Личный пленник Ивана IV. 23 февраля 1553 г. крестился (далее в источниках именовался царем Симеоном Касаевичем), получил в удел Звенигород, в ноябре 1553 г. состоялась его женитьба на М. А. Кутузовой. Участвовал в царских походах в 1555 г., 1562—1563 гг. при взятии Полоцка. Умер 28 августа 1565 г. Касимовский царевич Саин-булат (умер в 1616 г.) в качестве представителя местной династии известен в конце 1560-х — начале 1570-х гг. При крещении в 1572 г. принял православное имя Симеона и затем именовался Симеоном Бекбулатовичем. С октября 1575 г. по середину сентября 1576 г. — «великий князь всеа Руси» (Иван IV при этом формально получил статус удельного князя Московского). После 1576 г. получил на удельном праве великое княжение Тверское (см. также коммент. 70—72 и 190 в наст. разделе). — В. Н.

³⁴ По поверстной книге от Казани до Самары считалось 350 верст, от Самары до Саратова — 350 верст, от Саратова до Царицына — 350 верст, от Царицына до Черного Яра — 200 верст, а от него до Астрахани — 300 верст. В сумме это составляет 1550 верст, что заметно отличается от цифры, которую приводит Маржерет (*Петров*. Справочники. С. 120—121). — В. Н.

³⁵ Сюжет о «растущем из земли баране» восходит к более пространному рассказу С. Герберштейна, ссылавшегося на свидетельства его русских собеседников. Текст рассказа (особенно Герберштейна) причудливо соединил полуфантастическую информацию о среднеазиатских бахчевых культурах со сведениями о способах получения каракуля — его выделяли из шкурок новорожденных или извлеченных из материнской утробы ягнят (*Сигизмунд Герберштейн*. Записки о Московии. М., 1988. С. 180, 342 — комментарии). У кого конкретно позаимствовал капитан это известие, остается неясным. Знакомство с каракулем или шапками из него у Маржерета явно состоялось на московском торгу (вниз по Волге он не плывал). — В. Н.

³⁶ Маржерет верно относит завоевание Астраханского ханства к правлению Ивана IV. После взятия Казани и включения территории Казанского ханства в состав Российского государства продвижение к дельте Волги по экономическим (прежде всего торговым) и политическим мотивам стало неизбежным, особенно учитывая ориентацию астраханского хана Ямгурчея (Ямгурчи) на Крым и Османскую империю. Русская рать во главе с кн. Ю. И. Пронским-Шемякиным 2 июля 1554 г. заняла (практически без боя) Астрахань (Хаждитархан) — хан с ближайшим окружением бежал. По договоренности с про-российской группировкой нагайских мурз русские воеводы возвели на ханский трон Дервиш-Али, «царевича» из местной династии Чингисидов. Он дал шерть (присягу) Ивану IV, обязался платить дань (деньгами и рыбой) и служить московскому государю. В Астрахани был оставлен русский гарнизон с огнестрельным оружием. Уже с октября 1554 г. в полный титул Ивана IV было введено дополнительное именование — «царь Астраханский». С весны 1555 г. Дервиш-Али стал менять свою политику, что привело весной 1556 г. к вытеснению из Астрахани российского гарнизона. Новая военная экспедиция летом того же года имела результатом полную ликвидацию ханской власти и вассального статуса бывшего ханства, что означало окончательное включение его территории в состав России (*Зайцев И. В.* Астраханское ханство. М., 2004. С. 148—176).

До 1556 г. город не имел сколько-нибудь серьезных оборонительных сооружений, именно московские власти озаботились возведением первоначально дерево-земляной крепости (в ней русские войска выдержали осаду большой турецко-крымской армии в 1569 г.), а позднее, в 1582—1589 гг. — каменной. Для военно-политического контроля над Волжским торговым путем (в экономическом плане очень важными были связи с Персией и среднеазиатскими странами) в конце XVI в. был возведены города-крепости — Самара (1586 г.), Саратов (1590 г.), Царицын (1588 г.) (*Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 514, 515). — В. Н.

³⁷ Одна из важнейших торговых привилегий Московской (Русской) компании английских купцов — право свободного проезда и беспошлинной торговли в Казани, Астрахани, а также свободной транзитной торговли с Персией. В полном объеме эти преимущества были получены компанией от Ивана IV в 1569 г. (частично — двумя годами ранее). В царствование Федора Ивановича, а затем Бориса Годунова (пожалования 1584, 1586, 1596 и 1598 гг.) перечисленные привилегии были отменены или резко ограничены. В частности, ликвидировался режим свободного доступа членов Московской компании на рынки Казани и Астрахани, были пре-

крашены торговые экспедиции англичан в Персию — последняя из них завершилась в 1581 г. (*Любименко И. И.* История торговых отношений России с Англией. Юрьев, 1912. Вып. 1. XVI-й век. С. 42—55, 124—125; *Willan T. S.* The Early History of the Russia Company. 1553—1603. Manchester, 1968. P. 59—61, 145—155). — *В. Н.*

³⁸ Маржерет был осведомлен о существовании в Сибири ханства, вот почему он и определяет ее как «Империю или Королевство», причем первый термин суть калька российского политического словаря. У русских политиков и книжников это — Сибирское царство, еще одно владение царского рода Чингисидов. Как бы попутное утверждение Маржерета о «покорении» Сибири Иваном IV соответствует официальной точке зрения. В современной историографии начальный этап завоевания связывается, по преимуществу, с походом отряда Ермака, организованным на средства купцов Строгановых (датируется, как правило, 1581 или 1582 г.). Уже зимой 1583—1584 г. в Сибирь прибыли отряды правительственных стрельцов, а вскоре началось интенсивное строительство крепостей (см. коммент. 40 в наст. разделе).

Официальных данных об объеме поступавшей из Сибири пушнины на конец XVI — начало XVII в. нет (речь идет в первую очередь о соболях). По Флетчеру (*Флетчер*. С. 67), из Сибири поступило в качестве «царской подати» более 18,5 тысячи соболиных шкурок (это данные, скорее всего, за 1588 г. или даже за 1587 г. — в мае 1589 г. Флетчер уехал из Москвы). Немногим более поздние сведения таковы. За десятилетие (с 1621 по 1630 г.) правительство и частные лица получили из четырех уездов — Мангазейского, Енисейского, Сургутского, Томского — более 850 тысяч шкурок соболя (в виде ясачной дани, десятинной пошлины и других таможенных сборов, частного промысла и торговли с местным населением и т. п.). Только с нескольких западносибирских уездов ясак в годовом исчислении в тот же период приближался к 19—20 тысячам шкурок. Помимо соболиных, из Сибири поступали шкурки чернобурых лисиц и другие ценные меха. По некоторым сведениям, в середине 1610-х гг. доля пушнины (главным образом сибирской) в доходной части «бюджета» государства приближалась к 16 % (*Павлов П. Н.* Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972. С. 70—103, 358—369, 398—407 и др.). — *В. Н.*

³⁹ Распространение пашенного земледелия в Западной Сибири вызывалось прежде всего практическими потребностями производства зерновых и овощных культур на месте в процессе быстро идущей промысловой и государственной колонизации Сибири в целом. Дополнительным сти-

мулом стало открытие более удобного пути через Урал — по реке Туре (подробнее см.: Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. С. 82—99; Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 25—191; История крестьянства СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1990. Т. 2. С. 477—481). — В. Н.

⁴⁰ Трудно сказать, какие именно крепости в Сибири были известны Маржерету и знал ли он их названия. К 1606 г. их уже считалось более десяти, правда, весьма неодинаковых по размерам и устройству. В том числе Тюмень (1586 г.), Тобольск (1587 г., с 1590 г. — административный и военный центр Западной Сибири), Пелым (1592 г.), Березов (1593 г.), Сургут (1594 г.), Тара (1594 г.), Обдорск (1595 г.), Верхотурье (1598 г.), Мангазeya (1601 г.), Томск (1604 г.) и ряд других (подробнее о правительственной и военной колонизации региона см.: Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 26—31 и след.). — В. Н.

⁴¹ Виды ссылки в Сибирь были разнообразны. Само назначение в сибирские города на воеводские и приказные должности считалось «царской немилостью», одной из форм опалы, правда, не всегда. Отправка на поселение в Сибирь служила также наказанием за тяжелые уголовные и политические преступления (так поступили с жителями Углича, принявшими участие в майском выступлении 1591 г. после гибели царевича Дмитрия). В Сибирь отправляли и за должностные преступления детей боярских и приборных служилых людей, нередко без утраты социального статуса. Лиц податных сословий обычно ссылали в Сибирь «на пашню». — В. Н.

⁴² Агрия — латинская форма названия венгерского города Эгер (к северо-востоку от Пешта, на правобережной части Тисы). Маржерет ошибся на год: решающие события первого этапа Пятнадцатилетней, или «долгой», войны (1593—1596 гг.) произошли осенью 1596 г. Для первых лет характерны большие походы многочисленных армий, широкомасштабные осады крепостей воюющими сторонами (Османской империей и участниками Священной лиги). В сентябре 1596 г. огромная армия с личным участием султана осадила Эгер, одну из наиболее мощных и хорошо снабженных боеприпасами и продовольствием крепостей с профессиональным гарнизоном в 3500 наемников. Город был взят 13 октября (н. ст.), а днем позже валашский господарь Михай (он тогда входил в Лигу) нанес поражение отрядам Крымского ханства, направлявшихся к Эгеру. В многодневном сражении под Мезекерестеше (завершилось 26 октября по новому стилю) австрийцы с союзниками, несмотря

на первые, и притом значительные успехи, потерпели в итоге жестокое поражение: османы взяли лагерь австрийцев, им досталась вся артиллерия, потери участников Лиги убитыми превысили 12 тысяч человек (правда, потери осман были больше, до 20000 убитых). После поражения Михай вернулся под сюзеренитет Порты и временно возобновил уплату дани в Стамбул. В Великом княжестве Молдова польский ставленник господарь Иеремия Могила еще в 1595 г. признавал власть султана наряду с зависимостью от Речи Посполитой. О развитии дел в Трансильвании в эти и последующие годы см. коммент. 10 в наст. разделе. В 1595 г. крымские отряды воевали в Валахии и Молдове (Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. С. 31—35, 66—69 и др.). — В. Н.

⁴³ Маржерет ошибается, и довольно существенно. По поверстной книге от Москвы до Ливен через Тулу считалось 350 верст, а через Калугу — 400 верст (*Петров*. Справочники. С. 130). — В. Н.

⁴⁴ Сложное наименование самой выдвинутой в степи (в «Дикое поле») крепости — Царев-Борисова — сподвигло Маржерета на ошибку: из одного укрепленного города он сделал два. Возможно, этому способствовал факт почти одновременного возведения двух крепостей на реке Оскол: Валуйки построили примерно в среднем ее течении, Царев-Борисов — при впадении Оскола в Северский Донец. Указы о построении этих крепостей последовали в июне (Царев-Борисов) и августе 1599 г. Ошибся капитан и в определении расстояния до «обоих Царев-Борисов»: по поверстной книге считалось от Москвы до Валук 600 верст, а от Валук до Царев-Борисова — 160 верст, т. е. в сумме — 760 верст. От Ливен же до Царев-Борисова было 410 верст, но никак не 1000 верст (*Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 222—228; *Петров*. Справочники. С. 130—131). — В. Н.

⁴⁵ Сроки посевных работ, указанные Маржеретом, типичны для центральных уездов в междуречье Оки и Волги, прежде всего для так называемых ополей (Владимиристо-Суздальского и др.). — В. Н.

⁴⁶ Написание в книге Маржерета Холмогор и Архангельска через дефис, быть может, не случайно. Город в устье Северной Двины прочно стал именоваться Архангельском где-то с 1610-х годов. Город возводился по указу Ивана IV 1583 г., и в конце XVI в. его, пожалуй, чаще называли Новыми Холмогорами, хотя и наименование Архангельском также известно. Мотивы построения крепости-порта прозрачны: после поражения в Ливонской войне и утраты Нарвы развивавшаяся свободная торговля с Западной Европой через Белое и Баренцево моря требовала создания соответствующей

щих условий и инфраструктуры (помимо прочего, далеко не все морские суда могли подниматься вверх по Двине до Холмогор). Так что принятое в книге обозначение двух городов подчеркивало, возможно, их генетическое и реальное единство (в Холмогорах также располагались гостиные двory, склады и разные заведения иностранных купцов, в частности, канатное производство английской Московской (русской) компании и т. п.). В первой половине XVII в. считалось от Холмогор до Архангельска по Двине 60 верст, а от порта до моря — 50 верст или немногим больше (Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 158, 163). Холмогоры располагались на двинском острове, поблизости от места впадения в Двину ее правого притока, Пинеги. Как крепость («городок») с посадами поселение точно известно не позднее рубежа XIV—XV в., но как административный центр владений Великого Новгорода в Подвинье был, несомненно, намного старше. С 1471 г. — резиденция наместников великого князя Московского в Двинской земле. Флетчер в своем описании России включает Холмогоры в число крупнейших городов (Флетчер. С. 29).

«Св. Николай» — Николо-Карельский монастырь, который располагался на мысе Двинской губы, в начале XX в. от Архангельска до монастыря считалось 34 версты (Книга Большому чертежу. С. 158; Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. Полный список. М., 1908. С. 5). Как недавно показал игумен Андроник, обитель была основана где-то на рубеже XIV—XV вв. богатой и влиятельной новгородской боярыней Марфой после гибели в морской экспедиции двух ее сыновей (Антон и Феликса), тела которых были выброшены на берег. На ее средства был возведен храм во имя святого Николая, а основанной обители она завещала села, сенокосные угодья и рыбные ловли. Позднейшая традиция отождествила ее с Марфой Борецкой, жившей на полвека позднее (Андроник (Трубачев), игум. Антон и Феликс // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. II. С. 668—669). — В. Н.

⁴⁷ Описание рыб у Маржерета (с упором на осетровые, водившиеся тогда практически по всему бассейну Волги) традиционно для иностранных писателей, что объясняется просто: даже краткое пребывание в России (особенно в осенне-зимние месяцы) воочию знакомило наблюдателей на городских торгах с богатством речной прежде всего, но и морской фауны. Столь же традиционно фиксируют они дешевизну продуктов питания, рыбы и мяса в первую очередь. — В. Н.

⁴⁸ О соответствии счетных и монетных систем России и Франции по Маржерету см. ниже, коммент. 155, 156 в наст. разделе. — В. Н.

- ⁴⁹ Маржерет в описании постов в Русской Православной церкви в целом прав — постные дни занимали около полугода. Но он не вполне точен в определении суммарной протяженности длительных постов. Великий пост, Успенский и Рождественский (Филиппов) дают 102 постных дня, или 15 недель (без трех дней). Петров пост в зависимости от дня празднования святой Троицы (на 50-й день после Пасхи) мог продолжаться от 8 до 42 дней (он начинался в понедельник после праздничной «сплошной» Троицкой недели). Кроме того, существовали однодневные посты, помимо среды и пятницы. Таковых было три — навечерие Богоявления, день усекновения главы Иоанна Предтечи, Воздвижение креста Господня. Среда и пятница не были постными днями в праздничные («сплошные») недели (их было четыре), в святки (с Рождества Христова и до навечерия Богоявления), а также в Рождество и Богоявление, если они пришлись на среду или пятницу. В общей сумме длительность постных дней в году колебалась от 170 до 190 с лишним. Мера строгости постов заметно различалась в зависимости от социальной среды (и среди мирян, и среди духовного чина) и в зависимости от вида поста (многодневные посты были неодинаково суровы). — В. Н.
- ⁵⁰ Размеры арпана заметно варьировались в разных регионах и областях позднесредневековой Франции. Но наиболее распространенным был арпан в 0,5162 га. — А. Б., П. У.
- ⁵¹ По Флетчеру, «теперь», т. е. в конце 1580-х годов, из России ежегодно вывозили до 10 тысяч пудов воска, а ранее — в пять раз больше. В последнем случае речь, скорее всего, шла о периоде так называемого Нарвского плавания, т. е. свободной торговли через стапельный порт Ганзейского союза в те годы, когда Нарва была под московской властью (Флетчер. С. 23). — В. Н.
- ⁵² *Serveoise*, в других местах у Маржерета — *serveoise*. Речь идет о слабоалкогольном напитке, изготавливаемом из ячменя, иных злаков (овса, ржи) без добавления хмеля, что и отличало его от пива (*bière*). — П. У.
- ⁵³ Тяглым (податным) сословиям запрещалось свободное изготовление пива, браги, питейного меда и т. п., а тем более продажа этих продуктов. Производство и реализация алкоголя было монополией государственной власти, причем монарх в период существования кормленной системы в местном управлении мог пожаловать право содержать корчму тому или иному кормленщику (прежде всего наместникам, редко волостелям). Тяглые крестьяне и горожане имели право изготовления «пития», но с рядом существенных ограничений. Во-первых, они должны были предварительно «являть», т. е. заявлять агентам кормленщика, а с сере-

дины XVI в. — местным выборным органам (земским старостам, «излюбленным» головам и другим) каждый случай варки пива, браги и т. п. Во-вторых, ограничивались поводы. Изготавливать «питье» (брагу, пиво и т. п.) разрешалось к главным церковным праздникам, к престольному дню приходской церкви, а также к главным семейным событиям: свадьбам, «родинам», крестинам, поминанию родителей. В-третьих, все приготовленные алкогольные напитки должны были быть потреблены за определенное время: обычно за 2—3 дня, но порой разрешалось «пить» 4—5 дней. Категорически запрещалась продажа любого количества «пития» посторонним людям и сохранение его «про запас». Нарушение этих норм каралось большими штрафами и более серьезными наказаниями. Последнее обстоятельство и принималось иноземными наблюдателями (Маржеретом также) за особенную склонность русских «к пороку пьянства». Подчеркнем, что здесь у Маржерета речь идет не о питейном деле, связанном с государственными кабаками. — В. Н.

⁵⁴ Весь этот абзац, демонстрирующий объем знаний капитана о генеалогии правившей в России в XVI в. династии, об идеологических и политических предпосылках принятого московскими монархами титула, показателен, прежде всего, как отражение представлений той среды, в которой вращался Маржерет в 1600—1606 гг. Помимо иноземцев (наемников и купцов), это были лица из приказной бюрократии (разных ее сегментов) и члены государева двора среднего и относительно высокого уровней. Значимы, на наш взгляд, следующие пункты. В этих кругах прочно знали о древнем и иноземном («немецком», скандинавском) происхождении московских государей: расхождения с Повестью временных лет в хронологии (примерно в полстолетия) и точная «прописка» Рюрика с братьями в Дании можно полагать несущественными (варяги вполне соотносимы с ней). Куда важнее иное: Маржерет усваивает Рюрику титул великого князя (герцога) Владимирского и полагает источником его власти завоевание им России, Литвы (т. е. Великого княжества Литовского) и Подолии (так Маржерет обозначает те украинские земли, которые в Речи Посполитой по преимуществу входили в состав Короны Польской). Хотя он и упоминает «анналы России» (т. е. летописи), он, почти наверняка, не знакомился с ними лично, но пересказывал (через призму собственных представлений) сообщенное ему русскими собеседниками. И здесь важно, что для его информаторов естественным, не требующим дополнительных разъяснений и доказательств способом установления власти над какой-либо территорией является завоевание (строй мыслей капитана в этом пункте

вряд ли был существенно иным). В этом плане логична (и выразительна в своей последовательности) ошибка Маржерета. Усвоив титул великого князя Владимирского Юрику (что глубоко неверно во всех отношениях), он сообщает о признании титула императора у Ивана IV после завоевания Казани, Астрахани и Сибири императором Максимилианом I — русский государь «сравнивается» с императором Священной Римской империи, только покорив и присоединив к своим владениям три «царства». Все бы замечательно, если не знать, что Максимилиан умер в 1519 г. (он стал императором в 1493 г.), что титул императора (в латинском тексте) или кайзера (в немецком варианте) был усвоен московскому великому князю Василию III в союзном антипольском договоре 1514 г. (он был заключен в Москве в начале 1514 г. императорским послом, но позднее так и не был ратифицирован Максимилианом), что еще ранее титул императора фигурировал в дипломатической документации Ивана III и Василия III до 1514 г. (см. комментарии № 55, 59, 61 в наст. разделе; об эпизоде 1514 г. см.: *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 156—157, 169—170; ошибка Маржерета замечена в литературе, см., в частности: *Успенский Б. А.* Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000. С. 44—45, 89; ср.: *Филлюшкин А. И.* Титулы русских государей. С. 71—144 и др.). Важно также упоминание Литвы и Подолии в числе завоеванных Юриком земель — в представлениях собеседников Маржерета это не могло не расцениваться как правовое основание для наследников Юрика на территориальные претензии к Литве. Правда, они (в отличие от практики русско-литовских переговоров с конца XV в.) лишены адресной конкретики. Перед нами, скорее, некое общее представление, не актуализирующееся в какие-то реальные военные или дипломатические планы. — *В. Н.*

- ⁵⁵ Осада Нарвы русскими войсками была прекращена в феврале 1590 г. Подробнее о русско-шведских переговорах в первой половине 1590-х годов см.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения. С. 35—62. Шведские правители усваивали московским государям императорский титул с начала 1480-х годов (*Успенский Б. А.* Царь и император. С. 44, 85). О сакральном значении титула «царь», его библейских истоках, семантике и синхронной соотнесенности с титулами в Западной и Центральной Европе подробнее см.: *Успенский Б. А.* Царь и император. С. 27—31, 34—48, 77—90; *Он же.* Царь и патриарх. Харизма власти в России. М., 1998. С. 21—29, 136—144; *Филлюшкин А. И.* Титулы русских государей. С. 106—151. — *В. Н.*

- ⁵⁶ В этом пункте у Маржерета речь идет о практике конца XVI — начала XVII в., т. е. о сношениях с императором Рудольфом II и австрийским эрцгерцогом Максимилианом. — В. Н.
- ⁵⁷ Речь идет о Елизавете I Тюдор (1533—1603 гг.), королеве Англии с 1558 г. При ней дипломатические отношения с Россией были весьма интенсивными, почти исключительно вследствие торговых интересов королевства в целом, Русской или Московской компании прежде всего. — В. Н.
- ⁵⁸ Маржерет говорит об Иакове I Стюарте (1566—1625 гг.), короле Шотландии (с 1567 г.), Англии и Ирландии (с 1603 г.). При нем объемные торгово-экономические сношения все более дополнялись международно-политическим содержанием, особенно в 1613—1616 гг. — В. Н., П. У.
- ⁵⁹ Датский король Кристиан (Христиан) IV (1577—1648 гг.), король Дании и Норвегии с 1588 г., совершеннолетний правитель герцогств Шлезвиг и Гольштейн с 1593 г. (входили в состав Дании), с июня 1596 г. официально получил право управлять собственно Данией и Норвегией, коронован в августе того же года. Датские короли употребляли титул императора в отношении московского великого князя Ивана III не позднее 1493 г. (Успенский Б. А. Царь и император. С. 44, 86). — В. Н.
- ⁶⁰ Речь идет о Фердинанде I Медичи (1549—1609 гг.), великом герцоге Тосканском с 1587 г. — П. У.
- ⁶¹ Любопытно именование Маржеретом монарха Персии королем, особенно в сравнении с главой Османской империи, которого он называет султаном. Неназванный правитель Персии — Аббас I (1570—1629 гг.), шах с 1587 г. Помимо перечисленных капитаном суверенов в конце XV — первой трети XVI в. российского монарха именовали «императором» в дипломатической документации власти Тевтонского и Ливонского орденов, Ганзейские города и т. п. (Успенский Б. А. Царь и император. С. 44, 86—88 и др.; подробнее о русско-иранских отношениях см.: Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. М., 1976). — В. Н.
- ⁶² Речь идет об Ахмеде III, султানে Османской империи в 1603—1617 гг. — П. У.
- ⁶³ В официальных текстах (главным образом нарративных, а частью документальных) говорится о шести женах Ивана Грозного. Даже когда речь идет о семи спутницах царя, обычно не называют имени шестой по счету. Приведем перечень жен в хронологическом порядке (учтем, что по брачному праву Православной Церкви законными считались только три брака, вот почему понадобилось специальное решение Освященного

Собора на четвертую свадьбу): 1) Анастасия Романовна, из старого московского боярского рода Захарьиных—Юрьевых, венчание 3.02.1547 г., скончалась 7.08.1560 г.; 2) Мария (Кученей) Темрюковна, из княжеского кабардинского рода (кн. Черкасских), венчание 21.08.1561 г., скончалась 6.09.1569 г.; 3) Марфа Васильевна Собакина, из рода, принадлежавшего к верхнему слою провинциального дворянства (выборные дворяне и дети боярские), младшая ветвь рода Нагих, венчание 28.10.1571 г., скончалась 13.11.1571 г.; 4) Анна Алексеевна Колтовская, из семьи, представлявшей одну из младших линий в многочисленном роде Сорокумовых—Глебовых, и также относившейся к верхам провинциального дворянства, венчание ок. 28.04.1572 г. — насильственный постриг осенью того же года; 5) Анна Григорьевна Васильчикова, из рода, принадлежавшего к верхней страте уездного дворянства (выбор из городов и дворовые дети боярские), венчание в январе (до 25.01) 1575 г. (возможно, в сентябре-октябре 1574 г.), опала и постриг где-то летом того же года, скончалась в конце 1576 — начале 1577 г.; 6) «женище», вдова Василиса Мелентьева (была, видимо, замужем за дьяком Мелентием Ивановым), венчания не было, скончалась не позднее 1578/79 г. (сентябрьского года); 7) Марфа Федоровна Нагая — см. коммент. 68 и 69 в наст. разделе (подробнее о семейной жизни Ивана IV см.: *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1975. С. 206—214; *Он же.* Царство террора. СПб., 1992, по указателю; *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. М., 1989; *Зимин.* Канун, по указателю; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999).

Маржерет, надо думать, знал только о не умерших во младенчестве сыновьях царя. При учете последних перечень отпрысков мужского вырастет до пяти. Маржерету остались неизвестны: 1) первенец от Анастасии — Дмитрий, родился в октябре 1552 г. (известие о его рождении Иван IV получил во Владимире, на обратном пути после взятия Казани), умер 26.06.1553 г. (утонул в Шексне); 2) первенец от Марии Темрюковны — Василий, родился 21.03.1563 г. (известие о его рождении Иван IV получил накануне въезда в столицу, когда возвращался после взятия Полоцка), умер 3.05.1563 г. — *В. Н.*

⁶⁴ Старший из не умерших во младенчестве сыновей Ивана IV — Иван, родился 28.03.1554 г., умер 19.11.1581 г. По настоянию отца был трижды женат (с 1571 г. по 1580 г.). — *В. Н.*

⁶⁵ Маржерет не вполне точен в описании царского посоха — его форма не была идентичной форме епископского посоха. О посохах как регалии светской власти монарха можно, видимо, говорить не позднее второй половины XV в. (см.: *Чернецов А. В.* Резные посохи XV в.: работа кремлевских

мастеров. М., 1987), Маржерет постоянно отождествляет Золотую или Большую Орду (именно их ханы были сюзеренами Северо-Восточной Руси в эпоху ее ордынской зависимости) с Крымским ханством как носителем былой власти над Российским государством. Известие капитана о том, что посох-жезл московские великие князья получали от ханов («царей») как символ вассальной зависимости, — как будто уникально, но, скорее всего, ошибочно. — В. Н.

⁶⁶ Через четверть века московское общество многое и в целом точно помнило о событиях, происходивших в Александровой слободе. Знали о конфликтной ситуации между отцом и сыном, помнили о том, что ссора завершилась ударом острия посоха в голову царевича. Но в отличие от Маржерета, абсолютное большинство других источников полагали полученную царевичем Иваном рану смертельной. Инцидент произошел 9 ноября 1581 г., но даже приехавшие в Слободу царские врачи не смогли помочь наследнику, он скончался 19.11.1581 г. Смерть царевича Ивана, виновником которой он, несомненно, был, потрясла царя (см.: *Флора Б. Н. Иван Грозный. С. 371—375 и др.*). — В. Н.

⁶⁷ Царевич Федор родился от Анастасии Романовны 31.05.1557 г., скончался в ночь с 6(17) на 7(17) января 1598 г. Женился на Ирине Федоровне Годуновой ок. 1574 г., наследовал отцу после его смерти 18.03.1584 г., короновался 31.05. (или 28.05.) 1584 г., в связи с коронацией созывался Земский собор. — В. Н.

⁶⁸ Последняя «венчанная» жена Ивана IV — Мария Федоровна Нагая (дочь окольного в особом дворе Ивана Грозного Федора Федоровича Нагово), свадьба состоялась 6.09.1580 г. Дмитрий родился 19.10.1582 г., погиб в Угличе 15(25).05.1591 г., куда был отослан «на удел» с матерью и несколькими близкими родственниками 24.05(03.06).1584 г., т. е. за неделю до коронации единокровного старшего брата. Еще раньше, в марте-апреле, другие представители рода Нагих были отправлены на дальние воеводства (о событиях 1584 г. см.: *Павлов. Государев двор. С. 29—31, 44 и др.*). После смерти сына и волнений в Угличе в мае 1591 г. Мария Федоровна была пострижена под именем Марфы и отправлена в северный монастырь. Была возвращена в столицу ее мнимым сыном летом 1605 г. Скончалась до 24.10.(3.11.)1616 г. — В. Н.

⁶⁹ Род ближайших свойственников царя (по последней его жене) был, естественно, для Маржерета «домом». Нагие — старинный тверской боярский род, представители которого успешно интегрировались в нетитулованную часть общероссийской знати в конце XV — первой половине XVI в. Наиболее успешной была линия близких родственников царицы. Ее дед,

Федор Немой Михайлович Нагой известен на придворных и военных службах с 1526 г., не позднее лета 1547 г. — окольничий, последнее назначение получил летом 1555 г.; на его племяннице, Евдокии Александровне, первым браком женился двоюродный брат царя, старицкий удельный князь Владимир Андреевич (осень 1549 г.). Из его сыновей наиболее известны Федор Федорович (отец царицы, военные назначения получал с 1562 г., окольничий особого двора Ивана IV не позднее 1576 г.) и Афанасий Федорович — дядя царицы, русский посол в Крымском ханстве с весны 1563 г. по осень 1573 г., думный дворянин особого двора, входил в круг ближайших советников Ивана IV в последние годы его правления. — В. Н.

⁷⁰ Поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси» Иван IV произвел в октябре 1575 г. Маржерет верно сообщает о факте коронации, но неточен в другой детали — Иван Грозный, оставив себе удел и титул князя Московского (в полный титул еще входили «княжества» Дмитровское, Псковское, Ростовское), не передавал формально сюзерену царского титула. Вообще, процедура «посаждения» на великое княжение Симеона была проведена не вполне легитимно, о чем Грозный специально и вскоре рассказал английскому послу. Формально под властью Симеона находилась подавляющая часть страны (вся земщина), реально все происходило под контролем Ивана IV (в частности, царь так и не передал Симеону земскую казну), на чем Маржерет акцентирует внимание читателей. Мотивы и цели такого режима государственного управления давно дискутируются в науке и остаются спорными до сих пор (см.: *Зимин*. Канун. С. 10—48; *Скрынников* Р. Г. Царство террора. С. 484—507; *Флоря* Б. Н. Иван Грозный. С. 309—320 и др.; см. также коммент. 33 в наст. разделе). — В. Н.

⁷¹ Маржерет неточен в определении сроков пребывания на великокняжеском троне Симеона Бекбулатовича: он «правил» в таком качестве менее года, в сентябре 1576 г. Иван IV вернул себе все титулы и формальные признаки верховной власти в государстве. Существенно, что при этом сохранилось разделение Думы и государева двора в целом на земский и особый двор Ивана Грозного, а также (отчасти) разделение территории. — В. Н.

⁷² Иван IV усвоил Симеону Бекбулатовичу в конце 1576 г. титул великого князя Тверского со статусом удельного князя московской правящей династии, передав в его удел значительные территории Тверского и Новоторжского уездов. У тверского князя Симеона был свой двор, дворцовые и приказные учреждения, ему служило немало число детей боярских названных уездов. После гибели царевича Дмитрия в мае 1591 г.,

а быть может, двумя или тремя годами ранее, Симеон по инициативе Годунова был лишен основных своих владений, за исключением большой вотчины, с. Кушалина (*Зимин*. Канун. С. 205; *Антонов А. В.* Предисловие // Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М., 2005. С. 10. В этой публикации заново и весьма качественно издана писцовая книга владений Симеона Бекбулатовича в Тверском уезде 1580 г., а также окладные перечни служащих ему лиц 1585 г. — Там же. С. 311—493, 635—647; см. также о нем коммент. 190 в наст. разделе). — *В. Н.*

⁷³ Необъяснимая ошибка Маржерета — царевич Федор Иванович женился на родной сестре, а не дочери, Бориса Годунова, Ирине Федоровне Годуновой. И случилось это не после 19 ноября 1581 г. (когда умер царевич Иван), а ок. 1574 г. Хронологической неточностью капитан обязан, скорее всего, своим московским информаторам и, возможно, собственной логике: младший сын после смерти старшего обретает статус наследника и женитьба становится обязательной. — *В. Н.*

⁷⁴ Маржерет точно описал социальный облик особой группы (страты) или статусного в структуре государева двора: «московские (большие) дворяне» состояли из представителей титулованной и нетитулованной знати, и лишь отдельные представители незнатных фамилий могли попасть в эту среду вследствие тех или других обстоятельств. Правда, заметные подвижки в данной сфере произошли в годы опричнины и особого двора Ивана — в этих структурах доля худородных среди «больших дворян» стала весьма заметной. Однако в правление царя Федора после восстановления единства государева двора доопричные критерии отбора персонального состава разных страт двора стали преобладающими (*Павлов*. Государев двор. С. 28—62, 86—104, 113—117 и др.). Но что касается самого Бориса Годунова, то, скорее всего, он не имел чина московского дворянина. Борис начал карьеру стряпчим в опричном дворе (в 1567 г.), обеспечил ее дальнейший успех женитьбой на дочери Г. Л. Скуратова-Бельского (ок. 1570 г.), уже в 1571—1572 гг. стал стольником и служил рындой при царевиче Иване, не позднее 1577 г. получил престижную должность кравчего, а в 1580 г., не достигнув и 30 лет, получил боярство (*Назаров В. Д.* Борис Федорович Годунов // БРЭ. Т. 4. С. 45—46). — *В. Н.*

⁷⁵ Единственная дочь царя Федора и Ирины Годуновой, Феодосия родилась 29.05(8.06).1592 г. Чуть ли не сразу ей стали искать жениха за рубежом (в частности, велись разговоры с представителем Священной Римской империи). Девочка, однако, умерла, не прожив и двух полных лет (25.01(4.02).1594 г.). Фактически Борис Годунов возглавил деятельность правящего круга лиц

(«правительства») с осени 1584 г., после поражения «партии» кн. Шуйских и иных их союзников в 1587 г. стал единоличным правителем, опираясь на своих сторонников в Думе и во дворе (он получил право самостоятельных дипломатических сношений (с 1589 г.), почетный титул «слуги» в 1591 г. и т. п.). С формальной стороны соответствующие решения принимал царь Федор Иванович, и ни в каком «избрании протектором» Годунов не нуждался. — В. Н.

⁷⁶ О строительстве Смоленска см. коммент. 28 в наст. разделе. — В. Н.

⁷⁷ Грандиозное строительство Белого города («Царя города») в Москве (по периметру бульварного кольца) началось в мае 1585 г. и продолжалось несколько лет: по одним данным — до 1591/92 г., по другим — до 1592/93 г. Мощные и высокие стены имели протяженность 9 км, включая 27 башен, из которых 10 были проездными (учитывая масштабы стройки, вряд ли верна еще одна летописная дата окончания стройки — 1588/89 г.; *Зимин*. Канун. С. 127, 273). — В. Н.

⁷⁸ О возведении каменной крепости в Астрахани (1582—1589 гг.), сооружении трех крепостей в Нижнем Поволжье (1586—1590 гг.) см. коммент. 36 в наст. разделе. О строительстве на южной границе городов-крепостей Ливен, Царев-Борисова и Валук (Ливны в 1585 г., Валуйки и Царев-Борисов в 1599 г.) см. коммент. 44 в наст. разделе. Помимо названных в 1580—1590-е годы в пограничной с Диким полем зоне были основаны городка-крепости — Воронеж (в 1585 г.), Елец (в 1592 г.), Белгород, Оскол, Курск (в 1596 г.) (*Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья. С. 197—227). Возведение крепостей в 1590-е годы на самых опасных направлениях крымских походов стало ответом на поход хана Казы-Гирея 1591 г. (о нем см. коммент. 185 в наст. разделе). — В. Н.

⁷⁹ По поверстной книге от Москвы до Углича считалось 160 верст (*Петров*. Справочники. С. 147). Маржерет сюжетно выстраивает повествование о правлении Бориса Годунова до его воцарения. Он предпринял много полезных и важных дел, в итоге «заручившись... поддержкой народа и даже дворянства». На его пути к трону — только сын Ивана IV от последней жены, его надо отправить из столицы в ссылку (по аналогии с другими его противниками), где легче и незаметнее осуществить покушение на его жизнь. Но то, о чем капитан только что рассказал, относится, главным образом, к 1590-м годам, а частью ко времени царствования самого Бориса. Соответственно, текст Маржерета соединил ходившие по Москве слухи (их капитан мог послушаться, начиная с 1602—1603 гг.) и официальную легенду «царя Дмитрия Ивановича» о его спасении — явно оттуда Маржерет

позаимствовал эпизод с подменой царевича. Напомним (см. коммент. 68 в наст. разделе), что царевич Дмитрий с матерью и родственниками был отправлен в Углич 24 мая 1584 г., а его гибель случилась 15(25) мая 1591 г. — В. Н.

⁸⁰ Слух о поджоге столицы в 1591 г. Борисом Годуновым распространился уже в том же году и оказался весьма устойчивым. Но Маржерет соединяет здесь два пожара: 1591 г. и 1595 г., когда выгорела значительная часть Китай-города в Москве. Именно после второго бедствия последовал указ царя Федора о строительстве каменных лавок на торгу (*Зимин*. Канун. С. 191). — В. Н.

⁸¹ Слух об отравлении царя Федора Годуновым широко ходил в 1598 г. (его зафиксировали официальные лица Речи Посполитой) и также оказался весьма живучим. — В. Н.

⁸² Маржерет здесь дважды ошибается. Во-первых, почти двести лет вдовы Московских государей или вообще не постригались в монахини, или делали это много позже, чем на 40-й день после смерти супруга (капитан немного неточен и в определении одного из дней поминовения усопшего — это был 40-й, а не 42-й день). Так, великая княгиня Софья Витовтовна умерла через 28 лет после кончины Василия I, будучи светским лицом, в 1425—1433 гг. была фактической правительницей в Московском великом княжении при сыне-отроке. Вдова Василия II, великая княгиня Мария Ярославна, приняла постриг в феврале 1478 г., почти через 16 лет после смерти мужа. Великая княгиня Елена Глинская была фактической правительницей при малолетнем сыне (будущем первом русском царе) в 1533—1538 гг. и умерла от отравы в «мирском чину». Наконец, Мария Нагая с сыном Дмитрием с мая 1584 г. и по май 1591 г. была «на уделе» в Угличе; ее насильственно постригли в связи с волнениями в Угличе после гибели царевича. Во-вторых, Ирина Годунова постриглась в монахини 15(25) января 1598 г. после заупокойных служб по царе Федоре Ивановиче на 9-й день со дня его кончины (7(17).01.1598 г.). — В. Н.

⁸³ С точки зрения синтаксиса современного французского языка фразу, evidentemente, надо понимать так, что императрица давала советы значимым лицам обращаться к Борису Годунову. Но в издании слово «Совет императрицы» напечатано с заглавной буквы, что делает предпочтительным иное толкование — «Совет императрицы», т. е. Дума (или Боярская дума) направляла своих представителей к Годунову. В пользу такого понимания говорит и указание на «палату Совета». О роли Думы и Ирины (инокини Александры) Годуновой с 7(17) января (дня кончины царя Федора) и по 21 февраля (3 марта) 1598 г. (день окончательного избрания Годунова

Земским собором и «наречения» его царем) подробнее см.: Павлов. Государев двор. С. 56—60. — В. Н., П. У.

- ⁸⁴ Говоря о соборе 1598 г., Маржерет употребляет термин «Штаты», хорошо знакомый французским читателям. Этот традиционный институт сословного представительства во Франции существовал в двух модификациях: региональной и общегосударственной. Провинциальные штаты функционировали в ряде исторических областей Франции (не во всех). На уровне всего королевства действовали генеральные штаты, созывавшиеся королем нерегулярно, по преимуществу в кризисные периоды и главным образом с целью получить согласие сословий на введение новых общегосударственных налогов. Духовенство и дворянство (конечно, далеко не все) вызывались по персональным приглашениям монарха, «добрые» (привилегированные) города избирали своих депутатов. То, как Маржерет описывает процедуру формирования состава собора, находит довольно близкие и понятные аналогии с практикой созыва Генеральных штатов. Еще до отъезда капитана из Франции состоялись собранные сторонниками Католической Лиги в 1593 г. Генеральные штаты, в разгар ее борьбы с «королем-еретиком» Генрихом IV Бурбоном. И здесь был повод для сравнения с Россией: речь шла о том, кто займет престол вместо Бурбона. От собора 1598 г. сохранились некоторые документы (в том числе Утвержденная грамота в разных редакциях и с подписями многих участников), а также известия о нем в нарративах, дипломатических и документальных текстах, его созыв и деятельность изучались многими исследователями (подробнее см.: Черепнин Л. В. Земские соборы. С. 133—149; Павлов. Государев двор. С. 56—59, 221—226, с развернутой оценкой данного свидетельства Маржерета). — В. Н., П. У.

- ⁸⁵ Приезд казаков с известиями о возможном набеге крымского хана на русские земли, получение в Москве аналогичной информации из ряда пограничных городов и областей в начале марта 1598 г. зафиксированы разрядными книгами (РК 1475—1598. С. 517). Маржерет отразил именно слухи, враждебные Борису Годунову, тем более, что ко времени поступления «крымских» известий Борис Годунов уже был «наречен» на царство. Это, конечно, не отменяет политической подоплеки Серпуховского похода. — В. Н.

- ⁸⁶ В определении расстояния до Серпухова Маржерет точен — и по поверстным книгам до него считалось 90 верст (Петров. Справочники. С. 126). Верно и то, что здесь было традиционное место переправы через Оку крымских отрядов (с уточнением — одно из «обычных мест переправы»). Но, конечно, вся армия не была сконцентрирована в Серпухове. По первым разрядным назначениям, предусматривалась трехполковая рать «украин-

ного разряда» (на Туле, в Деделове и Кропивне), воеводы с отрядами еще в 15 пограничных крепостях, гарнизоны и сторожи на засеках. Основные силы (пятиполковая армия «берегового разряда») с 16 апреля располагались в Серпухове (Большой полк), Алексине (полк Правой руки), Калуге (Передовой полк), Коломне (Сторожевой полк), Кашире (полк Левой руки). Сам Борис Годунов выступил из Москвы со свитой и «государевым полком» 7(17) мая 1598 г. (РК 1475—1598. С. 518—527 и др.). — В. Н.

⁸⁷ В Новодевичий монастырь (по Маржерету — «девичий») Ирина Годунова удалась сразу в день пострига, т. е. 15(25) января, и более из него не выезжала до дня смерти. Монастырь основан летом 1525 г. по обету великого князя Василия III, данному им в связи со взятием и присоединением Смоленска в 1514 г. Главный престол собора монастыря посвящен иконе Смоленской Одигитрии (празднование 28 июля по старому стилю). Обитель с самого начала стала местом пострижения представительниц знати, а с середины XVI в. приобрела не просто аристократический, но «царственный» характер, как бы в дополнение к кремлевскому Вознесенскому монастырю (подробнее см.: Назаров В. Д. Введение к разделу «Новодевичий монастырь» // Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов. XV — начало XVII в. М., 1998. С. 267—278). Монастырь был (и остался в памяти москвичей) как Новодевичий в сравнении с более древними женскими обителями в Москве — Алексеевской, Рождественской, Вознесенской и др. — В. Н.

⁸⁸ Численность российской армии Маржеретом, бесспорно, сильно преувеличена, другие иностранные наблюдатели дают цифру в диапазоне от 200 до 300 тысяч. Точных сведений в российских источниках нет. Возможно, что вся совокупность вооруженных сил государства колебалась в интервале от 110—120 до 140—150 тысяч. Крымским ханом в 1598 г. был Казы-Гирей Бора, правивший в 1588—1608 гг. — В. Н.

⁸⁹ Коронационные церемонии и торжества по случаю официального вступления Бориса Годунова на престол продолжались три дня, но собственно коронация имела место 3(13) сентября 1598 г. В России до Петра I новый год начинался 1(10) сентября. — В. Н.

⁹⁰ Речь идет о чудотворной иконе Владимирской Божией Матери («Умиление»), которую предание приписывало руке евангелиста Луки. Она находилась в кафедральном храме Московской патриархии в Успенском соборе Московского Кремля и была наиболее почитаемым образом. — В. Н.

⁹¹ В годы первого пребывания в России Маржерет должен был знать имена трех Патриархов — Иова, Игнатия, Гермогена. Здесь речь идет об Иове. — В. Н.

- ⁹² Маржерет сообщает точный факт, но делает при этом хронологическую ошибку. Первый патриарх Московский и «всая Руси», Иов, действительно был поставлен в Москве, в кафедральном Успенском соборе «вселенским» патриархом Константинопольским Иеремией I, но не при Иване IV, а в царствование его сына, Федора Ивановича: избрание Иова (из трех кандидатов) и его наречение состоялось 23 января (2 февраля) 1589 г., поставление — 26 января (5 февраля). Ошибка, возможно, объясняется биографией Иова: Иван Грозный, судя по ряду фактов, покровительствовал выходцу из посадских людей Старицы. В 1569 г. по его инициативе Иова поставили архимандритом Успенского монастыря в Старице, через 2 года его перевели в столицу настоятелем знаменитого Симонова монастыря, в 1575 г. он стал архимандритом Московского Новоспасского монастыря (т. е. первым среди всех столичных настоятелей). В 1581 г. Иов был хиротонисан во епископа Коломенского. После смерти Ивана IV он продолжал пользоваться благоволением нового царя и покровительством Бориса Годунова: в 1586 г. Иов поставлен архиепископом Ростовским, а после низведения митрополита Дионисия Освященным Собором был избран митрополитом Московским (11(21) декабря 1586 г.). Вскоре после антигодуновского восстания в Москве 1(10).06.1605 г. низведен с престола по приказу первого Самозванца и отправлен в Старицкий Успенский монастырь. — *В. Н.*
- ⁹³ Маржерет несколько неточен. После учреждения в России патриаршества предполагалось введение ряда новых кафедр, число которых должно было достигнуть девятнадцати. Планы остались не вполне реализованными. После 1602 г. в России было четырнадцать церковно-административных округов и владычных кафедр разного статуса (включая патриархии десятины, т. е. территории, непосредственно управлявшиеся патриархом и его чиновниками). А именно: 4 митрополии (Новгородская и Великолуцкая, Ростовская и Ярославская, Казанская и Свияжская, Сарская и Подонская или Крутицкая), шесть архиепископий (Рязанская и Муромская, Тверская и Кашинская, Суздальская и Тарусская, Вологодская и Великопермская, Смоленская и Брянская, Астраханская и Терская) и три епископии (Коломенская и Каширская, Псковская и Изборская, Карельская и Орешковская). Число монастырей в стране на конец XVI — начало XVII в. точно определить невозможно из-за состояния источников. — *В. Н.*
- ⁹⁴ Маржерет ошибается — в православном монашестве иеромонахи имеют право совершать таинства. В русском монашестве они существовали практически изначально. — *В. Н.*

- ⁹⁵ Значимо указание Маржерета на частоту исповеди и причащения (раз в год). Капитан, скорее всего, неточен в другом: разделение клириков и мирян при таинстве причастия — в плане очередности — имело место быть. Термин, употребленный в книге (*confession auriculaire*), дословно означает «исповедь на ухо». Этот вид индивидуальной исповеди пришел на смену древней публичной и коллективной исповеди. В годы Реформации призывали к восстановлению практики публичной исповеди (в частности, Ж. Кальвин). Гугенот Маржерет, судя по терминологии, здесь традиционен. — *В. Н., П. У.*
- ⁹⁶ Эта важная информация Маржерета давно оценена историками. После Смуты ситуация меняется кардинально — перекрещивание для католиков стало обязательным. — *В. Н.*
- ⁹⁷ О постах в Русской Православной церкви см. коммент. 49 в наст. разделе. Маржерет неточен, определяя Петровский пост (наряду с Успенским) в две недели: он может продолжаться от 8 до 42 дней. — *В. Н.*
- ⁹⁸ В тексте «*leson*» — видимо, искажение «*leçon*». Термин означал тогда не только «урок» или «наставление», но и тексты Св. Писания или Отцов Церкви, читавшиеся (певшиеся) за богослужением. В этом плане понятие сближается с русской практикой, тут же описанной Маржеретом. — *В. Н., П. У.*
- ⁹⁹ Капитан плохо осведомлен: книгопечатание в России началось не позднее 1553/54 г., и к началу XVII в. состоялось ок. 30 изданий (о девяти из них есть различные указания, но пока не разысканы сами книги), появившиеся по крайней мере в трех городах (Москве, Казани, Александровской слободе; есть также сведения о неразысканных экземплярах старопечатных книг в т. ч. в иных местах издания). В настоящее время известны 629 экземпляров старопечатных книг XVI в. (подробнее см.: *Гусева А. А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог. М., 2003. Кн. 2. С. 1271 и др.*). — *В. Н.*
- ¹⁰⁰ Великое водосвятие проходило ближе к вечеру накануне Богоявления (Крещения Христа) на реках, источниках, озерах или же в день праздника. Скорее всего, Маржерет описывает богоявленское водосвятие при «царе Димитрии»: информация о болезни Бориса Годунова поступала уже с 1599 г., но особенно с осени 1600 г. Вряд ли он в таком состоянии рискнул бы «прыгнуть» в прорубь на Москве-реке. О телесной же крепости первого Самозванца пишут практически все зарубежные и отечественные авторы. Малое водоосвящение происходило 1(10) августа, в день Происхождения Честных Древ Креста Господня. Иерусалимом (вслед за москвичами) Маржерет называет храм Покрова Богородицы, что на рву (храм Василия

Блаженного). Один из его престолов был посвящен Входу Господню в Иерусалим. В Вербное воскресенье (им заканчивалась 6-я неделя Великого поста, неделя Ваий) и происходило «шествие на осли» от Покровского храма к Успенскому собору в Кремле, когда сидящий на «осляти» патриарх символизировал Христа, а «император» демонстрировал подчинение и послушание светской власти Господней. По названным только что причинам и здесь речь идет, скорее всего, о церемонии в краткое правление Лжедмитрия I. В принципе царь при необходимости замещался одним из авторитетных членов Боярской думы. Живость описания выдает очевидца события. — В. Н.

¹⁰¹ Во Франции эпохи религиозных войн понятия свободы совести, вероисповедания и права публично отправлять культ (право свободного возведения храмов религиозной общиной, устраивать религиозные манифестации, крестные ходы, публичные песнопения и т. п.) не были тождественными. Достигнутые соглашения о веротерпимости обычно нарушались именно потому, что меньшинство, которому позволялось отправлять свою веру «как частное дело», стремились к ее публичной репрезентации. Своеобразным прологом религиозных войн, к примеру, стал инцидент в г. Васси, где протестанты в нарушение закона организовали публичные песнопения. Обратный пример — случай в немецком г. Донауверте, где католическое меньшинство, вопреки постановлениям протестантского магистрата, устроило в 1606 г. крестный ход. Что и стало, с иными похожими событиями (включая ответные действия католиков в немецких государствах), прологом Тридцатилетней войны. Запрет на публичное богослужение католиков был в России традиционным. В Смуту, в частности в правление Лжедмитрия I, в договорах 1610 г. с польским королем Сигизмундом III об условиях избрания царем королевича Владислава проблема строительства костелов для его свиты из Польши возникала и обсуждалась. Иное дело частная жизнь — у сосланных в 1606 г. поляков и литовцев не было жестких ограничений на отправление культа в частном и семейном порядке. — В. Н., П. У.

¹⁰² Речь идет о массовой казни евреев с семьями по приказу Ивана III после штурма и сдачи Полоцка 25 февраля 1563 г. Из русских синхронных источников об этом сообщает Псковская третья летопись (ПЛ. Вып. 2. С. 244; из текста видно, что казнь состоялась между 15 и 25 февраля, в день отъезда Ивана Грозного из Полоцка). Факт был известен Штадену. Казнь евреев (явно по конфессиональным мотивам) по времени и способу осуществления явно отличалась от неизбежных при штурме крепости массовых расправ и казней (подробнее см.: *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе междуна-

родных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 328—334). Почему в этом событии Маржерет увидел казнь всех евреев, «кто был в стране» (а других, кроме полоцких, в России тогда и не было), остается неясным. — В. Н.

¹⁰³ В рассказе Маржерета о ливонских немцах в России, и прежде всего в Москве, соединились несколько сюжетных линий. Первая — время и формы вывода жителей Ливонии. Капитан в данной связи говорит о населении Нарвы и Дерпта (Юрьева). Первая крепость была взята штурмом в мае 1558 г., вторая сдалась после недолгой осады в июле того же года. Условием капитуляции было обещание русских воевод не выводить горожан из Дерпта. Захваченных в плен горожан Нарвы русские власти вернули на места жительства и восстановили уничтоженные при штурме крепостные сооружения, дома, причалы и портовые помещения в том же и следующем году: морская торговля через Нарву стала недолгим (она закончилась со взятием крепости шведскими войсками в сентябре 1581 г.), но чрезвычайно значимым для государства итогом первых побед в Ливонии. Массы пленных ливонцев хлынули в Россию после крупных походов зимой 1559 г. и летом 1560 г., но здесь не было государственного вывода: полон разошелся среди участников похода. Репрессии (в том числе казни) и ссылки летом 1560 г. коснулись сравнительно небольшой части рыцарей Ордена. Население Дерпта (но не Нарвы) было целиком выведено летом 1565 г. по обвинению в тайных изменнических связях и расселено в разных городах (Нижнем Новгороде, Владимире, Костроме, Угличе). Об этом событии говорят псковский летописец, Г. Штаден, а с преувеличениями и явными политическими задачами — так называемые летучие листки и иные оперативные немецкие издания (ПЛ. Вып. 2. С. 235—240, 247—248; *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч. С. 215—223, 230—257, 407—408, 417—420).

Второй сюжет — условия и места расселения ливонских немцев в столице. По недостатку и отрывочности источников вопрос остается в значительной мере непроясненным. Скорее всего, на практике еще с конца XV в. имели место быть два способа расселения иноземцев: они жили в отдельных домах (дворах) в границах города (включая посад), а также в особых поселениях типа слобод. Одна из них, возможно, находилась поблизости от Серпуховских ворот (Конской площадки). В XIX—XX вв. там были обнаружены могильные плиты с латинскими надписями. Для Штадена кладбище немцев (вообще, иноземцев) в Наливках — некая данность, о которой он упоминает попутно. Вот при размене пленных в Литву уезжает Довойна (командовал гарнизоном Полоцка в 1562—1563 гг.) и берет с собой тело умершей в Москве жены — гроб выкапывают на кладбище в Наливках. Там

же сам Штаден хоронит в заранее сооруженном склепе Эльферфельдта, поступившего на русскую службу вряд ли позднее 1559 г. и быстро занявшего при царе место своеобразного «советника-консультанта» по Ливонии (он и обеспечил начало карьеры Штадена в опричнине). Трудно думать, что кладбище было топографически оторвано от одной из иноземных слобод. Именно о таком поселении пишет применительно к правлению Василия III С. Герберштейн, называя его «Нали» (*Герберштейн*. С. 132; *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С. 117, 134; *Дрбоглав Д. А.* Камни рассказывают... М., 1988; *Беляев Л. А.* Лицензиат при дворе Иоанна Грозного. Надгробие Каспара фон Эльферфельдта на древнейшем кладбище иноземцев в Москве // *Он же*. Русское средневековое надгробие. М., 1996. С. 233—245; 277—282 — дополнения к каталог-публикации Д. Дрбоглава). Вторая слобода, заселенная по преимуществу немцами, и прежде всего военными наемниками, находилась на Яузе. Туда ее помещает Штаден (он ее называет Болвановка) и авторы начала XVII в. Немец-опричник указывает размеры двора конного воина-немца (40 × 40 саженей) и специально отмечает право иметь корчму на таких дворах, подтверждая известие Маржерета. Кстати, многие злключения Штадена были вызваны воровством и мошенничеством его слуг в связи с торговлей спиртным. Подчеркнем, что в слободе проживали, конечно, отнюдь не только наемники, но и немцы мирных профессий (*Штаден Г.* Указ. соч. С. 67, 73, 121; *Масса*. С. 68—70; *Буссов*. С. 86, 117; *Платонов С. Ф.* Москва и Запад в XVI—XVII веках. Л., 1925. С. 33—35; *Богоявленский С. К.* Московская немецкая слобода // *Известия АН СССР. Сер. философии и истории*. М., 1947. Т. IV; *Снегирев В.* Московские слободы. М., 1956. С. 208—210).

Третий сюжет — массовая опала на немцев-лютеран в Москве. Она точно датируется ноябрем 1578 г. Указание Маржерета на два разрушенных храма, возможно, соответствует действительности. Возможно, в каждой из указанных выше слобод было по кирхе. По вероятному мнению А. А. Зимина, причинами жестокого гонения послужили и поведение ливонцев (о чем пишет Маржерет), и измена герцога Магнуса в начале 1578 г., и поражение русских войск под Венденом (Кесою) в октябре того же года (*Зимин*. Канун. С. 53—54). Позднее Немецкая слобода была восстановлена и, возможно, несколько перенесена. — *В. Н.*

¹⁰⁴ Отнесение мордвы с числу «магометанских народов» остается неясным — имел ли в виду Маржерет служилую верхушку, часть которой исповедовала ислам? Второе недоумение вызывает включение в этот перечень «турок» — их, как будто, в числе российских подданных тогда не было. — *В. Н.*

- ¹⁰⁵ Описание похорон и поминальных обрядов еще раз выявляет конфессиональную принадлежность Маржерета в его оценке похоронных плачей и плакальщиц. Не вполне ясно, почему не назван им девятый день. Заметим, что поминальный культ, весьма распространенный с конца XIV в. и имевший немало социальных следствий (в преобладающем типе монастырей с общежительным уставом, в росте монастырского и вообще церковного землевладения и т. п.), подразумевал при «нормальных» вкладах в монастыри двукратное поминание в году, обычно в день именин и в день кончины (в обителях, как правило, устанавливалась четкая такса для поминаний разного рода). — *В. Н.*
- ¹⁰⁶ Стефан Баторий (1533—1586), князь Трансильвании и вассал Османской империи в 1571—76 гг., его кандидатура на выборах польского короля была поддержана султаном, а главное — антигабсбургскими кругами магнатов и шляхты Речи Посполитой. Коронация его королем польским состоялась 1.05.1576 г., 3 июня того же года он был избран великим князем Литовским. Сторонник активной, экспансионистской политики в Прибалтике и по отношению к России, один из виднейших и удачливых полководцев своего времени. Умер во время подготовки новой (второй) войны против России. — *В. Н.*
- ¹⁰⁷ Французский термин «носящие оружие» или «те, чья профессия носить оружие» подразумевал в это время, во-первых, воинов-профессионалов, а во-вторых, родовитых дворян, так как в глазах общества их функцией по-прежнему было занятие войной. Поэтому фразу Маржерета можно толковать двояко: из России запрещено было уезжать без официального разрешения военным людям (прежде всего иностранцам) и дворянам (как русским, так и иноземным). В принципе капитан прав, но небольшая поправка нужна: в годы Ливонской войны отдельные случаи отпуска иноземцев имели место быть (правда, специфические, на службу «голдвнику», герцогу Магнусу). — *В. Н.*
- ¹⁰⁸ Практика переселений в удаленные пограничные районы стала традиционной с периода русско-литовских войн конца XV — первой четверти XVI в. Она, правда, не распространялась на владения верховских служилых князей, окончательно перешедших под власть московского государя в 1487—1500 гг. — *В. Н.*
- ¹⁰⁹ Перечень каменных крепостей у Маржерета очень неполон. Почему в него не попали Серпухов, Зарайск, Нижний Новгород на юге и юго-востоке от Москвы, более десятка крепостей на северо-западе от столицы, начиная с Великого Новгорода и Пскова, а кончая Порховым Корелой, Орешком, на-

конец, пограничные монастыри-крепости (Псково-Печерский, Соловецкий) и ряд других — остается неясным. — В. Н.

- ¹¹⁰ Видел ли Париж Маржерет до своего отъезда, в этом можно сомневаться. Поэтому данную фразу следует, скорее, отнести к тому, что капитан писал в столице «христианнейшего королевства»: он в 1606 или 1607 г. сравнивал именно Париж с Москвой, а не наоборот. «Деревянная стена» Москвы — это земляной город («Скородом»), деревянно-земляные укрепления, достаточно мощные, окружностью примерно в 15,6 км (по периметру современного Садового кольца) с более чем 50 башнями. Диаметр городской площади внутри «Скородома» от 4 до 4,6—4,8 км. Протяженность стен, окружавших Париж, составляла до 16 км с диаметром городской территории более 2,5 км. — В. Н., П. У.
- ¹¹¹ Маржерет последовательно перечисляет после «Скородома» (его соорудили в 1591—1592 гг.) Белый город (воздвигли в камне в 1590-е гг., протяженность свыше 9 км), Китай-город (отстроен в камне и кирпиче в 1535—1538 гг., 14 башен, в т. ч. 6 проездных, протяженность ок. 2,6 км) и Кремль (в современном виде — без дополнений XVII в. — стены и башни были воздвигнуты в 1485—1495 гг., стены и башни по рву и к реке в 1508—1516 гг.; 18 башен, в т. ч. 3 угловых и 6 проездных, протяженность ок. 2,23 км). Общая протяженность каменных крепостных сооружений — ок. 14 км, со «Скородомом» — немногим менее 30 км. Строительство Кремля, включая крепостные укрепления, соборы и церкви, дворцы и хозяйственные постройки, заняло более 40 лет. Маржерет (что извинительно) ошибается дважды. «Кремлевская перестройка» (каменные соборы и укрепления существовали еще со времен Дмитрия Донского и Василия I) была начата Иваном III, при нем и был выполнен основной объем работ. Строили Кремль около десяти итальянских архитекторов и множество иноземных и русских мастеров. — В. Н.
- ¹¹² Маржерет здесь верно перечислил высшие страты государева двора — три думных чина (бояр, окольничих, думных дворян) и московских дворян, наиболее многочисленную часть верхушки двора. Почему нет думных дьяков и стольников — понятно. О первых, их статусе и функциях он говорит на следующей странице. Отсутствие стольников объясняет выбранный угол зрения: речь идет о тех группах членов двора, которые поставляют кадры в высшие слои управленцев в центре и на местах. В этот период стольниками еще по традиции служили аристократы сравнительно молодого возраста, несшие по преимуществу придворно-церемониальные службы и исполнявшие отдельные поручения монарха (анализ состава

и структуры двора в 1584—1605 гг. см.: Павлов. Государев двор. С. 107—139; о московских дворянах см. с. 113—117). — В. Н.

¹¹³ «Тайный совет» Маржерета — это то, что в историографии принято называть «ближней думой». На какой год указывает цифра в 32 члена Думы, сказать нельзя, так как остаются неясными критерии капитана: учитывал ли он «списочный состав» или только тех, кто находился в столице и т. п. Известные исследователям показатели таковы: к концу 1598 — началу 1599 г. в Думе было 52 человека, весной 1605 г. (в конце правления Бориса Годунова) — 38 членов, перечень «светских персон» совета «царя Дмитрия Ивановича» включает 59 имен, причем этот список неполон. Если из 38 думцев «позднего» Бориса Годунова исключить двух думных дьяков, кравчего, то мы получим 35 человек, показатель довольно близкий к цифре капитана (Павлов. Государев двор. С. 64—66; СГГД. Т. II. С. 208—210). — В. Н.

¹¹⁴ Маржерет вполне традиционен в толковании понятия «холоп» применительно к взаимоотношениям государя и его подданных. Но капитан не учитывает адресную ситуативность (термин фигурирует в челобитных на имя царя и отсутствует в исходящей от имени монарха документации в адрес тех или других лиц) и традицию словоупотребления. Такое обращение заимствовано из практики Золотой Орды, где оно вовсе не означало «раб», а использовалось применительно к высокоранговым лицам в составе собственно ордынской элиты и русских владетельных князей (Горский А. А. О происхождении «холопства» московской знати // ОИ. 2003. № 3). — В. Н.

¹¹⁵ Канцлер во Франции возглавлял всю судебно-административную иерархию, в частности, только его подпись и печать могли стоять под королевскими распоряжениями, удостоверяя их практическую силу. Должность канцлера была несменяемой, что делало ее обладателя де-юре, а временами и де-факто главой правительства. Под королевскими секретарями (в 1608 г. королевских секретарей-нотариусов в пяти коллегиях канцелярии короля насчитывалось 260 человек) Маржерет — по аналогии с московскими думными дьяками — подразумевает четырех государственных или статс-секретарей, полномочия которых были распределены по функциям (иностранные дела, военная служба, морские силы, королевский двор) и по территориям (каждый из них отвечал за определенные провинции). Думные дьяки России статусно и по объему прерогатив, конечно, не соответствовали французским канцлерам, но один нюанс, упущенный Маржеретом, необходимо помнить: во второй половине XVI — начале XVII в. в целом

ряде случаев думный посольский дьяк исполнял одновременно функции печатника. — В. Н., П. У.

- ¹¹⁶ Речь идет о Посольском приказе и думном дьяке Посольского приказа. Уточним также два обстоятельства. Во-первых, в первой половине — середине XVI в. торговля, а во многом и сношения с восточными странами были под контролем казначеев и канцелярии Казны. Во-вторых, Посольский приказ управлял в конце XVI — начале XVII в. рядом территорий в южном пограничье.

Термин *office* во Франции того времени имел ряд значений. Здесь важно выделить два: властные прерогативы, делегируемые монархом лицу, назначаемому на публичную должность; определенное бюро (институт управления или суда) или некая должность. Термин «приказ», обозначивший со второй половины XVI в. в России центральное учреждение с административно-управительскими, а также судебными функциями и прерогативами (таковых было большинство), генетически связан с «приказом-поручением» монарха тому или иному лицу «ведать» определенный круг дел, какие-то территории и т. п. (о дипломатической работе и устройстве Посольского приказа в это время см.: *Лисейцев*. Посольский приказ. Вып. 1—2). — В. Н., П. У.

- ¹¹⁷ Речь идет о Разрядном приказе. Определение сферы его деятельности Маржеретом слишком общо, а потому неточно. Главные функции Разряда — оперативно-военные: организация военного дела и военных действий, как в дни войны, так и в мирные годы. Это — назначение полковых (в полевую армию) и городских (гарнизонных) воевод, контроль над бесперебойным несением службы дворянством, над состоянием крепостей и иных оборонительных сооружений, оперативное руководство в походах, осадах, оборонительных акциях всеми военными силами, учет личного состава служилого дворянства, назначение поместного и денежного окладов и т. п. Во Франции наместники (*gouverneur*) и лейтенанты (*lieutenant*) были представителями короля в тех или иных провинциях (их полномочия обычно фиксировались особым документом). Но были также «местные губернаторы», распорядившиеся именем короля в городах, где находились королевские гарнизоны. В России институт наместников к концу XVI в. сохранялся лишь в отдельных (причем, как правило, незначительных) городах; наряду с земскими органами власти с последней трети XVI в. все более распространяется институт городских воевод, назначаемых царем и обладавших, помимо военных, широкими административно-судебными прерогативами. — В. Н., П. У.

- ¹¹⁸ Речь идет о Стрелецком приказе — он ведал и судил стрельцов во всех отношениях (московских и городских, начальствующий и рядовой состав), за исключением оперативного руководства в военных действиях. На вооружении у стрельцов в конце XVI — начале XVII в. были ручные пищали (самопалы, ручницы; фитильные гладкоствольные ружья российского производства), позднее в XVII в. получили распространение западноевропейские мушкеты (*Романов М. Ю.* Московские стрельцы. М., 2004; *Волков В.* Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 344—357). Западноевропейская пехота того времени использовала в качестве стрелкового оружия аркебузы и мушкеты. Аркебузы с фитильным замком появились уже в начале XVI в., мушкеты стали медленно распространяться с 60—70-х гг. того же века. Мушкеты были тяжелее (весили до 10 кг) и длиннее аркебуз, они стреляли тяжелой пулей крупного калибра, неудобство обращения с ними заключалось в необходимости использования подставки под ствол — сошки (без нее было трудно прицеливаться и удерживать оружие в руках). Аркебузы были короче и легче, меньше были и аркебузные пули. Мушкет обладал дальностью выстрела до 500 шагов и большой убойной силой (его пули поражали закованного в доспехи противника, в т. ч. кавалеристов). Стрельба из аркебузы была эффективной на расстоянии до 200 шагов, а поразить противника в доспехах можно было только с еще меньшей дистанции (80—60 шагов). Дульнозарядные мушкеты и аркебузы в большинстве своем были гладкоствольными, поскольку перезаряжение нарезных дульнозарядных ружей было трудоемким и требовало большого времени. Более эффективными были аркебузы и мушкеты с колесцовым замком, но такое оружие было значительно дороже и потому оставалось менее распространенным. — *В. Н., В. Р. Н.*
- ¹¹⁹ Маржерет говорит здесь о четырех Судных приказах — Владимирском, Московском, Дмитровском и Рязанском. В них судились именно те, «кто служит императору», т. е. высшее и рядовое дворянство (об этих приказах подробнее см.: *Назаров В. Д.* Указная книга Московского Судного приказа // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 462—484; *Князьков С. Е.* Судные приказы в конце XVI — первой половине XVII в. // ИЗ. М., 1987. Т. 115. С. 268—285). — *В. Н.*
- ¹²⁰ Маржерет имеет в виду денежный и поместный (земельный) оклады, которыми верстались все «служилые люди по отечеству» (т. е. дворянство), находившиеся на военной или государственно-административной службе. — *В. Н.*

- ¹²¹ Здесь Маржерет немного неправ: суду первой инстанции на местах (земскому, кое-где в это время наместничьему, а гораздо чаще воеводскому) подлежали все тяглые слои населения, не находившиеся в частной юрисдикции. Иными словами, горожане, дворцовые и черносошные (государственные) крестьяне. — *В. Н.*
- ¹²² Маржерет точен в описании компетенции губных старост именно в конце XVI — начале XVII в., когда их прерогативы и функции заметно расширились. Губная реформа (началась в конце 1530-х гг.) имела целью изъять из ведения наместников и волостей ряда дел высшей уголовной юрисдикции (воровство, разбой «ведомых» преступников) с передачей их выборным из числа местного дворянства с избираемым же из тяглых слоев местного населения помощниками (целовальниками). Относительная неудача реформы местного управления в районах с преимущественным светским и церковным землевладением в 1550—1560-е гг. (избрание «излюбленных» голов из дворян в качестве администраторов и судей первой инстанции на местах) имела следствием заметное расширение судебных и иных прерогатив губных старост (они в качестве судей низшей инстанции разбирали теперь дела об убийстве, поземельные споры и др.). С момента рождения институт губных старост совмещал собственно судебные и одновременно следственно-полицейские функции (сыск, суд и наказание преступников). Первоначально губные старосты подчинялись комиссии бояр, которым «разбойные дела приказаны». Не позднее 1555—1556 г. возник Разбойный приказ, ставший центральной инстанцией в судебном и административном плане для губных старост. — *В. Н.*
- ¹²³ Во французском судопроизводстве фигуры прокуроров и адвокатов были чрезвычайно важны. Они не считались магистратами (должностными лицами), поскольку жили не за счет жалованья, а получали гонорары со своих клиентов. Они также не состояли в судебных корпорациях, однако же считались связанными с судами узами клятвы. Прокуроры вели всю документацию судебной тяжбы, адвокаты же произносили речь в суде. Профессия адвоката считалась гораздо престижнее прокурорской. Адвокат должен был иметь университетскую степень, он мог (по крайней мере — в теории) стать магистратом — советником парламента или иного высшего суда. — *П. У.*
- ¹²⁴ В княжествах Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. крестоцелование было обязательным элементом фиксации вассальных отношений между князьями (великими и удельными, великими и служилыми), между князьями и боярами (в широком смысле слова). Целование креста сохранило клю-

чевое значение и при присяге в XVI — начале XVII в., когда на смену вассальным связям пришли отношения подданства. — В. Н.

¹²⁵ Недельщики выполняли различные функции судебных приставов: они вызвали в суд участников разбирательства, свидетелей, производили (при необходимости) сбор свидетельских показаний на местах (в т. ч. проводили «повальный обыск»), были исполнителями судебных решений в отдельных случаях или же присутствовали при их исполнении. — В. Н.

¹²⁶ Эта фраза показательна для Маржерета. Он наверняка был знаком с полемикой об «истинном благородстве истинного дворянства», вспыхнувшей в годы религиозных войн и продолжавшейся в течение многих лет. Если в первой половине XVI в. в обществе преобладало расширительное толкование (дворянство, «обретенное в силу добродетелей» на службе королю, почиталось «истинным»), то к рубежу столетий общественное мнение более склонялось к признанию «истинно благородным» только дворянство «крови». Именно в начале XVII в. в репертуар сословной градации входит понятие «дворянство мантии»: оно было призвано отделять аноблированных чиновников от «подлинного» дворянства «шпаги». Сословно-политический словарь Русского государства должен был импонировать Маржерету — его понимание не расходилось с российской практикой. Приказные чиновники высшего и среднего уровня вписывались в обширный слой «служилых людей по отечеству». В него же входили и вновь поверстаные в городских детей боярских лица незначительного или сомнительного происхождения. Все они, как и родовитейшие представители титулованной и нетитулованной знати, определяются современными исследователями объединяющей (весьма широкой) категорией «дворянства». — В. Н., П. У.

¹²⁷ Хотя в начале фразы Маржерет говорит о дворянстве вообще, в его максимальных социальных границах, далее он излагает распорядок дня не просто дворянина или даже не просто члена государева двора во время его пребывания в Москве, но именно члена Думы по статусу или по должности. О дневном сне иностранные авторы упоминают нередко. — В. Н.

¹²⁸ В такого рода фактах смешивались морально-этические и имущественные аспекты — отказ от «сговоренной» свадьбы мог рассматриваться с любой стороны (и жениха, и невесты) как посягательство на личную и семейную (родовую) честь, а также как нанесение материального ущерба (особенно при отказе невесты). Сумма денежной компенсации называлась зарядом, а документы такого рода — «зарядными записями». — В. Н.

¹²⁹ «И сказали рабу: кто этот человек, который идет по полю навстречу нам? Раб сказал: это господин мой. И она взяла покрывало и покрывалась»

(Быт. 24:65). Дополнительный штрих, свидетельствующий в пользу гугенотского прошлого капитана (ср.: Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. М., 2001). — В. Н., П. У.

¹³⁰ Трудно сказать, насколько точно наблюдение Маржерета о завышенной оценке приданого и уплаты этой повышенной суммы мужем в семью жены в случае ее бездетной смерти. Необходимо уточнение: оценка могла производиться в отношении недвижимого имущества, а также драгоценностей и ценного платья. В принципе, приданое считалось личной собственностью супруги, но эти права актуализировались ею самой в случае смерти мужа или же его пострига, а также ближайшими родственниками в случае ее бездетной кончины. Во Франции завышенная оценка приданого в XVII в. не была редкостью (по мотивам престижа, в чем могли сойтись интересы семей и жениха, и невесты). В случаях бездетной смерти супруги в ее род возвращалась именно зафиксированная сумма (по крайней мере, формально). Но во Франции существовала так называемая «вдовья доля», т. е. имущественное обязательство мужа, полагавшееся супруге в случае его смерти. В некоторых областях оно могло превышать приданое (в стоимостном выражении) в те же два-три раза. В России вдова, помимо приданого (в натуральном или денежном виде), обычно получала по завещанию супруга определенную долю его имущества отдельно от детей. — В. Н., П. У.

¹³¹ Двойственность терминологии Маржерета (слуги, в данном контексте, несомненно, холопы, обозначены у него двумя словами — «esclaves» и «serfs») проистекает из сложности описываемого явления. Необходимо учесть два момента. Во-первых, серваж (одна из наиболее ранних и тяжелых форм личной зависимости крестьян от сеньора) не был рабской зависимостью (последняя сохранялась в средневековой Франции в очень незначительных масштабах в форме домашнего рабства). К концу XVI в. от древнего серважа остались лишь некоторые следы в нормах права ряда провинций. Вот одна из причин, почему капитан как бы колеблется в выборе термина, используя оба в одной фразе. Во-вторых, Маржерет — столичный житель Российского государства, перед его глазами возникла прежде всего панорама жизни московских домов его русских знакомцев. Положение же холопов на барском дворе в Москве и в сельской (вотчинной или поместной) усадьбе барина существенно разнилось по ряду характеристик. Не входя в детали, отметим самое существенное. Холопство с середины XVI в. существовало в двух видах. К первому относились полные, докладные и документально оформленные старинные холопы. Только их (и то с рядом важных ограничений) можно охарактеризовать как «esclaves». Уже в начале XVII в. фактически ис-

чезли полные и докладные холопы, старинные пополнялись исключительно за счет естественного прироста (их численность медленно, но неуклонно сокращалась). Второй вид представлен кабальными (по служилой кабале) и добровольными холопами. Все попытки власти законодательно запретить существование последних (переводя в разряд кабальных холопов) оказались неудачными, и эта форма зависимости (ее никак нельзя назвать рабской) оказалась живучей на протяжении всего XVII в. Кабальным людям в 1597 г. запретили прекращать зависимость путем выплаты долга — служба для них заканчивалась только со смертью господина. Но тот же закон отменил наследственный характер кабальной службы: холоп и его семья становились свободными в момент смерти хозяина (другое дело, как эта норма реализовывалась или же нарушалась). Использование холопов на господской пашне — давнее, уходящее в глубь столетий и известное в науке явление (см.: *Панеях В. М.* Холопство в XVI — начале XVII века. Л., 1975). Важно другое — к концу XVI в. становится заметной тенденция «осаживания» холопов на тяглом наделе (другое дело, что масштабы этого не следует преувеличивать). По всем названным обстоятельствам терминологический параллелизм капитана вполне оправдан. — *В. Н., П. У.*

¹³² В делопроизводстве Франции свитки вышли из употребления в XIV в. Подчеркивая архаичность порядков на Руси («они многие вещи ведут от древности»), Маржерет несколько неточен: оборот документов и их фиксация велись в разных формах: в виде отдельных листков, в тетрадах, в книгах разного формата и в разных переплетах и в столбцах также. Так было в центральных ведомствах и в местных учреждениях. — *В. Н., П. У.*

¹³³ «И Он развернул его передо мною, и вот список исписан был внутри и снаружи, и написано на нем...» (Иез. 2:10). — *П. У.*

¹³⁴ Приглашения иностранных врачей для лечения монарха и его семьи известны с конца XV в., в устойчивую традицию это явление оформилось с 1550—1560-х гг. — *В. Н.*

¹³⁵ Здесь речь идет не столько о приказе Большого дворца как учреждения, сколько о дворцовой собственности, т. е. о крупных и средних по размерам сельских и промысловых владениях (волостях, селах и др.), принадлежавших монарху на праве личной собственности. Большим дворцом это учреждение именовались по традиции: в конце XV — середине XVI в. кроме ведомства большого дворецкого (или просто дворецкого) существовало несколько областных дворцов во главе с особыми дворецкими. А именно — Тверской, Дмитровский, Угличский, Рязанский, Новгородский (это ведомство, в отличие от других аналогичных учреж-

дений, располагалось в Новгороде, возникло же оно в первой половине XV в., в годы независимости боярской республики), Нижегородский и Мещерский, позднее, после взятия Казани, он именовался Казанским (он существовал и в XVII в.). Функции и прерогативы ведомства Большого дворца отнюдь не исчерпывались управлением населением и контролем над местным аппаратом дворцовых владений, а также надзором за деятельностью всех дворцовых учреждений в Москве, обслуживавших разнообразные потребности государя, его семьи, в целом государева двора, государственных учреждений. Большой дворецкий и дьяки ведомства обладали объемными судебными, административными и финансовыми прерогативами в отношении целого ряда сословных групп и церковных корпораций. К началу XVII в. в доходную часть этого приказа поступали не только различные налоги, оброчные и пошлинные платежи, откупные деньги с дворцовых крестьян, жителей дворцовых слобод, но и судебные пошлины и штрафы с дел, подсудных и разбиравшихся в данном ведомстве. Во Франции юристы делили королевский домен на вещественный (*corporel*) и невещественный (*incorporeal*). В первый включали недвижимость с поступающими доходами от ее хозяйственного использования или аренды. Второй вид означал доходы от осуществления судебных и регальных прав (чеканка монеты, выморочное имущество) и разного рода акцизы (за приложение печати и т. п.). — В. Н., П. У.

¹³⁶ Речь идет о дворецком, главе приказа Большого дворца. Еще с начала XVI в. большими дворецкими становились лично близкие монарху представители знати (чаще из нетитулованных аристократических семей), а с середины века закрепилась практика назначения главой ведомства ближайших родственников жены. Во Франции *maître d'hôtel du Roi* осуществлял юрисдикцию над семью высшими слугами королевского стола. — В. Н., П. У.

¹³⁷ В 1580—1590-е гг. приказы-четверти не имели особых названий и фигурировали как чети (четверти) определенных дьяков. В начале XVII в. за ними закрепляются названия и устойчивый состав управляемых территорий: Новгородская и Нижегородская, с 1601 г. известна особая Нижегородская («новоприбыльная») четь (она, однако, не известна после Смуты), Владимирская, Галицкая, Костромская, Устюжская (получила название, видимо, позднее других, но до февраля 1606 г.). Подробнее см.: Павлов. Приказы. С. 192—193, 198—204; Он же. Эволюция четвертных приказов в конце XVI — начале XVII в. // АРИ. М., 1993. Вып. 3. С. 217—277. Чети ведали в судебно-административном плане податное сельское и городское (но, как правило, не частнозависимое) население, собирали некоторые

- прямые налоги по посощному раскладу, оброчные, таможенные платежи и различные пошлины с большинства групп податных сословий. — В. Н.
- ¹³⁸ Приказ Большого прихода образовался ок. 1554 г., в конце XVI в. возглавлялся боярином, был главным ведомством по сбору прямых налогов. — В. Н.
- ¹³⁹ Характерно использование Маржеретом этого термина. Во Франции талья была прямым налогом в королевскую казну, от которого освобождались некоторые привилегированные города, духовенство, дворяне и, как правило, их земли. В России после середины XVI в. (введение унифицированных поземельных окладных единиц, ликвидация налоговых изъятий, введение новых денежных налогов и перевод в денежную форму повинностей и т. п.) совокупность прямых налогов (как правило, трех, но в некоторых областях до 4—5) падала на все податные слои, причем размеры сохи (главной поземельной окладной единицы) варьировали в зависимости от вида земельной собственности (более тяжелыми были нормы государственного обложения для государственных крестьян, более легкими для церковных и дворцовых, еще легче для поместных крестьян) и от качества почв (они делились на «добрые», «средние», «худые»). — В. Н.
- ¹⁴⁰ Маржерету здесь явно вспомнилась Франция: никаких «князей государевой крови», если под ними понимать близких родственников правивших государей, в России начала XVII в. не было. — В. Н.
- ¹⁴¹ Остается неясным, имел ли в виду Маржерет обычное для документации того времени исчисление «в одном поле, а в трех потому же». Если да, то приведенные цифры близки к распространенным показателям (6 десятин «добррой» земли, или 7 «средней», или 8 «худой»). Но в принципе картина была достаточно пестрой (см.: *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением (XIV—XVI вв.). Л., 1987. С. 80—85, 91—94 и др.). — В. Н.
- ¹⁴² Приведенные Маржеретом цифры нереальны при любом понимании текста. Относит ли он суммы в 10—15 рублей («а то и до двадцати рублей») к счету на десятины или на выти, они многократно превышают реальное обложение. Примерно таковы показатели в расчете на самую крупную окладную единицу — соху (*Шапиро А. Л.* Указ. соч. С. 101—105). — В. Н.
- ¹⁴³ Приказ Казанского и Мещерского дворца ведал всем населением Среднего и Нижнего Поволжья с конца 1550-х гг., с конца 1580-х гг. — Сибирью (в отличие от приказов-четвертей ему было подведомственно русское дворянство, местное служилое и ясачное население в служебном, административном, судебном и налоговом отношениях). Какую именно четверть называет Маржерет «Новой», остается неясным. — В. Н.

- ¹⁴⁴ По сравнению с серединой XVI в., когда ведомство Казны и ее канцелярия охватывало большинство функций будущих приказов (почти всех типов), статус и значение Казны к концу столетия резко уменьшились. На первый план выдвинулось сохранение и умножение государственной казны в форме драгоценностей, мехов, дорогих тканей и т. п. — *В. Н.*
- ¹⁴⁵ Ведомство печатника с его штатом по традиции считалось подведомственным казначеям (Казне), но в конце XVI — начале XVII в. оно стало самостоятельным учреждением, причем функции печатника и думного посольского дьяка порой соединялись в одном лице (к примеру, В. Я. Щелкалов до 1601 г.). При Лжедмитрии I печатником был думный (но не посольский) дьяк Б. И. Сутупов. Все юридически значимые документы запечатывались печатями разных типов, за что взимались пошлины. — *В. Н.*
- ¹⁴⁶ Поместный приказ ведал распределением поместных земель, контролировал их оборот, вел учет всех остальных видов землевладения (в т. ч. светского и церковного вотчинного, а также дворцового и черносошного), руководил земельными описаниями и дозорами (на их основе составлялись платежные книги), судил некоторые поземельные дела и т. п. Образовался в середине 1550-х гг. — *В. Н.*
- ¹⁴⁷ Конюшенный приказ восходит к ведомству Конюшенного пути, едва ли не древнейшему среди других «путей», совокупность которых образовывала в XIII—XV вв. княжье (великокняжеское) хозяйство (древнейшее указание на Конюший путь восходит к рубежу XII—XIII вв.). По традиции этот путь возглавляло лично близкое к монарху лицо из нетитулованной старомосковской знати в чине боярина, причем в Думе ему принадлежало одно из первых мест (к примеру, в мае 1584 г. конюшим стал боярин Б. Ф. Годунов, будущий царь). Главной, но далеко не единственной задачей было содержание царского конского поголовья (очень многочисленного и различного по качеству пород и целям использования). При продаже коней пятнали (т. е. ставили клеймо), и за эту операцию брались пошлины. — *В. Н.*
- ¹⁴⁸ Маржерет точен в перечислении номенклатуры российского экспорта. Вывоз зерна требовал специального разрешения царя. Хотя выплата жалованья мехами, оплата ими импортных товаров для государственной казны имели место, обычно это происходило при крупных закупках или единовременной выплате жалованья сравнительно многочисленной группе лиц. Во Франции ведомство Сохранной казны было реорганизовано в 1523 г. с образованием двух отделов. В одном из них аккумулировались доходы королевского домена, в другом — экстраординарные поступления. Сам термин «Сохранная казна» в России тогда не существовал. — *В. Н., П. У.*

- ¹⁴⁹ Коронация Марины Мнишек стала составной частью свадебных торжеств в Москве в мае 1606 г. — В. Н.
- ¹⁵⁰ Маржерет дал самое развернутое описание щедрых пиров избранного царя Бориса Годунова под Серпуховым во время его похода со всеобщей мобилизацией военных сил (за вычетом гарнизонов в пограничных крепостях). У Буссова рассказ короче и связан с торжественным приемом крымского и персидского посланников (в последнем Буссов ошибается: шахского дипломата летом 1598 г. в России вообще не было, а доставленный в Москву гонец-полусамозванец не был у царя на приеме — Буссов. С. 83). Еще короче сообщение Массы, хотя и он подчеркивает пышность официальных приемов. В «Новом летописце» в связи с приездом крымского посланника подчеркнуты масштабы приема (отряды с огнестрельным оружием стояли на протяжении 7 верст), и «великое жалованье» крымскому мурзе, и «многие дары» хану с русскими послами в Крым. Немногом ранее сообщается о «жалованьи и милости великой» Бориса Годунова «ратным людям и всяким» (Масса. С. 51; ПСРЛ. Т. 14. С. 50—51). В разрядах приведена хронология событий: царь выступил из столицы с государевым полком 7 мая, прибыл в Серпухов 11 мая, прием посланника состоялся 29 июня (он прибыл еще 18 июня), а на следующий день Годунов отбыл в Москву (РК 1475—1598. С. 524, 531—532). Скорее всего, собеседники снабдили капитана довольно достоверной информацией: массовые смотры (с верстанием повышенными окладами) с раздачей денежного жалованья и наград наверняка сопровождалась пирами от имени царя. Размах пиршеств все же несколько преувеличен по числу приглашенных на каждый прием, а возможно, и по количеству пиров. — В. Н.
- ¹⁵¹ Мюид — крупная мера для жидких и сыпучих тел. Парижский мюид для вина равнялся 274 л, в других провинциях он бывал и больше, и меньше этой цифры. Назвать емкость из серебра «бочонком» вряд ли точно — это бочка и притом солидная. — А. Б., П. У.
- ¹⁵² Атлас — вид шелковой плотной ткани с лоском, обычно сложноузорчатой; бархат — вид шелковой ткани с густым, коротко стриженным ворсом (гладким или рытым); камка — вид шелковой ткани с разводами; тафта — вид шелковой гладкой тонкой ткани. Эти сорта дорогих шелковых тканей Россия получала через торговлю с Персией и среднеазиатскими государствами. — В. Н.
- ¹⁵³ Приглашенные на военную службу иностранцы, согласно существовавшим в Российском государстве правилам, по прибытии в Москву получали так называемое «жалованье на приезд». Его размеры и состав сильно варьиро-

вали прежде всего в зависимости от происхождения, статуса (сословного и профессионального) нанимаемого лица в стране, откуда он приехал, состояния казны и т. п. В жалованье входили деньги, меха (соболи или куницы), дорогие ткани (перечисляемые Маржеретом), а также что-то из серебряной столовой посуды (братины, кубки, чарки и т. п.; см. роспись такого жалованья той части прибывших в 1612 г. наемников, которая отличалась в 1613 г. и была принята в службу в 1614 г. — РИБ. Т. 8. С. 115—116). Парча — вид драгоценной сложноузорчатой ткани с шелковой основой и поперечными золотыми или серебряными нитями (в утке). — В. Н.

¹⁵⁴ Габель во Франции — косвенный налог на соль, считавшийся очень тяжелым. Здесь, конечно, речь идет о пошлинах при торговле импортными товарами вполне ощутимых (беспошлинный торг одно время вели купцы английской Московской компании, но с 1584 г. платили и они, хотя половинный тариф). Слова «там из них отбирают для императора» означают принудительную продажу, но не конфискацию в Казну товаров, заинтересовавших царских чиновников. — В. Н., П. У.

¹⁵⁵ В России того времени выплавляли железо только из болотной железной руды. Попытки поиска серебряных и железных руд с помощью иностранных специалистов в конце XV в. успеха не имели. Маржерет обращается к сравнению денежных систем России и Франции в нескольких местах книги, в каждом случае по конкретным поводам. Здесь в связи с описанием внешней торговли, включая закупку Россией европейских серебряных и золотых монет.

Во Франции той эпохи существовали серебряные и золотые монеты, допускалось также хождение иностранных монет. Власть периодически издавала эдикты, где определялась официальная цена золота, серебра и наиболее распространенных монет. При этом рыночные цены отличались, как правило, от указных, порой заметно. Вот почему во Франции горожане неплохо разбирались в особенностях денежного рынка (*Richet D. Le cours officiel des monnaies étrangères circulant en France au XVI-me siècle // Revue historique. P., 1961. Т. 458*). В дополнение к этому Маржерет еще до приезда в Россию прослужил несколько лет наемником, так что на практике ознакомился с особенностями обращения денег в ряде стран. В книге для читателей во Франции он, естественно, сравнивает российскую и французскую системы денежного счета и монетного обращения. Эти системы (как, впрочем, в большинстве средневековых стран) различались. Во Франции конца XVI — начала XVII в. турский ливр состоял из 20 су (или солей), а один су заключал в себе 12 денье (парижские ливр, су и денье уже в XVI в.

не признавались официально). Ливр был только счетной единицей, как и экю, часто упоминавшейся при обозначении сравнительно крупных сумм (один экю считался равным трем ливрам). Маржерет точно описывает денежное обращение в России. Оно включало монеты трех номиналов: копейки (Маржерет параллельно обозначает их «деннингами»; для него вообще показательно использование немецкоязычных слов и выражений; в том же смысле применяли этот термин датчане и другие североевропейские авторы — Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989. С. 190), деньги (или «московки» — это слово попало в текст капитана явно со столичных улиц) и полушки. Соотношение русских номиналов (в пересчете на французские деньги) указано правильно: одна копейка равнялась двум деньгам («московкам») и четырем полушкам. Стоимость их, по Маржерету, во французской монете такова: полушка равна 4 денье, деньга («московка») — 8 денье, а копейка стоит «около шестнадцати турецких денье». В другом месте (на л. 3 об.) капитан привел уплаченную им за ягненка сумму в 10 деннингов, что равнялось «примерно тринадцати су 4 денье». Или иначе, одна копейка приравнивалась им здесь «примерно» 16 денье. Почему неуверенность Маржерета начиналась с самого высокого номинала (впрочем, на л. 33 об., повествуя о годах страшного голода в России, капитан приравнивает деньгу семи, а не восьми денье), точно сказать нельзя (о некоторых возможных мотивах — см. ниже). — А. Б.

¹⁵⁶ Маржерет точен в перечислении единиц денежного счета, использовавшихся тогда в России: 1 рубль (он равнялся 100 копейкам), половина (полтина) и четверть рубля, гривна (она состояла из 10 копеек), алтын (равнявшийся 3 копейкам). Французские эквиваленты названы в двух случаях. Алтын, по Маржерету, равнялся 4 солям или су, т. е. здесь он исходил из копейки, приравненной точно к 16 денье (деньга, соответственно, равнялась 8 денье). Рубль же он определил менее твердо: «примерно» 6 ливров и 12 солей, т. е. 132 су или же 1584 денье (вместо 1600 денье при деньге в 8 денье и копейке в 16 денье). Иными словами, цена деньги в этом случае равна 7,92 денье, а копейки — 15,84 денье. Если же приравнять деньгу к 7 денье (см. выше, коммент. 155), то тогда сумме в 6 ливров 12 су будет соответствовать 1,1314 рубля. Итак, некоторая неуверенность у Маржерета возникает при оперировании сравнительно крупными единицами денежного счета. Не исключено, что на это повлияли разные обстоятельства. В частности, конкретные условия жизни в катастрофические голодные годы, при росте цен на зерно в 15, 20 и более раз (в примере Маржерета на л. 33 — более чем

в 25 раз). Другая возможная причина — осязаемое завышение стоимости московских монет в книге Маржерета в сравнении с весом содержащегося в них серебра. Капитан отметил, что серебро в русских деньгах более чистое, чем в широко распространенной в Европе монете в 8 реалов. В последней при весе в 27,4680 гр., пробе 67/72-х (т. е. примерно 93,0555 %) содержалось 25,5603 гр. чистого серебра (*Vilar P. Or et monnaie dans l'histoire. 1450—1920. P., 1976. P. 170 и след.*). Стало быть, проба серебра в русских монетах, по капитану, достигала 95 %, а возможно, и превышала этот показатель. Но даже если принять пробу в копейке за 100% (что было технологически тогда недостижимо) и исходить из теоретического веса копейки в 0,68 гр. (в реальности он колебался в 1598—1606 гг. между 0,62—0,66 гр. — см.: *Мельникова А. С. Русские монеты. С. 301—304*), то чистого серебра в ней все равно заметно меньше, чем в 16 денье с 0,736 гр. серебра (при расчетах исходили из официальной стоимости по эдикту Монсо от сентября 1602 г.; в итоге, в одном ливре считаем 11,04 гр. серебра, в одном су — 0,552 гр., а в одном денье — 0,046 гр.). Сделал ли это Маржерет специально или же так у него получилось в результате стечения разных обстоятельств, остается неясным. — А. Б.

¹⁵⁷ Торговля европейскими монетами в России описана Маржеретом со знанием дела. Массовый их завоз подтверждается документами: в 1604 г. англичане доставили 30564 талера, голландцы 75564 талера, французы 11986 (*Мельникова А. С. Русские монеты. С. 70*). Масштабы операций, несомненно, говорят о взаимной выгоде этой торговли. Для западноевропейских купцов, к примеру, монета в 8 реалов (ее Маржерет называет здесь «реал в 40 су») стоила во Франции конца XVI — начала XVII в. 40—42,75 су, в России же они продавали ее (как говорит Маржерет) по 12 алтын, или по 36 копеек, т. е. за 48 су (капитан пишет осторожнее — «около 48 солей»). Необходимо учесть, что казна (и не только она) расплачивалась обычно мехами, кожами, воском и другими экспортными товарами. С учетом значительной разницы цен на эти товары в Западной Европе и в России, профиты иностранных купцов резко увеличивались. Выгоды российских властей заключались прежде всего в том, что приобретение западных монет было необходимым источником денежного хозяйства и денежного обращения в стране. Рейхсталер, учрежденный в 1566 г., был заметно тяжелее восьмидесятиреаловой монеты, но серебро в нем было низкой пробы (88,9%), так что содержание чистого серебра в них было весьма близким (25,5603 в реале и 25,9855 в талере). Маржерет только упоминает о ввозе золотой монеты, а именно дукате. Помимо старого венецианского дуката (или первого), в Европе

имели тогда хождение многие золотые монеты, носившие во Франции (и не только) название дукатов с дополнительным определением — старый испанский, арагонский и кастильский, сицилийский, венгерский и т. д. Ко второй половине XVI в. вес этих монет постепенно понижался (по сравнению со старым венецианским) и колебался вокруг 3,425 гр. при пробе в 23,5—23,75 карата. Названная Маржеретом цена в 16 алтын была невысокой, но и диапазон в 18—21 алтын не обещал продавцам заметной прибыли (см. цены на дукаты во Франции во 2-й половине XVI в. — *Richet D. Op. cit.* P. 390—392). Капитан верно подчеркивает обстоятельства, когда цена на дукаты резко поднималась (до 24 алтын): в особо торжественные дни коронации (он наблюдал коронацию «царя Дмитрия»), царской свадьбы (в мае 1606 г.), крестин в царской семье (см. также коммент. 228 в наст. разделе относительно чеканки русских золотых монет). — А. Б., В. Н.

¹⁵⁸ Должность конюшего в царствование Бориса Годунова занимал его дядя, боярин (стал им в особом дворе Ивана IV не позднее 1578 г.) Дмитрий Иванович Годунов. При Лжедмитрии I «великим конюшим» назван его «дядя» по мнимой матери, боярин Михаил Федорович Нагой. Пост конюшего, бесспорно, важный и весьма престижный, не был, тем не менее, высшей должностью в России (см. коммент. 162 в наст. разделе). О Конюшенном приказе и его истоках см. коммент. 147 в наст. разделе. — В. Н.

¹⁵⁹ В конце царствования Ивана Грозного царской аптекой и врачами ведал любимец и фаворит царя Богдан (Андрей) Яковлевич Бельский. Существовал ли тогда Аптекарский приказ — вопрос проблематичный. Он же, уже в статусе окольничего, возглавлял Аптекарский приказ осенью 1600 — в середине 1601 г. (до опалы). Затем, в том же 1601 г. во главе ведомства встал близкий родственник царя, окольничий, а с 1602 г. боярин Семен Никитич Годунов. Кто руководил приказом при Самозванце — не известно (*Назаров В. Д.* Бельский Б. Я. // БРЭ. М., 2005. Т. 3 С. 296). — В. Н.

¹⁶⁰ В царствование Бориса Годунова приказ Большого дворца возглавлял его близкий родственник, боярин Степан Васильевич Годунов. В правление Самозванца во главе приказа был поставлен боярин кн. Василий Михайлович Рубец-Масальский (он рано перешел на сторону Лжедмитрия I и остался верен ему в критические моменты января—марта 1605 г.). О Большом дворце, его истории см. коммент. 135, 136 в наст. разделе. — В. Н.

¹⁶¹ Кравчие ведали одной из важнейших сфер царского обихода — царским питьем. Документально эта должность известна не позднее начала XVI в. Обычно (по крайней мере, во второй половине XVI — начале XVII в.) должность давалась «с путем», в который входил гор. Гороховец с волостью.

В царствование Бориса Годунова кравчими в Думе последовательно были Иван Иванович Годунов (с сентября 1598 г. по октябрь 1602 г.), а затем Иван Михайлович Годунов (с октября 1602 г.). При Лжедмитрии I кравчим состоял окольничий кн. Борис Михайлович Лыков-Оболенский. — В. Н.

¹⁶² Заключение Маржерета о названных четырех должностях как «первых в Совете» (т. е. в Думе) — неверно. Эти учреждения были ведущими (по разным причинам) в системе дворцовых приказов и ведомств, но не управления страной в целом. В разного рода перечнях членов Думы названные выше лица отнюдь не занимали первые места, во главе Думы стояли кн. Бельские (до 1571 г.), Мстиславские, Шуйские. Стольники и стряпчие не были, конечно, должностями. Стольники и стряпчие суть чины (статусные позиции) в структуре Государева двора. Ряды стольников заполняли молодые люди из семей титулованной и нетитулованной знати, несшие разнообразные придворные службы (главным образом на дворцовых приемах и церемониях) и исполнявшие отдельные поручения монарха за пределами столицы (военные, административные, дипломатические). Из стольников попадали в Думу или в состав «московских» дворян. Стряпчие также служили по дворцовым ведомствам (в первую очередь обслуживавшим обиход царской семьи), их пребывание в этом чине не ограничивалось юношескими годами (в отличие от стольников), пополнялись они по преимуществу из рядов старомосковских родов, служивших московским монархам в данном чине на протяжении нескольких поколений. Кого понимает Маржерет под пажами, сказать с определенностью нельзя. Под это определение подходят, скорее всего, жильцы — низшая страта «московских чинов» государева двора, состоявшая из молодых людей, не относившихся по происхождению к первостатейной титулованной и нетитулованной знати (о стольниках, стряпчих и жильцах см.: Павлов. Государев двор. С. 109—113, 117—119). — В. Н.

¹⁶³ Маржерет определяет московских стрельцов как «императорскую гвардию» по их функциям (они несли охрану Кремля, царского дворца в нем и учреждений, сопровождали царя во время поездок по монастырям и т. п.), организации и привилегированному статусу по сравнению со стрельцами в других городах (они ведались в особом Стрелецком приказе, жалованье московских стрельцов было выше и т. п.). Исследователи принимают численность московских стрельцов, приведенную у Маржерета. — В. Н.

¹⁶⁴ Капитаном во второй половине XVI — начале XVII в. французы называли командира отдельной военно-тактической и военно-административной единицы — роты или батальона. Приравнение стрелецкого головы, командовавшего приказом стрельцов в 500 воинов, к капитану роты и даже

батальона вряд ли равноценно. Речь, скорее всего, должна идти о более высоком звании и чине. Почему Маржерет не уподобил сотников, командиров сотни стрельцов, лейтенантам — остается неясным, хотя он же видит в стрелецких десятских французских капралов. «Один Генерал» стрельцов — это, конечно, глава Стрелецкого приказа, в котором ведались вообще все стрельцы во всех отношениях, за исключением сферы военно-оперативного руководства во время военных действий (эта функция оставалась за Разрядом). Пост главы Стрелецкого приказа занимал боярин и обычно очень близкое к монарху лицо: при Лжедмитрии I эта должность была за боярином Петром Федоровичем Басмановым, его фаворитом. Позднее, в 1630—1640-е гг. фактический глава правительства возглавлял обычно четыре приказа: Аптекарский, Большой казны, Иноземский и Стрелецкий. — В. Н.

¹⁶⁵ В какой мере десятский по своим функциям соответствовал французскому капралу — вопрос, требующий специального изучения. Разделение на сотни и десятки отражает весьма древнюю традицию. Существенны сведения Маржерета о размерах денежного, земельного и хлебного жалованья. — В. Н.

¹⁶⁶ Характеристика Маржеретом выборных дворян содержит разнообразную и весьма важную информацию. Прежде всего, количественные квоты — от 16 до 30 дворян той или иной уездной («городовой») корпорации служилых людей «по отечеству». Маржерет говорит о трех годах пребывания этих выборных в Москве. Современные исследователи полагают, что он ошибся: треть года (дворовые служили при дворе посменно именно по «третям») капитан принял за три года (Павлов. Государев двор. С. 119—120 и след.). Вопрос, однако, требует дальнейшего изучения (особенно в плане характера представительства удаленных от Москвы служилых городов). — В. Н.

¹⁶⁷ Объярь — вид волнистой (струистой) тонкой шелковой ткани с золотыми и серебряными нитями; скарлат (скорлат) — вид очень дорогого сукна тонкой выделки (итальянской работы). — В. Н.

¹⁶⁸ Описание приезда иностранных послов (от границы до Москвы, встречи в столице и т. п.), их пребывания в Москве очень близки к тому, о чем сообщает документация Посольского приказа. Из числа выборных дворян (не находившихся на службе в Москве) назначали пристава у послов или у других лиц (выполнивших те или другие дипломатические поручения), обязанного проводить их до столицы, снабжая едой и фуражом. Во время пребывания послов в Москве назначался другой пристав с помощниками (из числа дворян, а также стрельцов), призванный обеспечить безопасность

послов и пресечь их несанкционированные контакты с местным населением. В его обязанности также входило снабжение посла и его свиты всем необходимым. — В. Н.

¹⁶⁹ Здесь Маржерет не вполне точен — кормы для посольства брались не только из дворцовых сел и волостей (при их проезде в Москву). В Москве же использовались в первую очередь дворцовые запасы, но кое-что иногда приобретали на рынке. — В. Н.

¹⁷⁰ Маржерет описывает ежегодный пятиполковой Береговой разряд, базирующийся на крепости по левому берегу Оки, в ее среднем течении (от Калуги до Каширы). Армия состояла из Большого полка (по Маржерету — «основная часть армии»), полков Правой илевой руки (у капитана правое и левое «крылья»), Передового полка (по книге — «авангард») и Сторожевого полка (по Маржерету — «арьергард»). Верно отмечена практика действий «в сход». Помимо Берегового разряда, с конца XVI в. южнее Оки, с опорой на вновь воздвигнутые крепости, дислоцировалась ежегодно (с весны по осень) рать трехполкового состава. Средний офицерский состав представлен в России головами, отчасти сотниками (главным образом в пехоте). Последних Маржерет офицерами не признавал. — В. Н.

¹⁷¹ Маржерет в принципе верно описывает структуру поместного ополчения, состоявшего из городских (уездных) детей боярских, объединенных в служебном и поземельном отношении в уездные корпорации (они учитывались особыми документами — десятнями разных типов по тому или другому городу). Точен он и в цифрах — действительно, крупнейшие дворянские корпорации заметно превышали 1000 человек. — В. Н.

¹⁷² Приведенные Маржеретом нормы, согласно которым каждый дворянин-земледелец обязан выставить определенное число конных и пеших воинов с определенного количества земли, относятся к 1556 г. По Уложению 1604 г., эти нормы были увеличены вдвое (с каждых 200, а не 100 четвертей). Следует только помнить, что отсчет начинался после первых 100 или 200 четвертей (с них нес службу сам дворянин). Обычно такими военными слугами были холопы-послужилыцы, привилегированная верхушка холопов. Наконец, далеко не всегда корпорация целиком участвовала в той или иной военной кампании, а когда мобилизовывалась, то она нередко дробилась между разными полками и распускалась после завершения похода или оборонительных действий. — В. Н.

¹⁷³ Кн. Федор Иванович Мстиславский (ум. в 1622 г.), боярин в земской Думе (с 1576 г.). Участник дворцовой борьбы в 1584—1587 гг., завершившейся для его отца постригом в монахи, а затем смертью (в 1587 г.). Согласно

местническому счету и традиции, с июня 1586 г. и практически до конца жизни считался первым боярином в Думе, однако реальной практической властью не обладал. Его имя называлось современниками в качестве кандидатуры на царский трон в 1598 г., в 1606 г., в 1610 г. и в 1613 г. Участник всех Земских соборов конца XVI — начала XVII в. Возглавлял правительственную армию в кампании против Лжедмитрия I зимой—весной 1604—1605 гг. Участник заговора против «царя Дмитрия Ивановича». Позднее активно участвовал в кампаниях против повстанцев в 1606—1607 гг. После свержения царя Василия Шуйского возглавил правительство Семибоярщины, подписал как член Семибоярщины августовский договор с Сигизмундом III об условиях избрания королевича Владислава на русский трон. Крупнейший (после государей) светский землевладелец: в 1613 г. в его вотчинах было ок. 50000 дес. Упомянутые Маржеретом четыре императора — это цари Федор Иванович, Борис Федорович (Годунов), «Димитрий Иванович» и Василий Иванович (Шуйский). — В. Н.

¹⁷⁴ Ровно 15 окольных названо в перечне Совета (думы) Лжедмитрия I в подразделе «Совет других окольных». Указанные Маржеретом размеры денежных и земельных окладов по чинам близки к тем, которые известны по документам (правда, сугубо отрывочно). — В. Н.

¹⁷⁵ Нормы земельных окладов выборных дворян не указаны, но они заметно превышали оклады городских детей боярских. Следует иметь в виду, что оклады сильно варьировали в разных корпорациях в зависимости от целого ряда причин. — В. Н.

¹⁷⁶ Сведения Маржерета о местных служилых людях Казанского края и соседних территорий являются, пожалуй, наиболее полными (особенно интересны сведения о денежном жалованьи). Под черкасами Маржерет понимает, скорее всего, служилые группы северокавказских народностей, хотя цифра, почти наверняка, преувеличена. — В. Н.

¹⁷⁷ Сам Маржерет получил при выезде на службу в Россию поместный оклад в 700 четей (1050 десятин в трех полях) и денежный оклад в 80 рублей. Документально известно о получении им годового за 1604/05 г. жалованья в полном размере. О своих земельных владениях в 1600—1606 гг. он молчит (см. документы № 1, 18 во втором разделе наст. издания, с. 265, 338—339). Прибывшие с ним наемники получили заметно меньшие оклады. Майские пожалования 1611 г. вотчинами и поместьями (см. документы № 5—7 во втором разделе наст. издания, с. 274—276) вряд ли были получены Маржеретом. — В. Н.

- ¹⁷⁸ Следует отличать даточных людей, которых брали на службу со светских владельцев вотчин и поместий, не несущих по разным причинам военной службы, а также с церковных владений, от посошных людей, которых мобилизовывали на военно-транспортные (прежде всего транспортировку артиллерии и боеприпасов) и военно-инженерные работы по сошному раскладу. Хотя грань между ними была зыбкой. В росписи русской армии 1604 г., опубликованной в свое время С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславским, значительный объем занимают списки даточных людей с частичным их распределением по полкам (последнее издание см.: *Станиславский. Двор. С. 378—404* и др.). — *В. Н.*
- ¹⁷⁹ Стрельцы входили в состав гарнизонов не только южных крепостей страны, но и западных, в частности, укомплектованные и подготовленные стрелецкие приказы располагались в Смоленске, Пскове, отдельные отряды в целом ряде других городов на западном пограничье. Далее Маржерет описывает различные группы служилых казаков в южных же гарнизонах (кормовые казаки, беломестные, поместные и т. п.). Если цифра в 5000—6000 относится только к служилому казачеству на юге, то она, возможно, несколько преувеличена. — *В. Н.*
- ¹⁸⁰ Маржерет, описывая главные черты быта и жизни вольных («настоящих») казаков, справедливо не обращает особого внимания на их географическое разделение. И те, и другие, и третьи принципиально объединены условиями существования за границами государственно-оформленных стран (России, Речи Посполитой). Капитан говорит здесь только о практике сношений с вольными казаками российского правительства и точно указывает размеры индивидуальных награждений и выплат жалованья на войско в целом. Остается неясным, кто включен им в цифру от 8 до 10 тысяч казаков — вся вольница по Днепру, Дону, Волге или же только донские и волжские казаки. — *В. Н.*
- ¹⁸¹ Подолия здесь, как и в других местах, суть Западная Украина. — *В. Н.*
- ¹⁸² «Татарин» здесь — крымский хан. Информативно описание заготовки провианта и его доставки русскими воинами в южные крепости. — *В. Н.*
- ¹⁸³ Номенклатура подарков была намного шире. В нее включались золотые монеты разных номиналов (как своеобразные памятные медали по случаю значимых побед), шубы, меха (соболи, куницы, чернобурки), серебряная посуда, иногда лошади. Кроме того, наградой было увеличение денежного и земельного окладов. Так что дорогие ткани были лишь частью этого каталога наград. Чаше награды давали коллективно, чем персонально. В конечном итоге, все зависело от повода (т. е. значимости военного успеха), статуса

награждаемых и возможностей казны (что стало особенно актуальным позднее в Смуту). — В. Н.

¹⁸⁴ Маржерет имеет в виду поход и сравнительно недолгую осаду Астрахани турецкими и крымскими войсками в 1569 г. — В. Н.

¹⁸⁵ В 1591 г. армия крымского хана Казы-Гирея достигла окрестностей Москвы, но после ожесточенных боев была вынуждена стремительно отступить, понеся при этом большие потери. По некоторым данным, хан был ранен. В 1592 г. состоялся набег крымских царевичей на русские уkraine. С 1593 г. Крым, повинувшись султану, был втянут в австро-турецкую («долгую») войну. — В. Н.

¹⁸⁶ Маржерет здесь неточен. Русские войска не воевали на Северном Кавказе с грузинами; военные действия велись с владельцами Дагестана и ряда иных полугосударственных образований, находившихся под сюзеренитетом по преимуществу Османской империи. В конце 1580-х — начале 1600-х гг. успешные в целом наступательные операции русских войск и разумная дипломатия укрепили позиции Российского государства, расширили его территории в регионе. В 1588 г. был восстановлен Терский городок (в устье реки Терек), позднее были сооружены Сунженский городок (на одноименной реке; скорее всего, это и есть таинственная Самария в книге Маржерета) и Койсинский острог (на реке Койсу, или Сулак). После того, как русские отряды взяли Тарки, там из имевшихся сооружений воздвигли каменную крепостцу. Но все эти успехи перечеркнуло тяжелое поражение 1605 г., после которого за русскими сохранился только Терский городок (Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М., 1963. С. 270—289). — В. Н.

¹⁸⁷ Местоположение грузин и Грузии между Черным и Каспийским морями указано Маржеретом правильно. Но каким образом наличие Волги могло им помешать успешно воевать с Россией (если таковая возможность станет реальной) — совершенно непонятно. Лишнее доказательство столичной «оседлости» капитана, на Волге он не бывал. — В. Н.

¹⁸⁸ В семье Годуновых еще до 1598 г. были дети, скончавшиеся во младенчестве: сын Мина (умер ок. 1591/92 г.) и дочь Ирина (умерла в августе 1597 г.). Дочь Бориса Ксения родилась ок. 1582 г. и предназначалась отцом в супруги отпрыску какой-либо европейской королевской династии. Две попытки оказались неудачными: переговоры с Габсбургами в течение ряда лет по этому поводу не привели к успеху; датский принц Иоганн скоропостижно скончался вскоре после приезда в Москву (осень 1602 г.). После свержения правительства Годуновых, гибели матери и брата (10(20).06.1605 г.), Ксения

осталась жива. С этого момента начинаются разноречия в источниках. Официальные тексты в правление первого Самозванца сообщали о самоубийстве Годуновых (матери и сына) и о том, что Ксения выжила и вскоре приняла постриг под именем Ольги. Большинство позднейших русских источников, практически все иностранные авторы настаивают на факте убийства Годуновых по приказу Самозванца и на взятии им Ксении в наложницы (слухи об этом дошли до Юрия Мнишка в Польше). Позднее, еще при Лжедмитрии I (точные сроки определить трудно) Ксения была пострижена под именем Ольги и отправлена в Горицкий женский монастырь на Белоозеро. Участвовала в перезахоронении останков родителей и брата в Троице-Сергиевом монастыре летом 1606 г. Находилась в обители во время ее осады отрядами Я. П. Сапеги в 1608 г. — начале 1610 г. (сохранилось ее письмо этого времени). Позднее была на покое в Суздальском девичьем Покровском монастыре, умерла до сентября 1622 г.

Федор родился ок. 1589 г., уже с 1595 г. его имя порой фигурировало рядом с отцовским пока еще в частных, но имевших публичный акцент акциях. С 1597 г. участвовал в дипломатических встречах на дворе отца (Борис Федорович с 1589 г. имел право самостоятельно вести переговоры). Во время Серпуховского похода 1598 г. был оставлен на Москве при двух царицах (тетке-инокине и матери) с восемью членами Думы. Официальная документация шла, как правило, от имени отца и сына, начиная с осени 1598 г., закрепляя статус Федора как наследника и формального соправителя. После смерти отца 13(23).04.1605 г. был наречен на царство Освященным собором, Думой, бывшими в Москве членами двора. В Москве и в ряде городов успели присягнуть царице-матери и царю Федору, но далеко не везде. 7(17).05.1605 г. вспыхнули волнения в правительственных войсках под Кромами, восстание москвичей 1(10).06.1605 г. скинуло правительство Годуновых, мать и дети были арестованы и находились в заключении на старом дворе Бориса Годунова. 10(20).06.1605 г. мать и сын были убиты стрельцами по приказу присланных Самозванцем лиц (кн. В. В. Голицын, кн. В. М. Рубец Масальский и др.). Как самоубийц (по официальной точке зрения) их погребли без отпевания в Варсонофьевском монастыре на Сретенке, туда же отправили гроб с останками Бориса Годунова, извлеченный из захоронения в Архангельском соборе Кремля. — В. Н.

¹⁸⁹ Практика запрета на браки представителям высшей знати существовала и при Иване Грозном, и при Борисе Годунове. Боярину кн. Ф. И. Мстиславскому разрешил жениться только «царь Димитрий Иванович» (на мнимой его родственнице из Нагих). — В. Н.

- ¹⁹⁰ Супругой царя Симеона Бекбулатовича стала княгиня Анастасия Ивановна Мстиславская, сестра боярина кн. Федора Ивановича Мстиславского. Время свадьбы точно неизвестно, но, возможно, бракосочетание состоялось вскоре после перехода царевича в православие (1572 г.). В любом случае, брак заключили до «посажения» Симеона на царский трон в Москве в октябре 1575 г. Кн. Анастасия приняла постриг весной или летом 1606 г., вслед за насильственным пострижением ее мужа (оно состоялось 25 марта (4 апреля) 1606 г., причем по приказу «царя Дмитрия Ивановича» Симеона отправили в Кирилло-Белозерский монастырь, а уже по приказу В. И. Шуйского на Соловки. — *В. Н.*
- ¹⁹¹ Речь идет о княгине Ирине Ивановне Мстиславской. Известны ее многочисленные вклады в монастыри, в частности, в Троице-Сергиев, три пожертвования датируются 1605—1607 гг. (в т. ч. по инокине-царице Александре Годуновой). Вклад по брату состоялся в октябре 1624 г. (вместе с его вдовой), а по себе — в 1635 г. Скончалась старица княгиня Ирина не позднее марта 1640 г. — *В. Н.*
- ¹⁹² Князь Дмитрий Иванович Шуйский был третьим по старшинству из пяти братьев Шуйских. Маржерет знал трех: Василия, Дмитрия и Ивана — кн. Андрея убил пристав в ссылке после опалы в конце 1586 г., а кн. Александр умер в 1601 г. Все братья делали свою карьеру в Особом дворе Ивана IV в 1570-е гг. Кн. Дмитрий был стольником в конце 1570-х гг., с 1580 г. — кравчий «с путем», с весны 1586 г. — боярин. С конца того же года — в опале и ссылке, откуда возвращен с подтверждением статуса и чина весной 1591 г. Занимал важные воеводские и административные должности в 1598—1605 гг. В царствование старшего брата, кн. Василия Шуйского, был крайне неудачлив в военных действиях: проигрывал все решающие сражения и кампании (весной 1608 г. под Болховым отрядам Лжедмитрия II, в июле 1610 г. под Клушиным корпусу гетмана С. Жолкевского и др.). Польским королем Сигизмундом III вывезен в качестве трофея в Польшу, где умер в заключении в 1612 г. — *В. Н.*
- ¹⁹³ Три дочери Григория (Малюты) Лукьяновича Скуратова-Бельского были выданы замуж за Б. Ф. Годунова, кн. И. М. Глинского (Иван IV по матери был из Глинских) и кн. Д. И. Шуйского. Свадьба Шуйского имела место где-то в середине — второй половине 1570-х гг. В это время сыграть решающую роль в заключении брака своячницы с кн. Шуйским Борис Годунов никак не мог, так что в этом пункте Маржерет, скорее всего, ошибся. — *В. Н.*
- ¹⁹⁴ Первая жена кн. В. И. Шуйского не пережила 1580-е гг. (она упомянута в разряде свадьбы Ивана IV с Марией Нагой в октябре 1580 г.). Разрешение

(видимо, предварительное) на второй брак он получил от «царя Димитрия Ивановича». Впрочем, оно так и не потребовалось. После успешной реализации заговора против Самозванца во главе с самим кн. Василием, что позволило ему стать царем, а затем устроить пышную свадьбу в январе 1608 г. после подавления осенью 1607 г. восстания под предводительством И. И. Болотникова. — В. Н.

¹⁹⁵ Густав, сын Эрика XIV от «солдатки» Карин Монсдоттер, родился в 1568 г. и в том же году с семьей оказался в заключении, после того, как его отец был свергнут с престола. Через 5 лет семью разлучили, а еще через два года Густава отправили в Пруссию. Получил образование в разных коллегиях иезуитов, к середине 1590-х оказался в Праге при дворе императора Рудольфа II. Именно там завязали с ним контакты русские дипломаты: незаконнорожденному принцу отправили ценные дары и грамоты. Контакты приобрели регулярный характер к концу века. В итоге в июле 1599 г. Густав пересек российскую границу, а 16(26) августа он был принят царем. Русскими планами предусматривалось создание вассального и дружественного России герцогства на землях шведской Прибалтики с небольшими приращениями для России (Нарва с округой и др.). Проект оказался нереалистичным по ряду причин, поведение Густава вызывало нарекания, в 1601 г. он был сослан в Углич. Рассказы иностранных авторов, в том числе Маржерета, об обещании Бориса Годунова Густаву выдать за него дочь вряд ли достоверны и отражают лишь расхвалившиеся по столице слухи. Последние могли быть спровоцированы великолепием и щедростью приемов, размерами даров Густаву. — В. Н.

¹⁹⁶ Эрик XIV (род. в 1533 г., ум. в 1577 г.), старший сын короля Густава I Вазы. Наследовал отцу в 1560 г., коронация состоялась в 1561 г. Его правление сопровождалось ожесточенной, кровавой борьбой со шведской аристократией и родными братьями. Свергнут с престола в 1568 г. — В. Н.

¹⁹⁷ Юхан III (Иоанн) (род. в 1537 г., ум. в 1592 г.), старший сын Густава I Вазы от второй жены. Получил качественное образование, владел, в частности, пятью языками. Его борьба с единокровным братом Эриком XIV завершилась полной победой: риксдаг, формально низложивший Эрика XIV, провозгласил его королем. Был сторонником восстановления единства религии (веры) в Европе, воспитал старшего сына Сигизмунда (от Катарины Ягеллонки) в католическом духе. К концу его правления сплотилась оппозиция на конфессиональной основе, роль лидера взял на себя третий сын Густава I, Карл. — В. Н.

- ¹⁹⁸ Лев Сапега (род. в 1557 г., ум. в 1633 г.), литовский магнат и виднейший государственно-политический деятель Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, канцлер литовский (1589—1623 гг.), виленский воевода (1623—1633 гг.), великий гетман литовский (1625—1633 гг.). Один из главных «конструкторов» внешнеполитического курса по отношению к России и Прибалтике, последовательный, но умеренный сторонник экспансионистской линии в обоих направлениях. Возглавил «великое» посольство 1600—1601 гг., заключившее с Россией перемирие на 20 лет. Подробный анализ предыстории посольства, хода переговоров и достигнутых результатов см.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения. С. 102—169. — *В. Н.*
- ¹⁹⁹ Маржерет пишет о рындах, составлявших парадную охрану монарха во время дипломатических приемов, других дворцовых церемоний. Кроме того, рынды обязательно сопровождали государя в царских походах, и каждый рында отвечал вместе с помощниками-поддатнями за какой-либо один предмет царского воинского оружия («большого наряда»). Служба рынд была одной из наиболее почетных, значимых в местническом отношении, ее исполняли стольники из аристократических, титулованных и нетитулованных, родов. Описание приема Сапеги, кажется, выдает очевидца. — *В. Н.*
- ²⁰⁰ В этом месте Маржерет живописует пир после официального приема и излагает обязанности стольников во время пира. В зависимости от ранга посольства и послов, от хода переговоров и ряда конкретных обстоятельств «программа» пира могла меняться. Виды работ стольников классифицировались: они «у столов стояли», «в столы смотрели», «вина наряжали», «пить наливали», «в столы отпускали» и др. Эти обязанности не только регламентировались по функциям, но и ранжировались по значимости (о немного более поздней практике см.: *Петров К. В.* Царские «столы» (по материалам 1622—1629 гг.) // Государев двор в истории России XV—XVII столетий. Материалы международной научно-практической конференции. Владимир, 2006. С. 219—237). — *В. Н.*
- ²⁰¹ Обычай «подачи», т. е. рассылки блюд и питья с царского стола на дом имел традиционные корни, а кроме того, развивался в условиях концентрации двора и дворовых чинов в столице. Это разнообразило формы «непосредственных» связей монарха с членами двора (прежде всего, его верхушечных слоев, но не только). Подачи бывали отнюдь не только во время больших дипломатических приемов или «внутренних» масштабных пиров. Подачи отправлялись и с царских столов с небольшим количеством приглашенных. — *В. Н.*

- ²⁰² Шопин — небольшая мера жидкости, немного превышающая 0,5 литра. Парижский шопин равен 0,62 л. — П. У.
- ²⁰³ Торжественная процессия, несущая блюда и питье на подворье, где были размещены послы и их свита, — бытовая, но яркая и часто описываемая картинка дипломатического этикета и политического быта России того времени. — В. Н.
- ²⁰⁴ Похороны жертв голода в коллективных захоронениях и за государственный счет в катастрофические 1601—1603 гг. были не только и не столько актом благотворительности, сколько попыткой упреждающих мер санитарной и социальной безопасности. Попытка оказалась далекой от успеха. — В. Н.
- ²⁰⁵ Климатическая катастрофа 1601—1603 гг. в центральных и северо-западных уездах во многом подорвала возможности регенерации крестьянских хозяйств, соответственно, резко ослабили хозяйственные возможности поместий и вотчин основной массы служилого дворянства, а соответственно резко понизился их военно-служебный потенциал. Заметно выросли налоговые недоимки. Голодные годы привели к массовым подвижкам сельского населения как в территориальном плане (сильный приток беглых в южные пограничные уезды), так и в сословном. Одним из итогов стало противоречивое законодательство, регулировавшее условия прикрепления крестьян к тяглу, приведшее к нарастанию социальных напряжений во всех сферах жизни государства и общества (см.: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 117—190; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне Смутного времени. 2-е изд., доп. М., 1985. С. 101—107, 151—180). — В. Н.
- ²⁰⁶ Кристиан (Христиан) IV (род. в 1577 г., ум. в 1648 г.), сын короля Фредерика II (ум. в 1588 г.), герцог Шлезвиг-Гольштейнский с 1593 г. на праве самостоятельного управления, король Дании и Норвегии с 1596 г. (коронован в том же году). На базе антишведских ориентаций вел переговоры с русскими послами в конце 1601 г., завершившиеся уже весной 1602 г. при поездке датских послов в Россию брачным проектом — предполагавшейся женой брата короля, герцога Шлезвиг-Гольштейнского Ханса (Ганса; у Маржерета — Иоанна или Иоганна) на Ксении Годуновой. Контракт предусматривал выделение Хансу (Иоганну) с семьей Тверского княжения (без Твери) и Важской земли; молодые должны были иметь резиденции в столице и в уделе, принц и его свита имели право свободно отправлять свой культ и выстроить две кирхи «датской веры». Ханс (Иоганн) прибыл в Россию в конце лета 1602 г., но планы сорвались вследствие скоротечной

болезни и кончины принца 28 октября (7 ноября) 1602 г. (его похоронили в подклете протестантской церкви в Немецкой слободе Москвы). Несколько человек из свиты поступили немногим позднее на русскую военную службу. В 1603 г. переговоры велись о новом женихе для Ксении. — В. Н.

²⁰⁷ Маржерету слегка изменила память: инокиня-царица Александра умерла почти ровно через год — 26 сентября (6 октября) 1603 г. Скончалась она в Новодевичьем монастыре, а похоронена, как и положено царице, в соборе кремлевского женского Вознесенского монастыря. — В. Н.

²⁰⁸ Речь идет о репрессиях в отношении взятых в плен участников восстания Хлопка, развернувшегося летом и особенно в сентябре 1603 г. (*Корецкий В. И.* Формирование крепостного права. С. 192—235). — В. Н.

²⁰⁹ Маржерет суммарно, но в целом верно описывает последовательность перехода под знамена Самозванца (не забудем, финальная часть книги посвящена аргументам о подлинности «царя Димитрия Ивановича») городов-крепостей в Северной земле (пять первых из названных им) и в южных пограничных уездах. — В. Н.

²¹⁰ Петр Федорович Басманов — из нетитулованной знати: фамилия Басмановых выделилась в середине XVI в. из старейшей линии старшей ветви рода Плещеевых. Петр Федорович — старший сын Федора Алексеевича, опричного фаворита Ивана IV, и внук Алексея Даниловича, блестящего воеводы и одного из инициаторов опричнины. Петр Федорович начал карьеру стольником в конце 1580-х гг., чашничий в 1598—1599 гг., окольный с 1600 г., боярин с весны 1606 г. В кампании 1604—1605 гг. был реальным командующим в оборонительных боях и действиях гарнизона Новгород-Северского (формально был вторым воеводой). Входил в круг близких советников царя Бориса Годунова (о его последующей судьбе см. коммент. 217, 234 в наст. разделе и *Назаров В. Д.* Басмановы // БРЭ. Т. 3 С. 88—89). — В. Н.

²¹¹ Маржерет вспомнил и зафиксировал в тексте фамилию ротмистра (капитана) Матвея Домарацкого явно по той причине, что хорошо знал его позднее, на службе «царю Дмитрию Ивановичю» в Москве. Возможно, Маржерет имел отношение к допросам пленных наемников. М. Домарацкий участвовал в походе Лжедмитрия I, остался на службе у него после воцарения, позднее перешел в Тушино. Описание первого сражения дано кратко, но профессионально. Выразительная деталь: у Маржерета превагируют даты по григорианскому календарю, но в рассказах о двух решающих сражениях приведены даты по юлианскому календарю. — В. Н.

²¹² Описание сражения при Добрыничах едва ли не лучшее и в отечественных, и в зарубежных текстах. Упоминания о массовых казнях по приказам царя

Бориса русских пленных, о триумфах в Москве с трофеями и пленными иностранцами подтверждаются другими источниками. — В. Н.

- ²¹³ Кн. Василий Иванович Шуйский — старший из пяти братьев. Карьеру начал стольником в Особом дворе Ивана IV, был дружкой со стороны жениха на свадьбе Ивана IV с Марией Нагой (сент. 1580 г.), воеводские назначения получал с 1581 г. Стал боярином до 20(30) мая 1584 г., в опале с конца 1586 и по весну 1591 г. Возглавил комиссию Думы по выяснению причин смерти царевича Дмитрия и волнений горожан в Угличе. На помощь рати кн. Ф. И. Мстиславского был направлен 1(10).01.1605 г. во главе отрядов, состоявших почти целиком из членов двора — стольников, стряпчих, жильцов и т. п. Эти силы в сражении при Добрыничах участвовали, как и сам кн. Василий Шуйский (*Назаров В. Д.* Василий Иванович Шуйский // БРЭ. Т. 4. С. 635—637). — В. Н.
- ²¹⁴ Дата смерти царя Бориса Годунова приведена по григорианскому календарю. Маржерет точен в диагнозе. — В. Н.
- ²¹⁵ Институт дуэлей утвердился во французском обществе с середины XVI в. и был распространен в первую очередь в военной среде. Уже к началу XVII в. они приобрели характер национального бедствия. — В. Р. Н., П. У.
- ²¹⁶ Под «буржуа» понимали прежде всего привилегированных жителей города, обладающих достатком, определенным престижем и пользующихся всем объемом городских прав. — П. У.
- ²¹⁷ События в правительственной армии под Кромами снова даны Маржеретом по григорианскому календарю. Волнениям предшествовала смена воевод (бояре кн. Ф. И. Мстиславский и В. И. Шуйский были отозваны в Москву, а на их место из столицы прислали боярина кн. М. П. Катырева и боярина Петра Федоровича Басманова). Роспись воевод вызвала целый ряд местнических дел и недовольство многих знатных военачальников тем, кто и как начал реально править (что и отразилось в воеводских назначениях). Давно копившееся недовольство длительностью и плохими условиями службы спровоцировало выступления городских корпораций — рязанской и некоторых других южных городов. Хотя армия и присягнула сначала царице и сыну, волнения усиливались. В этих событиях весьма значительную роль сыграли боярин П. Ф. Басманов и боярин князь В. В. Голицын (получил боярство летом 1602 г.). В итоге армия как боеспособная сила перестала существовать. Часть воевод была арестована, другие бежали, основная масса дворян отправилась по домам. — В. Н.

- ²¹⁸ Это Иван Иванович Годунов, кравчий с 1598 г., окольный с октября 1602 г. Вслед за родственниками после выступлений горожан Москвы 1(10).06.1605 г. был арестован и сослан. — В. Н.
- ²¹⁹ Михаил Глебович Салтыков, окольный с 1590 г., боярин с лета 1601 г. — В. Н.
- ²²⁰ Текст такого письма сохранили некоторые русские нарративы. — В. Н.
- ²²¹ Бельский Богдан Яковлевич, фаворит и любимец Ивана IV в 1576—1584 гг., думный дворянин (с 1576 или 1577 г.) и оружничий (с 1578 г.). После смерти Ивана Грозного возглавил «партию» незнатных думных дворян из его особого двора, попал в опалу уже весной 1584 г. Позднее оказывался в немилости не один раз, осенью 1598 г. получил чин окольного, но на рубеже 1601—1602 гг. снова в ссылке. В Москве появился после смерти Бориса Годунова. В описываемых здесь событиях — в антигодуновском восстании москвичей 1(10).06.1605 г. — Бельский стал едва ли не главным провокатором выступлений городских низов, в ходе которых были разграблены и частью уничтожены дворы Годуновых, Сабуровых, Вельяминовых (все они были арестованы), а заодно дома врачей-иностранцев. Позднее Бельский пользовался симпатиями «царя Дмитрия Ивановича», но в круг его близких советников не входил. Царь Василий Шуйский отправил его воеводой в Казань, где весной 1611 г. во время волнений горожан и местных дворян он был казнен (см. Назаров В. Д. Бельский Б. Я. // БРЭ. Т. 3. С. 296). — В. Н.
- ²²² Семью Бориса Годунова арестовали и посадили на старом его дворе «за приставы» в день восстания в Москве. Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых заключили в тюрьму 8(18) июня, в ссылки их стали отправлять с 15(25) и 16(26) июня. Царицу-мать и царя Федора Борисовича убили 10(20) июня. — В. Н.
- ²²³ В Варсонофьевском монастыре на Сретенке. — В. Н.
- ²²⁴ Князь И. М. Воротынский, старший сын выдающегося русского полководца кн. Михаила Ивановича Воротынского. В правление и в царствование Бориса Годунова почти все время находился или в опалах, или на далеких воеводствах в Поволжье (в Нижнем Новгороде и почти 10 лет в Казани). Получил чин боярина весной 1605 г., после восстания 1(10).06.1605 г. возглавил делегацию сословий столицы к «царю Димитрию Ивановичу». Участвовал в его свержении, а позднее был активнейшим участником политической и военной борьбы 1606—1618 гг. Умер в январе 1627 г. (см.: Назаров В. Д. Воротынский Иван Михайлович // БРЭ. М., 2006. Т. 5. С. 730). — В. Н.

- ²²⁵ Маржерет ошибается. Названные им лица участвовали в торжественной встрече мнимой «матери» и «царя Димитрия» под Москвой. В далекую обитель ездил за инокиней-царицей Марфой кн. М. В. Скопин-Шуйский. Кн. Василий Михайлович Рубец Мосальский был назначен воеводой в Путивль в 1603 г. Осенью 1604 г. перешел на сторону Лжедмитрия I (отчасти под давлением горожан и гарнизона) и с тех пор был его вернейшим сторонником. Еще до прихода «царя Димитрия» в Москву кн. Василий получил чин боярина и должность главы приказа Большого дворца, был близок к Самозванцу. При Василии Шуйском удален воеводой в Корелу, позднее оказался в Тушинском лагере. — В. Н.
- ²²⁶ Речь идет о Николо-Выксинском монастыре. — В. Н.
- ²²⁷ Венчал на царство Лжедмитрия патриарх Игнатий, грек по происхождению, епископ города Ериссо. В некоторых русских текстах его неправоммерно титулуют архиепископом Кипрским. В Россию прибыл в 1595 г. «за милостыней», в качестве представителя местоблюстителя вселенского патриарха присутствовал на торжествах по случаю избрания царем Бориса Годунова (1598 г.). Ок. 1603 г. поставлен архиепископом Рязанским. В начале июня 1606 г. встречал Лжедмитрия I в Туле (город был в его епархии), принимал присягу ему у местных жителей и прибывавших из других городов делегаций. Сопровождал его при походе в Москву. Избран и поставлен Патриархом Освященным собором 30 июня (10 июля) 1605 г. В день убийства Самозванца сведен с кафедры, затем судим, лишен архиерейства и заключен в Чудов монастырь. Освобожден и вновь возведен на патриаршество командованием польско-литовского гарнизона весной 1611 г. Осенью того же года уехал в Литву, умер ок. 1640 г. в Виленском униатском Троицком монастыре (*Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. М., 1996. Кн. 6. Отд. 1. С. 78, 79, 85, 104—106, 644—645). — В. Н.
- ²²⁸ О чеканке при Самозванце золотых монет разных типов и различного назначения см. детальное исследование: *Лаврентьев*. Царь. С. 50—150. Во Франции самый распространенный тип экю («экю золотого солнца») равнялся тогда трем ливрам. — В. Н., П. У.
- ²²⁹ Во французской теории права и юридической практике к концу XVI в. утверждается заимствованное из римского права определение «Оскорбление Величества» как самого тяжкого преступления против Бога, короля и общественного блага. Даже намерение организовать заговор против короля считалось заслуживающим смерти. Показательно, как Маржерет характеризует состав суда и судебные процедуры: обвинение с доказательствами вины происходило публично в присутствии

избранных из всех сословий представителей. В другом месте книги он сообщает дополнительные детали: улики в измене Василия Шуйского, помимо прочего, были продемонстрированы «по анналам истории и по его поступкам в отношении Бориса», так «что ни он, ни его род никогда не были верными слугами своих государей» (см. с. 185 наст. издания). Такому описанию судебного процесса корреспондируют известия других иностранных авторов, есть параллели (по составу собора) в Новом летописце. Л. В. Черепнин справедливо отнес это событие к числу судебных соборов (*Черепнин Л. В. Земские соборы*. С. 90, 150—151). — В. Н., П. У.

²³⁰ Речь идет о Яне Бучинском (иностранном секретарем «царя Димитрия» был еще его брат, Станислав), главном секретаре в этой группе чиновников, составлявших близкий круг сотрудников и советников правителя (см., в частности: *Лаврентьев. Царь*. С. 16, 18, 152—153, 158 и др.). В начале января 1606 г. прибыл в Польшу с крупными суммами денег (для Ю. Мнишка и других кредиторов) и дорогими подарками для невесты. Добивался скорейшего отъезда Марины Мнишек с родственниками в Россию, сопровождал их в этой поездке до окрестностей Москвы. Затем участвовал в свадебных торжествах. После переворота 17(27).05 был арестован, активно допрашивался, дал показания, позднее сослан (*Дневник*. С. 33, 37, 42, 171 и др.). Мера подлинности «расспросных речей» Бучинских вызывает большие сомнения. — В. Н.

²³¹ Власьев Афанасий Иванович — из дьяческой семьи, приказная карьера началась не позже середины 1580-х гг. Не позднее 1594 г. подъячий в Посольском приказе с самым высоким среди подъячих денежным жалованьем и поместным окладом. С 1595 г. и до 1603 г. — дьяк приказа Казанского дворца (думский дьяк с 1598 г.) с одновременным исполнением обязанностей по дипломатическому ведомству (участие в переговорах, посольских приемах, посольствах). Постепенно его занятие международными делами выходит на первый план. Возглавил русское посольство в Империю в 1599—1600 гг., с этого года — второй посольский дьяк, с конца 1601 г. (после отставки В. Я. Щелкалова) — думный дьяк и глава Посольского приказа. В 1599—1605 гг. был главой или членом русских посольств в Империю, Речь Посполитую, Данию и др. Участвовал в переговорах с представителями Англии, Швеции, Речи Посполитой, Дании, Ганзейских городов, Крымского ханства. Был очень близок к Борису Годунову, выполнял отдельные поручения по политическому сыску (1601 г.), связанные с матримониальными планами царской семьи (вне рамок протокола), по контролю над действиями воевод в кампа-

нии против первого Самозванца. Сохранил свой пост при царе Федоре Борисовиче, оставался думным посольским дьяком («и подскарбием надворным», т. е. казначеем) в правление «царя Дмитрия Ивановича». 5(15) сентября 1605 г. выехал из Москвы во главе огромного посольства (230 человек) в Речь Посполитую за невестой для царя, Мариной Мнишек. 12(22) ноября 1605 г. представлял особу царя на церемонии обручения (по католическому обряду), 1(11) декабря как представитель «царя Димитрия Ивановича» присутствовал на брачных торжествах Сигизмунда III (тот вторым браком женился на эрцгерцогине Констанции Габсбург), занимая самые почетные места среди всех дипломатов. Сопровождал Марину, ее родных и огромную свиту в поездке в Россию (в конце путешествия Власьев немного их опередил, прибыв в Москву 14(24) апреля 1606 г.). По возвращении возглавил Посольский и Казенный приказы, участвовал в переговорах с послами Речи Посполитой, в свадебных торжествах. После переворота и воцарения Василия Шуйского попал в опалу с конфискацией недвижимости, был отправлен вторым воеводой в Уфу. В начале 1611 г. Сигизмунд распорядился о возвращении ему отобранного имущества, примерно тогда же от короля получил чин думного дворянина. (*Лисейцев*. Посольский приказ. Ч. 1. С. 56—75). — В. Н.

- ²³² Палатин Сандомирский — Юрий Мнишек (род. ок. 1548 — умер 1613 г.), сенатор Речи Посполитой, воевода Самборский и староста Львовский. К моменту появления на его горизонте «царевича Дмитрия» находился в тяжелейшем финансовом положении из-за неуплаты налогов и доходов с королевских имений и соляных копей. Организовал поддержку авантюре Самозванца со стороны части магнатов, короля и его окружения (в негласной форме), католической церкви Короны, включая финансовое обеспечение для найма небольшого войска. В ответ получил от Лжедмитрия I обязательства жениться на его дочери Марине (с выделением значительного удела), уступки самому Мнишку части территории России, а также возмещения всех расходов. В качестве гетмана возглавил польско-литовскую часть армии Самозванца на начальном этапе похода, в начале января 1605 г. вернулся в Речь Посполитую с большинством польско-литовских отрядов. После воцарения Самозванца получил от него крупные суммы, затягивал отъезд Марины в Россию. В поездке на свадьбу в Москву (май 1606 г.) его сопровождали многочисленные родственники, знакомые, клиенты. После убийства «царя Димитрия» был допрошен, а в августе 1606 г. с Мариной, другими родственниками и многочисленной дворней сослан в Ярославль. По июльскому договору 1608 г. подлежал (наряду с другими

сосланными) отправке на родину, но вместо этого с семьей и близкими был перехвачен недалеко от границы отрядами Лжедмитрия II (по предварительной договоренности): 5(15) сентября в Тушино состоялась церемония встречи «чудесно спасшегося царя Дмитрия» с его супругой и тестем. В конце 1608 г. выехал из России. — В. Н.

- ²³³ Марина Мнишек (род. в 1588/89 г., умерла до весны 1615 г.), младшая дочь Юрия Мнишка от его первого брака (ее мать — Ядвига Тарло, из известного магнатского рода), 12(22) ноября 1605 г. была обручена в Кракове с «царем Дмитрием Ивановичем» (его особу представлял А. И. Власьев), что приравнивалось в католическом обряде венчанию. На свадебных торжествах в Москве 8(18).05.1606 г. была миропомазана по православному обряду (что было воспринято русскими как присоединение к православию по второму чину) во время коронации (так она стала первой коронованной русской царицей), а в последующей процедуре брачного венчания то ли приняла из рук патриарха Игнатия православное причастие, то ли отказалась его принять (последнее, видимо, ближе к реальности). После убийства мужа была переведена из царских покоев во двор к отцу, затем вместе с ним, родными, свитой и многочисленными слугами сослана в Ярославль. Летом 1608 г. сознательно выбрала Тушинский лагерь (вместо возвращения в Самбор), публично признав в Лжедмитрии II чудом спасшегося мужа (при этом настояла на тайном венчании). В дни кризиса и распада Тушинского лагеря вновь отказалась вернуться на родину, не приняв предложение короля, а в январе 1610 г., ускользнув от охраны, добралась верхом в сопровождении небольшой свиты до Калуги, где находился лагерь и резиденция Лжедмитрия II. В начале января 1611 г. родила от него сына Ивана, которого вскоре после рождения публично «отдала» под защиту горожан Калуги (Самозванец был убит в декабре 1610 г.). Ок. 3(13) января 1611 г. отправилась с сыном под охраной И. М. Заруцкого в Тулу. Позднее находилась в Коломне под его же покровительством: весной 1611 г. Заруцкий стал одним из организаторов и предводителей Первого земского ополчения. Сопровождала его с сыном и маленькой свитой, когда он осенью 1612 г. пытался воссоздать на юге страны антиправительственную военную коалицию. Летом 1614 г. была выдана казаками (с Заруцким и сыном) правительственным отрядам на р. Яик, затем привезена в Москву. Умерла в заключении («с тоски»), по одному из преданий, в «Маринкиной башне» Коломенского кремля. Ее сын был повешен, И. М. Заруцкий то ли посажен на кол (по одним данным), то ли

колесован (Козляков В. Н. Марина Мнишек. М., 2004; Успенский Б. А. Царь и патриарх. Харизма власти в России. С. 187—210). — В. Н.

- ²³⁴ Буссов (с. 112) точно датирует учреждение «царем Димитрием» личной охраны из наемников январем 1606 г., примерно к тому же времени относит этот факт и Масса. (с. 118, 122). Свадьба кн. Ф. И. Мстиславского имела место в конце января-феврале 1606 г. (с 3 марта начался Великий пост). Поэтому арест «секретаря или дьяка» следует датировать зимой — началом весны. Некоторые исследователи сближают это известие Маржерета с сообщением Массы об обнаружении неких лиц вблизи покоев царя ночью 8 января 1606 г. (двух лиц арестовали и позднее казнили) и последующим его рассказом о том, что Андрей Шереметин был подкуплен для убийства царя (Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. С. 179—180). Но Масса не называет Шереметина дьяком, что соответствовало реалиям: после опалы 1584 г. А. В. Шереметин был выборным дворянином по Коломне, и в таком качестве он известен боярским спискам 1598/99 г., 1602/03 г. и нач. XVII в. В августе 1604 г. был вторым членом комиссии, верставшей детей боярских Арзамаса и Коломны (возможно, он уже был пожалован в московские дворяне). Новый летописец указывает его среди лиц, отправленных в Москву для убийства царицы М. Г. Годуновой и царя Федора Борисовича в июне 1605 г. (Масса вообще приписывает это убийство только ему). Но в отличие от других лиц, любимцев Ивана IV, он совсем незаметен в окружении Самозванца. В боярских списках 1606—1607 г. и 1610—1611 г. он, правда, фигурирует в перечнях московских дворян (Веселовский. Дьяки. С. 578; Станиславский. Двор. С. 256, 275, 302, 359; Сторожев. Материалы. С. 90). Можно, конечно, догадываться, что отсутствие значимого карьерного роста при столь важной услуге привело А. Шереметина в ряды заговорщиков против Самозванца, но в любом случае он и дьяк (у Маржерета без имени) — разные люди, хотя из одного, оппозиционного «царю Димитрию» лагеря. Указание на присутствие П. Ф. Басманова при попытке дьяка говорит об его особой близости к государю — политический сыск был ему подведомственен. Он же возглавлял Стрелецкий приказ, что должно было гарантировать (дополнительно к учрежденной охране из наемников) безопасность правителя. — В. Н.
- ²³⁵ Марина Мнишек пересекла русскую границу 8(18) апреля 1606 г. Князь Константин Вишневецкий (род. в 1564 г., ум. в 1641 г.), магнат, Кременецкий староста, из княжеского дома турово-пинских Рюриковичей, перешел в католичество в 1595 г. Женат на старшей сестре Марины Мнишек, Урсуле.

В имени его двоюродного брата, кн. Адама Вишневецкого, летом 1603 г. его русский слуга объявил себя сыном Ивана Грозного. Самозванец очутился в Самборе у Мнишка именно благодаря этим родственным связям. После выступления 17(27).05.1606 г. в Москве кн. Константин был в ссылке в Костроме, позднее поучаствовал в военных действиях на стороне тушинцев и в армии королевича Владислава в 1618 г. — В. Н.

²³⁶ Эпизод с М. И. Татищевым внутренне противоречив, ведь православная Пасха приходилась в 1606 г. на 20 апреля. Если у Маржерета григорианский календарь, то никакой мясной еды за 10 дней до Пасхи подать на царский стол не могли. Но и вместить в один день опалу на Татищева, его удаление (по контексту не просто из Кремля) и прощение «по ходатайству» П. Ф. Басманова невозможно. Соответственно, инцидент и ссылку Татищева следует датировать январем — и до 17 февраля 1606 г. (о том, что его сослали «в дальний острог» знали в мае того же года послы Речи Посполитой). В критический момент заговора именно Татищев убил ножом Басманова (по Буссову) или нанес ему первый удар (по Маржерету). Начало карьеры обеспечил его отец, думный дворянин в Особом дворе Ивана Грозного: в 1590-е М. И. Татищев ясельничий, в январе 1599 он получил думное дворянство, считался одним из любимцев Бориса Годунова, выполнял значимые дипломатические поручения. В 1604—1605 гг. возглавил посольство в Грузию, имевшее, помимо прочих, тайное задание: поиск невесты для царевича Федора Годунова. Вернулся он в Москву 12(22) ноября 1605 г., в правление «царя Дмитрия Ивановича». Не позднее 16(26) декабря Татищев получил чин окольного. «Отплатил» он активнейшим участием в заговоре. Позднее участвовал в военных действиях против болотниковцев, затем получил назначение 2-м воеводой в Новгород. По подозрению в намерении передаться к Лжедмитрию II (но и по причине его крайнего корыстолюбия) решением походного отряда новгородских дворян и воинских людей был утоплен в конце 1608 г. (Павлов. Государев двор. С. 53, 64, 69; РИО. М., 1912. Т. 137. С. 192; Буссов. С. 119). — В. Н.

²³⁷ Здесь и везде далее Маржерет называет саблю словом *cimeterre*. Оно подразумевало восточную, в первую очередь турецкую саблю с достаточно широким клинком с обоюдозаточенным боевым острием-елманью и широким обухом. Сабля обладала значительным изгибом и по своей конструкции отличалась от восточноевропейских сабель венгерского типа (*sabre*). — В. Р. Н.

²³⁸ Конечно, не «Царь Петр», но «царевич Петр», сын муромского посадского человека Илья Горчаков, он же Илейка Муромец. Итогом его скитаний

- по Волге стало вступление в отряды терских казаков в качестве чуры (ученика-слуги) старых казаков. Был выдвинут старыми казаками на роль сына царя Федора Ивановича, царевича Петра. Объявление его в этой роли и движение казаков вверх по Волге к Москве выявило, помимо прочего, неравномерность кризисных явлений в их социально-политическом обличи (терские казаки явно хотели получить свою долю наград и жалованья, оглядываясь на донских казаков). Характерны также те способы, которыми Лжедмитрий попытался первоначально решить неожиданно возникшую сложную проблему (ненасильственными мерами). — В. Н.
- ²³⁹ Здесь Маржерет, а точнее его информаторы, ошибся — движение «царевича Петра» продолжалось, казаки изменили маршрут. В конце 1606 г. оно придало восстанию под предводительством И. Болотникова новый мощнейший импульс. — В. Н.
- ²⁴⁰ Дата въезда Марины Мнишек в Москву приведена по григорианскому календарю. Посол Сигизмунд III — Николай Олесницкий (род. ок. 1558 г., ум. в 1629 г.), воевода радомский, каштелян г. Малогащ в Коронной части Речи Посполитой (Польше). Во время приема посольства «царем Дмитрием» происходили резкие словесные перепалки между ним и послами из-за непризнания польской стороной нового титула Самозванца («непобедимый цесарь» и т. п.). После выступления москвичей 17(27).05.1606 г. и убийства боярами «царя Димитрия Ивановича» Олесницкий содержался вместе с другими чинами посольства под стражей в Москве. После возвращения в Польшу с 1619 г. воевода Люблинский, автор записок о Смуте в России. — В. Н.
- ²⁴¹ Дата выступления горожан и действий заговорщиков приведена по григорианскому календарю. Другими источниками подтверждается убийство П. Ф. Басманова Татищевым, насильственная смерть нескольких телохранителей. Цифра убитых поляков и литовцев у Маржерета меньше, чем у Буссова, но больше, чем у Массы и особенно чем в польских записях. — В. Н.
- ²⁴² Тело «царя Димитрия Ивановича» было выставлено на столе на Лобном месте Красной площади (торговых рядов). Парижский ольн (или ол) составлял 188,8 см. — В. Н., П. У.
- ²⁴³ О внезапном похолодании вслед за убийством Лжедмитрия I сообщают многие источники. Соответствует другим известиям запись Маржерета о разделении («один против других») «Совета (т. е. Думы), народа и страны». Иными словами, раскол российского общества произошел и в социальном измерении, и в административно-территориальном плане. Точно указа-

ние об опалах и ссылках всех близких к «царю Димитрию» лиц. Перевод Марины Мнишек в охраняемое стражей подворье ее отца состоялся 23 мая (2 июня) 1606 г. — В. Н.

²⁴⁴ Во главе церковной части комиссии стоял ростовский митрополит (по некоторым источникам, «нареченный патриарх») Филарет (Романов), светскую часть комиссии возглавлял боярин кн. И. М. Воротынский. — В. Н.

²⁴⁵ Дата коронации дана по григорианскому календарю. Сведения Маржерета о двух фактах волнений в Москве, едва не приведших к низложению нового царя, Василия Шуйского, наиболее информативны. — В. Н.

²⁴⁶ Юрий Мнишек, Марина, их ближайшие родственники, сопровождавшие их лица и слуги были сосланы 6 августа 1606 г. в Ярославль (не Углич). — В. Н.

²⁴⁷ «Христианнейший король» — официальный титул французских королей с XV в. То, как определяет автор 1606 год («минувший»), датирует данный абзац — он написан или отредактирован в Париже в 1607 г. Не сказалось ли это на точности выражения? Трудно понять, идет ли речь о намерении Самозванца самому со свитой отправиться во Францию (что крайне маловероятно) или же планировалось представительное посольство из знатных и близких к царю лиц. — В. Н., П. У.

²⁴⁸ Этот текст Маржерета очень важен: он фиксирует распространение слухов о спасении «царя Димитрия» в столице практически сразу после его убийства. — В. Н.

²⁴⁹ Бертран де Коссан — французский купец из Ла-Рошели. Согласно грамоте Генриха IV на имя царя Василия Шуйского от 1607 г., Бертран впервые посетил Россию с торговыми целями в 1580 г. (нельзя полностью исключить опisku или какую-то ошибку в письме Генриха IV) и, возможно, бывал в ней и позднее. Король ходатайствует о возврате купцу 300 рублей за взятые в казну и внесенные «в реестр» драгоценности (т. е. зафиксирован и факт сдачи, и факт оценки сданных ценностей). Во время восстания 17(27) мая 1606 г. Коссан, скорее всего, не пострадал физически (раз он наведалься на Лобное место) и не был ограблен (раз об этом не говорится в письме). По справедливому мнению Жордания, обращение Коссана к королю явно передал при аудиенции сам Маржерет, хотя и другой вариант (купец сам или через парижских знакомцев обратился к Генриху IV) не исключен. Дошло ли письмо Генриха IV до царя (что сомнительно), а если и дошло, то получил ли Коссан удовлетворение своим претензиям — вопрос остается открытым (Жордания. Очерки. Ч. 1. С. 109—116, 222—225). — В. Н., П. У.

- ²⁵⁰ Бучинский Станислав, шляхтич, брат Яна Бучинского, секретарь Лжедмитрия I. После событий 17(27) мая 1606 г. арестован и был допрошен вместе с братом. — *В. Н.*
- ²⁵¹ Согласно этому известию Маржерета, восстания в важнейших крепостях юга страны вспыхнули в самом начале июня 1606 г. — *В. Н.*
- ²⁵² Шереметев Петр Никитович — из младшей линии знаменитого аристократического нетитулованного рода. Входил в ближайшее окружение правителя, затем царя Бориса Годунова. Неоднократно сопровождал его в поездках по монастырям, участвовал в царских приемах, пирах, выполнял отдельные поручения. 1(10).10.1602 г. получил чин окольничего. Слухи, потом более серьезная (!) информация о его активном участии в заговоре против В. И. Шуйского дошли до царя, когда Шереметев в составе комиссии по переносу мощей царевича Дмитрия был в Угличе. Немногим позднее был сослан. — *В. Н.*
- ²⁵³ Текст содержит весьма ценную информацию о характере выступлений москвичей в кризисное время. — *В. Н.*
- ²⁵⁴ В данном месте речь, скорее всего, идет об армии во главе с боярином кн. И. М. Воротынским, направленной под Елец. Рать Воротынского действительно нанесла поражение повстанцам, что, однако, не привело к падению крепости. К концу лета ситуация изменилась кардинально: после неудачного боя армия Воротынского сначала отступила (к Туле), а затем практически развалилась. — *В. Н.*
- ²⁵⁵ Подобные суждения имели хождение преимущественно в протестантских странах и регионах. — *В. Н.*
- ²⁵⁶ Царевич Димитрий и Мария Нагая с рядом родственников были отправлены в Углич («на удел») 24 мая (3 июня) 1584 г. — *В. Н.*
- ²⁵⁷ Речь идет о кн. Адаме Вишневецком (см. выше, коммент. 235 в наст. разделе). Конечно, Маржерет ошибается, соединяя в одно лицо двоюродных братьев. Князь Адам позднее собирал отряды и для Лжедмитрия II. — *В. Н.*
- ²⁵⁸ Маржерет прав: во времена эпидемий и стихийных бедствий правительство резко усиливало меры по контролю над передвижением населения, особенно на границе с Речью Посполитой и шведской Прибалтикой. — *В. Н.*
- ²⁵⁹ Речь идет о посольстве от имени «цесаря Дмитрия Ивановича» к папе; послом стал А. Лавицкий, один из полковых священников-иезуитов, сопровождавших «царевича» в походе 1604—1605 г. Посольство имело предварительный характер (*Пирлинг П. Из Смутного времени. СПб., 1902. С. 114—119*). — *В. Н.*

- ²⁶⁰ Посольство И. Ржевского и дьяка П. Дмитриева состоялось в 1601—1602 гг. Карьера дьяка известна, но с лакунами. В 1588—1592 гг. был вторым дьяком Посольского приказа, в 1595—1599 гг. вместе с дьяком И. Нармацким возглавлял Новый четвертной приказ (Новую четь), из которой образовалась Новгородская четверть. Параллельно (в 1597—1598 гг.) был дьяком в Московском Судном приказе. Выполнял отдельные поручения дипломатического и служебно-разрядного характера (*Павлов. Приказы. С. 192, 194, 199*). — *В. Н.*
- ²⁶¹ О желании Лжедмитрия основать университет писали, в частности, сопровождавшие его в походе на Москву иезуиты (*Пирлинг П. Из Смутного времени. С. 137, 138 и далее*). — *В. Н.*
- ²⁶² Вряд ли Маржерет прав: соборы 1598 г. и 1613 г. показали, что «стремились» к российской короне представители ряда фамилий — Голицыны, Трубецкие, Воротынские, Романовы, Годуновы и др. В мае 1606 г. вопрос не был однозначен. Интриги (в отношении Шуйского, о которых пишет сам Маржерет) это доказывают. — *В. Н.*

II

Ж. МАРЖЕРЕТ
В РОССИЙСКИХ
И ЗАРУБЕЖНЫХ АРХИВАХ

Ж. МАРЖЕРЕТ
В РОССИЙСКИХ ДОКУМЕНТАХ

ТЕКСТЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

№ 1

1603 г., 1(11) сентября — 1604 г., 31 августа (10 сентября). — Кормленная книга Галицкой четверти¹. Запись о выплате годового жалованья капитану Ж. Маржерету с его распиской в получении

(Л. 10) Нововыезжей капитан Яков Маржеретов. Государева царева и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси ему жалованья на 112-й год оклад его сполна восемьдесят рублей. Дано.^а Деньги взял самъ. Jch Jacob Margeret Capitan hab Kaiserliche Majestat begnadigung empfang[en].

Перевод расписки: Я, Яков Маржерет капитан, вознаграждение императорского величества получил.

Внизу л. 10 фрагмент скрепы: [Диак Он]дрей [Олябьев].

РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Боярская книга № 2. Л. 10. Подлинник. 192 x 137.

Публ.: Сухотин Л. М. Четвертчики Смутного времени (1604—1617). М., 1912. С. 3.

Примечания: ^а Слово «дано» написано другим почерком.

№ 2

1610 г., 23 сентября (3 октября) — 1611 г., 15(25) августа². — Приказная выпись о выплатах деньгами и выдачах, драгоценностями, мехами и сукнами пану П. Борковскому и капитану Ж. Маржерету («Якову капитайну») на жалованье наемникам из казенных сумм ряда приказов и конфискованного имущества кн. Шуйских

...Выписано из книг, что дано пану Петру Борковскому и Якову капитайну при пане гетмане³ и после пана гетмана на немецкие люди, въ заслуженое съ Казенного двора, и изъ

Ноугородскія чети, и съ Денежнаго⁴ и съ Купецкого⁵ и съ Шуйских дворовъ⁶, розными времени, сентября съ 23-го числа августа по 15 число.

Съ Казенного двора при пане гетмане сентября въ 23 день послано пану гетману въ обоз на немецкіе люди 1722 золотыхъ угорскихъ, по 23 алтыны по 2 денги золотой, а денгами 1205 рублей и 13 алтынъ 2 денги; а отвозил те золотые гетману въ обоз діякъ Семейка Еуфимьевъ, а отчиталь ихъ Станиславъ Тарповской да Янъ Краситцкой⁷.

Октября въ 7 день дано 1170 рублей. Октября въ 9 день дано 11 поставовъ суконъ лундышей розными цветы⁸, по 35 рублей поставъ, да поставъ настрафилю⁹ 17 рублей, итого по цене 402 рубля. И всего съ Казенного двора при пане гетмане золотыми денгами и сукны 2777 рублей и 13 алтынъ 2 денги.

Да изъ Ноугородцкія чети при пане гетмане октября въ 4 день дано 1200 рублей. Того жъ дни дано денгами серебряными и золотыми угорскими и московскими золотыми 983 рубли и 20 алтынъ.

Октября въ 11 день дано денгами золотыми 750 рублей и 23 алтыны 2 денги.

И всего изъ Ноугородцкія чети дано при пане гетмане денгами и золотыми 2934 рубли и 10 алтын, а приимали денги діяки думной Овдокимъ Витовтовъ¹⁰ да Василій Юрьевъ¹¹.

Да продажи князя Дмитрея да князя Ивана Шуйскихъ¹² у Овдокима Витовтова 1050 рублей.

И обоего при пане гетмане на немецкіе конные люди съ Казенного двора и изъ Ноугородцкія четверти дано денгами и золотыми червонными, и протузаны, и денгами золотыми, и сукны 6761 рубль и 23 алтыны 2 денги.

Да после пана гетмана дано съ Казенного двора: октября въ 17 день 15 поставовъ суконъ настрафилю розными цветы, по 20 рублей поставъ, итого 300 рублей.

Октября въ 20 день чепми золотыми, весу 30 гривенокъ и 7 золотникъ¹³, по 30 рублей гривенка, итого 1174 рубли и 11 алтынъ 4 денги.

Декабря въ 18 день дано 300 рублей.

Декабря въ 21 день дано 1500 рублей.

Генваря въ 9 день дано 1460 рублей.

Генваря въ 21 день дано 12 поставовъ суконъ лундышей розными цветы, по 30 рублевъ поставъ, да 8 поставовъ настрафилей розныхъ цветовъ, по 17 рублевъ поставъ, да въ остаткахъ 206 аршинъ настрафилю розныхъ цветовъ, по 20 алтынъ аршинъ, да 50 половинокъ еренковыхъ, по 7 рублевъ половинка, да 200 аршинъ стамбреду¹⁴, по 6 алтынъ по 2 денги аршинъ, да 81 аршинъ лундышей розныхъ цветовъ, по 10 алтынъ аршинъ, да 21 аршинъ багрецу¹⁵, по поль 2 рубли аршинъ. И всего дано сукны розными времени по цене на 1093 рубли и на 20 алтынъ.

Февраля въ 16 день и въ 27 день дано 600 рублевъ.

Марта въ 3 день дано 16 мись да ложка золоты, весу 130 гривенокъ, по 30 рублевъ гривенка, итого денгами 3900 рублевъ, да золотомъ розню, ковшами и посохомъ и чепми 194 гривенки и 27 золотникъ, по 30 рублевъ гривенка, итого денгами 5837 рублевъ; запонка золота съ яхонты съ червчатыми и съ олмазы 100 рублевъ; саадакъ кованъ золотомъ по нахтерме, пряжи и наконечники и бенди золоты резаны с черню, весу 3 гривенки, цена 90 рублевъ; щить кизылбаской везеной розные шолки, подвершье булатное, наведено золотомъ съ камешки, да топоръ намецкой широкъ наведенъ золотомъ, цена обема 28 рублевъ; сабля булатная, ножны хозъ чорнъ, оправлена золотомъ, поясъ тканьъ въ кружки шолкъ червчатъ съ золотомъ, пряжи и заузолники и наконечники резаны съ черню, весу золота 2 гривенки, цена 70 рублевъ; рукомойникъ да лоханъ серебряны золочены чеканены, весу 24 гривенки, по 3 рубли съ полтиною гривенка, итого 84 рубли.

Да панъ Борковской перевель на себя, что взяли съ Казенного двора княжате Збораскому слуги, 8 ковровъ да шатерь да залетникъ, цена 140 рублевъ.

У боярина у Федора Ивановича Шереметева съ товарищи Яковъ Ульяновъ капитайнъ взялъ обручъ золтой шляпочной съ яхонты и съ олмазы, цена 500 рублевъ; да 2 чарки золоты, да манелы, стебель золотъ ложечной съ каменьемъ, весу 2 гривенки и 31 золотникъ съ полузолотникомъ, по 30 рублевъ гривенка, итого 79 рублевъ и 22 алтына поль 6 денги; да жемчюгомъ дано 782 золотника, цена 986 рублевъ 23 алтыны 2 денги.

Да въ закладе положено у Якова капитайна 36 крестовъ золотыхъ съ каменьемъ и съ жемчюги, весу 14 гривенокъ и 28 золот-

никъ, а за тотъ закладъ далъ Яковъ немцомъ 300 рублей; дьяки Иванъ Чичеринъ¹⁶ да Овдокимъ Витовтовъ дали разныхъ рухледей на 100 рублей.

И всего съ Казенного двора, после пана гетмана, дано пану Борковскому и Якову капитайну на немецкіе пешіе люди 18643 рубля и 32 алтына поль 6 денги.

Изъ Ноугородцкія чети после пана гетмана книжныхъ денегъ, что собрано за книги изъ четвертныхъ доходовъ, дано разными времениы 4435 рублей и 12 алтынъ.

Да съ Купецкого двора дано денгами рухледныя продажи 690 рублей; 7 сороковъ соболей за 510 рублей; 57 сороковъ соболей за 1432 рубля; да литовскимъ купцомъ дано соболей на 425 рублей, и въ то число за соболи взялъ у нихъ Борковской сукнами; да соболми жъ дано на 250 рублей; да соболми жъ дано съ Казенного двора на 283 рубли. И всего соболми дано на 2900 рублей, по Борковского сказке, а ималъ онъ съ Купецкого двора соболи у дьяка у Марка Поздеева, и Марко в розруху и съ книгами изгибъ¹⁷, а что сыщется тое дачи соболми, и в томъ справится опосле.

Да рухлядью дано Якову капитайну да Гамолту¹⁸ на 136 рублей.

И всего с Купецкого двора дано денгами и соболми и рухлядью 3726 рублей.

Изъ продажныя рухледи круживъ немцомъ дано на 50 рублей; да изъ оружейныя рухледи за рогатину да за 2 самопалы 10 рублей; да за 6 самопаловъ 50 рублей; съ Денежнаго двора дано судами на 226 рублей.

Из рухледи князя Дмитрея да князя Ивана Шуйских дали дьяки Иванъ Чичеринъ да Овдокимъ Витовтовъ, по сказке пана Борковского да Якова капитайна, денгами и сукны и иною рухлядью, и за шубу, что купили съ Казановскимъ¹⁹, на 885 рублей.

И всего после пана гетмана дано Борковскому и Якову капитайну на немецкіе пешіе люди, изо всехъ приказовъ, денгами и сукны и соболми и всякою рухлядью 28025 рублей и 11 алтынъ и 4 денги.

И обоего, при пане гетмане и после пана гетмана, дано Борковскому и Якову капитайну на немецкіе конные и пешіе люди

34787 рублевъ 3 алтына поль 2 денги²⁰, а полскими золотыми 114623 золотыхъ и грошей 20.

На обороте по склейкам столбцов подпись: P. Borkiowski na Niemce zasluzone dengi wzial y do tego rejestru reca własna przilozyl. P. Borkiowski.

По публ.: РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 232—236. В публикации указано, что документ напечатан по списку с подлинника, хранившегося в Московской Оружейной палате; список был предоставлен П. М. Строевым.

Частично публ. А. Вельтманом: О сохранности утварей царского чина, или регалий, во время бытности польских и литовских войск в Москве в 1610—1612 годах // ЧОИДР. 1848. № 5. С. 61—62.

№ 3

1611, 21(31) января — 1612, 10(20) июня²¹. — Приказная выпись о выплатах и выдачах деньгами, драгоценными тканями, мехами и другим имуществом пану старосте А. Корвин-Госевскому, пану П. Борковскому, капитану Ж. Маржерету («Якову Ульянову») и другим лицам в зачет жалованья

...Роспись государевы продажныя рухледи, что имали съ Купецкого двора въ долгъ бояре и дворяне и дьяки и приказные и гости и торговые и всякіе люди, а кто имянемъ какіе рухледи, въ цену или безъ цены, о кою пору взялъ, и тому роспись...^a

А продано тое рухляди, генваря съ 21 числа марта по 18 число, всякимъ людемъ на 8741 рубль 14 алтынъ съ денгою; а продавали гости Дементей Булгаковъ, да Григорей Твердииковъ, Иванъ Юдинъ, Родивон Котовъ²² съ товарищи и съ торговыми людьми, ценою; а что кому именемъ и какія рухледи продано, и тому подлинныя книги.

И за тое продажную рухледь денегъ собрано 7872 рубля и 23 алтына 5 денегъ, а не донято на боярехъ и на околничихъ, и на дворянехъ, и на приказных людехъ 868 рублевъ и 23 алтына 4 денги, для того что по грехомъ сталась на Москве розруха безвестно, а срокъ былъ темъ денгамъ заплатитъ на Великъ день²³. А что на ком за что взято, порознь, и тому роспись^b.

Да переделываны на Денежномъ дворе въ денги суды, что взято съ Казенного двора и всякое серебро, которое сымано съ поясовъ, oprичь того, что дано съ Казенного двора Ефиму, а денегъ противъ того серебра не взято, и из того серебра вышло денегъ изъ дела 228 рублевъ.

И всего въ приходе денегъ, что собрано за продажную рухледь, oprичь того, что доняти, и что вышло изъ судовъ денегъ, 8100 рублевъ 23 алтына 5 денегъ. И тем денгамъ расход:

На Денежной дворъ Ефиму Телепневу²⁴ да дьяку Саве Романчюкову²⁵ порознь на роздачу полскимъ и литовскимъ людямъ дано 4351 рубль и 11 алтынъ съ денгою;

да на Казенной дворъ 33 рубли;

Да полскимъ и литовскимъ людямъ дано въ ихъ въ кормовыя денги 2406 рублевъ и 12 алтынъ 4 денги;

Да ротмистромъ Ивану Житикому да Пенежке дано на пехоту гайдукомъ 320 рублевъ;

Да пану старосте Олександру Ивановичу Корвину Гасевскому²⁶ послано для государевыхъ расходовъ и для пословъ полскихъ и литовскихъ, которые посланы къ королевскому величеству подъ Смоленскъ, от всего рыцерства 215 рублевъ;

Да пану Борковскому дано на немецкіе люди 690 рублевъ;

Да по подписной челобитной дано пану Слонскому 85 рублевъ.

И всего въ росходе 8100 рублевъ 23 алтына 5 денегъ.

Да полскимъ же и литовскимъ людямъ дано въ кормовыя денги, въ зачотъ, рухледью на 2114 рублевъ на 26 алтынъ; а что полскіе и литовскіе люди рухледи имали, и тому книги и у техъ у всехъ статей ихъ руки.

Да къ пану старосте Олександру Ивановичу Корвину Гасевскому отпущено на дворъ съ слугою его, съ Чайковскимъ, бархатовъ и отласов золотныхъ, и камокъ²⁷ и конскихъ нарядовъ, и иныя рухледи, по цене, на 698 рублевъ и на 20 алтынъ на 5 денегъ; а что какія рухледи дано, и то подлинно писано въ книгахъ въ отдаточныхъ.

Да пану Петру Борковскому дано рухледи на 69 рублевъ на 17 алтынъ съ полуденгою, oprичь соболей; а что будетъ дано соболми, и того не ведомо, потому что соболныя продажи книги пропали в розруху.

Да капитану Якову Ульянову дано рухледью на 98 рублевъ и на 26 алтынъ 4 денги.

Да Яковъ же взял на товарыща своего, на капитана Гамолта, рухледью на 42 рубли на 10 алтынъ на 4 денги.

Да онъ же взялъ на Давыда Халберха на 4 рубли и на 14 алтынъ на 3 денги.

Да по подписнымъ челобитнымъ и по памятемъ, за дьячею приписью, и по имяннымъ приказомъ, роздано рухледи Слонскому на 270 рублев.

Торговымъ людемъ, Родивону Котову съ товарищи, за денги, что у нихъ имано въ займы въ Новгородскую четъ, за сукна, которые иманы на Казенной дворъ, дано платьем и иною рухледью на 168 рублевъ на 10 алтынъ на 5 денегъ.

Косаковскому да Мустафе мурзе на роздачу мурзамъ и казакомъ камокъ и шапокъ на 75 рублевъ; а что какія рухледи дано, и то писано именно въ отдаточныхъ книгахъ.

Да по картке за рукою старосты Олександра Ивановича Корвина Гасевского дано пану старосте Хмелетцкому рухледи на 52 рубли.

И всего рухледи отдано полскимъ и литовскимъ людемъ и на старостинъ дворъ по подписнымъ челобитнымъ и по памятемъ за дьячьими приписями и по имяннымъ приказомъ на 3592 рубли и 26 алтынъ на поль 4 денги.

И обоего въ росходе денег и рухледи, опричь того, что донять, 11694 рубли и 17 алтынъ съ полуденгою

Да въ Московскую розруху и какъ тое рухледь возили съ Купецкого двора на Казенной дворъ, что розграблено и что в те поры рознесли, и тому список^c.

А что осталось за продажею и за отдачею полскихъ и литовскихъ людей, и за грабежемъ, и за розносомъ, тое рухледи, и то привезено на Казенной дворъ и отдано въ отдачу бояромъ, Федору Ивановичу Шереметеву²⁸, да боярину жъ князю Григорью Петровичу Ромодановскому²⁹, да князю Григорью Костентиновичу Волконскому³⁰, да думнымъ дьякомъ Ивану Ивановичу Чичерину да Овдокиму Яковлевичу Витофтову, да дьякомъ же Михайлу Тюхину³¹ да Ондрею Варееву³²; а что какія рухледи отдано, и тому роспись. ^dОпричь того, что привезено мяхкія рухледи Марковы продажи Поздеева; а что Марковы

продаж отдано, и то писано подлинно въ отдаточныхъ книгахъ съ сею жъ отдачею вместе.^d

Роспись, что по росказанья Александра Ивановича Корвина Госевского на немцы въ заслуженое месячное после Барковского, 119 августа съ 10 числа да 120 мая по 10 число выдано на Денежной дворъ золота и серебра делати въ денги...^e

Сюда же принадлежит листок следующий^f:

И всего на немцы выдано при пане гетмане корунномъ и после пана гетмана, при Барковскомъ и при Якове капитайне, и после ихъ, за ведомостью Александра Ивановича Корвина Госевского, 119 сентября съ 23 числа до 120 маія по 10 число, денгами и золотыми черлеными, и серебромъ, и золотомъ, и всякою рухледью, 41189 рублевъ и 3 алтына полъ 2 денги, а полскими золотыми 135963 золотыхъ и грошей 20. Да на последней месяць дано, маія съ 10 числа да юня по 10 жъ число, казенныхъ денегъ, что продалъ думной діякъ Иванъ Ивановичъ Чичеринъ остатковъ казенныхъ, 150 рублевъ; а досталь на тотъ последней месяць на отъезде своемъ Александро Ивановичъ додалъ своихъ денег 335 рубли. И всего дано на последней месяць немцомъ 483 рубли, а полскими золотыми 1610 золотыхъ.

И обоего выдано на немцы, изъ казны и что Александро своихъ далъ 41672 рубли 3 алтына полъ 2 денги, а полскими золотыми 137573 золотыхъ и грошей 20.

По публ.: РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 241—245, 248. В публикации указано, что документ напечатан по списку с подлинника, хранившегося в Московской Оружейной палате. Список был предоставлен П. М. Строевым.

Частично публ. А. Вельтманом: О сохранности утварей царского чина, или регалий, во время бытности польских и литовских войск в Москве в 1610—1612 годах // ЧОИДР. 1848. №. 5. С. 63—64.

Примечания: ^a Следует роспись на 27 листках без скрепы (примечание публикаторов РИБ); ^b Этой росписи не хватает (примечание публикаторов РИБ); ^c Его нет (примечание публикаторов РИБ); ^{d-d} Приписано рукою дьяка (примечание публикаторов РИБ). Им же принадлежит следующее указание: Следует роспись оставшейся царской рухледи, на 35 л., с скрепою: Діякъ Степанъ Соловецкой; ^e Далее в РИБ напечатан текст росписи изъятых из казны церковей и монастырей драгоценных предметов; ^f Примечание публикаторов РИБ.

[Около 1611 г.] – Фрагмент приказной выписи о выдачах деньгами, драгоценностями и тканями жалованья ротам гарнизона Речи Посполитой в Москве с упоминанием капитана Ж. Маржерета («Якова Капитана»).

...На роту пана Ошанского 1201 золотыхъ: и въ то число дано ротмистру Ошанскому, сентября въ 14 день серебра 7 гривенокъ без чети, что была чернилница, по 11 золотыхъ гривенка, итого 74 золотыхъ 5 алтынъ 5 денег; да ему жъ данъ полавашникъ бархатъ червачеть, а на немъ нашиты розные бархаты зеленъ-жолтъ-бель, около плетенекъ золотной, подложенъ тафтишкою³³ червчетою, за 45 золотыхъ; два ковра, одинъ по белой земле чюбарины черны, а другой по вишневой земле розные узоры, за 12 золотыхъ, морхъ шолкъ червчетъ за 2 золотыхъ; терликъ³⁴, бархатъ шолкъ червчетъ зеленъ съ золотомъ, подкладка тафта лазорева, опушка камка бела, за 35 золотыхъ; да князь Ивановской рухледи Шуйского приволока, отласъ золотной, опушенъ горностаи, за 20 золотыхъ; да онъ же взялъ 3 полотна, 8 золотыхъ, да 3 гривенки серебра ломаного, что снято с царьского места; да имъ же дано литого серебра 11 гривенокъ с полугривенкою; да съ саадака снято съ колчана и съ налучи, да въ печати, что была печать князь Василья Шуйского, весу 2 гривенки; да имъ же дано серебра, что снято съ посоха, 4 гривенки.

И всего дано серебра 20 гривенокъ 24 золотника, по 11 золотыхъ гривенка, итого 225 золотыхъ и 15 грошей; да ему жъ дано 13 золотниковъ золота угорского, да 27 золотыхъ 6 алтынъ 4 денги.

Да ему жъ дано крестъ золотъ тощей да икона съ закрышкою, а въ ней мученикъ Христовъ Дмитрей лежитъ во гробе, икона жъ золота, а въ ней былъ образъ Пречистыя Богородицы на перелефти резанъ, весу въ нихъ 33 золотника, за 82 золотыхъ.

И всего дано 531 золотой 7 алтынъ 3 денги; да имъ же дано 2 гривенки серебра, что взято у Якова у капитана за седло, 22 золотыхъ...

По публ.: РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 251—253. В публикации указано, что документ напечатан по списку с подлинника, хранившегося в Московской Оружейной палате. Список был предоставлен П. М. Строевым.

1611 г., 15(5) мая. — Жалованная вотчинная и послушная грамота польского короля Сигизмунда III капитану Ж. Маржерету на погосты Верхняя и Нижняя Тойма Двинского у., пожалованные ему взамен дворцового с. Кубенского в Вологодском у., с запретом перехода крестьян и их вывоза

Якову Маржерету на отчизне в Двинскомъ уезде.

Божю милостью мы, великий государь Жигимонт третий, пожаловали есмо Французской земли капитана Якова Маржерета за его к нам верную службу, в Московской земли отправованую, въ Двинском уезде на реце на Двине погостом Тоймою Верхнею и Нижнею з деревнями и с приходом, с крестьяны и со всеми угоды въ вотчину вместо той вотчины, што ему преж того дано было въ Воло[го]цкомъ^а уезде наше дворцовое село Кубенское з деревнями и съ кобакомъ, а потомъ отъ него отышло и оддано кому иному.

И будет тот погост Верхняя и Нижняя Тойма есть въ держанью его, Якова Маржерета, как он намъ дал справу, а не отдано никому, и по сеи нашей господарской грамоте капитану Якову Маржерету тою вотчиною владети, а крестьяномъ его слушати во всемъ, пашню на него пахати и доход ему всякии платить.

Да крестьяном же из-за него за бояръ нашихъ, и за окольничих, и за дворян, и за детей боярскихъ, и за патриарха, и за монастырей не выходити, и никому их не вывозити. А будет крестьяне учнут из-за него за кого выходити или хто их учнет вывозити, и бояромъ нашимъ, и воеводам, и всяким нашим приказным людемъ тых крестьян сыскивати, а сыскав, велеть за нимъ жить по прежнему.

А какъ по милости Божией мы, великий государь, или сынъ нашъ, наяснейший королевич Владиславъ Жигимонтович, будем на престоле на Москве, и мы его пожалуемъ, велим тую отчину за нимъ въ Поместном приказе записати в книги.

Писан в обозе нашем под Смоленском, лета Бож[ьего] нарож[енья] 1611, месяца мая 15-го дня.

Лев Сапега, канцлер.

РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Кн. 571. Л. 728. Список XVII в.

Публ.: АЗР. СПб., 1851. Т. 4. С. 409—410.

Примечания: ^а В рукописи ошибочно: Волоцкомъ.

№ 6

1611 г., 15(5) мая. — Жалованная вотчинная грамота (с элементами послушной) польского короля Сигизмунда III капитану Ж. Маржерету на «здаточную вотчину» атамана С. И. Марьина дер. Васькину с починками и пустошами в Верейском у., с запретом перехода крестьян и их вывоза

Якову Маржерету на отчизне въ Верейскомъ уезде.

Божю милостью мы, великий государь Жигимонт третий, пожаловали есмо Французской земли капитана Якова Маржерета за его к нам службу въ Московскомъ государстве, въ Верейскомъ уезде деревнею Васкиною с починики и с пустошми, съ крестьяны и со всякими угоды въ вотчину, чим де владел преж сего атаман Семен Иванов сынъ Марьинъ, а потом тот атаманъ Семен тую свою старую отчину ему, Маржерету, здал, и он де, Яковъ Маржеретъ, тою вотчиною владеет.

Ино будет ли такъ, как онъ намъ справу дал, и по сей нашей господарской жаловальной грамоте капитану Якову Маржерету тою отчиною деревнею Васкиною и починками и пустошми владети и крестьяном его слушати и за бояр, и за дворян, и за детей боярских, и за монастырских крестьяном из-за него не выходить и никому их не вывозити. А которые крестьяне из-за него выйдуть или хто их вывезет, и бояром нашим и приказным людям тех крестьян сыскати, а велети им за ним жити по старому.

А какъ по милости Божой мы, великий государь, или сынъ нашъ, наяснейший королевич Владиславъ Жигимонтович на престоле Московскомъ будем, и мы его, Якова, пожалуемъ, велим за ним тую отчину справити в Поместномъ приказе.

Писан въ обозе нашемъ подъ Смоленском, лета Бож[ьего] нарож[енья] 1611го месяца мая 15-го дня.

Лев Сапега, канцлер.

№ 7

1611 г., 15(5) мая. — Жалованная поместная грамота польского короля Сигизмунда III капитану Ж. Маржерету (в его оклад в 1000 четвертей) на дворцовую вол. Сямженскую в Вологодском у., на с-цо Опашнево в Пошехонском у., на дер. Бабкину, Мотрычи, Сольпочики, Пешкову и Жилину в Хотунской вол. [Московского у.]

На поместье въ Воло[го]цком^а, в Пошехонском уездехъ и в Хотунском Якову Маржерету.

Божою милостью мы, великий государь и великий князь Жигимонт третий, пожаловали есмы Французской земли капитана Якова Моржерета по его челобитью и службе поместьемъ въ его оклад в тысячу четвертей въ Воло[го]цкомъ^а уезде дворцовым селомъ Сямженскою волостью с приселки и з деревнями, да к тому же поместью в Пошехонском уезде Невзоровым поместьемъ Левонтьева сельцом Опашневом з деревнями, а в Хутынской волости поместьемъ деревнею Бабкиною, деревнею Мотрычами и Сольпочиком, да деревнею Пешковою и деревнею Жилиною съ крестьяны и со всякими угоды, а тые деи поместья не отданы никому и владеетъ ими он же сам.

Ино будет ли такъ, какъ нам справу далъ Яковъ Моржереть, и мы, великий государь, велели есмы ему тыми выше именованными поместьями, селы и деревнями со всякими угоды, владети до воли и ласки нашей господарской.

А какъ по милости Божою мы, государь, или сын нашъ будем на престоле на Москве, и мы его пожалуемъ, велимъ тые поместья за ним въ Поместном приказе справити.

Писан въ обозе нашомъ под Смоленскомъ, лета Бож[ьего] нарож[енья] 1611-го месяца мая 15-го дня.

Лев Сапега, канцлер.

РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Кн. 571. Л. 729. Список XVII в.

Публ.: АЗР. СПб., 1851. Т. 4. С. 410.

Примечания: ^а В рукописи ошибочно: Волоцкомъ.

№ 8

1611 г., 16(6) мая. — Жалованная поместная грамота польского короля Сигизмунда III французскому поручику Ожелемперу (в его оклад в 700 четвертей) на дворцовое с. Пельшму с приселки и с деревнями в Вологодском у.

Французу поручику Ожелемперу на поместье в Воло[го]цкомъ^а уезде.

Божю милостью мы, великий государь Жигимонт третий, пожаловали есьмо Французской земли поручника Ожелемпера по его челобитью и службе поместьемъ въ его окладъ въ семьсот четвертей въ Воло[го]цкомъ^а уезде дворцовым селомъ Пельшмою с приселки, и з деревнями, и со всякими угоды, а тое деи поместье, сказывает, не отдано никому и владеет им он же сам.

Ино будет ли такъ какъ намъ далъ справу Ожелемпер, и мы великий государь велели есьмо ему тым вышеименованным поместьем селомъ Пельшмою съ деревнями и со всякими угоды владети, до воли и ласки нашей господарской.

А какъ по милости Божой мы, великий государь, или сынъ нашъ будем на престоле на Москве, и мы его пожалуемъ, велимъ тое поместье за ним въ Поместном приказе справити.

Писан въ обозе нашомъ под Смоленском, лета Божего нароженья 1611-го месяца мая 16-го дня

Лев Сапега, канцлер Великого княжества Литовского.

РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Кн. 571. Л. 729 об. Список XVII в. Публ.: АЗР. СПб., 1851. Т. 4. С. 410—411.

Примечания: ^а В рукописи ошибочно: Волоцкомъ.

№ 9

1611 г., 16(6) мая. — Жалованная вотчинная грамота (с элементами послушной) польского короля Сигизмунда III французскому поручику Ожелемперу на половину «черной» Арбужской вол. в Пошехонском у.

На отчизне въ Пошехонскомъ уезде французу Ожелемперу.

Божою милостью мы, великий государь Жигимонт третий, пожаловали есьмо Французской земли поручника Ожелемпера за его къ намъ службу в Московском государстве в Пошехонском уезде чорной Арбужской волости половиною съ крестьяны и со всякими угоды въ отчину, а тым деи владели, сказывает, преж сего дети боярские, а ныне деи владеет онъ самъ, Ожелемперъ.

Ино будет ли такъ, какъ онъ намъ справу далъ, и по сей нашей господарской жаловальной грамоте поручнику Ожелемперу тою отчиною, чорной Арбужской волости половиною съ крестьяны и со всякими угоды владети, а крестьяном его слушати.

А какъ по милости Божоей мы, великий государь, или сынъ нашъ, наяснейший королевич Владиславъ Жигимонтович, на престоле Московском будемъ, и мы его, Ожелемпера, пожалуемъ, велимъ за ним тую отчину справити в Поместном приказе.

Писан въ обозе нашомъ под Смоленском, лета Божьего нароженья 1611го месяца мая 16-го дня.

Лев Сапега, канцлер Великого князства Литовского.

РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Кн. 571. Л. 730. Список XVII в. Публ.: АЗР. СПб., 1851. Т. 4. С. 411.

№ 10

1612 г., 24—25 июля (3—4 августа) — 17(27) августа. — Дело о приезде в Россию капитана Я. Шава, представителя отряда иностранцев-наемников, с предложением поступить на российскую военную службу. В дело включены переписка правительства Второго земского ополчения с воеводами в Архангельске, Вологде и Ярославле; память Я. Шава и письмо — обращение предводителей наемников (в т. ч. полковника Ж. Маржерета); запись предварительной беседы Я. Шава с дьяком С. Романчуковым и переговоров Я. Шава с предводителями Второго земского ополчения; обсуждение этого предложения на «Совете всей земли», решение Совета и ответ на-

емникам от имени стольника и воеводы кн. Д. М. Пожарского «с товарищи» (дело без конца)

10.1.

1612 г., 24—25 июля (3—4 августа). — Отписка стольнику и воеводе кн. Д. М. Пожарскому «с товарищи» из Архангельска воеводе кн. И. Г. Долгорукого и дьяка П. Григорьева с пересказом полученной от Я. Шава информации и с приложением данной им памяти (на английском языке с синхронным переводом).

(Л. 1) Господамъ князю Дмитрею Михайловичю с товарищи³⁵ Иван Долгорукого³⁶, Путило Григорьевъ³⁷ челомъ бьют.

Въ нынешнемъ, господа, въ 120-м году июля въ 24 день приехал к Орхангильскому городу на карабле Шкотцкие земли немчинъ Яков Шав. И мы, господа, ему велели быти у себя и ево роспрашивали, и он намъ в роспросе сказал, что он едет к вамъ, к бояром, и ко всей земле перед большими послы о добромъ совете. И мы ему велели, написав, к собе принести, хто идет большим посломъ имяны и сколко с ними людей и которых государей. И тот немчин дал намъ письмо. И мы, господа, то письмо давали переводить Ивану Ульянову³⁸, и Иван, господа, то письмо перевелъ въ съезжей избе передъ нами.

И мы, господа, немчиново письмо и Ивановъ перевод, подклея под сию отписку, послали к вамъ. Да он же, господа, сказывал намъ, что присланы из Литвы от Сандомирского³⁹ грамоты к дочери его к Маринке⁴⁰ с темъ немчином, которого мы к вам отпустили наперед сего, с Фрянцыскусом⁴¹.

(Л. 2) A not delyuerit be me. James Schaw captan, to the gowernouers of the castell of Arkangell.

The namis of this nobill men that ar to cum heir thair is on that sall be generall, his nam is Adrian Floderau and Lit baronn. Thair is ane wthair, his nam is sir Arthour Asten, gentillman of His Maisties priwie chamor of Grit Britan. Thair is on cronall James Gill. This thri ar principallis. Thair ar sundrid captains we thame in companie we thair followeris, to the number of achtie or nyntie personnis.

Wan Flodrau and Lit.

As my Lord wos in Hol and he gott intelligenr, that thair wos ane frrence man, comit out of Sweden, that hed being afoir in Rwsland a cronall, his nam is Monsour Laweill. Thhat wos to cumit to the

Arkangell and to sant Nicolas to ship tam it in be the strong hand and spoulieit it. Bat my Lord went to the Staitis of Holland and maid it gnawin to thame, and thay dischairgit, that he sould haif any schipis or men thair. This nobill man is out of the land of Claif wnder the empyr of the Romis empriour.

(Л. 3) Память дана от меня, Якова Шава от капидона, у Архангилского города приказнымъ – имена тем бояромъ, которые идут из заморья: начальной воевода и боярин Ондреянь Флодеран и Лит из Цысарские державы⁴² из королевские земли; да князь Ортер Атон⁴³, дворянин комнатной короля аглинского; да коронель Якуб Гиль⁴⁴ агличанин, те три начальные воеводы, а с ними будут дворяне и капидоны с своими людми, всех человекъ до осьмидесят или девяносто.

Как был в Галанской земле боярин и воевода Ондреянь Флодриян и Литъ, и там ему слух дошел, что фрянцовской капидонъ Мунсуръ Лавиль⁴⁵ сталъ наймовать служилых людей и карблей, а идти было имъ на караблях к Архангилскому городу и къ Никольскому монастырю воевати и воровской статьи похотел взять и разорить. И тот боярин Ондреян Флодриян и Лит, слышечи такое воровское умышленье, и он то дело обвестил (Л. 4) Голанские земли державцамъ, и державцы по ево извету имянно наказали во всей их земли всякимъ людемъ, чтоб у тово Мунсуръ Лавила не наймовались никакие служилые люди, ни карабли, и тем у нево то умышленья помешалось.

РГАДА. Ф. 35. Сношения России с Англией. Оп. 1. № 45. Л. 1—4. Подлинник. 315 x 136; 290 x 150; 369 x 145; 120 x 147.

Пометки на об.: л. 1, посередине листа (адрес): Господамъ князю Дмитрею Михайловичю с товарищи.

На л. 2 об.: nobill man i ont of t... land of air under the...

Публ.: Богоявленский., Рябинин. С. 51—52.

10.2.

1612 г., 9(19) августа. — Наказная память Д. Языкову, посланному по указу стольника и воеводы кн. Д. М. Пожарского «с товарищи» для встречи Я. Шава и сопровождавших его лиц на Ростовской дороге и их препровождения в Переяславль

(Л. 5) Лета 7120 августа въ 9 день по указу бояр и воевод и стольника и воеводы князя Дмитрея Михайловича Пожарского с товарищи память Дементью Языкову.

Ехати ему^a по Ростовской дороге до Кулакова, и где встретит аглинских немецъ, ^bа едет немец четыре человек^b встретя, поставити немецъ в деревне въ Кулакове и ^cтутъ съ ними^{c d}стояти, передневать и начевать, а завтра ^bавгуста в 11^b день въ понедельник^e с полудни ехати ^bсъ ними^b въ Переславль⁴⁶, ^bчтоб^b приехати ж съ ними въ Переславль на вечер, какъ столник и воевода князь Дмитрей Михайловичъ с полки Переславль пройдут, чтоб немцом полков не видеть. А приехавъ^f к Переславлю близко, прислати про их с вестью в Розряд ^bстрельца или целовальника, которые с ними посланы з Двины^b, а самому съ ними подъ городом подождать. А будучи съ немцы на стану и дорогою едучи, проведывати у них, для чего они едут, хто их послал [и каковы они люди собою, а ^bчто у них проведаетъ^b, про то сказывать, приехавъ, столнику и воеводе князю Дмитрею Михайловичю].

Там же. Л. 5. Отпуск. 385 x 145. Нижний край листа (две строки) утрачен, текст восстановлен по публикации.

Публ.: Богоявленский, Рябинин. С. 52.

Примечания: ^a Далее зачеркнуто: от; ^{b-b} Здесь и далее в документе над строкой; ^{c-c} Над зачеркнутым: с ними сегодня да на зав...; ^d Перед словом зачеркнуто: по; ^e Далее зачеркнуто: ...с немцы после обеда.

^f Далее зачеркнуто: в.

10.3.

1612 г., 10(20) августа. — Запись предварительной беседы дьяка С. Романчукова с Я. Шавом в соответствии с распоряжением стольника и воеводы кн. Д. М. Пожарского

(Л. 6) Августа въ 10 день по приказу столника и воеводы князя Дмитрея Михайловича Пожарского диак Сава Раманчуков⁴⁷ ^bспрашивал немчина Якова Шава^a: Бояре и воеводы и по избранью всех чинов людей Росийского государства столникъ и воевода князь Дмитрей Михайловичъ съ товарищи велели^b тебя спросити: писали съ Колмогор воеводы, что он, Яковъ, сказалъ им, что он едет къ бояром и ко всей земле передъ болшими послы,

и онъ бы сказалъ отъ кого те послы идут, от которого государя и о какомъ деле?

И немчинъ Яковъ Шавъ сказалъ: Идут де к бояром и ко всей земле цесаря римского начальной санатаръ Ондреян Флодеран и Лит да аглинсково и шкотцкого короля дворянин комнатной князь Артеръ Астон да агличанин воевода ж воинских людей каранель Якуб Гиль о добром деле, что годно бояром и всему Росийскому государству. А идут деи собою, а не посланы ни от кого, а съ ними де будет капитонов, а ротмистры то ж, человекъ зъ 20, а съ ними воинских людей и пахолков человекъ до 100, а что их дело, то писано от них подлинно въ грамоте. И какъ (Л. 7) де он, Яков, будет у князя Дмитрея Михайловича и у всех думных людей, и он грамоту подастъ и речъ, что ему наказано, изговорит, и дело их, о чем они идут, будет явно, а годно то дело всему государству. А не быв ему у князя Дмитрея Михайловича и у думных людей, того дела объявляти непригоже.

И Сава его спросил: Он, Ондреян Флодеран и Лит, сказываешь, сенатаръ цесарев, а князь Артеръ Атон да каранель Якуб Гиль аглинского короля люди, каким же они случаемъ идут вместе и об одном деле?

И немчин Яков сказал: Въ техъ де землях люди волные, ездят из земли на^c землю по своей воле. Ондреян де Флодеран был въ Аглинской земле и с ними, со князем Артеръ Остоном да с карнель Якуб Гилом, совет учинили, что идти въ Московское государство для доброго дела, которое годно государству. А пошли де они с ведома аглинского короля, только с ними от аглинского короля приказу нет никоторого. А на карабль деи оне сядут въ цесареве (Л. 8) городе въ Амборхе после его Яковлева оттуды поезду спустя неделю или ден з десять, а ему, какъ он поехал из Амборха, недель с пять по ся места. ^dА как де они будут в Архангелском городе, и имъ тут ждатель от бояр к воеводе указу. ^dА Иван де Ульянов шол не съ нимъ вместе, сошлись с ним под Архангилскимъ городом.

Сава ж немчина Якова спрашивал: Кто ныне в Аглинской земле королем и хто ныне цесарь в Римской земле, Руделфъ цесарь жив ли?

И немчин Яков сказалъ: Въ Аглинской и въ Шкотцкой земле прежней Якуб король, которой учинился после Елисавет королевны. А римского Руделфа цесаря не стало, а на его место учи-

нился цесарем брат его Матьяшъ, а коруновался тому по ся места недель зъ 9, а розне в Цесареве земле нет⁴⁸. У датцкого короля съ свейским война, только датцкой свейскому силенъ, города у него поимал и ныне землю его воует. А какъ ныне цесарь съ польскимъ королем, и про то им не ведомо.

Там же. Л. 6—8. Черновая запись. 365 x 147; 366 x 145; 376 x 145. Внизу л. 8 одна строка затерта.

На л. 6 об. помета: или ... чают у Архангильского города ... пол 3 ротмистров и ... пахолков отпустить с Францыкусом, чтоб его поставили до указа, где его застанут. Боран, вина, меду с кабака.

Публ.: Богоявленский, Рябинин. 52—53.

Примечания: ^a Другим почерком над зачеркнутым: спрашивал немчина Якова Шава; ^{b-b} Над строкой; ^c Исправлено из: в; ^{d-d} Приписано другим почерком.

10.4.

1612 г., 10(20) августа. — Запись приема Я. Шава и переговоров с ним стольника и воеводы кн. Д. М. Пожарского «с товарищи» в Переяславле в Разрядной избе, на которых был представлен текст письма — обращения предводителей наемников к российским властям

(Л. 9) И ^a-того ж дни^a, августа в 10 день, немчин Яков Шав былъ у бояр и воевод и у стольника и воеводы у князя Дмитрея Михайловича Пожарского с товарищи в Переславле в Розрядной избе, ехал съ ним Семен Колтовской, лошади под него посыланы с площади дворянские.

Какъ немчин вшол в ызбу, и князь Дмитрий Михайлович и бояре и воеводы давали ему руки сидя, и спрашивал его князь Дмитрий Михайлович о здоровье, здорово ль он дорогою ехал, и немчин на том бил челом.

И князь Дмитрий Михайлович спрашивал, что его приездъ, хто его послал, перед кем он приехал^b и есть ли с ним грамоты?

И немчин Яков сказал: Послали его цесаря римского сенатар Андреян Фло[деран и Лимт да аглинского короля] (Л. 10) комнатной дворянин князь Артер Атон да воевода воинских людей агличанин каранель Якуб Гиль обвестить про себя, что они идут в Московское

государство послужить вам, бояром, и всей земле, чтоб литовских людей из государства выгнать, чтоб государство было в покое, а с ними ротмистров человекъ за 20 да ратных людей и пахолков человекъ до 100⁴⁹.

Да подал от них грамоту и говорил, что писано подлинно въ грамоте, какъ грамоту вычтут, и их дело все будет ведомо.

И князь Дмитрий Михайлович велель ему сести на скамейке, а посидевъ мало, молил ему: Речи его выслушали, а^c грамоту переведут и ответ ему учинят.

(Л. 11) Перевод с полского писма, что переводил с неметцкие грамоты, что привез немчин шкотцкой Яков Шав Цесаревы области отъ Ондреяна Флodoreита да от аглинских воевод Артора Астона да от Якова Гиля. А переводил с неметцково на полское Юрьи Якушевский, а с полского на руское он же.

Великим и велеможнымъ княземъ величеству вашему мои прямые службы объявляю, вперед и прямым сердцем служить готовъ, которые меры преж сего за шесть месяцъ я писал в грамоте к чесному Петру Гамелтуну, объявляючи свою верную службу, чтоб он до вас донес, что яз хочу вам верно служити в тех мерах, что учинилось меж вас и польских и литовских людей. И вам бы, великим велеможнымъ княземъ, не страшитися: короли наши^d великих людей ведомых иноземцов ратных болших капитанов и залдатов, в которых нет таких, которой бы к службе не пригодился,^e велели (Л. 12) збиратися и уже наготове. Только тому дивимся, что вам, великим велеможнымъ княземъ, капетон Гамелтон того не объявил и нашего раденья и службы по ся места не сказал. И мы положили на то, нечто будет то наше письмо до Петра не дошло или Петръ до вас не донес, что нам о томъ от вас писма нет. А в том я стал не прав большему в Амборху Якову Мержерету, а Яковъ^f Мержарет послал же з грамотами из Амборха к Архангельскому городу на Николин день маяя 9 число, тое ж службу и раденье объявляя. И против тех грамот писма не бывало ж, и мы того ж чаемъ, что и те не дошли.

(Л. 13) Велеможнейшие князи, надежны ль мы на то, что мы объявляем вамъ нашу службу и раденье, любо ль вам будет,^g о том намъ ответ учините по нынешней по летней дороге, чтоб мочно прити карабленным ходом, чтоб нынешнее лето у нас даром не прошло, надеючись на вас. Вам же, веле[мо]жнымъ княземъ и земле вашей будет к прибыли, только наша служба ранее со-

вершитца. Язь нынеча с своими большими и с капитаны имянно к вам, велможным княземъ, иду вскоре для договору наемного войска иноземцов, только вам то любо будет, да идут ^a мои люди^a в аглинских и в недерлянских кораблях, а приставать будут к берегу сее осени. И вам бы, услышав мои речи, только вам то любо будет, со мною о воинских людех договор учинити, чтоб нам, прося у Бога милости, одново лета съ недруги управитца. (Л. 14) А мы то делаемъ на славу королем нашимъ и отчеству нашему, а того не будем страшитись, что нас побьют, надеемся на правду: Богъ в правде помогает. А мы ради против ваших неприятелей, видечи вашу правду, до смерти битца, а однолично яз изготовился к вам ити морем и сухим путем^h на Николинь день, только со мною ныне о том договоръ учините. А наперед сего послал я к вам, велможнымъ князем, капитана своего Якова Шавы с своею грамотою, чтоб было вам известно,ⁱ что яз къ вамъ иду^j, и не было б мне в том от вас отказу, чтоб мне в позоре не быти. А изготовите к моему приезду для поспешенья подводъ подо сто человекъ, чтоб яз вскоре к вам поспел для договору доброво дела, потому что в грамоте о том (Л. 15) имянно не писано, а сести б намъ на подводы на Перми. А надеяся на Бога, вам, велможнымъ княземъ ^a и всей земле^a приходом своимъ велику радость учиню. Боже дай, чтоб мне вас с моими большими капитанымъ^k в радости видеть. Писано в Амборхе 10 числа июня лета 1612-го⁵⁰.

А у грамоты руки:

Ондрейан Фрейгер волной господинъ во Фладорфе.

Артур Астон полковник.

Яков Гил^l полковник.

Маржерет полковникъ.

Икан капитан большой над петартами.

Обертъ Яков капитан.

Яганус Кристер фон Билантъ капитан.

Адам Криалом.

Яган фон Голянтъ из Галан.

Якуб Фанцлефан из Трихи.

Там же. Л. 9—15. Черновая запись. 375 x 140; 372 x 143; 374 x 142; 271 x 132; 356 x 140; 311 x 140; 360 x 144. Внизу л. 9 одна строка утрачена, нижний край л. 11 и л. 15 (одна строка) поврежден.

Публ.: Богоявленский, Рябинин. С. 53—55.

Примечания: ^a Приписано другим почерком; ^b Далее зачеркнуто: что с ним г; ^c Далее зачеркнуто: что в; ^d Далее зачеркнуто: аглинской; ^e Далее зачеркнуто: к вам хос...; ^f Исправлено из: Якову было по...; ^g Далее зачеркнуто: ответ; ^h Далее зачеркнуто: к вам; ⁱ Далее зачеркнуто: чтоб было вам; ^j Далее зачеркнуто: и суду; ^k Далее зачеркнуто: вас; ^l Далее зачеркнуто: большой.

10.5.

1612 г., 10(20) августа. — Запись обсуждения на «Совете всей земли» обращения предводителей наемников с изложением принятого Советом решения об отказе в приеме на службу наемников и отправке назад в Архангельск Я. Шава (в том числе по причине предшествующих преступных действий Ж. Маржерета в России)

(Л. 16) И бояре и воеводы и столникъ и воевода князь Дмитрей Михайлович Пожарской с товарищи, выслушав переводу с неметцкие грамоты, что писали Ондреян Флодерат с товарищи, велели тот перевод чести^a чашником и стольником и дворяном большим и дворяном из городов и всяких чинов людемъ, которые в то время были в полкх⁵¹, и советовали о том всяких чинов с людьми, надобно ль неметцкие люди в наем или нет. И чашники и стольники^b и дворяне и всяких чинов люди говорили, что наемные ратные неметцкие люди ненадобет: найму дать нечего да и верить им нельзя: объявился с ними Яков Мержерет, а того^c Якова многие в Московском государстве знают, был он в Московском государстве, приехал зъ диаком с Офонасьем Власьевым ис Цесаревы земли и был в Московском государстве в ротмистрах у иноземцовъ, а после царя Бориса при царе Василье отпу...^d (Л. 17) и с польскими и с литовскими людьми и с воры вместе кровь христианскую проливалъ. А какъ пришел Желковской под Москву⁵², и он з Желковским опять пришел^e и после Желковского остался в Москве з Гасевским⁵³ в роте неметцкой у поляка Петра Борковского. А какъ польские люди Москву жгли и людей^f секли, и он вместе с польскими людьми в те поры воровал и злее польских людей чинил и въ осаде с польскими и с литовскими сидел, а в Польшу пошел с ызменником, с Михайлом Салтыковым⁵⁴ с товарищи, награвься многова богат-

ства, а в Полше король^s за то велел ему быти в раде. И то знатно, что Яков Мержерет хочет быти в Московское государство по умысленью польского Жигимонта короля и па(Л. 18)нов рад, и им бы отказати. А будет Ондrejaн с товарищи пришли к Архангельскому городу или и из Архангельского города отпущены в полки, и их воротити, потому что и договору чинити нечево, коли наемные люди не надобны. А^h против их грамоты отписати к ним грамоту с тем же немчином съ Яковом Шавом, а для того,ⁱ только Ондrejaн пришли к Архангельскому городу или изъ Архангельского города отпущены, послати с немчином дворянина добра, кому им против грамоты выговорить и их воротить.

И по приговору бояр и воевод и стольника и воеводы князя Дмитрея Михайловича Пожарского с товарищи и по совету всяких (Л. 19) чинов людей немцы капитанъ Яковъ Шавъ^j к начальным х^j капитаном к Ондrejaну^j Фрейгерю^j съ товарищи, ^jот которых послан, отпущен, а съ ним^j k от бояр и от воевод и ото всяких чинов против их грамоты, ^jчто они писали о помочи воинских людей, послана грамота. А в грамоте писано^j, что наемные люди иных государств ныне не надобет: покаместа Московскому государству^j польские люди были^j сильны, потому что за грехъ государство Московское были в розни — северские города были особе, а Казанское и Астароханское царства и понизовные города были особе ж, а во Пскове был вор⁵⁵, ^jкоторой^j назвался государским именем, и Псков и Ивангород с ним вместе, а иные города и люди многие были с польскими и с литовскими людьми. А ныне все Российское государство, видев полских и литовских людей неправду и узнав воровских людей завод, избрали¹ всемъ Московским¹ государством за разум и за правду^m к ратным и к земским делом стольника и воеводу князя Дмитрея Михайловича Пожарского. Да и те люди, которые были в воровстве с польскими и с литовскими людьми и стояли на Московское государство, видя польских и литовских людей неправду, от полских и отъ литовских людей отстали, ^jи все Московское государство^j учинилось в соединенье и против польских и литовских людей стали все и стали единомышленно, и бои с литовскими людьми были многие, и города, которые были за полс...ⁿ (Л. 20) к Московскому государству и бьемся за святые Божие церкви и за православную^j нашу^j крестьянскую веру и за свое отечество безъ жалованья. А до польских и литовских лю-

дей за их неправду и крестопреступленье праведной гнев божей до самих доходит: турские и крымские люди Подольскую землю и Волынь воюють без выходу. И чаючи милости Божей, оборонимся от польских людей и сами Росийским государством и без наемных людей.

А коли будет вперед надобны будут Московскому государству ¹на помощь¹ воинские наемные люди, и тогда к ним о ратных людех для договору пошлють своих людей, а ныне ратные люди не надобет и договору о них чинити нечего. И имъ бы в Московское государство не ходити и себе своим приходом убытков не чинити (Л. 34). Да и о Якове Мержерете отписати подлинно°, какъ онъ, забыв Московскихъ государей къ себе жалованье, пристал к вору и после присталъ къ польскимъ и къ литовскимъ людем, Московскому государству с польскими людьми всякое зло починил злее польскихъ (Л. 21) людей, да и вперед от него Московскому государству добра не чаяти. А проводити тех немец послан Дмитрий Чаплин и грамота от бояр и воевод и ото всяких чинов людей к немцом, к Ондреяну с товарищи, об отказе о наемных воинских людех и о Яковле Мержерета измене и воровстве послана з Дмитреем такова.

Там же. Л. 16—20, 34, 21. Черновая запись. 358 x 146; 310 x 146; 383 x 144; 363 x 144; 243 x 137; 76 x 128; 156 x 140. Нижний край л. 16 частично утрачен, лист подклеен, на л. 19 значительные повреждения, разрывы, лист подклеен, на л. 34 значительные утраты, лист подклеен.

Публ.: Богоявленский, Рябинин. С. 53—55.

Примечания: ^aДалее зачеркнуто: в службе; ^bДалее зачеркнуто: и вся...; ^cДалее зачеркнуто: Якова; ^dНижний край листа (одна строка) утрачен; ^eДалее зачеркнуто: и вм...; ^fНад зачеркнутым: и; ^gДалее зачеркнуто: дал ему; ^hДалее зачеркнуто: грамоту к ним; ⁱДалее зачеркнуто: лю...; ^jЗдесь и далее в документе над строкой; ^kНад зачеркнутым: отпустить; ^lНад зачеркнутым: государства Росийского; ^mДалее зачеркнуто: и за дородство и за храбрость; ⁿНижний край листа утрачен; ^oДалее зачеркнуто: каким он.

10.6.

1612 г., 10(20) августа — 17(27) августа. — Ответная грамота «Совета всей земли» Второго земского ополчения предводителям наемников с отказом в приеме их на службу, с подробным

рассказом о предшествующих преступных делах Ж. Маржерета в России в 1608—1611 гг. и с информацией о текущих событиях 1611—1612 гг.

(Л. 22) Великих государств Росийского царствия бояре и воеводы и по избранью Московского государства всяких чинов людей в нынешнее настоящее время того многочисленнаго войска у ратных и у земскихъ дел стольник и воевода князь Дмитрий Пожарской с товарищи объявляемъ Ондреяну Фрейгеру вольному господину города Фладорфа, Артору Ястону из Турнала, Якову Гилю, начальнымъ над войскомъ и иным капитаномъ, которые с вами.

Прислали есте к намъ с капитаномъ с Яковом Шавомъ грамоту за своими руками, а в грамоте своей к нам писали есте, что объявляете нам свое доброе^а раденье прямым сердцемъ, будто вы о некоторых мерахъ тому уж шесть месяц писали в грамоте к Петру Гаме[л]туну, чтоб онъ до нас донес, что вы хотите верно служить в тех мерахъ, что учинилось меж нас и польских и литовских людей, (Л. 23) и нам бы не страшитися, государи ваши короли великих людей ведомых иноземцов, ратных больших капитанов и залдатов, в которых нет таких, которой бы к службе не пригодился, велели збиратись и уже наготове, только тому дивитесь, что нам капитон Гамельтон того не объявил и вашего раденья и службы по ся места не сказал. И вы положили на то: нечто будет то ваше письмо до Петра не дошло или Петръ до нас^б не донес, что вам о том от нас письма нет, и в том вы стали неправы большому в Амборху Якову Межерету, а Яков Мержерет послал же з грамотами из Амборха к Архангельскому городу на Николин день, мая 9 число, тое ж службу и раденье объявляя, и вы того ж чаете, что и те не дошли. (Л. 24) И только нам ваше раденье любо будет, и о том бы нам ответъ учинити вамъ по нынешней летней дороге, чтоб мочно притти карабленным ходом. А ныне ты, Ондреян, с своими большими и с капитаны имянно к намъ идете вскоре для договору наемнаго войска иноземцов, только нам любо будет, да твои ж люди идут в аглинских и в недерлянских караблях, а приставать будут к берегу сее осени, и нам бы с тобою о воинских людех договор учинити, чтоб вамъ прося у Бога милости, одного лета с недруги управитца. А вы то делаете на славу государем своим

и отчеству своему, не бояся смерти, надеяся на правду, а в правде Богъ помогает, и ради вы против наших неприятелей, видечи нашу правду, битца до смерти, и однолично еси изготовился к нам идти морем и сухим путем на Николин день, только с тобою ныне о том договор учиним.

И мы государем вашим^c (Л. 25) королемъ за их жалованье, что они о Московском государстве радеють и людем велят збиратца нам на помочь против польских и литовских людей, челом бьем и их жалованье ради выславляти, а и преже сего великие государи наши цари и великие князи росийские з государи вашими ни с которыми короли в недружбе не бывали. А вас, Ондrejaна Фрейгера вольново господина во Флдорфе, да Артора Ястона ис Турнала, да Якова Гиля, начальников над войском, за ваше добротство, что вы хотите Росийскому государству помочь чинити, сами служити и людей воинских (Л. 26) на наем призывати и битися хотите до смерти, похваляем и нашею любовью против вам, где будет возможно, воздавати хотимъ. А тому удивляемся, что вы о томъ деле в совете с французенином с Яковом Мержеретомъ, а Якова Мержерета мы все Московского государства бояре и воеводы знаемъ достаточно и ведаемъ про него подлинно: блаженные памяти при великом государе царе и великом князе Борисе Федоровиче всеа Русии выехал тот Яков и с ыными иноземцы з диаком с Офонасьемъ Власьевымъ ис Цесарские области к царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии на его государское имя служити. И блаженные памяти великий государь царь (Л. 27) и великий князь Борис Федорович всеа Русии его пожаловал своим царскимъ жалованьемъ, поместье и вотчины и денежным жалованьем, и был он у иноземцов в ротмистрах. А после царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси, как учинился на Росийском государстве великий государь^d царь и великий князь Василей Иванович всеа Руси, и Яков Мержерет великому государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Руси бил челом, чтоб его отпустил^e к родству его во Францовскую землю. И царь и великий князь Василей Иванович всеа Руси^f по своему милосердому обычею^f пожаловал его своим царскимъ жалованьем, во Францовскую землю^g отпустить велел^g.

И как за нашъ грех в Росийском государстве при царе Василье^h некоторой вор по умышленью полских и литовских

людей назвался блаженные памяти царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси сыном, царевичем Дмитреем Углицким, прежнего вора в Росстригино место, будто он ушел с Москвы жив, и стоял тотъ вор под Москвою, и тотъ Яков Мержеретⁱ к тому вору пристал и был с тем воровом и Московскому (Л. 28) государству многое зло чинил и кровь хрестьянскую проливал вместе с польскими и литовскими людьми и Московского государства с ызменники. А какъ польской Жигимонтъ король присылал под Москву гетмана польского Станислава^j Желковского, и тот Яков опять пришел з гетманом, а после гетмана остался в Московскомъ государстве с старостою велижскимъ с Олександром Гасевским в неметцкой роте у^k поляка у Петра Борковского в порутчиках. И какъ^l польские и литовские люди (Л. 28а) крестное свое целованье преступили, оплоша московскихъ бояр, царствующий град Москву разорили, выжгли и людей секли, и тот Яковъ Мержеретъ вместе с полскими и с литовскими людьми кровь хрестьянскую проливал и ^mзлее полских людей^m, и в осаде с польскими и с литовскими людьми в Москве от нас сидел, и награбився государские казны, дорогих узорочей несчетно, из Москвы пошел в Польшу в нынешне[м] во 120-м году в сентябре месяце с ызменники Московского государства, что был бояринъ, с Михаилом Салтыковым с товарищи.

И про то намъ подлинно ведомо, что польской Жигимонтъ король тому Якову Мержерату за то, что он с полскими и с литовскими людьми Московское государство розорял и кровь хрестьянскую проливал, велел быти^f у себя в раде^f. И мы тому удивляемся: такое Яков Московскому государству (Л. 29) зло учинилъ, с полскими и с литовскими людьми кровь хрестьянскую проливал, да и злее полских и литовских людей чинил, и у короля за то жалованье получилъ, в раде его король учинилъ, а ныне б ему намъ против полскихъ и литовских людей? И нам ся мнить, что Яков хочеть в Московское государство быти по умышленью полского короля и польских и литовских людей, чтоб ему зло котороеⁿ по умышлению и по приказу польского Жигимонта короля и панов рад Московскому государству учинити, о томъ мы стали в опасенье. Для того и к Архангильскому городу по береженье ратных многих людей отпускаем, чтоб польского Жигимонта короля умышленьемъ какое (Л. 30) лихо Архангильскому городу не учинилось.

Да и наемные нам люди иных государств ныне не надобет, по ся места^o были нам польские люди сильны потому, что за грех нашъ государство Московское были в розни, северские города были особе, а Казанское и Астараханское царства и понизовные города были особе, а во Пскове был вор, назвался государскимъ имянем, и Псков и Ивангород были с ним вместе, а иные города и люди многие были с польскими и с литовскими людьми. А ныне все Росийское государство, видев польских и литовских людей неправду и узнав воровских людей завод, избрали всеми государствы Росийского царствия, мы бояре, и воеводы, и чашники, и стольники, и дворяне большие, и стряпчие, и дворяне из городов, и приказные люди, и дети боярские, и стрельцы, и казаки и всяких чинов служилые люди, и гости и торговые и всякие посадцкие жилецкие люди, также розных государствъ цари и царевици, которые служили прежним государем в Росийском государстве, и царства Казанского и Астараханского и иных понизовных (Л. 31) городов князи и мурзы, и татарове и черемиса и чуваша и литва и немцы, которые служат в Московском государстве, за разум, и за правду, и за дородство, и за храбрость к ратнымъ земским делам стольника и воеводу князя Дмитрея (Л. 31а) Михайловича Пожарского-Стародубского⁵⁶. Да и те люди, которые были в воровстве с польскими и с литовскими людьми и стояли на Московское государство, ^fвидя от польских и литовских людей^f неправду, от польских и литовских людей отстали и стали с нами единомышленно против польских и литовских людей. И бои намъ с польскими и с литовскими людьми были многие, и многих польских и литовских людей побиваем, и города, которые были за польскими и литовскими людьми, очищаем к Московскому государству, и что где зберетца з земли каких доходов, и мы (Л. 32) то даемъ нашимъ ратнымъ людем, стрельцом и казаком. А сами мы, бояре, и воеводы, и чашники, и стольники, и дворяне, и дети боярские, служим и бьемся за святые божьи церкви и за православную нашу крестьянскую веру и за свое отечество без жалованья.

А до польских и до литовских людей за их неправду и крестопреступленье праведной гнев божей до самих доходит: в Польской и в Литовской земле, на Волыни и на Подолье воевали турские и крымские люди без выходу, Волынь и Подолье до конца запустошили, и ныне турские и крымские ^fвоинские^f люди в Польской

и Литовской земле воюют, и ^чвперед, по нашей ссылке, крымские люди^р Польскую и Литовскую землю хотят воевати и до конца пустошита^д. И мы чаем милосердаго в Троице славимаго бога нашего милости, оборонимся от польских и от литовских людей и сами, Росийским государствомъ и без наемных людей.

А только будет за грех нашъ по какимъ случаем польские и литовские люди учнут нам ставитца сильны, и мы тогда пошлем к вам о ратных людех на наем своих людей, наказав имъ подлинно, сколько им людей наимываем и договоръ велимъ учинити, по чему какимъ (Л. 33) ратным людем на месяц или на четверть года наиму дать. А ныне нам^г наемные люди не надобет и договору о них чинити нечево, и вам бы к нам не ходити и себе своимъ проходом убытков не чинити. А о томъ бы вам к намъ любовь своя объявити, о Якове о Мержерате к намъ отписати: какими обычаи Яков Мержерет^с ис Польские земли у вас объявился, и в каких он мерах ныне у вас, в какове чести? А мы чаяли, что его за его неправду, что он, не памятуя государей наших жалованья, Московскому государству зло многое чинил и кровь хрестьянскую проливал, ни в которой земле ему, oprичь Польши, места не будет.

Писан на стану у Троицы в Сергиеве монастыре, лета 7120-го, августа месяца.

Там же. Л. 22—28, 28а, 29—33. Отпуск. 256 x 145; 179 x 142; 265 x 145; 225 x 148; 216 x 142; 374 x 142; 170 x 140; 226 x 142; 214 x 143; 360 x 145; 100 x 149; 163 x 148; 386 x 148; 320 x 146. Значительные утраты на л. 22, 23, 26, 27, 28а, 29, 30, 32, листы подклеены.

Публ.: СГГД. М., 1819. Ч. II. С. 604—607 (без указаний на правку текста).

Примечания: ^а Далее зачеркнуто: дело; ^б Слово «нас» написано два раза; ^с Исправлено из: государей ваших; ^д Над зачеркнутым: государем; ^е Далее зачеркнуто: от е...; ^г Здесь и далее в документе над строкой; ^д Исправлено из: отпустил; ^ж Далее зачеркнуто: учела быти Смута; ^з Исправлено из: Мерерат; ^и Над зачеркнутым: Яна; ^к Далее зачеркнуто: Петра; ^л Далее зачеркнуто: московские; ^м Над зачеркнутым: больши; ^н Далее зачеркнуто: Московскому государству; ^о Далее зачеркнуто: нам; ^п Далее зачеркнуто: польских и литовских лю...; ^р Вставка на л. 32 об.; ^с Исправлено из: наемъ; ^д Исправлено из: Мержерат.

10.7.

1612 г., 17(27) августа. — Указная грамота от имени бояр и воеводы кн. Д. М. Пожарского «с товарищи» в Ярославль воеводе кн. И. Н. Одоевскому и дьяку И. Болотникову с выговором за несоблюдение процедуры пропуска иностранных гонцов к правительству на примере проезда Я. Шава и с требованием не допускать подобных действий впредь

(Л. 35) Въ Ярославль воеводе господам князю Ивану Никитичю Одоевскому⁵⁷ да дьяку Ивану Болотникову⁵⁸ бояре и воеводы и Дмитрий Пожарской с товарищи челом бьют.

Писал к нам з Двины столник и воевода князь Иван Григорьевич Долгорукого да дьякъ Путило Григорьевъ, и прислали з двинским стрельцом и с посадцким человекомъ с Первушкою Шкотцкие земли немчина Иякова Шава с людьми сама четверта. А приехал тот немчин морем из Амборха на карабле ^аЦесарские области^а города Фладорфа от Андреяна Фрегера да Аглинскоий земли начальных над войском от Артора Ястона ис Турнала да от Якова Гиля к нам, бояром, и воеводам, и всяких чинов к людем, и ко всей земле, ^аз грамотою^а, объявляючи. ^аА в грамоте Ондреян с товарищи писали^а то, будто они, ведая Жигимонта короля польского и великого князя литовского перед Московским государством неправду и крестопреступленье и злой умысль, доброхотая Московскому государству, на польских и литовских людей ^аидут на помочь к нам^{а,б}. Да тут же объявился Яков Мержерет, а тот Яков многое зло Московскому государству учинил и за то у польского в раде, и то знатно, что то умысл польского короля, как бы ему Московскому государству зло учинити^с.

И столник и воевода князь Иван Григорьевич и диак Путило Григорьев ^атого немчина подлинно не розспросили^а, что их дело, и к нам не отписали, а прислали^д самих их к нам в полки мимо прежние обычаи. А на Вологде, на них смотря, также учинили не горздо — наперед их к нам в полки не отписали ж. И в Ярославле те немцы ^ау вас^а были ж, и вы их ^атакже^а отпустили^е, не отписав к нам объ их приезде. И коли уж на Двине и на Вологде^ф нераде-ньемъ (Л. 36) или спроста такъ учинили, ино было, господа, пригож вамъ того беречь^г: ведаешь, князь Иван Никитич, самъ, как бывало

при государех в государственных и земских делех от иноземцов остереганье и как их приезды и отпуски бывали, ^hнаперед об них отписывали, а без указу их из городов не отпускавали^h. И вам было, господа, не смотря на двинских и на вологодцких воевод, о тех немцах об их приезде, роспрося подлинно, отписати наперед к нам в полки, а им было велети до указу побыти в Ярославлеⁱ. Нечто будет так учинил без твоего ведома гордостью или оплошкою, ^aотводя от себя^a, не хотя о земском деле радети, диак Иван Болотников^j.

И будет, (Л. 36а) господа, вперед учнут к вам з Двины и с Вологды или отинуды, откуды ни буди, какие иноземцы о посольском или о иномъ о каком о государственном и о земском деле приезжати^k, а учнут прошатца к Москве, и вам бы, господа, вперед таких иноземцов роспрашивая подлинно, о всем отписывати наперед к нам с нарочными гонцы наспех, а самих их, не обослався с нами, без указу из Ярославля к нам не отпущати, а велети побыти в Ярославле до тех местъ, покаместа об них от нас указ вам будет. И приставом у них велели быти и кормы им велели давати, смотря по делу и по людем и береженье во всемъ к ним держати по прежнему, как бывало^l береженье^{m n} к иноземцом наперед сего.

Писан на стану у Троицы в Сергееве монастыре лета 7120-го августа въ 17 деньⁿ.

Посланы все съ вологодцким розсылыщиком с Офонею... того ж дни...

Там же. Л. 35—36а. Отпуск. 360 x 147; 182 x 154; 200 x 154. Поврежден левый край л. 36а, лист подклеен. Последняя строка документа угадана и повреждена.

Публ.: Богоявленский, Рябинин С. 57—58.

Примечания: ^{a-a} Здесь и далее в документе над строкой; ^b Далее зачеркнуто: помочь учинити, воинских людей на наем прислати; ^c Далее зачеркнуто: тех немцах; ^d Далее зачеркнуто: их; ^e Исправлено из: пропустили, далее зачеркнуто: не роспрося; ^f Далее зачеркнуто: учинили; ^g Исправлено из: поберечь; ^{h-h} Над строкой вместо зачеркнутого: не так бы де...; ⁱ Над строкой вместо зачеркнутого: на Вологде; ^j Далее зачеркнуто: А ведаешь самъ, какое ныне за грех нашъ в государстве нестроенье. А то иноземцы не все то нам доброхотают, больши себе добра хотят, и у нас все розведывают. Приехал

тот немчин въ дороге в полки безвестно; ^k *Далее зачеркнуто*: также про что; ^l *Далее зачеркнуто*: к ним; ^m *Далее зачеркнуто*: преж сего; ⁿ⁻ⁿ *Другими чернилами*.

10.8.

1612 г., 17(27) августа. — Указная грамота от имени бояр и воеводы кн. Д. М. Пожарского «с товарищи» в Вологду воеводам кн. И. И. Одоевскому, кн. Г. Б. Долгорукову и дьяку И. Карташову с выговором за несоблюдение процедуры пропуска иностранных гонцов к правительству на примере проезда Я. Шава и с требованием не допускать подобных действий впредь

(Л. 37) На Вологду стольнику и воеводе господамъ князю Ивану Ивановичю Одоевскому да окольничему и воеводе князю Григорью Борисовичю Долгоруково⁵⁹, да дьяку Истоме^a Корташову⁶⁰ бояре и воеводы и Дмитрей Пожарской с товарищи челом бьютъ.

Писали к намъ з Двины стольникъ и воевода князь Иван Григорьевич Долгоруково да дьякъ Путило Григорьев и прислали з двинским стрельцом и с посадцким человеком^b Шкотцкие земли немчина капитона Якова Шава с людьми сама четверта, а приехал тот немчинъ морем из Амборха на корабле города Фладора ^cот волнаго господина ^cот Андреяна Фрейгера да Аглинские земли от начальных над войском от Артора Ястона из Турнала да от Якова Гиля к нам, бояром воеводам и всяких чинов людем ко всей земле, объявляючи то, бутто они, ведая Жигимонта короля польского и великого князя Литовского перед Московскимъ государством неправду и крестопреступленье и злой умысль, доброхотая Московскому государству, ^cидут къ нам на помощь ^cна польских и на литовских людей^d. ^eДа тут де въ грамоте объявился Яков Мержерет, а тот Яков Московскому государству много зла учинил и у польского короля за то был в раде, и то знатно, что то умышленье польского Жигимонта короля, как бы ему Московскому государству зло учинити^e. И стольникъ и воевода князь Иванъ Григорьевич и дьяк Путило ^cте немцы подлинно не роспросили^c, о тех немцах^f наперед об ихъ приезде и что их дело не отписали, а послали^g ихъ самих к нам в полки мимо преж-

неи обычаи. А на Вологде те немцы у вас были ж, и вы их пропустили ж, не роспрося и не отписавъ к намъ об нихъ наперед. И нам на князя Ивана Григорьевича Долгоруково да на дьяка Путила Григорьева не диво: князь Иванъ молод, а Путило мужик простой, столько не знаетъ. А диво намъ на тебя, Истома Захарьичъ, что ты такъ учинил: ты бывал у государскихъ (Л. 38) у великихъ делъ и то тебе за обычай, а ведаешь самъ, какое ныне за грех нашъ в государстве нестроенье^h.

И будет, господа, вперед учнуть к вам з Двины или отинуды откуды ⁱ«посланцы»ⁱ или иные какие иноземцы о посольском или о ином о каком о государственном и о земском деле ^c«приезжати»^c, а учнуть прошатца к Москве, и вамъ бы, господа, такихъ иноземцов роспрашивая подлинно, о всем отписывати наперед к намъ с нарочными гонцы наспех, а самих ихъ, не обослався с нами, без указу с Вологды к намъ не отпускати, а велети им побыти на Вологде до тех местъ, покаместа об них от нас указ вам будет, и приставом у них велети быти и кормы им давати, смотря по людем и по делу, и береженье во всемъ держати по прежнему, какъ бываетъ к иноземцом береженье.

Писана на стану у Троицы в Сергиеве монастыре, лета 7120-го августа въ 17 день.

Там же. Л. 37—38. Отпуск. 370 x 154; 357 x 154. Листы имеют значительные повреждения, подклеены.

Публ.: Богоявленский, Рябинин. С. 59.

Примечания: ^a Далее зачеркнуто: Захарьеву; ^b Далее зачеркнуто: с Меншичком Мартыновым; ^{c-c} Здесь и далее в документе над строкой; ^d Далее зачеркнуто: помочь учинити, воинских людей на наем прислати; ^{e-e} Вставка на л. 37 об.; ^f Далее зачеркнуто: к намъ; ^g Исправлено из: прислали; ^h Далее зачеркнуто: А то иноземцы не все то намъ доброхотають, у нас розведывають, себе добра хотять; ⁱ⁻ⁱ Над строкой вместо зачеркнутого: приезжати.

10.9.

1612 г., 17(27) августа. — Указная грамота от имени бояра и воеводы кн. Д. М. Пожарского «с товарищи» в Архангельск воеводам кн. Ф. А. Татеву, кн. И. Г. Долгорукову и дьяку П. Григорьеву с выговором за несоблюдение процедуры пропуска иностранных гонцов

к правительству на примере проезда Я. Шава, с требованием не допускать подобных действий впредь и с распоряжением о принятии дополнительных мер предосторожности (без конца)

(Л. 39) На Двину в Архангилской город ^aгосподам воеводе князю Федору Ондреевичю Татеву^{a 61} да столнику и воеводе князю Ивану Григорьевичю Долгорукову да дьяку Путиле Григорьеву бояре и воеводы и Дмитрий Пожарской с товарищи челом бьют.

Писали^b, господа, к нам ^aвы, князь Иван Григорьевич да дьяк Путило^a, и прислали з двинскимъ стрельцом с Васкою^c да с посадским человекомъ съ Первушкою шкотцкого немчина Якова Шава с толмачомъ да с людьми его сама четверта. А послан тот немчин к намъ, бояромъ ^aи воеводам^{a, d} от волново господина от Андреяна ^aгорода^a Фладорфа да от агличан от начальников воинских людей от Артора Ястона да отъ Якуба Гиля ^aз грамотою, а в грамоте своей те немцы Андреян съ товарищи писали и речью немчин Яков Шав ска^{a e}зывал, (Л. 40) что Ондрейан с товарищи идут к нам на помочь с воинскими людьми. Да тут же объявился с ними Яков Мержерет, а тот Мержерет многое зло Московскому государству учинил, а ныне за то у полского короля в раде, ^gи то знатно, что^f они то за люди и умышление Жигимонта короля, как бы ему нибудь Московскому государству зло учинити^g.

А на Двине есте того немчина об его приезде к Архангильскому городу и об отпуске его к намъ есте не отписали, ^aа отпустили^a, а нынешнее розстроенье ведаете сами, что ныне за грех за нашъ делаетца. И то учинил ты, диак Путило, нераденыемъ, ^hпьян^h: преж сего и не в такое роостройное время при государехъ бывало о посланниках, и о гонцах, и о всяких иноземцах розспрашивая подлинно и проводывая у них про всякие вести, писывали наперед их к Москве, а без указу к Москве их не отпускавали.

(Л. 41) И вам было, ведая нынешнее въ земле нестроенье, таких иноземцов, розспрашивая подлинно, о всем отписывати к намъ, а самих их без указу не отпускати, чтоб они здесь не розматривали и не проводывали ни о чем. И будет, господа, вперед учнут к вамъ морскимъ или сухим путем ис которых ни буди государствъ посланцы или иные какие иноземцы приезжати, а учнут сказывати за собою великие земские дела и учнут к нам

проситися, и вам бы, господа, тех посланцов или иных каких иноземцов по прежнему обычаю, как бывало наперед сего, спрашивать их наперед, от ково они и с каким делом хто посланъ, и о вестех о всяких у них проводывая подлинно, отписывати наперед к намъ в полки и без обсылки без указу таких иноземцов без ведома к намъ не отпущати и им до тех местъ, покаместа об них от нас к вамъ указ будет, велети быти на Двине и приставом у них велети быти и корм им давати, смотря по делу и...их и береженье к ним держати, как бы...иноземцом преж сего. А на Двине б (Л. 42) есте жили с великимъ береженьем, на городе б...^a и по приметным местам^a сторожи и караулы были крепкие и на...стей посылали в лехких судех разъезжати и смотреть накрепко, чтоб с воинскими людьми карабли к Архангильскому городу не пришли и безвестно лиха не учинили. А будет Ондреян Флодерат с товарищи придут к Архангилской пристани, и вы б им велели постояти, покаместа от нас указ будет, недалеко города, где будет пригож, кормъ имⁱ...почесной, послали яловиц, и боранов, и куров, и вина ^a[романей]^a, меду^j, и хлебов, и кола[чей], какъ бы им ^aмочно^a издоволились, и в поденной кормъ им давали^k, смотря... их, какъ пригож, покаместа от нас...[к в]ам указ будет. А будет они учнут^l говорити, что они идут до го...воинских людех, и вам бы их [отпустить]...

Там же. Л. 39—42. Отпуск. 265 x 150; 243 x 148; 368 x 149; 305 x 152. Л. 42 имеет значительные утраты левого и нижнего краев, подклеен.

Публ.: Богоявленский, Рябинин. С. 60—61.

РГАДА. Ф. 35. Сношения России с Англией. Оп. 1. № 45. Л. 1—20, 34, 21—28, 28а, 29—31, 31а—33, 35—36, 36а—42 (без конца). Подлинник, отпуски, черновые записи. Листы ветхие, на слабой бумажной основе, часть листов подклеена в 1950-х гг. Филиграни не просматриваются.

Примечания: ^{a-a} Здесь и далее в документе над строкой; ^b Далее зачеркнуто 2 раза: к на.. есте; ^c Далее зачеркнуто: да с по...; ^d Далее зачеркнуто: и всяких чинов людям и ко всей земле Цесарские земли сказывает; ^e Далее зачеркнуто: наперед то; ^f Далее зачеркнуто: пришел тот немчин розсматривать, а он; ^g Вставка на л. 40 об.; ^{h-h} Над строкой вместо зачеркнутого: или будеть спьяна; ⁱ Далее зачеркнуто: ...ели давати; ^j Далее зачеркнуто: какъ бы; ^k Далее зачеркнуто: не с лишком, как; ^l Далее зачеркнуто: про..., и вы б им говорили.

№ 11

1613 г., после 20(30) июня — до 3(13) июля. — Наказная память (первая) царя Михаила Федоровича (из Посольского приказа) российским послам в Англию «наместнику Шацкому» А. И. Зюзину и дьяку А. Витовтову⁶²

(Л. 139) ...Да память посломъ Олексею Ивановичию Зузину да дьяку Олексею Витофтову: какъ, аже дастъ Богъ, будут они в Аглинской земле и у короля на посольстве, и после посольства у думных людей и нечто думные люди учнут ихъ спрашивать про цесаревых и про аглинских немецъ, (Л. 139 об.) про вольного господина про Ондреяна Фрейгера и про Артора Естона, и про Якуба Гиля, которые с воинскими с наемными людьми пришли на караблех к Архангильскому городу во 120-м году; что государь их Якуб король, ведая Жигимонта короля перед Московскимъ государством неправду и крестопреступленье и памятуючи прежних великих государей царей и великихъ князей росийских славные памяти с великою государынею с Елисавет королевною крепкую дружбу и братцкую любительную ссылку, оказуючи к царьскому величеству любовь свою, поволит своего (Л. 140) государства воинскимъ людем в Московское государство приезжати и из найму Московскому государству служить, и против польских и литовских людей стояти. И в прошлом во 120-м году с ведома государя их Якуба короля пошли из Аглинского государства на караблех к Архангильскому городу для помочи послужити из найму Московскому государству Цесаревы области вольной господинъ Ондреян Фрейгер да Якуб Гиль да агличанин Артор Естон, а с ними воинских людей человекъ со сто, и грамота имъ проезжая во все государства дана за королевскою рукою и за печатью. И слух имъ про те воинские люди есть, что (Л. 140 об.) они до Архангильского города дошли здорово. И Московского государства бояре тех воинских людей в Архангильскомъ городе задержали неведомо для каких причин и корму не давали, и почести имъ ни в чемъ не учинили, и держат ихъ и ^апосяместа^а в Московскомъ государстве напрасно, кабы невольников, а они люди воинские честные и в службах своих верны во многих государствах.

И Олексею Ивановичию и дьяку Олексею говорити: в прошлом во 120-м году пришли из Аглинские земли на караблех, а сказа-

лись воинские люди, а начальные в них люди (Л. 141) Цесаревы области города Фладорфа вольной господинъ Андреян Фрейгер да Якуб Гил, да агличанин Ертор Естон, а с ними воинскихъ людей человекъ со сто. А сказали: пришли они с ведома государя вашего Якуба короля и Недерлянские земли вельмож Московскому государству из найму послужити и против польскихъ людей с рускими людьми стояти заодно, и грамоту проезжую во все государства царьского величества воеводам за королевскою рукою и печатью казали. А грамот с ними от государя вашего Якуба короля и от иных ни от которых государей Московского государства к бояром (Л. 141 об.) сказывали, нет. А наперед своего приезде незадолго из Амборха присылали к бояромъ ротмистра Якова Шава, а с нимъ о своем приезде прислали грамоту за своими руками; и у той грамоты рука Якова Мержерета, а писано про него, что он наймует воинскихъ людей, а будут за ними в Московское государство на весну рано. А тот Яков ведомой враг Московскому государству, всему Московскому государству про него ведомо: пришел он в Московское государство ис Цесаревы области з дьяком с Офонасьемъ Власьевым при царе Борисе на его государево имя служити: и царь Борис (Л. 142) пожаловал его поместьем и вотчинами, и денежным жалованьемъ. И был он у иноземцов в ротмистрех. А при царе Василье бил он челом, чтоб его отпустить в его землю. И царь Василей его пожаловал, отпустил его в его землю со всеми его животы, что он в Московскомъ государстве нажил. И тот Яков, забыв к себе царьское жалованье, приходил под Москву з гетманомъ Желковскимъ, а после Желковского остался на Москве в порутчиках у поляка Борковского и Московское государство вместе с польскими и с литовскими людьми разорял и кровь крестьянскую лил, и, награвився в Мо(Л. 142 об.)сковскомъ государстве богатства, отшел в Польшу, и у короля за то честь и жалованье получил. И тому какова добра Московскому государству хотети?

Да и то Андреян Фрейгер с товарищи сказывали, что тот Яков Мержерет ссылался с таким же вором, с ызменникомъ Московского государства с Ывашком Зарутцкимъ. А хотел, наняв людей, итти к нему на помочь, будто на польскихъ и литовскихъ людей. А тот Яков в совете и в промыслу ныне воинскихъ наемныхъ людехъ объявился и хотел к Архангельскому городу с воинскими наемными людьми быти с ними ж вместе. Да в наши ж города к нашимъ

во(Л. 143)еводамъ свейского короля воевода Яков Пунтосов писал и приказывал, что те капитаны Ондrejaн Фрейгер с товарищи, с немецкими воинскими людьми пришли в Московское государство умышленьемъ и засылкою Жигимонта короля для всякого лиха и для своей корысти, где б имъ воевати и грабити, и от них бы в Московскомъ государстве в тех местех, где они будут, надобно беречися, чтоб, оплоша, оманомъ и искрадом над рускими людьми какого лиха не учинили; а что де они ни говорят, и тому де ничему верити нельзе, все сказывают ложно, лукавством. Подлинно он, (Л. 143 об.) Яков, про них ведает, что они пришли королевскою засылкою, оманомъ для всякого лиха, и имъ бы однолично не верити ни в чемъ, и из государства их выслати, покаместа от них никакое лихо в Московскомъ государстве не учинилось.

И по той их с Яковомъ Мержеретомъ дружбе и совету и по Яковлеве Пунтосова отписке верити было им нечему и к городу приставати было им не пригодилось. И Архангильского города воевода для государя их Якуба короля принял ихъ чесно, и кормы имъ давал довольны, и о их безвесномъ приезде писал Московского государства к бояромъ. И Московского (Л. 144) государства бояре, ведая прежних великих государей наших царей росийских братственную любовь и крепкую дружбу с великими государи вашими аглинскими короли и для нынешнего великого государя вашего Якуба короля, тех немецъ, Ондrejaна с товарищи и воинских людей велели во всем чтити и кормы имъ велели давати довольны и береженъе во всемъ велели к нимъ держати, а назад было имъ зимним путем итти некуды. А те немцы царьского величества бояром сказывали за собою великие дела, которые годны будут царьскому величеству и всему Московскому государству, а опричь (Л. 144 об.) больших бояр того дела они не объявят никому, и жили они в Московскомъ государстве в чести в великой.

А какъ по божией милости великий государь наш царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии самодержецъ учинился на Владимирскомъ и Московскомъ, и на всех великихъ государствах Росийского государства великимъ государемъ царемъ и великимъ князем всеа Русии, и великий государь нашъ его царьское величество, помнячи прежнюю братцкую любовь и дружбу государей наших царей росийских с великою государынею вашею царицею с Елисавет королевною, и для государя вашего Якуба короля, (Л. 145)

оказуячи к нему, великому государю, братцкую свою любовь и доброхотенье, отставя то все, что у них с Яковомъ Мержеретом был совет и что писал про них свейской воевода Яков Пунтосов, по своему царьскому милосердью и премудрому разуму положил и на то, что Ондреян с товарищи учинили были совет с Мержеретомъ, не ведая его воровства и грубости к Московскому государству, а Яков Пунтосов писал про них на смуту, велел Артора да Якуба и с ними капитанов и лутчих людей с Колмогор взяти в Ярославль.

И Артор и Якуб с товарищи по царьского величества (Л. 145 об.) милостивому повеленью были в Ярославле царьского величества у бояр и говорили они царьского величества бояромъ, что, слыша они польского Жигимонта короля перед Московскимъ государством неправду, пришли они в Московское государство о добромъ деле с ведома великого государя Якуба короля и Галанские земли властелей Московскому государству послужити с воинскими наемными людьми и против польских людей с рускими людьми стояти заодно. А грамот с ним Якуба короля и иных никоторых государей Московского государства к бояромъ и к земле нет, только сказал[и] (Л. 146) у себя великого государя вашего Якуба короля проезжую грамоту. И царьского величества бояре, выслушав их речей про их приезд, доносили до царьского величества. И царское величество тех воинских людей пожаловал, велел имъ свое государево жалованье кормы давати доволны и чтити, и во всем береженье держати, покаместа они в Московскомъ государстве побудут. И ныне те воинские люди живут великого государя нашего в государстве в городех в покое и в чести, по воле, дожидаютьца караблей, на чомъ имъ итти за море. А какъ карабли придут, и по царьского величества (Л. 146 об.) указу отпускъ имъ будет вскоре по королевской проезжей грамоте. А задержанья имъ, и бесчестья, и неволи никоторые в великого государя нашего государстве нигде не было.

А будет про тех немец королевские советники и говорити не станут, и Олексею Ивановичю и дьяку Олексею у них самим позаврати и объявити, какимъ они обычаем в Московское государство пришли и с ведома ль Якуба короля они пришли в Московское государство или собою...

Публ.: Посольская книга по связям России с Англией 1613—1614 гг. Подг. текста и вступит. статья Н. М. Рогожина. М., 1979. С. 138—144 (с отдельными опечатками; описание рукописи — там же. С. 18—23).

Примечания: ^{а-в} Над строкой.

№ 12

1613 г., 2 июля (22 июня). — Письмо барона А. фон Флдорфа (Флдорфа) из Холмогор на имя царя Михаила Федоровича с предостережением относительно действий прибывшего в Россию француза и с просьбой об отпуске домой

(Л. 1) DURCHLEVCHTIGER GROSmchtigster Keyser, allerGnedigster Herr.

Ewer Keyserl. Mayestatt, kan ich allervnderthänigst zu vermelden nit vmbgehen, was gestalt ich ihn erfahrung kommen das ein Frantzoz, welher auch daz verlittene Jahr hier gewesen, vnd dessen Namen ich (wegen seiner vielfaltigen verscheidenheit, nach seiner besten bequemlichkeit, einmahl *Alexander* den Frantzoz, dan *Michael*, vnd *Lesquaire* sich nennet) nit schreiben kan, abermahl alhier in Ew. Keyserl. Mayest. Landen angelangt ist. Ob nun wohl derselbig von dem Durchläuchtigen vnd Hochgebornen Fürsten vnd Herren *Mauritzen* Gebornen Printzen van Uranien, der vereinigten Nederlanden Statthalter vnd *General*, ein verschreiben bey sich haben soll, welches er zwar leichtlich durch andere vorbitt vnd ohn gekent seines *qualitet* durch aller hand behendigkeit mag haben zuwagen gebracht zu erwägn sein *Exellentie* allen fremden mit dergelaichen gnedigen Zuneigung, gern gunst vnd guten willen erweisen thut. So ist doch daz obgedachter Frantzoz vor diesem wegen seiner bösen verhandlung, In sonderheit vorgenommenen und bey dem Konig auß Polen erkauffete verratherey, vmb den Konig aus Schweden vmb's Leben zu bringen geschworen, vnd derg[leichen] unseligen Buben stücken, vor disem an vielen Or[ten] bekannt, dero wegen in langwiriger Gefank muß gelegen, wie dan der Oberste Hill vnd Capitain Schau als den seine Schelmen stuck wohl bekant, Ewr (Л. 1 об.) Keyserliche Mayest. vnderthänigst mögen *referiren*, dahero auch diser bub vmb seine sache desto schoner zu machen, sie vnd andere wohl mit ehrenrurigen Worten anzupoffen keine Scheuw gedragen, wiewohl wurden wissent ob

villeicht diser einige Ew. Keyserl. Mayest. oder dero Landen erprießliche vnd angenehme mittel an zubringen, oder abträumt der gleichen buben stucken gegen die Person Ew. Keyserl. Mayest., oder wohl fahrt dero Landen haben möchte, weil er vilerley schrifftten vnd Brieffe in die See geworffen zu haben zu Archangel bekannt hatt.

So ist doch daß auß sonderlicher vnderthanigster treuwertziger zuneigung so ich gegen Ew. Keyserl. Mayest. und dero Landen trage, ich nicht hab vmbgehen können Ew. Keyserl. Mayest. solhes vnderthänigst zu be[richten], domit sich die selben vor Ihm als einem d[...] Menschen vnd vilen ehrlichen Leudt (denen er das Wasser zu reichen nit würden) Lughafften Ehren schänden, [...]en wörten ohne genugsamen grundt und Fundament kein [pl]atz zu gäben habe vorzusehen etc.

Hiernächst werden Ew. Keyserl. Mayest. noch Zweyfels ohn in frischen [ge]dechnuß haben, wez massen ich mich neben Ser Artur Aston und dem Obersten Jacob Hill mit schweren Weg [...] in dieses Reich begäben in meinung der damals angesetzten [...] Reichs-Regierung getreuter vnd nun mehr nach E[w. Keyserl. May]est. glücklicher erwöhlung dero selben mit Leib und Gut vnderthänigste diensten zu beweysen wilendtlich (?) dan auch in dero selben vnderthanigsten wohlmeinung nun schier ein gantzes Jahr behalig (II. 2) Auff allernedigste Antwort und *resolution* gewartet, zugleich aber mit der Reyse in dises Reich bey nahe zwey Jahr zugebracht vnd auß vnserem vatterland gewesen.

Dieweil dan mittlerer Zeit, vil von meinen nachsten blutfründen von denen ich noch ein ansehenlihes zu treiben, gestorben, auch zu hauß bey den meinigen die endliche sprach vnd meinung ankommen, daz ich Todt seye, daherо meine Fründt, meine gütter vnder sich zu theilen vervrtsacht worden, also daz solhes mir zu beyden seiten nit zu geringem schaden gereichen thuet, Vill gescherigen daz ich hier diese lange Zeit hero vergeblich schwer vncosten zu erhaltung, so vieler vornemmer leüdt hab an wenden müssen, welche mir also zu tragen gar zu schwer fallen würden.

Nun aber die bequemste Zeit mich widerumb zu den meinigen mit den schiffen nach hauß zu begeben heran kompt, Als gelange an Ew. Keyserl. Mayest. mein aller vnderthanigstes vnd demutigstes pitten, dieselbe wolle genedigst gerühen mir zu erlauben widerumb nach hauß zu ziehen, vnd zu dem endt paßport erthailen zu lassen vnd genedigstes Keyserliches einsehen meiner vilfaltigen angewenten vncosten zu haben.

Dieses hab ich so wohl auß schuldigkeit als hochtringender ohn vmbgebenlicher Not Ew. Key. Mayest. deren der Almechtig[ste G]ott lang widrige glückliche Regierung verlehne [...] aller vnderthanigst nit vorenthalten sollen.

Geben [H]olmogra des 2 jullii A ° 1613

Ew. Keys. Mayest. Allerunderthanigster demutigster Diener

Adrian Freyherr von Flodroff

РГАДА. Ф. 32. Сношения с Австрией. 1613. № 2. Л. 1—2. Подлинник на немецком языке. 307 x 202, 305 x 190. Листы повреждены, подклеены, фрагменты текста утрачены.

Там же. Л. 3—6. Перевод на русский язык конца XVIII в. 342 x 207.

Пометки на об.: л. 2 (адрес): Dem Allerdurchleüchtigsten Großmechtigsten Herren vndt Großfürsten Michaylo Federowitz Keyser aller Rüssen vndt anderer Herrschafften ein Herr vndt Herscher. Unseren Gnedigen Herren.

Ниже почерком начала XVII в.: Писана грамота с Колмогор ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси о франчуженине о изменнике, а писал Адриан Фригер.

Ниже тем же почерком: Взять Переславле, а писал Адриан Фрегер, у Ульянка Игнатьева⁶³.

Рядом с немецким адресом почерком XVIII в. (тем же, которым сделан перевод): 1613 июля 2. Пишет кесарем царя Михаила Федоровича.

Перевод

(Л. 1) Светлейший наимогущественнейший император, милостивейший государь.

Не могу не донести всеподданнейшим образом Вашему императорскому величеству, как мне стало известно, что один француз, каковой был здесь и в прошлом году, и имени которого я не могу написать (из-за того, что оно бывает весьма различным, [ведь он] для большего своего удобства называет себя то Александром французом, то Михаилом и Лескером), вновь прибыл сюда в земли Вашего императорского величества. И хотя теперь у него при себе якобы есть рекомендации от светлейшего и высокородного князя и государя Морица, урожденного князя Оранского, статхальтера Объединенных Нидерландов и генерала, он [француз] мог легко ухитриться достать их благодаря

своей ловкости, заступничеству иных лиц и тому, что о его подлинной сущности не было известно, ведь Экселленц [Мориц] охотно выказывает расположение и доброе отношение ко всем иностранцам, проявляя к ним одинаковую благосклонность. Однако вышеуказанный француз известен во многих местах своими скверными деяниями, в особенности устроенным им предательством, оплаченным польским королем, когда [француз] поклялся убить шведского короля, и иными такими же нечестивыми злодействами, за каковые, должно быть, попал в длительное заключение, как Вашему (Л. 1 об.) императорскому величеству могут всеподданнейше донести полковник Хилл и капитан Шоу, которым его проделки хорошо известны. И поскольку сей негодяй, чтобы приукрасить свое дело, не стеснялся изрядно приставать к ним и другим с трогательными речами, следовало бы разузнать, хотел ли он, может быть, [действительно] привезти некие достохвальные средства, полезные Вашему императорскому величеству и вашей стране [как он утверждает], или же замышлял такие же [как и в отношении других] злодейства против особы Вашего императорского величества и блага Вашей страны, поскольку он признался, что бросил в море у Архангельска много бумаг и писем.

Поэтому из особого всеподданнейшего чистосердечного почтения, каковое я испытываю к Вашему императорскому величеству и Вашей стране, я и не мог умолчать и не поставить всеподданнейше о том в известность Ваше императорское величество, чтобы Вы со многими честными людьми (которым он недостоин даже воды подать) предусмотрели быть настороже по отношению к нему как [...] человеку и не давали бы веры его лживым и бесчестным [...] словам без достаточных [на то] причин и оснований.

Помимо того Ваше императорское величество, без сомнения, хорошо помнит, каким образом я наряду с сэром Артуром Астоном и полковником Яковом Хиллом, [преодолев?] тяжелый путь, отправился в эту державу с намерением всеподданнейше верой и правдой нести службу тогда поставленному [...] правительству, и еще более Вашему императорскому величеству после его счастливого избрания, пребывая теперь здесь уже целый год (Л. 2) в ожидании всемилостивейшего ответа и резолюции, при том, однако, что в ре-

зультате поездки в сию державу прошло уже почти два года, как мы не были в нашей отчизне.

Между тем за это время скончались многие из самых близких мне людей, от которых мне осталось наследство, а до моих домашних дошли в конечном счете слухи и суждения, будто и я уже умер, почему мои близкие стали делить между собой мое имущество, и так с обеих сторон был причинен мне немалый ущерб. Очень прискорбно, что я в течение всего этого столь долгого времени трачу здесь средства на ненужные расходы на проживание, тогда как их следовало использовать на [пользу] благородным людям, поддерживать которых мне очень трудно.

Поскольку теперь приближается самое подходящее время, чтобы мне морским путем вновь пуститься домой, к своим, обращаю мою всепреданнейшую и смиренную просьбу к Вашему императорскому величеству о том, чтобы Вы милостиво соизволили разрешить мне отправиться назад домой, и для того повелели бы выдать паспорт и обратили бы свое милостивое императорское внимание на понесенные мной разнообразные убытки.

Каковых я как из долга, так и из чрезвычайной и непреодолимой нужды всеподданнейше не скрываю от Вашего императорского величества, которому да пошлет всемогущий Бог долгое счастливое правление.

Дано в Холмогорах 2 июля 1613 г.

Вашего императорского величества всеподданнейший смиренный слуга

Барон Адриан фон Флодроф

Перевод адреса на л. 2 об.: Всесветлейшему наимогущественнейшему государю и великому князю Михаилу Федоровичу, императору всея Руси и других владений, государю и повелителю. Нашим милостивым господам.

№ 13

1613 г., 3(13) июля — 31 июля (10 августа). — Дело о приезде в Россию французского гонца Ф. де Лискера, включающее отписки воевод Архангельска, Вологды и Ярославля на имя царя

Михаила Федоровича, царскую наказную память приставу и указную грамоту от имени царя в Ярославль (дело без конца)

13.1.

1613 г., 3(13) июля. — Отписка царю Михаилу Федоровичу (в Посольский приказ) из Архангельска воеводы Н. М. Пушкина и дьяка П. Григорьева с известиями о прибытии Ф. де Лискера в Архангельск, о полученной при беседе с ним информации и отправке его с приставом в Москву через Вологду и Ярославль

(Л. 1) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Никитка Пушкинъ⁶⁴ да Путилко Григорьев челом бьют.

В нынешнем, государь, во 121-м году июня в 24 день приходили к нам, холопом твоим, в съезжую избу Галанские земли гость Юрьи Клинка да Петръ Петров сынъ Фанбаргинъ да Галанские ж земли торговые люди Роман Пантелеев да Онтон Марков. А сказали, государь, нам: июня де в 23 день пришел к Архангилскому городу на карабле Галанские земли с торговым человеком с Юрьем прозвище съ Ершом фрянцужанинъ Фрянцискус. А тот де фрянцужанинъ Фрянцискус был здесь у Архангильского города и в Ярославле у бояр в прошлом во 120-м году. А к ним де, к торговым людям, с тем немчином писали из Астрадама города приказные люди бумистры, чтоб ево у Архангильского города намъ объявити и о том говорити, чтоб намъ его отпустить к тебе ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, и грамоты де у него есть. А о каких делех у него грамоты и от кого он и х кому едет, того они не ведают. И нам бы тому фрянцужанину велеть быти у себя, а им де тот немчин не надобен и они его не знают. И мы, государь, тово ж часу велели сотнику стрелецкому Ивану Напольскому по того немчина ехати на карабль и велели ему быти у себя в съезжей избе. И тот немчин фрянцужанин тово ж дни у нас в съезжей избе был. И мы, государь, того немчина роспрашивали, которые он земли и какой человек, торговой ли или служивой человек и какъ его зовут и от кого он и х кому едет и грамоты у него от которого государя (Л. 2) или от которых державцов которые земли к тебе, государю, или к бояром есть ли. И про тебя, государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, что

божиею милостию на Владимирском и на Московском государстве учинился государем царем и великим князем ты, государь наш царь и великий князь Михаило Федорович всеа Русии, в их земле ведомо было ли.

И немчин фрянцужанин нам, холопом твоим, в роспросе сказал: Зовут ево Фрянцъскусом де Лискер, Фрянцовские земли служивой человек. А послан де он Московского государства к бояром и ко всей земле из Фрянцовские земли от фрянцовского князя от марграфа Фимаркунского⁶⁵ да от племянника его от марграфа Наруляка⁶⁶ о добром деле. А про тебя де, государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, в их земле подлинные вести не было, а слух де был. А в прошлом де во 120-м году послан он был Московского государства к бояром и к воеводам от тово ж фрянцовского князя от марграфа Фимаркунского. И мы, государь, тому немчину фрянцужанину велели дать двор и кормъ. А для, государь, подлинново роспросу велели тому немчину быти у себя июня в 25 день. И тот немчин у нас в съезжей избе был, и того немчина про Польское и про Свеиское и про иные государства, что в тех государствах делаетца и что у них про Московское государство умышленье, мы, холопи твои, роспрашивали. А роспрося, послали к тебе к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии (Л. 3) Архангилсково города с пятидесятником стрелецким с Терешкою Филиповым июля в 3 день. А кормъ ему велели дать до Вологды на две недели, июля с 5-го числа июля по 18 число, дватцать три алтына две деньги, по десяти денег на день. А у Архангилского, государь, города того немчина держать до твоего государева указу не смели, потому что Галанские земли торговые люди нам, холопом твоим, сказали, что тот немчин им не надобен и они его не знают. Да сказывал, государь, нам про того немчина фрянцужанина московской переводчикъ Иван Фоминъ⁶⁷. Сказывал де ему Аглинские земли Якуба короля посланник Ульян Ульянов, а Ульяну де сказывал галанец торговой человекъ Давыд Ларемит, что тот немчин фрянцужанинъ Фрянцъскус, как был в прошлом во 120-м году у бояр в Ярославле, и от бояр отпущен за море, и он де во всю зиму был у польского короля и по польски де он гораздъ, да таит для лазутчества, а тот де немчин прямой вор лазутчикъ, послан от польского короля.

И мы, государь, приказывали пятидесятнику стрелецкому Терешке Филипову, чтоб с тем немчином ехал дорогою бережно и никого к нему пропускати не велели. А х Колмогорскому посаду пятидесятнику Терешке приставать не велели ж, для того что на Колмогорах Цысаревы области немецкой воевода Ондريان барон Флодовской, а велели с немчином ехать болшою рекою. А какъ с ним въ Ярославль приедет, и мы, государь, велели про него в Ярославле сказати воеводам князю Ивану Хованскому да Семену Головину да дьяку Василью Юдину и в Ярославль к воеводам об нем писали. А к Москве с ним до твоего государева указу ехать не велели. А что немчин в роспросе нам, холопом твоим, сказал, и мы, государь, те его роспросные речи послали к тебе государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии под сею отпис[кою].

РГАДА. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию. Оп. 1. 1613. № 2. Л. 1—3. Подлинник: 380 x 145; 320 x 145; 387 x 145. Листы побиты, л. 3 по краям истлел. Филигрань — двуручный небольших размеров кувшин; на л. 1 — завершие в виде розетки с полумесяцем; на л. 2, 3 — поддон и тулово кувшина.

Пометки на об.: л. 1, посередине листа (адрес): Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии. В Посольской приказ.

Рядом (зеркально) пометка о получении: 121-го июля в 31 день с пятидесятником стрелетцким с Терехом Терентьевым.

Вверху листа помета: Чтена. Велеть в столп.

13.2.

1613 г., 21(31) июля. — Отписка царю Михаилу Федоровичю (в Разрядный приказ, с последующей передачей в Посольский приказ) из Вологды воевод кн. М. Г. Темкина-Ростовского и и Г. Пушкина с известиями о приезде в Вологду Ф. де Лискера больным, о полученной от него информации и отправке его с тем же приставом в Москву через Ярославль

(Л. 4) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Михалко Темкин-Ростовской⁶⁸, Гришка Пушкин⁶⁹ челом бьют.

В нынешнем, государь, во 121-м году июля в 20 день писали, государь, к нам, холопомъ твоим, з Двины Микита Пушкинъ да Путило Григорьевъ и прислали с пятидесятником да с стрельцом с Ываном Крыловым немчина фрянчюженина Фрянцускуса наспех для того, что деи за тем немчином великие ратные вести, а на Двине ничего не сказал. И того немчина привезли на Вологду к нам больного. И мы, холопи твои, того немчина для его болести, чтоб на дороге не пропал, роспрашивали, посылали толмача сотника стрелецкого Григорья Роговского да подьячего Петра Самсонова. А в роспросе, государь, фрянцуской немчин Миколай Иванов сказал, что деи подлинно умысль немецких людей у аглинских и у свитцких и иных земель немецких. А по ссылке и по грамоте Якова Пунтусова присоветовали у них, что к Архангельскому городу и к Соловком приступати. А большой у них воевода во всех князь Яков агличанин. А взяв Архангельской город, сам хочет и засесть, а иными [кора]б[ли] (Л. 5) хотят приступать к Соловком. А пешие деи многие люди немецкие хотят итти сухимъ путем къ Якову Пунтусову в Новгород.

А ево деи послал боярин ево фрянцовского короля сродич Марко Фрольиондрия⁷⁰, радеючи тебе, государю. А к Новугороду король свитцкой самъ пошел со многими людьми на выборъ. А тут деи воеводы ево розных земель хотят воевати все поморские места, а сходитесь всемъ к Новугороду. А Иван де Ульянов много изменяет тебе, государю, хоти деи к тебе, ко государю, и пишет от земли грамоты советные, и то деи все обманом. А сверхъ, государь, того сказал, что есть деи у него листъ за печатью боярина ево фрянцского короля Марка Фрольиудряна и в том деи листу у него про все подлинно написано.

И мы, холопи твои, того немчина послали к тебе, ко государю, к Москве с тем же пятидесятником да с стрельцом, дав им до Ярославля кормъ и подводы, июля в 21 день.

Там же. Л. 4—5. Подлинник. 384 x 145; 290 x 145. Л. 4 по краям истлел, повался и частично осытался. Филигрань — двуручный кувшин небольших размеров; л. 4 — поддон и тулово; л. 5 — завершие в виде грозди винограда.

Пометки на об.: л. 4, середине листа (адрес): Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии. В Розряд.

Рядом (зеркально) пометка о получении: 121-го июля в 31 день привез Офонасей Погожево.

Верху листа помета: В Посольской приказ.

Л. 5, приказная помета: Неметцкой Артор Астона с товарищи и фараңуженина.

13.3.

1613 г., 25 июля (4 августа). — Отписка царю Михаилу Федоровичу (в Посольский приказ) из Ярославля воевод кн. И. А. Хованского, окольникового С. В. Головина и дьяка В. Юдина с известиями о приезде в Ярославль Ф. де Лискера, его пребывания там «до указа» и отправке в Москву пристава с отписками

(Л. 6) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холопи твои Ивашко Хованской⁷¹, Сенка Головин⁷², Васка Юдин⁷³ челом бьют.

В нынешнем, государь, во 121-м году июля в 25 день писали к нам от Орхангильсково города воевода Микита Пушкин да дьяк Путило Григорьевъ и прислали немчина фараңуженина Францускуса де Лискера Архангильсково города с пятидесятником стрелетцким с Терешкою Филиповым да с стрельцом с Ыванком Крыловым. А при-шол де, государь, тот немчин из заморья к Архангильскому городу на карабле, а послан де он Московского государства к бояром и ко всей земле из Францовские земли от фараңцовского князя от марграфу Фимаркунского да от племянника его от марграфу Наруляка (Л. 7) з грамотами. А про тебя де, государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, въ их земле подлинныя вести не было.

И мы, государь, тому немчину до твоего государева указу велели побыть въ Ярославле и велели бытъ у него в приставех сотнику стрелетцкому Якову Векову. А Архангильского города пятидесятника стрелетцкого Терешку Филипова отпустили к тебе к государю с отписками июля в 25 день. А корм де, государь, тому немчину Францускусу даван у Архангильсково города по десяти денег на день. И мы, государь, корм ему велели давати по тому ж, по десяти денег на день.

Там же. Л. 6—7. Подлинник. 365 x 150; 362 x 150. Филигрань — двуручный кувшин небольших размеров; л. 6, 7 — поддон и тулово с ли-терами I B с орнаментом в виде кружков (л. 7).

Пометки на об.: л. 6, посередине листа (адрес): Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси. В Посольской приказ.

Рядом (зеркально) пометка о получении: 121-го июля в 31 день с Терехом Терентьевым.

Вверху листа помета — резолюция: Послать с Москвы дворянина добра и велеть того француженина взять к Москве, а там у него б ему и товары все пересмотрить и переписать, и что писма будет, то у него поимать. И весть его бережно и не пропускать к нему никого.

13.4.

1613 г., 27 июля. — Отписка царю Михаилу Федоровичу (в Посольский приказ) из Ярославля воевод кн. И. А. Хованского, окольного С. В. Головина и дьяка В. Юдина с известием о «великом государевом деле», объявленном Ф. де Лискером с целью скорейшего отъезда в Москву

(Л. 12) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Ивашко Хованской, Сенка Головин, Васька Юдин челом бьют.

В нынешнем, государь, во 121-м году писали мы, холопи твои, к тебе, государю, наперед сево с ерославцем с Офонасьем Погожим июля въ 25 день. Писали к нам, холопом твоим, от Орхангильсково города воевода Микита Пушкин да дьякъ Путила Григорьев и прислали немчина францужанина Францускуса де Лискера. А тот де, государь, немчин послан з грамотами Московского государства к бояром от францужского князя от марграфа Фимаркунского да от племянника ево от марграфа Наруляка. А про тебя де, государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, въ их земле подлинные вести не было. И мы, государь, тому немчину велели побыть в Ерославле до твоево государева указа, а в приставех велели у него быть сотнику стрелецкому Якову Векову.

(Л. 13) И июля, государь, въ 27 день сказывал нам, холопом твоим, пристав Яков Веков, что де тот немчин сказывает за собою твое государево великое дело. И мы, государь, холопи твои, посылали к нему голову стрелецково Микиту Безтужево. А велели ему допросить, какое за ним твое государево дело. И он, государь, Миките не сказал, а просился к нам, холопом твоим. И мы, государь, ему к себе в съезжую избу велели быть и ево роспраши-

вали. И он, государь, просил толмоча, а сказывал за собою твое государево великое дело и к тебе, к государю, к Москве просился, а сказывает у себя листы. Да он же, государь, в роспросе намечал немного по рускии и лалял немчина Якова Гиля, что де тот немчин прошел к Московскому государству воровством, а он де на него подлинное воровство все ведает. А хочет (Л. 14) тебе, государю, известить, а только бы де, государь, немчина Якова Гиля не отпустить для того, что за тем Яковом великое воровство, а вам де я про его воровство не скажу, скажу де государю сам. Да и ропрашивать было, государь, ево некому, толмоча въ Ерославле нет. А которые немца служивые и торговые были в Ерославле, и оне все розъехалися. И мы, государь, холопи твои, того немчина к тебе, государю, к Москве без твоего государева указу отпустить не смели. И о том, государь, нам, холопом твоим, как укажешь.

Там же. Л. 12—14. Подлинник. 367 x 150; 338 x 150; 240 x 147.

Филигрань — двуручный кувшин небольших размеров; л. 12, 13 — поддон и тулово с литерами I B; л. 14 — завершие в виде грозди винограда.

Пометки на об.: л. 12, посередине листа (адрес): Государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии. В Посольской приказ.

Рядом (зеркально) помета о получении: 121-го июля в 31 день с ярославцом с Микитою Саксеевым.

13.5.

1613 г., 31 июля (10 августа). — Наказная память царя Михаила Федоровича (из Посольского приказа) стряпчему Л. М. Пивову с распоряжением ехать в Ярославль, переписать письма и товары на подворье у Ф. де Лискера и доставить его в Москву в Посольский приказ со всем имуществом и грамотами

(Л. 8) Лета 7121-го июля в 31 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии велелъ стряпчему Левонтью Михайловичю Пивову^а ехать в Ярославль для того:

Писали ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии из Ярославля воеводы князь Иван Хованской с товарищи: Июля де въ 25 день писали к ним от Арханильсково города воевода Микита Пушкин с товарищи

и прислали немчина французенина Француска де Лискера. А пришел деи тот немчин из заморья к Арханьильскому городу на карабле. ^b А ^c преж де сего в прошлом 121-м году приходил тот немчин в Московское государство лазучством от польского короля, а ныне де по тому ж пришел воровством ^b. А послан Московского государства к бояромъ и ко всеи земле от ис Францовские земли от францовского князя от марграфа Фимаркунского да от племянника ево от марграфа Наруляка з грамотами, и ныне тот немчин в Ярославле.

И Левонтью Михайловичю, приехав въ Ярославль, отдати воеводам князю Ивану Хованскому с товарищи от государя грамоту, а отдав, итти к тому французенину на двор, где он поставлен, и пришед, сказать ему: Писали к царскому величеству о приезде из Ярославля во[еводы], (Л. 9) что он приехал от Арханьильскаго города в Ярославль, и царского величества бояря велели ему ^d ехать ^e к Москве ^f с ним ^f вместе. А что ^g у него ^g есть какова письма и товаров, и то ^a у него ^a писмо и товары бояря велели, переписав, привести с собою ж. А изговоря ему, пересмотрити у него письма и товаров, а пересмотря, переписатьи все налице, да что у него какова письма обявитца, и то письмо и товары у него взяти все. Да взяв в Ярославле у воевод под того немчина и под товары, что у него будет, подводы, ехати с ним ко государю к Москве наспех и письмо и товары, что у него возьмет, привести с собою. А к воеводам в Ярославль о подводах от государя писано ж. А едучи дорогою, береженье к тому немчину держати, чтоб он з дороги не утекъ и ни кто б к нему в дороге не приходил и ни о чемъ не розговаривал. ^a А тесности ему некоторые в дороге не чинити. ^a А приехав к Москве, явиться с ним в Посольском приказе диаком думному Петру Третьякову⁷⁵ да Саве Романчыкову.

Там же. Л. 8—9. Отпуск. 385 x 150; 382 x 150. Плохая сохранность правого края и нижней части листов.

Филигрань — двуручный кувшин небольших размеров; л. 8 — поддон и тулово с литерами СВ; л. 9 — завершие в виде грозди винограда.

Примечания: ^{a-a} Здесь и далее в документе между строк; ^{b-b} Приписано тем же почерком на л. 8 об.; ^c Далее зачеркнуто: об; ^d Далее зачеркнуто: тебе; ^e Далее зачеркнуто: ко государю; ^{f-f} Над зачеркнутым: с ним; ^{g-g} Над зачеркнутым: у тебя.

13.6.

1613 г., 31 июля (10 августа). — Указная грамота царя Михаила Федоровича (из Посольского приказа) в Ярославль воеводам кн. И. А. Хованскому, окольникову С. В. Головину и дьяку В. Юдину с распоряжением о передаче Ф. де Лискера с его имуществом и письмами посланному из Москвы Л. М. Пивову и о предоставлении ему необходимого числа подвод

(Л. 10) От царя государя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Ярославль воеводе нашему князю Ивану Ондреевичю Хованскому да окольникову нашему и воеводе Семену Васильевичю Головину да дьяку нашему Василью Юдину.

Писали естя к нам, что июля в 25 день от Архан[гиль]сково города воевода Микита Пушкин прислал к вам въ Ярославль немчина французенина Француска де Лискера. А пришел тот немчин из заморья к Арханильскому городу на карабле, а послан он Московского государства к бояром и ко всеи земле от францовского князя от марграфа Фимаркунского да от племянника ево от марграфа Наруляка з грамотами. И вы тому немчину велели быть въ Ярославле до нашего указа, а к Москве ево без нашего указа отпустить не смеете. ^aИ нам бы вам о том велети указ учинити^a И мы ныне послали в Ярославль стряпчево нашего Левонтья Пивова, а велели ему того немчина и что у него есть письма и товару^b, переписав, привести к нам к Мо(Л.11)скве.

И какъ к вамъ ся наша грамота придет, а Левонтей Пивов въ Ярославль приедет, и вы б ему того немчина^c и с ним что велено имать велели ему взять по наказу, каков ему наказ дан от нас на Москве, и подводы б естя ему и под немчина и под товары, что у него будет, дали по ^aподорожной^a и отпустили Левонтья к нам к Москве и велели ему^d ехать к нам, не мешкая. А которого числа Левонтья из Ярославля с ^aнемчином отпустите^{a e}, у того ^aнемчина^a какова письма и товаров^f, и вы б о том к нам отписали, а отписку велели отдать в Посольском приказе диаком нашим думному Петру Третьякова да Саве Романчыкову.

Там же. Л. 10—11. Отпуск. 380 x 150; 317 x 150.

Филигрань — двуручный кувшин небольших размеров; л. 10 — поддон и половина тулова; л. 11 — поддон и тулово с литерами [G]R.

Примечания: ^{a-a} Здесь и далее в документе между строк; ^b Далее зачеркнуто: што; ^c Далее зачеркнуто: и то; ^d Далее зачеркнуто: к н; ^e Далее зачеркнуто: и что Левонтей; ^f Далее зачеркнуто: возьмет.

РГАДА. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию. Оп. 1. 1613. № 2. Л. 1—7, 12—13, 8—11. Без конца.

№ 14

1613 г., после 27 июля (6 августа) — 1(10) августа. — Фрагмент дела Посольского приказа об отпуске из России иноземцев А. Астона и Я. Гиля с информацией об исчезновении в Ярославле находившегося при них толмача, извете на них некоего француза (Лискера) и с распоряжением об их отпуске

14.1.

1613 г., после 27 июля (6 августа). — Отписка царю Михаилу Федоровичу (в Посольский приказ) из Ярославля воевод кн. И. А. Хованского, С. В. Головина и дьяка В. Юдина с известиями об исчезновении находившегося при иноземцах толмача и об извете на них как причине задержки их в Ярославле

(Л. 56) Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Ивашко Хованской, Сенка Головин, Васка Юдин челом бьют.

В нынешнемъ, государь, во 121-м году июля въ 25 день в твоей государеве грамоте писано к нам, холопом твоим, за приписью твоего государева думново диака Петра Третьякова съ ярославцом с Матвеемъ с Побединским, что по твоему государеву указу велено у нас, холопей твоих, в съезжей избе быти немцомъ Артуру Астону да Якубу Гилю с товарищи и им сказати твое государеве жалованье, что ты, государь, их пожаловал, велел отпустить въ их землю, дав им свое государеве жалованье по росписи, какова от тебя, государя, к нам, холопом твоим, прислана. И мы, государь, холопи твои, по твоей государеве грамоте немцом Артуру Астону да Якубу Гилю с товарищи велели быти к себе в съезжую избу июля в 27 день во фторник и твое государеве жалованье, бархаты и соболи имъ по росписи приготовили и велели им про то сказати приставу Олексею Поленову накануне тово дни, чтоб они про то ведали, что им у насъ, у холопей твоих, быть.

И пристав де, государь, Олексей Поленов про то имъ сказывал накануне тово дни. И как, государь, мы, холопи твои, велели им быти к себе в съезжую избу и послали (Л. 57) к нимъ Олексея Поленова, чтоб они к нам, к холопом твоим, ехали, да и детей боярских с ним послали, кому перед немцы ехати. И Олексей Поленов, приехав, сказал намъ, холопом твоимъ, которой де у них толмач был по твоей государеве грамоте, Ульянко Игнатъев, и тово де толмача немцы отослали неведомо куды. Да у них же де был русской детина, Ивашком зовут, и тово де нет же. И мы, холопи твои, говорили Олексею Поленову, что он у немец пристав, а тово не ведает, где толмач и русской детина отослан. И Олексей нам, холопом твоим, сказал: Я де тово не ведаю, где они послали толмача и тово Ивашка, а я де у них живу временемъ.

И мы, государь, холопи твои, посылали к немцомъ голову стрелецково Микиту Безстужево, а велели их допросить, куды они тово толмача послали. И немцы, государь, Артор Астон да Якуб Гиль с товарищи сказали, что они тово толмача отослали для своего дела. А куды отослали, тово они не сказали, а говорили: Тот де толмач не государевъ, наш, куды де захотим, туды посылаем.

(Л. 58) И мы, холопи твои, послали тово толмача Ульянка и русского детину Ивашка гонять по всем дорогам для тово: любо они побежали для воровства. А тем, государь, немцам Артору Астону да Якубу Гилю с товарищи быти к себе не велели, потому что в Ярославле толмача нет и для тово, что они толмача отпустили неведомо куды. А которые, государь, были московские служилые и торговые немцы, и те все из Ярославля розъехалися, ^a-толмачить некому^a. И того ж часу мы, холопи твои, посылали вдругорядь к немцам голову стрелетцкого Микиту Безстужево допрашивать про толмача про Ульянка. И они ему сказали: Мы де не скажем, где послали толмача, а воеводы де насъ держат для того, что приехал в Ярославль немчин французенин, на нас извещает.

И мы, государь, говорили Олексею Поленову, для чево тово [не] ведает и над немцы не назираетъ, толмача немцы послали неведомо куды. (Л. 59) И Олексей нам, холопом твоим, сказалъ: Я деи приезжаю к ним временем. А тому, государь, толмачю Ульянку Игнатъеву велено у тех немецъ быти по твоей государеве грамоте. А наперед его был у немецъ толмач Павел Томасов⁷⁶, и тот, государь, толмач Павел по твоему государеву указу отпущен к Москве.

Да писали мы, холопи твои, к тебе, к государю, наперед сего, что сказывал нам, холопом твоим, княж Юрьев человек Ушатого, Богдашко Семенов. Июля де, государь, в 22 день ехал он ис княж Юрьева помесья в Ярославль и наехал де, государь, он по вологотцкой дороге от Ярославля за десять версть немчина, а тот де немчинъ ходитъ пеш с пищалью по лесу.

И мы, холопи твои, Алексею Поленову говорили: для чево он немецъ так пушает и того не бережет, а для береженья (Л. 60) даны ему дети боярские и стрельцы. И Алексей нам, холопом твоим, сказалъ: Я де приезжаю к ним временемъ, а тово де не ведаю, куды немцы ходят. И мы, холопи твои, пристава Алексея Поленова за то до твоево государева указу велели дати за пристава, а у немецъ велели быть в приставах ярославцу Поснику Полоченинову. А немецъ, государь, до твоево государева указу отпустить не смеем. И о том нам, холопом своим, как укажешь.

А Алексея Поленова велел прислать к Москве за приставом и животы [его] переписать.

РГАДА. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию. Оп. 1. 1613. № 3. Л. 56—60. Подлинник. 361 x 148; 338 x 145; 385 x 147; 350 x 145; 215 x 144. Листы на слабой бумажной основе, повреждены сыростью, следы влаги, правые края истлели. Филигрань — двуручный кувшин небольших размеров; л. 56, 57 — поддон и часть тулова с литерами С[1]; л. 58, 59 — завершие в виде розетки с полумесяцем.

Пометки на об.: л. 56, посередине листа (адрес): Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси. В Посольской приказ.

Рядом (зеркально) пометка о получении: 121-го июля в 31 день съ ярославцом с Микитою Саксеевым.

Вверху листа помета — резолюция: Бояре приговорили. Отписать, немец велеть отпустить и жалованье давать по прежнему указу, а то им выговорить: был у них толмач, и они того толмача послали к Москве, им не сказав, и того толмача взял в Переславле, и то они учинили не по пригож, для чесья, а им бы послать к государю к Москве, и они б, сказав им, воеводам, послали, и они б с ним послали пристава, и они о том писали к государю, и государь по своему государскому милостивому нраву их пожаловал, указал их отпустить по прежнему и проезжую грамоту им прислал за своею [пе]чатью^а, а французенину государь не поверил, что сказывал на них^а, и проезжая грамота им послать тотчас.

Примечания: ^{а-а} Вписано над строкой.

14.2.

1613 г., 1(10) августа. — Указная грамота царя Михаила Федоровича (из Посольского приказа) в Ярославль воеводам кн. И. А. Хованскому, С. В. Головину и дьяку В. Юдину с распоряжением об отпуске на приеме иноземцев А. Астона и Я. Гиля, выплате им жалованья и с публичным выговором за несанкционированную отсылку в Москву находившегося при них толмача

(Л. 61) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Ярославль воеводамъ нашим князю Ивану Ондреевичю Хованскому да окольничему нашему и воеводе Семену Васильевичю Головину да дьяку нашему Василью Юдину.

В нынешнем 121-м году июля в 31 день писали есте к нам с ярославцом с Микитою с Саксеевым, что июля в 27 день по нашему указу велели были есте немцом Артору Эстону да Якубу Гилю с товарищи быти у себя в съезжей избе и наше жалованье им сказати и по росписи роздати и отпускъ им сказати. И велели приставу их (Л. 62) Олексею Поленову накануне того дни имъ сказати^а, что им у вас быти^б назавтрее^б. И того дни пришед к вам, пристав Олексей Поленов сказал: Которой де у них был толмач Ульянов Игнатъевъ, и того де толмача немцы отослали неведомо куды, да у них же де был русской детина, Ивашком звали, и того нет же. И вы про толмача и про детину Олексея спрашивали, и Олексей вам сказал, что он про них не ведает, а приезжает к немцом врем[енем]. И вы (Л. 63) к немцом посылали^д голову стрелец[кого] Никиту Безстужего для допросу, куды они толмача послали. И немцы Артор да Якуб с товарищи сказали, что толмача отослали они для своего дела^е, а куды послали, того не сказали. А говорили: Тот де толмач^{б-их-б}, не нашъ. И^б вы^б того дни немцом Артору с товарищи быти к себе не велели, за тем, что некому было толмачить. И того ж часу посылали вы от себя к немцом^б голову ж^б Никиту Безстужего вдругорядь, допрашивать про толмача. И они говорили, что они того не скажут, где^ф послали толмача, а воеводы будто их держат для французенина, которой приехал в Ярославль^г на них доводити.^h ^бДа преж сего^и писали к нам^б, (Л. 63 об.) что сказывал вам...^бехал де он в Я(Л. 64 об.)рославль и наехал о[н] за версть...ходит немчин по лесу с пищалью. И вы Олексея Поленова про того немчина спрашивали, что он немец не бережет и того не ведает, куды

немцы ходят. И Олексей де вам сказал то ж, что и преж того, что он у немец живет временем^б. (Л. 64) И вы Олексея велели держати приставу до нашего указа, а у немецъ велели быть в приставех ярославцу Поснику Полоченинову. А немец без нашего указа отпустить не смеете. И нам бы о том велети вам указ нашъ учинити.

И как к вам ся наша грамота придет, и вы б приказали к немцом с¹ приставом с Посником Полочениновым¹, а велели имъ быти у себя в съезжей избе. А как они к вам приедут, и вы б их приняли честно, по прежнему нашему указу^к, как ведетца в посольских обычаях¹ при иноземцех и то им выговорили, что приехали они в наше Московское государство до нашего царского обиранья, нашего Московского государства к бояром и ко всей земле для помочи против наших и нашего Московского государства недругов. И они, ^ббудучи^б в нашем государстве, позамешкали, потому что наше государство (Л. 65) было безгосударно. А как по милости всемогущего Бога и по избранью всего Росийского царствия учинились мы великий государь на наших и преславных государствах Росийского царствия великим государем царем и великим князем всеа Руси самодержцемъ, и мы ^бвеликий государь^б для великих государей дражайшего и любезнейшаго брата нашево Матьяша цесаря и для ^блюбительного брата нашего великого государя^б Якуба короля нашим царским милосердиемъ их поискали и нашъ царской милостивой ответ^м ^бимъ^б учинен и наше царское жалованье и отпускъ им сказан. И для ^бнашего^б царского жалованья и отпуску быти было им у вас воевод наших. А толмач был у них Ульянко Игнатъевъ, и они неведомо для каких мер того толмача послали к Москве, вам, воеводамъ нашим, не сказав, а тот толмач... в Переславле. И то они, Артор Астон и Якуб Гиль, с товарищи учинили не ^нпо пригож^н, что^о будучи в чужом государстве, так самовольством ^ручинили^р. (Л. 66) А будет имъ для чего и довелось было до нашего царского величества ^бк Москве^б и послати, и имъ было, сказав^ч вам, воеводам нашим, послати, а вы б с тем, кого б они послали к нашему царскому величеству послали пристава. А^г то^с ныне учинилось не по пригожу, ^ти вы о том писали к нашему царскому величеству. И мы великий государь по своему царскому милосердому нраву^н ^бтого, что они толмача послали к нам, вам не сказав за..^б на милость^в, а пожаловали, велели им ^бнаше^б царское жалованье дати и отпустить в их земли ^бтотчас не задержав^б, и нашу царскую проезжую грамоту за нашу царскую печатью при-

слали. А служба их и доброхотенье к нашему царскому величеству и к нашему Московскому государству писана подлинно в проездей грамоте. А что^x французенин на них сказывал, и наше царское величество в том ни в чем ему не поверили, и во всемъ имъ нашъ царской милостивой^y указ^y и отпускъ (Л. 67)^z велено вамъ имъ учинити.

А для толмачества в те поры, как у вас будут немцы, велели б есте быти и перед собою толмати неметцкому переводчику и толмачю Дмитрею Миколаеву, которой послан ныне^a с послы нашими в Датцкую землю,^c б^b буде у вас въ Ярославле иногo толмача нет^b. И вы, говоря им^d, роздав наше жалованье, кубки и отласы и соболи все по росписи^e. ^fА будет кубков в Ярославле добыти не мочно, и вы б в кубков место дали им из нашиe казны по дватцати рублей денег, и кормъ им в дорогу... (Л. 68)дали по прежней грамоте сколько человек пригож, и то им давали... ехати... А роздав им наше жалованье, отпустили их из Ярославля, не задержав, по прежнему нашему указу. А в приставех отпустили с нимъ^g Посника Полоченинова и велели ему с ними ехати и кормъ им по росписи сполна давати с береженьем и во всемъ держати по нашему наказу, каков к нему ^hпослан с Москвы^h ис Посольского приказу за приписью^b думного^b диака нашего Петра Третьякова. А Олексея Поленова прислали б есте к намъ к Москве с приставом с кем пригож, ^bз добрым^b, а животы его на дворе, или инде у кого в Ярославле скажут, велели, переписав, запечатать своими печатъми.

А как у вас по нашему указу немцы Артор Естон и Якуб Гиль с товарищи для нашего царского жалованья и отпускуⁱ будут иль то, против того, что им выговорите, поговорят и ради будут нашему царскому жалованью и отпуску и не поставят ли они себе о толмаче оскорбленья, и как немецъ из Ярославля отпустите и сколько и до коих мест дадете им корму, и вы б об их отпуске и о всемъ отписали подлинно к нам к Москве, а отписку велели отдати в Посольском приказе.

(Л. 68 об.)^j А про руского малово Ивашка и про немчина, которого видели по дороге, а он ходит по лесу с пищалью, и вы Олексея Поленова спросили^k, толмача Ульянка Игнатъева^l и того руского малого Ивашка^m немцы куды послали и где ныне тот малой скажут, и вы б по того малого послали и велели его, сыскав, привести к себе и по тому ж его про все спросили. Да что у вас про то про

все объявитца, и вы б по тому ж к нам отписали, а отписку велели отдать в Посольском приказе¹.

Писан на Москве, лета 7212-го августа в 1 день.

(Л. 68) Грамота послать и велеть [указ]устен о корму немцом.

Там же. Л. 61—68. Отпуск. 228 x 152; 170 x 151; 267 x 152; 269 x 152; 304 x 151; 283 x 150; 190 x 150; 390 x 150. Листы на слабой бумажной основе, со следами влаги, правый край во многих местах истлел. Почерк в ряде мест неразборчив, имеются утраты текста.

Филигрань — двуручный кувшин небольших размеров; л. 61, 62, 65 — поддон и тулово с орнаментом из кружков; л. 63, 64 — завершие в виде грозди винограда.

Примечания: ^a Далее зачеркнуто: чтоб они про то ведали; ^{b-b} Здесь и далее в документе над строкой; ^c Далее зачеркнуто: а; ^d Далее зачеркнуто: есте; ^e Далее зачеркнуто: а то; ^f Далее зачеркнуто: его; ^g Далее зачеркнуто: будто; ^h Далее зачеркнуто: и пристава Олексея Поленова про то спрашивали есте и не одиножды, для чего он, будучи у немец, того не уберег. И Олексей вам сказал то ж, что он к немцом приезжал време(Л. 64)немь; ⁱ Далее зачеркнуто: писали есте; ^{j-j} Исправлено из: к приставу к Поснику Полоченинову; ^k Над зачеркнутым: обычаю; ^l Исправлено из: обычаем; ^m Далее зачеркнуто: велено им и отпуск и отпуск; ⁿ⁻ⁿ Над зачеркнутым: гораздо; ^o Далее зачеркнуто: так; ^{p-p} Над зачеркнутым: делати; ^q Исправлено из: сказати; ^r Исправлено из: И; ^s Далее зачеркнуто: было; ^t Далее зачеркнуто: и о; ^u Далее зачеркнуто: положили то; ^v Далее зачеркнуто: и в том на вас ^{b-них} ^b для иноземства гневу своего не подержали; ^w Над зачеркнутым: вам свое; ^x Далее зачеркнуто: на них; ^{y-y} Над зачеркнутым: ответ; ^z Далее зачеркнуто: и отпускъ; ^a Далее зачеркнуто: з датц; ^b Далее зачеркнуто: А после; ^d Далее зачеркнуто: и; ^e Между строк зачеркнуто: а не будет кубков, ино деньги по грамоте; ^f Начало вставки между строк другим почерком; ^g Конец вставки между строк другим почерком; ^{h-h} Над зачеркнутым: прислан; ⁱ Далее зачеркнуто: будуть; ^{j-j} Приписано на Л. 68 об. другим неразборчивым почерком под знаком вставки; ^k Далее зачеркнуто: где тот русской малой Ивашка делся и сколько он давно у немец сидел; ^l Далее зачеркнуто: где тот; ^m Далее зачеркнуто: и немчина, которой.

РГАДА. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию. 1613. № 3. Л. 56—68 об. Подлинник и отпуск. Фрагмент дела об отпуске из России иностранных офицеров, живших на Холмогорах и в Архангельске — Андриана Флдорфа, Артемия Астона и Якуба Гиля. Всего в деле 75 листов.

№ 15

1613 г., август⁷⁷. — Послание («любовительная грамота») царя Михаила Федоровича герцогу Эпернону и маркизуде Руйяку с выражением «похвалы» за «доброхотение», ценную информацию о враждебных замыслах и действиях в отношении России польского короля Сигизмунда III и «его советника» Ж. Маржерета, а также с кратким изложением событий Смуты в России и обстоятельств избрания на царство Михаила Романова.

(Л. 92) ^aСписокъ с посольского листа^a.

Милосердия ради милости Бога нашего, в нихъ же посети насъ востокъ свыше, во еже направить ноги наша на путь мирен, сего убо Бога нашего в Троице славимаго милостию.

Отъ^b великого государя, царя и великого князя Михайла Федоровича, всеа Росии самодержца, Владимирскаго, Московскаго, Ноугородцкаго, царя Казанскаго, царя Астороханскаго, царя Сибирскаго, государя Псковскаго и великого князя Смоленскаго, Тверскаго, Югорскаго, Пермскаго, Вятц[к]ого, Болгарскаго и иных, государя и великого князя Новагорода Низовские земли, Черниговскаго, Рязанскаго, Ростовскаго, Ярославскаго, Белоозерскаго, Лифлянскаго, Удорскаго, Обдорскаго, Кондийскаго и всеа Северныя страны повелителя, и государя Иверские земли, Карталинских и Грузинских царей; и Кабардинския земли Черкасскихъ и Горских князей, и иных многих государствъ государя и обладателя (Л. 92 об.) Великого княжества Меганолинскаго княземъ уделнымъ, Фюнмаркону да Руляку, милостивое наше царское слово.

В нынешнемъ, во 121-м году приехалъ к намъ, великому государю, служить, на наше царское имя, французенинъ Миколай Францыскусъ и сказывалъ нашим приказным людямъ, что вы, ведая польского Жигимонта короля и пановъ радъ перед нашим Московским государством многую неправду, нашему Московскому государству доброхотаете. А что мы, великий государь, по Божией милости и по избранию всякихъ чиновъ людей всего Росийскаго царствія, учинилися на наших великих и преславных государствах великим государемъ, царемъ и великимъ княземъ, всеа Росии самодержцомъ, и вамъ было неве-

домо. Да тотъ же Францыскус нашимъ приказнымъ людемъ сказываль, что польской Жигимонтъ король и свейской Адолфъ король умышляютъ над нашимъ Московскимъ государствомъ всякими злыми умыслы. А умышляютъ (Л. 93) и промышляютъ по засылке польского Жигимонта короля, ведомой изменникъ и врагъ Московскому государству Яковъ Мержереть с своими советники, с такими ж изменники, а хотят, собрався с воинскими людами, нашего государства над Архангелскимъ городомъ и надъ Соловецкимъ монастыремъ, своимъ злохитрымъ умысломъ, промышляти. А напередъ себя для лазучества и оману прислалъ в наше государство своихъ советниковъ и в нашемъ государстве всякое зло смышляютъ.

А какъ посыланъ былъ от бояръ наших и от всее земли, до нашего царского обирания, к великому государю, брату нашему, к Матяшу цесарю, Еремей Еремеев, и вы, советовавъ межъ себя и хотячи нашему Московскому государству добра, ты, Руляк князь до Цесаревы земли, до Праги, ездилъ, и съ Еремеемъ Еремеевымъ виделся тайно, и о делехъ, которые годны нашему Московскому государству, объявлялъ и речью с нимъ к бояромъ нашимъ о помочи, о наемных людех, и о иных, о добрых (Л. 93 об.) делехъ приказывал, и о нашемъ государстве раделъ и промышлялъ. Да и про то намъ, великому государю, подлинно известно ж, что вы, слыша то, что от польского Жигимонта короля и пановъ рад, черезъ многие ихъ крестные целованья, нашему великому Московскому государству учинилось, скорбите и жалеете и до нашего царского обирания нашимъ государствамъ, бояромъ нашим и всей земле, хотели есте всякими мерами помочь чинити.

И мы, великий государь, слышу вашу к намъ, великому государю, службу, а к нашимъ великимъ государствамъ желательную любовь и доброхотение, васъ похваляемъ и наше царское жалованье к вамъ любително держати и воздавати хотимъ. А Жигимонта короля и пановъ радъ полских и литовских, что они учинили перед нашими государствами неправды, поруша мирное поставленье, черезъ многое крестное целованье, вамъ объявляемъ — какъ, Божиими праведными (Л. 94) судьбами, великого государя блаженные славные памяти царя и великого князя, дяди нашего, Феодора Ивановича, всеа Росии самодержца, не стало, оставя земное царство, отыде в вечное блаженство безчадентъ,

а на великихъ государствахъ Російскаго царствія, по избранію всехъ людей и всего Російскаго царствія, учинился царь и великий князь Борис Федоровичъ всеа Росіи, и при его державе, по вражюю действу, а по злему умышленю и по ненависти польского и литовского Жигимонта короля и пановъ радъ, черезъ многое его королевское и пановъ радъ крестное целованье, в нашемъ Московскомъ государстве смута и межъусобье учинилося: некоторой воръ, чернецъ, еретикъ, имянемъ Гришка Отрепьевъ, за некоторые богомерскіе и скаредные свои дела, из Московского государства збежалъ в Литву, и свергль с себя черное платье, и аггельский образ обруга и врагомъ рукописаніе на себя давъ, аще коснется (Л. 94 об.) царского, то от Бога отлученъ будетъ, назвался царевичемъ Дмитреемъ Углецкимъ, великого государя блаженныя памяти царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Росіи самодержца сыномъ. А царевича Дмитрея Углецкого не стало до того времени за 13 летъ. И вражюимъ действомъ, а умышлением и споможениемъ польского Жигимонта короля и пановъ радъ, тот вор и еретикъ дошел до царствующаго града Москвы, и злокозненнымъ своимъ дьявольскимъ действомъ, и царского престола достиже и государемъ Московскимъ именовася. И видя его злую прелесть, и злобесного пса и волка на царскомъ престоле сидяща, Московского государства бояре, и воеводы, и всякие служилые, и всякихъ чиновъ люди, съехався изо всехъ государствъ в царствующий град Москву, и соединяся единомысленно, и облича того вора, злой смерти предали. А по убийстве того вора, по избранію всякихъ чиновъ людей и всего Російскаго государства, былъ на Московскомъ государстве государемъ (Л. 95) из бояр от рода Суждалскихъ князей, князь Василей Ивановичъ Шуйской. И после того Жигимонтъ король и паны рада, умысля наше Московское государство смутити болши прежнего, и поруша перемирье, и преступивъ свое, и пословъ своих, и посланиковъ, которые были учинили миръ на Москве с царемъ и великимъ княземъ Васильемъ, крестное целованье, на Московское государство наслалъ другою вора, родомъ жидовина, назвавъ ево царевичемъ Дмитреемъ, бутто тотъ же воръ, которой былъ на Москве и съ Москвы убежалъ к нимъ в Польшу, живъ. И тотъ другой воръ, по королевскому жъ веленю, собрався с польскими и с литовскими людьми, пришед, под Москвою стоялъ табо-

рами, и города и уезды воевалъ, и кровь напрасную проливал, и к Москве приступал.

А полской Жигимонтъ король, через крестное целованье, городъ Смоленскъ взявъ и умысля с изменники Московского государства, с Михайломъ Глебова сына Салтыкова и съ его советники, которые изменили царю Василью, (Л. 95 об.) отъехали х королю, писал и приказывал в Москву к бояромъ и всяких чиновъ людемъ, будто онъ, жалеючи о християнстве, пришелъ в Московское государство, чтобъ государство успокоить и кровь уняти, а быти б на Московскомъ государстве сыну его, королевичю Владиславу, в нашей вере греческаго закона, и в вере поруганья и государского чину и поведенья не пременять, и никоторого зла в Московскомъ государстве не делати.

И царь Василей для покою християнского, государство свое оставил, а на Московское государство избрали были полского королевича Владислава, и з гетманомъ с коруннымъ с Станиславомъ Желковским о томъ о всемъ договоръ былъ учиненъ, и крестнымъ целованьемъ с обе стороны укреплен. И Жигимонтъ король и то гетмана своего корунного крестное целованье преступилъ, сына своего на Московское государство не далъ, и самъ от Смоленска не отшелъ. И по его вельню польские и литовские люди, и изменникъ Михайло Салтыковъ, оманомъ вошли (Л. 96) в Москву, и царя Василья, взявъ через крестное целованье, къ Жигимонту королю отослали. А царствующий град Москву велелъ полскимъ и литовскимъ людемъ выжечь и высечь, и церкви Божіи и монастыри осквернили, и святейшаго Гермогена патріарха Московского и всеа Росіи, с престола свергли и бояръ и всяких чиновъ людей безчисленное множество побили, и царствующий град Москву засели.

И Московского государства бояре и всякіе служилые люди, за ту его многую королевскую неправду, противъ его стали и, стоя под Москвою, гетмана Карла Хоткеева побили, и з запасы в Москву не пропустили, и Московское государство от полскихъ и от литовскихъ людей очистили. А на великихъ государствах, на Владимирскомъ и Московскомъ и Ноугородцкомъ, и на царствахъ Казанскомъ и Астороханскомъ и Сибирскомъ, и на всехъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія, по Божией воли и по племени великихъ государей, царей Російскихъ, а по

благословению матери нашея, великие государыни (Л. 96 об.), старицы иноки^c Марфы Ивановны, и по избранию и по челобитью Московского государства царей и царевичевъ, которые служат в Московском государстве, и бояр, и околничих, и дворян, и детей боярскихъ, и гостей, и торговых людей всех городовъ всего Московского государства, учинилися государемъ, царемъ и великимъ княземъ, всеа Росии самодержцем, мы, великий государь, царь и великий князь Михайло Федоровичъ, всеа Росии самодержецъ, понеже мы, великий государь, великого государя блаженные памяти царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Росии самодержца, законные супруги, а сына его блаженные ж памяти царя и великого князя Федора Ивановича всеа Росии матери, великия государыни, царицы и великия княгини Анастасеи Романовны Юрьева, родного племянника Федора Никитича Романова Юрьева сынъ.

А учинясь мы, великий государь, на наших великих и преславных государствах Росийскаго царствия, послали есмя ко всемъ великимъ христианскимъ (Л. 97) государемъ государство наше обестити, и оправдаяся перед полкимъ Жигимонтомъ королемъ про его королевское и пановъ радъ передъ нами, великимъ государемъ, и перед нашими великими государствами многие неправды, которые он через крестное свое, и пословъ своихъ, и посланниковъ целованье Московскому государству учинилъ, всемъ великимъ христианским государемъ, его королевская и пановъ радъ неправда перед нами, великимъ государемъ, ведомо было подлинно.

А к вамъ послали есмя нашу любительную грамоту, а въ грамоте нашей про королевскую и пановъ радъ, перед нами, великимъ государемъ, и перед нашими великими государствами, многие неправды и крестопреступленье объявили есмя вамъ короткими словами.

РНБ. Погод. № 1573. 4^о. Л. 92—97. Список середины XVII в.

Филигрань (л. 92—97) – голова шута (с поворотом головы влево).

Публ.: АИ. СПб., 1841. Т. III. С. 4—7 (с пометкой о принадлежности сборника члену Комиссии П. Строеву).

Примечания: ^{a-a} Фраза написана киноварью; ^b Предлог написан киноварью; ^c В ркп. ошибочно: иноко.

№ 16

1613 г., 29 (19) августа. — Письмо Д. Меррика и У. Русселя в Посольский приказ из Архангельска с известиями о приготовленных для русских послов кораблях, об интригах и клевете французского гонца (де Лискера), прибывшего в Россию вторично (на английском языке с кратким синхронным изложением грамоты на русском языке и с современным переводом на русский язык)

(Л. 80) Right high and mightye Emperor Lord Kinge and greate Duke Michaelle Pheodoro[w]ich of all Russia.

Yt may please yor most excellent Majestie to be advertized that according to yor highnes comannd we are now to take shyping for England with yor Majesties ambassador Olexey Evanowich, who is addressed to our greate Soueraigne Lord and Master James by the grace of god kinge of Great Brittain France and Ireland, yor Ma[jes]ties moste intier lovinge brother, and according to that trust and confidence yor highnes hath of us we wil be redye in all faithfull assisting service, standing in or power and means to assiste yor Majesties Ambassador in what he shall acquainte or requier of us.

And for the letter which our Soueraigne Lord and master sent by us unto the righte reverend the Metropolitans and fathers the whole Clergie with the righte Noble Lords and Comons of yor Majesties Domynions of Russia we have thought fitt to sende the same by or fellowe Fabyan Smith who shal be redye at his cominge to yor Majesties Courte to present the same unto yor most excellent Majestie or otherwise to whome yor Majestie shall appointe.

And whereas yt may please yor highnes there is a certem frenchman sent upp to the Mosco, come as he reporteth with Letters to the Lords and states of yor Majesties Domynions and hath (for so we are informed) by the waye as he passed at Vologda and other places as Yaroslave etc. most slanderously given out our cominge hither to be only the betraying yor Majesties People and Conntrie, and that the Letter which we brought from or great soueraigne Lord and Master was deceiptfull wherem the honor of or Soueraigne Lord and Master is touched. We doe therefore in or deerest zeale and obedience to that sacred name and honor of or great Lord and master humbly beseche your most excellent Ma[jes]tie to be pleased that the said frenchman may be so examyned

and seene into, that it appeare from whome he is sent and that he be held in ye Land to such tyme as yor Ma[jes]tie be advertized from or soueraigne Lord and master concerning him. For dowbtlesse and we are well assured he is a spye corrupted by some yllwiller to this State, (Л. 80 об.) who seing the intyer freindshipp that hath alwais bin and still praised be god stands with ye Princes of these two famous Nacyons, Russia and England, seeketh by suche base ronnagates to remove and hinder the same; and so by setting debate betwene the two kingdomes to breake that bonde of love and amytie, which with so great honor hath bin so longe maniteyned, but the Almightye we knowe will bringe their deviles to naught.

According to yor Majesties Comannd unto us we have provyded and fitted three shippes for yor highnes Ambassadors for England, Germany and Denmark, yor Majesties Ambassador for Germany Stepan Michalowich and Semon Zaberousky tooke shippe in this place the XXIIIth of this moneth August to be landed at Hamborgh and now this XXIXth daye yor highnes Ambassador for England Olexsey Evanowich and Olexsey Weytove are redy with orselves to take shipping. Our staye here hath bin the longer attending yor highnes Ambassador for Denmarke Knez Evan Michalowich who as yet is not come hither. Or desier was likewise to have seene him shipped before or going away, but the tyme of yeare groweth late and if he shoulde not by the prime of the next moneth be come to this place, the shippes woulde be gone, so great is the dangger of wintering here the whole yeare, we doe further in or Dutie and service to yor Majestie and Land presume to put yor Majestie in remembrance of the necessitie for the well fortifying and guarding of this yor Majesties Castell of Arhangell and places neere adioyning the seacoast. A marke much aymed at by the Enemyes of this Land and of great consequence to be indangered as the gate of yor highnes kingdome wherent all fitt provision for the preservacon of yor Majesties Domyinions cometh in which by other wayes or means cannot so fitly be donne? And we hope and humblye entreat yor Majestie wilbe pleased to receive these or poor services and opinyons into yor gracious favour, as cominge from suche faithfull Dutyes who wishe unto yor Majestie and Land all peace and tranquillity with endless fame and glorye.

Written at yor Majesties Castell of Arhangell the XXIXth August 1613.

Resting ever yor Majesties humbly and Comannd

John Mewirke
W[illia]m Russel

РГАДА. Ф. 35. Сношения России с Англией. Оп. 1. № 47. Л. 80—80 об., 83 об. Подлинник. Было сложено конвертом. 250 x 343. На л. 83 об. остатки красновосковой печати. Филигрань — герб города Амстердама, внизу агнец пасхальный (л. 80).

Пометки на обороте: л. 80, внизу запись: Грамота, что писали из Архангельского города к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси Иван Мерик да Вилиям Мерик, что оне ту грамоту, что король их писал к властям белим и к бояром Московского государства, послали оне к нему, государю, с Фабином Смитом, да оне карабли изготовили про ево государевых послов, которим ити в Аглинскую землю и к цесарю и к датцкому да про фрянчуженина, которой приехал смуту делати.

Л. 83, посередине листа адрес (на английском языке): To the righte highe and mightie Emperor Lord kinge and greate Duke Michael Pheodorowich of all Russia.

Рядом пометка: Переведень 122-го сентября в..., а прислал тот лист Иван Ульянов да ...лей Русиль аглинские гости.

Список. Там же, л. 81—82 (синхронный); английский идентичный текст на л. 81 с теми же подписями и адресом на обороте листа (также было сложено конвертом со следами красновосковой печати). Филигрань — герб города Амстердама, внизу крест с литерами [CW] (л. 81).

Запись на л. 82 об.: Лета 1613-го году. Грамота, что писали из Архангельского города к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси Иван Мерик да Ульян Русель, что оне про ево государевых послов изготовили карабли, которим ити в Агленскую землю, к цесарю, к датцкому, да что у них грамота от государя их Якуба короля к митрополитам и ко всему духовному чину, и оне ту грамоту послали к ним с товарищем своим с Фабияном Смитом, да о фрянчужском немчине, которой хотел учинити смуту.

Из дела о приезде и пребывании в Архангельске в 1613 г. английских послов Джона Меррика и Уильяма Рассела (Русселя).

Перевод

Государю царю и Великому князю Всея Руси Михаилу Федоровичю.

Позвольте известить Ваше Величество, что в соответствии с Вашим высочайшим приказом мы отплываем в Англию вместе с послом Вашего Величества Алексеем Ивановичем, который направлен к нашему великому государю и господину Джеймсу, Божьей

милостью королю Великобритании, Франции и Ирландии, возлюбленному брату Вашего Величества. И, в соответствии с Вашим к нам доверием, мы готовы верно служить, помогая всеми силами и средствами послу Вашего Величества в том, что он сообщит нам или потребует от нас.

И поскольку письмо, которое наш государь и господин послал с нами преподобным митрополитам и отцам Церкви, а также боярам и общинам Вашей державы, мы решили переслать с нашим товарищем Фабианом Смитом, он, по прибытии ко двору Вашего Величества, будет готов предстать перед Вашим Величеством или тем, кого Ваше Величество назначит.

Между тем, если позволит Ваше Величество, есть некий посланный в Москву француз, который прибыл, как он заявляет, с письмами к боярам и должностным лицам Вашей державы, и (как мы узнали) в дороге, проезжая Вологду и другие места, такие как Ярославль, распускал самые лживые слухи о том, что мы прибыли сюда, чтобы предать народ и страну Вашего Величества, и что письмо, которое мы привезли от нашего великого государя и господина, лживое, а это задевает честь нашего государя и господина. И поэтому мы, будучи ревностно преданы и покорны священному имени и чести нашего великого государя и господина, смиренно молим Ваше Величество приказать, чтобы этот француз был допрошен, чтобы стало очевидно то, кем он послан, и чтобы он удерживался в Ваших землях до тех пор, пока Ваше Величество не будет уведомлено на его счет нашим государем и господином. Ибо, без сомнения, и мы в том уверены, что он — шпион, подкупленный противником этого государства, который, видя дружбу, что всегда была и по сию пору имеет добрые основания, между государями двух славных держав, России и Англии, желает при помощи таких низких бродяг помешать ей и уничтожить ее и, сея распри между двумя королевствами, порвать узы любви и дружбы, которые столь достойно так долго сохранялись. Но мы знаем, что Всемогущий разрушит их дьявольские происки.

В соответствии с приказом Вашего Величества мы снарядили и подготовили три корабля для послов Вашего Величества в Англии, Германии и Дании. Посол Вашего Величества в Германии Степан Михайлович и Симон Заборовский (Zaberousky)⁷⁸ сели здесь на корабль 22 числа месяца Августа, чтобы высадиться в Гамбурге. Сейчас 29 число, и посол Вашего Величества в Англии

Алексей Иванович и Алексей Витов (Weytove)⁷⁹ готовы вместе с нами сесть на корабль. Наше пребывание здесь вызвано длительным ожиданием посла Вашего Величества в Данию князя Ивана Михайловича⁸⁰, который еще не прибыл сюда. Раньше мы также хотели увидеть, как он взойдет на корабль, прежде чем отплыть самим, но время года позднее, и, если он в начале следующего месяца не прибудет сюда, корабли уплывут, поскольку слишком опасно зимовать здесь целый год. Мы пойдем дальше, выполняя свой долг и служа Вашему Величеству и стране, чтобы осмелиться напомнить Вашему Величеству о необходимости хорошо укрепить и защитить Архангельск, замок Вашего Величества, и места на побережье. К этой цели стремятся враги этой страны, и, если она окажется в опасности, это приведет к весьма плачевным последствиям, ибо она есть врата королевства Вашего Величества; сюда стекается все необходимое для сохранения владений Вашего Величества, что трудно достичь другими средствами и способами.

И мы надеемся и смиренно умоляем Ваше Величество милостиво принять нашу скромную службу и соображения, происходящие от Ваших верных слуг, которые желают Вашему Величеству и Стране мира и спокойствия, а также безграничного почета и славы.

Написано в Архангельске, замке Вашего Величества, 29 августа 1613 года.

Остаемся вечно преданными и готовыми к приказам Вашего Величества, Джон Мерик и Уильям Рассел.

№ 17

1613 г., 23 августа (2 сентября). — Указная грамота царя Михаила Федоровича (из Посольского приказа) в Архангельск воеводе Н. М. Пушкину и дьяку П. Григорьеву с распоряжением о розыске присланных из Гамбурга Ж. Маржеретом трех немецких купцов, их допросе и усилении мер предосторожности в крепости, за городом и «на море».

(Л. 41) От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси на Двину в Арханильской город воеводе нашему Миките Михайловичю Пушкину да дьяку нашему Путилу Григорьеву.

Ведомо нам учинилось, что польского и свейского короля умышленье, над Архангильскимъ городомъ промышляютъ тем, какъ бы им Архангильской город и Соловетцкой монастырь взяти. А промышляютъ деи от польского короля Яков Мержерет, Московского государства изменникъ, а ныне де он живет в Амборхе. А ссылка у него о томъ со французенином с Петромъ Лавиллом, которой преж того был в Московском государстве съ Яковом с Пунтусовымъ и Ладогу за крестным целованьемъ взял. А ныне де есть у Архангильсково города Якова Мержерета три человека торговых немецъ, а приехали деи на караблех из Амборха. А преж де сего они у Арханьильского города в прошлом году были ж, а привозили де с собою от Якова Мержерета продавати, что грабили в Москве съ Яковом Мержеретом чарки и ковши серебряные, и ожерелья жемчужные, и жемчуг, и церь (Л. 42)ковное всякое золотое, и серебряное, и жемчужное. А одново де из нихъ зовут Киремберхъ. (Л. 42 об.) ^a-А [большое] де у них умышленье, какъ карабли станут приходить к Арханьильскому городу да как карабли пойдут за [море] от Орханьильские пристани, и в пор...приходить к Арханьильскому горо[ду] с тем кораблем.^a

^bИ вы б у Арханьильсково города про то сыскали накрепко неметцкими торговыми людьми себе тайно: такие люди Якова Мержерета ныне и ^cпреж сего^c из Амборха к Арханьильскому городу бывали ль, да будет были, и какие с ними товары были, и такие приличные товары, какъ в сей нашей грамоте писано с ними были ^cпрошлого году^c, были ли. И будет такие товары с ними были, и кому оне ^cте^c товары продавали, и в таможе в записке такие товары у них объявились ль, и ныне те люди от Арханьильсково города были и [те] товары у них объявились, и ныне они у Арханьильсково города есть, за море ещо не пошли, и вы б ихъ за море не отпускали, велели им быть у Арханьильсково города и приставов к ним приставили добрых и велели их беречи, и товары их, что у них ихъ товаров есть, и письмо всякое велели переписать и запечатать и беречь велели до указу. А сыскали б естя подлинно, будет прямо Яковлевы люди, и вы б такъ делали. А с ын[ыми] с торговыми людьми не ссортеся, и тем торговым людем, с которыми они были на карабле, никоторого бы естя лиха и тесноты не учинили, а про них сказали, что они люди Якова Мержерета, а Яков Мержерет Московскому государству зрадца

и ведомой враг и розорител[ь]. Преж сего приехал он к царю Борису слу(Л. 43)жити ис Цесаревы области, и царь Борис пожаловал был его поместья и вотчинами многими и денежным жалованьем большим и велел ему быти у иноземцов в ротмистрах. И он, забыв к себе царского величества жалованье, с польскими и литовскими людьми Московское государство жег и разорял и всякое зло чинил, и на-грабясь богатства, отшел в Польшу к польскому королю. А техъ людей к Арханилскому городу прислал лазучеством по умышленью Жигимонта короля. А до иных ни до кого дела нет. А однолично б есте про техъ Яковлевых людей сыскивали накрепко и распрашивли про них себе тайно, да будет они Яковлевы люди, и вы б над ними такъ и делали, как в сей нашей грамоте писано. А с ыными б вамъ иноземцы однолично не ссоритца и страху в ыноземцы, которые тут у Арханьильского города, не положити и вперед бы темъ торговых людей от Арханьильской приста(Л. 44)ни не отогнать, делали б есте то, смотря по тамошнему делу, а не норовя и не покрывая ни по ком.

Да нам же великому государю ведомо учинилось: торгует де ныне у Арханьильского города Амстрадама города Исак Масам⁸¹, а нам де великому государю и нашему государству тот торг[о]вой человекъ доброхотает и многих людей про умышленье над Арханьильским городом ведает подлинно. А зимовать де тому Исаку здесья.

И будет таков торговой человекъ амстрадамец Исакъ Масам ныне у Арханьильского города, а за море еха[ть] не хочет, а хочет зимовать здесья, и вы б велели ему быти у себя тайно и сказали ему наше царское жаловальное милостивое слово, что ведомо нам великому государю про него учинил[ось], что он намъ великому государю служит и нашему государству доброхотает. И мы великий государь велели ему ехать к нам к Москве видети наши царские очи, и он бы к нам, великому государю, к Москве ехал, и подводы б есте ему дали (Л. 45) и пристава с ним до Москвы послали.

А будет [ли] он зимовать здесья не похочет, а похочет еха[ти] за море, и вы б его допросили тайно: ведомо н[ам], великому государю, что он нам служит и нашему государству доброхотает и ведает некоторых людей на наше государское лихо и на наши государства с полскими и с литовскими и с свейскими людьми ссылку и над Архангилским городом умышленье. И он бы про то сказал вам,

ни на кого не затеявь и ни по ком не покрыв, вправду, хто на наше государское лихо и на наши государства с полскими и с литовскими и с свейскими людьми над Архангилским городом умышляет и какие люди и что ихъ над Архангилским городом умысль. А какъ он про то скажет правду, и мы его за то пожалуем нашим царским великим жалованьем и торговати ему велим в наших государствах повольно и службу его нагородим нашимъ царским жалованьем. А что он вам скажет, и у вас то будет однолично никому не пронесено. Да что он про кого скажет, и вы б то велели записати, а записал бы то диакъ Путило своею рукою. А иной бы никто из русских людей и из иноземцов того однолич[но не] ведал, чтоб в том ссоръ не было... однолично учинити та[йно] и нико[му] (Л. 46) того не объявити. И того торгового человека Исака Масана нашим жалованьем обнадеживать гараздо и разговаривать ему всякими мерами, чтоб он про то про все сказал правду, не боясь никого.

Да о том бы есте о всем к намъ отписа[ли] наскоро с нарочным гонцом: Якова Мержерета люди у Архангилского города есть ли, и будет есть, и что у них каково товару, перепишите, и кому велите беречь, или они бы уехали за море, и с которыми торговыми людьми приезжали, и в прошлом году были ли, и с какими товары в прошлом году и сего лета приезжали. И что вам скажет в ропросе амстродамец Исак Масан ил[и] здесь остается, и вы его пришлите к нам, и с кем его отпустите, о том бы есте о всем к нам отписали подлинно наперед ихъ наскоро, дав подводъ с лишком. А отписку велели отдать в Посолском приказе диак[ом] нашим думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову.^d

И как к вам ся наша грамота придет, и вы б в Архангилском городе жили^e с великм береженьем, сторожи б на море и за городом и на городе караулы были безпрестани, и сами б есте надзирали, чтоб безвестн[о] (Л. 47) с моря никакие воинские люди не пришли и лиха не учинили. И от торговых бы есте люд[ей] ото всяких иноземцов велели во всем береженье держати, чтоб оманом какова дурна над городом не учинили, и в караулах бы есте велели разсматривати и [ме...] розслушивати и примечать, не чаят ли в которых торговых людех лазучества и оману и в караблах их наряд и стенобитны[х] каких хитростей.

А стрельцов в Архангел[ьском] городе велено прибавити. А послан о стрельцехъ к вам нашъ указ из Ноугородцкие чети. И вы б

однолично жили с великим береженьем и всяких вестей у всяких л[удей] проводывали себе тайно всякими мера[ми] и к нам писали о том в Посольской приказ почасту. А сей бы у вас наши грамоты оприч вас од[но]лично никто не ведал, ни Ивану Ульянову, ни иноземцом про нее не пронеслось.

^f А^g которые будет немецкие торговые люди^h у Архангилского [го]рода зазимуют или те Яковлевы люди у Мержерета Киремборхъ [дальши] и за море... карабле..., и вы б о том отписали и имена... хто имянем и которого гор... (Л. 47 об.) ...в Московском государстве зимовать хотят, велели отдать в Посольском приказе.

Писана на Москве, лета 712. августа в 23 день^f.

РГАДА. Ф. 35. Сношения с Англией. Оп. 1. № 47. Л. 41—47 об. Отпуск. 339 x 148; 395 x 135; 344 x 135; 342 x 133; 345 x 127; 350 x 123; 368 x 130. Листы ветхие, повреждены по краям, реставрированы, имеются утраты текста. На л. 43 фрагмент филиграни типа «кувшин», на остальных листах водяные знаки утрачены.

Примечания: ^{a-a} Приписано на обороте под знаком вставки; ^b Далее текст перечеркнут одной вертикальной чертой; ^{c-c} Здесь и далее в документе над строкой; ^d Здесь кончается текст, перечеркнутый одной вертикальной чертой; ^e Далее зачеркнуто: есте; ^{f-f} Другим почерком; некоторые слова неразборчивы; ^g Далее зачеркнуто: буд...; ^h Далее зачеркнуто: которые.

Из дела о приезде и пребывании в Архангельске английских послов Джона Меррика и Уильяма Русселя в июне — 1613 г.

№ 18

1615 г., 1(11) сентября — 1616 г., 31 августа (10 сентября)⁸². — Приказная выпись (Посольского приказа) о размерах поместного и денежного жалованья иностранцам-наемникам на российской военной службе со сведениями за 1601—1616 гг., в том числе об окладах 1601 г. Ж. Маржерета

(Л. 1) В 109-м году при царе Борисе учинены были выезжим немцом, которые выехали с посланником с Офонасьем Власьевым ис Цесарские земли поместные и денежные оклады

700 чети, денег 80 рублей

Капитан Яков Мержерет...

... 40 рублей
Давид Ги[л]бертъ
Робертъ Думбар
(Л. 2) по 400 чети 35 рублей
[Прапо] рщик Яков Гокъ
30 рублей
Ново[креще]н [Ондрей] Лет

Да при государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Руси выехали на его государево имя Шкотцкие земли немцы Роман Орнъ с товарищи 4 человека. А государевым жалованьемъ поместными и денежными оклады поверстаны все поровну 450 чети денег по 25 рублей человеку.

Да смоленским выезжим ротмистру Бахмату...да Михаилу Желобовскому государева [жалованья] учинены поместные и денежные оклады

Михаилу 600 чети денег 40 рублей

Бахмату 500 чети денег 30 рублей

А иным шляхтам меньши, смотря по отечеству.

(Л. 3) А прежние иноземцы, которых ведали в Посолском при-
казе, верстаны:

По 40 рублей по 500 чети

Давыд Гилбертъ

[Роберт] Думбар

По 35 рублей

[Поручик Яков...]

Новокрещен Ондрей Лет

Да ныне внове верстаны Шкотцкие земли выезжие немцы Роман Орнъ с товарищи 4 человека поместными оклады по 450 чети, денежными [по] 25 рублей.

РГАДА. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию. Оп. 1. 1601. № 1. Л. 1—3. Подлинник. 193 x 135; 370 x 138; 296 x 140. Сохранившийся фрагмент выписи имеет утраты текста, документ реставрирован.

Публ.: Мулюкин А. С. Приезд иностранцев в Московское государство: Из истории русского права XVI и XVII веков. СПб., 1909. Приложения. С. 266—267.

КОММЕНТАРИИ

¹ В архивных описях книга называлась как «боярская книга», затем как «окладная книга Устюжской четверти». Ее последний публикатор, Л. М. Сухотин, по совокупности признаков (делопроизводственных и просопографических) совершенно справедливо определил ее как «кормлённую книгу Галицкой четверти» (*Сухотин*. Четвертки. С. III—VII). Он же дал полное ее описание. Впервые это учреждение именно как Галицкая четверть упоминается в начале 1606 г., ранее четь именовалась по дьякам: Семена Чередова в 1600—1601 гг., Андрея Акинфова в 1602 г., Андрея Алябьева в 1603—1605 гг. (*Павлов*. Приказы. С. 190, 198—200; *Богоявленский*. Судьи. С. 39). Есть соблазн точно датировать запись о выплате жалованья Маржерету по аналогии с соседними датированными записями. Но даже беглое сравнение показывает, что никакой системы здесь не было (на с. 2 публикации фигурирует 27 июля и 1 августа, на с. 3 — 25 июля, на с. 4 — 13 мая). Отметим только, что выплаты с указанием даты укладываются в промежуток времени между 8 декабря 1603 г. и 19 августа 1604 г. Дьяк Андрей Семенов сын Алябьев, сын заметного дьяка 3-й четверти XVI в., карьеру начинал в конце 1580-х гг. выборным дворянином по Дорогобужу со средним по размерам поместным окладом в 450 четей (был повышен к 1602—1603 гг. до 500 четей). Вскоре стал дьяком, его служба в Галицкой четверти (1603—1606 гг.) перемежалась участием в кампании против Лжедмитрия I (дьяк при артиллерии), в военных действиях против болотниковцев (1606—1607 гг.). С осени 1608 г. и по март 1612 г. — второй воевода в Нижнем Новгороде (*Станиславский*. Двор. С. 246, 257, 291 и др.; *Павлов*. Государев двор. С. 123, 147, 235; *Веселовский*. Дьяки. С. 20 (с неточностями); *Любомиров*. Очерки. С. 271 и др.). — В. Н.

² Стиль дат документа не очевиден: составлялся он русскими подьячими, но для начальствующих лиц гарнизона Речи Посполитой и с распиской полковника П. Борковского. Событийный контекст с большой долей вероятности указывает на юлианский календарь. Известно, что гетман Жолкевский выехал из Москвы к королю под Смоленск в конце октября 1610 г. по григорианскому счету. В тексте последняя дата выдач «при пане гетмане» — 11 октября, а уже выдачи 17 октября были «после пана гетмана». Показательно, что указания на дни выплат обрываются 3(13) марта, до восстания москвичей 19(29) марта и более не продолжаются. Дата 15(25) августа 1611 г., когда завершился расчет с теми наемниками, которые вскоре отправились из Москвы в Речь Посполитую, фигурирует только в начальной фразе выписи. — В. Н.

- ³ Пан гетман — Станислав Жолкевский (род. в 1547 г., ум. в 1620 г.), воевода киевский (с 1607), полный гетман Короны (с 1590), виднейший полководец Речи Посполитой конца XVI — начала XVII в., сподвижник коронного канцлера и великого коронного гетмана Яна Замойского. Позднее стал великим гетманом и канцлером Короны (в 1617 г.). Погиб в сражении под Цецорой с турецкой армией, его отсеченная голова была предъявлена султану в Стамбуле, а позже была выкуплена поляками за огромную сумму. Участник «московского похода» Сигизмунда III с самого начала. 23 мая (2 июня) 1610 г. выступил с наспех собранным экспедиционным корпусом из королевского лагеря под Смоленском к Москве, навстречу армии под командованием боярина кн. Д. И. Шуйского. Блокировав ее авангард под Царевым-Займищем, 24.06(4.07) под Клушиным нанес сокрушительное поражение русским войскам. Затем подписал соглашение с воеводами авангардных отрядов (на условиях, близких к февральскому договору 1610 г. Сигизмунда III с русскими представителями тушинской Думы и двора), без боя занял 2(12) июля Можайск, подошел к Москве 24 июля (3 августа), через неделю после сведения с престола царя Василия Шуйского. 17(27) августа подписал с правительством Семибоярщины договор об условиях избрания на московский трон королевича Владислава, оставшиеся спорные вопросы предполагалось решить на переговорах Сигизмунда III с «великим посольством» от сословий России. Жолкевский был сторонником личной (династической) унии России и Речи Посполитой с перспективой постепенного усиления польского культурно-политического и религиозного влияния. Он полагал стратегически верными компромиссные варианты с широким учетом интересов российского «политического класса» (знати, значительной части дворянства, верхушки купечества и горожан), включавших сохранение территориальной целостности, главных основ социального и государственного устройства России, позиций Православной церкви. В тактическом плане считал необходимым укрепление авторитета правительства Семибоярщины в стране, присягу населения Владиславу, быстрое разрешение спорных проблем на переговорах и реальный приезд королевича в Россию. Одну из гарантий успеха видел в присутствии гарнизона Речи Посполитой в Москве — в ночь на 21 сентября (1 октября) польско-литовские отряды вошли в столицу и в Кремль. Жолкевский широко использовал государственные средства и ценности России для выплаты жалованья своим войскам, а частью — тушинскому корпусу Я. П. Сапеги, дав своеобразный об-

разец использования русской казны в польско-литовских интересах. Сигизмунд III и его окружение придерживались иной политической и вероисповедной стратегии. В частности, король настаивал на принятии присяги ему и сыну, откладывал приезд Владислава на неопределенный срок, оставляя за собой все права на управление в России в этот период, считал необходимым свободное распространение католицизма и т. п. Еще во время пребывания Жолкевского в Москве Сигизмунд через своих представителей корректировал конкретные меры командования польско-литовского гарнизона для реализации своих планов. Жолкевский отбыл из Москвы ок. 15—16 (25—26) октября 1610 г., взяв с собой (в нарушение специальной договоренности с Думой) трех братьев кн. Шуйских, в т. ч. и царя Василия. В апреле 1611 г., после мартовского восстания в Москве, образования Первого земского ополчения в России и ареста Сигизмундом III «великих послов», Жолкевский уехал из королевского лагеря под Смоленском и полностью отстранился от участия в «московских делах» (из недавней литературы см.: *Polak W. O Kreml i Smoleńszczyźnie. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607—1612. Toruń, 1995; Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005*).

Петр Борковский участвовал в стычках с гарнизоном Смоленска и был ранен осенью 1609 г. Во время «московского похода» корпуса Жолкевского был в его составе, сыграл заметную роль в переходе иностранных наемников в армии кн. Д. И. Шуйского на сторону Речи Посполитой в ходе Клушинского сражения. По одной версии (Маскевич), его направили (как знающего языки) с Адамом Жолкевским (племянником гетмана) для переговоров с наемниками в русских войсках. По другой версии (Видекинд), А. Жолкевский вступил в тайные контакты с наемниками до битвы, в ходе же боя (ближе к его концу) в лагерь Делагарди отправились Борковский с французским капитаном (почти наверняка с Маржеретом). Затем Борковский стал командиром объединенного отряда «конных и пеших» «немцев-наемников» из собственно корпуса Жолкевского (которыми он, скорее всего, командовал и ранее), а также из рати Шуйского, численностью до 2500 человек (по данным автора «Записок о Московской войне» гетмана Жолкевского). После бегства из-под Москвы Лжедмитрия II, ухода корпуса Я. П. Сапеги на Северщину, ввода польско-литовских отрядов в Москву, гетман по финансовым соображениям значительно сократил численность наемников в составе гарнизона Речи Посполитой в Москве. Он оставил только 800 пеших воинов во главе с П. Борковским. На этом

- посту он известен с сентября 1610 г. по начало октября 1611 г. В конце сентября — начале октября 1611 г. в составе делегации послов от гарнизона вел переговоры с представителями отряда Я. П. Сапеги (сам Сапега умер под Москвой 4(14) сентября 1611 г.), а затем в составе посольства от войск гарнизона уехал из Москвы для переговоров с Сигизмундом III (Сказания. Ч. II. С. 41, 46—47, 67, 77, 80; РИБ. Т. I. С. 472—473, 673; Записки. С. 92—93; Буссов. С. 185; Видекинд. С. 125). «Яков капитайн» или «Яков Ульянов капитайн» — еще одно именование Ж. Маржерета в русских текстах. — В. Н.
- ⁴ Казенный двор — Казенный приказ (приказ Казенного двора, Казна — см. о нем коммент. 144 в первом разделе наст. издания). Новгородская четверть (четь) под таким названием известна не позднее 1599 г., ранее называлась по имени дьяков, ею руководивших. Среди учреждений данного типа (судебно-административное управление и финансовые поступления с тяглого населения городов и уездов определенных территорий) была ведущим приказом по территориальному охвату и объему средств. В связи с чем возглавлялась, как правило, окольниковым и авторитетным дьяком. В 1601 г. из нее выделилась Нижегородская четверть. Денежный двор — одно из важнейших финансовых учреждений государства, занимался чеканкой монет и хранением денег (Павлов. Приказы. С. 191—193). — В. Н.
- ⁵ Указание официального текста на «Купецкий двор» как учреждение, встроенное в систему финансовых (и судебно-административных?) приказов, едва ли не уникально. Из последующего текста видно, что здесь аккумулировались ценности, связанные прежде всего с торговлей мехами, что располагался он, скорее всего, в Китай-городе. — В. Н.
- ⁶ Имеются в виду дворы кн. Д. И. и И. И. Шуйских, младших братьев царя Василия Шуйского. — В. Н.
- ⁷ Публикуемые документы (№ 2—4), наряду с отрывками дел Поместного приказа (они вскоре после 1613 г. были переданы в Посольский приказ и уцелели с частью его архива в печально знаменитый пожар 1626 г.), — уникальные остатки делопроизводства правительства московских бояр, командования гарнизона Речи Посполитой, правивших от имени «царя» Владислава. Особенность публикуемых текстов в том, что перед нами документы внутреннего использования и одновременно итоговые. Все попытки обнаружить подлинники в фонде Оружейной палаты (РГАДА), прежде всего, а также в собрании П. М. Строева (в архиве СПб ИИ РАН), в ряде собраний отдела рукописей РНБ результата не дали (впрочем, некоторые рукописи и документы, прошедшие через Строева, имели затем весьма причудливую историю). Отсюда одно полутехническое

замечание: расхождения между итогами и составляющими их суммами могут быть следствием невнимательности приказных начала XVII в. и публикаторов середины XIX в. Кроме того, вряд ли верно полагаться на точность замечаний публикаторов, особенно учитывая неполноту их издания. Несмотря на эти оговорки, печатаемые тексты дают ценнейшую информацию и о деятельности, и о составе московских учреждений в 1610—1612 гг., и о фактах служебной биографии более чем тридцати лиц, включая Маржерета. В документах № 2—3 четко прослеживаются четыре хронологические грани: отъезд из Москвы С. Жолкевского, восстание москвичей 19(29)—20(30) марта 1611 г. (оно именуется здесь «московской разрухой» и не датировано, так как было у всех на памяти), отъезд в начале октября 1611 г. П. Борковского (и, почти наверняка, части наемников), отъезд в середине июня 1612 г. коменданта гарнизона А. Корвин Госевского (в XVII в. в русских документах и в отечественной историографии XIX—XX вв. он именуется, как правило, Гонсевским).

Дьяк Семен (Семейка) Ефимьев (Еуфимьев) был дьяком приказа Большого дворца в 1604—1605 гг., летом 1606 г. был дьяком в Смоленске, в январе 1608 г. получил назначение «с розрядом» в войско кн. Д. И. Шуйского, направленное против отрядов Лжедмитрия II. С этим фактом (несмотря на полную неудачу этого похода) предположительно следует связывать появление Ефимьева в приказе Казанского дворца (который кн. Дмитрий возглавил вскоре после избрания брата царем в июне 1606 г.) не позднее лета 1609 г., а возможно, и ранее. Свержение царя Василия Шуйского и арест его братьев 17(27) июля 1610 г. на службе Ефимьева как будто не сказался: он оставался в этом приказе дьяком и летом 1610 г., и еще в начале марта 1611 г. Позднее его службы и назначения неизвестны. Отвоз денег в лагерь («обоз») Жолкевского 23 сентября (3 октября) 1610 г. следует полагать разовым поручением, а не свидетельством перехода в другое ведомство. Показательно, что Жолкевский даже после ввода польско-литовских отрядов в Москву в ночь на 21 сентября (1 октября) 1610 г. не сразу сменил свое местопребывание под Москвой на двор Б. Годунова в Кремле (*Богоявленский*. Судьи. С. 60; *Сухотин*. Пожалования. С. 23—24; *Веселовский*. Дьяки. С. 179; *Павлов*. Приказы. С. 189; *Тюменцев*. Смута. С. 114—116, 147—150). — В. Н.

⁸ Лундыш — высококачественное сукно тонкой выделки, разных цветов, английского производства, как правило, высокого ценового диапазона (за вычетом остатков). — В. Н.

- ⁹ Настрафиль — фландрское сукно разных цветов среднего ценового диапазона. — В. Н.
- ¹⁰ Евдоким Витовтов — из известной дьяческой семьи. Его отец, Яков Андреев сын Витовтов, дьяк в Поместном приказе в 1578—1593 гг., его дядя, Тимофей Андреев сын, в 1599—1600 гг. дьяк в Тобольске, с 1601 г. и до воцарения Лжедмитрия I первый (не думный) дьяк в Разряде, вновь (?) получает это место при Василии Шуйском (июнь 1606—1607 гг.), не позднее 1609 г. дьяк в Свияжске (что было явной опалой); затем дьяк в Первом и Втором земском ополчениях. Сведения о Евдокиме начинаются с 7112 г.: он упомянут в кормленной книге Галицкой чети, росписи русского войска 1604 г., где он числится жильцом с поместным окладом в 400 ч. и выставляет вместе с тремя братьями четырех конных воинских людей. Далее службы его неизвестны до 1609 г., когда, по данным И. О. Тюменцева, он стал дьяком в Тушинском лагере (впрочем, его конкретное назначение остается неясным). Входил в состав русских тушинцев, отправившихся под Смоленск в королевский лагерь ранее других (в конце января 1610 г.) и заключивших с Сигизмундом III февральский договор о признании русским царем его сына Владислава. Получил в числе этих лиц жалованную грамоту короля на свои владения в России от 30(20) марта 1610 г. (позднее ему были даны и иные пожалования). Неизвестно, участвовал ли Евдоким Витовтов в кампании Жолкевского в группе лиц при И. М. Салтыкове, но в любом случае не позднее сентября 1610 г. королевским листом он был назначен думным дьяком в Новгородский разряд (он выделился из Московского, или Большого, Разряда не позднее 1603 г.). Именно в этом качестве он фигурирует в данном месте: вопреки мнению Н. П. Лихачева, он не служит в Новгородской чети, а получает из нее суммы для распределения среди наемников через их командиров (в соответствии с представленными документами и фиксируя факт передачи денег). Большой разряд продолжал возглавлять думный дьяк В. О. Янов, и именно он назван первым в перечне думных дьяков из четырех лиц, подписавших в феврале 1611 г. среди других членов Думы грамоты в адрес «сидельцев» в Смоленске и на имя «великих послов». Е. Витовтов, в соответствии с должностным и служебным старшинством, идет в этом списке четвертым. В последующих его упоминаниях в док. № 2 он выступает в той же роли получателя и распределителя средств и ценностей, включая конфискованное имущество братьев Шуйских. В док. № 3 Е. Витовтов включен в состав комиссии из представителей разных ведомств, наводившей порядок в учете ценностей и денег после вос-

стания москвичей 19(29)—20(30) марта 1611 г. После отъезда В. О. Янова в составе посольства боярина М. Г. Салтыкова к королю в начале октября 1611 г. Е. Витовтов, скорее всего, возглавил Разряд (московский), не имевший тогда какого-либо реального административного значения. Видимо, в июне 1612 г. при последней смене гарнизона ушел из Москвы с Госевским. Автор Нового летописца относит его к числу «изменников» и сообщает о его «злой смерти» в Литве (по другим источникам, он был жив там еще в 1620/21 г.). Его старший брат, Григорий, начинавший карьеру еще в 1599 г. (в Пскове), в 1611—1612 гг. был дьяком Владимирской чети в Первом, Втором ополчениях и объединенном ополчении, а также при Михаиле Романове по апрель 1614 г. (АИ. Т. II. С. 379, 383; *Лихачев*. Дьяки. С. 538—546, 558—559; АЗР. Т. IV. С. 324, 342, 389; РИО. Т. 137. С. 14; Т. 142. С. 225, 231; ПСРЛ. Т. 14. С. 84, 101; *Сухотин*. Четвертчики. С. 20; *Платонов*. Очерки. С. 273—276, 303—305; *Любомиров*. Очерк. С. 276; *Веселовский*. Дьяки. С. 94—95; *Станиславский*. Двор. С. 373, 387; *Тюменцев*. Смута. С. 554). — В. Н.

- ¹¹ Василий Юрьев — подьячий Разрядного приказа в июле 1607 г. (составители публикации «Народное движение» вряд ли верно «назначили» его в приказ Казанского дворца вслед за С. Б. Веселовским), не позднее мая 1608 г. бежал в Тушино, где получил дьячество, оставался там и в 1609 г., вошел в «январский» призыв 1610 г. тушинцев на службу Сигизмунду III и получил, как и другие, 30(20) марта того же года пожалование на все свои владения. В сентябрьском перечне должностных назначений (датировка Л. М. Сухотина) он написан в Разряд. Судя по его совместной работе с Е. Витовтовым (по крайней мере в сентябре—октябре 1610 г.), В. Юрьев был вторым дьяком в Новгородском разряде. Он записан в боярском списке 1610/11 г. в разделе «Дьяки по приказам» с двумя пометами: «умре», «написан при Литве». Для понимания особенностей составления этого документа учтем следующее: кроме В. Юрьева помета «написан при Литве» сопровождает еще семь фамилий. В перечне думных дьяков нет ни одного тушинского думного дьяка, получившего назначения от Сигизмунда III (за исключением записанного отдельно печатника и думного дьяка И. Т. Грамотина). Наконец, никакими известиями о В. Юрьеве ни в 1611 г., ни позднее мы не располагаем (*Сторожев*. Материалы. С. 77, 85—86; *Платонов*. Очерки. С. 273; *Веселовский*. Дьяки. С. 592; *Народное движение*. С. 110, 468). — В. Н.

- ¹² Князь Иван Иванович Шуйский — младший из пяти братьев Шуйских. Служебную карьеру начал стольником в особом дворе Ивана IV в конце

1570-х гг., принимал участие в дворцовой борьбе 1585—1587 гг. и был сослан с братьями (кроме Андрея) в Галич. Прощен ок. 1590—1591 г., в составе государева двора стал московским дворянином, не позднее апреля 1598 г. ему было сказано боярство. В 1600 г. по доносу своих холопов вновь попал в опалу (без конфискации имущества, но с лишением боярского чина). Был прощен, видимо, еще до вступления в Москву Лжедмитрия I в июне 1605 г., а вскоре вместе с двумя старшими братьями вновь обвинен в злоумышлении на нового царя («Димитрия Ивановича») и измене ему. Сослан, прощен и возвращен с братьями в столицу к концу 1605 г. Участвовал в успешном заговоре В. И. Шуйского в мае 1606 г. После убийства Лжедмитрия I и вступления на престол старшего брата Василия возглавил Стрелецкий приказ. Активно участвовал в действиях против болотниковцев в 1606—1607 гг. и войск Лжедмитрия II в 1608—1609 гг., но военная удача посещала его совсем нечасто. В царских походах (на Тулу в 1607 г., против тушинского вора в 1608 г.) занимал пост первого дворового воеводы в царском полку. Арестован при низведении с царского престола Василия Шуйского с конфискацией недвижимости и практически всего имущества (П. Борковский в грамоте в королевский лагерь писал, что «Шуйских так обобрали, что они едва остались в платьях, которые на себе имели»). Увезен с братьями в Речь Посполитую гетманом Жолкевским (в нарушение специального соглашения с Думой, запрещавшего их вывоз за границы России), он единственный из трех братьев выжил в плену и вернулся в Россию в 1619 г. после заключения Деулинского перемирия, но заметной роли в политике не играл. Умер в феврале 1638 г. В док. № 2, 3 речь, в том числе, идет о конфискованных деньгах и ценностях Шуйских в связи с раздачей жалованья наемникам. О кн. боярине Д. И. Шуйском см. коммент. 192 в первом разделе наст. издания. — *В. Н.*

¹³ Гривенка — мера массы (веса) в XII—XVII вв., равнялась 96 золотникам или 405,51 г (т. е. равнялась фунту). Золотник равнялся 96 долям или 4,2666 г. — *В. Н.*

¹⁴ Стамбрэд — дешевые сорта шерстяной косонитной ткани. — *В. Н.*

¹⁵ Багрец — очень дорогое, тонкой выделки сукно, ценившееся также за окрас: багрецом называли самый яркий и густой красный цвет с просиною (без огненного отлива). — *В. Н.*

¹⁶ «Слуги княжате Збораскому» — имеются в виду слуги кн. Христофора Збаражского, одного из видных военачальников в армии Сигизмунда III под Смоленском. Перевод стоимости вещей (взятых на Казенном дворе слугами князя для своего господина) П. Борковским на себя говорит

о его близких отношениях с этим магнатом. Эпизод частный, но характерный: московским добром попользовались не только участники похода Жолкевского, но и те, кто оставался под Смоленском, имея неформальные связи с польско-литовскими командирами в Москве (слуги побывали в столице, видимо, где-то в конце февраля — начале марта 1611 г.).

Эту запись с упоминанием дьяка Ивана Чичерина трудно точно датировать. Скорее всего, она относится ко времени до мартовского восстания москвичей. Почему Иван Чичерин и Евдоким Витовтов именуется здесь просто дьяками, а не думными — объяснить не умеем. Тем более, что в близких по времени официальных грамотах января-февраля 1611 г. они не только так называются, но и подписываются этим думным чином. Так, грамоту в Кострому от 25 января (4 февраля) о пребывании в верности «царю Владиславу» от московской Думы, сословных чинов двора скрепил по склейкам «думной дьяк» Иван Чичерин. Он же стоит на третьем месте, перед Е. Витовтовым, в перечне из четырех думных дьяков в февральских грамотах из Москвы в Смоленск и «великим послам» (см. коммент. 10 данного второго раздела наст. издания). Вообще в биографии И. Чичерина больше, пожалуй, вопросов, чем ясных фактов. Точно известно, к примеру, отчество Чичерина — Иванович (в 1609 г.). На этом основании в Иване Плакидине сыне Чичерина, упоминаемом в учетных документах двора 1602/03—1606/07 гг. (выборный дворянин по Козельску, с начальным поместным окладом в 300 четей и в 450 четей по боярскому списку 1606/07 г.), исследователи видят отца дьяка. Но почему не отождествить это лицо с самим дьяком: как только из источников исчезает И. П. Чичерин, появляется дьяк И. И. Чичерин, исконное ядро владений которого было в Козельске. Помета «в Астрахань» в списке 1606/07 г. однозначно ничего не доказывает — совсем не факт, что назначение в армию Ф. И. Шереметева было выполнено. Карьера протяженностью в 36 лет (последнее упоминание дворянина И. И. Чичерина относится к 1639 г.) вряд ли может быть признана уникальной. Не позднее марта 1609 г. Чичерин — думный дьяк Поместного приказа в Тушине, весьма «успешно» решавший собственные владельческие проблемы. К моменту подтверждения ему Сигизмундом III 30(20) марта 1611 г. земель, полученных в Тушине, он числил за собой 11 вотчин в семи уездах (включая 7 вотчин в его родном Козельске и двух соседних уездах) и 6 поместных имений (в том числе один торжок) в трех уездах. Был в первом «призыве» тушинцев, поспешивших на королевскую службу в конце января 1610 г.

Сопровождал С. Жолкевского в московском походе: скрепил 10 августа 1610 г. (стиль даты неясен) ввозную грамоту братьям Щербачевым, выданную гетманом от имени царя Владислава (еще до подписания договора с правительством Семибоярщины и до принесения присяги Владиславу). До назначения в Поместный приказ думным дьяком И. Т. Грамотина 19(29) ноября 1610 г. Чичерин, скорее всего, руководил этим ведомством. С Грамотиным у Чичерина были явно дружеские отношения. Первый в письме литовскому канцлеру Л. Сапеге просит за «своего приятеля Ивана Ивановича Чичерина» и отправляет с ним канцлеру подарок, «кожух горностаинный» (поездка Чичерина под Смоленск состоялась во второй половине декабря 1610 г., не позднее середины января 1611 г. он вернулся в столицу). Но еще выразительнее те нарушения законной процедуры оформления в документах на право владения именьями Чичерину, которые были сознательно допущены в ведомстве Грамотина осенью 1611 г. (они разобраны Л. М. Сухотиным). В каком приказе или приказах действовал Чичерин с января 1611 г. и до капитуляции польско-литовского гарнизона в Москве — остается неясным. Но он сохранял свой чин (думный дьяк) и был значимым лицом в приказной среде. Мнение о его принадлежности к Казне (на основе публикуемых документов) полагаем неточным. Вместе с Е. Витовтовым они выдают, фиксируя факты выплат, аккумулированные в Казне и других ведомствах вещи и ценности, продают (док. № 3) «казенные остатки», но это разовая акция. Вряд ли правильно в двух боярах, московском дворянине, двух думных и двух просто дьяках (см. док. 3 наст. раздела) видеть руководство Казны даже в чрезвычайных условиях после подавления восстания москвичей 19(29)—20(30) марта 1611 г. Чичерина в 1613 г. привлекли к следствию по делу о разорении и розыске государственной казны (наряду с Ф. Андроновым, И. Безобразовым, С. Соловецким, Б. Замочниковым) и даже приводили к пытке (интересно, что двум Чичериным в июне 1613 г. предлагалось добровольно сдать в Казну взятые ими ценности, за которые они не заплатили). Но это не прервало в принципе его карьеры. Правда, с думным дьячеством он расстался, став московским дворянином. В 1613 г. он посол в Персию, подписывает Утвержденную грамоту об избрании царем Михаила Романова, позднее воеводствует в разных городах, вновь выполняет дипломатические поручения, пять лет (с марта 1634 г. по 1639 г.) возглавляет приказ Печатных книг (АИ. Т. 11. С. 150—153, 365, 372, 379, 383; АЗР. Т. IV. С. 388, 402—403; РИО. Т. 142. С. 289—292; *Сухотин*. Пожалования. С. VIII, XII—XXII, 78—81, 88—89;

- Голицын. Указатель. С. 286; Веселовский. Акты. С. 136—137; Он же. Дьяки. С. 569; Тюменцев. Смута. С. 248, 548; Станиславский. Двор. С. 280, 377; Народное движение. С. 151; Богоявленский. Судьи. С. 117—118). — В. Н.
- ¹⁷ Марк Поздеев — «молодой» подьячий Посольского приказа в 1594 г., после 1598 г. переведен в другое учреждение, возможно, Разряд, с 1606/07 г. дьяк (в частности, дьяк в походе правительственных войск под Калугу в декабре 1606 г.). Позднее известие о его службе в марте 1610 г. в Посольском приказе (как показал Д. В. Лисейцев) ошибочно. Скрепил боярский список 1610—1611 г. В публикуемом документе он в 1610—1611 гг. дьяк на Купецком дворе (и соответственно связан с Казенным приказом), который «в розруху и съ книгами изгибъ». После мартовского восстания москвичей он «нашелся» в Первом ополчении: был одним из трех дьяков, скрепивших по клейкам Приговор сословных чинов ополчения, выполнял в нем функции разрядного дьяка, с сентября 1611 г. — дьяк на Костроме. После освобождения Москвы участвовал в Земском соборе и подписал Утвержденную грамоту об избрании царем Михаила Романова, в 1613—1621 гг. был дьяком Разрядного приказа, ездил в составе посольства в Англию в 1617—1618 гг. Позднее был городовым дьяком в Астрахани (1623—1624 гг., после чего попал в опалу), служил дьяком в Московском судном и Разбойном приказах, выполнял разнообразные правительственные поручения. Его служебная карьера продолжалась не менее 50 лет (*Сторожев*. Материалы. С. 85; *Богоявленский*. Судьи. С. 140, 145, 183; *Веселовский*. Дьяки. С. 418; *Лисейцев*. Посольский приказ. С. 132, 138, 339, 341, 346). — В. Н.
- ¹⁸ Документ удостоверяет тесные служебные отношения Маржерета и Гамолта (Гамильтона?), первенство по службе первого (иначе он не был бы назван первым; к тому же это единственное упоминание Гамолта в документе, в отличие от Маржерета) при принципиальной близости их статуса (иначе Гамолт вряд ли бы назывался специально). Сказанное объясняет, почему собравшиеся зимой 1612 г. в Гамбурге наемники написали письмо Гамолту, желая от него получить информацию о положении дел в Москве и в России (см. № 10.4 в данном разделе). — В. Н.
- ¹⁹ Мартин Казановский — полковник в корпусе С. Жолкевского, участник боя под Царевым-Займищем, участвовал в сражении под Клушиным. После ввода польско-литовских отрядов в Москву в ночь на 21 сентября (1 октября) 1610 г. его полк был расквартирован в Белом городе. Активно участвовал со своими силами в подавлении восстания 19(29)—20(30) марта 1611 г. В конце августа 1611 г. вместе с П. Борковским возглавлял

«послов» от гарнизона Речи Посполитой в Москве на переговорах с корпусом Я.-П. Сапеги. С Борковским же возглавил делегацию «послов» от гарнизона к Сигизмунду III, выехавшую из Москвы в начале октября 1611 г. Характерно, что после московского восстания стоимость «рухледи», взятой командирами наемников, определяется всего лишь их «сказкой», т. е. устной справкой без документального подтверждения и показаний свидетелей. «Коллективная» покупка шубы, упомянутая в документе, предполагала, скорее всего, ее продажу (конечно, не в Москве) и дележ выручки (Сказания. Ч. II. С. 34, 39, 46, 66, 81; РИБ. Т. I. С. 211, 683—684; Записки. С. 45, 57, 90, 122). — В. Н.

²⁰ Общий итог документа не совпадает ни со всей совокупностью слагаемых этой суммы, ни с промежуточными итогами — «при пане гетмане» и «после пана гетмана». О причинах см. выше, коммент 7. наст. раздела. — В. Н.

²¹ Как и в случае с док. № 2, стиль даты уточнен по внутренним хронологическим показаниям текста: 18 марта может быть точкой отсчета только при датировке восстания в Москве 19 марта. Иными словами, в выписи использован, почти наверняка, юлианский календарный стиль. — В. Н.

²² Реализацией «государевы продажные рухледи» с Купецкого двора занимались представители авторитетных фамилий московских гостей, купцов, занимавшихся крупной (внешней и внутренней) торговлей. Названные фамилии хорошо известны: в Земском соборе 1598 г. участвовали гость Григорий Иванов сын Твердиков (из док. № 3), а также двое гостей Булгаковых, один гость из Юдиных и один представитель Котовых. 21 сентября (1 октября) 1610 г. бывший тушинский дьяк Степан Соловецкий (еще ранее «торговый мужик») получил от короля лист на свои тушинские владения, куда он включил «двор на Москве Андрюшки, Родивонка и Федотка Котовых». Вряд ли он реализовал это распоряжение: в сентябре 1611 г. он получил ввозную грамоту на две волости в Галичском уезде (двор Котовых уже не упоминался). В делах по сношениям с Голландией и Англией, отчасти Империей эти фамилии московских гостей были нередки. Такая «служба» гостей (торговля для царской казны или от ее имени) была привычной (ААЭ. Т. II. С. 45; РИО. Т. 38. СПб., 1883, по указателю; Т. 116. СПб., 1902, по указателю; Сухотин. Пожалования. С. 77). — В. Н.

²³ Велик день (Пасха) пришелся в 1611 г. на 24 марта по юлианскому стилю. Восстание началось 19(29) марта, во вторник, на второй день Страстной недели. — В. Н.

- ²⁴ Ефим Григорьев сын Телепнев — дьяк в Великом Новгороде в 1604/05 г. по январь 1610 г., в Москве с весны 1610 г., одновременно с ее освобождением войсками во главе с кн. М. В. Скопиным-Шуйским от тушинской блокады. Согласно док. № 3, возглавлял Денежный двор в первой половине 1611 г., но не в статусе дьяка, а, скорее всего, московского дворянина. Показательно, что в боярском списке 1610—1611 г. имя Е. Телепнева зачеркнуто в одном перечне, а в другом его нет вообще. На Денежном дворе Телепнев оставался на протяжении и 1611 г., и 1612 г., и позднее до 1626 г. При правительстве Объединенного ополчения («Совета всей земли») стал печатником (не позднее февраля 1613 г., в этой должности он пробыл вряд ли более года), руководил несколько месяцев Казной. Позднее возглавлял приказ Печатных книг и в качестве думного посольского дьяка Посольский приказ и Золотую палату. Его государственная карьера кончилась в 1630 г. Подписал Утвержденную грамоту об избрании царем Михаила Романова (*Сторожев. Материалы. С. 84; Белокуров. Грамота. С. 81; Богоявленский. Судьи. С. 43, 52, 69, 113—114, 117, 128; Веселовский. Дьяки. С. 509—510; Народное движение. С. 170—171, 188—195, 205—210*). — В. Н.
- ²⁵ Савва Романчуков — «средний» подьячий Посольского приказа не позднее 1594 г. и по 1604 г., не позднее 1606 г. (при царе Василии Шуйском) «старый» посольский подьячий (второй по служебному старшинству после П. А. Третьякова) и до 1610 г. В боярском списке 1610/1611 г. записан предпоследним в разделе «Дьяки по приказом» с пометой «написан при Литве». Это исключает получение им дьяческого чина в 1609 — начале 1610 г., как предполагают некоторые исследователи. Согласно публикуемому документу, Романчуков был дьяком Денежного двора (судя по контексту известий) и во второй половине 1611 г. Нет никаких известий о его службах в Первом ополчении, но не позднее весны 1612 г. он покидает Москву и оказывается вскоре во Втором ополчении, выполняя при «Совете всей земли» функции посольского дьяка (см. док. 10.3 в данном разделе), а также «четвертного» (т. е. приказа-четверти) дьяка (вместе с дьяком Андреем Ивановым). После капитуляции гарнизона Речи Посполитой в Москве он контролировал рассылку пленных лиц в Соль Галичскую в качестве второго дьяка Посольского приказа при думном дьяке П. А. Третьякове. Подписал Утвержденную грамоту об избрании царем Михаила Романова. Второй дьяк Посольского приказа в 1613—1618 гг. при думном дьяке П. Третьякове, в апреле 1618 — середине июня 1619 г. Романчуков фактически руководит приказом (во

время длительной болезни Третьякова). Ок. 21 июня (1 июля) 1619 г. приказ возглавил думный дьяк И. Т. Грамотин, при нем Романчуков остается вторым дьяком до своей смерти в середине 1624 г. (*Сторожев. Материалы. С. 86; Белокуров. Грамота. С. 81—82; Веселовский. Акты. С. 170—171; Любомиров. Очерки. С. 292; Лисейцев. Посольский приказ. С. 120—123*). — В. Н.

- ²⁶ Корвин Госевский Александр (род. в 1575 г., ум. в 1639 г.) — староста Велижский. Член комиссии по размежеванию русско-литовской границы весной 1602 г., в августе—сентябре 1605 г. ездил в Москву к Лжедмитрию I личным послом от Сигизмунда III, в мае 1606 г. — второй посол в посольстве Речи Посполитой в Москве на торжествах по случаю свадьбы «царя Димитрия Ивановича» и Марины Мнишек, вел с Самозванцем тайные переговоры. После переворота 17(27) мая под арестом в резиденции посольства вместе со всеми его участниками. После возобновления переговоров с царем Василием Шуйским в январе 1608 г. (совместно с новыми посланниками из Речи Посполитой) и подписания соглашения в июле того же года вернулся на родину. Активный сторонник агрессивного курса в отношении России, участвовал в военных действиях против нее с осени 1609 г., в качестве представителя Сигизмунда III и с инструкцией от него прибыл в лагерь Жолкевского под Москвой через несколько дней после подписания гетманом и правительством Семибоярщины договора 17(27) августа 1610 г. об условиях избрания королевича Владислава на русский трон (требования короля в ряде пунктов противоречили подписанному соглашению). Активно участвовал в расквартировании и вводе войск Речи Посполитой в Москву, командующий гарнизоном после отъезда Жолкевского ок. 15(25)—16(26) октября 1610 г. Вместе с русским тушинцами (перешедшими на сторону Сигизмунда III еще в январе 1610 г.), оказавшимися в Москве с Жолкевским или присланными в августе-ноябре из-под Смоленска королем, оказывал решающее влияние на правительственную деятельность московской Думы, а после восстания 19(29)—20(30) марта 1611 г. стал фактическим правителем в столице (на остальную территорию страны, за небольшими исключениями, власть «царя Владислава» не распространялась). Во второй половине июня 1612 г. отбыл из Москвы при смене частей гарнизона. Активное участие в «русских делах» обеспечило Госевскому карьеру и вхождение в среду литовской магнатории. С 1610 по 1625 г. он референдарий Великого княжества Литовского, великий писарь в 1615—1625 гг.,

воевода Смоленский с 1625 г., в 1617—1618 гг. участвовал в «московском походе» королевича Владислава, других войнах Речи Посполитой.

В данном месте выписи речь идет об оплате в августе—сентябре 1611 г. предполагаемых расходов послов от польско-литовского гарнизона к Сигизмунду III и «немецких» наемников (возвращавшихся из России) за счет российской казны. Иными словами, она рассматривалась в определенном смысле как одна из статей личных доходов короля, который (через Госевского как своего представителя) возмещал соответствующие затраты. Это не предусматривалось августовским договором 1610 г. — *В. Н.*

²⁷ Здесь речь идет о фактическом расхищении имущества царской казны по устным распоряжениям Госевского или по «карткам» его руки. Он не обидел себя (дорогие ткани и другие вещи потянули почти на 700 руб. — жалованье за два-три года «среднего» боярина московской Думы), не забыл командиров наемников — П. Борковского, Якова Ульянова, т. е. Маржерета, Гамолта (см. выше коммент. 18 в наст. разделе), Д. Халберха (прибыл на службу в Россию с Маржеретом еще летом 1600 г. — см. документ № 18 в данном (втором) разделе), не обошел вниманием своего соперника в борьбе за подчинение России Н. Струся («старосты Хмелетцкого»). Атлас золотной — плотная шелковая ткань с золотыми нитями в утке; камка — шелковая китайская ткань с разводами. — *В. Н.*

²⁸ Шереметев Федор Иванович — московский дворянин в боярском списке 1598—1599 г., в 1604 г. со своих многочисленных владений выставил в армию 60 конных «даточных людей». В кампанию 1604—1605 гг. командовал отдельным корпусом, осаждавшим сторонников Самозванца в Кромах. После перехода правительственной армии на сторону Лжедмитрия I по распоряжению последнего был первым воеводой в Передовом полку. Получил в 1605 г. от «царя Дмитрия» боярство, минуя чин окольничего. Участник боярского заговора против него. После воцарения Василия Шуйского был направлен с войсками для подавления восстаний в Нижнем Поволжье и в Астрахани. В конце 1609 г. его рать, освободив от тушинцев Среднее Поволжье, земли в бассейне Оки и Клязьмы, соединилась с войсками кн. М. В. Скопина-Шуйского в Александровой слободе. Вошел в июле 1610 г. в состав делегации сословных чинов Собора, убедившей царя Василия Шуйского отказаться от престола. Один из наиболее активных членов Семибоярщины, как официальное лицо участвовал в переговорах с Жолкевским и в подписании 17(27) августа 1610 г. договора об условиях признания королевича Владислава русским царем. В данном тексте выступает в качестве главы межведомственной комиссии по наведению порядка

после мартовского восстания 1611 г. и разного рода экстраординарных выплат после него, а также как глава (первый судья) приказа Казенного двора. Возглавлял ли он это ведомство ранее, до марта 1611 г., остается неясным. Позднее Ф. И. Шереметев участвовал в заключительных заседаниях Собора 1613 г., в конце февраля—марте возглавил делегацию участников собора в Кострому, к избранному царем Михаилу Романову и его матери. В 1638—1645 гг. был фактическим главой правительства, умер 17(27).02.1650 г. — В. Н.

- ²⁹ Ромодановский Григорий Петрович, из рода Стародубских Рюриковичей, к 1611 г. имел за плечами почти 30-летнюю службу. Не позднее 1587 г. стал получать воеводские назначения в пограничные города (почти исключительно южные) и соответственно должности полкового воеводы при сходах в Украинном, а с 1591 г. и в Береговом разрядах. В царских походах 1589—1590 гг. и 1598 г. служил головой-есаулом в царском полку. Его придворные службы в Москве были нечастыми и пришлось уже на начало XVII в.: в августе 1601 г. он первым встречал шведского королевича Густава, в сентябре—октябре 1602 г. был первым приставом при датском принце Иоганне. В ноябре 1602 г. проиграл местнический иск к окольному П. Ф. Басманову, в 1602—1604 гг. был воеводой в Иван-городе. Остается загадкой, по каким мотивам он был пожалован в окольное Лжедмитрием I еще в 1605 г. Принимал участие в дворцовых приемах и свадебных торжествах Самозванца в апреле—мае 1606 г. Его позиция в майском перевороте 1606 г. неизвестна, но свой чин при царе Василии Шуйском он сохранил. Участвовал в военных действиях против болотниковцев в 1606—1607 гг., воевал летом 1608 г. против войск Лжедмитрия II, в проигранном бое под с. Рахманцевым был ранен, в тушинскую блокаду Москвы находился в столице. Где-то в конце зимы 1610 г. получил назначение воеводой в Каширу. Но снова загадка: каким образом он сумел получить значительные пожалования от Сигизмунда III? Ведь Ромодановский никогда не был в Тушине, он не входил в первую группу русских знатных лиц и приказных, отправившихся к королю тогда, когда сам Григорий Петрович получал последнее назначение от Василия Шуйского. Быть может, у него еще осенью 1602 г. установились неформальные отношения с Иваном Грамотиным, бывшим тогда дьяком в группе приставов при датском принце? И ставшим уже летом 1610 г. влиятельным лицом по русским делам в окружении короля и литовского канцлера Льва Сапеги. В любом случае, Ромодановский где-то осенью 1610 г. получает боярство (в боярском списке 1610—1611 г.

он написан среди бояр последним с пометой «пущен при Литве»), поместный оклад в 2000 четей, ввозные грамоты на конкретные имения, а в августе 1612 г. «лист» на вотчины. Он лояльно подписал февральские грамоты московских бояр 1611 г. в осажденный королем Смоленск и «великим послам» в королевский лагерь под Смоленском. В литературе дружно говорят на основании док. № 3 о службе Ромодановского на Казенном дворе. Это не очевидно. Чрезвычайные обстоятельства и незнание Госевским московских традиций управления могли, видимо, породить экстраординарное перенасыщение Казенного двора судьями — два боярина, дворянин из числа «московских дворян», два думных и еще два простых дьяка. Но едва ли не предпочтительнее видеть в этой совокупности персон своеобразную межведомственную комиссию (см. выше, коммент. 5 наст. раздела). При такой интерпретации Чичерин мог представлять Поместный приказ (в нем заправлял печатник И. Т. Грамотин, но до него какое-то время действовал Чичерин, а главное, такая особенность, как наличие двух думных дьяков в Поместном приказе, восходила к тушинским порядкам), Витовтов — Разряд, Тюхин — приказ Большого дворца. Соответственно, Ромодановский мог возглавлять в то время какой-либо приказ по преимуществу с финансовыми функциями.

Ромодановский пробыл в Москве с польско-литовским гарнизоном до конца. Все его «достижения» не были признаны при новом царе: ни боярство (он заново получил его 25 декабря 1615 г. (4 января 1616 г.) и именно в этом чине подписал Утвержденную грамоту), ни земельные пожалования. Умер 18(28) января 1628 г. (*Сторожев*. Материалы. С. 75; *Белокуров*. Грамота. С. 15, 78; *Он же*. Записи. С. 9, 12, 13, 15, 18, 49—50, 77, 78; *Барсуков*. Выписка. С. 3; РИО. Т. 137. С. 14, 16 (№ 65, 96); Т. 142. С. 225, 231; *Сухотин*. Пожалования. С. XXVI, XXX—XXXI, 53—54; *Любомиров*. Очерк. С. 197, 292; РК 1475—1598. С. 329, 280—381, 392, 410, 416, 439, 448, 522, 533 и др.; РК 1475—1605. Т. IV. Ч. 1. С. 119, 120, 123, 128; Ч. 2. С. 15—16, 71; Народное движение. С. 132; *Станиславский*. Двор. С. 215, 292). — В. Н.

³⁰ Волконский Григорий Константинович — из захудавшей в XVI в. ветви Черниговских Рюриковичей. «Именная служба» городовым воеводой в Мценске впервые фиксируется для Волконского в 1594 г. В боярском списке 1602—1603 г. записан выборным дворянином по Перемышлю с поместным окладом в 500 четей. Воеводская служба перемежалась у него с дипломатической — в 1601—1602 гг. ездил послом в Крымское ханство. Участвовал в военных действиях против отрядов Лжедмитрия I

в кампании 1604—1605 гг. При «царе Дмитрие» нес ответственную службу пристава при посольстве Речи Посполитой в апреле—мае 1606 г. Новый царь Василий Шуйский, в условиях нараставшего конфликта с соседним государством (посольство находилось под арестом, в ходе выступлений москвичей 17(27) мая 1606 г. были убиты сотни подданных Речи Посполитой, множество знатных лиц было отправлено в ссылки), направил к Сигизмунду III послом кн. Григория (июнь 1606 — февраль 1607 гг.). В боярском списке 1606—1607 г. Волконский записан в разделе «дворян на Москве». По возвращении активно участвовал в военных действиях в 1608 г. против Лжедмитрия II и отрядов Лисовского, в том же году ездил «за Оку» для встречи с крымскими мурзами, находился в Москве в 1608—1609 гг. Его имени нет в боярском списке 1610—1611 г. (но там налицо четыре представителя фамилии), скорее всего, по причине его отсутствия: он действовал довольно успешно в конце 1610 — начале 1611 г. в Новгородском крае по распоряжению Семибоярщины. Когда он вновь появился в Москве — неясно, но почти наверняка до мартовского восстания 1611 г. Его служебная принадлежность прямо документом не определяется. Но как раз в его отношении не исключен пост второго судьи Казенного приказа (после Ф. И. Шереметева). Он продолжил карьеру после воцарения Михаила Романова. В июле 1614 — августе 1615 гг. вновь «правил посольство» в Крыму. 1(10) сентября того же года получил чин окольничего. Возглавлял ряд приказов, особенно показательна его деятельность в Казачьем (в 1618—1619 гг. и в 1629—1634 гг.) и Челобитенном приказах (1628—1630 гг.). Кн. Григорий умер в 1634 г. (Белокуров. Грамота. С. 14; Он же. Записи. С. 7, 8, 13—14, 16, 47, 76, 81, 90, 92, 105—106, 188 и др.; Народное движение. С. 139; Станиславский. Двор. С. 281, 301; РК 1475—1598 гг. С. 482, 483, 525; Лисейцев. Посольский приказ. С. 329—330, 334, 336; Богоявленский. Судьи. С. 67—68, 218). — В. Н.

³¹ Тюхин Михаил — подьячий при «царе Димитрии» (описывал черные и дворцовые земли в Галичском у.), при царе Василии Шуйском летом 1607 г., когда сопровождал арестованных повстанцев в Новгород. Не позднее июня 1609 г. он уже в Тушинском лагере (скрепил грамоту от Лжедмитрия II Я. П. Сапеге). В перечне тушинцев «первого призыва» при короле его имени нет, но, тем не менее, его положение вполне устойчиво. Осенью 1610 г. он трудился в канцелярии Льва Сапегы, в той ее части, которая занималась Россией: он скрепил королевскую грамоту в Москву о великом посольстве от 6 декабря (26 ноября) 1610 г. (она была написана канцлером), «лист» Сигизмунда в Москву о том,

что он хочет дать сына на русский престол (датируется, видимо, январем 1611 г.). В декабре 1610 г. Тюхин приехал в Москву, но вскоре вернулся под Смоленск с письмом и подарком от боярина и дворецкого кн. В. М. Мосальского Л. Сапеге (письмо боярина датировано 1(10) января 1611 г.). Где-то в конце января — начале февраля 1611 г. он снова в Москве, причем не с пустыми руками: с «листом короля к бояром», по которому ему «велено быти в Большом дворце в дьяцех» (грамота датирована 19(29) января 1611 г.). Назначение Тюхин получил. В ответ на память из Поместного приказа за подписью печатника и думного дьяка И. Т. Грамотина он честно признавался: необходимых писцовых книг «сыскать» нельзя. Во-первых, из-за бегства всех подьячих в «воровские» полки, а во-вторых, из-за расквартирования польско-литовских отрядов в здании приказа Большого дворца (ответ датирован 14.06.1611 г.). При Михаиле Романове карьера Тюхина прервалась не сразу. В 1615—1617 гг. был дьяком в Московском судном приказе, в составе посольства ездил в Персию (1618—1620 гг.), где проштрафился: ходил к шаху для бесед без других послов. По возвращении был обвинен в измене, пытан и послан в Сибирь — еще в 1630/31 г. он упоминается приказным в Туринске (АИ. Т. II. С. 276—277, 371; РИО. Т. 137. С. 14—15, 18; *Сухотин*. Пожалования. С. 67; *Веселовский*. Дьяки. С. 529 (с неточностями); *Тюменцев*. Смута. С. 555 (с неточностями); Народное движение. С. 92, 109). — В. Н.

³² Вареев Андрей — подьячий Посольского приказа в 1594 г., покинул этот приказ до 1604 г. В боярском списке 1606—1607 г. его нет среди дьяков, хотя уже в январе 1607 г. как дьяк (возможно, с разрядными функциями) был включен в рать кн. Ф. И. Мстиславского, направленную на помощь правительственной армии, осаждавшей болотниковцев в Калуге. В марте того же года — дьяк приказа Холопья суда, а в конце 1607 г. стал вторым дьяком Разряда (московского) после думного дьяка В. О. Янова и первого — Истомы Карташова. В этой должности он документально известен в 1608 — середине июля 1610 г. в царствование Василия Шуйского (в частности, как дьяк Разряда он с боярами торжественно встречал за городом 12(22) марта 1610 г. русскую армию и наемников во главе с кн. М. В. Скопиным-Шуйским и Я. Делагарди), в краткий период самостоятельного правления правительства Семибоярщины (сохранились подписанные им летние распоряжения 1610 г.), наконец, в то время, когда командующий гарнизоном Речи Посполитой, московская Дума и королевские ставленники (по преимуществу из тушинцев) правили именем «царя Владислава Жигимонтовича». Комментируемый текст

в док. № 3, а соответственно приказную деятельность Вареева датируем временем после 21(31) марта и, по крайней мере, до 10(20) августа 1611 г. Независимый источник относит его работу в Разряде в том же году к периоду от 30 марта (8 апреля) и до 26 июня (6 июля). При «кадровом дефиците» после мартовского восстания в московских учреждениях допустимо предполагать его совместительство в двух приказах и в особой комиссии, как, впрочем, и у М. Тюхина.

Не позднее апреля 1612 г. Вареев уже разрядный дьяк Второго ополчения в Ярославле. Побывал ли он перед этим в приказах Первого ополчения и когда он «выбежал» из оккупированной Москвы, точно сказать пока нельзя. Разрядным дьяком он был и во Втором, и в Объединенном ополчении («Совете всей земли»). Был участником выборного Земского собора 1613 г. (он подписал Утвержденную грамоту), был в составе сформированной собором делегации к Михаилу Романову и его матери в Кострому, сопровождал царя в его «походе» в столицу (почти наверняка, в той же роли разрядного дьяка). С начала сентября 1613 г. он дьяк в Нижнем Новгороде (по декабрь 1615 г.), впоследствии, в 1616—1630 гг. был дьяком в ряде приказов и городов, умер в 1630 г. (АЮБ. Т. II. С. 601—603; *Лихачев*. Дьяки. С. 531—535, 540—543, 558—559 (с неточностями); *Сухотин*. Пожалования. С. 44—47; *Белокуров*. Записи. С. 127, 143, 224, 236—237; *Он же*. Грамота. С. 15, 82; *Сторожев*. Материалы. С. 85; *Любомиров*. Очерк. С. 274—275; *Богоявленский*. Судьи. С. 120—121, 133, 138, 155, 203; *Веселовский*. Дьяки. С. 79—80 (с отдельными неточностями); *Лисейцев*. Посольский приказ. С. 347). — В. Н.

³³ Тафта (тафтишка) — гладкая шелковая ткань тонкой выделки высокого ценового диапазона. — В. Н.

³⁴ Терлик — вид сравнительно короткого кафтана, плотно облегающий фигуру, изготовлялся из тонкой цветной и гладко крашеной шелковой ткани (за редчайшими исключениями). Поверх терлика одевался, как правило, длиннополый кафтан из цветного сукна с длинными рукавами, опушенный мехом, а на кафтан одевалась верхняя распашная или наплечная одежда (шуба, охабень, опашень и т. д.). — В. Н.

³⁵ Сокращенная форма обращения к предводителям Второго ополчения (она корреспондирует с формулой адреса на обороте) сравнительно редка в документах такого рода и, быть может, намекает на какие-то сложности в деятельности местной администрации Архангельска. Более распространенной (и в принципе, также краткой) была формула «Московского государства бояре и воеводы, стольник и воевода князь Дмитрий Михайлович...».

Датируем отписку, исходя из дня прибытия Я. Шава в Архангельск (24 июля по старому стилю). — В. Н.

³⁶ Кн. Иван Григорьевич Долгорукий — сын окольного кн. Григория Борисовича Долгорукого (см. коммент. 59 в наст. разделе). В боярских списках 1606—1607 г. и 1610—1611 г. записан в стольниках. В сентябре 1608 — январе 1610 гг. был с отцом в Троице-Сергиевом монастыре во время осады обители корпусом Я. П. Сапеги. В других документах и источниках после лета 1612 г. не фигурирует (*Сторожев*. Материалы. С. 81; Народное движение. С. 136). — В. Н.

³⁷ Дьяк Путила Григорьев, Путила Григорьев сын Булыгин был подьячим еще летом 1589 г., в Архангельск получил назначение от Думы московских бояр и пробыл в этой должности по крайней мере до осени 1613 г. Позднее был дьяком в Уфе, Свияжске (*Веселовский*. Дьяки. С. 72). — В. Н.

³⁸ Этот текст прямо документирует пребывание Джона Меррика (Ивана Ульянова в русских источниках) летом 1612 г. в Архангельске, где он пробыл до осенней навигации (обычно конец августа — первая половина сентября). Зимой 1612—1613 г. (т. е. уже после возвращения Меррика в Англию) в Лондоне шли обсуждения состояния дел в России и возможных вариантов действий английского правительства, исходя из экономических и политических интересов королевства. При этом автор проекта об установлении протектората английского короля над северной Россией (по аргументированному мнению И. И. Любименко, им был капитан Чемберлен) ссылается на обращение русских знатных лиц к Меррику с подобными проектами. Джон Меррик (род. в 1559 г., ум. в конце января 1639 г.) — сын агента Московской (Русской) английской компании, а затем полноправного члена этой корпорации. Джон сделал блестящую карьеру. В 1588 г. был агентом компании в Ярославле, после короткого посещения Англии — в Пскове. В 1592 г. и в 1594—1600 гг. — главный агент компании в Москве (с 1596 г. — полноправный член компании как купец), сопровождал в Англию русского посла Г. Микулина. Примерно с этих лет Меррик фактически совмещал службу и деловую деятельность в компании с дипломатическими поручениями. Он обладал разветвленными связями в придворной и особенно в приказной среде, среди российских и иностранных гостей, владел искусством расположить к себе собеседников. В 1602 г. въехал в Россию через Ивангород, осенней навигацией вернулся в Англию, а летом 1603 г. привез первую грамоту нового английского монарха, Иакова I. Сыграл едва ли не решающую роль в относительном успехе миссии Т. Смита в 1604—1605 гг. Был вызван Лжедмитрием I еще

до его торжественного вступления в столицу — прием и личная беседа состоялись или в Туле, или под Серпуховым. Итогом (помимо грамот Самозванца о его возвращении на «прародительский трон», которые Меррик срочно доставил в Архангельск отплывавшему в Англию послу Т. Смиту) стали обещания нового правителя пожаловать привилегии компании в максимальном объеме, включая транзитную торговлю с Персией (что и было реализовано позднее). На приеме у еще не коронованного монарха Меррик был вместе с шурином, Уильямом Расселом (в русской историографии XIX — середины XX в. его обычно именовали Русселем). Вместе они вернулись в Англию осенью 1606 г. с грамотой нового царя Василия Шуйского (они были женаты на дочерях Френсиса Черри, купца и весьма заметной личности в Московской компании). После этой поездки У. Рассел написал и издал в Лондоне сочинение о событиях в России («Отчет о кровавом и ужасном убийстве в городе Москве...»), а Меррик продолжал челночные поездки. В 1607 г. он вернулся в Россию с грамотой Иакова I, а в Англию в следующем году отвез новые послания Шуйского. Поскольку реальная торговля резко сократилась, но все еще теплилась в пока незатронутом войной Севере (начиная с Вологды—Белоозера), поскольку Москва с лета 1608 г. оказалась в тушинской блокаде, Меррик меняет место жительства (вместо столицы — Вологда или Архангельск). В августе 1610 г. он едва ли не первым среди «заинтересованных» иноземцев известил Лондон о свержении Шуйского. В Архангельске летом 1612 г. его фиксирует наш документ в, видимо, привычной роли (Меррик хорошо знал русский язык): по просьбе местных властей он и перевел с английского текст послания (*Болдаков И. М. Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. СПб., 1893; Willan T. S. The Early History of the Russia Company. 1553—1603. Manchester, 1968, по указателю; Phipps G. M. Sir John Merrick English Merchant-Diplomat in Seventeenth Century Russia. Newtonville, 1983. P. 16—73*). — *В. Н.*

³⁹ Юрий Мнишек — о нем см. коммент. 232 в первом разделе наст. издания. — *В. Н.*

⁴⁰ «Маринка» — Марина Мнишек, о ней см. коммент. 232 в первом разделе наст. издания. Вряд ли Меррик в конце июля 1612 г. в Архангельске знал точное местонахождение Марины Мнишек. Примерно в эти дни М. Заруцкий с оставшимися при нем казаками и южными дворянами, захватив в Коломне Марину с сыном, направился в Рязанский край. Обвинения Меррика в адрес «Францускаса» (см. о нем ниже) не соответствовали действительности и имели целью его дискредитацию и перед

местными властями, а главное — перед новой военной и политической силой в стране — руководством Второго ополчения. — В. Н.

⁴¹ Фрянцискус, он же Миколай Францыскус, Францыскус де Лескер (или де Лискер) — Франсуа Николя де Лескер (Lesquaire) — французский дворянин, побывавший в России в 1612 и 1613 гг. по поручению герцога д'Эпернона и маркиза де Руйяк (Руайяк) — см. ниже, док. № 13 в наст. разделе и комментарии к нему (см. также: *Жордания*. Очерки. Ч. 1. С. 333—369). — В. Н.

⁴² Ондреян Флодеран — барон Андриан Флодроф и Лит (Лейт?) фон Кохоф, командир (старший из трех) группы наемников, прибывших в Архангельск в середине — второй половине августа 1612 г. с прокламированной целью наняться на военную службу в Россию, в конкретных условиях лета 1612 г. — на службу во Второе ополчение. Приплыли они без предварительного приглашения или же согласования с уполномоченными лицами. Из-за позднего прибытия не могли отплыть назад, поскольку от «Совета всей земли» получили отказ. На следующий год около половины отряда выехало морским путем из России (включая Флодрофа), а вторая не сумела этого сделать. После вынужденного, но при этом вполне успешного участия оставшихся иноземцев в военных действиях против «загонных» отрядов Речи Посполитой на русском Севере эта группа была принята на русскую службу в начале 1615 г. Обвинения в их адрес (прибыли для захвата Архангельска и Соловков, т. е. реализуя чьи-то планы аннексии северной России или установления над ней протектората) отражали нараставший политико-конфессиональный раскол государств Европы (в широком контексте), а также личное, групповое или «страновое» соперничество за влияние на формирующуюся власть в России, за торговые преимущества, но не реальные намерения и разработки правящих групп конкретных государств (подробнее см.: *Жордания*. Очерки. С. 302—331; *Скобелкин О. В.* Иностранцы на русском Севере в годы Смуты // *Исторические записки*. Воронеж, 1998. Вып. 3. С. 5—18, со старой ошибкой в интерпретации слова «Фрейгер» как личного имени, тогда как дословно это — «свободный господин», т. е. барон). — В. Н.

⁴³ Ортер Атон — сэр («князь») Артур Астон (Эстон), знатный английский дворянин, одно время входил в близкую к королю Иакову I среду придворных. Именно «князь Артемий» отличился зимой 1613—1614 г. на вылазке, когда и был ранен, за что получил хорошее вознаграждение. Позднее был принят на службу с очень высоким окладом. Служил

в России с 1615 по 1618 г. (подробнее см.: *Жордания. Очерки. С. 305—307 и далее*). — В. Н.

⁴⁴ Якуб Гиль — полковник Яков (Иаков) Гиль (Хилл), англичанин, видимо, дворянского происхождения. Летом 1614 г. покинул Россию с несколькими другими наемниками. Капитан (ротмистр) Яков Шав — Джеймс Шау (James Schau), по сведениям английских купцов «немчин Шкотцкие земли» (т. е. шотландец). Был принят на русскую службу и верстан в начале 1615 г. Произведенный им подсчет численности отряда наемников близок реальному. По совокупным показателям 1613 г. (отчасти 1614 г.), под командой Флодрофа было 26 офицеров и рядовых (с ним — 27 человек), в отряде Астона 44 наемника (с ним — 45 человек), под рукой Гиля — 15—16 человек (с ним — 17). Уже зимой 1612—1613 г. наемники были размещены в Холмогорах, Ярославле и, возможно, других городах (*Жордания. Очерки. С. 304—306, 316—318 и далее*). — В. Н.

⁴⁵ «Фрянцовской капидонъ Мунсуръ Лавиль» — трудно сказать, кого из двух братьев де Лавиллей имеет в виду Я. Шав (Шау) со слов Флодрофа. В войсках шведских королей (Карла IX, затем Густава-Адольфа) служили братья — Пьер и Барр. Пьер не позднее 1610 г. именовался полковником и был весьма заметным лицом в армии Делагарди в его русском походе 1609—1610 гг. После поражения под Клушиным де Лавилль уходит с Делагарди в Новгород, занимает Ладогу, а затем обороняет ее от войск во главе с И. М. Салтыковым, посланных из Москвы Семибоярщиной. По причине малой численности отряда Пьер де Лавилль был принужден сдать крепость, после чего поторопился с объяснениями в Швецию. Осенью 1613 г. со свежими отрядами спешит к Нарве, но еще летом в правящих кругах Швеции обсуждались возможности завоевательного похода на русский Север, в связи с чем фигурировало и имя де Лавилля. Впрочем, до серьезных планов дело не дошло. В 1614 г. Пьер воюет в Псковской земле, осаждает и пытается взять приступом Псково-Печерский монастырь. Попытка оказалась безуспешной, при штурме погиб Барр де Лавилль. Его чин Видекиндом не называется, но из контекста сообщений о нем следует, что речь может идти о лейтенанте и, возможно, капитане. С информацией Флодрофа пересекаются (но не по времени, по содержанию) два факта: где-то летом 1610 г. де Лавилль привел подкрепления к Новгороду, набирал он наемников и зимой-весной 1613 г. Видимо, речь здесь шла о младшем брате. Пьер де Лавилль составил в 1611 г. небольшое сочинение о России (по охвату времени с правления Ивана IV), стиль, оценки и краткость которого выдают руку и ум военного человека, профессионала-наемника

(сочинение было издано во Франции в XIX в. не менее двух раз и переведено на русский язык в 1841 г.).

Обвинения в адрес де Лавилля построены грамотно и со знанием реальных фактов. Братья вербовали наемников и к этому событию подверстывается план завоевательного похода на русский Север (а они были у многих на слуху), а в противовес — «благородные» мотивы собравшихся в Гамбурге якобы «защищать Россию» лиц. Здесь, быть может, видно то знание России, которое было у Маржерета, но напрочь отсутствовало у других наемников (*Видекинд*. С. 85, 93—94, 115, 130—133, 137, 150—151, 275—276, 290, 311, 334, 578). — *В. Н.*

⁴⁶ Переславль вытянут вдоль озера и дороги из Москвы на Ярославль. Характерны приемы безопасности, предпринятые Д. М. Пожарским, хотя трудно понять, лазутчика (разведчика) какой воюющей стороны он увидел в Я. Шаве (Шау). — *В. Н.*

⁴⁷ Эпизод с расспросом Я. Шава (Шау) характерен верностью принципам приказной работы: глава «Совета всей земли» Д. М. Пожарский отдает распоряжение фактическому главе Посольского ведомства во Втором ополчении о приеме лица, статус которого мог быть определен как нечто среднее между гонцом и посланником. Традиционен и в то же время актуален круг задаваемых вопросов. — *В. Н.*

⁴⁸ Император Матвей был избран после смерти Рудольфа II в 1612 г. — *В. Н.*

⁴⁹ Здесь цифра возможных наемников явно преувеличена Я. Шавом (Я. Шау) — ср. его подсчеты выше (см. коммент. 44 наст. (второго) раздела данного издания). Показательно, что подавляющее большинство военачальствующих лиц, подписавших обращение, начиная с Маржерета, так в Россию и не попали (см. имена на л. 15, с. 285 наст. издания). — *В. Н.*

⁵⁰ Дата, судя по всему, приведена по новому, григорианскому стилю. — *В. Н.*

⁵¹ Перечисление дворовых и сословных чинов с характерным обобщением «и всяких чинов людемь, которые в то время были в полках» — точное указание на особенности функционирования общегосударственного (в рамках подконтрольных Второму ополчению территории и населения) сословно-представительного института. И соответственно — представлений о том, как этот институт должен действовать. В данном случае в экстраординарных обстоятельствах. О быстром продвижении к Москве гетмана Ходкевича с провиантом и подкреплениями во Втором ополчении знали, а потому торопились. По пути из ополчения посы-

лались крупные отряды в районы дислокации реальных или потенциальных противников. Возможное появление непонятого отряда наемников в стратегически важном пункте всех связей с Западной, а отчасти Центральной Европой, могло создать новые угрозы. При таких обстоятельствах кн. Д. М. Пожарский считает правильным выработать и сформулировать общую позицию всех ополченцев. Ее формула коротка и предельна ясна: «наемные люди иных государств ныне не надобет», «оборонимся от польских и от литовских людей и сами, Российским государством и без наемных людей...». — В. Н.

⁵² Жолкевский подошел к Москве 24 июля (3 августа) 1610 г. (подробнее см. коммент. 3 в данном (втором) разделе наст. издания). — В. Н.

⁵³ Госевский еще при гетмане выполнял отдельные функции командира гарнизона, в частности, при вводе войск в Москву и Кремль, их расквартировании (подробнее см. коммент. 26 в данном (втором) разделе наст. издания). — В. Н.

⁵⁴ Салтыков Михаил Глебович — из старомосковского боярского рода Морозовых (Салтыковы — ветвь рода). В 1580-е гг. — московский дворянин, не позднее мая 1590 г. — окольный, не позднее августа 1601 г. — боярин (еще в мае 1601 г. — окольный). Во второй половине 1580-х — начале XVII в. — член прогдоуновской дворцовой партии. Видный деятель при дворе, участник переговоров в 1599—1601 гг. с Речью Посполитой, Швецией, Империей, Персией. Глава русского посольства в Речь Посполитую для ратификации мирного договора сроком на 20 лет. В 1602 г. встречал датского принца Йоганна (Ганса) в Ивангороде. Крупный землевладелец (владел в 6 уездах вотчинами и поместьями площадью до 3500 десятин), его годовой оклад в Галицкой четверти составлял 250 р. Участвовал в походе правительственной армии против Самозванца в 1604—1605 гг. После распада армии под Кромами перешел на сторону «царевича Дмитрия»: в разряде его похода на Москву назначен дворовым воеводой. Видимо, «в опале» был отправлен Самозванцем воеводой в Иван-город, позднее при В. И. Шуйском был переведен в Орешек. В Тушинском лагере оказался не позднее конца 1608 — самого начала 1609 г. После его распада во главе группировки русских думных чинов и приказных Тушина отправился в лагерь Сигизмунда III под Смоленском. Один из авторов февральского договора 1610 г. об условиях признания королевича Владислава русским царем. После сведения с престола Василия Шуйского и подписания августовского договора появился в Москве где-то осенью 1610 г. Считался одним из близких советников коменданта Госевского на заседаниях Думы. Получил от короля значительные

земельные пожалования (правда, так никогда и не реализованные). Вошел в состав делегации от Думы к королю, отправившейся из Москвы в начале октября 1611 г. Более в Россию не возвращался. В летописных текстах, в дипломатических документах считался едва ли не главным «изменником», умершим «злой смертью» (*Сухотин*. Четвертки. С. 1, 40; *Белокуров*. Записи. С. 1, 2, 5, 18, 28, 29, 40, 69 и др.; *Павлов*. Государев двор. С. 40, 52, 65, 69, 70 и др.; *Тюменцев*. Смута. С. 544). — В. Н.

⁵⁵ «Во Пскове был вор» — речь идет о Лжедмитрии III. Его происхождение остается неясным: по одним сведениям, некий Сидорка, по другим — Матюшка, беглый дьякон из-за Язуы (ближайшее Подмосковье). Объявился в марте 1611 г. в Новгороде, но не был принят горожанами. Бежал с небольшой группой сторонников и в канун Пасхи был принят в Иван-городе. Главными его сторонниками стали казаки, часть местных детей боярских, горожане некрупных городов (к маю 1611 г. — Ямгород, Копорье, Гдов). Раздавал поместья своим сторонникам. Во время его похода на Псков в июне 1611 г. на его сторону перешли Изборск и Печоры. Взятие Новгорода шведскими отрядами и поход шведов на Псков привели к перевороту в Пскове в пользу Самозванца (сентябрь 1611 г.). Позднее поражение от шведов привело к кризису в отрядах Самозванца, но сам он в начале декабря 1611 г. «проиде сквозь немец... во Псков». Это дало движению новый импульс, притом не только на Северо-Западе, но и на Юго-Востоке, в Арзамасском крае (там ему целовали крест зимой 1611—1612 г.). Овладение такой первоклассной крепостью и таким административным центром, как Псков вывело Самозванца на другой уровень политической борьбы, хотя главной его опорой оставались казачьи станицы региона. Чеканил собственную монету. В январе — начале марта 1612 г. произошел обмен посольствами между Псковом и Первым ополчением: в итоге в начале марта 1612 г. в таборах ополчения целовали крест «царю Дмитрию» во Пскове, хотя и не «поголовно». Вслед за таборами присягу ему принесли ок. десятка городов и уездов на южных окраинах, но нараставший кризис внутри ополчения выявил полную ошибочность этого шага. Новая комиссия «обличила» Самозванца, он пытался бежать, но был пойман 18(28) мая 1612 г. В июне его доставили под Москву. По более достоверным известиям, был казнен примерно через год, уже при Михаиле Романове. По другим — летом 1612 г. (*Седов П. В.* Лжедмитрий III // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 22—31). — В. Н.

⁵⁶ Формула описаний качеств, определивших выбор именно кн. Д. М. Пожарского первым воеводой Второго ополчения, дает своео-

бразную шкалу достоинств политика и военного предводителя в самый критический момент развития Смуты. Точной даты «выбора» нет, известно, что условия оговаривались на довольно продолжительных переговорах «Совета всей земли» (реально за ним тогда стоял Нижний Новгород с уездами и соседними территориями) с Пожарским. Договоренности были выработаны (включая определение роли и статуса К. Минина и предварительное решение вопросов финансового обеспечения) к середине осени 1611 г. (*Любомиров. Очерк. С. 47—48*). — *В. Н.*

⁵⁷ Одоевский Иван Никитич Меньшой, кн. — стольник в 1588—1589 г. и в 1590 г., в боярских списках 1606—1607 г. и 1610—1611 г. записан одним из первых в разделе «дворян на Москве». Боярин с 6(16).12.1613 г., умер 9(19).03.1629 г. 18(28).03.1610 г. на приеме кн. М. В. Скопина-Шуйского и Деллагарди у царя встречал их. На военном поприще весной-летом 1613 г. отличился в кампании против Заруцкого: в пятидневном сражении у Воронежа и на переправе через Дон нанес его отрядам серьезное поражение (*Белокуров. Записи. С. 24, 224; Любомиров. Очерк. С. 252; Сторожев. Материалы. С. 86; Народное движение. С. 137; Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 72—78; Он же. Двор. С. 205, 252, 297; РК 1475—1598. С. 414, 522, 528*). — *В. Н.*

⁵⁸ Болотников Иван Иванович — подьячий Новгородской чети в 1603—1604 г. (упомянут в кормленной книге Галицкой чети), дьяк не позднее 1606—1607 гг. (на Старом Земском дворе), затем известна его служба в Ярославле (в 1611—1612 гг.). Выговор, полученный им (и воеводой) в августе 1612 г. от предводителей Второго ополчения, как будто не сказался на его последующей карьере. Подписал Утвержденную грамоту, с кн. И. М. Черкасским встречал царя Михаила в Ярославле весной 1613 г. Позднее был дьяком в ряде приказов, наиболее длительной была служба в приказе Большого дворца (в 1613—1621 гг.), а также в приказе Казанского дворца — с февраля 1621 по 1633—1634 г. В боярском списке 1610—1611 г. указан в перечне дьяков (*Сухотин. Четвертки. С. 22, 25; Белокуров. Грамота. С. 81; Богоявленский. Судьи. По указателю; Веселовский. Дьяки. С. 61—62*). — *В. Н.*

⁵⁹ Князь Иван Иванович Одоевский — сын кн. Ивана Никитича Меньшого Одоевского (о нем см. коммент. 57 в данном (втором) разделе наст. издания). В боярских списках 1606—1607 гг. и 1610—1611 гг. записан стольником. 4 мая 1608 г. — первый рында на приеме у царя послов Речи Посполитой (типичная для аристократа-стольника служба). На Вологде воеводствовал еще в 1610—1611 г. — назначение, видимо, получил именем

«царя Владислава» от Думы в Москве. Примкнул к Первому ополчению. Вологда, как известно, рано поддержала предводителей Второго ополчения. В погром Вологды 22 сентября (2 октября) 1612 г. спасся бегством. В царствование Михаила Романова активно участвовал в придворной жизни, был первым воеводой в Пскове и Новгороде. Чин боярина получил 6(16).01.1622 г., умер раньше отца 9(19) августа 1628 г.

Князь Григорий Борисович Долгорукий Роща в боярском списке 1588—1589 гг. записан в разделе «служилых князей» в перечне кн. Оболенских. Его денежный оклад в 1603—1604 г. был скромным — 10 руб. Первое известное его воеводское назначение — второй воевода в Курске осенью 1604 г. (после сородича кн. Федора Тимофеевича Долгорукого). После антигодуновского восстания (как и во всех пограничных южных крепостях) был отведен в лагерь Самозванца. Сохранил верность «царевичу Димитрию» после поражения его армии под Добрыничами 20(30) января 1605 г. Получил от него чин окольного и сопровождал «царевича Димитрия» во время его похода к Москве. В правление Самозванца известны две его службы: он участвовал в майских свадебных торжествах и 26 марта (5 апреля) 1606 г. сопровождал Симеона Бекбулатовича на прием к царю. Сохранил свой чин при царе Василии Шуйском: в октябре 1606 г. был в составе рати во главе с кн. Ф. И. Мстиславским, потерпевшей поражение под с. Троицким, в мае-июне 1607 г. собирал в Брянске дворянские отряды соседних уездов (он их привел к царю в Алексин), а затем сопровождал царя в походе к Туле против болотниковцев. В январе участвовал в свадебных торжествах Василия Шуйского. В качестве первого воеводы возглавил оборону Троице-Сергиева монастыря с 23 сентября (3 октября) 1608 г. по 12(22) января 1610 г. от корпуса Я. П. Сапеги (временами и других тушинских соединений), многократно превосходивших численность гарнизона. В его отряде было около 800 детей боярских, около сотни стрельцов, а также несколько сот монастырских крестьян и служек и даже монастырских старцев. Сохранил чин окольного при Семибоярщине и правительстве на Москве, управляющего от имени «царя Владислава»: кн. Григорий записан в окольных в боярском списке 1610—1611 г. В феврале 1611 г. был вне Москвы: грамоты Думы в адрес «великих послов» и защитников Смоленска подписал за него окольный кн. Ф. А. Звенигородский. 22 сентября (2 октября) 1612 г. случилась трагедия: «воеводским оплошеством» (на башнях и стенах не было дозорных, главные ворота не были закрыты) Вологду захватил отряд «черкас, литвы и казаков» из королевских войск в Можайске. Население подвергалось

в течение трех дней тотальному грабежу, значительная часть города, почти все укрепления были сожжены, был разграблен пригородный Спасо-Прилуцкий монастырь. Беспечность, спровоцированная успехами Второго ополчения (особенно после поражения Ходкевича под Москвой), была вызвана воеводским пьянством (эту склонность кн. Григория источники отмечали как будто и раньше). Сам кн. Григорий был убит.

Службное старшинство младшего по возрасту (кн. Ивану, судя по его службе в рындах при царе Михаиле Романове еще в 1617—1618 гг., вряд ли было более 20—25 лет, тогда как кн. Григорию, исходя из годовой даты его первой воеводской службы, было никак не менее 35—40 лет) и по чину кн. И. И. Одоевского объясняется несомненным его местническим первенством по породе и по службе. Оба принадлежали к Черниговским Рюриковичам. Но кн. Одоевские (как и кн. Воротынские) были потомками второго (или третьего) сына кн. Михаила Всеволодовича и первого, давшего потомство в нескольких поколениях. Кн. Долгорукие происходили от самого младшего, пятого сына кн. Михаила. Причем в потомстве кн. Юрия Михайловича Тарусского и Оболенского, кн. Оболенские восходили к третьему, младшему сыну. Еще важнее то, что среди многочисленных кн. Оболенских кн. Долгорукие (наряду с кн. Щербатыми и Тростенскими) представляли младшую линию. В отличие от них кн. Одоевские сохраняли реальный статус служилых князей в конце XV — середине XVI в., а при получении думных чинов удаивались сразу боярства. Долгорукие же до Смуты думных чинов не имели вообще (*Сторожев*. Материалы. С. 76, 80; *Сухотин*. Четвертки. С. 26; *Белокуров*. Записи. С. 28, 40, 73, 82, 87, 89, 95, 106, 251; РИО. Т. 142. С. 225, 231; ПСРЛ. Т. 14. С. 126; *Голицын*. Указатель. С. 181; *Любомиров*. Очерк. С. 158—160, 279—280; Народное движение. С. 132, 135; *Станиславский*. Двор. С. 214). — В. Н.

⁶⁰ Карташев Истома Захарыч — большой подьячий в Разряде в 1588—1596 гг. В 1599—1600 гг. — первый дьяк в Разряде после думного С. Аврамова, в 1601—1605 гг. (до правления Лжедмитрия I) — второй дьяк в Разряде (после думного и первого). Участник Земского выборного собора 1598 г., подписал Утвержденную грамоту. При «царе Димитрии Ивановиче» — дьяк в Новгородском разряде. С воцарением Василия Шуйского возвращается в Московский разряд сначала вторым, а с лета 1607 г. — первым (после думного) дьяком. Сохранял эту должность до конца 1610 г. или до мартовского восстания 1611 г. в Москве. Первым (из трех дьяков) скрепил приговор Первого земского ополче-

ния от 30.06(10.07).1611 г. В августе 1611 г. — дьяк во Владимире, с осени 1611 г. — дьяк на Вологде. Служебная биография И. З. Карташова подтверждает справедливость оценок и упреков авторов грамоты: он действительно бывал и не раз «у государских у великих дел» и о нынешнем «в государстве нестроенье» хорошо знал по личному опыту. Опыт не уберег — Карташов был убит 22 сентября (2 октября) 1612 г. (*Белокуров. Записи. С. 237; Лихачев. Дьяки. С. 558—559; Веселовский. Дьяки. С. 230—231; Павлов. Приказы. С. 196*). — В. Н.

- ⁶¹ Кн. Федор Андреевич Татев — из Стародубских Рюриковичей. В боярском списке 1588—1589 гг. — в разделе «князи служилые» в перечне Стародубских князей, в боярском списке 1598—1599 г. — в списке дворян. Его имени нет в боярских списках 1606—1607 г. и 1610—1611 г., что следует объяснять дефектностью сохранившихся списков. В докладной выписке 1613 г. он записан на 5-м месте в перечне «дворян больших», за ним числилось 1060 четей старой вотчины и 686 четей старого же поместья (т. е. всего более 2600 десятин в трех полях). В боярском списке 1615—1616 г. кн. Федор также фигурирует среди «дворян», его поместный оклад до «Московского разоренья» (т. е. до 19(29)—20(30) марта 1611 г.) составлял 800 четей, а денежный — 80 рублей. Трудно сказать почему, но службами кн. Ф. А. Татев не был избалован: в Серпуховском походе 1598 г. был головой и есаулом в «государевом стану», весной—летом 1600 г. — объезжим головой на Москве, в 1601 г. — воевода в Мценске, а в феврале 1603 г. получил назначение в Сибирь, первым воеводой в Березов (по этому случаю ему тогда же было выдано в Галицкой чети денежное жалованье на 2 года вперед; его оклад тогда составлял 40 руб.). Отмечен на свадебных торжествах «царя Димитрия Ивановича» в мае 1606 г., на аналогичных церемониях по поводу женитьбы царя Василия Шуйского не замечен: незадолго до нее он воеводой ертоула отправился в составе рати кн. Д. И. Шуйского в неудачный Болховский поход. Его назначение в Архангельск (едва ли не срочное), бесспорно, имело целью укрепить администрацию этого очень важного центра. Подписал Утвержденную грамоту царя Михаила Романова. Известна его служба воеводой Мценска в 1617—1618 гг. Вскоре постригся в иноки под именем Феодорита и умер до 27 мая (6 июня) 1620 г. (АМГ. Т. 1. С. 143; *Барсуков. Выписка. С. 14; Сухотин. Четвертчики. С. 9; Белокуров. Записи. С. 47, 80, 92, 96 и др.; Он же. Грамота. С. 80—81; Голицын. Указатель. С. 248; ВКТСМ. С. 77; РК 1475—1598 гг. С. 522, 528; РК 1475—1605 гг. Т. IV. Ч. 1. С. 100, 124; Ч. 2. С. 54; Станиславский. Двор. С. 215, 252*). — В. Н.

⁶² Документ датируем по следующим основаниям. 20(30) июня 1613 г. последовало распоряжение о назначении этих лиц послами в Англию, а 3(13) июля датирована память властям в Архангельск с необходимыми указаниями по поводу посольства. В Москву послы вернулись 20(30) октября 1614 г.

Зюзин Алексей Иванович — из старотверского боярского рода. В боярском списке 1602—1603 г. — выборный дворянин по Костроме с окладом в 450 четей. В кормленной книге Галицкой четверти отмечено, что он получил жалованье (его оклад равнялся 12 рублям) в 1603 г. на два года вперед «для сибирские службы»: по разрядам он получил в феврале 1603 г. назначение в Пелым. Точный год его возвращения в Москву неизвестен, но к январю 1608 г. в столице был: участвовал в свадебных церемониях царя Василия Шуйского. В октябре 1610 г. (и позднее) — воевода в Великом Устюге, зимой 1612—1613 г. — воевода в Каргополе, где успешно отбивает атаку «литовских людей и черкас». После возвращения из Англии был членом посольства (вторым) на русско-шведских переговорах о мире при посредничестве Англии (роль посредника исполнил Дж. Меррик) и Нидерландов в 1615—1616 гг. Они завершились подписанием Столбовского мира 27.02(9.03).1617 г. За эту службу получил чин окольного 1(10) августа 1617 г. Наименование А. И. Зюзина наместником Шацка имело этикетно-дипломатический характер и не несло в себе никакого внутривластного содержания. Умер Алексей Иванович в 1618/19 г.

Дьяк Алексей Григорьевич Витовтов — дьяк в Первом ополчении под началом боярина Д. Т. Трубецкого: посылался от него в начале июня 1612 г. в Ярославль к предводителям Второго ополчения и «Совету всей земли» с раскаянием за признание в марте того же года Лжедмитрия III и принесение ему присяги. Был дьяком в объединенном Ополчении. Подписал Утвержденную грамоту об избрании царем Михаила Романова. По возвращении из Англии служил в Разбойном приказе и в Новгородской четверти (Сухотин. Четвертки. С. 23; Богоявленский, Рябинин. С. 4, 64; Белокуров. Грамота. С. 82; Он же. Записи. С. 269; РК 1475—1605 гг. Т. IV. Ч. 2. С. 54; Станиславский. Двор. С. 262; Посольская книга. С. 40, 165, 174; Лисейцев. Посольский приказ. С. 333, 336; Веселовский. Дьяки. С. 93—94). — В. Н.

⁶³ Эта помета проясняет недоумения, возникшие у властей в Ярославле и в Москве по поводу мотивов отправки и места назначения толмача Ульянка Игнатьева. А. Астон и Я. Гиль направили его в Москву,

в Посольский приказ, и вез он письмо барона А. фон Флдрофа на имя царя. Полагали они это крайне важным потому, что считали их задержку в Ярославле результатом происков француза де Лискера, еще ранее вызванного в Москву. Послание барона, который сам на прием к царю не стремился, а просил всего лишь об отпуске на родину, как раз и начиналось с тяжелых обвинений в адрес де Лискера. Не все понятно в положении У. Игнатьева. Он, бесспорно, летом 1613 г. не был служащим Посольского приказа. Но с другой стороны, он был «назначен» к английским «немцам» по грамоте из Москвы и вытребован в Москву (см. док. № 14.1 и 14.2). Впоследствии, судя по наблюдениям Д. В. Лисейцева, он привлекался в качестве толмача и даже просил денег в Посольском приказе на строительство двора (*Лисейцев*. Посольский приказ. С. 36, 173, 182, 358). — В. Н.

⁶⁴ Пушкин Никита Михайлович начал службу жильцом в опричнине, бывал в 1570—1572 гг. поддатнем рынд у царевича, потом царя. В боярском списке (земском) 1577 г. записан в выборных дворянах по Вязьме с поместным окладом в 500 четей. В боярских списках 1588—1589, 1598—1599, 1606—1607, 1610—1611 гг. указан дворянином «на Москве» или «московским». Участвовал в выборном Земском соборе 1598 г. В феврале 1603 г. назначен вторым воеводой в столицу Сибири Тобольск (после кн. Андрея Васильевича Голицына). В связи с чем получил жалованье за два года вперед (его оклад равнялся 40 руб.). Вернулся весной или летом 1606 г., во время блокады Москвы Болотниковым командовал в ноябре — начале декабря 1606 г. крупным отрядом в Красном Селе под Москвой, который не давал возможности повстанцам сомкнуть кольцо блокады. В 1608—1609 гг. — воевода на Вологде, осенью 1611 г. — в Ярославле. Подписал Утвержденную грамоту об избрании царем Михаила Романова. В 1614—1617 гг. воеводствовал во Владимире и Арзамасе. Окольный с 15(25).08.1619 г., умер в 1621/22 г. По выписи 1613 г. за ним было старой вотчины, включая то, что ему было дано за «московское сиденье», — всего 217 четей, старого поместья — 420 четей и «новые дачи, что ему дано при боярех, из поместных земель» 500 четей (*Барсуков*. Выпись. С. 17; *Сухотин*. Четвертчики. С. 7; *Веселовский*. Акты. С. 29—30, 41; *Голицын*. Указатель. С. 213; *Сторожев*. Материалы. С. 88; *Белокуров*. Грамота. С. 80, 81; *Он же*. Записи. С. 46, 53; РК 1475—1598 гг. С. 236, 240, 243; РК 1475—1605 гг. Т. IV. Ч. 1. С. 76, 129, 136—137; Ч. 2. С. 54; *Станиславский*. Двор. С. 200, 217, 252, 300; Народное движение. С. 138). — В. Н.

⁶⁵ Г. Жордания определил, кого следует понимать под странными для французского уха звуко сочетаниями — «Фионмаркон», «Фимаркун» и др. Это — Жан Луи ле Ногаре и де ла Валетт, герцог Эпернон (*Жордания*. Очерки. С. 342—344 и след.). В описываемые годы его могущество в политической жизни Франции казалось очень большим. Один из лидеров католической партии с четкой испанской ориентацией. В момент убийства Генриха IV 14(4) мая 1610 г. был с королем в карете и в последующие дни сыграл решающую роль в провозглашении и установлении регентства Марии Медичи, королевы-матери юного короля Людовика XIII. Из числа влиятельнейших членов королевского совета, главнокомандующий («генерал-полковник») пехотой королевства. Весьма значительно увеличил свое состояние за эти годы. Нельзя сказать, какие конкретные мотивы побудили Эпернона начать и даже продолжить некую политическую интригу в далеком восточном углу Европы. Скорее всего, имела место сложная комбинация очень разных по природе предпосылок и мотивов. Видимо, имел значение конфессиональный аспект — противостояние (с оружием в руках) протестантским государствам, или втянутым (как Швеция), или активно задействованным экономически (как Англия и Нидерланды) в событиях в России. Быть может, относительное и временное успокоение Франции в начале второго десятилетия XVII в. подталкивало герцога к поиску новых сфер приложения немалых сил — отрядов своих сторонников и наемников. Особенно там, где социальный и политический хаос сулил максимум в результатах (политических, экономических) при минимуме затрачиваемых усилий. Как бы то ни было, независимые друг от друга источники подтверждают, что герцог Эпернон предпринимал в 1612—1613 гг. некие шаги в отношении России политического характера. Не исключено, что он делал это под влиянием (по просьбе?) своего племянника. — В. Н., П. У.

⁶⁶ «Марграф Наруляк» — маркиз Руйяк (или Руайяк), сын старшей сестры герцога Эпернона, Елены Ногаре и маркиза Руйяка из гасконского рода де Го (*Жордания*. Очерки. С. 341—344). По свидетельству современников, герцог покровительствовал племяннику и не раз выручал его из затруднительных ситуаций. Русским послам во Франции в 1615 г. маркиз признался в своем участии в войсках Деллагарди и что «над французскими над ратными людьми был начальником». Здесь маркиз погорячился. Как будто не видно оснований у него для полной неправды (об участии в походе М. В. Скопина и Деллагарди), но он точно не коман-

давал французскими наемниками (его имени не знают ни Видекинд, ни де ла Вилль). Скорее всего, участие Руйяка было весьма кратковременным. Но, видимо, этого хватило, чтобы возникло желание более предметно погрузиться в российские дела с помощью могущественного дяди. Современники подметили одну из черт в его поведении — «стяжание репутации у иноземцев» (он, кстати, был не против того, чтобы отправиться в Россию послом от Людовика XIII) и стремление к путешествиям. Не исключено, что благодаря этим качествам пылкого маркиза де Лискер оказался в России в 1612 и в 1613 гг., а сам Руйяк побывал в Праге и «тайно» вел беседы с гонцом Второго ополчения к императору где-то в конце 1612 или начале 1613 г. Правда, из источников конкретный предмет обсуждения остается неясным (*Жордания. Очерки. С. 345—350* и др.; *Nazarov V., Oubarov P. Les premiers Bourbons et le premier Rovanov: La relation de l'ambassade en France d'Ivan Kondyrev et de Michail Neverov // Le Traité de Vervins. P., 2000. P. 473—481.* — *В. Н., П. У.*

⁶⁷ «Московский переводчик Иван Фомин» — толмач и переводчик с английского, шотландского и «большого немецкого языка» Посольского приказа. Его биография детально восстановлена Д. В. Лисейцевым. Англичанин по происхождению, видимо по имени Джон Элмис (судя по майскому письму 1614 г. к нему А. Астона). Приехал в Россию как толмач доктора, а в 15 лет (в 1589 г.) бил челом в службу в Посольский приказ и был принят в качестве толмача и отчасти переводчика. Участвовал в следствии 1601 г. над Б. Бельским — перевел письменные показания врача Г. Юрьева. Не позднее этого года стал ведущим переводчиком приказа с названных языков и на них с русского, выполняя при необходимости и функции толмача (устного переводчика). Был, видимо, в таборах Первого ополчения, в полку боярина кн. Д. Т. Трубецкого, а затем, возможно, в Объединенном ополчении. В 1613—1614 гг. его поместный оклад равнялся 400 четям, денежный — 35 руб. Помимо работы в приказе в Москве, ездил за рубеж с дипломатическими миссиями в качестве гонца, — к примеру, в Империю в 1614—1617 гг. или со специальным поручением (в Данию в 1641 г. за датским королевичем Вольдемаром). Уже в 1619 г. его денежный оклад составлял 60 руб. (с добавлением 5 алтын 4 денег поденного корма), а земельный — 500 четвертей. Новая прибавка состоялась в 1621 г., а к концу карьеры он получал 70 руб. в год (по 10 алтын поденного корма) при 700 четей поместного оклада. Последние упоминания о нем относятся к 1643—1644 гг. «Посланник Ульян Ульянов» — второй

английский посол Уильям Рассел или Руссель (*Лицейцев*. Посольский приказ. С. 357—358). — В. Н.

⁶⁸ Кн. Михаил Григорьевич Темкин — из старшей линии младшей ветви княжеского дома Ростовских Рюриковичей. В боярском списке 1588—1589 и в походном списке двора 1589—1590 гг. записан в рубрике «князи служилые» в перечне Ростовских князей. В боярских списках 1606—1607 гг. числится в рубрике «дворян на Москве» в начальной их части (в первом списке при его фамилии пометы: «у суда», «на помесье»). В разрядах впервые упомянут в росписи Серпуховского похода головой «у огней» в государевом стану, в мае 1600 г. был первым объезжим головой в Кремле, в 1602 г. — воевода в Кореле. В событиях Смуты практически неразличим. В докладной выписи 1613 г. за ним показано (явно по приказной документации и в отсутствие князя в столице) всего 100 четей поместья, данного «при боярех». В 1613 г. и в 1614—1615 гг. — воевода на Вологде, после чего известия о нем обрываются (*Сторожев*. Материалы. С. 86; *Белокуров*. Записи. С. 25, 113, 144; РК 1475—1598 гг. С. 522, 528; РК 1475—1605 гг. Т. IV. Ч. 1. С. 99, 105, 134; *Станиславский*. Двор. С. 213, 297, 321; Народное движение. С. 127). — В. Н.

⁶⁹ Пушкин Григорий Григорьевич Сулемша совсем молодым человеком начал карьеру жильцом-поддатнем рынды (у царевича, затем и у царя) в опричных разрядах. В боярских списках 1588—1589, 1602—1603, в походном списке двора 1589—1590 гг., в выписках из учетных документов Г. Г. Пушкин записан выборным дворянином по Дорогобужу (первоначально с окладом в 550 четей, затем в 650 четей). Чему соответствовал уровень служебных назначений — рядовым головой (в частности, при строительстве каменной крепости в Смоленске в 1601 г.). При «царе Димитрии Ивановиче» попал в московские дворяне (в этом статусе упомянут в свадебном поезде дворян в мае 1606 г.). Активнейшим образом участвовал в действиях против повстанцев в конце 1606 — середине 1607 г., проявив несомненный воинский талант: не допустил восставших к Владимиру, зимой 1606—1607 г. в значительной мере благодаря его действиям под правительственный контроль были возвращены Муром, Арзамас с уездами и соседними территориями. Один из главных победителей в боях под Серебряными прудами и на р. Восьма. Участвовал в царском походе на Тулу летом—осенью 1607 г. В 1608 г. военная удача его покинула, как, впрочем, первых воевод царя Василия Шуйского вообще (поражение под Болховым, блокада столицы и др.). В 1610 г. участник катастрофического поражения под Клушиным, хотя и сделал безуспешную попытку угово-

речь наемников не переходить на сторону Речи Посполитой. В боярских списках 1606—1607 и 1610—1611 гг. записан в перечнях московских дворян. В 1610—1611 гг. был вторым воеводой на Вологде, а после перерыва — в 1613—1614 гг. Последняя известная его служба — воевода в Ярославле в 1615—1618 гг. (*Сторожев*. Материалы. С. 89; *Голицын*. Указатель. С. 212; *Белокуров*. Записи. С. 11, 13—14, 18, 25, 44—47, 80, 213, 248 и др.; РК 1475—1598 г. С. 240, 244; РК 1475—1605 г. Т. IV. Ч. 1. С. 119; Ч. 2. С. 103, 110; *Станиславский*. Двор. С. 246, 290, 301, 340, 353, 357; Народное движение. С. 139). — В. Н.

⁷⁰ «Фрольиондريان», «Фрольюидриан» — еще одно именование герцога Эпернона теперь уже, быть может, согласно особенностям вологодского говора. — В. Н.

⁷¹ Кн. Иван Андреевич Хованский Большой — из Гедиминовичей, от кн. Патрикия Наримонтовича, выехавшего на Русь в 1408 г. В его потомстве кн. Хованские представляли старшую ветвь, а князь Иван Андреевич Большой относился к старшей линии фамилии. В боярских списках 1588—1589 г., 1598—1599 г. записан стольником. Первоначально при составлении боярского списка 1606—1607 г. его внесли в раздел стольников, но тут же сделали отметку «в дворянх» и зафиксировали в начальной части перечня «на Москве дворяне». В боярском списке 1610—1611 г. он включен в список дворян, в его начало. Первые служебные назначения типичнейшие для стольника-аристократа. В походах с участием царя кн. Иван Андреевич состоял в стольниках-есаулах (или стольниках-головах и есаулах) в царском полку. В столице это почти исключительно придворные обязанности. Князь Иван как первый или второй рында торжественно оберегал особу царя при приемах дипломатов, знатных лиц (к примеру, датского принца осенью 1602 г. или шведского бастарда Густава в августе 1599 г.), а на пирах, обычно завершающих эти приемы, прислуживал царю и знатым гостям (он, как правило, «смотрел в большой стол» и лишь однажды — «в кривой»). За неполные четыре года кн. Иван Андреевич более 20 раз (реальная цифра еще больше) исполнял обязанности рынды и стольника. К функциям стольника относились также разовые поручения военного или административного характера. Первое воеводское назначение получил в марте 1606 г. при «царе Димитрии», так что начало восстания Болотникова застало его в Орле. Позднее был направлен на помощь кн. И. И. Шуйскому к Калуге. Участвовал в боях при блокаде столицы повстанцами осенью — в начале зимы 1606 г. Зимой 1609—1610 г. командовал отрядом из рати кн. М. В. Скопина-Шуйского,

выполнявшим отдельные поручения по очищению от тушинцев Ростова, Кашина. Весной 1610 г. из Ржева шел в сход к главной армии, скорее всего, участвовал в Клушинской катастрофе. Воеводой Ярославля стал где-то зимой 1613 г., его местопребывание и деятельность во второй половине 1610—1612 гг. пока неизвестны. По выписи 1613 г. владел вотчиной в 210 четей (половину этих земель он получил из дворцовых земель «при боярех») и поместьем на 410 четей, также полученным «при боярех» из дворцовых владений. Последнее обстоятельство делало их уязвимыми с точки зрения подтверждения владельческих прав новой властью. Судя по количеству выставленных кн. Иваном конных воинов в 1603—1604 г. (4 человека), его владения если и увеличились, то незначительно. Боярство получил 14(24) марта 1615 г. и уже в этом статусе подписал Утвержденную грамоту царя Михаила Романова. Позднее активно участвовал в политической, военной, дипломатической жизни страны. Кн. Иван Андреевич умер 26 мая (5 июня) 1622 г. (*Сторожев*. Материалы. С. 86; *Барсуков*. Выписка. С. 14; *Любомиров*. Очерк. С. 296; *Белокуров*. Грамота. С. 78; *Он же*. Записи. С. 7, 9, 17, 18, 25, 41, 79, 83 и др.; РК 1475—1598 гг. С. 416, 523; РК 1475—1605 гг. Т. IV. Ч. 1. С. 34, 74, 82, 98, 102, 106, 110—112, 115—116, 126, 129; Ч. 2. С. 16, 20, 53, 59, 61, 64, 74; Народное движение. С. 133, 137). — В. Н.

- ⁷² Головин Семен Васильевич — из старомосковского боярского рода Ховриных-Головиных, шурин боярина кн. М. В. Скопина-Шуйского (кн. Михаил в январе 1608 г. женился на родной сестре Семена Васильевича). В боярском списке 1606—1607 г. — стольник, летом 1608 г. был направлен с кн. М. В. Скопиным в Новгород. Семен Васильевич (наряду с дьяком С. В. Зиновьевым) — основной «автор» с русской стороны комплекта из трех документов, оформивших Выборгский договор. Его условия выработывались с конца 1608 г., но основное было сделано в Выборге в январе—феврале 1609 г. (документы были подписаны С. В. Головиным, позднее их действенность была документально подтверждена кн. М. В. Скопиным). Договор имел характер военного и политического союза, направленного против Речи Посполитой, и предусматривал предоставление Швецией вспомогательного конного и пешего войска в 5000 наемников за наем и за уступку Швеции крепости Корела с уездом. В начавшемся в мае 1609 г. походе С. В. Головин был первым воеводой Передового полка. В качестве награды за договор и за успешный поход получил чин окольничего 8(18) апреля 1610 г. (на православную Пасху). Вторым воеводой в Ярославле упомянут еще в 1610—1611 гг. Не позднее апреля 1612 г. во Втором ополчении входил в малочисленную группу думных чинов в «Совете всей

земли» ополчения. Участвовал в выборном Земском соборе, подписал Утвержденную грамоту об избрании царя Михаила Романова. В 1613 г. ему принадлежало вотчин на 560 четей с осьминою (включая данные «при боярех» из дворцовых владений) и поместий на 635 четей, включая пожалования нового царя. Стал боярином 21.04(1.05).1622 г., в 1620—1634 гг. в разные годы был судьей в шести приказах. Умер 10(20).01.1634 г. (*Сторожев*. Материалы. С. 76; *Барсуков*. Выписка. С. 3; *Белокуров*. Грамота. С. 78; *Он же*. Записи. С. 16—17; 107, 215; *Любомиров*. Очерк. С. 129—130 и др.; *Богоявленский*. Судьи. С. 246). — В. Н.

⁷³ Юдин Василий — нижегородский подьячий в 1594—1595 гг., дьяк в Нижнем Новгороде не позднее 1606—1608 гг.; осенью 1609 г. и, видимо, до июля 1610 г. дьяк в приказе Большого прихода в Москве. В боярском списке 1610—1611 г. внесен в перечень дьяков, что предполагает его пребывание в столице еще осенью 1610 г. и, быть может, зимой 1610—1611 г. Не позднее декабря 1611 г. в Нижнем Новгороде и естественным образом вошел в состав приказного руководства Второго ополчения. С июля (и, возможно, с весны) и по середину декабря 1612 г. в Ярославле, под Москвой и в Москве возглавлял Галицкую четверть. 15(25).12.1612 г. отпущен в Нижний Новгород (почти наверняка по семейным обстоятельствам), но уже не позднее февраля—марта 1613 г. он дьяк в Ярославле. Затем был дьяком в ряде городов (Астрахани, Нижнем Новгороде, Ярославле), причем эти службы перемежались службой в московских приказах. Последнее упоминание на службе датируется мартом 1631 г. (*Богоявленский*, *Рябинин*. С. 68, 71; *Любомиров*. Очерк. С. 298; *Богоявленский*. Судьи. С. 313; *Веселовский*. Дьяки. С. 590—591). — В. Н.

⁷⁴ Пивов Леонтий Михайлович в боярском списке 1606—1607 г. записан в перечне стряпчих с платьем (с пометой «на службе под Калугой»), в том же чине зафиксирован в боярском списке 1610—1611 г. с важной пометой «с послы». Имеются в виду «великие послы», причем опубликованные материалы вносят одно уточнение: стряпчий Л. М. Пивов в группе из трех человек был послан к королю Сигизмунду III «наперед». Службы Л. М. Пивова за вторую половину 1611—1612 гг. нам неизвестны (*Сторожев*. Материалы. С. 83; РИО. Т. 142. С. 182; Народное движение. С. 137). — В. Н.

⁷⁵ Третьяков Петр Алексеевич — по документу думный дьяк Посольского приказа. Его биография в последнее время стала объектом специальных изысканий Б. А. Куненкова и особенно Д. В. Лисейцева. Поэтому отметим только существенные пункты его служебной ка-

рьеры, важные в контексте документов о де Лискере. Предложенная Д. В. Лисейцевым версия о происхождении П. А. Третьякова — из рода Головиных-Третьяковых — при всей заманчивости пока не может быть однозначно принята: не хватает собственно генеалогической аргументации, а также просопографической, связанной с предполагаемыми родственниками в максимальном объеме. С точки зрения личной карьеры П. А. Третьякова, неоспорим его статус подьячего в 1603—1604 гг. (посольство в Данию при А. И. Власьеве), но требует иного объяснения отсутствие его имени в списке подьячих Посольского приказа при Власьеве, тем более, что через полтора-два года он становится первым (старшим) подьячим приказа с солидными земельным и денежным окладами. В июне 1608 г. П. А. Третьяков предпочел столице тушинскую резиденцию нового Самозванца, где получил чин думного дьяка и главы Поместного приказа (впрочем, не он один оказался в том же чине и на той же должности). Вообще, среди приказных Тушина П. А. Третьяков был одним из наиболее энергичных лиц и не только в свою пользу. Зимой 1610 г. он последовал за Лжедмитрием II в Калугу. После вторичного бегства Самозванца из-под стен Москвы Третьяков переходит в королевский лагерь и, лишившись думной приставки, отправляется в качестве просто дьяка с боярином и воеводой И. М. Салтыковым в Новгород. Там пробыл до весны 1611 г. (город и пятины сначала присягнули Владиславу), а потом оказывается в Первом ополчении в позиции думного дьяка (возможно, Поместного ведомства). В январе 1612 г. он снова меняет свой политический выбор, отъехав в Москву. Трудно сказать, какие мотивы им двигали. Важно другое: после капитуляции гарнизона Речи Посполитой и освобождения Кремля П. А. Третьяков практически сразу, в середине ноября 1612 г., становится первым дьяком Посольского приказа (но не думным). Думный чин Третьяков получил через 8 месяцев — 13 июля 1613 г., на третий день, как и положено для такого чина, коронационных торжеств (Д. В. Лисейцев повторил опечатку или ошибку, сделанную С. В. Веселовским). В этой должности Третьяков пробыл в здравии до осени 1617 г., умер после долгой и тяжелой болезни между 16(26) мая и 13(23) июня 1618 г. (*Белокуров*. Записи. С. 152; *Веселовский*. Дьяки. С. 522—523; *Тюменцев*. Смута. С. 548; *Лисейцев*. Посольский приказ. С. 107—118). — В. Н.

⁷⁶ Павел Томасов — его биография реконструирована Д. В. Лисейцевым. Впервые упомянут в 1601 г., по происхождению шотландец. Был толма-

чом при устном переводе с немецкого, шведского, голландского. В отличие от Ульянка Игнатьева, П. Томасов был приставлен к приплывшим наемникам приказами из Москвы еще в 1613 г. Почему и когда конкретно его отозвали — остается неясным. Последняя известная в литературе его служба относится к 1617 г. (*Лисейцев*. Посольский приказ. С. 360). — В. Н.

⁷⁷ Послание датируется по очевидным соображениям. Год («в нынешнем во 121-м году...») назван в самом тексте. Еще в конце июля 1613 г., сам Лискер находился в Ярославле. Следовательно, в Москву он попал не ранее 7—9 августа, где и вел беседы, о которых упоминает послание. Датировку можно, в принципе, сузить — вторая половина августа. Но для данного текста это не имеет значения. — В. Н.

⁷⁸ Степан Михайлович Ушаков в боярском списке 1606—1607 г. выборный дворянин по Туле с поместным окладом в 550 четей. В правление царя Василия Шуйского направлялся гонцом в Крым, причем его миссии придавалось большое значение. В Первом ополчении С. М. Ушаков вместе с Н. В. Тютчевым отправлялись для переговоров с ногайскими мурзами в Переяславль-Рязанский летом 1611 г. Поездка в Империю в 1613—1614 г. обернулась для Ушакова и Заборовского большими проблемами. Несанкционированное изменение маршрута, официальный характер их приема в Нидерландах и т. п. по их возвращении имели следствием арест всего имущества и изъятие всех письменных текстов, допросы с применением пыток, перекрестные очные ставки. Промашки оказались, однако, несущественными. Впоследствии С. М. Ушаков стал «московским» дворянином, он воеводствовал в ряде городов. Последняя датированная служба относится к 1626 г. (*Гневушев*. Акты. С. 238—266; *Богоявленский, Рябинин*. С. 37—44; *Голицын*. Указатель. С. 264; *Народное движение*. С. 147, 156—161; *Лисейцев*. Посольский приказ. С. 128, 188, 244, 262, 333, 334). — В. Н.

Дьяк Семей (Семен) Заборовский — подьячий Посольского приказа в 1590-е гг., позднее был переведен в другое ведомство. Зимой 1610 г. в Калуге, когда и как перешел он к Лжедмитрию II, остается неясным. В конце 1612— начале 1613 г. собирает экстраординарные налоги в Калуге и соседних уездах. После поездки в Империю участвовал в военных действиях, был дьяком в двух приказах (*Веселовский*. Дьяки. С. 188; *Лисейцев*. Посольский приказ. С. 347 и др.). — В. Н.

⁷⁹ По статейному списку, А. И. Зюзин и А. Витовтов прибыли к корабельной пристани в Архангельск 22 августа 1613 г. и отплыли 29 августа, простояв

в устье Северной Двины из-за непогоды до 4 сентября (Посольская Книга. С. 175—178). — В. Н.

⁸⁰ Кн. Иван Михайлович Барятинский Манка в боярском списке 1588—1589 г. числился среди жильцов, в списке 1602—1603 г. — выборным дворянином по Суздалю с окладом в 400 четей. В конце XVI — начале XVII в. (или только с 1601 г.) воеводствовал в Березове. В 1604 г. был послан для «прибора» казаков в Шацк. В кампанию 1604—1605 гг. его направили в правительственную армию с «большим нарядом» (т. е. с большим парком осадных и полевых орудий). В правление Самозванца был повышен статус кн. Барятинского — он стал «московским» дворянином и в этом качестве участвовал в свадебных торжествах в мае 1606 г. Этот его чин зафиксировал боярский список 1606—1607 г. Последующие перемещения кн. Ивана по центрам власти и силы (когда вынужденные, а когда и добровольные) обследованы Л. М. Сухотиным, И. О. Тюменцевым. Уточним лишь одно обстоятельство: интересующее нас событие, а именно отправку в Данию в качестве посла кн. И. М. Барятинского (он отплыл из Архангельска на последнем в навигацию 1613 г. корабле 10(20) сентября 1613 г.), вряд ли стоит рассматривать как особую милость пришедших к власти Романовых. А кто, собственно, составлял ближайший круг еще не коронованного и совсем недавно добравшегося до столицы государя? Назначение было подготовлено в приказах (Посольском и Разряде), и едва ли не главным условием было наличие возможного кандидата в Москве и его способность (финансово, физически) соответствовать статусу посла и поставленным задачам. И отметим уже подчеркнутое в литературе: кн. Иван умел обернуть в свою пользу если не все, то большинство политических коллизий. Он получил завидные владения от Лжедмитрия II, сумел что-то подтвердить, а что-то получить вновь у московских бояр именем «царя Владислава», немалое сохранить и опять-таки приобрести новые имения при Михаиле Романове. Он еще прослужил более 20 лет и задолго до конца карьеры имел один из самых высоких окладов в своей статусно-корпоративной группе — 1200 четвертей поместного оклада при 120 руб. денежного (*Барсуков*. Выписка. С. 19—20; *Белокуров*. Записи. С. 24—25, 41, 80, 135, 199; *Сухотин*. Пожалования. С. XXII—XXVI, XXXII, 17—25; Народное движение. С. 138; РК 1475—1605. Т. IV. Ч. 1. С. 115, Ч. 2. С. 75, 90—91; *Станиславский*. Двор. С. 207, 261, 300; *Тюменцев*. Смута. С. 553; *Павлов*. Государев двор. С. 74). — В. Н.

⁸¹ Исаак Масам — Исаак Масса, краткую биографическую справку о нем см. в третьем разделе наст. издания, перед отрывками из его сочинения.

Здесь же необходимо подчеркнуть прочность связей голландского купца с российскими властями и значение, которое они придавали и информатору, и сообщаемым им сведениям. Выделим также меры предосторожности «тайного» общения, неоднократно формулируемые авторами письма. — *В. Н.*

⁸² Дата выписи устанавливается достаточно просто и вполне точно. Упомянутые в ней Роман Орнь «с товарищи» (с ним выехало четыре человека) получили «выезжее» и были верстаны денежным и земельным окладами в 7123 году, т. е. в период с 1(11) сентября 1614 г. по 31 августа (10 сентября) 1615 г. (РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 52. Л. 112—113). Несколько позднее был поверстан Михаил Желобовский. В деле 1632 г. выписаны на пример жалованье за выезд и оклады, в том числе случай выехавшего в 7124 году шляхтича Михаила Желиборского (цифры его оклада здесь абсолютно идентичны тем, что указаны в публикуемом нами документе). Небольшая разница в написании фамилии значения не имеет (АМГ. Т. 1. С. 433). Понятно, что датирует источник именно эта запись как более поздняя. Иначе говоря, выпись в настоящем виде была составлена с 1(11) сентября 1615 г. по 31 августа (10 сентября) 1616 г. — *В. Н.*

Ж. МАРЖЕРЕТ
В ЗАРУБЕЖНЫХ ДОКУМЕНТАХ

ТЕКСТЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

№ 1

1612 г. 29(19) января. — Письмо Ж. Маржерета из Гамбурга Дж. Меррику¹ в Англию с изложением событий в России

Right worshipfull Sir, I could not omit this commoditie without commending my service to your Worship, and also briefly to advertise you of the State of Mosco, which is not as I could wish. Also I left Master Brewster in good health at my departure; but three dayes after the Towne within the red wall was burnt with certaine fire Bals shot in by the Russes, so that there is but three houses left whole, the English house also being burnt. Master Brewster is constrained to have his dwelling in a Seller under the Palace, without great friends except Misslofsqui. The Generall Cotquevitsh is arrived there, and left a sufficient number of men to keepe the Castle, and the red Wall, hee himselve with his Armie is gone towards Resan, and he hath sent with much to doe, and upon certaine conditions, to the River of Sagia towards the Volga, to bring victuals to maintayne them that are in the Castle besieged of the Muscovites. The King of Poland is altogether resolved to goe there in person this summer, and if the Russes have no forraine helpe, as there is no appearance, no question it will come to passe as I writ last to your Worship, that they will be forced to yeeld. I write briefly to your Worship, because I hope to take my voyage to France through England, and there to meet with your Worship; intreating your Worship to accept these few lines as a testimony of the service I have vowed to your Worship, & c. and so I end in haste.

Публ. (на английском языке): *Nakluytus Posthumus or Purchas² His Pilgrimes containyng a History of the World in Sea Voyages and Lande Travells by Englishmen and others by Samuel Perchas, Third Part, book 4, chap. 9, P. 780—781. London, 1625.*

ПЕРЕВОД

Ваша милость!³

Я не мог упустить случая, чтобы не изъяснить моей готовности к вашим услугам и кратко не уведомить вас о Москве: она не совсем в таком положении, в каком мне хотелось бы видеть ее.

Я оставил мастера Брюйстера⁴ в добром здравии; но через три дня после моего отъезда город внутри Красной стены был выжжен некими огненными ядрами, брошенными в него Русскими⁵; уцелели только три дома: Английское подворье превращено в пепел, мастер Брюйстер принужден был поселиться в дворцовом погребе, не имея друзей, кроме Мстиславского⁶.

Генерал Ходкевич⁷ прибыл в Москву и, оставив достаточное число людей для охранения замка и Красной стены⁸, со своим войском отправился⁹ на Рязань, откуда он с большими хлопотами послал на определенных условиях [людей] по реке Сагье⁹ на Волгу за съестными припасами для осажденных Московитами в замке Поляков.

Король Польский решился сим летом приехать в Москву, и если Русские не получат помощи со стороны, что маловероятно, то сбудутся мои слова, которые я писал к вам в последнем письме, то есть они должны будут покориться. Пишу к вам кратко, в надежде отправиться через Англию во Францию и там с вами увидеться.

Примите, Ваша Милость, эти несколько строк в удостоверение всегдашней готовности служить Вашей Милости и проч., на чем кончаю в спешке.

Публ.: Перевод на русский язык с купюрами впервые издан: Устрялов Н. Г. Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб., 1832. Т. III. С. 219—220; третье, исправленное издание см.: Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб., 1859. Ч. 1. С. 417.

№ 2

[Июль—октябрь 1613¹⁰]. — **Проект оккупации русского Севера¹¹, представленный английскому королю Якову I.**

[f. 220] Sire,

Vostre Majete considerera, que pour les brigues et menees que les Pontifes ont tousiours tenus pour mettre le pied en Russie, par la voye

des Roys de Poloine, Comme par le defun Roy Stephanus, lequel ayant envahi grande partye de la Russie, accorda la paie a la sollicitation du Pontife, a Iohannes Basilius surnommé le tyran lors reigning, sous esperance par quelque secreta condition faicte, quil se rengeroit et avec le temps tout ses pays au giron de cette mere de fornication, mais leur intention nestant rehusyé, sans perdre courage recommençoit a faire leur aproches, par la voye de Demetrius, ou leur espoir perist et fust enseveli par sa mort, nonn obstant ne laisserent de faire nouveaux conplots, et de tanter fortune par la voye du Rroy a present reigning, et par son moyen avons veu a quel peryode ils estoit parvenus, tellement quil semble *que* Dieu seul cest opose pour rompre cette cource, et enpecher le bastimen de cette Babel, comme aussi pour ouvrir les yeux et encourager *Votre* Majeste auquel il touche comme defenseur de la foy, doue de cy rare vertus, et dons cy admirable, Dieu vous ayant mis la force en main de non seulement enpecher ses desseins *que* dist est, comme autant pernicious et dommagable a la verite de levengille qu'aucun autres qui ce pouroit presenter, mais aussi pour amener a la vray connoissance de Dieu cette nation, et combien quil semble loportunité estre passée sy esse *que* tant *que* les adversaires ne cesseront de tramer et ourdre quelques chemins pour rentrer sur leur premiere brisée, comme nous voyons quil font, y a asses doportunite entant *que* ie puis asseurer *Votre* Majeste, *que* nestoit la ialousye et crainte *que* le Roy de Pologne a du Prince son fils, les affaires de Russie ne seroient en lestat quelle sont a present, dautant *que* les confederes apres quil eurent receu leur payement soffrissent au Roy, dy retourner, moyenant quil voulust envoyer le Prince son fils avec eux, et ce sans jamais rien pretendre pour leur payuement de la Couronne de Poloine, ains le chercher et avoir leur recours sur la Russie seulle, a coy les estas consentoient, et le Roy mesme aise daccepter, conditionnellement toutesfois, savoir quil iroyt en personne avec son fils, ce *que* les confederes ne voulurent acorder, ie ne fais neulle doute, Sire, *que* sils cy fusent acheminer comme dist est, quil ne fusent facilement arivé a leur desseins, et feroient encore entreprenant lafaire comme il convient, et puis asseurer, *Votre* Majeste *que* le Roy pour sa personne y est tout porté et disposé, y estant pousé outre les Iesuites, par la Rayne (non sans subiect) combien *que* ie confesse *que* la plus part des Estat cy opose, nonn obstant croy quil consentiront tousiours aux sur nommee condition *que* le Prince cy achemine, si le Roy le veut permettre, et y

pourroit beaucoup aider laffaire de Shmolensqui, ne croyant quilz ne facent toute chose requise pour le maintenir, ayant coute au pays une somme cy signalée, tellement qu'on ne peut iuger quelle resolution se pouroit prendre a la prochaine Dyete le Roy ayant tout les ecclesiastique de son coste, sans sa faction particuliere, ce qu'aisement fermeroit la porte au chemin qui vous est encore ouvert, Sire, pour resister a tout ses desseins et acheminer une cy *sainte* et profitable entreprise

[f. 220 v.]

Laquelle selon mon iugement, Sire, est asses facile, entant *que* le pays est encore aujourdhuy en division et dissensions manifeste, y ayant diverse faction tant ouveres *que* secretes Comme Polonnoise, Shuedoye, celle de Saroutsqui avec la vefue du premier Demetrius, et petit enfan de limposteur second Demetrius, sans celle de divers nobles qui aspirent a la couronne, mais aussi entre ceux qui semblent estre unis lesquels ont consenti par force ou amitye a celyu qui est a present reigning, Car ce ne peust estre sans grand creve coeur de la Noblesse et de la plus part du pays, *que* contre leur volonte, les Cosaques qui ne souloint estre *que* descuns du peuple racaille de gens bannis ramasser, la plus part ayant par divers foys deservi la mort, ayant esleu par maniere de dire un enfant, non tant pour son eage *que* pour son education, de tant plus qu'il nest du sang ny lignee Royale, laquelle en Demetrius, ou Theodore fils du tyran, fust toute esteinte, il ny mesme de cy grande ou ancienne maison, quil ny en aye de beaucoup plus grande au pays, nayant este nourry, comme dit est, ny esleve, en facon quil puisse estre capable de long temps de gouverner le pays, son pere estant un Evesque ou Metropolitte quilz appelez, a present prisonnier du Roy de Poloine, peu exerce aux affaires destat, et le tout afin de le manyer selon *que* bon leur semble, comme apert, entant *que* toutes insolences leur sont permises, fesant eux mesmes la loy a tout le pays, gourmandant la noblesse et tellement *que* lon peut dire quilz font autant de dommage quacun ennemi pouroit faire, sauf quilz ne bruslent entierement villes et vilages, et ainsin selon le iugement humain lon ne peut atandre a la premiere occasion qu' une generale revolte du pays le quel est comme lon peut dire, pays de conquete, chacun ayant quelque force en main y estant maistre, comme nayant personne entre eux capable de reigner ou qui par son autorite puisse apaiser ses troubles, comme ils avoient fort bien iuge et reconneu par lelection quilz avoient fait du Prince de Poloine, et de depuis grande partye du pays de celyu de Shuede.

Donc, Sire, *Votre Majeste* selon mon iugement pouroit commencer lentreprise en cette facon assavoir de faire faire une levee de quelque trois milles hommes et les faire embarquer sous la conduite dun general propre a telle entreprise, sage, de bon iugement, qui eust lhonneur et la service de *Votre Majeste* et non le gain, devant les yeux, sur tout non opiniastre, ains prompt a prendre conseil, et facile a sacommoder aucunement selon le temps a la facon du pays, autorise de *Votre Majeste* avec lettres et patentes ouvertes pour envoyer deca et dela au pays, par lesquelles *Votre Majeste* oferait remontrer les raisons qui vous ont mheu a faire cette enteprise, et faire prendre terre a Archangel, lieu fort propre et commode pour acheminer lafaire et favoriser lentreprise, aportant toute commodite a *Votre armee*, et incommodite a lennemi, et ce saisissant des forteresses qui ne sont grandes sacheminer vers Mosco, ny ayant neulle doute, Sire, *que* larmee de *Votre Majeste* ne soit receue avec ioye, de grande partye de gens du pays, lesquels sont iournellement en

[f. 221]

crainte tant de leur propre Cosaque *que* autres ennemis qui ne cessent a faire des courses ieusques par la comme encore lhyver passe, ce qui les travaille tellement quil ne desirent rien plus qu'avoit quelque prince forain sous lequel ils puissent iouyr de quelque assuree repos, mais sur tout seroit fort necessaire quil y heust bon ordre et discipline en *Votrer* armee, avec laquelle sans coup fraper comme cy cestoit, lon ce pouroit randre maistre ieusque a Vologda ou Ierislaf, qui est environ a cinquante lieue dallemanne de Mosco metropolitaine du pays, qui seroit pres de trois cens lieue dallemanne de pays conquise, et de la selon le temps et occasion lon pouroit estre grande, encore *que* le pays ne ce voulust soubmaître, lon pouroit faire quelque recreue par terre, entant quil faydroit employer de susdit nombre pour metre aux garnisons, et ainsin parachever la victoire, qui seroit asses facile, sy nous regardons lexemple du Polonnais et Shuedois (lequel avec moindre force coy quilz fusent tousiours au paravant ennemis, y a fait de grande victoire, laquelle ils eussent peu poursuivre, nestoit le desordre et peu de discipline qui est en leur armee) de tant plus, Sire, *que* *Votre Majeste* possederait de port d'archangel, qui est tout leur espoir, car par la ils seroit non seulement frustre de tout leur trafic, mais aussi de lesperance destre secouru damonition de gerre et autre chose necessaire qui leur vient la plus part de ces cartiers, tellement quil seroit force dune facon ou autre de flaisir, principalement si lon usoit de conseil pour ce gouverner aucunement

selon le pays, et ny, faire insolence, ainsin *Votre Majeste* ayant entrer au pays *Votre armee* poura tousiours avoir secours en cas de necessite par le moyen de Moneigneur le Prince de Rageville, par terre et ce a Chaq heure, prompt au besoin, sans grand depans.

Cant aux frais, Sire, ils ne seroient cy grand *que* lon ce pouroit imaginer, car sachant la facon du pays, et prenant une honneste, suportable, et raisonnable contribution du pays subiuge, en vivre et argant, ny fesant autre insolence, lon en pouroit payer grande partye de larmee (comme ie pouvois montrer plus amplement) ieusq a lentiere conquete, et en seroit le premier embarquement la plus grande despance, a laquelle ie me persuade, Sire, *que* les subiects de *Votre Majeste* marchans de la companie qui y trafiq, *que* si cy apres sur quelque consideration *Votre Majeste* ne vouloist proceder a une entiere conquete elle pouroit faire telle acord *que* bon luy semble, ayant comme on dit la carte blanche, et pouries faire aslire tel prince *que* bon voudries, a telle conditions *que* desireries.

Ayant donc achemine lafaire comme dist est, sans grand'efusion de sang, pour le desir quils ont destre comme dist est sous la protection d'un prince forain, exens des troubles et fatigues de la guerre, desquels ils sont extremement las et atenues, pour pouvoir iouir dun tranquille et assuree repos, comme il ce persuadoint obtenir sous le Polonnois et depuis sous le Suedois seroit apres facile, de les persuader a prester loreille a quelq reformation ou concille, ce *que* obtenant ny a neulle doute *que* lon ne leur fist bien tost connoistre leur erreur par lancien et nouveau testament mesme qui ce trouve auiourdhui translate parmi eux

[f. 221 v.]

et de consecant enbraser la sincere parolle de Dieu, de tant plus quils ont tousiours permis entre eux, exercise public a ceux de la Religion, car du temps du tyran Iohannes Baslius apres sa conquete de lyvonie, il permist aux prisonniers quil en avoit amene de bastir deux eglise dans la Cite de Mosco ou ils fesoient public exercise, et neust estre leur orgueil, y fust estre maintenus, au lieu de coy leur eglises furent en un instant demolye, et eux tous pillés et sacages, combien qu'incontinent apores leur fust ordonne une place a un quart de lyeue de la ville pour y bastir une autre eglise, ce qui ne leur fust seullement octroye en ladite ville mais en diverses autres — nommement a Serpo, Toule, et Nige novegorod, ou ils sestoint retires, et y ont continue leur exercise sans estre aucunement molestes, ieusques a ces dernieres guerres. Ce *que* ien dis, Sire, est pour montrer a *Votre Majeste* quils ont tousiours fait estat de ceux de la Religion, au lyeu *que* la Romaine

qu'autrement ils apelle latine, leur a este de tout temps en horreur, et la deteste comme la plus pernicieuse heresie qui fust iamais, abhoran mesme comme ignorans, la langue latine a cause de la Religion, comme aussi quil sera facile avec lasistance Divine (qui indubitablement prosperoit une cy *sainte* oeuvre) dacheminer lafaire a une fin desiree, pour laquelle effectuer, Sire, sy dy servir *Votre Majeste* y grand gou, ie moffre treshumblement et dedie tresaffectuesement dy servir *Votre Majeste* selon *que* me iugeres capable pour le peu de connaissance *que* iay du pays, de leur affaires, de leur force, ordre discipline et de ce quils peuvent faire, y ayant este, servy et honore de belle charge, ne doutant neullement, Sire, *que* Dieu nen fist veoir la fin, a son honneur et a sa gloire, a la confision des fidelles, pour le profit incroyable qui en provienroi de veoir un cy grand pays estre reduit sous vray connoissance de Dieu sous lobeissance de *Votre Majeste* qui vous feroist estre la terreur de l'antechrist, redoute des Turc crain Tartares et de tout vos ennemis.

Public record office, State papers 91/1, ff. 220—221. Подлинник.

Публ.: Dunning Ch. A letter to James I Concerning the English Plan for Military Intervention in Russia // *Slavic and East European Review*. Vol. 67. № 1. January 1989 P. 94—108 на фр. яз, с англ. пер.

ПЕРЕВОД

[f. 220] Государь,

Ваше Величество да соблаговолит рассудить, чтобы разрушить происки и замыслы, которые всегда вынашивали Паписты с целью стать твердой ногой в России посредством королей Польши. Как это было во времена покойного короля Стефана, который, завоевав большую часть России, при содействии Понтифика заключил мир с правившим тогда Иваном Васильевичем по прозванию Тиран, в надежде при помощи заключенных секретных соглашений присоединить со временем все его земли к лону этой матери блуда. Но их замысел остался безуспешным, и тогда, не обескуражившись, снова стали подбираться [к русским землям] посредством Димитрия, в чем их надежды рухнули и были похоронены с его смертью. Тем не менее, они продолжают замышлять новые заговоры и испытывают фортуна при ныне правящем короле, и при его посредстве настолько преуспели, что, кажется, только Господь воспротивился этому, чтобы сорвать их продвижение

и помешать возведению этого Вавилона, и также, дабы открыть глаза и придать смелости Вашему Величеству, одаренному столь редкими и прекрасными доблестями, коего он избрал защитником веры. Бог вложил вам в руку силу не только для того, чтобы воспрепятствовать указанным намерениям — столь опасным и несущим вред истине Евангелия, что никто не может себе это представить, но [также] и для того, дабы привести к истинному познанию Бога эту нацию. И хотя может показаться, что удобный момент [для этого] уже прошел, в то время, как враги не прекращают строить козни и злоумышлять, чтобы снова пойти по тому же пути, что, как мы видим, они и сейчас делают, я могу заверить Ваше Величество, что если бы не зависть и опасения короля Польши в отношении своего сына, дела России не были бы в таком состоянии, как сейчас. Конфедераты предложили королю вернуться туда, после получения от короля своей платы, с тем условием, чтобы он послал принца, своего сына, вместе с ними, и они согласились даже не просить более платы от польской Короны, а вместо этого добиваться себе содержания только в России. Штаты этим удовлетволялись, и сам король был согласен [это] принять, но при условии, что он сам лично поедет вместе со своим сыном, с чем конфедераты не хотели соглашаться. Я нисколько не сомневаюсь, Сир, что если бы они поехали, как это предполагалось, они могли бы легко достигнуть своих целей и далее продолжать осуществлять свои намерения. Я могу заверить Ваше Величество, что сам король лично готов и расположен ехать, к чему подталкивается помимо иезуитов и королевой (последней не без причины). Я верю, что хотя большая часть Сейма этому воспротивится, они удовлетворятся при названном условии, что туда отправится принц, если король это дозволит. [Принц] там смог бы сильно помочь делу Смоленска, и не верится, чтобы они не выполнили бы всего необходимого, чтобы удержать его в своих руках, поскольку осада стоила стране весьма значительной суммы денег. Нельзя судить о том, какое решение может быть принято на ближайшем Сейме. Король имеет на своей стороне всех церковников, но без собственной группировки, что полностью закрывает ему путь, который пока еще открыт Вам, Сир, чтобы воспротивиться всем этим намерениям и осуществить столь прибыльное предприятие.

[f. 220 v.]

Каковое [предприятие], Сир, по моему мнению, является достаточно легким, поскольку страна сегодня все еще находится в расколе и открытой распре как между различными группировками, одни из которых тайные, другие явные, как поляки, шведы, те, кто поддерживает Заруцкого со вдовой первого Димитрия и ребенком от самозванца второго Димитрия, не считая различных знатных, которые стремятся к короне, так и между теми, которые кажутся объединенными и силой или по дружбе подчинившиеся тому, кто правит ныне. Ибо не может без обиды для знати и большей части страны быть то, что против их воли казаки, которые есть ни что иное, как сборище отребья и изгоев, большая часть которых многократно заслужила смертной казни, избрали названным образом ребенка не за его возраст и образованность и, тем более, что он по крови не принадлежит к королевскому роду, к которому принадлежали Димитрий или Федор, сыновья Тирана, ни даже к достаточно великому и знатному дому, так как в стране есть более великие, не был он воспитан и образован настолько, чтобы долго временно править страной. Его отец был епископом или митрополитом, сейчас являющийся пленником польского короля, [сам же он] малоопытен в государственных делах. Все это дабы вертеть им, как им [казакам] заблагорассудится, что в настоящее время и происходит, так, что им дозволены любые дерзости, сами устанавливая закон всей стране, оседлав дворянство, и, можно сказать, причиняя такой ущерб, которого, можно сказать, не смог бы сделать никакой враг, разве что они не сжигают дотла города и села. Таким образом, по общему мнению людскому, нельзя не ждать общего бунта страны при первом же случае, эта страна — страна завоевания, где хозяином является каждый, кто имеет в руках некоторую силу. И так как никого, способного править или способного своим авторитетом усмирить волнения, меж ними нет, то они сами это правильно поняли и признали своим выбором, который они сделали в пользу польского принца, а значительная часть страны — принца Швеции.

Итак, по моему суждению, Ваше Величество, можно начать предприятие следующим образом, а именно: набрать около трех тысяч человек и высадить их под предводительством генерала, подходящего для такого дела, благоразумного и рассудительного, кото-

рый будет иметь перед глазами честь и службу Вашему Величеству, а не добычу, и, прежде всего, не упрямого, но готового внимать совету и способного всячески сообразовываться со временем и условиями страны, уполномоченного Вашим Величеством с письмами и открытыми грамотами, дабы посылать их по всей стране, содержащие доводы, по которым вы пустились в это предприятие. И приказать захватить землю в Архангельске, месте весьма подходящем и удобном, чтобы продвинуть дело, благоприятствовать успеху Вашей армии и доставлять неудобства противнику. И далее, захватывая крепости, среди которых нет крупных, продвигаться к Москве. Нет никаких сомнений, ваша армия будет с радостью встречена большей частью людей той страны, которые пребывают постоянно в

[f. 221]

страхе как от собственных казаков, так и от прочих врагов, которые не прекращают рыскать по всей стране, как это было еще прошлой зимой. Это настолько изнуряет их, что они мечтают единственно о том, чтобы иметь какого-нибудь иноземного государя, под которым они могли бы наслаждаться надежным миром. Но в первую очередь необходимо, чтобы в Вашей армии был хороший порядок и дисциплина, при них можно без единого выстрела стать хозяином земель до Вологды или Ярославля, который находится в 50 немецких лье от Москвы, метрополии страны, что будет составлять 300 немецких лье от [первоначально] завоеванного края, и в зависимости от времени и случая, можно двинуться и дальше. На случай, если понадобится предупредить некоторое сопротивление, которое в любом случае не может быть большим, даже если страна не захочет подчиниться, можно будет произвести военный набор по землям с тем, чтобы разместить некоторое количество этих набранных в гарнизонах, а затем завершить победу, которая достанется достаточно легко, что показывает пример поляков и шведов (с ничтожной силой одержавших большую победу, которую смогли бы развить, если бы не беспорядок и слабая дисциплина в их армиях). Тем более, Сир, что Ваше Величество завладеет портом Архангельска, на который у них вся надежда, они тем самым не только будут разорены во всей своей торговле, но также лишатся надежды на получение помощи из военного снаряжения и прочего необходимого, по большей части идущего из этих краев. Таким образом, они будут

принуждены покориться тем или иным манером, в первую очередь, если использовать совет управлять только сообразно стране и не вести себя вызывающе. К тому же, войдя в страну, Ваша армия, всегда в случае необходимости, может получить по суше помощь от монсеньора принца де Радзивилла, в любой час, весьма скорую при надобности и без больших затрат.

Что до расходов, Сир, они будут не столь велики, как это можно было бы вообразить, поскольку, зная характер страны и взямая честную, терпимую и разумную контрибуцию с покоренной страны продовольственными припасами и деньгами и без дерзостей, ею можно было бы оплатить большую часть армии (что я могу показать более подробно), вплоть до полного завоевания. Самые большие расходы нужны для первой высадки, в которых, как я убежден, Сир, подданные Вашего Величества, торговцы торгующей там компании, охотно примут участие, чтобы затем единственными вести там торговлю. И если затем по каким-то соображениям Ваше Величество не захочет приступить к полному завоеванию страны, оно может заключить такой договор, какой ему заблагорассудится, имея, как говорится, картбланш, и могли бы заставить избрать такого государя, какого захотите, и с теми условиями, каких пожелаете.

Закончив предприятие, как уже сказано, без большого пролития крови из-за вышесказанного их желания быть под защитой иноземного государя, освобожденными от смуты и тягостей войны, от которых они в конец устали и изнемогли, чтобы иметь возможность наслаждаться спокойным и прочным миром, как они воображали себе добиться под Поляками, а затем под Шведом, их после будет нетрудно убедить прислушаться к некоторой реформе или церковному собору. Это вне всяких сомнений достижимо, если заставить их понять заблуждения по поводу Ветхого и Нового завета, тем более, что они у них сегодня переведены,

[f. 221 v.]

и впоследствии принять истинное слово Божие. Благо, что публичное отправление религии всегда было дозволено у них тем, кто принадлежал к [реформированной] Религии со времен тирана Ивана Васильевича, [когда] после завоевания им Ливонии, он разрешил приведенным туда пленникам построить две церкви в городе Москве, где они публично вели службу, и если бы не их гор-

дыня, они были бы им сохранены, вместо чего их храмы были враз разрушены, а все они ограблены и разорены за невоздержанность. Но незамедлительно вскоре после этого им было отведено место в четверти лье от города, чтобы построить там другую церковь, что было им дозволено не только в названном городе, но и в различных других, а именно Серпухове, Туле и Нижнем Новгороде, куда они перебрались и продолжали совершать службы без каких-либо беспокойств до этих последних войн. То, что я об этом говорю, Сир, служит тому, чтобы показать Вашему Величеству, что они всегда признавали тех, кто принадлежит к [реформированной] Религии, в то время как к римской церкви, которую они еще зовут латинской, они всегда испытывали отвращение и ненависть как к самой опасной ереси, какая когда-либо была, чувствуя омерзение и пребывая в невежестве относительно латинского языка по причине [своей] Религии. Так что будет легко с помощью Бога (который, несомненно, даст успех столь святому делу) довести дело до желанного конца, чтобы осуществить которое, Сир, коли Ваше Величество будет иметь вкус к этому, я предлагаю себя весьма смиренно и посвящаю [себя] с любовью служить Вашему Величеству, поскольку считаю себя способным на это в силу того небольшого знания, которое имею об этой стране, их делах, силах, порядке дисциплины и того, что можно там делать, каковым обладаю, побывав там, служив и быв удостоенным прекрасной должности, немало не сомневаясь, Сир, что Бог явит конец [данного предприятия] к своей чести и славе и посрамлению врагов своей веры и большому удовольствию Вашего Величества и радости всех верных, к невообразимой пользе, которая произойдет из того, что эта огромная страна под повиновением Вашего Величества будет приведена к истинному знанию Бога, который сделал вас ужасом антихриста, грозой турок, страхом татар и всех ваших врагов.

№ 3

1619 г. 9(19) мая [9 мая/29 апреля?]¹². — Письмо Маржерета из Байройта¹³ в Гейдельберг французскому посланнику при курфюрсте Пфальцском¹⁴, барону Этьену де Сент-Катрину¹⁵ с информацией о текущих внешнеполитических событиях и частных вопросах

Monsieur

Mon mesager estant de retour de Poloigne m'a aporte l'incluse de monsieur de la Blanque laquelle il me recommande fort, quoy *que* je crain quelle soit de vieille date, etant *que* le mesager est retourne pendant gestois a Leypzick, ou ay seiourne quinz jours. Je l'ay de tant mieux recommande a Miremburg, a ce quelle n'y soist retenue. Quant aux nouvelles quen ay, elle ne^a sont autres que la fin de la dyete et des trois pobors quon a consenti et conclud, *que* lon tiendroy 24000 hommes sur les confins pour enpescher incursion des tartares, comme aussi *que* l'on donneroist aux cosaques drap et argent a ce quil taschent dendommager les tartares sur leur terre propre, car le grand Cam a escrit unne lettre fort arrogante au Roy. Quant au Turk, lembassadeur de Poloigne qui est a la Porte, donne esperance d'unne paix; toutefois cy autrement arivoist, lon a conclu le pospolite rushenye, de quoy je panse *que* monsieur de la Blanque vous aura escry au long. Les soldats, a ce quon mescry de Vilna, qui sont sortis avec le prince de Moscovye, se sont confederes, selon les nouvelles qui y ariverent ainsin quon vouloist cacheter ma lettre, e mesme commenchoit a faire degast. Quant aux loups, voici ce *que* monsieur de la Blanque mescrit, Touchant aux loups, je vous en envoie cinq, les plus beaux *que* j'ay peu trouver beaucoup plus beaux, *que* cinq, *que* jenuoiay lannee passe a monsieur de St.Catherine, mais ils sont chers, et cy nen trouve l'on point. Monsieur de St.Catherine en auoist demande encore un, je ne l'ay ceu trouer en toute la ville, me le falut faire achepter a la foyre de Thorn. Ils coutent 8 flo.10 gr. la pièce qui font^b cinq reichs daller et cinq gross, et pour les enpaqueter 15 gros. Je ne les ay ceu avoir un lyard moins, comme monsieur Roboham a veu. Ils sont a present fort requis a cause *que* les mardres sont cy cheres. Jusque icy monsieur de la Blanque. Le port jusque a Leypzick couste un reichs daller, qui est ce *que* pouves avoir de moy faute dautre nouvelle, pour le present. Avec coy vous baisan humblement les mains et prian de me faire part de ce quaves, suis et demeure,

Monsieur ^c,

J'espere Dieu aydant faire un voyage en Poloigne dans un mois, cy vous plait me commander quelque chose, men aduertires. Je vous pryе aussi de baiser humblenment les mains de ma part a monsieur de Vilarnon, monsieur Engelsheim. Ma curiosite me potre a depaqueter les peau de loups, je les trouve assez raisonnables, mais il les faut bastre, et faire racommoder, car ils sont tous presses Je les ay fait de rechef bien enpaqueter.

Votre bien humble et
tres affectionne seruiteur
Margeret
[De Le?] Bereyt ce 9 may 1619

*Пометы на обороте: Адрес — A monsieur,
Monsieur de S-te Catherine conseiller du Roy tres chrestien et agent pour
Sa Ma[jes]te aupres du Ser[enissi]me Ellecteur Palatin.
Hiedelberg^d*

*Чуть ниже и рядом с адресом помета о получении —
Mr de Margeret, du 9/19 may receu XXii juin, avec 5 lous. 1619e*

Bibliothèque nationale de France, Ms. fr. 4117 f. 131. Подлинник

*Публ.: 1. Chevreul H., *Estat de l'Empire de Russie, et Grand Duché de Moscovie avec ce qui s'y est passé de plus mémorable et Tragique, pendant le règne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590 jusques en l'an 1606, en Septembre, par le capitaine Margeret. Nouvelle édition, précédée de deux lettres inédites de l'auteur et d'une notice biographique et bibliographique par H. Chevreul Paris, 1860. P. XIX—XXI (на фр. языке); 2. Болдаков. Сборник материалов. С. 91—94 (французский текст с переводом на русский).**

Примечания: ^a «пе» вставлено между строк; ^b Подчеркнуто в тексте; ^c Дальнейший текст до подписи Маржерета написан им более мелким почерком; ^d почерком Маржерета; ^e другим почерком.

ПЕРЕВОД

Месье,

возвращаясь из Польши, мой курьер привез прилагаемое [письмо] господина де Ла Бланка¹⁶, на [важности] которого он весьма настаивает, хотя я опасаясь, что оно давнее, так как курьер вернулся после того, как я побывал в Лейпциге, где находился две недели. Тем скорее я послал его в Миремберг¹⁷, с тем чтобы оно там не задержалось. Что до новостей, которые в нем содержатся, то в нем ничего иного, как окончание Сейма и трех поборов, на которые было дано согласие, и было решено, что на границах будут держать 24000 человек, чтобы препятствовать набегу татар, а также казакам будут посланы деньги и ткани с тем, чтобы они старались наносить татарам ущерб на своих собственных землях, поскольку Великий хан написал королю весьма дерзкое письмо. Что же до турок, то посол Польши, пребывающий в Порте, подает надежду на мир. Тем не менее, если произойдет обратное, постановили посполитое ру-

шение¹⁸, о чем, я думаю, вам основательно напишет господин де Ла Бланк. Солдаты, которые выступили с принцем Московским¹⁹, о чем мне написали из Вильны, объединились; согласно новостям, которые поступили туда в тот момент, когда письмо ко мне уже хотели запечатать, [они] сами начинают бесчинствовать.

Что до волков, вот что написал мне господин Ла Бланк: «О волках: я посылаю вам их пять, самых лучших, каких мог найти, намного лучше тех, что я посылал господину де Сент-Катрину в прошлом году, но они дороги и их невозможно найти. Господин де Сент-Катрин попросил еще одного, но я не смог его найти во всем городе, и мне пришлось приказать купить его на ярмарке в Торне²⁰. Они стоят 8 флоринов 10 грошей за штуку, что составляет 5 рейхсталеров 5 грошей и еще 15 грошей, чтобы их упаковать. Я не мог обойтись суммой ни на лиард²¹ меньше, чем свидетель господин Робохам. В настоящий момент они очень востребованы, поскольку куницы столь дороги». До этих пор [текст] господина Ла Бланка.

Доставка до Лейпцига²² стоит один рейхсталер, вот и все, что я могу сообщить Вам в настоящее время за неимением других новостей. С чем смиренно целую ваши руки, умоляя вас и дальше принимать во мне участие, в чем был, есть и пребываю,

Месье, Вашим покорнейшим и преданнейшим слугой,
Маржерет

Надеюсь, Бог поможет проделать путешествие в Польшу через месяц, и если вам угодно поручить мне что-либо, уведомьте меня об этом. Я прошу смиренно поцеловать за меня руки господину де Виларнону, господину Энгельхайму²³. Мое любопытство заставило меня распаковать волчьи шкуры, я нахожу их приличными, но их следует выбить и выправить, так как они все смялись. Я велел их снова упаковать.

Пометы на обороте: Адрес — Господину,

Господину де Сен-Катрину, советнику христианнейшего короля и посланнику его Величества при светлейшем курфюрсте Палагинском.

Гейдельберг

Чуть ниже и рядом с адресом помета о получении —

[от] г. Маржерета, 9/19 мая, получено 22 июня, с 5-ю волками. 1619 (другим почерком XVII века).

Первый перевод на русский язык опубликован: Болдаков. Сборник материалов. С. 91—94.

№ 4

1619 г. 9 (19) июля [9 июля/29 июня?]. — **Письмо Маржерета из Байройта в Гейдельберг французскому посланнику при курфюрсте Пфальцском, барону Этьену де Сент-Катрину с просьбой ходатайствовать в финансовых делах князя Радзивилла**

Monsieur,

Vous avez entendu par cy devant le faillissement de Leypzeller et comme il demeure redeuable d'une bonne somme a Monsieur le prince Radzuill, quil avoist mis en depest pour unne partye du Douaire, de Madame la Princesse, et combien que ladiste somme soist privilegiee avant autres, cy nen a ton peu jesusques a present estre contenté, coy que ledist Leypzeller, en aye de temps en temps donne de grandes esperances, et ainsin ne voy moyen assure de la recouvrer, cy ce nest par celuy cy quil propose, assavoir: qu'il presta y a quelque annee a lempreur defunct, une somme de denier laquelle a este employee, selon lobligation qu'il en a de lempreur, a l'entretienement des garnisons sur les^a frontieres dhongrye, laquele somme luy devoist estre payee dans deux ou trois ans, et auoist assignation du payement sur la chambre daugsbourg, en laquelle se payent les contributions de Franconye, nonobstant^b a esté dilaye dannee a autre: mais lannee apres son faillissement, solicita lempreur a Vienne, pour obtenir unne speciale assignation sur Messieurs les Marquis de Brandenburg, lesquels doivent, quelque reste a lempreur pour vieille contribution concédée par le vieux Marquis danshbach pour la guerre dhongrye, de coy ledit Leypzeller, selon son dire, navoist seulement bonne esperance, ains promesse dobtenir ladite asignation, mais tant daffaires survenue en ladite année, comme la guerre de Boheme, et joint a lindisposition de lempreur, ont retardé ceste affaire jesusques a sa mort, par laquelle toute esperances sont tombée de ce coste la, et ainsin est contraint avoir recours a son Altesse Monsieur lelecteur Palatin, lequel pendant son vicariat peut terminer ceste affaire, laquelle est (pour ne vous atedier) aux termes que verres par la copie de sa suplication a son Altesse, y

joincte ensemble l'original. Or sachant le credist et amys qu'aves a la court, vous suplye prandre la paine d'en *communiquer* au plus tost avec ceux *qui* jugeres vous pouvoir esclaircir, cy sa requeste est fausse, c'est a dire cy son Altesse pendant son vicariat se peut entremettre et terminer ceste affaire, et luy obtenir ce quil demande, coy *que* ce ne fust tant a son regard qu'a celuy de *monsieur* le Prince Radzivill et de *Madame* la Princesse, *comme* soeur de *Messieurs* les Marquis pour la douairye de laquelle ladite *somme* detenue par ledist Leypzeller devoist estre employée. *Monsieur* Feiltsh, directeur ou chancelier de *monsieur* le Marquiss Christian en escrist un mot cy joint a *monsieur* Camerarius. J'en eusse aussi escry a *monsieur* Lengelsheim, n'éstoit que je suis assuré, qu'une parole de vous fera plus qu'aucune lettre que pourois escrire. Cy croyes l'affaire se pouvoir acheminer a bonne fin, pourses assurer ceux qui sen mesleront que pour n'estre ingrat de la peine qu'il pourront prendre, seront recongnu un chacun d'eux dunne traine de cent ou six vingt duca. Je vous pryе mexcuser de la liberté *que* je pran, indiscrete, a la verité, toute fois fondee sur l'offre quil vous a tousiours pleu me faire, *que* lorsque vous priray de quelque chose *que* vous vous y employres volontier vous obligeres en cela, et tout ceux qui cy emploiront, *monsieur* le Prince Radzivill, (lequel le reconnaistra sur le raport que luy en feray), mais moy principalement, de demeurer (combien *que* ne puis faire autrement) a jamais,

Monsieur,

Votre bien-humble et très-affectionné seruiteur

Margeret.

Il vous plaira m'excuser envers *monsieur* Lengelsheim *que* je ne luy escry faute de subiet digne, et luy baiser humblement les mains de ma part et a *monsieur* de Vilarnon. Joublye de dire *que* ne suis encore resou, cy feray cest esté un voyage en Pologne ou non, j'ay prié le sieur Firstenhaiser d'envoyer le present paquet par mesager exprés, pour avoir par iceluy responce ou cas quil naye *commodité* assurée a la reception de la presente, partant vous plaira m'eclaircir au plus tost de votre opinion en cette affaire et de celle de vos amys.

De Bereyt, 9 Juillet 1619

Пометы на обороте: Адрес — А Monsieur

Monsieur de S-te Catherine conseiller du Roy tres chrestien et agent pour Sa Ma[jes]te aupres du Ser[enissi]me Ellecteur Palatin.

Hiedelberg^с;

Чуть ниже и рядом с адресом помета о получении: Mr le capitane Margeret, du 9/19 juillet, reçu 24 juillet.

Еще ниже запись: Le contenu de la commission donnée au duc Jean Casimir de Saxe n'estant point speciffiée en la requeste présentée à Son Altesse l'Electeur Palatin, on ne peut ayder en l'affaire proposée sans en estre mieux informé, ce qui devoit^d avoir este fait avant que le vicariats fut sy prest à^e prendre fin par l'Elect. En Empr^f.

*Печать коричневого сургуча с анограммой «I M» (Jacques Margeret?)
Bibliothèque Nationale de France, Ms fr. 4117 f. 132—133.*

Подлинник

*Публ.: 1. Chevreul H. Op. cit. 2-e ed. 1860. P. XXIII—XXVI (на фр. языке);
2. Болдаков. Сборник материалов. С. 94—98 (французский текст с переводом на русский).*

Примечания: ^a «sur les» вставлено между строк; ^b «nonobstant» вставлено между строк вместо зачеркнутого «mais»; ^c почерком Маржерета; ^d Первоначально: Devoir Este (зачеркнуто); ^e Первоначально: Finir se pour (зачеркнуто); ^f запись выполнена другим почерком.

ПЕРЕВОД

Месье,

вы слышали ранее о банкротстве Лейпцеллера²⁴ и как он остается должным сумму господину принцу Радзивиллу²⁵, которую [Радзивилл] передал ему на хранение как часть дуэра²⁶ принцессы Радзивилл²⁷, и хотя названная сумма была более привилегированной в сравнении с остальными, он до сих пор не получил в том удовлетворения[. И] хотя указанный Лейпцеллер не раз давал ему в этом большие надежды, тем не менее, единственный верный способ получить ее, предлагаемый им же самим [Лейпцеллером], заключается в следующем. Несколько лет тому назад он [Лейпцеллер] одолжил покойному императору²⁸ сумму, которая была израсходована, согласно обязательству, которое он имел от императора, на содержание гарнизонов на границе с Венгрией, каковая сумма должна была быть ему выплачена в два-три года, и имел платежное распоряжение на [финансовую] палату Аугсбурга, в которую выплачивались взносы Франконии, но [эта выплата] откладывалась из года в год, и год спустя его банкротства, [Лейпцеллер] ходатайствовал у императора в Вене о получении особого платежного распоряжения на господ маркизов Бранденбургских²⁹, остававшихся долж-

ными императору некоторую сумму в счет давнего взноса, принятого на себя старым маркизом Ансбахским³⁰ ввиду ведения войны в Венгрии³¹; по словам вышеназванного Лейпцеллера, он не только имел твердую надежду, но и прямое обещание получить сказанное платежное распоряжение, но поскольку дело происходило в то же время, что и война в Богемии³², а вместе с тем и из-за болезни императора, с этим делом тянули до самой смерти императора, из-за которой все надежды рухнули, и он был вынужден обратиться с прошением к его Светлости господину Палатинскому курфюрсту, который во время своего викариата³³ может положить конец этому делу, каковое находится в состоянии, изложенном (чтобы не утомлять Вас) в копии его прошения к его Светлости, приложенной вместе с оригиналом. Итак, зная кредит и друзей, которые Вы имеете при дворе, он просит Вас взять на себя труд снестись в скором времени с теми, от кого можно с точностью узнать, не отправлено ли прошение ошибочно, [а] если его прошение ошибочно, то есть Его Светлость за время своего викариата не сможет вмешаться и положить конец делу и добиться для него того, что тот просит, будет доведено до того, что будет в соответствии с его, так и принца Радзивилла и госпожи принцессы, в счет наследства которой, как сестры господина маркиза, эта сумма, удержанная этим Лейпцеллером, должна быть употреблена. Господин Файльтш³⁴, директор или канцлер господина маркиза Кристиана об этом написал прилагаемое здесь словечко господину Камерариусу³⁵. Я мог бы также написать об этом господину Ленгельсейму, не будь я уверен, что одно ваше слово может сделать больше, чем любое написанное [мною] письмо. Если Вы считаете, что дело может быть окончено с благополучным исходом, можете уверить всех, кто примет в нем участие, чтобы не быть неблагодарным по отношению к их возможным хлопотам, что каждому из них будут обязаны суммой в сто — сто двадцать дукатов. Я прошу прощения за взятую на себя вольность, по правде нескромную, но, тем не менее, основанную на предложении, которое вам было угодно мне всегда делать, что когда я вас попрошу о чем-нибудь, вы охотно окажете мне содействие. Этим [содействием] вы и все те, кто в этом будет замешан, обяжете господина принца Радзивилла (который отблагодарит за услугу, согласно тому представлению, которое я подам), но в первую очередь навсегда обяжете меня (хотя и без того не может быть иначе),

Месье,
ваш весьма смиренный и очень любящий
Маржерет.

Вам будет угодно извинить меня по отношению к господину Ленгельсейму за то, что не пишу ему за отсутствием достойной его темы и смиренно поцеловать от меня руки ему и господину де Виларнону. Я забыл сказать, что еще не решился, поеду этим летом путешествовать в Польшу или нет.

Я попросил сеньора Фирстенхайзера послать настоящий пакет со срочным курьером, дабы иметь с оным скорый ответ (в случае, если при получении настоящего [письма] не найдется верной okazji для передачи ответа); исходя из этого, соблаговолите как можно скорее уведомить меня относительно вашего и ваших друзей мнения по этому делу.

Из Байройта 19 июля 1619 г.

Пометы на обороте: Адрес — Господину,

Господину де Сент-Катрину, советнику христианнейшего короля и посланнику его Величества при светлейшем курфюрсте Палатинском.

Гейдельберг

Чуть ниже и рядом с адресом помета о получении: От г. капитана Маржерета 9/19 июля, получено 24 июля (*другим почерком*).

Еще ниже запись:

Поскольку содержание поручения, данного герцогу Иоанну Казимиру Саксонскому³⁶ не упомянуто в прошении, представленном его высочеству курфюрсту Палатинскому, предложенному делу невозможно помочь, не будучи лучше извещенными, что надлежало сделать, прежде завершения викариата в Империи, который скоро закончится избранием Императора (*другим почерком*).

Первый перевод на русский язык опубликован: Болдаков. Сборник материалов. С. 94—98.

№ 5

1620 г. 19 (29) июля. — **Письмо из Данцига (Гданьска) посланника английского короля в Польше Патрика Гордона³⁷ Якову I с извещением о том, что кн. Януш Радзивилл направил Маржерета в Англию**

Please your sacred *Majestie*

These ar the occurrences I could learne at my arrivall hither to Danscken.

Charles Archiduke Bishop of Nysse having all the last winter sollicited the King and Catholick Romanes of Poleland for aide to his brother th' Emperour, at last offered to submit his Bishopricke to the archbishops of Gnesna primat of Poleland, as his superiour, therby to procure the polonian assistance JURE CLIENTELARI. But being frustrated of his intention, he retired unknowne to Austria; and the prince of Poleland, leaving the king at Varsavia, past to Grodno, where as yet he remaneth with a verie small court; whither of anie discontentment, or of policie, I can not yet knowe.

The parliament is delayed untill October, before the tyme answer is expected from the ambassadour, now in Constantinople entreating for confirmation of the late renewed peace, violated by the Cosackes: Who (as the king of Poleland alleadgeth) have invaded the Turkes, Transylvanians, Hungarians and Silesians against his Will. The excusation is vehementlie suspected, because manie Polonian Husares & others gentlemen have been amongst these Cosackes and now latelie above twentie of them captives in Silesia, were strangled at Bratislavia. Others also, not long since, past into Transylvania, and have used great crueltie with fyre and sword:

Wherfore the polonian Ambassadour sent to the present parliament in Hungarie is there arrested, as is constantlie here reported.

The Jesuitish Shoolmen in Lublin (the cheef seat of justice in Poleland) have insolentlie pulled down the protestantes church there, Wherof as appeareth great tumult will arise.

The investiture of the Electour of Brandenburg in the Dutchie of Prussia is differred untill the next parliament in Poleland.

Prince Janusius Radzeuil is at the Bath of Heressberg in Silesia. Captane Mergerit is here, sent by him to your *Majestie* with some horses & a respon. from Varsaw. I shall (if God please) write at more length and more certane.

So wishing your *Majestie* a long prosperous reigne I most humblie kisse your *Majesties* hands

Your sacred *Majesties*

Most humble servant

Patrik Gordone

Dansk the 19 of
Julie, st. vet. 1620

*Public record office, State papers 88/3, part 2, f. 173. Подлинник.
Публикуется впервые.*

ПЕРЕВОД

Ваше священное Величество,
Вот те обстоятельства, которые я смог выяснить по моему при-
бытию в Данциг.

Эрцгерцог Карл³⁸, епископ Нисский, добивался всю прошед-
шую зиму, чтобы король и римские католики Польши оказали бы
помощь его брату — императору, наконец предложившему под-
чинить его епископство архиепископу Гнезно, примасу Польши,
как его *сеньору*, чтобы обеспечить помощь поляков по праву кли-
ентелы (JURE CLIENTELARI). Но потерпевши неудачу в этом на-
мерении, он тайно уехал в Австрию. И польский принц, оставив
короля в Варшаве, отправился в Гродно, где пребывает по сей день
с очень небольшим двором, то ли вследствие недовольства, то ли
по какому-то замыслу, я не могу пока узнать.

Сейм отложен до октября, пока не придет ожидаемый ответ
от посла, который ныне находится в Константинополе, где ведет
переговоры по подтверждению последнего договора, нарушенного
Козаками, которые, как уверяет король Польши, грабили Турок,
Трансильванцев, Венгров и Силезцев вопреки его воле. Очевидно,
что эти извинения вызывают сильные подозрения, поскольку
среди этих казаков было много польских гусар и иных джентль-
менов, и недавно более двадцати из них были пленены в Силезии
и удушены в Братиславе. Другие же вскоре после того перебрались
в Трансильванию и выказали большую жестокость, предав страну
огню и мечу.

По этой причине польский посол, отправленный на текущий
венгерский Сейм, был арестован, как нам сообщают.

Люди из иезуитской коллегии в Люблине (где заседает верхов-
ный суд Польши) незаконно снесли там протестантскую церковь,
из-за чего, по всей видимости, может вспыхнуть большой мятеж.

Инвеститура курфюрста Бранденбургского в герцогстве
Пруссия отложена до ближайшего сейма в Польше.

Князь Янош Радзивилл находится на Херсбергских водах в Силезии³⁹. Им послан к Вашему величеству Капитан Маржерет с некоторым количеством всадников и с ответом из Варшавы.

Я отпишу (если Богу будет угодно) более подробно и определенно.

Засим желающий Вашему Величеству долгого и счастливого царствования, я покорнейше целую руки Вашего Величества,

Вашего священного Величества

Покорнейший слуга,

Патрик Гордон.

Данцинг, 19 июля старого стиля, 1620

№ 6

1621, 13 (3) июня. — **Гарантийное письмо (вексель) полевого гетмана Великого княжества Литовского, князя Христофора Радзивилла⁴⁰, выданное в Вильно (Вильнюсе) Жаку Маржерету, по возмещению расходов на поездку в Англию**

[f. 1]

VON GOTTES GNADEN WIER^a CHRISTOPHORUS | RADZIUIILL Herzog zue Birze, Dubinki etc. deß Heyligen | Römischenn Reichs Fürst, unnd deß Großfürstenthumbs | Littauen GENERALfeldherr etc., urkundten^b hiemit: dem|nach uff^c weyland deß Hochgebornen Fürsten, Herrn | JANUSSY RADZIUIILLN Herzogens zue Birze, Du|binki, Schluzko^d unnd Kopyll etc. deß hey. Römischen | Reichs Fürstenn unnd CASTELLANEN: | zue Wilda^e Unnsres freundlichen herzvielgelibten | Herrn Bruders, Beuelch unnd begeren, der Edel JACOB | MARGERET Obristenleütenant und fürstlicher | Radziuillischer Fraw Wittibin^f, unnsrer freundlicher | geliebten Schwegerin unnd Geuatterin Oberhauptman uff | Lichtenberg etc. eine Raiß zu der Königlichen Maiestat | in Engelland, in angelegen S[eine]r unnsers Herrn Bruders | hochlobseligen L[ebens] Sachen verrichtet, unnd Eintaußendt | Einhundert guldenn bei Wessel Schenkenn sowoln Ein|taußendt fünffhundert zwenunnddreißig gulden | bei Jacob **Regni[e]rs** beedenn Kaufleüthen in Danzig | uff gewisse Zeit uffgenommen: daß Wier | solche beide Summen alß In allem ZWEYTAUßENDT | SECHSHUNDERTZWEUUNDDREYßIG GULDEN Wechsell | zusambt dem gebürlichen INTERESSE, **ermeltenn** Kauf || [f. 2] leüthen zue anderm

danck, uff den Dreyzehenden JU|LY **schirst**künfftig, wiederumb pahr⁸
 außzahlen | **also** unnsers hochlobseligen Herrn Bruders guten Na|men
dadurch retten: und Ihm MARGERETEN aller|dings schadlos haltenn
 wollenn. Zue | **gewisser** Sicherheit habenn wier unnsер Fürstlich SE|CRET
 hiefür trükkenn^h laßen, Unnd Unns eigenhendig⁴¹ | unterschriebenn.
 ACTUM. Wilda⁴² den drey|zehenden JUNY ANNO CHRISTI 1621. ||

*Помета на обороте: Copia Zapisu X[ięcia]][ego]M[iłości] P[ana] Hetmana
 | ktorym płacic to co Margaretu w[i]e|leł Szenka nabrał, zapisujesz. |*

*Archiwum Główne Akt Dawnych (w Warszawie). Главный Архив Древних
 Актów (Варшава). Archiwum Radziwiłłowskie, Dział V, Nr. 9282a, f. 1—2.*

Публикуется впервые⁴³.

Примечания: ^a Так в тексте; пример гиперкорректности — вместо «wir»; ^b Так в тексте; ^c «uff» — региональное, особенно верхненемецкое, соответствие «auf»; ^d Schluzko — Слуцк; ^e Старонемецкое название Вильно; ^f Вариант написания слова «Witwe» (вдова); ⁸ Возможный вариант написания слова «bar»; ^h Возможно, вариант написания слова «drucken».

ПЕРЕВОД⁴⁴

[f. 1]

БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ МЫ, ХРИСТОФОР РАДЗИВИЛЛ, князь на Биржах, Дубинках и т. д., князь Священной Римской империи, полевой гетман Великого княжества Литовского и т. д., сей грамотой согласно [воли] и желанию в бытности своей высокоурождённого князя господина ЯНУША РАДЗИВИЛЛА, князя на Биржах, Дубинках, Слуцке и Копыле и т. д., который являлся князем Священной империи и КАСТЕЛЯНОМ Виленским, нашего любезного, сердечно любимого господина брата, благородный старший лейтенант ЯКОБ МАРЖЕРЕТ, и госпожа княжеская Радзивиллова вдова, наша любезная любимая невестка и кума, главнокапитанша Лихтенберга⁴⁵ и т. д., [совершили] поездку к Королевскому Величеству в Англию. В прилагаемом имуществе нашего господина брата, блаженного жизни, вещи... и одна тысяча сто гульденов по векселю [как] дарение..., одна тысяча пятьсот тридцать два гульдена у обоих купцов Короля Якова в Гданьске, приняты за указанное время. Так что Мы те две суммы, что в итоге [составляют] ДВЕ ТЫСЯЧИ ШЕСТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ДВА ГУЛЬДЕНА векселем вместе, с должным ИНТЕРЕСОМ, ...купцам, [f. 2] благодаря другим,

будущего тринадцатого ИЮЛЯ, снова наличными выплачиваем, в качестве спасения через это доброго имени нашего блаженного господина брата и желая ему, МАРЖЕРЕТУ, конечно возместить все убытки. Для названной уверенности повелели мы для этого нашу княжескую ПЕЧАТЬ^а поставить и Нами собственноручно подписать. ДАНО [в] Вильно тринадцатого ИЮНЯ ГОДА ГОСПОДНЕГО 1621.

Помета на обороте: ^бКопия Записи К[нязя] Е[го] М[илости] Г[осподина] Гетмана, которой записано платить то, что Маржерету велел, Шенка набрал.

Примечания: ^а Именно так следует понимать слово «Secret», т. е. княжеская личная (не служебная) печать; ^б Запись на польском языке.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Меррик Джон (Merrick John, 1559—1639), см. коммент. 38 в первой части данного (второго) раздела наст. издания. — П. У.
- ² Перчас Сэмюел (Purchas Samuel, 1577—1626), английский ученый, с 1613 г. начавший издание серии «Путешествий», наибольшую известность ему принесло издание продолжения книги Ричарда Хаклюйта о морских и сухопутных путешествиях. В издание Перчаса вошло около 1200 различных рассказов о путешествиях и выдержек из судовых журналов. Несмотря на многочисленные неточности, его публикация пользуется большим спросом у историков, поскольку оригиналы многих документов не дошли до наших дней. По-видимому, такова и судьба публикуемого письма Маржерета. — П. У.
- ³ «Милостивый государь» — так перевел это обращение Н. Г. Устрялов. Следует помнить, что уже первое издание данного письма было опубликовано в переводе — за исключением незначительного числа латинских грамот, все документы, приводимые в публикации Хаклюйта-Перчаса, переводились на английский язык. Вероятнее всего, письмо Маржерета к Меррику было написано по-французски или по-немецки. — П. У.
- ⁴ Брюйстер Марк (Brewster Mark), в публикации Н. Г. Устрялова — «Бревстер»: одно время был заместителем Джона Меррика, когда тот был агентом Московской компании в Москве (England and the North: the Russian Embassy of 1613—1614 / Ed. by M. Jansson, N. Rogozhin, trans. by P. Bushkovitch. Philadelphia, 1994. P. 190, note 97.1.); летом—осенью 1611 г., судя по всему, был агентом английской Московской компании в Москве. — А. Б., В. Н.
- ⁵ Источники из польско-литовского лагеря различно датируют обстрелы гарнизона Речи Посполитой отрядами Первого земского ополчения. В дневнике И. Будилы сообщение об этом датировано 25(15).09.1611 г. и сопровождается дополнительными известиями о штурме Китай-города отрядами ополченцев. Попытка оказалась неудачной: несколько рот из войска Я. П. Сапеги (скончавшегося 10 или 11 днями ранее) вошли в крепость для помощи гарнизону, а другие отряды сапежинцев атаковали таборы Первого ополчения. Автор сообщает, что Китай-город «весь выгорел» (РИБ. Т. 1. С. 278—279). О «лютом пожаре» в Китай-городе, когда уцелели только «каменные лавки, церкви, кирпичные строения», пишет и С. Маскевич. Это случилось 9 сентября (31 августа), когда «при жестоком ветре брошено в Китай-город 10 бомб разом»

(Сказания. Ч. 2. С. 78). По условиям и времени написания предпочтение следует отдать И. Будиле. — В. Н.

⁶ Такая форма написания фамилии князя Федора Ивановича Мстиславского является, скорее всего, опечаткой издателя. Во всяком случае, в своей книге Маржерет обозначает его иначе: «Mistislofqui» или «Mistisloftsqi». О боярине кн. Ф. И. Мстиславском, формальном главе Думы, см. коммент. 173 в первом разделе наст. издания. — В. Н., П. У.

⁷ Войска во главе с гетманом Я. К. Ходкевичем подошли к Москве, по известию И. Будилы, 4 октября (24 сентября) 1611 г. (РИБ. Т. 1. С. 279), а по тексту С. Маскевича — 6 октября (26 сентября) 1611 г. (Сказания. Ч. 2. С. 80). — В. Н., П. У.

⁸ Т. е. Китай-город. — В. Н.

^{9...9} Данная фраза, опущенная в переводе Н. Г. Устрялова (Сказания. Ч. 1. С. 417), вызывает ряд вопросов. В реальности Ходкевич двинулся вскоре после 12(22) октября 1611 г. не на Рязань, а на зимние квартиры в крупное торговое село Рогачево Дмитровского уезда (вотчина Николо-Песношского монастыря), для сбора провианта и фуража в бассейне Верхней Волги (РИБ. Т. 1. С. 280). Недалеко от Рогачева протекает река Сестра (приток Дубны, впадающей в Волгу с правой стороны), которая, возможно, и фигурирует под именем «Сагы» в письме. Трудно сказать, является ли указание на Рязань как на цель похода Я. К. Ходкевича неправильным переводом текста Маржерета Перчасом или же ошибкой Маржерета (и тогда ее надо объяснять неверной информацией, полученной им уже на территории Речи Посполитой). В последнем случае в «Сагы» можно увидеть слово «с Оки», а с этой рекой Маржерет был неплохо знаком. — В. Н., П. У.

¹⁰ Проект датирован Ч. Даннингом, обнаружившим и впервые опубликовавшим его, мартом—маем 1613 г. С этим нельзя согласиться (*Dunning Ch. L. Letter to James I Concerning the English Plan for Military Intervention in Russia // SEER. 1989. Vol. 67. № 1. P. 99—101; Idem. James I, the Russia Compagny, and the Plan to Establish a Protectorate Over North Russia // Albion. 1989. Vol. 21. № 2. P. 210—223*). Точная датировка невозможна, т. к. мы не знаем, где находился Маржерет при написании письма. Но даже если исходить из его пребывания у кн. Я. Радзивилла (что предполагает оперативное поступление информации из России и знание дел внутри Речи Посполитой), то указанный Даннингом временной отрезок не соответствует ряду фактов и оценке состояния дел в России, данной в публикуемом проекте. Ключевое место (о «разде-

лении» страны «до сих пор» и т. д.) содержит следующие датирующие подсказки. Упомянуто избрание «ребенка», т. е. Михаила Романова с чрезвычайным подчеркиванием роли казаков (что полностью соответствует реалиям). Его статус определен так — «тот, кто правит ныне». Такими словами ни один автор, а в особенности Маржерет, не мог выразиться о правителе, находящемся в Костроме, к тому же некоронованном. Михаил Романов прибыл в Москву 1(10) июня 1613 г., коронационные торжества продолжались три дня, сам обряд венчания на царство состоялся 11(21) июня 1613 г. Сведения об этом достигли Речи Посполитой вряд ли ранее конца июня — первой половины июля 1613 г. О сейме Речи Посполитой говорится двояко. Во-первых, описана всё еще неопределенная ситуация (окончательного решения нет) в преддверии «ближайшего Сейма», причем ясно, что речь на нем снова пойдет о проблемах выплаты жалования конфедератам, вернувшимся из России (включая участников войска Сапеги и отрядов, осаждавших Смоленск). На «нормальном» по срокам созыва сейме 1613 г. (он открылся в начале марта 1613 по григорианскому календарю и завершился незадолго до приезда в Варшаву гонца из Москвы 18(28) апреля 1613 г., см.: РИО. М., 1913. Т. 142. С. 402, 406; Жукович П. Н. Сеймовая борьба православного Западно-русского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). СПб., 1903. Вып. 1 (1609—1614). С. 100, 103—106) решения по этим вопросам были приняты, но не проведены в жизнь. Чрезвычайный трехнедельный сейм открылся в начале декабря. Он установил новый тяжелый налог (гл. обр. в пользу конфедератов), назначил новых комиссаров и депутатов сейма для сбора налогов, переговоров с конфедератами и определил дату окончательной расплаты с ними. Показательно, что на весеннем сейме с резкой критикой в адрес короля и его окружения в связи с «московской» политикой выступил кн. Я. Радзивилл, равно как и по конфессиональным вопросам. Контекст упоминания о нем в «Проекте» также говорит о верности датировки временем после апреля 1613 г. (Сказания. Ч. 2. С. 102—107; Жукович П. Н. Сеймовая борьба. С. 130—132). Учитывая время, необходимое для предварительных мероприятий и процедур для созыва Сейма (универсалы о его созыве рассылались в начале октября), датировка проекта скорее всего не выходит за октябрь 1613 г. Вряд ли написание проекта следует отодвигать в 1614 г.: помимо решений Сейма об уплате жалования за счет особых налогов, важно учесть, что вскоре после возвращения Д. Меррика в Лондон из Архангельска в октябре

1613 г. окончательно определился курс английского правительства в отношении России, что делало подобный и аналогичные проекты политически не актуальными. — В. Н.

- ¹¹ Текст, сохранившийся в Английском государственном архиве, анонимен. Обнаруживший его Ч. Даннинг приписал его капитану Маржерету на том основании, что кроме него никто не мог выступить автором подобного плана на французском языке (*Dunning Ch. L. Letter to James I Concerning the English Plan for Military Intervention in Russia // SEER. 1989. Vol. 67. № 1. P. 99—101; Idem. James I, the Russia Compagny, and the Plan to Establish a Protectorate Over North Russia*). Этот аргумент в определенной мере уязвим. Нам по именам известны французы, хорошо знакомые с российскими реалиями 1609—1613 гг. Это — полковник де Лавиль, состоявший в корпусе наемников Делгарди и командовавший там отрядом наемников, по преимуществу французов. Он провел в России две кампании 1609—1610 гг., а позднее составил сочинение о событиях в России того времени. Это — де Лескер, побывавший в России в 1612 и 1613 гг. в качестве политического и торгового агента, связанного, по-видимому, с герцогом д'Эперноном и хорошо знакомый с ситуацией в России тех лет. Однако нам не известны даже косвенные следы каких-то отношений де Лавиля с английскими правящими кругами. А де Лескер, возможно, из центральной России в 1613 г. отправился не во Францию, а в Сибирь. Конечно, в России 1609—1618 гг. побывало несколько французов (соратник Маржерета, поручик Ожелемпер, известный нам по жалованным грамотам 1611 г. в том числе), кое-кто из них даже обзавелся недвижимостью (дозорная книга по Архангельску знает «сгоревший двор французина Якова»), но ни в одном из них нельзя даже с минимальной уверенностью подозревать автора проекта. Помимо содержательных аргументов в пользу авторства Маржерета (знание России и желание участвовать в ее делах) укажем на одно важное, почти текстологическое совпадение. Это — рассказ о судьбах пленных ливонских немцев в Москве и о построенных ими двух кирхах (см. с. 58 (текст Маржерета во французском издании 1607 г.), с. 129—130 (перевод этого текста на русский язык) и с. 220—221, коммент. 103 в первом разделе наст. издания). Решающим аргументом в определении авторства является сходство почерка подлинных писем Маржерета с почерком, которым написан проект. К справедливым наблюдениям Даннинга на этот счет можно добавить «фирменный» рос-

черк при написании хвостовой части букв «g» и «q», захватывающий отдельные слова или части слов на нижних строчках. — В. Н., П. У.

- ¹² Сам Маржерет датировал письмо 9 мая. Мы не можем быть уверены в том, какой стиль он использовал, хотя в его книге большинство дат приведено по Григорианскому (новому) счету. Если это так, то письмо следует датировать 29 апреля старого стиля и 9 мая нового. Однако при получении письма и волчьих шкур Сен-Катрином или его секретарем была поставлена помета с отнесением 9 мая к юлианскому календарю. Какие для этого у него были основания, мы не знаем. Такие же особенности датировки мы наблюдаем в следующем письме. — В. Н., П. У.
- ¹³ То, что речь идет о современном Байройте, а не о каком-то замке Радзивиллов, как предполагал Болдаков, доказывается, во-первых, географическими ориентирами, указанными в письме (относительная близость Нюрнберга, относительная удаленность от Лейпцига и то, что маршрут из Данцига в Гейдельберг проходил через Байройт), во-вторых, тем, что Байройт был особой частью бранденбургских владений, а Маржерет состоял в штате кн. Я. Радзивилла, имевшего родственные связи с бранденбургским домом. — П. У.
- ¹⁴ Курфюрст Пфальцкий, или в латинизированной форме «электор палатинский», — Фридрих V (Friedrich V, 1596—1632). Один из самых активных лидеров объединения немецких протестантов — «Евангелической Унии». — П. У.
- ¹⁵ Этьен де Сен-Катрин (Estienne de Sainte-Catherine) (до 1631) — французский представитель в Германии, по меньшей мере с 1611 по 1621 гг. находившийся при курфюрсте пфальцском в Гейдельберге. На французской службе обладал должностью королевского камергера, секретаря королевских покоев и советника короля в Государственном и Тайном советах. По религиозным убеждениям был протестантом, начавшим дипломатическую службу при Генрихе IV. С 1626 г., по его собственным свидетельствам, остался не у дел, по-видимому, в связи с изменением отношения правительства к протестантам. Любопытно, что, выйдя в отставку, он удалился в Сен-Жан де Лон, ту самую цитадель гугенотов в Бургундии, где начиналась некогда военная карьера капитана Маржерета (Relation du royaume de Suède par Monsieur de Sainte-Catherine 1606 / Publ. par Sven Andolf. Göteborg, 1980). — А. Б.
- ¹⁶ Жан де Ла Бланк (La Blaque Jean Cabrols), французский протестант, уроженец Лангедока. Покинул Францию около 1580 г., служил шведскому королю Юхану III, затем Сигизмунду III. Вслед за этим

королем перебрался в Польшу. С 1612 г. находился в Данциге, статус его не прояснен. В документах именуется капитаном, но себя он именовал «gentilhomme ordinaire de la maison du Roy de Pologne et lieutenant du general des armies au Royaume de Suède». Еще при Генрихе IV начинает посылать представителям французского короля в Германии и другим дипломатам обширные, но не всегда достоверные донесения о состоянии дел в Восточной Европе, в том числе и в Московии. Умер до 1631 г. (*Пирлинг П.* Из Смутного времени. С. 182—194). — А. Б.

¹⁷ По-видимому, следует согласиться с гипотезой Болдакова о том, что речь идет о Нюрнберге. Глагол «гесоммандер», вероятно, может указывать на некую особую срочность этого отправления (нечто вроде нашего «заказного письма»). Смысл предложения таков, что Маржерет предпринял какие-то особые действия (возможно — заплатив сверх обычного), чтобы письмо, следующее из Байройта в Гейдельберг через Нюрнберг, не застряло бы надолго в этом городе, но было отправлено в первую очередь. — А. Б., *П. У.*

¹⁸ Всеобщее ополчение. — *П. У.*

¹⁹ Речь идет о войске Владислава, вернувшегося после неудачного похода на Москву в 1618 г. — А. Б.

²⁰ Речь идет о городе Торунь, расположенном в нижнем течении Вислы. — А. Б.

²¹ Мелкая французская монета, равная трем денье, или четверти су. — *П. У.*

²² Очевидно, Ла Бланк послал шкуры из Данцига (Гданьска) в Лейпциг, что и обошлось в 1 рейхсталер. Из первых строк данного письма ясно, что Маржерет только что вернулся из Лейпцига, где получил письмо и посылку от Ла Бланка. Характерно, что Маржерет не указывает Сент-Катрину на стоимость перевозки шкур от Лейпцига до Байройта. — *П. У.*

²³ Энгельсхайм или, как написано в следующем письме — Ленгельсхайм (правильнее — Лингельсхайм Georg — Michael Lingelsheim, 1556—1636), уроженец г. Страсбурга. Протестант, гуманистически образованный юрист, бывший воспитателем курфюрста пфальцкого Фридриха V, а затем ставший его советником. Корреспондент и близкий друг Ж. О. де Ту, который доверил ему издание второй части своей «Истории» (той самой, в которой упоминается капитан Маржерет). Следует отметить, что в 1660 г. в Страсбурге был опубликован том переписки Лингельсхайма с Жаком Бонгарсом, предшественником Сент-Катрина

- на посту французского посланника при курфюрсте Пфальцском (Jacobi Bongarsi et Georgii Michaelis Ligelsheimi Epistolae. Strassburg, 1660). Переписка Лингельсхайма с учеными коллегами опубликована в 2004 г. (*Walter Alex E. Späthumanismus und Konfessionspolitik. Die europäische Gelehrtenrepublik um 1600 im Spiegel der Korrespondenzen Georg Michael Ligelsheims. Tübingen, 2004*). — А. Б., П. У.
- ²⁴ Lepzelter Thomas Wolfgang (Лепцельтер Томас-Вольфганг, он же — Лейпцеллер) — крупный лейпцигский купец, выступавший одним из кредиторов австрийских Габсбургов во время «долгой войны» (1593—1606). — П. У.
- ²⁵ Радзивилл Януш (*Radziwiłł Januś*, 21.07.1579—6/7.11.1620) — государственный деятель Великого княжества Литовского. Родной брат Христофора Радзивилла. Получил кальвинистское воспитание, учился в университетах Страсбурга и Базеля, путешествовал по Германии, Чехии, Австрии, Венгрии, Франции. Подचाший Великого княжества Литовского в 1599—1619 гг., кастелян Виленский с 1618 г. Выступал против войны Речи Посполитой с Россией 1609—1618 гг. 7.07.1613 г. в Берлине женился на Елизавете Софии Гогенцоллерн, дочери Иоанна-Георга, курфюрста Бранденбургского. — О. Д.
- ²⁶ Дуэр, или «вдовья доля» (соответствует старому значению русского слова «опришнина», или «опричнина») — сумма, выделяемая в момент заключения брака из общего имущества и предназначенная для того, чтобы в случае смерти мужа служить гарантией достойного существования вдовы. Права мужа на дуэр были весьма ограниченными — он считался собственностью детей. Определенными правами на дуэр обладали и родственники жены. — П. У.
- ²⁷ Гогенцоллерн-Радзивилл София-Елизавета (*Radziwiłł Sophie-Elisabeth* 1589—1629) — дочь курфюрста бранденбургского Иоганна-Георга, жена Януша Радзивилла. — О. Д.
- ²⁸ Речь идет о Матиасе II Габсбурге (1557—1619). Император скончался после долгой болезни 20.03.1619 г. Письмо, таким образом, написано «по горячим следам», до выборов нового императора — Фердинанда, которые произойдут 28 августа 1619 г. — П. У.
- ²⁹ Маркграфы Бранденбургские в то время владели своим княжеством (к которому присоединилось и герцогство Пруссия) сообщая: Иоанн-Сигизмунд, курфюрст Бранденбургский (*Johann Sigismund von Brandenburg*, 1572—23.12.1619), Иоахим-Эрнст Ансбахский (*Joachim-Ernst von Brandenburg-Ansbach*, 1583—1625), Кристиан

- Байройтский и Кульмбахский (Christian von Brandenburg-Bayreuth, 1581—1655). — А. Б.
- ³⁰ Георг-Фридрих, маркграф Ансбахский и Бранденбургский (Georg-Friedrich, 1543—1603).
- ³¹ Речь идет о так наз. «долгой», тринадцатилетней войне Империи с Турцией в 1593—1606 гг., в которой на первых порах принимал участие Маржерет. — П. У.
- ³² Имеется в виду восстание в Праге 1618 г., ставшее первым актом начального этапа Тридцатилетней войны (1618—1648). — П. У.
- ³³ Согласно «Золотой булле» (имперской конституции, записанной в 1356 г. императором Карлом IV), на период от смерти императора и до избрания нового наместниками, или «викариями», империи (Reichsvikare) являлись курфюрсты Пфальцский и Саксонский. — П. У.
- ³⁴ Файльтш Урбан Каспар (Feiltsch Urban Caspar, 1589—1649), действительный тайный советник и канцлер Бранденбургско-Байройтского маркграфа. — А. Б.
- ³⁵ Камерариус Людвиг (Camerarius Ludwig, 1573—1651), известный юрист, учился в Лейпциге, Хелмштете, Альтдорфе и Базеле. В 1598 г. назначен советником и судьей курфюрстом Пфальцским. С 1603 г. исполняет всяческие деликатные дипломатические поручения. Вместе с князем Христианом Анхальтским был одним из самых деятельных координаторов Евангелической [протестантской] Унии во время Тридцатилетней войны. Обладал широкими международными связями, много путешествовал по всей Европе. — А. Б.
- ³⁶ Иоанн-Казимир, герцог Саксонский (Заксен-Кобург) (Johann Casimir, 1564—1633). — А. Б., П. У.
- ³⁷ Патрик Гордон (Gordon Patrick) (?—1657), англо-шотландский дипломат. Учился в Абердине, 2 июня 1610 король Яков I назначил его своим представителем в Польше и Пруссии. В этом статусе оставался до 1621 г. Его упрекали в том, что он слишком много времени проводит у себя дома, в Шотландии. — А. Б.
- ³⁸ Карл, эрцгерцог Австрийский [Габсбург] (Karl, Erzherzog von Österreich, 1590—1624). С малых лет предназначенный в духовенство, он стал каноником ряда имперских городов, в том числе Зальцбурга (1602), Бреслау (Вроцлав, 1608), Кёльна (1618). Против воли силезских сословий, он был избран в 1608 г. (католическим) епископом Бреслау, причем резиденция его находилась в Нысе (нем. Neisse, польск. Nysa), расположенном в 100 км от Бреслау. Значительная часть нысских бюргеров были

протестантами, и не раз они бунтовали против епископа. В 1619 г., вскоре после начала чешского восстания, Карлу пришлось бежать в Польшу. — А. Б.

³⁹ Возможно, речь идет о местечке Herzberg в окрестностях города Котбуса, расположенном близ современной польско-германской границы. — О. Д.

⁴⁰ Радзивилл Христофор / Криштоф (15(05).03.1585—19(9).09.1640) — военный и государственный деятель Великого княжества Литовского. Учился в университетах Лейпцига и Гейдельберга (см. подробнее: *Chachaj M. Zagraniczna edukacja Radziwiłłów od początku XVI do połowy XVII wieku.* Lublin, 1995. С. 43—51), путешествовал по Швейцарии, Франции, Англии, Нидерландам. Кальвинист, оказывал помощь кальвинистскому сообществу Литвы, за свой счет содержал студентов из Великого княжества Литовского в протестантских университетах Германии. В 1615 г. назначен польным гетманом Великого княжества Литовского (до 1635). Находился в конфликте с королём Речи Посполитой Сигизмундом III Вазой. Кастелян Виленский (1633). Во время войны Речи Посполитой с Россией 1632—1634 гг. участвовал в битвах под Смоленском в сентябре—октябре 1633 г. За военные заслуги получил должности воеводы Виленского (1633) и великого гетмана Великого княжества Литовского (1635). (Książca Krzysztofa Radziwiłła, hetmana polnego Wielkiego Księstwa Litewskiego. Sprawy wojenne i polityczne, 1621—1632. Paryż (Paris), 1859; *Wisner H. Radziwiłł Krzysztof.* Trąby (1585—1640) // *Polski Słownik Biograficzny.* XXX/2, z. 2. Wrocław, 1987. С. 276—283; *Augustyniak U. Dwór i klientela Krzysztofa Radziwiłła (1585—1640).* Warszawa, 2001). — О. Д.

⁴¹ «henden» — средне-верхненемецкий вариант написания слова «händen» (от «Hand» — рука) (*Lexer Mathias. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch.* Stuttgart, 1986. S. 86). — О. Д.

⁴² Означает: Wilna. — О. Д.

⁴³ Выявление, прочтение, подготовку текста к публикации и перевод данного документа осуществил О. И. Дзярнович, который высказывает искреннюю благодарность за консультации швейцарскому слависту Монике Баньковски-Цюллиг (Центральная библиотека Цюриха). — ред.

⁴⁴ Документ написан на немецком языке с отдельными вставками на латинском (прежде всего в заключительном протоколе, а также отдельные термины). Канцелярская помета (запись) сделана в канцелярии Радзивилла на польском языке. При переводе текста на русский при-

шлось учитывать не только палеографическую специфику документа, но и то, что немецкий язык не был родным для создателя документа — в тексте имеются нетипичные для немца ошибки, даже и для XVII в. с ненормированным еще правописанием. Прежде всего, это проявляется в отсутствии оппозиции краткость—долгота гласных. Отсюда, например, и гиперкоррективизм «wier» вместо «wig». Следует отметить, что тенденция к стиранию разницы в долготе гласных свойственна таким славянским языкам, как польский и белорусский. Хриштоф Радзивилл, от имени которого написан документ, изучал немецкий язык в Германии, хоть он сам признавался, что этот язык давался ему с трудом: немецкий «очень сложный для меня, так что за долгое время произнести только слово или два научился» (Из письма к отцу Хриштофу Радзивиллу Перуну: AGAD, AR, IV, Nr. 297; *Chachaj M. Zagraniczna edukacja Radziwiłłów...* S. 45.).

В языке документа также имеются лингвистические особенности, которые свидетельствуют о том, что автор письма был знаком именно с верхненемецким вариантом языка (например, комбинация «u» и «f» (uf) — региональное соответствие «auf»). А Хриштоф Радзивилл учился как раз в Гейдельберге. Поэтому можно предположить, что черновой вариант письма был создан непосредственно князем Хриштофом. Канцелярская помета на польском языке сделана другим, чем основной текст документа, почерком.

Документ является гарантийным письмом, фактически векселем, по оплате Жаку Маржерету расходов по поездке в Англию. Как можно понять из текста документа, Маржерет сопровождал туда Елизавету Софию Гогенцоллерн — супругу князя Януша Радзивилла, брата Хриштофа. Это путешествие могло состояться около 1620 г., так как Януш скончался 6/7.11.1620 г., и Хриштоф исполнил уже волю своего покойного брата. Средства на путешествие, как следует из текста письма, брались у коммерческих агентов короля Иакова в Данциге (Гданьске). — *О. Д.*

⁴⁵ Замок около Виттенберга, собственность семьи Бранденбургского курфюрста. — *О. Д.*

III

СОВРЕМЕННОИКИ
О Ж. МАРЖЕРЕТЕ

ДЕ ТУ
ИСТОРИЯ СВОЕГО ВРЕМЕНИ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(по переводу в «Сказания современников о Дмитриии Самозванце». 3-е изд., испр. СПб., 1859. Ч. 1)

Де Ту Жак-Огюст (De Thou Jacques-Auguste, 8.10.1553 — 7.05.1617), сын первого президента Парижского парламента, знаменитого юриста Кристофа де Ту.

Получил блестящее образование в лучших университетах Франции, включая университет Валанса, в котором преподавал известный правовед — гуманист Кюжас, оказавший на де Ту большое влияние. В Валансе познакомился и с другим ученым-гуманистом Ж. Скалигером. На молодого католика де Ту большое впечатление произвели события Варфоломеевской ночи, свидетелем которой он был, с тех пор он выступает убежденным противником религиозного фанатизма. Семья готовила его к тому, чтобы он занял место своего дяди — прелата Никола де Ту, ставшего епископом Шартрским (именно он произведет у себя в епархии миропомазание и коронацию Генриха IV в 1593 г.). Поэтому помимо углубленных юридических знаний, Жак-Огюст де Ту получил хорошее теологическое образование. Вступив в духовное сословие, он занял должность советника-клирика Парламента. В этом качестве выполнял ряд королевских поручений по ведению переговоров с французскими протестантами. В одну из таких поездок в Гиень подружился с Мишелем де Монтенем. В 1587 г. отказался от сана, став докладчиком Палаты прошений и одним из сопредседателей Парламента (*president à mortier*). Продолжал выполнять секретные дипломатические поручения при короле Генрихе III, способствовавшие его сближению с Генрихом Наваррским, будущим Генрихом IV. В 1590-х годах уже на службе этого короля продолжал вести тайные переговоры. В частности, с кланом Гизов, руководителями Католической Лиги. Принимал участие во составлении Нантского эдикта, затем боролся против публикации во Франции

решений Тридентского Собора, выступая в защиту галликанизма, чем заслужил ненависть «ультрамонтанской партии». В результате во время регентства Марии Медичи он впал в немилость и не смог занять полагавшуюся ему должность Первого президента Парижского Парламента и вышел в отставку в 1614 г. Впрочем, во время мятежа принца Конде правительство вновь поручало ему вести переговоры с восставшими (1615—1617 гг.).

С 1601 г. он начал работу над обширной «Историей своего времени», во многом основанной на личных воспоминаниях и на материалах доступной ему дипломатической переписки. К тому же с 1593 г. де Ту, помимо прочих обязанностей, занимал должность главного смотрителя королевских библиотек, что открывало ему доступ почти ко всем изданиям и давало возможность опереться на помощь команды квалифицированных помощников. Достоинством книги де Ту было то, что она не ограничивалась лишь историей Франции, но включала в себя практически всю Европу, а при необходимости и сопредельные страны. Собрать необходимые сведения о новейших событиях в дальних странах ему помогали многочисленные зарубежные корреспонденты. В 1604 г. вышли первые 79 книг «Истории», относящиеся к правлению Генриха III (1574—1589) (*Iacobi Augusti Thuani Historiarum sui temporis pars prima*). Это сочинение, написанное на латинском языке, было снабжено предисловием с посвящением королю, переведенным в том же году на французский язык Антуаном Отманом и изданным отдельной брошюрой. В нем, помимо рассуждений по поводу искусства написания истории, содержались выпады против иезуитов и их сторонников, разжигающих религиозную рознь. Специальный декрет папы включил ее в «Индекс запрещенных книг» (14 ноября 1604 г.), в ответ Парижский Парламент запретил распространение на территории Франции трактата кардинала Белармина о власти папы. «История своего времени» имела большой успех и неоднократно переиздавалась. Вскоре после выхода ее в свет де Ту начал работу над второй частью своего труда, намереваясь посвятить ее времени правления Генриха IV. Смерть прервала его работу, доведенную лишь до 1607 г. Вторая часть была подготовлена к изданию через три года после смерти де Ту его друзьями и сотрудниками, в особенности его бывшими подчиненными по королевской библиотеке — Николая Риго и Пьером Дюпюи.

Вторая часть «Истории» де Ту была опубликована в Женеве в 1620 г. (*Illustris viri Jacobi Augusti Thuani... Historiarum sui temporis ab anno 1593 usque ad anno 1607 libri CXXXVIII... opus in quinque tomos distinctae. Accedunt commentariorum de vita sue libri sex hactenus inediti. Apud P. De La Roieri [Genève], 1620, 5 t.*) с предисловием друга и давнего корреспондента покойного историка, Георга-Михаила Лингельсхайма, протестанта и гуманиста, советника курфюрста Пфальцского, упомянутого в обоих письмах Маржерета из Байройта.

Вторая часть произведения де Ту оказалась не менее популярной, чем первая, о чем свидетельствуют как многочисленные ее переиздания, так и заимствования, сделанные из этой книги другими авторами. Так, например, в издании Перчаса (см. Приложение II) из де Ту взято несколько пассажей, посвященных Лжедмитрию I (с. 745—747, 756—758, 762). Сложнее объяснить возможные заимствования, появившиеся в первом томе «Французского Меркурия», опубликованном в 1611 г., то есть задолго до публикации второй части «Истории». Так, во «Французском Меркурии» теми же словами, что и у де Ту, рассказывается о введении Димитрием трех отрядов иноземных гвардейцев (*Le mercure françois ou suite de l'histoire de la paix T. 1 commençant l'an MDCV pour suite du septenaire du M. Cayet, finissant au sacred u très chrestien roy de France & de Navarre, Louis XIII. A Paris par Jean Richer, 1611. P. 152—154*). Либо де Ту давал возможность достаточно широкой публике ознакомиться со своей подготовляемой рукописью, то ли издатель «Меркурия» — книгопродавец Жак Рише — и де Ту пользовались одним источником информации. Например, рассказом самого Маржерета, с которым, если верить второй части «Истории своего времени», де Ту беседовал лично, что могло быть лишь в период краткого пребывания капитана на родине с конца 1606 до начала 1608 г. Впрочем, не исключено, что слова о беседе вставлены в текст Лингельсхаймом, лично знакомым с капитаном.

Перевод Н. Г. Устрялова сделан по английскому изданию 1733 г., считающемуся наиболее полным (*Jacobi Augusti Thuani Historiarum sui temporis. Tomus sextus. londini excudi curavit samuel buckley, 1733 (liber CXXXV)*).

О де Ту и его изданиях см.: *Harrise M. Le Président de Thou et ses descendants. Paris, 1905.*

<Описание дворцовой охраны>

(с. 343)

Предчувствуя близкую опасность, царь, в позднем раскаянии об увольнении войска иностранного, набрал новых телохранителей из немцев и ливонцев, присовокупив к ним три сотни французов, англичан и шотландцев. Сотнею французов начальствовал уроженец Сенский, Яков Маржерет, которого впоследствии мы видели. Они были вооружены протазанами и носили бархатную одежду, вышитую золотом. Сотником англичан был Матвей Кнотсен, шотландцев — Алберт Ланта. Оружием тех и других были алебарды; одевались же по праздникам в кафтаны бархатные, а по будням в красные, суконные, весьма нарядные. Телохранителям производилось жалованья более, чем прочим войскам, соразмерно достоинству каждого. Но при наступлении опасности, они были поздней и слабой опорой.

<Маржерет и события 17 (27) мая 1606 г.>

(с. 345)

Заговорщики не хотели долее откладывать своего умысла и в субботу 17 мая, рано утром, соединились. К ним пристали толпы дворянства и черни. Раздался мятежный крик: «смерть Димитрию и полякам!». Одни, жадные до добычи, бросаются в жилища поляков, осаждают их, грабят, режут, бьют; другие стремятся ко дворцу, где только встречают немногих телохранителей: медленность в исполнении заговора, распалив ярость злоумышленников, рассеяла опасения Димитрия. Во дворце не было даже ни одного сотника. Мержерет был болен, как он сам мне сказывал; болезнь спасла его от смерти.

ИСААК МАССА

**КРАТКОЕ ИЗВЕСТИЕ О НАЧАЛЕ
И ПРОИСХОЖДЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ВОЙН
И СМУТ В МОСКОВИИ, СЛУЧИВШИХСЯ
ДО 1610 ГОДА ЗА КОРОТКОЕ ВРЕМЯ
ПРАВЛЕНИЯ НЕСКОЛЬКИХ ГОСУДАРЕЙ**

(М., 1937)

Сыну небогатого торговца сукнами из Харлема было 14 лет, когда он впервые появился в России. Исааку Массе стало 23 года, когда он, вернувшись на родину из охваченной кровавыми распрями страны, завершил свое «Краткое известие...» о Московии. Энергичный и наблюдательный юноша попытался увлечь своей судьбой, своим сочинением принца Морица Оранского. В посвящении к книге, обращенном к принцу, Масса сетует на неумелость стиля (он «почти ничему не учился»), на отсутствие занятий (поскольку «в настоящее время нельзя вести торговлю в Московии»), на бездействие «усердных людей», не находящих «себе употребления». Но не помогли сугубо льстивые фразы о переписывании и переводах известий о победах принца при Московском дворе (конечно же осуществленных самим Массой), об отправке этих же реляций персидскому шаху. Не был услышан призыв о «вспомоществовании» тем, «которые еще молоды, ничего не имеют и стремятся приобрести вечную славу своему Отечеству». Не почтил принц Оранский все еще юного приказчика или уже купца специальной аудиенцией, не захотел услышать от него рассказы о путешествиях в далекий и манящий Китай. Эта пестрая смесь очевидных мотивов внятно проявила характерные черты Массы: неумную энергичность, неиссякаемое любопытство, цепкость оценочного взгляда, желание и умение завязывать доброжелательные отношения и стремление поддерживать их впредь. И все это было сдобрено рано проявившимся большим честолюбием в дополнение к привычному в голландской купеческой среде мастерству — умению делать деньги. В еще большей мере это справедливо для всего текста «Краткого известия...»

На самом деле оно совсем не «краткое», а вполне распространенное. Другое дело, что несмотря на стилистический примитивизм (о нем говорил превосходный переводчик текста Массы А. Морозов), смысловые огрехи сочинение юного приказчика плотно насыщено фактами и слухами. Именно это делает его сочинение весьма ценным источником по истории России начала XVII в.

Отметим ряд важных особенностей в работе Массы над своим текстом. Первое — он несомненно вел записи дневникового типа, что важно для уточнения датировок, оценок действующих лиц, точности в описании случившихся событий. Боярин М. Г. Салтыков, к примеру, фигурирует в его книге дважды. При встрече датского принца Иоганна в Иван-городе Салтыков назван помощником думного дьяка Афанасия Власьева. Этот ляп говорит о том, что через год после приезда Масса еще плохо разбирался в сословно-чиновном устройстве московского общества. Проходит два с небольшим года, и Масса отправляет Салтыкова в привычной для него группе «больших воевод» из первостатейной знати в поход против Самозванца. Но из этого следует, что запись 1602 г. позднее не подвергалась редактуре.

Второе — это разнообразие источников. Масса быстро и неплохо овладел русским языком, так что для него, судя по всему, не существовало языкового барьера. Тем не менее, привычная для него среда общения заметно отличалась от круга русских знакомств Маржерета или Буссова. Подьячие приказов (включая важнейшие — Посольский и Разрядный), приказчики и некоторые купцы, лица дворянского статуса, каким-то образом связанные с его хозяином, — вот галерея его собеседников и вольных или невольных информаторов. В ряде случаев точные даты, указанные Массой, свидетельствуют о его знакомстве с какими-то документами (хотя бы и опосредованно, через подьячих). У него есть небольшой рассказ о раненом дворянине, покупавшем у его хозяина ткани, к которому он ходил с заданиями. Для Массы сюжет значим в одном плане: он уговорил дворянина подарить нарисованный последним план Москвы. Но при этом попутно сообщается о ранении дворянина под Кромами. Поскольку армия кн. Ф. И. Мстиславского после победы при Добрыничах осадила Кромы (хотя и не сразу), резонно разглядеть в этом войне едва ли не главного информатора

Массы об этом сражении. Описание битвы Массой отличается точностью в деталях и зрелостью (вряд ли присущей все еще юному и к тому же далекому от военного дела приказчику) общего на неё взгляда.

Обратим теперь внимание на грамоту от 23.08.1613 г. из Посольского приказа в Архангельск (см. документ № 17 во втором разделе наст. издания, с. 336—337). В ней, помимо прочих сюжетов, предписывалось воеводе с дьяком в сугубой тайне провести распрос Массы по поводу разных актуальных тем, как внешних, так и отчасти внутренних. Факт знаменательный, таящий множество смысловых планов. Первый из них — знаниям и оценкам Массы в Москве доверяли. Второй — контакты такого рода имеют, как правило, некую протяженность. Тем более, что в грамоте нет ясных хронологических отсылок по этому поводу. Тогда вопрос звучит так: кто из аппарата московского ведомства поддерживал раньше подобные контакты с Массой? Хотя в литературе и говорится о приезде Массы в Россию в 1612 г., точных документальных подтверждений тому как будто нет. А значит, «вестовые» разговоры Массы (а он мог поставлять ценнейшую информацию из среды не только голландских купцов, но и жительствовавших в Москве иноземцев вообще) должны датироваться временем до 1609 г. В таком случае, из двух помянутых в августовской грамоте 1613 г. дьяков выбор ясен. Это Савва Романчуков, второй (или третий) «старый» посольский подьячий в правление царя Василия Шуйского и второй посольский дьяк при Михаиле Романове. Думный дьяк П. А. Третьяков был известен симпатией к англичанам и нелюбовью к голландцам. Этот, конечно гипотетический, факт «вестовых» контактов Массы и Романчукова важен вот почему: он сообщает точный (!) адрес возможной информации Массы из Посольского ведомства. А она в книге есть, хотя и вполне нейтральная. Добавим, что в биографии Массы скандал по схожему поводу разразился: в 1626 г. его соперники, перехватив и скопировав два его письма в адрес царя, представили их Генеральным штатам. Они были признаны вредными для интересов государства, отправлены в Тайный архив, а сам Масса лишился доверия правительства Голландии.

Вернемся к «Краткому известию...». Существенно, что в основании всей шкалы оценок людей и событий Массой лежит яростный антипапизм или протестантский экстремизм с добавлением

юношеского максимализма. Отсюда придумывание фантастических комбинаций и интриг по поводу первого Самозванца (в частности, в рассказе о посольстве Льва Сапеги). Но не менее важно и другое — зашоренность протестанта-борца порой уступала место удивленному взгляду только постигающего мир молодого человека. И отступала перед реальным материальным интересом уже освоившегося в этом мире дельца. Здесь его соперниками и врагами были отнюдь не паписты, а английские конкуренты.

Последнее, о чем стоит напомнить, вчитываясь в строки «Краткого известия...». Жизнь купцов, связанных с торговлей через Архангельск, была сезонной: навигация открывалась в июне и закрывалась самое позднее в первой половине сентября. К такому ритму существования Масса привык, надо полагать, довольно быстро. Сопровождал ли он своего хозяина в поездках в Архангельск в первые два—три года пребывания в России, точно сказать нельзя, но позднее именно это обстоятельство заметно влияло на характер его описаний. Особенно выразительны эпизоды его пребывания в Вологде после сезона в Архангельске в 1608 г. Зарисовки местных событий дают очень важную информацию для понимания особенностей начального этапа антитушинского движения в Заволжье и на Севере.

Последующая, после 1613 г., карьера И. Массы была успешной, но не без резких поворотов. К 1614 г. он «мальчишку вырастил и сделал из него мужа»: так он охарактеризовал самого себя в письме к Штатам, отвергая обвинения в молодости со стороны одного из крупных купцов. Речь шла о придании Массе, тогда уже самостоятельному торговцу, официального статуса наблюдателя за торговыми интересами Нидерландов в Москве. Статус он получил, 1613—1615 гг. он провел в Москве, летом 1615 г. отбыл с российским посольством во Францию. С его помощью и при участии официальных лиц российские послы побывали и в Нидерландах, разрешив ряд конкретных задач. С новыми дипломатическими миссиями он побывал в Москве в 1616—1617 гг., в 1619 г., в 1624 г. и позднее. Ему удалось добиться частичного вывоза зерна из России в Голландию. Конфликт с правительством Нидерландов привел к его переходу на шведскую службу в 1625 г. Король Густав-Адольф возвел Массу в дворянское достоинство. Через три года он прибыл в Россию уже в составе шведского посольства. В последний раз

он побывал в Москве в 1634 г., за год до смерти. В 1635 г. Франц Хальс, придворный живописец, пишет портрет преуспевшего, знатного и состоятельного человека с пронизательными и живыми глазами. Это Исаак Масса, не без зависти писавший в далекой молодости о немцах, перешедших в лагерь И. И. Болотникова: их «поставили ротмистрами и капитанами, также правителями завоеванных городов, так что они из низкого звания высоко поднялись, из солдат стали наполовину королями...». Сам он шагнул много дальше.

<Описание битвы при Добрыничах>

(с. 87—89)

Димитрий, возвратившись из Путивля, почел за лучшее выступить в поле и дать сражение москвитам, дабы видели его продвижение вперед, ибо [Московия] так велика, что не везде слышали об его завоеваниях. Сверх того, он довольно был уверен, что жители завоеванных им местностей будут некоторое время держать его сторону, ибо они были ожесточены против приверженцев Бориса (Borisianen), поэтому, собрав все войско, он двинулся и стал в трех милях от московского лагеря, у Добрынич, и здесь [воины Димитрия], уверенные в победе, пропивали свое добро и бражничали, и 20 января ночью снялись с лагеря всем войском, среди них был сам Димитрий, князь Василий Масальский и дьяк Богдан Сутупов, перебежавший [к Димитрию] от москвитов, как о том было выше сказано, также все польские паны и дворяне (heeren en edlen), всегда находившиеся при нем, одним словом, все, кроме тех, которые были в гарнизоне (in de besettinge).

Москвиты были хорошо осведомлены лазутчиками о приближении [войска Димитрия], но полагали, что оно подойдет только на другой день, и потому, получив о нем известие, напугались и стали поспешно готовиться к обороне, не соблюдая никакого порядка, ибо они разделили все войско на три отряда (trosc pen), не устроив ни правого, ни левого крыла, а также не составив [запасного] войска, на которое можно было бы рассчитывать во время битвы, но стояли, как коровы, объятые страхом. Немцы и ливонцы, бывшие в войске Бориса, сплотились, и капитаном над ними был Яков Маржерет, француз, и они первыми напали на неприятеля и завязали схватку.

Меж тем Димитрий приближался, однако всего войска еще не было видно, ибо оно было укрыто за многочисленными холмами и стояло там, чтобы не знали, сколько у него воинов, и он разделил их на несколько отрядов, но сперва открыл только три отряда, каждый в две тысячи ратников; им велел выступить из-за высокого холма, так, чтобы обойти войско Бориса; и это были всадники, весело трубившие в трубы и игравшие на дудках и свирелях (*scalmeyen en рурен*), и польские капитаны храбро объезжали ряды, ободряя войско, и горячили лошадей (*latende hare peerden lustich braveren*), кричали и горланили (*roepende en screeuwende*) так, словно уже одержали победу. Московиты стояли неподвижно, но когда три помянутых отряда вышли из лощины, то немцы, состоявшие в московском войске, ударили на них и почти все выстрелили в них; за немцами последовало триста или четыреста московитов, вступивших в схватку, меж тем из-за гор и холмов показалось шестьдесят или семьдесят мелких отрядов (*vendelen*), которые без всякого промедления с великим шумом, трубами, литаврами и криками напали на московитов (*op de moscovise bataillie*) и обратили в бегство все московское войско, ибо московиты не подозревали, что кроме тех трех отрядов, что они видели, есть еще войско, и когда они вдруг приметили все эти отряды, то ими овладел страх, и когда поляки сразу ворвались в середину [московского войска], то один немец, служивший под начальством капитана Маржерета, Арендт Классен — он жив и поныне — закричал, что надобно ударить на поляков, ибо они, возомнив, что одержали победу, совсем расстроили свои ряды, и их еще можно разбить, он закричал о том Ивану Ивановичу Годунову, предводительствовавшему авангардом, но [Годунов] не услышал; он сидел на лошади, оцепенев от страха, и ничего не видел и не мог двинуться ни взад, ни вперед, так что его можно было одним пальцем столкнуть с лошади.

Итак, поляки пробились к деревне Добрыничи, и московские стрельцы числом 6000 сложили шанцы (*scantse*) из саней, набитых сеном, и залегли за ними, и как только поляки вознамерились пробиться вперед, стрельцы из-за шанцев выстрелили из полевых пушек (*veltstucxkens*), которых было до трехсот, и затем открыли пальбу из мушкетов, и это нагнало на поляков такой страх, что они в полном беспорядке обратились в бегство, и московиты, тот-

час собравшись с силами, пустились их преследовать и гнали поляков добрых две мили, убивая всех, кого настигали, так что всю дорогу помостили трупами.

Димитрий с несколькими отрядами оставался в долине, намереваясь довершить с ними победу, но, увидев бегущих назад поляков, едва сам мог спастись, ибо вороная его лошадь была подстрелена, и князь Василий Масальский, тотчас соскочив со своего коня, посадил на него Димитрия; сам же взял лошадь у своего конюха (*van synen knecht*), и так чудесным образом (*avontuerlyc*) ушли от неприятеля, и за свою верность Масальский впоследствии был высоко вознесен Дмитрием, как о том мы еще услышим...

<Описание дворцовой охраны>

(с. 118)

Присмотревшись к обычаям москвитов, он стал осторожнее и удвоил стражу во дворце, также отобрал из немцев и ливонцев триста самых рослых и храбрых воинов и поставил из них двести алебардщиками и сто трабантами (*hartsiers*), и во время его выходов они всегда окружали его; велел им роскошно одеваться, он дал им большое жалованье и весьма возвысил их, также велел одеть их в немецкое платье; над трабантами, среди которых было много шведских и ливонских дворян, он поставил капитаном Якова Маржерета (*Margueret*), бывшего прежде капитаном немецкого отряда, и они были весьма роскошно одеты в бархат и в золотую парчу, носили дорогие плащи и позолоченные протазаны с древками, покрытыми красным бархатом и увитыми серебряною проволокою. И каждая сотня алебардщиков имела своего капитана; один из них был шотландец, по имени Альбрехт Лантон (*Albrecht Lanton*), и его воины носили кафтаны фиолетового сукна (*in peerts laecken*) с обшивкой из зеленого бархата, другой капитан был Матвей Кнутсен (*Matthys Snoetsen*) из Дании, который при Борисе, после [смерти] герцога Иоанна, поступил на царскую службу, и его воины также носили кафтаны фиолетового сукна с обшивкой из красного бархату; и эти три капитана вместе с лейтенантами были пожалованы деревнями и землями и сверх того ежегодно получали большое жалованье. Также алебардщики и трабанты были щедро одарены и должны были всегда окружать царя, а некоторые из них — поочередно держать ночной

караул во дворце; и когда царь выезжал верхом, то трабанты также должны были следовать за ним верхом, ибо у каждого из них была лошадь; а алебардщики провожали царя пешком до ворот, где и ожидали его возвращения, и трабанты имели при себе каждый раз, когда выезжали, заряженные пистолеты.

КОНРАД БУССОВ
МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА
(1584—1613)

(М.; Л., 1961)

События Смутного времени начала XVII в. в России отразились в многочисленных, и притом разножанровых сочинениях иностранцев. Текст, авторство которого усваивается К. Буссову, относится к наиболее ценному, пожалуй, их виду: хронологическому изложению событий, дополненному системным взглядом на российское общество и записями (дневникового и мемуарного типа) о конкретных людях и фактах. По богатству информации и ее разносторонности, по хронологическому охвату, по неожиданной смене точек обзора происходящего (Москва, Калуга и, видимо, другие пункты) с книгой Буссова мало что можно сравнивать. Быть может, только «Историю о великом князе Московском» Петрея — но ведь он и заимствовал у Буссова почти все его сочинение, умолчав о своем источнике. Как бы то ни было, «Смутное состояние Русского государства в годы правления царей...» (мы прервали длинное, истинно немецкое самоназвание текста Буссова в самом начале) востребовано и будет всегда востребовано теми, кто обращается к событиям первой гражданской войны в России.

О самом авторе сохранилось совсем немного документов. Известны его письма 1613 и 1614 гг., уже после его отъезда из России. В бывшем архиве Посольского приказа случайно уцелела отписка 1601 г. из Пскова в Москву, в которой фигурирует Буссов. В шведских документах, письме гетмана Я. К. Ходкевича, в текстах описи 1626 г. Посольского приказа говорится о событиях весны 1603 г. в Нарве, с ним связанных. Наконец, в разных рукописях его сочинения (в заголовках и в других местах) приведены важные, но крайне скудные сведения о нем. Еще в середине XIX в. биографические данные о Буссове систематизировали Я. Грот, Ф. Аделунг, А. Куник. Но наиболее полную биографическую

сводку о нем в тесной связи с исследованием истории написания и редактирования самого сочинения дал И. И. Смирнов в статье «Конрад Буссов и его хроника», открывающей самое авторитетное издание 1961 г. (текст издан на немецком языке с русским переводом). Мы основываемся на положениях маститого ученого, обновляя отдельные его наблюдения и дополняя их в соответствии с литературой и собственными наблюдениями.

Итак, родина Буссова — Германия и, скорее всего, Лüneбургское княжество, возможно, его юго-западный округ Ильтен. Ни его родители, ни его год рождения неизвестны. Дворянское происхождение Буссова сомнительно, но в Швеции, России, а, соответственно, ранее и в Лифляндии его относили именно к этому сословию. Главная причина — род его деятельности: по ряду примет главным занятием была наемная военная служба. В письме 1613 г. на имя Брауншвейгского герцога он называет одну дату: в 1569 г. он покинул пределы Германии для службы владетельным особам в Лифляндии. Вряд ли это случилось ранее чем ему исполнилось 18—20 лет. Так приблизительно определяется дата его рождения — 1549—1551 гг. Лукавить здесь Буссову не было никаких резонов, он, скорее, мог слегка преуменьшить свой возраст, чем его преувеличить, поскольку просил «приставить к свободной должности». Но ни в этом письме, ни в письме к тайному советнику герцога Буссов ни полсловом не обмолвился ни о том, кому он служил, ни о характере своей службы. Более того, помянув Россию и Лифляндию в обращении к герцогу как страны, где он нес службы, Буссов не вспомнил здесь о Швеции. А ведь в заголовке сочинения приведена едва ли не самая престижная за всю его карьеру должность — «ревизор и интендант завоеванных у Польской короны земель, городов и крепостей в Лифляндии его королевского величестве Карла, герцога Седерманландского, впоследствии Карла IX, короля Шведского». Сообразуя эти и другие обстоятельства, можно догадываться, что биография его в Прибалтике развертывалась в областях, подконтрольных Речи Посполитой и вассальным от нее образованиям (несомненны его связи с Ригой), что статус его, особенно в начале карьеры, был очень невысок, что собственно военная служба перемежалась, видимо, у него с управительской у светских лиц или церковных владетельных особ. Ведь не российский же опыт

подсказал ему просить пропитание «в числе малых слуг» герцога при занятии свободной должности. Еще один вариант — «пристанище в монастыре его светлости» (но отнюдь не постриг в монахи) или разрешение «столоваться в княжеском доме» (последнее в письме советнику). Вряд ли здесь пригодился и шведский опыт: возможности, статус «королевского ревизора и интенданта» несоизмеримы с положением «малых слуг». Но два обстоятельства нужно подчеркнуть. Почти тридцатилетняя карьера Буссова до 1599—1600 гг. была по преимуществу связана с военным делом. В противном случае стало бы невероятным получение им от шведских властей подобного назначения. Равным образом, уровень последних его должностей в польской Лифляндии был соотносим с его постом в шведской военной администрации.

Начавшаяся в 1600 г. война между Швецией и Речью Посполитой в Прибалтике повлекла большие перемены в судьбе Буссова. Как и многие другие немцы на польской службе, он изменил и перешел на сторону наступавшей страны: в 1600 — начале 1601 г. шведские войска захватили почти всю территорию правобережья Западной Двины (кроме Риги и ее окрестностей). Мenee чем за три года он побывал комендантом Нейгаузена (где-то в конце 1600—1601 г.), выполнял какие-то поручения в Мариенбурге (не позднее марта—апреля 1601 г.), в том же 1601 г. исполнял службу «ревизора и интенданта», а в ходе контрнаступления польских сил с осени 1601 г. ушел со шведскими отрядами в Эстляндию. Не позднее весны 1603 г. он был одним из военачальников гарнизона Нарвы (а быть может, еще 1602 г.) и параллельно — главой заговора ряда должностных лиц и членов магистрата, имевших целью передать город и крепость России. Впрочем, тайные связи Буссова с московскими официальными лицами имели место еще в апреле 1601 г., если не ранее. Тогда, в качестве удостоверения своей верной службы царю, он предлагал передать Российскому государству Мариенбург. Но ни Мариенбург (его отвоевали вскоре польские войска), ни Нарва в Россию не попали: там оказался с семьей сам главный заговорщик. Спасся и его партнер с русской стороны, переводчик Посольского приказа Ганс Англер. Остальные участники сильно пострадали: обвиненных в измене доставили для следствия с пристрастием в Швецию, после расследования и суда последовали казни.

Самое придирчивое чтение книги Буссова не обнаружит в ней ни малейшего намека на эти события, на тайные его сношения с Москвой, и вот что показательно. В тексте налицо два принципа изложения материала: по главам и по годам. Они частью сменяют, но чаще взаимно и не всегда удачно перекрывают друг друга. Но не надо искать хотя бы следов 1603 года — его в тексте просто не существует. Что понятно: умолчание о своих «нарвских подвигах» (они вряд ли приветствовались бы в любой стране за пределами России) влекло и молчание по поводу его устройства в России. Об этом мы судим по кратким биографическим фразам или же оговоркам.

Буссов с семьей получил двор в пригородной (на Язуе) Немецкой слободе. Был ли один из его сыновей, также Конрад, выделен сразу — неизвестно. Очевидно только, что Конрад-младший определился на военную службу практически сразу по приезду в Россию. Судя по полученным поместьям (три имения), Конрад-старший занял среди иностранцев-наемников офицерскую должность среднего калибра. Возможно, была в полной мере учтена его тайная служба в пользу России. О его воинских подвигах мы ничего не знаем: в январском сражении 1605 г. под Добрыничами он вряд ли участвовал (слишком общо и в существенных пунктах неверно ее описание), не видно его следов в армиях Шуйского 1606 г. Быть может, в тексте удержались весьма негромкие отзвуки его служб в тушинских отрядах во второй половине 1608 — начале 1609 г. Сомнительно, однако, что он провел все время с ноября 1606 г. и до конца 1610 г. в Калуге. Несомненно его присутствие в марте 1611 г. в Москве, а скорее всего еще ранее. Его описание мартовского восстания москвичей, жестоких действий гарнизона Речи Посполитой по его подавлению наполнено живыми деталями и четкостью изложения. Последние факты, о которых Буссов пишет не по чужим сообщениям, а по личным непосредственным впечатлениям, датируются сентябрем 1611 г.: смерть гетмана Я. П. Сапеги и приход к Москве с провиантом для гарнизона отрядов гетмана Ходкевича. В конце того же года (но не позднее самого начала 1612 г.) он уже в Риге и именно там приступает, скорее, не к написанию, но к обработке и завершению своей книги.

Из письма к герцогу Брауншвейгскому известно, что писал Буссов «со своим помощником». Им, бесспорно, был его зять

Мартин Бер, студент Лейпцигского университета, получивший приглашение и прибывший в Россию ок. 1601 г. До 1605 г. он учительствовал в школе в Немецкой слободе, а в 1605 г. был поставлен пастором при протестантском храме в слободе. Наличие двух авторов бросается в глаза уже при беглом чтении книги: латинские максимы, библейские параллели и сюжеты, античные герои, длинные морализирующие пассажи явно не по плечу наемнику, об уровне образования которого мы ничего не знаем. Письма к герцогу и его советнику составлены, конечно, с полным знанием того, как следует излагать подобные прошения. Но, во-первых, не исключено, что их написал не Буссов, а по его просьбе кто-либо из невысоких чинов брауншвейгского двора. А, во-вторых, если верна наша догадка о его не только военной, но и административной деятельности «до шведов», то он вполне мог усвоить не столь хитрые правила составления просительных посланий. Не это суть важно. Показательнее другое: в событийном ряду книги различимы не два, а, возможно, три взгляда. Два, если угодно, перемежают записи дневникового характера с позднейшими припоминаниями. Буссова и Бера, помимо стиля, можно здесь различать по месту наблюдения. Живо описанные прибытие датского принца, его скоростижная смерть и погребение — это рассказ Бера. И Буссов лукавил (по хорошо понятным мотивам), когда акцентировал внимание герцога на «своем» описании этого события (принц приходился герцогу дядей, а Буссова в Москве осенью 1602 г. не было). Расходятся их судьбы осенью 1606 г.: Буссов оказывается в Калуге, а Бер провел 1606—1607 гг. в столице. Позднее бывший шведский ревизор провел какое-то время в тушинских отрядах и т. п. Но вот откуда взялась точная справка о врачах-иноземцах под 1601 г., сведения о предшествующих XVII веку событиях в России (здесь, кстати, есть пересечения с текстами других иностранных авторов), не вполне ясно. Рискнем предположить, что в среде иностранных специалистов имел хождение (в устной форме, а быть может, и в письменном виде) некий запас известий о прошлом страны и о некоторых особенностях ее населения и устройства.

Все хлопоты Буссова по продвижению книги закончились неудачей. Просвещенный Фридрих-Ульрих не заинтересовался «Смутным состоянием» России и, как кажется, «не приставил

к должности» самого автора. В 1617 г. удача, казалось бы, ему улыбнулась: был подписан контракт на издание сочинения то ли в Любеке, то ли в Риге. Но опять не сложилось: в том же году Буссов умер и был похоронен рядом с любекским собором. Правда, его текст увидел свет в 1615 г. на шведском языке, составив подавляющее большинство разделов книги Петрея. Дошла ли до Буссова информация об этом, прямых свидетельств не сохранилось. Впервые полностью книга Буссова была опубликована в середине XVII в.

Публикуемые отрывки принадлежат, несомненно, руке Буссова. Участие Бера (если оно и было) свелось, возможно, к трем латинским максимам. Помимо одного из героев, капитана Маржерета, печатаемые тексты объединяет подчеркиваемое автором превосходство немцев (по преимуществу в военном деле), особенно в первом отрывке.

<Год 1605>

(с. 101—102)

В январе московиты выступили всей военной силой опять в поход, чтобы преследовать Димитрия дальше. Набралось их свыше 200 000 человек, и 20 января, в день св. Фабиана и Севастьяна, они подошли к Добрыничам. Димитрий тоже снова соединился со своими и собрал войско в 15 000 человек. С ними он напал 20 января на все московское войско, смело врезался в него и побил их так, что они принуждены были отступить и обратиться в бегство. Он захватил всю их артиллерию, и на этот раз все поле сражения и победа остались бы за ним, если бы на него не напали выстроенные в стороне два эскадрона немецких конников. Начальниками были: у одного Вальтер фон Розен, лифляндец из дворян, весьма пожилой человек, а у другого капитан Яков Маржерет, француз. Они с такою силою ударили на полки Димитрия, что не только не смогли больше преследовать бегущих московитов, но даже вынуждены были снова бросить взятую артиллерию и обратиться в бегство.

Боевой клич немцев был: «Бог на помощь! Бог на помощь!». Бог им и помог. Они смело преследовали бегущее войско Димитрия, стреляли во всадников и закололи всех, кого они могли настичь и нагнать. Когда московиты увидели такую храбрость немцев и то, что те одни выбили с поля и отогнали врага, они снова собрались

с духом, и много тысяч их кинулось помогать немцам, преследовали врага 3 мили, выучились даже кричать немецкий боевой клич: «Бог на помощь! Бог на помощь!». А немцы немало смеялись над тем, что Димитрий уж очень быстро привил москвитам такие замечательные способности, что они в один миг прекрасно усвоили немецкий язык и немецкий клич.

Во время этого бегства Димитрий был почти наголову разбит. Его царский конь был под ним ранен в бедро, а сам он едва спасся. Он, наверное, был бы убит или взят в плен, и из его 15 000 человек немногие спаслись бы, если бы им не помогли изменники Борису и не помешали бы немцам (которые обратили в бегство и преследовали Димитрия и его войско), посылая им вслед гонца за гонцом с требованием остановиться и вернуться, ибо достаточно пролито крови, а главная цель уже достигнута и победа одержана.

Поэтому немцы повернули назад, и москвиты (те, которые ничего не знали о совете нечестивых) очень обласкали и похвалили их за хорошее поведение. Москвиты сказали еще, что немецкий Бог сильнее русского, потому что немцев была только горсточка, а они все-таки одержали победу, тогда как русских, которых было свыше 100 000, враг, имевший по сравнению с ними незначительный отрядец, обратил в бегство при первом же натиске, и им пришлось оставить и бросить весь лагерь и артиллерию...

<Год 1606>

(с. 112)

В январе он назначил трех капитанов. Первый — француз, чисто говоривший по-немецки, — был благочестивым и рассудительным человеком, звали его Яков Маржерет, и у него под началом было 100 копейщиков. Они должны были носить бердыши, на которых был вычеканен золотой царский герб. Древки были обтянуты красным бархатом, кованы серебряными позолоченными гвоздями, обвиты серебряной проволокой, и с них свисали разные кисти из шелковых нитей и из серебряной или золотой проволоки. Эти копейщики каждые три месяца получали такое жалование, что большинство могли заказывать себе бархатные плащи с золотыми позументами и очень дорогое платье.

Второго капитана, лифляндца из Курляндии, звали Матвей Кнутсон, ему были вверены 100 алебардников. На их алебардах

с двух сторон был вытравлен тоже царский герб. Кафтаны у них были темно-фиолетовые, с обшивкой из красных бархатных шну-ров, а рукава, штаны и камзолы — из красной камки.

Третий капитан был шотландец, по имени Альберт Вандтман, но его обычно звали паном Скотницким, так как он долго жил в Польше. У него также было 100 алебардников, алебарды которых были так же отделаны, как и у других сотен. Но они отличались тем, что должны были шить себе штаны и камзол из зеленого бархата и носить рукава из зеленой камки. Одна половина этой стражи должна была оберегать царя одни сутки, а другая половина — следующие сутки. Это вызвало большое неудовольство, особенно среди московских вельмож, говоривших между собою: «Смотрите, наш государь уже теперь показывает этой стражей, что он и сейчас не хочет на нас смотреть, а что еще будет, когда приедет польская панна со столькими поляками, немцами и казаками». *Periculum est in mora**, думалось князю Василию Ивановичу Шуйскому, старшему из трех братьев Шуйских, особенно когда царь Димитрий повелел сделать ревизию монастырей, подсчитать их доходы и немного урезать корма *tex terrae inutilibus ponderibus et otiosis monacis***, а лишек взять в казну на содержание войска против врагов христианства, турок и татар, а также и тогда, когда попам, жившим близко от Кремля на Чертолье и на Арбате, пришлось уйти из своих домов и передать их немцам (чтобы те в случае нужды днем или ночью могли быстрее оказаться у царя)...

Глава XX

(с. 181)

Что в 1611 году случилось в России и особенно в главном городе, Москве...

(с. 185—188)

...Для участия в этом празднестве*** стекаются бесчисленные тысячи людей. Все, что только может ходить, отправляется туда, и там происходит такое скопление народа, что слабым, малосильным людям нельзя находиться там, если они хотят со-

* В промедлении опасность.

** Бесплезному бремени земли — праздным монахам.

*** Речь идет о Вербном воскресеньи. — В. Н.

хранить здоровье. Поскольку, однако, из-за запрещения этого праздника народ еще больше озлобился и получил повод говорить, что лучше умереть всем, чем отказаться от празднования этого дня, то им разрешили праздновать его, только вместо царя пришлось одному из знатных московитских вельмож, Андрею Гундорову, вести под уздцы осла (патриарха, сидящего на осле) до Иерусалимской церкви. Но немецкий и иноземный полк и все поляки были в полном вооружении и начеку. Начальникам все же удалось разведать, что московиты задумали обман и что-то собираются затеять и что сам патриарх — зачинщик всего мятежа и подстрекает народ к тому, чтобы, раз в Вербное воскресенье мятеж не состоялся, поднять его на Страстной неделе.

Узнали они также, что все князья и бояре держат на своих дворах множество саней, нагруженных дровами, чтобы, как только начнется смута, вывезти их на улицы и поставить поперек, так что ни один всадник не сможет проехать по улицам, и поляки не смогут выручить друг друга, так как они рассеяны в разных местах по городу.

Поэтому наместник господин Гонсевский и полковник иноземцев Борковский дали распоряжение, чтобы ни один немец, или иноземец, или поляк под страхом смерти не оставался за третьей или четвертой окружной стеной, а тотчас же направился в Кремль или под Кремль, для того, чтобы быть вместе на случай, если начнутся беспорядки, а не так, как это было со свадебными гостями Димитрия первого, разбросанными и рассеянными повсюду.

Увидев, что в понедельник немцы со всем, что у них было, направляются в Кремль, так же как и иноземные солдаты, московиты поняли, что наврное их замысел открыт. Они просовещались день и ночь, как помешать тому, чтобы все воинские люди собрались в Кремле и перед Кремлем, и затем во вторник, утром 19 марта, московиты начали свою игру, побили насмерть многих поляков (которые эту ночь проводили еще на своих квартирах), сделали больверки и шанцы на улицах и собрались во множестве тысяч.

Наместник послал к ним несколько отрядов конных копейщиков, которые должны были помешать подобным их намерениям, но московиты на них не обратили никакого внимания. Московитские стрельцы (это аркебузники) так в них палили, что

много и людей, и коней полегло на месте. Если бы не было в крепости набранного из немцев и других народностей полка мушкетеров, а также и поляков, то в тот день едва ли остался бы в живых хотя бы один из этих 5000 конных копейщиков, ибо московиты уже сильно взыграли духом, увидав, как много поляков сбито с коней и какое множество отрядов отступило. Они так ужасно кричали и вопили, что в воздухе стоял гул; к тому же в тысячи колоколов били тревогу.

Когда поляков столь бесславно проводили пулями и стрелами снова до ворот Кремля и на них напал великий страх, капитан иноземных ратников господин Яков Маржерет в восемь часов по нашему времени выслал из Кремля на Никитскую улицу три роты мушкетеров, в совокупности всего только 400 человек. Эта улица, длиною в четверть путевой мили, имела много переулков, в которых за шанцами и больверками укрылось 7000 московитов, нанесших большой урон полякам. 400 мушкетеров напали *in nomine Domini* на николаитов (*die Nicolaiten*) за первым больверком и так успешно стреляли, что те по многу человек сразу, как воробьи, в которых стреляют дробью, падали на землю. Поэтому с добрый час был слышен ужасающий гул от московитского боевого клича, от гудения сотен колоколов, а также от грохота и треска мушкетов, от шума и завывания небывалой бури, так что поистине слышать и видеть это было очень страшно и жутко. Солдаты, тем не менее, так стремительно нападали по всей улице, что тут уж московитам стало не до крику и они, как зайцы, бросились врассыпную. Солдаты кололи их рапирами, как собак, и так как больше не слышно было мушкетных выстрелов, то в Кремле другие немцы и поляки подумали, что эти три роты совсем уничтожены, и сильный страх напал на них. Но те вернулись, похожие на мясников: рапиры, руки, одежда были в крови, и весь вид у них был устрашающий. Они уложили много московитов, а из своих потеряли только восемь человек.

С того берега Неглинной (это маленькая речушка в городе) снова послышался сильный крик московитов, которые сделали и там на улицах шанцы и сильно били в набат. Тогда эти три роты отважились пойти и туда тоже, и бог помог им одержать там победу. В течение двух часов они бились с московитами на одном и том же месте, пока не одолели их. Но затем снова собралась

толпа на Покровской улице. И так как через некоторое время 400 солдатам стало невозможно так долго и так далеко бегать с тяжелыми мушкетами в руках и столько часов биться с врагом, стрелять, рубить и колоть, то полковник Борковский выпустил несколько отрядов конных копейщиков, которые должны были прийти им на помощь. Поскольку они не могли добраться до москвитов на конях по разрытым улицам, полковник приказал поджечь на всех улицах угловые дома, а дул такой ветер, что через полчаса Москва от Арбата до Кулижек была вся охвачена огнем, благодаря чему наши и победили, ибо русским было не под силу обороняться от врага, тушить огонь и спасать оттуда своих, и им пришлось поэтому обратиться в бегство и уйти с женами и детьми из своих домов и дворов, оставив там все, что они имели. Так оправдалась старая военная латынь, которая была поговоркой в древности в Риме и стоит в девятой эклоге из «Буколик» Вергилия: «*Ut possessor agelli diceret: haec mea sunt, veteres migrate coloni*»*. В этот день выгорела третья часть Москвы, и много тысяч людей погибло от пуль, мечей и от охватившего их огня.

Улицы, где стояли ювелирные и оружейные лавки, были до того завалены мертвыми телами, что ноги проходивших там в некоторых местах едва касались земли. Воинские люди захватили в этот вечер в ювелирных и других лавках огромную и превосходную добычу золотом, серебром, драгоценными камнями, жемчугом, дорогими украшениями, парчой, бархатом, шелком и т. п.

На следующую ночь остальные русские укрепились у самого Кремля, в Чертолье, где накануне пожара не было. Точно так же и живущие по ту сторону Москвы-реки тоже построили шанцы напротив Кремля, водрузили на укреплениях свои знамена и стали расхаживать от одного шанца к другому. Те, что были в Чертолье, занимали треугольник, образуемый большой Белой стеной, и находилось там около тысячи стрельцов. Замосквореченские сделали шанцы у наплавного моста против Водяных ворот, поставили туда пушки и упорно стреляли по нашим. Они тоже, как и другие, предполагали, что наши придут с лобовой стороны.

Но капитан Яков Маржерет применил замечательную военную хитрость. Он предоставил им укрепляться и сторожить,

* Чтобы хозяин участка сказал: «Это мое, выселяйтесь, прежние обитатели».

а сам, поскольку лед на Москве-реке был еще крепкий, вывел своих мушкетеров через кремлевские Водяные ворота на реку и, оказавшись таким образом между врагами и их укреплениями, мог нападать направо и налево, как ему вздумается. Помимо того, на льду стояли двенадцать польских конных рот, наблюдавших, не подойдет ли кто-либо слева на смену чертольцам, но те оставались в своих шанцах. Капитан Яков Маржерет прошел с солдатами по льду вдоль Белой стены до пяти башен, затем обогнул город и вошел через городские ворота, находившиеся в тылу врага, который не ждал отсюда опасности и держал эти ворота открытыми для своих друзей, находившихся в других башнях или шанцах. Благодаря этому русские и проиграли, ибо они охраняли больше передние шанцы, чем ворота в тылу. Наши неожиданно для них в один миг напали на шанцы, быстро на них взошли, всех побили насмерть, подожгли шанцы и все Чертолье.

Когда это увидели те, которые были на других шанцах по ту сторону реки, они пали духом, и, надо думать, совсем в ужас их привело то, что как раз *in punkto**, когда наши поляки стали выбираться на берег, чтобы иметь больше простора, пришел из Можайска пан Струсь с 1000 отборных конников, которые стали рыскать по городу, где им вздумается, жечь, убивать и грабить все, что им попадалось. Сравнив с землей Чертолье, наши солдаты отправились на ту сторону реки Москвы, тоже подожгли шанцы и все дома, до которых они могли добраться, и тут уж москвитам не помогли ни крик, ни набат. Нашим воинам помогал и ветер, и огонь, и куда бы москвиты ни отступали, за ними гнались ветер и пламя, и ясно было, что господь бог хочет покарать их за кровавые убийства, клятвопреступления, лихоимство и эпикурейское содомитство.

Тут можно было видеть, как люди толпами бежали за город в ближайшие монастыри. К полудню уже не было ни малейшего сопротивления, и не видать было московитских воинов. Так в течение двух дней великая Metropolis (столица) Russiae (имевшая в окружности более 4-х немецких миль) обратилась в грязь и пепел, и не осталось от нее ничего, кроме Кремля с предкремлевской частью, занятых королевскими людьми, и нескольких каменных

* В то мгновение.

церквей. Большинство же прочих церквей внутри и снаружи Белой стены были построены, как и все другие строения во всей России, в виде блока из одного только дерева; все, что тоже было построено из дерева, — самая внешняя, четвертая окружная стена, которая шла внутри всей Москвы, со всеми домами и дворами, стоявшими внутри, равно как и усадьбы князей, бояр и богатых купцов у белой стены, — все было превращено в пепел...

IV

СТАТЬИ

А. БЕРЕЛОВИЧ

КАПИТАН МАРЖЕРЕТ ВО ФРАНЦУЗСКИХ АРХИВАХ

Военная и, в меньшей мере, политическая деятельность капитана Маржерета на русской почве нам более или менее известны, хотя слишком мало еще изучены. То же можно сказать и о его сочинении: этот знаменитый текст не раз привлекался самыми разными исследователями, но общий замысел книги, ее источники еще не подвергались систематическому анализу. Что же касается его жизни, в особенности его молодости во Франции, мы знаем только то, что он сам о себе сообщает в предисловии к *Состоянию Российской империи*, то есть почти ничего. Дело в том, что Маржерет оставил чрезвычайно мало следов во французских архивах. Тут нет ничего удивительного: бóльшую часть своей жизни он ведь провел на чужбине.

Знаем мы только о четырех документах, хранящихся во Франции: прошение некоего «Жако, или Жака, Маржерета, экюйе»¹, поданное в Дижоне, вероятно, самим Маржеретом, о выдаче ему копии семейного акта²; два письма 1619 г., собственноручно написанные капитаном в Байройте и адресованные господину де Сент-Катрину, представителю короля Франции в Гейдельберге³; наконец, упоминание о Маржерете в протоколах Дижонского муниципалитета в 1585—1586 гг.⁴ Более подробных данных об участии Маржерета во французских гражданских войнах конца XVI века, о его пребывании на родине в 1607 г., а может быть — и в 1608 г., еще не удалось найти. Приходится поэтому в настоящей статье удовлетвориться косвенными сведениями о происхождении Маржерета и его рода.

Род Маржеретов

Аноблирование, «одворянение», плебейских родов во Франции XVI—XVII веков — обычное и весьма распространенное явление, которому гражданские, а потом и внешние войны дали новый толчок. Пользуясь обстоятельствами, многие выдавали себя за дворян, хотя не имели на это, по тогдашним понятиям, никакого права. Поэтому в 1655 г. королевский Совет решил, что только те должны были считаться дворянами и иметь соответствующие налоговые льготы, кто смогут предъявить подлинные документы, доказывающие благородное их происхождение или же законное аноблирование. Учреждены были розыски (*enquêtes de noblesse*), которые не раз прекращались, но затем возобновлялись, то в одной из провинций, то во всем королевстве⁵. В 1696 г. Совет поручил интендантам — представителям короля на местах, очередной розыск о дворянстве, который был проведен с особой строгостью: в Парижском фискальном округе (*généralité de Paris*) две трети общего числа «благородных» были признаны самозванцами и вычеркнуты из дворянского «каталога»⁶.

В марте 1699 г. два брата Маржерета, оба по имени Пьер, оба — офицеры в полку французской гвардии, старший — капитан⁷, младший — лейтенант, предъявили обстоятельную родословную «Память» («*Mémoire*») на семи больших страницах в ответ, вероятно, на очередное расследование, предпринятое в 1696 г.⁸ Копия этой «Памяти» была переплетена, вместе с другими бумагами Маржеретов, в книгах кабинета Шарля д'Озье, которому были вверены, по смерти отца Пьера д'Озье, все дела по генеалогии дворянства⁹. Младшему Пьеру Маржерету пришлось впоследствии еще раз доказать свое дворянское происхождение, дабы быть принятым в рыцарский орден святого Лазаря и тем самым удостоиться пенсии в 2000 ливров, из доходов архиепископства Камбре. Так образовалось небольшое собрание документов о роде Маржеретов, в том числе копии актов XVI в., немногочисленные подлинники конца XVII в. и первой трети XVIII в., а также всевозможные записки и перечни, составленные писцами генеалогической конторы¹⁰. Они дают, наряду с родословной «Памятью», довольно полное представление о роде Маржеретов и, следовательно, о происхождении

капитана. Результаты исследования изложены в родословной таблице¹¹, охватывающей одиннадцать поколений на протяжении трех веков, от 1430 до 1738 г. (приложение I).

Насколько достоверен подобный источник? Сразу же возникает подозрение: стараясь доказать, что они — дворяне, не приукрасили ли Маржереты свою родословную? Действительно, оба брата умалчивают о настоящей профессии своих далеких предков: упоминаются только их вклады в разные церкви, учрежденные ими мессы, занимаемые ими почетные должности, например, врач герцога Филиппа II Бургундского или духовник императора Максимилиана¹². В действительности же первые более или менее известные нам Маржереты были почти наверняка торговцами. О принадлежности Пьера II (5-е поколение) к корпорации дижонского купечества мы узнаем из другого источника¹³. Гийом (6-е поколение), о котором «Память» 1699 г. сообщает, что он дважды ездил в Персию и что из привезенных им оттуда драгоценностей и бальзама кое-что еще осталось у его внуков¹⁴, может, и есть тот самый «Гийом Маржерет, галантерейщик», который упоминается среди «горожан, исповедующих новую религию» [т. е. гугенотов], приглашенных 20 февраля 1571 г. в Городскую ратушу по случаю приезда в Дижон маршала де Виёвиль¹⁵.

Надо уточнить, что в ту пору «галантерейщики» («merciers») были купцами, ведущими дальнюю, в основном оптовую торговлю.

Из этого, однако, не следует, что Маржереты старались обмануть королевских комиссаров. Сведения о Гийоме сами по себе уже сильно намекают о торговле. Должности, завоеванные Маржеретами шестого и седьмого поколений (хранитель малой печати, заведующий соляным амбаром, правщик Счетной палаты) или их свойственниками, мужьями дочерей Боссюэ восьмого поколения (королевский адвокат, королевский лейтенант, писарь Счетной палаты), в глазах француза XVII века совершенно недвусмысленно указывали не на потомственное, военное дворянство, а на довольно скромную провинциальную буржуазию. Умалчивание, в данном случае, не является обманом, а скорее соблюдением некоего приличия: объявить напрямик о своем купеческом происхождении выглядело бы своего рода бестактностью.

Никакого средневекового рыцаря-крестоносца, неправдоподобного барона, знатного иностранца Маржереты себе в предки

не придумали. Кроме того, некоторые сведения могут быть сопоставлены с независимыми источниками. Так, браки дочерей Андре Боссюэ и Маргерит I Маржерет (7-е поколение), в частности Жакет Боссюэ с Пьером Бретенем и Дениз Боссюэ с Пьером Дюме, подтверждаются находками аббата Жюля Тома в дижонском архиве¹⁶. Привилегия второго издания (1669 г.) *Состояния Российской империи* упоминает степень родства Пьера III Маржерета с капитаном: *petit perveu*, т. е. внучатый племянник¹⁷. Это указание совпадает с данными родословной памяти: отец Пьера III, Жан II — сын старшего брата капитана, Никола I.

Поэтому представляется возможным использовать «Память» 1699 г. в качестве источника, но с тремя оговорками. Во-первых, сочинители, сами того не зная, могли допустить некоторые ошибки. Гийом написан бездетным, тогда как мы достоверно знаем, что у него во всяком случае была дочь Мария¹⁸. Пьер V сам пишет, что ему досталось «весьма малое количество документов, поскольку большая часть их была растеряна или сгорела из-за беспорядков, связанных с бургундскими [гражданскими] войнами», и дальше «Пьер Маржерет, его отец, умер, оставляя еще очень молодых детей¹⁹, и все бумаги они растеряли, по небрежности, а также потому, что они исполняли действительную войсковую службу»²⁰. Во-вторых, не исключено, что братья Маржереты намеренно умолчали о протестантском вероисповедании части своих родственников: ведь Нантский эдикт отменен был совсем недавно — в 1685 г. В-третьих, не следует забывать, что без оригинального документа из нотариального или приходского архива (запись о крещении, о похоронах) ни один факт не может считаться окончательно доказанным.

Несмотря на возможные неточности, общая картина социального возвышения Маржеретов достаточно ясна. Оно ощутимо даже в перемене места жительства. Маржереты — родом из Осона, маленького, но сильно укрепленного города, расположенного между Дижоном и Долем и не лишнего стратегического и коммерческого значения, так как граничил с областью Франш-Конте, находившейся под властью испанцев²¹. Преуспевающие члены семьи со временем перебираются в более крупные города: Дижон, Лион и, наконец, в Париж. Главным же образом продвижение Маржеретов бросается в глаза при

сравнении должностей, занимаемых последовательными поколениями. Первый этап: завоевание муниципальных должностей в родном городе, исполнитель которых мог, в определенных обстоятельствах, заслужить пожизненное дворянство, которое во Франции звалось «колокольным дворянством» (*noblesse de cloche*²²), намекая на городской набатный колокол. Согласно родословной «Памяти» 1699 г., Гийом Маржерет (3-е поколение, вторая половина XV в.), занимавший «первые должности в городе Осон», именно таким образом получил дворянство от короля Людовика XI, за особые свои заслуги: когда Бургундия, по смерти герцога Карла Смелого (1477), перешла, не без сопротивления его дочери Марии Бургундской, в руки короля Франции, Гийом распорядился сдать город королевскому губернатору. Ему было позволено, вдобавок, украсить свой герб золотой лилией²³. Сын его, Жирар, подаривший городу часы и колокол в 1527 г.²⁴, его правнуки Антуан I, женившийся в 1543 г. на Маргерит Буало, дочери Осонского мэра, и Клод I, также породнившийся с семьей Сюрменов — городских магистратов, наконец, праправнук Никола I, женившийся на дочери другого мэра, Катрин де Вэн²⁵, свидетельствуют об успешном проникновении Маржеретов в среду Осонского муниципалитета.

Второй этап: судебные и финансовые чины, зависящие, прямо или косвенно, от королевской власти. Члены этого «четвертого сословия»²⁶, которых современники называли «чиновниками», «должностными лицами» (*officiers*) или, уничижительно, — «робенами» (*robins*, т. е. носящие робу — длинное платье судьи), были едва ли не самыми богатыми во французском обществе, обладали многочисленными привилегиями и уступали в достоинстве одному лишь военному, потомственному дворянству (если не считать Церкви). Впрочем, многие робены пробивались во дворянство более или менее легальным путем. По сравнению с городскими должностями, приобретение королевского судебного чина, несомненно, было шагом вперед.

Этой стадии социального возвышения Маржереты достигают, в основном, в последней четверти XVI века. Первые попытки в этом направлении были предприняты, однако, значительно раньше. «Память» 1699 г. уверяет, что Шарль Маржерет (5-е поколение), основатель мессы в приходской церкви Осон

в 1533 г., был «королевским секретарем»²⁷, т. е. одним из чиновников, которым была поручена экспедиция судебных грамот либо в большой канцелярии в Париже, под руководством канцлера Франции, либо в малых канцеляриях при провинциальных судах. Парижские королевские секретари считались дворянами и, с условием двадцатилетней службы, могли передать дворянство своим детям²⁸. Этим и объясняется, вероятно, упоминание Шарля в родословной памяти: ведь Пьер IV и Пьер V были его прапраправнуками. Правда, Шарль значился, скорее всего, при канцелярии осонского суда²⁹, но потомки его могли этого не знать. Итак, если «Память» 1699 г. не искажает истины, впервые судебный чин в семье Маржеретов появляется в первой половине XVI века — и то по свойству. Брат Шарля, Пьер II, женился на Пернет Марион, «из семьи Билокар», двоюродной сестре «знаменитого генерального адвоката при Парижском Парламенте мэтра Мариона», троюродной сестре председателя Дижонского Парламента Фремьё³⁰. И только следующему, шестому поколению удастся прочно обосноваться в новой среде.

В 1578 г. Клод I, сын от второго брака Шарля Маржерета, заплатив своему предшественнику довольно значительную сумму в 294 ливра, становится «хранителем малой печати»³¹ в Осоне, т. е. ему доверяются проверка, запечатывание и отправка официальных писем, исходящих из местного суда³². В 1580 г. он приобретает еще новую должность: товарищ смотрителя соляных амбаров Осона и Мирбо³³. Королевская монополия на соль служила, как известно, инструментом косвенного налога. Смотрители соляных амбаров закупали соль, доставляли ее на склады, продавали ее населению, наконец, судили тяжбы, возникающие в связи со взиманием косвенного налога.

Карьера двоюродного брата Клода, Кретьена, была несравненно более блестящей. Он — младший сын уже известного нам купца Пьера II. Благодаря, вероятно, связям матери, используя и капитал отца, он поступает в Дижонскую Счетную палату. Сперва он служит в качестве хранителя «книг, счетов и квитанций», потом достигает чина аудитора (28 сентября 1580 г.) и, наконец, мэтра³⁴, вероятно в 1591 г.³⁵ Последнюю должность он передает своему зятю Гийому Буйе в 1617 г., когда сам выходит в отставку³⁶. Будь то в Париже или в Дижоне, мэтр Счетной палаты

занимал в иерархии должностей место значительно ниже судей, заседающих в Парламенте. Он был, тем не менее, важным лицом и обладал обширными привилегиями³⁷, в том числе пожизненным дворянством³⁸. Может быть, Кретъен Маржерет и дослужился бы до этого чина даже в обыкновенных обстоятельствах, но события конца XVI в., его активное участие в борьбе Генриха IV за трон, вероятно, предопределили, или по крайней мере ускорили, его возвышение.

Король Генрих III, набожный католик, но занимавший в религиозных распрях умеренную позицию, был убит ультракатоликом Жаком Клеманом 1 августа 1589 г. Согласно требованиям французского закона о престолонаследии (так называемого «Салического закона»), легитимным королем Франции, Генрихом IV, становится глава гугенотской партии Генрих Наваррский из династии Бурбонов. К тому же на смертном одре Генрих III признал его своим наследником. Три недели спустя, 21 августа, штаты Бургундии, собравшиеся в Дижоне, решили, по религиозным соображениям, не признавать нового короля, объявив себя сторонниками Святой Лиги³⁹ и назначив герцога Майенского, главного предводителя Лиги, наместником провинции. Засилье Лиги в столице Бургундии принудило немногочисленных приверженцев Наваррского короля бежать из Дижона в города, оставшиеся верными королю, как Семюр или Сен-Жан де Лон. В подобной ситуации само собой понятно, что Генрих IV дорожил своими редкими сторонниками в Бургундии (основные его силы находились на юге Франции) и что, одержав над Лигой окончательную победу, он не преминул их вознаградить⁴⁰.

К числу этих сторонников и принадлежал Кретъен Маржерет. «Память» 1699 г. приводит длинную цитату из семейного часослова, якобы унаследованного от Пьера, врача бургундского герцога Филиппа Доброго⁴¹. На страницах древней книги и отчасти «на внутренней крышке переплета» Кретъен записывал, наподобие своих предков, главные события своей жизни, в том числе брак с Мишель Будье (дочерью адвоката), 1 февраля 1574 г., и свои заслуги перед Богом и государем. В церкви кордельеров (францисканцев), где находилась могила его родителей и где он сам желал быть похороненным, он основал торжественную службу на память усопших.

Эти, как видно, предсмертные распоряжения (около 1617 г.) опровергают чересчур упрощенные взгляды некоторых историков о безусловно протестантском исповедании капитана Маржерета. Во-первых, сам Наваррский король не раз менял вероисповедание и обращался то в католичество, то снова в протестантство, причем, вопреки легенде, не всегда в зависимости от политических обстоятельств⁴². Кретьен Маржерет прекрасно мог, как и его государь, вернуться в лоно Церкви большинства французов. Во-вторых, на стороне Генриха IV, с самого начала его царствования (1589 г.), а тем более после его обращения, находились многие умеренные католики, так называемые «добрые французы» (*les bons Français*), в том числе подавляющее большинство «четвертого сословия» — чиновников.

Наконец, в одной и той же семье нередко бывали разногласия в вопросах не только политики⁴³, но и веры: из того, что Гийом Маржерет был протестантом, нельзя заключить, что его младший брат, Кретьен, и все остальные Маржереты придерживались тех же взглядов. 26 января 1553 г. Антуан I Маржерет и его жена Маргерит крестили свою дочь Клодину в приходской церкви Осона⁴⁴. Там же крестился их сын Робер 2 марта 1554 г.⁴⁵ 8 марта 1567 г., опять-таки в приходской церкви, Клод I Маржерет и его жена Жакет крестили свою дочь Маргерит⁴⁶. Стало быть, в середине века потомки Шарля — католики. А в ноябре того же 1567 г., как уже упоминалось, двоюродный брат Антуана и Клода, Гийом Маржерет, сын Пьера II, значится в списке дижонских протестантов⁴⁷. 29 ноября 1585 г. Жанна, урожденная Эртебинэ, жена Гийома Маржерета, дижонского купца, предстает перед городским Советом с дочерью Марией Маржерет. Вместе с другими протестантами они отрекаются от «новой религии»⁴⁸. Отречение могло, конечно, быть и искренним. Но мы знаем о гонениях, которым подвергались оставшиеся в Дижоне противники Лиги, а тем более протестанты. В отсутствие мужа и отца обе женщины, вероятно, предпочли благоразумное лицемерие.

Что же касается капитана Маржерета, то ни его участие в гражданских войнах на стороне Генриха IV, ни вероисповедание части его семьи не являются достаточными поводами, чтобы на этом основании утверждать, что он был протестантом⁴⁹. Другое дело — прямые указания в протоколах Дижонского го-

родского Совета, где упоминаются усилия капитана Маржерета, *протестанта*, дабы поддержать связи между городами Осон и Монбельяр⁵⁰.

Тем временем Кретьен Маржерет продолжает служить своему королю — Генриху IV, как служил до него Генриху III⁵¹. Он исполняет «важные поручения» в Германии, в Швейцарии и в других местах, несколько раз попадает в плен, однажды тяжело ранен, ему приходится не раз выкупать свою свободу за крупные суммы и «терпеть множество других тяжких потерь». Действительно, документ 23 ноября 1591 г. свидетельствует о швейцарской миссии: Кретьен Маржерет был послан Генрихом IV добывать деньги взаймы для продолжения войны⁵². По всей вероятности, поездки в Германию имели ту же цель: известно, что немецкие протестанты предоставили Генриху IV не только пешие и конные войска, но также и существенную сумму денег⁵³. Жена Кретьена Маржерета Мишель (урожденная Будье) после отъезда мужа была посажена в тюрьму, а в ее доме поселился сторонник Лиги⁵⁴.

Совершенно очевидно, что Генрих IV всячески старался наградить по заслугам верного чиновника. Назначение мэтром Счетной палаты уже упоминалось, но Маржерету к тому же позволено было совмещать, вплоть до 1599 г., обязанности, права и жалование старой и новой должностей, т. е. аудитора и мэтра. Королевская грамота от 16 декабря 1599 г. дала ему право охотиться из пищали на волков, лис, барсуков, журавлей, диких гусей и уток в пределах своих двух сеньорий, Марлиэн и Мелуазэ⁵⁵.

Можно думать, что Кретьен сыграл значительную роль в дальнейших успехах своей семьи. Не благодаря ли ему Генрих IV так благосклонно принял капитана (если, конечно, верить предисловию его книги⁵⁶)? Как бы то ни было, дочери Клода I и Кретьена вышли замуж опять-таки за чиновников, причем, за неимением сыновей, оба тестя передали свои должности зятям Андрэ Боссюэ и Гийому Буйе.

В девятом поколении Пьер III, внучатый племянник капитана, был королевским секретарем, женился на Катрин Пико, дочери ординарного камергера Людовика XIV, стал в свою очередь ординарным камергером, а в 1658 г. купил должность главного аудиенциария⁵⁷. Однако среди потомков Антуана I проявляется новая

тенденция, иной путь к социальному возвышению: трое из его сыновей, один внук, один правнук избирают военную профессию. Это — третья и последняя стадия семейной истории. Маржереты, вернее одна из ветвей рода, становятся настоящими, военными дворянами, «дворянством шпаги».

Преобразование обыкновенного солдата или сержанта-простолоюдина в дворянина, иногда прямо на поле брани, широко практиковалось до XVII века включительно⁵⁸. К тому же оно являлось, с точки зрения потомственных дворян, наиболее приемлемым способом аноблирования. Ведь они считали себя наследниками древних рыцарей, а свои привилегии — вознаграждением за воинскую доблесть: «Дворянство возникло среди оружия и возрастает участием в войнах»⁵⁹.

Клод II и Робер Маржереты были убиты при осаде Сен-Жан де Лон, сообщает «Память» 1699 г. Имеется ли в виду осада 1636 г. испанскими войсками? Но Роберу было бы тогда 82 года! Вернее предположить, за неимением дополнительных сведений, что они погибли в одном из столкновений между войсками Лиги и сторонниками Генриха IV, которые защищали город. В таком случае, они боролись на стороне собственного брата (родного или двоюродного⁶⁰) — капитана Маржерета.

Клод III, внук Антуана I, участвовал в победе Фонтен-Франсэз над испанскими войсками и французскими лигерами (5 июня 1595 г.): «Хотя ему было не более 18 лет, он имел счастье храбро сражаться в присутствии Генриха IV, и Его Величество почтило его, подарив шпагу, которая и поныне хранится в его семье. Спустя некоторое время, запершись в Остенде с 50 солдатами, которых он сам завербовал и оплачивал, он был убит во время вылазки»⁶¹. Эти подробности позволяют определить год рождения Клода III: 1577 г. Значит, он и есть тот самый Клод Маржерет, акт о рождении которого обнаружен аббатом Жюлем Тома в Дижонском архиве⁶². Год смерти же приближителен: осада Остенде испанскими войсками продолжалась с 15 июля 1601 г. по 25 сентября 1604 г.⁶³ Более того, мы узнаем кое-что о деятельности Клода Маржерета. Как и многие другие соратники Генриха IV⁶⁴, он продолжал бороться против Испании, даже после заключения испано-французского мира (1598 г.) Разумеется, он воевал уже в частном порядке и, судя по всему, в качестве капитана наемников, вернее «военного

предпринимателя»⁶⁵, на службе у Морица Оранского. Можно также рискнуть сделать предположение о его вероисповедании: если против Лиги боролись и многие католики, то в испанско-голландской войне сражались уже только голландцы, иностранные наемники и «протестантский интернационал», т. е. гугеноты из всей Европы. Клод Маржерет был, вероятно, протестантским наемником, но в отсутствии более надежных источников уверенности тут быть не может.

Племянник Клода III, правнук Антуана I, Антуан III, был в свою очередь убит при осаде Турина, занятого испанцами. Французские войска взяли город в мае 1640 г. Он был старшим братом главного аудиенциария Пьера III, и, стало быть, Пьер IV и Пьер V, а также их младший брат Франсуа, лейтенант фрегата, все три — военные, были ему племянниками. Сын Пьера IV, Пьер VI, служил капитаном в Бретонском полку в 1728 г. Как видим, к концу XVII — началу XVIII в. военная профессия передавалась у Маржеретов из рода в род, как это и водилось в дворянских семьях. Опять-таки как у дворян, начиная с десятого поколения, т. е. с детей Пьера III, остальных сыновей определяют в Церковь: Андре (10-е поколение) — настоятель монастыря Сен-Поль в Лионе, Шарль-Огюст (11-е поколение) — священник. Дочерей выдают за дворян: Марию (10-е поколение) за Пьера де Кенси, Мари-Анн-Терез (11-е поколение) за сеньора де Перьер, или же определяют в монастырь: Франсуаз (10-е поколение), Клод-Аделаид (11-е поколение).

Этим завершается восходящая кривая той ветви Маржеретов, в интересах которой была сочинена родословная «Память». Отдаленные потомки купцов и чиновников, Маржереты конца XVII в. живут уже по-дворянски, что, собственно, и составляло основной повод к аноблированию. Так, по крайней мере, решили комиссары королевского Совета на основании разысканий о Пьере IV и 6 мая 1700 г. признали его дворянином⁶⁶.

О капитане Маржерете

Итак, бумаги Маржеретов, хранящиеся в материалах кабинета Шарля д'Озье, позволяют установить социальную принадлежность

капитана к определенной среде, а именно к бургундской *робе*, т. е. к чиновникам⁶⁷. Однако о самом капитане они почти ничего не сообщают: не заполняя пробелы в его биографии, они лишь порождают новые недоумения, на которые известные в данный момент документы ответа не дают. О Жаке Маржерете говорится только в уже упомянутой родословной «Памяти» 1699 г. и в неопубликованной анонимной записке 1668 г. Ни та, ни другая не согласуются с общепринятыми фактами биографии Маржерета.

Родословная «Память» 1699 г., по понятным причинам, весьма лестно отзывается о наемнике Бориса Годунова. Во-первых, его безусловное военное призвание — аргумент в пользу дворянского происхождения рода. Во-вторых, и это главное, если б не капитан, никто бы и не помнил о Маржеретах. Неизвестный автор, не вдаваясь в подробности, настаивает на его «многих важных и честных должностях» при различных иностранных государях и кое-что сообщает о его книге⁶⁸. Но посвященное ему известие, занимающее полстраницы, написано довольно неряшливо и без знания дела. В основном оно повторяет, причем с ошибками, факты, взятые из посвящения королю, помещенного в книге 1607 г., и очерк из *Mercure français*⁶⁹. Ни слова о германских, а тем более о протестантских связях. Но самое удивительное то, что родословная «Память» называет капитана Этьен (*Étienne*, т. е. латинское — Стефан, соответствующее русскому — Степан) и уверяет, что он сын Антуана I Маржерета.

Между тем имя Жак (*Jacob* по-немецки, Яков по-русски) фигурирует в нескольких источниках XVII в. Правда, оба письма из Байройта подписаны просто «*Margeret*», без указания крестного имени⁷⁰, также как и предисловие 1607 г.: послание адресовано Генриху IV «покорнейшим подданным, вернейшим и преданнейшим слугой Вашего Величества, Маржеретом». Зато в кормовой книге Галичской четверти 7112 г. капитан собственноручно расписался по-немецки: «*Ich Jacob Margeret Capitain hab Kaiserliche Majestät Begnadigung empfangen*»⁷¹. К этому неоспоримому свидетельству следует присовокупить указания де Ту (см. примеч. 70), Конрада Буссова, тоже служившего Борису Годунову⁷², и многочисленные русские документы⁷³.

Не связываются сведения «Памяти» и с упоминанием о «Якове Ульянове Капитайне» в русском источнике⁷⁴. Гиви Жордания, а за

ним и Честер Даннинг, не зная тогда еще о существовании реального Гийома, купца-гугенота (что придает их догадке еще больше убедительности), сделали вывод, что капитан Маржерет был сыном некоего Вильгельма или Уильяма, по-французски Гийома⁷⁵.

Заметим кстати, что если капитана звали Этьен, он не мог подать прошение от имени Жако Маржерета. С другой стороны, если он был сыном Антуана I, он приходился внучатым племянником Пьеру Маржерету, в пользу которого как раз и была учреждена рента 1563 г.

Как разрешить эти противоречия? Даже наши отрывочные знания позволяют обнаружить в «Памяти» 1699 г. кое-какие погрешности: год произведения Пьера III в главного аудиенциария указан неправильно, Гийом записан бездетным, тогда как мы достоверно знаем о его дочери. Стало быть, Маржереты конца XVII в. могли не знать настоящего имени капитана или перепутать его с каким-нибудь сородичем. (Однако почему в сравнительно достоверном источнике содержится такая крупная ошибка в отношении самого известного члена семьи?) Не исключено, конечно, что капитан выбрал себе другое имя, что часто случается и в наши дни, или же, будучи на чужбине, выбрал имя, до тех пор не употребляемое, из двух или больше имен, нареченных ему при крещении. Поскольку в книгах приходской церкви Осон не удалось пока найти ни Жака, ни Этьена Маржерета, эту гипотезу невозможно ни доказать, ни опровергнуть.

Приемлема, однако, и другая гипотеза. Родословная «Память» 1699 г. тщательно затушевывает все, что касается «новой религии». Братья Маржереты прекрасно могли посмертно записать капитана сыном католика Антуана I, чтоб устранить всякое подозрение в еретичестве. Вдобавок Пьер IV и V, праправнуки Антуана I, тем самым становились внучатыми племянниками талантливого военачальника, что могло произвести благоприятное впечатление на королевских комиссаров.

Сведения, сообщаемые запиской 1668 г., также не совпадают с краткой автобиографией Маржерета, набросанной в предисловии⁷⁶. Вот перевод этого текста:

«Капитана Маржерета, автора настоящего повествования, взял с собой в Германию около 1591 г. некий его дядя, мэтр Счетной палаты, Кретьен Маржерет, который был послан туда

по делам короля Генриха IV. И вместо того, чтобы возвратиться в том же году со своим вышеупомянутым дядей, он, под влиянием целого ряда благоприятных к сему обстоятельств, не противостоял своему желанию служить с оружием разным государям, до такой даже степени, что очутился в Московском государстве, где стал капитаном отряда из ста французов-алебардников — телохранителей двух великих князей московских, последним из которых был Дмитрий, о котором он пишет в конце своей книги. Он был человеком сведущим в делах государственных, а также знатоком древности, как видно из его книги. Вернувшись во Францию, он сочинил [по повелению короля Генриха IV] настоящее повествование, отданное им в печать в 1607 г. и ныне переиздаваемое за нехваткой экземпляров».

Документ написан четким, элегантным, слегка угловатым почерком профессионала. Это, по всей вероятности, копия: другим, более небрежным почерком внесена поправка на левом поле («по повелению короля Генриха IV-го»). Содержание приводит к выводу, что подлинник был приложен к экземпляру первого издания («он сочинил *настоящее* повествование»). Датировка также вытекает из слов самой записки: «ныне переиздаваемое». Стало быть, документ очевидно справочного характера был написан осенью 1668 г.: книгу вряд ли дали в печать до выдачи привилегии (23 сентября), а вышла она из печати 8 октября⁷⁷.

Об авторе записки можно предложить немного рискованную гипотезу. Привилегия указывает, что издание 1669 г. воспроизводит последний экземпляр первого издания, сохранившийся в семье Маржеретов, и что он был предоставлен издателю главным аудиенциарием Пьером III⁷⁸. Не он ли сочинил записку, или по крайней мере сообщил сочинителю необходимые сведения? Текст ее ведь не сводится к трафаретной, повсеместно повторяемой биографии капитана. Создается впечатление, что автор использовал устную семейную традицию. Характерно, что семейные предания сохранили память о Маржерете лишь до 1607 г.: вся его бурная деятельность в последующие годы абсолютно неизвестна потомкам.

Как бы то ни было, записка сообщает о трех до сих пор неизвестных фактах, разумеется, нуждающихся в проверке: год выезда Маржерета из Франции, его пребывание в Германии

в 1590-х гг. и выбор военного поприща, наконец, его связь с Кретьеном Маржеретом.

Два последних факта подозрения не возбуждают. Поездка Кретьена в Германию уже упоминалась, а тесные отношения между дядей и племянником — явление вполне обычное в обществе, в котором преобладает родовое начало, тем более когда оба — убежденные сторонники Генриха Наваррского. В предисловии 1607 г. капитан не только не скрывает своего предпочтения военной профессии, но рекомендует ее молодежи: «Если бы поданные Вашего Величества, что путешествуют в дальних странах, составляли правдивое изложение того, что они видели, [то это бы склонило] многих праздных молодых домоседов отправиться искать и учиться добродетели в трудных, но полезных и почетных занятиях, как то путешествия и служба в чужеземных армиях. Сие также рассеяло бы заблуждение, свойственное многим, полагающим, что Христианский мир кончается Венгрией»⁷⁹.

В первой половине XVII века Германия являлась своеобразным рынком наемников, где покупателями выступали европейские державы. Поэтому длительное пребывание Маржерета в этой стране ничего удивительного не представляет⁸⁰. В этом отношении записка 1668 г. или подтверждает известное, или оправдывает гипотезы, уже давно выдвинутые историками. Зато год выезда из Франции (1591 г.) явно противоречит предисловию 1607 г. и составляет заново пересмотреть военную карьеру капитана.

Походы капитана Маржерета

Вот как он представляет факты в своем предисловии:

«С тех пор, Сир, как ваши победы и ваша благодать до были Вашему Величеству покой, которым поныне наслаждается Франция, сочтя теперь бесполезной службу Вашему Величеству и отчизне, каковую во время смуты я нес под началом господина де Вогренана в Сен-Жан де Лон и на других рубежах вашего герцогства Бургундского, я отправился служить князю Трансильванскому, и императору в Венгрии, затем королю польскому в чине капитана отряда пехотинцев, и, наконец, судьба при-

вела меня на службу к Борису, российскому Императору. Он оказал мне честь командовать кавалерийским отрядом»⁸¹.

Если принять эти указания буквально, Маржерет покинул Францию в 1595 г., когда город Дижон открыл свои ворота сородатнику Генриха IV, маршалу де Бирону (28 мая), или, самое раннее, — в 1594 г., после торжественного въезда короля в Париж (22 марта), когда в Бургундии и города, и деревни восстали против Лиги, делая поражение герцога Майенского неизбежным⁸². Но если капитан выехал на целых три или четыре года раньше, в 1591 г., то получается совершенно иная картина: исход гражданской войны тогда еще далеко не был решен. Причем, поскольку де Вогренан (*Vaugrenant*) был назначен комендантом Сен-Жан де Лон лишь в июле 1591 г.⁸³, возникает новая, правда второстепенная, трудность: выходит, что Маржерет очень недолго прослужил «под его началом». При такой обстановке решение «не противостоять», выражаясь словами записки, «своему желанию нести оружие на службе у разных государей» если никак не могло, в то время, считаться изменой или же дезертирством, то все же и не проявляло особой преданности королевскому делу.

Чтобы понять весьма скудные указания Маржерета о своем участии в так называемых «бургундских войнах», необходимо сперва восстановить настоящую картину конфликта, почти ничего общего не имеющего с войнами XX в. Военачальники, в большинстве дворяне (но бывали исключения), старались угодить начальству, т. е. королю или Лиге, а порой и обоим. Но прежде всего они защищали собственные интересы: война ведь оставалась самым быстрым путем к обогащению. Поэтому в обоих лагерях битвам и осадам предпочитали налеты: на богатые дижонские виноградники, на скот (что современники называли «коровьей войной»⁸⁴), на вино в погребах горожан, иной раз на колокола соседних сел, годные для отлития пушек⁸⁵. Еще выгоднее было брать пленных, будь то враги, нейтральные жители Франш-Контэ или ни в чем не повинные крестьяне. Их заключали в подземные тюрьмы, за них требовали выкуп, а в случае отказа пленных убивали, чтоб другим неповадно было⁸⁶. Таким образом, некоторые военачальники просто-напросто превращались в разбойников, что, впрочем, юристы XVI в. и даже первой

половины XVII в. считали вполне нормальным поведением⁸⁷. Все это нисколько не напоминает «геройское сопротивление» [в Сен-Жан де Лон] «священного батальона», как о нем повествует напыщенная риторика Шеврёля⁸⁸.

Городок Сен-Жан де Лон играл немаловажную роль в такого рода военных операциях. Хотя сперва он и высказался за Лигу, он с самого начала прилагал все усилия к поддержанию, в высших интересах торговли, фактического нейтралитета между «наварристами» и их противниками. Однако в июне 1589 г. городом завладел Гийом де Таван, главнокомандующий войсками Генриха IV в Бургундии⁸⁹. Сен-Жан де Лон стал первой военной базой сторонников короля и служил до конца опорной точкой для их наступательных действий.

Разорение деревень имело, правда, и военное, и политическое значение. Страдали от налетов в первую очередь крестьяне (чем и объясняется стихийное восстание 1594 г.), но также и богатые горожане. Ни сенокос, ни жатва, ни уборка драгоценного винограда не проходили беспрепятственно. Дижонские буржуа не раз призывали наместника провинции и различных военачальников покончить с Сен-Жан де Лон, с этим «притоном воров, вероотступников и окаянных»⁹⁰. В том же духе, но без столь резких слов (они потихоньку переходили на сторону Генриха IV, и спор у них был с почти союзником) жаловались жители Осона то королю, то президенту-наварристу Фремье, то всевозможным бургундским вельможам, то властям Сен-Жан де Лон и, особенно, Вогренану, главному виновнику налетов, на вред, приносимый торговле беспрестанными грабежами⁹¹. Однако воеводы Лиги не спешили справляться с «вероотступниками»: они не раз возвещали о походе против Сен-Жан де Лон, но всегда без результата. Наконец, «5 июня [1593 г.] выступили из сего города [Дижона] господин принц Генрих, сын господина де Майен, и господин виконт⁹² с доброй компанией [...], и повели они своих людей [...] прямо на Сен-Жан де Лон, который они сего же дня осадили. Дай Бог освободят нас от этой поганой псарни»⁹³. Но войска Лиги только «ощупали» оборону ненавистной крепости и вернулись восвояси, ничего не совершив⁹⁴.

Личность Филиппа Байе, сеньора Вогренана, Дюема и других мест, сама по себе показательна для эпохи «смутного времени»,

тогда переживаемого Бургундией. Он был отпрыском старого рода чиновников-робенов: его прадед, Жан Байе, был королевским адвокатом (*avocat général* — представлявший интересы короля, то есть осуществлявший функции современного прокурора) при дижонском Парламенте в 1486 г., его отец, Жак, исполнял ту же должность при Счетной палате, потом стал советником Большого Совета⁹⁵. Сам Филипп Байе был принят, как и отец, на должность советника Большого Совета в 1580 г., а в 1585 г. стал председателем Палаты прошений («*Chambre des requêtes du palais*») при дижонском парламенте⁹⁶.

Когда разразилась гражданская война, он, ко всеобщему удивлению, переменял робу на шпагу и, завербовав пятьдесят «ратных людей» («*hommes d'armes*»), которыми он командовал и которых содержал — очевидно нечто среднее между феодальным войском и отрядом наемников, — превратился в «капитана Вогренана»⁹⁷. Назначенный, как уже было сказано, в июле 1591 г. комендантом Сен-Жан де Лон, он проявил в своей новой профессии кипучую энергию, необычайную смелость и полное отсутствие угрызений совести, одним словом — все качества, очевидно необходимые военачальнику в период гражданской войны⁹⁸. Умер он 2 октября 1595 г.

Если Маржерет действительно служил под началом Вогренана, то, вероятно, не как рядовой в его отряде. Ведь протоколы Дижонского городского Совета упоминают «капитана Маржерета» (см. примеч. 51); стало быть, он сам командовал ротой примерно в пятьдесят человек. В таком случае, он не был прямым подчиненным Вогренана и повиновался ему только как военачальнику.

Бесперспективная «коровья война», быть может, Маржерету пришлось не по нраву, особенно если Буссов не преувеличил его набожность. Во всяком случае, по его словам, поступил он на службу к «князю Трансильванскому» и к «императору в Венгрии». Князь Трансильванский не кто иной, как Сигизмунд Баторий, восставший против султана в 1594 г. и тем самым позволивший императору Рудольфу II одержать победу, правда временную, над Османской империей. Не случайно Маржерет здесь упоминает Венгрию, заметив сперва, что «Христианский мир [не] кончается Венгрией». Это — совершенно ясный намек

на венгерскую войну между Османской и Священной Римской империями (1593—1606).

Участие в ней Маржерета, сперва как наемника Батория, потом в рядах имперской армии, тем более правдоподобно, что существенный отряд франкоязычных наемников⁹⁹ воевал тогда против турецкой армии: «Множество храбрых французов, видя, что их военным занятиям во Франции противоречат дуновения мира, перешли, окрыленные честолюбием, в Венгрию, чтоб там справедливо противопоставить туркам то, что на родине делали из злобы, и направить в груди этих варваров мечи, которые закон справедливо притупил в отношении к их согражданам»¹⁰⁰. Говоря более прозаичным языком, военные-профессионалы, которых конец гражданских войн во Франции лишил доходов, перекочевали сперва в центр Европы, чтоб принять участие в венгерской войне, затем (о чем Никола де Монтрё не пишет) в Россию, где как раз начиналось Смутное время, что позволило им дожидаться 1618 г. и начала Тридцатилетней войны. Таким образом, международная конъюнктура обеспечила бесперебойную занятность военного персонала.

Скоропостижно погибший венгерский историк Петер Сахин-Тот (Peter Sahin-Tóth, 1965—2004), подробно изучивший в своей диссертации участие французов в венгерской войне¹⁰¹, не нашел в архивных документах следов Маржерета¹⁰², но этого недостаточно, чтоб отрицать его присутствие. С другой стороны, хронология венгерской войны не позволяет уточнить или проверить, год выезда капитана. Баторий мог его завербовать и до, и после формального начала конфликта: на имперско-османском пограничье военные действия то постепенно утихают, то вспыхивают с новой силой, но никогда не прекращаются. И тут приходится признаться, что настоящая статья, вместо того, чтобы дать новые ответы на старые вопросы, выставляет новые вопросы, исходя из старых ответов.

Проведенная в Бургундии молодость Маржерета помогает ли понять его сочинение, повлияла ли она на его карьеру, на мировоззрение? Опыт гражданской войны, вероятно, подготовил его к запутанной политической обстановке Смутного времени в России. Принадлежность к чиновничьей среде отчасти объясняет его, по-видимому, неплохое образование (он

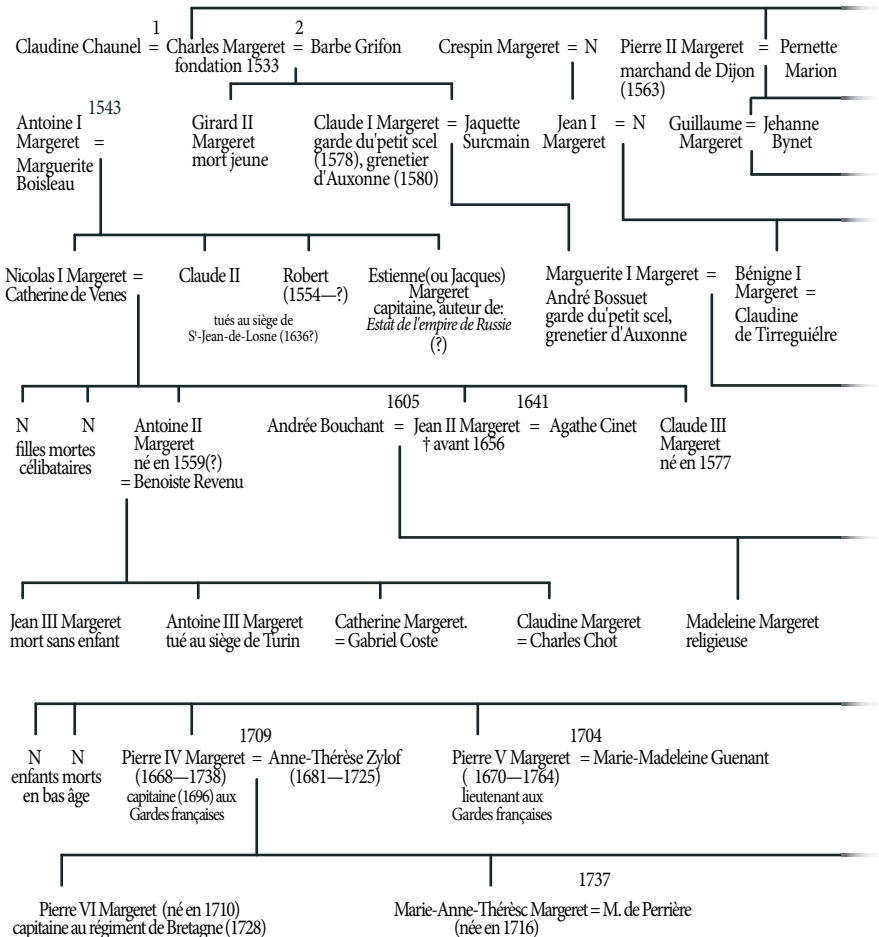
был способен, например, определить, что Лжедмитрий не знал латыни). Точная, хладнокровная оценка финансовых и военных ресурсов Московского государства напоминает, конечно, просто образованного и проницательного человека, но может выдавать и профессиональные навыки капитана наемников. Немецкому и русскому он научился уже на местах. Объективный, чуть ли не этнологический подход к описанию русского общества — результат широкого, многогранного опыта, отсутствия предрассудков и удивительно открытого ума. Но своей яркой и остроумной прозой он обязан только себе самому.

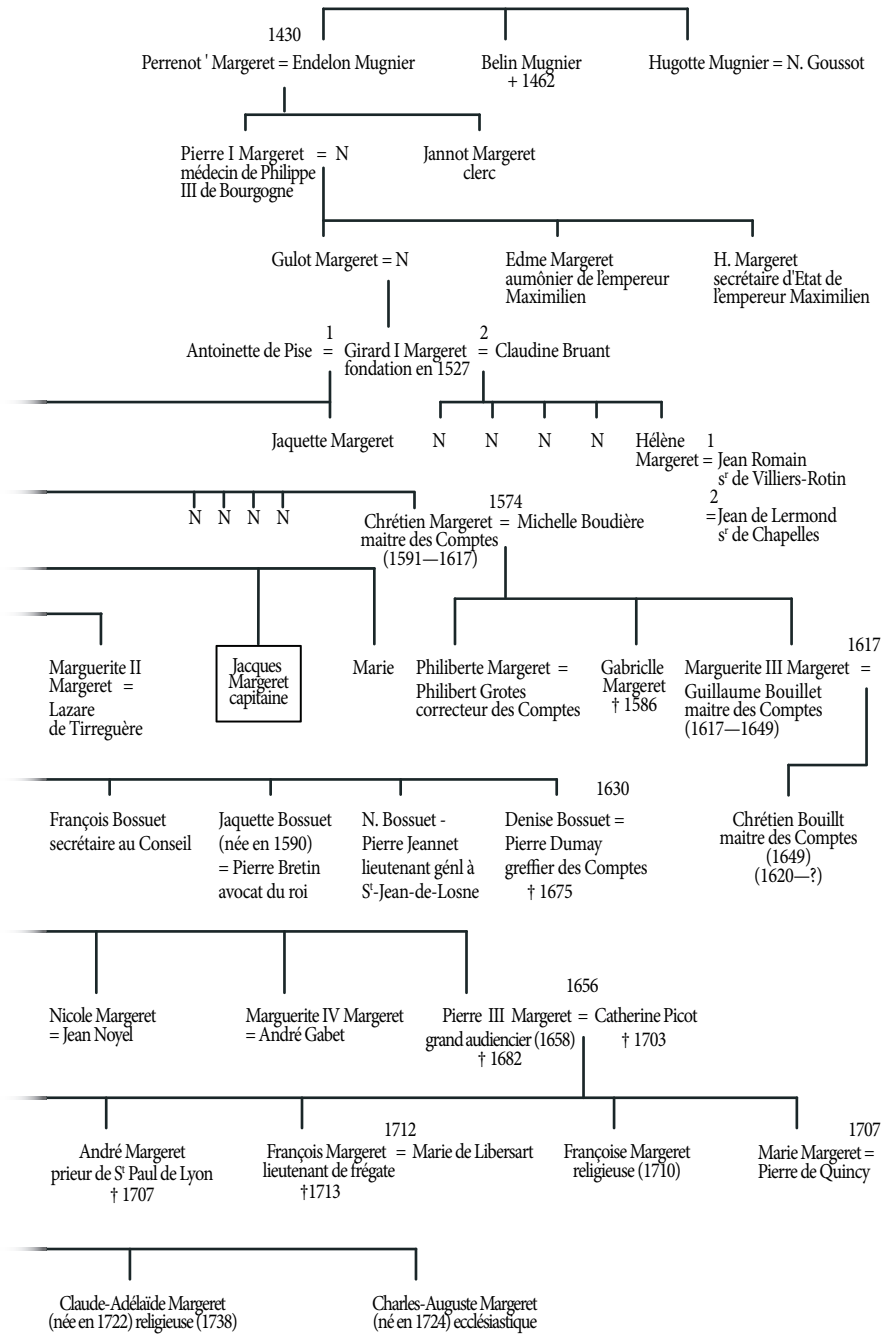

Приложение I

Генеалогическая таблица рода Маржеретов

LES MARGERET (1430—1738)

Приложение II

Французский текст записки 1668 г.

Le capitaine Margeret auteur de la presente relation fut emmené en Allemagne environ l'an 1591 par un sien oncle maistre des Comptes nommé Chrestien Margeret qui y auoit esté envoyé pour les affaires du Roy Henry quatrième. Et au lieu de revenir la mesme année avec sondit oncle, se laissa emporter par une suite d'occasions qui se presenterent, au desir de porter les armes au service de divers princes jusques-la qu'il passa en Moscovie, ou il fut Capitaine de cent hallebardiers françois gardes du corps de deux grands ducs de Moscovie le dernier desquels fut Demetrius dont Il parle sur la fin de son livre. Il estoit homme intelligent dans les affaires d'Estat et dans celles mesmes de l'antiquité comme on peut voir. Estant de retour en France il composa la presente relation [par le commendement du Roy Henry Quatre] laquelle il fit imprimer l'an MVI^cVII [1607] laquelle on fait aujourd'huy reimprimer par faute d'Exemplaires.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

- ¹ «Écuier» — букв. «оруженосец»: звание, соответствующее в начале XVII века, самой низшей степени дворянства (*Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue. Paris, 1974. V. 1. P. 102*), сопоставимое с английским «эсквайр».
- ² Ему необходимо было получить удостоверение об учреждении, 30 ноября 1563 г., ренты в пользу Пьера Маржерета, дижонского купца. Капитан приходился ему, если верить семейной родословной (см. ниже), внучатым племянником. Прошение упоминается в перечне нотариальных актов Дижонского архива, но пока не обнаружено (см. литографический справочник Дижонского архива: *Dépôt des notaires de Dijon. Vol. 19. P. 32*; см. также публикацию Шевреля: *Margeret J. Estat de l'empire de Russie. 1860. P. III—IV*).
- ³ Bibliothèque nationale de France (в дальнейшем: BNF), département des manuscrits, ms. fr. № 4117, ff. 42—42 v., 131—132 v.; см. с. 395—403 наст. изд.
- ⁴ *Drouot H. Après la paix de Nemours, l'affaire d'Auxonne (1585—1586) // Annales de Bourgogne. 1929. P. 319, примеч. 2.*

- ⁵ Mousnier R. R. Op. cit. Vol. 1. P. 113.
- ⁶ Constant J.-M. La vie quotidienne de la noblesse française aux XVIe—XVIIe siècles. Paris, 1985. P. 124.
- ⁷ Чин капитана королевской гвардии соответствовал чину полковника в обыкновенных частях (*Marion M. Dictionnaire des institutions de la France aux XVIIe et XVIIIe siècles.* Paris, 1976 (репринт. изд. 1923 г.). P. 356.
- ⁸ Подтверждением служит протокол 1697 г., см. примеч. 11.
- ⁹ BNF, département des manuscrits, cabinet des titres, Cabinet de d’Hozier, 227, дело «Margeret». Об обязанностях королевских генеалогистов, об их взыскательности см.: *Копосов Н. Е. Высшая бюрократия во Франции XVII века.* Л., 1990. С. 24—27.
- ¹⁰ Кроме вышеуказанного кабинета д’Озье: BNF, département des manuscrits, cabinet des titres, Dossiers bleus, № 427, Pièces originales, № 1850.
- ¹¹ Условные знаки: =, брак; †, кончина; I, II, III, и т. д., порядковый номер данного имени в таблице. Габриель, † 1586 (7-е поколение), известна только по копии надгробной плиты, удостоверенной 28 июля 1697 г. городским магистратом города Осон (Auxonne). Наличие родового герба на плите означало, пишут братья Маржереты, принадлежность ее к дворянскому сословию (Cabinet de d’Hozier, 227, л. 11).
- ¹² Врач — Пьер I, 2-е поколение; духовник — Эдм, 3-е поколение.
- ¹³ Рукопись XVIII века, сочинение преп. отца Готье о гербовнике дижонской Счетной палаты, использованная в книге: *d’Arbaumont J. Armorial de la Chambre des Comptes de Dijon.* Dijon, 1881. P. 187.
- ¹⁴ Cabinet de d’Hozier, 227, л. 3.
- ¹⁵ «Guillaume Margerot, mercier» (*Drouot H., Gros L. Recherches sur la Ligue en Bourgogne // Revue bourguignonne.* 1911. P. 219). Он же, по всей вероятности, фигурирует в двух списках дижонских протестантов, один ноября 1567 г., другой февраля 1568 г., вместе со своей тещей, вдовой Этьен Эртебинэ (Heurtebinet; Там же. P. 198, 202).
- ¹⁶ *Thomas J. Les Bossuet en Bourgogne.* Dijon, 1903. P. 115—116, 119, 212—213.
- ¹⁷ *Margeret J. Etat de l’empire de Russie et grande duché de Moscovie.* Paris, 1669.
- ¹⁸ См. примеч. 49.
- ¹⁹ Действительно, когда Пьер III умер, в 1682 г., Пьеру IV, рожденному в 1668 г., было 14, Пьеру V, рожденному в 1670 г., 12 лет.
- ²⁰ BNF, département des manuscrits, Dossiers bleus, 427, f. 10—11.
- ²¹ «Они родом, как кажется, из Осона» (Dossiers bleus, 427, л. 10). Жители гордились тем, что Осон не принадлежал к герцогству Бургундскому,

а был некогда столицей графства, непосредственно зависящего от короля Франции, и имел право на самостоятельные штаты (*Jurain Cl. Histoire des Antiquitez et prerogatives de la ville et Conté d'Aussonne. Dijon, 1611. P. 73, 75; Drouot H. Après la paix... P. 304*).

²² *Mousnier R. Op. cit. Vol. 1. P. 123.*

²³ Cabinet de d'Hozier, 227, л. 2. Герб Маржеретов воспроизведен там же, f. 9, и у *D'Arbaumont J. Op. cit. P. 187*: щит серебряный, с лазоревым поясом и золотой лилией и три черные головы леопарда, с высунутыми красными языками («*D'argent, à la fasce d'azur, chargée d'une fleur de lys d'or et accompagnée de trois têtes de léopards de sable, lampassées de gueules*»). Отец Готье приписывает лилию не Людовику XI, а Генриху IV (*D'Arbaumont J. Op. cit.*). Если он прав, то она была пожалована, вероятно, Кретьену Маржерету.

²⁴ «[Жи́рар Маржерет] установил куранты — городские часы, подписав об этом договор перед нотариусом с мэрами и с эшевенами города Осона 5 мая 1527 г. [...] Жи́рар Маржерет также заказал для курантов колокол, находящийся в употреблении и по сей день» (Cabinet de d'Hozier, 227, л. 2 об. — 3). Приходская церковь была закончена за несколько лет до этого, в 1516 г. (*Courtépée Cl. Description générale et particulière du duché de Bourgogne. Dijon, 1774—1785; 2-e éd. 1847. Vol. 2. P. 411*).

²⁵ Cabinet de d'Hozier, 227, f. 5 и 6.

²⁶ О самом выражении см., например: *Du Bellay Joachim. Ample discours au Roy sur le fait des quatre Estats du Royaume de France. Paris, 1567*. Цит. по: *Richet D. De la Réforme à la Révolution. Études sur la France moderne. Paris, 1991. P. 392*. О разнородности «робы» см.: *Уваров П. Ю. Французы XVI века: взгляд из латинского квартала. М., 1994. С. 43—44; Он же. Франция XVI века. Опыт реконструкции по нотариальным архивам. М., 2004. С. 145—172*.

²⁷ Cabinet de d'Hozier, 227, л. 5: «*Secrétaire du Roy*» — сокращение полного титула: «*secrétaire du Roi, Maison et Couronne de France*».

²⁸ *Mousnier R. Op. cit. Vol. I. P. 341—342; Vol. II. P. 139—140*. Чин королевского секретаря, который довольно быстро превратился в чисто формальную должность, обеспечивающую дворянство покупателю, получил поэтому ироническую кличку *savonnette à vilains* (мыло для черни). См.: *Le Roy Ladurie E. L'Etat royal de Louis XI à Henri IV, 1460—1610. P. 177, 179*.

²⁹ «*Bailliage et chancellerie d'Auxonne*», см.: *Bourée A. La chancellerie près le Parlement de Bourgogne de 1476 à 1790. Dijon, 1927. С. 14*.

- ³⁰ К сожалению, неясно, идет ли речь о Клоде Фремью (Fremiot, Fremyot), пятом председателе (1577—1611), или о Бенине (Bénigne) Фремью, активном стороннике Генриха IV, который управлял Дижоном после сдачи города 28 мая 1595 г. королевским войскам (*D'Arbaumont J.* Op. cit. P. 40—41).
- ³¹ *Garde du petit scel*, в отличие от большой, государственной печати.
- ³² BNF, département des manuscrits, cabinet des titres, Dossiers bleus, № 427, Pièces originales, № 1850, f. 2—9 (копии подлинных актов).
- ³³ «*Grenetier alternatif des greniers à sel*»; когда при одном амбаре насчитывалось два чиновника, первый из них назывался *ancien*, второй *alternatif* (*Mousnier R.* Op. cit. Vol. 2. P. 315). О соляных чердаках вообще: *Idem.* P. 283. Документ: Cabinet de d'Hozier, 227, f. 5—7.
- ³⁴ Об этой должности, правда в парижском контексте, см.: *Уваров П. Ю.* Французы XVI века... С. 45, примеч. 47.
- ³⁵ А не в 1571 г., как пишет Честер Деннинг (*Margeret J.* The Empire and Grand Duchy of Moscow. A 17th-century French Account / Transl. and edited by Ch. S. L. Dunning. Pittsburgh, 1983. P. XV; далее — Dunning), повторяя ошибку Шеврёля (*Margeret J.* Etat de l'empire de Russie et grande duché de Moscovie. Paris, 1860. P. III).
- ³⁶ Cabinet de d'Hozier, 227, f. 3 об. — 4; *D'Arbaumont J.* Op. cit. P. 187, 333. Семейное предание, а за ним и родословная «Память» 1699 г., утверждает, что Кретьен был произведен в мэтры самим маршалом д'Омоном (*d'Aumont*) в лагере Сэн-Жан-де-Лон 6 октября 1591 г. Архив Счетной палаты, очевидно, не сохранил акта о его приеме.
- ³⁷ См.: *Joly H.* Traitté de la Chambre des Comptes de Dijon, de son antiquité et établissement, et de ses honneurs, privileges et prerogatives. Paris, 1660.
- ³⁸ *Mousnier R.* Op. cit. Vol. 1. P. 107, 122.
- ³⁹ Основанная почти одновременно лотарингскими принцами Гизами (сентябрь 1584 г.) и парижанами (январь 1585 г.), она отстаивала крайние католические позиции до самого своего поражения (1595 г.), выступая против Генриха III, а после него и против Генриха IV.
- ⁴⁰ О благосклонности Генриха IV к своим сторонникам см.: *Girault C.-X.* Henri IV à Dijon pendant le mois de juin 1595 // Académie des sciences, arts et belles-lettres de Dijon. Séance publique. 1818. P. 87—103 (члены сецессионного, «наварристского» Парламента Бургундии, переехавшие в Семюр, были поставлены королем рангом выше Дижонских парламентариев, присягнувших Лиге).
- ⁴¹ Cabinet de d'Hozier, 227, f. 3 v. — f. 4.
- ⁴² Не менее шести раз! См.: *Le Roy Ladurie.* Op. cit. С. 281. Окончательное и торжественное обращение в католичество состоялось 25 июня 1593 г.

- ⁴³ Например, из двух братьев де Таван, которые воюют в Бургундии в начале 1590-х гг., старший, Гийом, командует в Сен-Жан де Лон от имени Генриха IV до июля 1591 г., а младший, Жан, одно время от имени герцога Майеннского был губернатором Осона и прославился как ярый приверженец Лиги, причем оба брата были католиками. См. фундаментальный труд: *Drouot H. Mayenne et la Bourgogne, 1587—1596. Paris, 1937. Vol. 1. P. 343 et suiv. (о Гийоме); Vol. 2. P. 92 et suiv. (о Жана Маржерете).*
- ⁴⁴ Archives départementales de la Côte d'Or, 2E 4/11, registre des baptêmes de l'église paroissiale d'Auxonne [книга крестин приходской церкви Осона]. F. 17 v. Приношу благодарность Дому наук о человеке в Париже, поддержка которого мне позволила провести исследования в Дижонских архивах.
- ⁴⁵ Idem. F. 24 v.
- ⁴⁶ Там же, лист нумерован.
- ⁴⁷ См. примеч. 15.
- ⁴⁸ Archives communales de la ville de Dijon, registre des délibérations de la Chambre du Conseil [Дижонский городской архив, протоколы заседаний городской палаты], B 223, f. 107. v. 108. 22 ноября Жанна заявила перед городским же Советом, что ее муж находится в Нанси (там же, f. 97 v.)
- ⁴⁹ См., например, у Деннинга: *Dunning... Op. cit. P. XVI.*
- ⁵⁰ *Drouot H. Après la paix. Op. cit. P. 319, примеч. 2 (курсив мой. — А. Б.).*
- ⁵¹ Его запись в семейном часослове, приведенная в «Памяти» 1699 г., не могла быть занесена раньше 1611 г., поскольку он упоминает после Генриха IV «нынешнего государя», т. е. Людовика XIII.
- ⁵² *Drouot H. Gros L. Recherches sur la Ligue en Bourgogne // Revue bourguignonne. T. XXIV. 1914. II. № 67. P. 111—113.*
- ⁵³ См., например, копию расписки Генриха IV от 16 мая 1592 г. в получении 32000 флоринов, одолженных Георгом-Фридрихом Ансбахским (Бранденбургский архив в Берлине: *Geheime Staatsarchiv, Preussische Kulturbesitze, Rep. 11.-9-4, Auswärtige Beziehungen, Frankreich, № 28*). Приношу благодарность Национальному центру научных исследований (CNRS) в Париже и французскому Центру имени Марка Блока в Берлине за оказанную помощь.
- ⁵⁴ *Drouot H. Mayenne et la Bourgogne // Op. cit. Vol. 1. P. 341, примеч. 6 (просьбы об освобождении, май—август 1589 г.), p. 413 (в мае 1590 г. Филипп Ле Мюэ завладел домом «врага» Маржерета).*
- ⁵⁵ *D'Arbaumont J. Op. cit. P. 187 и примеч. 1, p. 333. Право охоты было одним из самых важных критериев дворянского статуса.*

- ⁵⁶ В этом отношении оно, вероятно, правдиво: в обратном случае, Генрих IV не преминул бы опровергнуть Маржерета.
- ⁵⁷ «Память» 1699 г. ошибочно указывает 1648 г. Дата восстанавливается благодаря нотариальному акту от 3 августа 1658 г. Супруги Маржереты обязуются выплачивать ежегодно ренту 1 000 ливров известному поэту Шапелену, который им дает в долг 20 000 ливров, дабы ими частично оплатить покупку должности главного аудиенциария (*Jurgens M., Fleury M.-A. Documents du Minutier central concernant l'histoire littéraire (1650—1700). Paris, 1960. P. 68.* Когда канцлер Франции торжественно запечатывал официальные акты, главный аудиенциарий (*grand audiencier*) представлял ему документы и кратко докладывал об их содержании (*Mousnier R. Op. cit. Vol. 2. P. 138—139.*
- ⁵⁸ *Constant. Op. cit. P. 115—117.*
- ⁵⁹ *Mousnier R. Op. cit. Vol. 1. P. 109.*
- ⁶⁰ Родного, если верить родословной «Памяти» 1699 г.: она производит капитана от Антуана I и называет его Этьен. Двоюродного, если он был сыном Гийома (см. ниже).
- ⁶¹ *Cabinet de d'Hozier, f. 5—6.*
- ⁶² *Thomas J. Op. cit. P. 196—197.*
- ⁶³ *Hale J. R. War and Society in Renaissance Europe, 1450—1620. London, 1985. P. 191.*
- ⁶⁴ См.: *Hauser H. La prépondérance espagnole, 1559—1660. 2-e éd. Paris, 1940 (репринт 1973). P. 261—262.*
- ⁶⁵ См.: *Redlich F. The German military enterpriser and his work force // Vierteljahrschrift für Wirtschaftsgeschichte. Beiheft 47. Wiesbaden, 1964. 2 т.*
- ⁶⁶ *Dossiers bleus, 427, f. 3; f. 12: «Jugement rendu à Paris le 6 mai 1700 par les Commissaires généraux du Conseil députés pour la recherche des usurpateurs du titre de noblesse».*
- ⁶⁷ Заметим кстати, что Маржереты породнились с двумя семьями из той же среды, Буало [т. е. «Водопьянов»] и Боссюэ [т. е. «Горбачев»], откуда произошли два известных французских писателя XVII столетия: поэт-сатирик Никола Буало (1636—1711) и знаменитый проповедник и историк, епископ Жак-Бенинь Боссюэ (1627—1704).
- ⁶⁸ *Cabinet de d'Hozier, 227, f. 5 v — 6 v.*
- ⁶⁹ Родословная «Память» утверждает, что Маржерет был начальником первой роты стражников Лжедмитрия, из коих сто были вооружены луками, а двести — аркебузами. Не то пишет «Французский Меркурий»:

«...Во-вторых, Дмитрий держал при себе роту стражников из ста стрелков — французов, под начальством капитана Жака Маржерета, причем у всех были протазаны; сто англичан-алебардьеровников, которыми командовал Матиас Кнутсон, и сто шотландцев под Альбертом Ланти» (*Le Mercure françois ou la suite de l'Histoire de la Paix commençant l'an MDCV...* Paris, 1611. P. 154). У Конрада Буссова капитан третьей сотни — Альберт Вандтман, по прозвищу «пан Скотницкий» (т. е. «шотландец»), обязанный своим прозвищем тому, что долго жил в Польше (Буссов. С. 112; см. третий раздел наст. изд., с. 438—439). Существуют еще другие варианты списка капитанов (см.: *Isaac Massa. Histoire des guerres de la Moscovie (1601—1610).* Bruxelles, 1866. Т. II. P. 284—285, примеч. 103 и 104).

⁷⁰ См. примеч. 3.

⁷¹ «Я, капитан Яков Маржерет, Его императорского Величества жалование получил», см. с. 265 наст. издания.

⁷² «*Der Kayser bestellet drey Capitains, der erste war ein Franzone, redete aber fertig Teutsch, ein frommer verständiger Mann, hiess Jacobus Marsareth*» («[Император] назначил трех капитанов. Первый — француз, чисто говоривший по-немецки, — был благочестивым и рассудительным человеком, звали его Яков Маржерет»); немецкий текст: *Massa*. Op. cit. Т. II. С. 284—285; русский перевод: *Масса*. С. 118; см. также третий раздел наст. издания, с. 430—431.

⁷³ См. второй раздел наст. издания, с. 265, 266, 268, 271—273, 286—287, 290—291, 301; см. также: РИБ. СПб., 1884. Стб. 116.

⁷⁴ См. второй раздел наст. издания, с. 265, 267, 268, 272, 273.

⁷⁵ *Г. Жордания. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI — первой половины XVII в.* Тбилиси, 1959. Т. 1. С. 247; *Даннинг*. Op. cit. С. 96, примеч. 18.

⁷⁶ *Dossiers bleus*, 427, дело «*Margeret*», f. 15. См. французский текст записки в приложении II.

⁷⁷ *Estat de l'Empire de Russie*. 1860. P. 127.

⁷⁸ Там же. С. 125—126. Можно думать, что *Состояние Российской империи*, под шифром [Rés. М 805 в Национальной библиотеке является экземпляром, который принадлежал в 1669 г. Пьеру III Маржерету (см. статью в наст. издании: *Берелович А., Назаров В. Д., Уваров П. Ю.* Как издавали записки капитана Маржерета. С. 22—24).

⁷⁹ См. с. 44, 115 наст. издания.

⁸⁰ Как известно, он находился в Германии, когда был завербован в царскую службу думным дьяком Афанасием Ивановичем Власьевым, посланным

к императору Рудольфу в 1599 г. (см.: РГАДА, ф. 150, дела о выезджих иностранцах, дело 1, л. 1: «В 109 году при царе Борисе учинены были выезджим немцом, которые выехали с посланником с Офонасьем Власьевым ис Цесарские земли поместный и денежный оклады: 700 четей, 80 рублей Капитан Яков Мержерет»; см. наст. издание, с. 338). Он хорошо знал немецкий и расписывался на этом языке (см. примеч. 72, 73). В 1612 г., когда он безуспешно старается снова поступить на русскую службу, он пишет боярам из Гамбурга («Акты времени междуцарствия», *Op. cit.* [примеч. 74]. С. 54). В 1619 г. он пишет из Байройта.

⁸¹ См. с. 468 наст. издания.

⁸² См.: *Drouot H.* Mayenne et la Bourgogne... Vol. 2. Chap. XVI.

⁸³ *Dethel Ph.* Annales historiques de la ville de Saint-Jean-de-Losne. Paris, 1908. Vol. 2. P. 366.

⁸⁴ Например, советник дижонского Парламента Габриэль Брено записал в дневнике: «Того же дня [5 мая 1595 г.] гарнизон сего города [Дижона], отправившись на коровью войну [*guerre des vaches*], привел, как говорят, более ста коров» (*Journal de Gabriel Breunot, conseiller au Parlement de Dijon, précédé du Livre de souvenance de Pépin, chanoine de la Sainte-Chapelle / Ed. par Joseph Garnier. Dijon, 1866. Vol. II. P. 499*).

⁸⁵ *Drouot H.* Mayenne et la Bourgogne... Vol. 1. P. 350.

⁸⁶ *Idem.* Vol. 2. P. 318—319.

⁸⁷ См.: *Redlich F.* De præda militari. Looting and booty 1500—1815 // *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Beiheft 39.* Wiesbaden, 1956.

⁸⁸ *Margeret J.* Estat de l'Empire de Russie. 1860. P. IV—V.

⁸⁹ *Dethel Ph.* *Op. cit.* Vol. I. P. 338—351.

⁹⁰ *Ibid.* Vol. II. P. 356, 473—477 (оправдательный документ № XII; из протоколов дижонского Парламента, 13 мая — 7 июня 1590 г.).

⁹¹ BNF, département des manuscrits, ms. fr. 4898, f. 51—89 v., август 1593 — июль 1594 г.

⁹² Имеется в виду мэр города, который в Дижоне имел звание «виконт-мэр» («*vicomte-mayeur*»).

⁹³ «*Dieu veuille détrapper d'un si méchant chenil*»; из «Книги воспоминания» Пепена, каноника дижонской Святой капеллы, *Journal de Gabriel Breunot. Op. cit.* Vol. I. P. 103.

⁹⁴ *Drouot H.* Mayenne et la Bourgogne. *Op. cit.* Vol. 1. P. 357—359 (июнь 1589 г.), 407 (март—апрель 1590 г.). Vol. 2. P. 161 (август—октябрь 1592 г.), 260 (июнь 1593 г.).

- ⁹⁵ Большой Совет («*Grand Conseil*») был высшим апелляционным судом, которому король поручал дела по своему усмотрению; см.: *Marion M.* Op. cit. P. 265—266; *Mousnier R.* Op. cit. P. 273.
- ⁹⁶ Т. е. рангом ниже остальных председателей (*Marion M.* Op. cit. P. 425). О семье Байе см.: *D'Arbaumont J.* Op. cit. P. 32. Филипп Байэ продал свою должность 25 мая 1595 г. (*Journal de Gabriel Breunot.* Op. cit. Vol. I. P. 421, примеч.).
- ⁹⁷ *Dethel Ph.* Op. cit. Vol. I. P. 366 и сл.; *Journal de Gabriel Breunot.* Op. cit. Vol. I. P. 78: «Байе, прозываемый Вогренан, один из самых злых и вредных этой партии».
- ⁹⁸ В феврале 1592 г. он завладел багажом Сенесея (*Senneseey*), нового губернатора Осона, несмотря на то, что сам ему выдал охранный лист (*Dethel Ph.* Op. cit. Vol. I. P. 368). 25 декабря 1594 г.: «заведомо, что господин де Вогренан, в сочельник Рождества Христова, во время заутрени, послав своих людей в Арк-сюр-Тий (*Arc-sur-Tille*), велел им захватить в церкви указанного села двенадцать самых зажиточных сельских жителей, которых отвели пленными в Сен-Жан де Лон [...], что крайне возмутило церковь и прихожан» (*Journal de Gabriel Breunot.* Op. cit. Vol. II. P. 421).
- ⁹⁹ Войско (более 20 000 человек) включало, кроме французов, еще валлонов и лотарингцев.
- ¹⁰⁰ *Montreux Nicolas de* [под псевдонимом-анаграммой: *Ollenix du Mont-Sacré*], *Histoire générale des troubles de Hongrie et Transilvanie, [...] par Martin Fumée...* T. 1. *Histoire des guerres du Turc, depuis l'an 1565 jusques à la tresve faicte en l'année 1606.* Paris, 1608. P. 676.
- ¹⁰¹ *Peter Sahin-Tóth.* *La France et les Français face à la «longue guerre» de Hongrie (1591—1606)*, докторская диссертация, блестяще защищенная в Париже 20 января 1997 г.
- ¹⁰² Петер Сахин-Тот намеревался опубликовать в настоящем издании очерк о венгерской войне. Издатели глубоко сожалеют о его преждевременной кончине.

В. Д. НАЗАРОВ

КАПИТАН МАРЖЕРЕТ И РОССИЯ: МЕТАМОРФОЗЫ СУДЬБЫ ОДНОГО НАЕМНИКА

А. Берелович, автор предшествующей статьи, завершил ее «оптимистичным» (для науки «истории») заключением: исследователь «поставил новые вопросы, исходя из старых ответов»¹. Последуем примеру коллеги и попытаемся расширить перечень заново возникающих проблем. Тех проблем, которые не имеют однозначного решения, но, быть может, позволяющих пролить свет хотя бы на немногие страницы биографии Маржерета, необычайной в своей стандартности. Заведомо как будто угадываемой в существенных проявлениях по принадлежности героя к неумемному племени наемников Европы. И особенной, благодаря личным качествам капитана. Много ли найдется наемников, чьи достоинства поспешат описать их современники, близко с ним незнакомые? И у многих ли «людей шпаги» их долгая посмертная известность будет обязана не военной удаче, но наблюдениям и размышлениям ума, усилиям пера? Полагаем, совсем немного. Маржерет из их числа.

Российские документы вряд ли оставляют сомнения в том, кто был отцом капитана Маржерета. Ошибка генеалогической росписи 1699 г. несомненна (сейчас не имеет значения, допущена ли она сознательно или же это следствие отсутствия достоверных материалов и погрешностей фамильной памяти). Важно, что в 1603/1604 г. капитан в официальном финансовом документе называет себя Яковом (т. е. Жаком) и что в не менее значимых записях о денежных и материальных выплатах 1611 г. подьячие именуют капитана — явно с его слов — Ульяновым, т. е. в привычной для русского уха манере². Он здесь назван фамильным прозвищем по имени отца. Иными словами, его родителями следует признать Гийома Маржерета (как показал А. Берелович, ставшего протестантом еще в 1560-е гг.), а родным дядей — Кретьена Маржерета, выполнявшего ответствен-

ные поручения Генриха III и Генриха IV³. Как Якова Маржерета его знают писари в походной канцелярии при короле Сигизмунде III в лагере под Смоленском в мае 1611 г. (ее штат состоял под началом великого канцлера литовского Л. Сапеги). В дипломатической документации Второго ополчения в 1612 г. и Посольского приказа уже при царе Михаиле Романове в 1613 г. он упомянут как Яков Мержерет⁴. Дружные указания независимых и разновременных источников не оставляют места для сомнений в родственных отношениях капитана. Что позволило А. Береловичу подчеркнуть фактологическую ценность «Записки» 1668 г., появление которой было связано со вторым изданием сочинения Маржерета. Правда, исследователь увидел здесь противоречия между известиями в обращении к королю в издании 1607 г. и сообщением «Записки» о поездке Жака с дядей Кретъеном в Германию в 1591 г. На наш взгляд, это противоречие мнимое. Что говорится в издании 1607 г.? О службе Маржерета королю в Сен-Жан де Лон под началом де Вогренана. Чего нет в этом тексте? Точных дат службы и принципиально важного для Маржерета в начале 1607 г. факта — посещения Генрихом IV крепости в июне 1595 г. Значит, к лету 1595 г. капитан уже покинул Бургундию, так как в противном случае он был бы представлен королю (он же капитан уже в начале 1590-х гг.). И об этом прежнем «знакомстве» Жак несомненно напомнил бы королю. Известие же «Записки» не говорит, что капитан после 1591 г. не вернулся из Германии вообще: его возвращение могло состояться в любой год, начиная с 1592 г. и кончая 1594 — началом 1595 г.⁵

Два обстоятельства следует, пожалуй, подчеркнуть. Если верна наша трактовка хода событий, то мотивы перехода Маржерета на службу наемником в Трансильванию не столь возвышенны, как он их объяснял королю в 1607 г. Скорее всего, материальные условия опасной службы (началась так наз. «долгая война» между Империей с союзниками и Османской империей) представились ему слишком заманчивыми. Второе обстоятельство — «Записка» относит еще к 1591 г. первые знакомства капитана в активной протестантской среде Германии (его «чичероне» был, конечно, дядя Кретъен, племянник же, возможно, обеспечивал безопасность посланца Генриха IV).

Маржерет вообще чрезвычайно скуп на подробности о себе. Мы знаем о «дороссийской» жизни с его слов немного: он после-

довательно находился на службе Сигизмунду Баторию, императору Рудольфу II и польскому королю Сигизмунду III. Служил он капитаном отряда пехоты первым двум государям — в Венгрии. Его прибытие на театр военных действий на «окраине христианской Европы» относится, почти наверняка, к 1595 г. Этим годом датировал капитан битву при Агрии и несчастливую в целом для императора кампанию, в которой поучаствовали и войска Крымского ханства. В реальности же упомянутые им попутно события случились в 1596 г. Такая ошибка Маржерета объясняется, скорее всего, максимальным сближением в его памяти двух важных для него фактов: начала службы наемником за пределами Франции (1595 г.) и его участия в решающей для первого этапа войны кампании (1596 г.)⁶. Место службы Сигизмунду III он не назвал. Выбирать же приходится между Трансильванией или Швецией — личная и притом неудачная военная экспедиция Сигизмунда против дяди, герцога Карла, состоялась в 1598 г. По сугубо косвенным показаниям предпочтение следует отдать шведской эпопее Сигизмунда III. В любом случае, где-то к зиме 1599—1600 г. он оказался свободным.

Забавно, но по имени Маржерет называет в том же обращении к королю только двух российских царей (Бориса и Дмитрия). Предполагалось, что король Генрих IV и вообще читающая публика имена европейских монархов знают хорошо, знакомить их надо с далекой и неизвестной Россией. Но ни слова не проронил капитан о том, кто, где, когда и на каких условиях его нанял. Известно об этом из более поздних источников: вывоз его и еще пятерых наемников глава русского посольства к императору Рудольфу II в 1599—1600 гг. дьяк А. И. Власьев. В Империи Власьев находился при дворе в Пльзене в октябре-декабре 1599 г., затем ездил к эрцгерцогу Максимилиану в Мергентайм (декабрь 1599 г.), откуда вернулся в г. Хеб, а затем уже в мае 1600 г. получил отпуск от императора в Пльзене. Сохранившиеся части посольской книги не сообщают о переговорах с наемниками, но, видимо, соглашение было достигнуто ближе к отъезду посла (в Хебе или Пльзене). Как бы то ни было, в Россию, в Ивангород капитан с товарищами прибыли на двух зафрахтованных Власьевым в Любеке судах в конце июня 1600 г. Через месяц Маржерет был в Москве⁷. Так начинался первый российский «сезон» капитана, растянувшийся на шесть с небольшим лет.

Что рассказал о своих делах и обстоятельствах жизни в России наш герой? До обидного мало. Ему повысили ранг: царю Борису Годунову он служил капитаном конного отряда иноземцев (по всей Европе командование кавалерийским отрядом было много престижнее, чем пехоты). Его положение упрочилось при «императоре Димитрии Ивановиче»: с формированием личной охраны («гвардии») государя он стал командовать самой элитной сотней стрелков (аркебузирв). Об этом факте Маржерет говорит дважды, причем вторично в определенном хронологическом контексте. Он рассказывает об учреждении «гвардии» после известия об обручении («свадьбе») Марии Мнишек с представителем Самозванца (оно произошло в Кракове 12(22) ноября 1605 г.) и до свадьбы кн. Ф. И. Мстиславского. Два раза говорит о своем отъезде, и мимоходом сообщает о своей болезни в день переворота, когда «царь Димитрий» был убит. Если к сказанному добавить три-четыре его обмолвки («я видел это своими глазами» или «я видел это сам», «я слышал это от него самого»), то перечень биографических фактов Маржерета в России можно закрыть⁸.

О чем не упомянул капитан? Об условиях своего контракта (размеры оклада его денежного жалованья и поместного верстания известны). О том, как и где протекала его служба, прежде всего военная. Поразительная вещь: очень взвешенно, с важными деталями описывая кампанию 1604—1605 гг., ее главные сражения он ни словом не упомянул о своем участии и своей роли в битве при Добрыничах (об этом рассказали К. Буссов и И. Масса). Причем в своих текстах об этой кампании он даже даты (с небольшой ошибкой) дает по юлианскому календарю, в отличие от других (правда, немногих) случаев. Маржерет довольно точно описывает сферы деятельности и функции ведущих приказов, но мы так и не узнаем от него, кому он подчинялся в служебном отношении в правление Бориса Годунова. Конрад Буссов сокрушается по поводу разграбления данных ему трех поместий⁹. В тексте капитана нет и намек на его земельные владения, хотя в ответной грамоте 1612 г. предводителей Второго ополчения наемникам говорится, что он был пожалован и вотчинами, и поместьями. Можно только строить догадки о том, где жительствовавал в Москве Маржерет. И вот что показательно. При большом объеме разной информации, заключенной в сочинении капитана, она вовсе не перенаселена персонажами

прошлого (к началу XVII в.) или современниками. И хотя он полагал (применительно именно к России), «что весьма трудно узнать правду о том, чего не видел собственными глазами», очевидно, что многое он описал, опираясь на знания, опыт, рассказы знакомцев и собеседников. Мы не собираемся определять все источники его сочинения, а в особенности меру их достоверности. Наш интерес в другом: обозначить среду обитания, а соответственно круг общения Маржерета в России и хотя бы гипотетически реконструировать некоторые события и обстоятельства его жизни.

Начнем со службы. Маржерет получил в России высокий денежный оклад (80 руб.) и также поместный — 700 четвертей. Денежное жалование он получал, скорее всего, регулярно¹⁰. Сложнее с земельными владениями. Только по совокупности косвенных указаний можно предположить, что помещиком капитан все же был. Четыре аргумента следует привести в пользу нашей догадки. Первый — такой была общая практика. Буссов, к примеру, не только повествует о собственных поместьях, но и рассказывает о факте сравнительно массового испомещения ливонцев в конце 1601 г.¹¹ Вряд ли Маржерет принципиально отличался в данном отношении от иных иноземцев-наемников. Второй довод — раскиданные по тексту замечания о плодородии почв, о том, сколько земли может вспахать за день юный работник, о наборе культур (полевых, огородных, садовых), о сроках сева и уборки урожая и т. п. Сомнительно, чтобы обо всем этом писал человек, хотя бы вприглядку не ознакомившийся с ритмом жизни и трудов крестьянина. Третье соображение (конечно, уязвимое) — некие приметы именно сельской, не городской жизни в его тексте. Имеем в виду рассказы Маржерета о пьянстве, поскольку порядки питья сильно различались из-за несходств сельской и городской общин. И, наконец, наиболее весомый, четвертый аргумент: о «жаловании» капитану поместий и вотчин при Борисе Годунове говорили предводители Второго ополчения в своем ответе наемникам в Архангельске. Вряд ли они это утверждали, исходя лишь из общих правил обеспечения наемников в России.

Где мог жить Маржерет в Москве? В рассказе о голодных годах он приводит эпизод с убийством четырьмя женщинами, соседками Маржерета, продавца дров. Судя по контексту, речь идет о русских женщинах (а значит, это не Немецкая слобода). Кроме

того, показателен эпизод с Буссовым. Тот передал свое имущество на хранение кому-то из царских врачей в ходе военных действий 1605 г. И «благополучно» его потерял 1 июня 1605 г., когда во время антигодуновского восстания в Москве дворы врачей были тотально разграблены. Маржерет об утратах ценностей или вещей не говорит ничего (а он хорошо знал цену деньгам), позднее официальные лица подчеркивали, что он отбыл из России по разрешению Василия Шуйского со всем нажитым имуществом¹². Если исходить из принципа целесообразности, то городское жилище Маржерета располагалось в близких к Кремлю частях Белого города.

Кто ведал иноземцев на русской службе в начале XVII в., остается не вполне ясным. Скорее всего, таким учреждением был Разрядный приказ, в сферу деятельности которого входило большинство вопросов по организации военного дела в стране. В упомянутом случае испомещения ливонцев именно в Разряде им были установлены денежный и поместный оклады. Несомненно, что кампанию 1604—1605 гг. планировал и организационно готовил Разряд. Но был ли у него необходимый штат толмачей для общения с наемниками? И кто ведал их в судебно-административном плане? Нельзя, по-видимому, исключать двойной, а то и тройной подведомственности таких лиц, в частности Посольскому приказу.

Сколь насыщенной была служба Маржерета? Строго говоря, за вычетом военных действий в ноябре 1604 г. — мае 1605 г. война Россия не вела. Привлекались ли на регулярной основе конные иноземцы к участию в составе полковых разрядов (Берегового и Украинного), остается неясным. Это было бы обязательным в случае царского похода, но после 1598 г. таковых больше не случилось. За 1600—1605 гг. неизвестны сколь-нибудь заметные набеги крымских отрядов на южное пограничье. Однако в какой-то год отряд Маржерета выдвигался в южные крепости. В пользу такого предположения свидетельствует, во-первых, краткий перечень каменных замков (каменных крепостей): помимо общеизвестных Смоленска, Казани и Астрахани в нем оказались традиционные места сбора войск на юге (Коломна, Серпухов, Тула и немного особняком — Путивль; Ивангород он увидел в день прибытия в Россию)¹³. Не побывал ли в них капитан во время подобного похода? Во-вторых, точное описание того, как организовано оповещение сторожевыми постами в «Диком поле», говорит как будто

о непосредственном знакомстве Маржерета с этими людьми. Но все же основные службы капитана и его отряда до зимы 1605 г. не выходили за границы Москвы. Помимо собственно гарнизонной службы, это и участие в разных придворных церемониях и публичных мероприятиях.

Роль Маржерета в сражении при Добрыничах описана (хотя и по-разному) И. Массой и К. Буссовым, да и нет причины повторяться, тем более что и в литературе этого сюжета касались не один раз. Что делал капитан после победоносного сражения? Судя по манере изложения (а она не изменилась), он с отрядом оставался в составе армии, сначала отдохавшей и наводившей «порядок» в Комарицкой волости, а затем приступившей к осаде Кром. Как поступил Маржерет в смутные дни начала мая 1605 г., когда в армии начались волнения и антиправительственные выступления, мы наверняка не знаем, но можем догадываться, памятуя о том, кем командовал капитан. По Буссову, немцы не перешли 7 мая на сторону «царевича Димитрия», а отправились в Москву. И только там, в день торжественного его въезда в столицу, на луку перед городскими воротами немцы принесли челобитье новому правителю¹⁴. Маржерет также из лагеря под Кромами отправился, скорее всего, в Москву, но вряд ли в ней задержался. События июня — первой половины июля изложены в его сочинении лапидарно (к примеру, нет ни слова о грабежах и насилии в ходе восстания 1 июня 1605 г.), неточно (суд над кн. В. И. Шуйским поставлен в неверную причинно-следственную и хронологическую связь — он предшествовал возвращению мнимой матери «царевича» и его венчанию), с ошибками (кн. Мстиславский, Шуйский, Воротынский за Марфой не ездили). Но это, скорее всего, означает, что Маржерета в Москве в конце мая — начале июля не было (не исключено, что он съездил в одно из поместий)¹⁵.

Как уже сказано, при «царе Димитрии» служебный и статусный ранг капитана стал еще выше. Но не сразу. Формирование «гвардии-охраны» Самозванец провел по Маржерету (судя по контексту сочинения) в конце декабря 1605 — январе 1606 г. Буссов прямо датирует событие январем 1606 г. С этого времени охранно-репрезентативные функции во дворце и в пределах Кремля стали едва ли не единственной его службой монарху. И в этом качестве он становится свидетелем не только публичных церемоний и проце-

дур, но и публичных конфликтов (между царем и М. И. Татищевым), тайных расследований (о пытках дьяка-заговорщика, не давших результата, о чем ему поведал П. Ф. Басманов), многодневных свадебных торжеств «царя Димитрия» и Марины Мнишек. У него точная информация о движении терских казаков, выдвинувших «царевича Петра Федоровича». Он сопровождает правителя при осмотре сокровищ царской казны (притом не единожды и каждый раз, судя по всему, с неизгладимыми впечатлениями), он по долгу службы присутствует при торжественном шествии патриарха на осляти в Вербное воскресенье, как бы «изнутри» фиксирует особенности празднования масленицы и Пасхи¹⁶. Маржерет беседует с привезенным из ссылки ослепшим «царем» Симеоном Бекбулатовичем (тот объяснил, что ослеп от присланного Годуновым вина), он стал заметен польским дипломатам, он информирован об опасности заговора, он знает о предупреждениях Самозванцу по этому поводу со стороны тестя (Юрия Мнишка), П. Ф. Басманова, секретарей¹⁷.

Сделал ли Маржерет выводы лично для себя, памятуя о беспечной самоуверенности Самозванца? Этого никак нельзя исключить. По крайней мере, до этого дня, 17 мая, никаких следов болезней у капитана не прослеживается. Это, конечно, не решающий аргумент. Уж если автор опускал славные для себя странички военной победы (Добрыничи), то тем больше оснований было для него исключить все личное вообще, в том числе состояние здоровья. Но вот польский аристократ, приехавший в Москву с драгоценностями королевы Анны, Ст. Немоевский записал в день переворота:

«...Шуйскими и немецкая гвардия была отведена для перемены; утверждают, что участниками этого заговора были и капитан француз, и некоторые из гвардии, потому что они разом бросили алебарды и даже немецкое платье, данное им от покойного (Самозванца. — В. Н.), надели на себя московское и ни один не дал отпора пред комнатой»¹⁸.

Автор неточен: разные источники сообщают о гибели гвардейцев — от одного до четырех-пяти. Но что важно: репрессии миновали остальных «гвардейцев-охранников» в отличие от немалого числа русских сторонников «царя Димитрия Ивановича», отправленных в опалу в ссылки. На этом фоне судьба Маржерета в наивысшей степени удачна: он не подвергся хотя бы кратковременному заключению, а вскоре получил позволение на выезд со всем имуществом.

Уникальность подобного разрешения подчеркнул он сам. Не было ли это пожалование платой за добровольное отстранение капитана в день переворота от выполнения служебных обязанностей при «царе Димитрии Ивановиче»?

Из последующего текста сочинения прямо не видно, оставался ли Маржерет на службе у нового царя и если да, то на какой? Описывая очередные волнения, автор мимоходом отмечает, что он стоял рядом с царем. Он знает (или думает, что знает), кто стоит за новыми выступлениями и интригами. И он по-прежнему информирован о многом: о восстаниях на юге, о слухах о якобы спасшемся царе и доказательствах этого нового чуда, его источники, помимо русских людей, среди иностранных купцов, окружения Ю. Мнишка¹⁹.

Конечно, возможности Маржерета значительно возросли, когда он занял пост главы личной охраны «царя Димитрия». Круг его знакомств и обмена информацией в связи со служебными обязанностями заметно расширился. Но природная любознательность, склонность к системному мышлению и ранее конца 1605 г. давали плодотворные результаты. Очень живо исполнены капитаном два описания придворных церемоний, которые он наблюдал. Это прием и пир во дворце на отпуске посла Речи Посполитой Л. Сапеги в марте 1601 г. И это картина почетного угощения послов в их резиденциях придворными чинами. Неприкрытый возглас удивления в тексте книги донес до нас меру впечатлений капитана от трех в один день процессиях с сотнями людей, многочисленной драгоценной посудой, дымящейся пищей²⁰.

Но откуда черпал Маржерет сведения о давнем и недавнем прошлом России? Нередко адрес информатора определяется довольно просто. Вот капитан пересказывает известную уже байку про растение-животное (каракуль), авторитетно ссылается на собственный опыт (он видел разные шкурки — почти наверняка в московских торговых рядах). Но тут же, как бы мимоходом, сообщает два фундаментальных факта: завоевание Астрахани и условия торговли английской Московской компании при Иване IV. Откуда или от кого мог узнать любопытствующий наемник не относящиеся к его деятельности сведения? Знакомьтесь — Джон Меррик, главный представитель Московской компании в столице России в конце XVI в. А в начале XVII в., наряду с основным занятием, не единожды выполнявший ответственные дипломатические поручения при дворе московских

государей, начиная с Бориса Годунова, «царя Димитрия Ивановича» и кончая Михаилом Романовым. Явно с помощью Московской компании уезжал на родину Маржерет в 1606 г.: от ее сотрудника и на ее дворе в Ярославле он узнал о «монахе... прозываемом расстригой, по имени Гришка Отрепьев», которого «император Димитрий» сослал в Ярославль за «приверженность к пьянству». И припоминая, скорее всего, прежний опыт, капитан в январе 1612 г. надеялся попасть во Францию из Гамбурга через Англию. Это послание нашего героя Меррику документирует прочность и давность их взаимных отношений. Едва ли не тотчас по приезде в Гамбург (не забудем, что из Москвы Маржерет уехал в первой половине октября 1611 г., причем немалое время наверняка провел при дворе Сигизмунда III) он пишет Меррику и о последних новостях в России, и о судьбе подворья компании в Москве. И это вовсе не первое письмо: капитан сообщал своему контрагенту какие-то сведения еще в бытность в рядах гарнизона Речи Посполитой в Москве, где-то летом 1611 г.²¹

Еще одно известие — о «великой» опале на ливонцев Ивана Грозного (были снесены протестантские храмы, фактически уничтожена их слобода) — капитан почти наверняка усвоил от современных ему обитателей Немецкой слободы. Часть ее взрослого мужского населения служила под его началом и Борису Годунову, и «императору Димитрию Ивановичу». Вероятно, и сообщение о казни еврейского населения Полоцка (трансформировавшееся в изложении Маржерета в уничтожение евреев в России вообще) имеет источником припоминания или тексты, имевшие хождение в колонии иноземцев, притом не обязательно среди немцев²². Заимствовал ли капитан и мотивировку этих деяний у своих собеседников, или же обвинения в адрес «московских» ливонцев есть плод его собственных размышлений, остается неясным. В любом случае, все сказанное фиксирует следы активного общения Маржерета с разными по статусу, происхождению слоями иностранцев в Москве, включая и голландцев.

Возможно, что какие-то сведения «исторического» свойства о России, ее правителях он мог получить в привычной ему среде иноземцев. Но, понятно, отнести целиком такой большой объем информации, который содержит его сочинение, на их счет нельзя. Сгруппируем материал по темам и хронологии. Собственно о древней русской истории Маржерет сообщает один факт. В наших ком-

ментариях (см. коммент. 54, 55 в первом разделе наст. издания) разобраны фактологические несообразности текста капитана, выявлена внутренняя логика раздела и его возможное происхождение. Добавим сейчас к сказанному еще фактические указания Маржерета. В перечень ближних и отдаленных партнеров России, усваивавших российскому монарху титул «царя» или «императора», он не включил турецкого султана, так как «при мне» (Маржерете. — В. Н.) «переписки и послов» не было. Второй пример относится к русско-шведским переговорам перед заключением Тявзинского договора. Маржерет говорит о спорах по поводу титула и соотношения терминов «царь» и «император» на них²³. Трудно сказать, насколько соответствовало это известие реалиям прений дипломатических представителей сторон. Но в любом случае, подобные сведения в сочинении ведут нас не просто к приказной среде, но к лицам, связанным с деятельностью Посольского приказа.

Из этого же источника (наряду с личными наблюдениями) точное описание встреч послов, а также сводка известий о сравнительно недавних, но важных событиях в России. В череде фактов и персон, заинтересовавших капитана, информация о семи женах Ивана IV (один из аргументов поздней годуновской дипломатии и пропаганды в попытках дискредитировать Самозванца); о смерти царевича Ивана Ивановича не от удара отца посохом (хотя такой удар имел место), но от других причин «во время паломничества» (что тут он переосмыслил, сказать затруднительно); о подмене царевича Дмитрия, произведенной его матерью и близкими родственниками, и об убийстве юного отрока сыном секретаря (речь идет о Даниле, сыне дьяка Михаила Битяговского; это официальная версия времени «царя Дмитрия Ивановича»); об усиленной колонизации юга и строительстве там крепостей (этим краем в те годы управлял Посольский приказ); о «простоватости» и забавах царя Федора; о приезде шведского королевича Густава с четким описанием даров ему, причинах опалы и уровне его доходов в ссылке²⁴.

Еще один массив данных посвящен армии, оценке ее численности и боевых качеств, соотношению разных ее частей и т. п. Обратим внимание именно на цифры: численность разного рода сил, входивших в состав российских войск, по Маржерету, близка к реальным данным (когда мы их знаем). Это относится к служилым группам народов Поволжья, казакам, стрельцам. Соответствуют

действительности те параметры численности уездных («городовых») корпораций детей боярских, которые фигурируют у капитана (от 300—400 до 800—1200 человек), с верным указанием на самые многочисленные (новгородская и смоленская корпорации)²⁵. Все эти показатели никак не могли быть результатом личных его наблюдений. Сведения им получены от лица, так или иначе связанного то ли с подготовкой соответствующих документов Разрядного приказа, то ли с их использованием.

Конечно, вряд ли Маржерет пользовался какими-то письменными текстами, то ли заимствованными из текущего документооборота приказов, то ли составленными для него специально его знакомцами и собеседниками из приказной среды. На наш взгляд, речь должна идти о неоднократных беседах и без заранее подготовленного вопроса. Вот почему в его тексте сохранились внутренне противоречащие данные. К примеру, любопытный для капитана факт о семи женах Ивана IV (явно из годуновских текстов, обращенных к внешнему миру), подрывал объективно законность прав на престол любимца Маржерета, «царя Димитрия Ивановича», а соответственно и той легенды о событиях в Угличе в 1591 г., которой придерживались и сам Самозванец, и его мнимые родственники. Но можно ли определить источники сведений капитана персонально? Тут мы вступаем на зыбкую почву догадок. Все же рискнем высказать некоторые предположения. Но сначала два предварительных замечания. Служебный статус капитана, его незнание поначалу русского языка, а затем владение им лишь на разговорном уровне ограничивали круг общения в приказной среде. Его собеседниками были, скорее всего, лица достаточно высокого положения и владевшие в какой-то мере немецкой речью (а быть может, и польской). Речь идет о дьяках прежде всего Посольского приказа, подъячих и переводчиках того же ведомства с высоким рангом. И даже особая близость Маржерета к «царю Димитрию Ивановичу», способствуя, бесспорно, расширению круга его знакомств в верхушечных слоях общества, вовсе не открывала перед ним дверей в приказные канцелярии. Способ получения информации оставался прежним — личное общение.

В своем сочинении капитан называет двух персон из приказного мира. Быть может, они и были главными его проводниками в мире российской истории, политики, устройства? Наверяд ли.

А. И. Власьева из числа регулярных собеседников-информаторов Маржерета следует исключить по многим обстоятельствам. Вот основные: высокий статус Афанасия Ивановича (думный дьяк с 1598 г. и глава Посольского приказа с весны 1601 г.), огромная его занятость и почти постоянные длительные выезды в составе российских посольств (1601—1604 гг.). К тому же к делам Разряда он отношения не имел. Конечно, Власьев провел собеседование с капитаном перед заключением контракта в 1600 г., вероятны их разговоры при возвращении (но мы не знаем, плыли ли они на одном судне) и вскоре по приезде в Москву (по крайней мере, до окончательного оформления положения капитана). Но эти контакты были посвящены прежде всего служебным проблемам. Дьяк Посник Дмитриев упомянут как своеобразный «конфессиональный диссидент» в контексте обвинений в адрес «царя Димитрия» со стороны сторонников Шуйских в «несоблюдении их религии». Маржерет, утверждая, что «так же поступают многие русские», привел Дмитриева в качестве примера: съездив в посольство в Данию, дьяк «среди близких друзей открыто высмеивал невежество московитов». Непосредственные контакты капитана с ним вполне вероятны, тем более что в Дмитриеве можно видеть источник сведений о деталях Тявзинских переговоров (дьяк входил в состав российской делегации). Но уже с 1592 г. он не состоял в штате Посольского приказа, хотя не единожды был в составе посольств и выполнял иные службы по этому ведомству. А к тому же сроки его назначений и служб не совпадали с жизнью Маржерета вскоре по приезде в Россию. П. Дмитриев с осени 1600 г. (когда капитан и обустроивался в Москве) и по март 1601 г. был одним из приставов при огромном по численности посольстве Л. Сапеги, а уже в мае того же года находился в Ивангороде с целью посольства в Данию (из-за позиции шведских властей послам пришлось вернуться и отправиться в Копенгаген через Архангельск). Русские источники после 1601 г. Дмитриева не знают, текст Маржерета — это вообще последнее упоминание дьяка²⁶. Их знакомство если и не было разовым, то наверняка не отличалось длительностью.

Рискнем назвать не фигурирующее в тексте Маржерета лицо, в котором мы видим одного из главных его знакомителей с российским прошлым и настоящим. Это Иван Тарасович Грамотин. Вот аргументы в поддержку такой догадки. Грамотин состоял в посоль-

стве Власьева в Империю 1599—1600 г. (как и в 1595 г.) «подьячим для письма», так что познакомился с капитаном не позднее весны 1600 г. Думаем, что он владел немецким языком: по пути к императорскому двору Власьев высылал Грамотина для предварительных переговоров с саксонскими князьями или городскими властями Дрездена о выделении подворья (с ним был подьячий Ст. Данилов), причем посольская книга умалчивает о посылке с ним толмача. Уже по формальным основаниям человек, ответственный за ведение всей посольской документации, подьячий со знанием навыков устного немецкого языка не мог не контактировать с главным в небольшой группе принятых на службу наемников. Но их вполне могло теснее сблизить взаимное любопытствующее внимание к странам, народам, государствам. Для Маржерета лучшее доказательство тому текст его сочинения.

О Грамотине, как человеке очень широкого круга интересов, говорят более поздние источники. Он — автор особой редакции Сказания о Знамени новгородской иконы Богоматери («...Воспоминание чудесе преславнаго, бывшего от иконы...») с сочувственным отношением к «самовластным» новгородцам, разбившим «завистливых» к богатству Новгорода суздальских князей (по вероятной датировке Д. В. Лисейцева, текст написан между концом ноября 1610 г. и началом марта 1611 г., а вовсе не в 1630-е гг.). Если припомнить, что Грамотин был политическим противником царя Василия Шуйского (прямого потомка суздальских Рюриковичей), то акценты в этом тексте Сказания не должны удивлять. Известно также, что в 1618 г. дьяк покупал книги из имущества Н. Г. Строганова (в том числе «Книгу письменную, Троя»), что в его «ящике» в Посольском приказе по «Описи 1626 г.» (незадолго до его опалы в декабре того же года), числились, помимо прочего, Катехизис Лаврентия Зизания и «перевод с писма... о вышней философской олхимии...». Он хорошо говорил по-польски и в феврале 1610 г. от имени «русских тушинцев первого призыва» произносил приветственную речь в адрес Сигизмунда III в королевском лагере под Смоленском. Он был податлив к заимствованию западной одежды, манер поведения, он один из немногих лиц тогдашней элиты, кто уже при Михаиле Романове заказал свой портрет. Но вот едва ли не решающее свидетельство его склонностей и интересов. Как показал А. А. Турилов, именно И. Т. Грамотин в первые месяцы своей алатырской ссылки (в первой

половине — середине 1627 г.) был редактором-составителем и переписчиком рукописи «Избрание от Космографии», компилятивного памятника, использовавшего в качестве источника в том числе неустановленное латиноязычное издание 1611 г. Так что весной 1600 г. знакомство свели люди с совпадающими интересами.

Добавим, что в 1601—1604 гг. (по февраль) Грамотин все время находился в Москве, что его карьера оказалась стремительной (одно время в эти годы он именовался думным дьяком) и связанной с двумя приказами — Поместным и Посольским (в последнем он замещал в 1603 — начале 1604 г. на время отсутствия А. И. Власьева). Он исполнял важные службы по Разряду — в ноябре 1604 г. он получил назначение в главную армию, направленную против Самозванца (там же был и Маржерет со своим отрядом), в качестве второго дьяка «с розрядом». Иначе говоря, в его введении была вся документация о составе и численности армии, о маршрутах и целях ее действий. Во время волнений в войсках под Кромами в мае 1605 г. перешел на сторону «царевича Димитрия» и в росписи его похода на Москву числился думным дьяком в Разряде. При «царе Димитрии» Грамотин как думный дьяк стоял во главе Поместного приказа, а с момента отъезда А. И. Власьева в Речь Посполитую в августе 1605 г. исполнял его функции главы Посольского приказа (по апрель 1606 г.). По всем приведенным данным Грамотин едва ли не идеально подходит на роль русского информатора для заинтересованного французского наемника.

И последнее в данной связи. Маржерет, по-видимому, не утратил расположения влиятельного лица и позднее. В мае 1611 г. капитан получил три жалованные грамоты на вотчины и поместья в разных районах страны. Значимость королевским пожалованиям придавало прямое участие литовского канцлера Льва Сапегы и то, что они были выданы в лагере короля. Но подготовительные материалы, наряду с челобитьем (прошением) жалуемого лица, поступали из Москвы, и именно Поместный приказ имел к этому непосредственное отношение. Только там отличившийся при подавлении восстания москвичей в марте 1611 г. наемник мог получить сведения о ценных и пока еще не захваченных владениях. А теперь подчеркнем, что состоявший в регулярной переписке с литовским канцлером «печатник и думный дьяк» в правительстве Семибоярщины И. Т. Грамотин стал полновластным хозяином

Поместного приказа в марте 1611 г. И если прикинуть потребное для подготовки и пересылки документальных текстов время, то получится, что одним из первых дел Грамотина в поместном ведомстве стало содействие прошениям Маржерета²⁷.

Конечно, И. Т. Грамотин не был единственным русским информатором капитана. Помимо уже упоминавшегося П. Дмитриева, к ним причисляем П. Ф. Басманова, конюшего и боярина М. Ф. Нагова («дядю» правителя), главу приказа Большого двorca боярина кн. В. М. Мосальского. С этими лицами капитан должен был регулярно общаться в силу своих служебных обязанностей. И, конечно, он не мог не контактировать с первыми дьяками названных учреждений. Быть может, в списке собеседников капитана был и дьяк Г. И. Клобуков (член русской делегации на Тязвинских переговорах, дьяк Новгородского разряда, замещавший в Посольском приказе вместе с Грамотиным А. И. Власьева в 1603—1604 гг.)²⁸. Наконец, сам «цесарь Димитрий Иванович» не раз вел беседы с начальником своей охраны на разные темы. Скорее всего от него узнал Маржерет авторскую версию «чудесного спасения царственного отрока». Такова придворная, приказная и иноземная среда, в которой жил, вел знакомства и служил французский наемник.

С чем покидал Россию Маржерет в сентябре 1606 г.? С заработанными и, видимо, немалыми средствами, с имуществом, нажитым за шесть лет. И с текстами будущего «Состояния Российской империи...». Политический смысл его он ясно изложил в «Обращении к королю», определяя Россию как «один из надежнейших редутов Христианского мира», возможности и роль которого многими недооцениваются в Европе. Его интерес к событиям в стране не угасал до последнего момента его первого пребывания в стране. Вполне вероятно, что у капитана были надежды на какое-то личное участие в сношениях между Францией и Россией на правительственном уровне — в качестве советника-эксперта или посланника. В такой интерпретации завершение и издание сочинения в Париже в марте 1607 г. было вдвойне оправданным. Но не вышло: оправдался, судя по всему, только издательский замысел, политический проект («Россия — христианская Империя», потенциальный союзник в борьбе с «магометанскими народами») тогда отклика в правящих кругах Франции не получил. Отношение капитана к России осталось его частным делом.

Где был и что делал Маржерет с весны 1607 г. и до лета 1610 г., остается неизвестным. Впрочем, некоторые предположения здесь будут уместны. По шведским источникам в ходе сражения под Клушиным 24.06 (4.07) 1610 г. он вместе с П. Борковским принял активное участие в переговорах с наемниками в русской армии об условиях их перехода на сторону Сигизмунда III. Не исключено их участие в подобных акциях накануне битвы под началом А. Жолкевского, племянника командующего войсками Речи Посполитой в походе на Москву летом 1610 г. Но Борковский в составе полка гетмана С. Жолкевского участвовал в войне с Россией с самого начала, то есть с сентября 1609 г. Позднее, после Клушина, Борковский командовал полком немцев-наемников, вошедшим в состав гарнизона Речи Посполитой в Москве с осени 1610 г. В нем и служил капитаном Маржерет, вплоть до своего отъезда осенью 1611 г.²⁹ Из сказанного заключаем: второе пребывание капитана в России продолжалось чуть более двух лет (с сентября 1609 г. по октябрь 1611 г.) и принципиально отличалось от предшествующего. Тогда Маржерет находился на официальной службе у правителей Российского государства. Теперь он оказался в стране в составе армии государства, объявившего войну официальному правительству России. Попутно заметим, что утверждение руководителей Второго ополчения о службе Маржерета в Тушинском лагере ошибочно и продиктовано лишь желанием увеличить перечень его «злых дел» и злонамеренных поступков³⁰.

Но то, что не вписывалось в политико-юридический и пропагандистский контекст российской стороны в ее противоборстве с Речью Посполитой, вполне соответствовало правилам поведения европейского наемника. Они предусматривали выполнение профессионального долга военного за денежное вознаграждение в соответствии с условиями заключенного контракта. Это и продемонстрировал Маржерет в трагические дни выступлений москвичей против войск королевского гарнизона 19(29)—20(30) марта 1611 г. Публикуемый в том же отрывок из «Московской хроники...» К. Буссова (как всегда безмерно восхваляющего немцев-наемников) четко, хотя и с несомненным преувеличением описывает роль капитана в подавлении восстания. В первый день роты Маржерета действовали в Белом городе на пространстве от Никитской улицы и до Покровки. На второй день маневр его отряда по льду Москвы-

реки в обход укрепленных позиций москвичей в Чертолье и подход свежего полка Струся из Можайска окончательно решил исход боев в пользу королевских сил. Предводители Второго ополчения не входили в подробности двухдневных боев в Москве, но в своей оценке Маржерета в послании к прибывшим в Архангельск летом 1612 г. наемникам подчеркнули, что «тотъ Яковъ Мержеретъ вместе с полскими и литовскими людьми кровь крестьянскую проливал и злее полских людей»³¹. За эту службу, надо думать, и получил капитан королевские пожалования на вотчины и поместья (см. выше). Впрочем, так никогда и не реализованные.

Еще один след второго пребывания в России Маржерета остался в документах финансовых ведомств и Казны. Правильнее сказать, множество следов, ибо имя «Якова капитана» («капитайна») или «Якова Ульянова» фигурирует там многократно. Это не забыли во Втором ополчении («...и награбився государские казны, дорогих узорочей несчетно, из Москвы пошел в Польшу...») и долго помнили при Михаиле Романове. Строго юридически обвинение несправедливо. Капитан ничего не брал сам: деньги, драгоценности, дорогие ткани, меха выдавались ему (как и Борковскому) в зачет жалованья «пешим немцам» по распоряжениям Жолкевского, Гонсевского и нередко в соответствии с решениями (пусть и формальными) тех или иных представителей правительства Семибоярщины. Но в глазах предводителей национально-освободительного движения Маржерет, давно знакомый многим из них по первому приезду в Россию, стал одним из олицетворений незаконных, преступных акций польско-литовского командования, действовавшего в противоречии и с августовским договором 1611 г. Выходило, что человек, всего пятью годами ранее защищавший не только особу государя, но и его сокровища, посещавший хранилища Казны, теперь ее расхищает. Помимо прочего, поражал масштаб выплат наемникам (по одному из подсчетов ок. 35000 тыс. рублей менее чем за год) и бесцеремонность: в оплату шло все, включая царские регалии и предметы церковного обихода из царской сокровищницы и митрополичьей казны. На следующий год в Москве узнали, что прибывшие в навигацию 1612 г. некоторые немецкие купцы пытались продать переданные им Маржеретом на реализацию «чарки и ковши серебряные, и ожерелья жемчужные, и жемчуг, и церковное всякое золотое, и серебряное, и жемчужное». Если

к сказанному добавить практически абсолютную пустоту царской казны после капитуляции польско-литовского гарнизона в конце октября 1612 г., то набор мотивов и причин для яростного обличения Маржерета можно считать закрытым³².

После отъезда из России осенью 1611 г. капитан предпринял еще две попытки поучаствовать в российских делах. В первый раз весной 1612 г. он собрал группу наемников с предложением службы тем властям в России которые воевали с силами Речи Посполитой. Новый поворот объясним. Рассчитывать на выгодный контракт у Сигизмунда III после взятия Смоленска и ухода главной армии из России в условиях роста недовольства королем и его политикой среди шляхты не приходилось. Тем более что король не рассчитался по всем прежним обязательствам (Маржерету, можно сказать, «повезло»: он получил жалованье «натурой» еще в Кремле). А вот у российских противников Сигизмунда в условиях развала армии могло возникнуть желание нанять военных профессионалов. В Россию были отправлены предварительные послания, но не дождавшись ответа, большая часть наемников отплыла в Архангельск. Маржерет по трезвому размышлению воздержался от такого решения и оказался прав. Его имя уже стало нарицательным. Август 1612 г., послание руководителей Второго ополчения: «...польской Жигимонтъ король тому Якову Мержерету за то, что он с полскими и с литовскими людьми Московское государство розорил и кровь крестьянскую проливал, велел быти у себя в раде»³³. Июнь 1613 г., из наказа русским послам в Англию: «А тот Яков ведомой враг Московскому государству», за разоренье и насилия он «у короля... честь и жалованье получил». Август 1613 г., указная грамота в Архангельск: «...Яков Мержерет Московскому государству зрадца (изменник. — В. Н.) и ведомой враг и разоритель». Даже в 1622 г. при разбирательстве обвинений в адрес А. Астона на дипломатическом уровне ему припомнили «тайное умышление с некоторым капитаном Маржаретом»³⁴. Конечно, обвинения в измене нельзя полагать справедливыми: капитан не присягал ни «Московскому государству» (такое было просто невозможно), ни Василию Шуйскому, он не целовал креста на приговоре Второго ополчения. Но другие обличения в его адрес в контексте бескомпромиссной борьбы разных лагерей были оправданы. Даже ошибки (не исключено, что и намеренные) понятны в логике ожесточенного

противостояния противников с ясно выраженной конфессиональной составляющей.

Не позднее осени 1612 г. Маржерет почти наверняка знал о такой реакции на него в России. Приходилось снова заниматься устройством своей жизни. На службе у кн. Януша Радзивилла он оказался не позднее конца лета — осени следующего года. Так мы датировали «Проект оккупации русского Севера», направленный английскому королю. То, как в нем упомянут кн. Януш, почти не оставляет сомнений в этом факте. Анонимность проекта, кстати, быть может, и объяснялась той «славой», которую имя Маржерета получило в России. В Англии об этом знали, скорее всего, уже осенью 1612 г., а наверняка в 1613 г. «Проект» стал последней прижизненной попыткой Маржерета вернуться в ту страну, с которой у него — в первый период пребывания — были связаны едва ли не лучшие годы жизни. По крайней мере, он не оставил текстов с описаниями Трансильвании, Венгрии, Польши или иных стран, где ему довелось побывать. Попытка оказалась неудачной.

Уже в «Проекте» 1613 г. момент конфессиональной мобилизации всех противников «папистов» выражен достаточно четко. Но была ли это позиция следствием конъюнктурных моментов (переход на службу протестантскому магнату и апелляция к протестантскому государю) или же речь идет об актуализации прежних гугенотских взглядов, присущих Маржерету в силу семейной традиции? Этот вопрос еще ждет своего исследования. Во всяком случае, весьма характерно, что капитан, судя по текстам его писем 1619 г., был связан с такими людьми, как Этьен де Сент-Катрин, Жан де Ла Бланк, Карл-Георг Лингельсхайм, Людвиг Камерариус. Перечень названных лиц включает Маржерета в политически достаточно влиятельную и высокообразованную среду т. наз. «протестантского интернационала». Под этим термином понимаются круги политиков и интеллектуалов разных государств и стран, стремящихся сплотить разрозненные силы, противостоящие воинствующей контрреформации Габсбургов и Рима в том общеевропейском конфликте, который позже назовут Тридцатилетней войной.

Судя по письмам 1619 г., документам 1620 и 1621 гг., служба у литовского магната-протестанта была успешной. Но судьба Маржерета после 1621 г. (его патрон умер в ноябре 1620 г.) остается неизвестной.

Таковы метаморфозы французского наемника в России, после России и вблизи от нее. Удивительны, пожалуй, не его личные превращения (первой гражданской войне в России знакомы и более причудливые жизненные повороты), сколь поразительна судьба сочинения капитана. Вряд ли он придавал ему особое значение после отъезда из Франции где-то в 1607 или 1608 гг. Но вот в памяти далеких потомков его имя рождает отнюдь не образ расчетливого, блюдущего свой интерес военного профессионала, верного условиям контракта, на опыт, умения и слово которого в большинстве случаев можно положиться. И такой портрет капитана был бы верен. Если бы не его книга. Для ее читателей Маржерет — это имя внимательного, неутомимого в своей любознательности наблюдателя, сумевшего непредвзято, порой весьма критично оценить неизвестное ему общество и описать его устройство, его недавнюю историю в понятиях и логике европейского образованного сообщества.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

- ¹ *Берелович А.* Капитан Маржерет во французских архивах. См. наст. издание. С. 464.
- ² Там же. С. 265, 266, 268, 271—273.
- ³ *Берелович А.* Указ. соч. С. 452—454, 458—460, 468.
- ⁴ См. наст. издание. С. 274—276, 286—287, 290—291, 301.
- ⁵ Там же. С. 115, 190.
- ⁶ Там же. С. 191—193, 202—203.
- ⁷ Там же. С. 286, 290, 338; *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973. С. 102, 109—112, 115—118, 120, 125—126.
- ⁸ См. наст. издание. С. 115, 132, 140—141, 155, 158, 168, 169, 173, 177.
- ⁹ *Буссов.* С. 17—19, 158—159.
- ¹⁰ См. наст. издание. С. 180, 265, 338.
- ¹¹ *Буссов.* С. 91.
- ¹² См. наст. издание. С. 301; *Буссов.* С. 106—107.
- ¹³ См. наст. издание. С. 133.
- ¹⁴ *Буссов.* С. 104—105, 108.
- ¹⁵ См. наст. издание. С. 166—168.

- ¹⁶ Там же. С. 129, 131—132, 141—142, 168—171.
- ¹⁷ Там же. С. 124, 155, 171; Сказания. Ч. II. С. 208.
- ¹⁸ *Титов А. А.* Записки Станислава Немоевского. М., 1907. С. 76.
- ¹⁹ См. наст. издание. С. 171—177.
- ²⁰ Там же. С. 155—156, 158.
- ²¹ Там же. С. 178—179, 328—334, 360—361, 384—385.
- ²² Там же. С. 129—130, 219—221.
- ²³ Там же. С. 122—123, 206—207.
- ²⁴ Там же. С. 118, 119, 122—125, 145, 155, 177—178.
- ²⁵ Там же. С. 144—151.
- ²⁶ Там же. С. 168, 171, 182; *Павлов.* Приказы. С. 191, 192, 194—195, 199; *Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 71, 93, 124, 172—176; *Лисейцев.* Посольский приказ. С. 58—66, 308; РК 1475—1605. Т. IV. Ч. 1. С. 73, 76—77, 85, 110, 128—129.
- ²⁷ См. наст. издание. С. 274—276; ПДС. Т. II. Стб. 235—236, 373, 685—686; РК 1475—1605. Т. IV. Ч. 2. С. 80, 98; *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 141—142; *Павлов.* Приказы. С. 193—195; *Тюменцев.* Смута. С. 282—283, 293, 304, 517; *Лисейцев.* Посольский приказ. С. 84—90, 104—107; *Турилов А. А.* Алатырские досуги дьяка И. Т. Грамотина // Памяти Лукичева: Сб. статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 452—460.
- ²⁸ *Павлов.* Приказы. С. 195—196.
- ²⁹ См. наст. издание. С. 342—344, 384, 409; РИБ. Т. I. Стб. 472—473, 673—674; Сказание. Ч. 2. С. 41, 46—47, 67—68, 76—77, 80—81; *Видекин*. С. 126—127; Записки. С. 52—61.
- ³⁰ См. наст. издание. С. 291.
- ³¹ Там же (с ошибочной датой отъезда Маржерета — ср.: Там же. С. 342—343); ПСРЛ. Т. XIV. С. 108—109 (рассказ Нового летописца не упоминает специально Маржерета, но описывает действия гарнизона Речи Посполитой между Чертольем и Тверскими воротами Белого города, между Кулижками и Покровкой).
- ³² См. наст. издание. С. 266—271, 335, 343—344, 351, 353—354 (коммент. 26 и 27).
- ³³ Последнее утверждение не просто ошибочно, оно абсурдно с точки зрения реалий государственного устройства Речи Посполитой. Показательно, что в царском наказе послам в Англию лета 1613 г. оно снято. — *В. Н.*
- ³⁴ Там же. С. 291, 301, 335; РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 82. Ч. 2. Л. 215.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

I. Источники, археографические термины

- вел. — великий (-ая) (в именном указателе)
вол. — волость (в заголовках документов и в комментариях)
дер. — деревня (в заголовках документов)
кн. — книга (в легендах к документам)
кн. — князь (в заголовках документов, комментариях, именном указателе)
кнг. — княгиня (в именном указателе)
л. — лист (в легендах к документам и комментариях)
об. — оборот (в тексте сочинения, в текстах документов, в легендах к документам)
оп. — описание (в легендах к документам)
публ. — публикация (в легендах к документам)
с. — село (в заголовках документов и в комментариях)
с-цо — сельцо (в заголовках документов и в комментариях)
стб. — столбец (в легендах к документам)
у. — уезд (в заголовках документов и в комментариях)
ф. — фонд (в легендах к документам)

II. Архивы, библиотеки, научные учреждения

- ГИМ — Государственный Исторический музей
ИВИ РАН — Институт всеобщей истории Российской Академии наук
Погод. — собрание Погодина Отдела рукописей РНБ
РАН — Российская Академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГБ — Российская государственная библиотека
РНБ — Российская национальная библиотека (в Санкт-Петербурге)
СПб ИИ РАН — Санкт-Петербургский Институт истории Российской Академии наук

III. Журналы, периодические и справочные издания, публикации источников

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. II.

- АЕ — Археографический ежегодник
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1851. Т. 4.
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 2.
- АМГ — Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1.
- АРГ/АММС — Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов. М., 1998.
- АРИ — Архив русской истории
- АЮ — Акты юридические. Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1838.
- АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1986. Т. 2.
- Барсуков. Выписка — *Барсуков А. П.* Докладная выписка 121 (1613) года о вотчинах и поместьях. М., 1895.
- Белокуров. Грамота — *Белокуров С. А.* Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. 2-е изд. М., 1906.
- Белокуров. Записи — *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907.
- Богоявленский, Рябинин — *Богоявленский С. К., Рябинин И. С.* Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля — 1613 г.). М., 1915.
- Богоявленский. Судьи — *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946.
- Болдаков. Сборник материалов — *Болдаков И. М.* Сборник материалов по русской истории начала XVII века. СПб., 1896.
- БРЭ — Большая Российская энциклопедия.
- Буссов — *Конрад Буссов.* Московская хроника 1584—1613. М.; Л., 1961.
- Веселовский. Акты — *Веселовский С. Б.* Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг. М., 1911.
- Веселовский. Дьяки — *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975.
- Видекинд — *Юхан Видекинд.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000.
- ВКТСМ — Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
- Герберштейн — *Сигизмунд Герберштейн.* Записки о Московии. М., 1988.
- Гневушев. Акты — *Гневушев А. М.* Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.). М., 1914.
- Голицын. Указатель — *Кн. Голицын Н. Н.* Указатель имен личных,

- упоминаемых в дворцовых разрядах. СПб., 1912.
- Дневник — Дневник Марины Мнишек / Пер. В. Н. Козлякова. СПб., 1995.
- Записки — Муханов П. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871.
- ИА — Исторический архив
- ИЗ — Исторические записки
- ИСССР — История СССР
- Масса — Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937.
- Народное движение — народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601—1608: Сб. документов. М., 2003.
- ОИ — Отечественная история
- ПДС — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1852. Т. II; СПб., 1897. Т. X.
- Петров. Справочники — Петров В. А. Географические справочники XVII в. // ИА. М.; Л., 1950. Т. V.
- Петр Петрей — Реляция Петра Петрея о России начала XVII в. М., 1976.
- ПЛ — Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1; М., 1955. Вып. 2.
- Посольская книга — Посольская книга по связям России с Англией 1613—1614 гг. М., 1979.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 14 (репринт); М., 2000. Т. 14 (репринт).
- РИБ — Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. 1; 1884. Т. 8.
- РИО — Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1883. Т. 38; СПб., 1902. Т. 116; М., 1912. Т. 137; М., 1913. Т. 142.
- РК 1475—1598 — Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966.
- РК 1475—1605 — Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1994. Т. IV. Ч. 1; М., 2003. Т. IV. Ч. 2.
- Россия начала XVII в. — Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета / Сост. Ю. А. Лимонов. М., 1982.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 2.
- Сказания — Сказания современников о Димитрии Самозванце. 3-е изд., испр. СПб., 1859. Ч. 1—2.
- Смит Т. — Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России / Пер., введение и примеч. И. М. Болдакова. СПб., 1893.
- Сторожев. Материалы — Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2.

- Сухотин. Месяцы — *Сухотин Л. М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. М., 1915.
- Сухотин. Четвертки — *Сухотин Л. М.* Четвертки Смутного времени (1604—1617). М., 1912.
- Флетчер — *Дж. Флетчер.* О государстве Русском. М., 2002.
- ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете.

IV. Литература

- Жордания. Очерки — *Жордания Г.* Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. Тбилиси, 1959. Ч. 1.
- Зимин. Канун — *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986.
- Лаврентьев. Царь — *Лаврентьев А. В.* Царевич—царь—цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604—1606 гг. СПб., 2001.
- Лисейцев. Посольский приказ — *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. Ч. 1—2.
- Лихачев. Дьяки — *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888.
- Любомиров. Очерк — *Любомиров П. Г.* Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939 (переизд.).
- Павлов. Приказы — *Павлов А. П.* Приказы и приказная бюрократия (1584—1605 гг.) // ИЗ. М., 1988. Т. 116.
- Павлов. Государев двор — *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992.
- Платонов. Очерки — *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. 5-е изд. М., 1995.
- Станиславский. Двор — *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004.
- Сухотин. Пожалования — *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610—1611 гг. М., 1912.
- Тюменцев. Смута — *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

V. Зарубежные журналы

SEER — Slavic and East European Review

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

- Абердин 416
Австрия 306, 404—405, 415
Аглинская земля, *см. также* Англия 282, 294, 296, 300,
310, 332
Агрия, *см. также* Эгер 48, 119, 479
Азиатские народы 70, 142
Азия 27, 52
Александровская (Александрова)
 слобода 210, 218, 354
Алексин, крепость и город 216, 368
Альтдорф, город 416
Амборх, *см. также* Гамбург 289, 294, 296, 301, 335
Амстердам 22, 35, 309, 332, 336
Англичане, народ 47, 119, 312, 423
Англия, *см. также* Аглинская земля . . . 11, 12, 14, 70, 81, 142, 153,
188, 201, 208, 254, 280, 299, 300, 303, 304, 330—333, 338, 350, 351,
360, 361, 371, 373, 384, 385, 403, 306, 407, 409, 417, 418, 486, 396, 498
Арбужская волость Пошехонского уезда 277—278
Арзамас 257, 372, 275
Арзамасский край 366
Арк-сюр-Тий, деревня 476
Архангельск 11, 15, 47, 49, 97, 103, 118, 120, 170, 177, 187,
189, 196, 197, 194, 200, 203, 204, 278, 279, 280, 282, 283, 284, 286,
287, 289, 291, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 307, 305, 308, 309, 312,
313, 314, 315, 316, 317, 324, 326, 330—332, 334—338, 360—362, 370,
371, 380, 381, 388, 393, 411, 412, 426, 427, 481, 489, 494, 495
в Архангельске:
 пристань (корабельная) 299, 380
 свезжая изба 309, 310
 таможня 335
Астрадам, *см.* Амстердам

* Указатель составлен В. Д. Назаровым и П. Ю. Уваровым. В указателе не учтены географические и этнические определения в текстах полных титулов в документах № 15, 16 (с. 325—330).

- Астраханское ханство, *см. также* Астраханское царство,
 Астрахань 194, 200
 Астраханское царство,
см. также Астраханское ханство, Астрахань 292, 287, 328, 378
 Астрахань, *см. также* Астраханское ханство,
 Астраханское царство 47, 49, 51, 53, 61, 81, 96, 97, 118, 120,
 122, 124, 133, 153, 169, 170, 199, 200, 207, 213, 244, 348, 350, 482, 485
 Аугсбург, город 399, 401
- Бабкино, деревня Хотунской волости Московского уезда . . . 276
 Базель, город 415, 416
 Байройт, город 395, 399, 397, 398, 400, 403, 413,
 114, 446, 457, 475
 Баренцево море 203
 Белая Русь 46, 117, 118
 Белгород, крепость и город 213
 Белое море 203
 Белоозеро, город и область 245, 361
 Белоруссия 10
 Березов, крепость и город 202, 370, 381
 Берлин 24, 415, 472
 Биржи (Биржай), город 406 407
 Богемия 399, 402
 Болхов, крепость и город 246, 375
 Большая орда, *см. также* Золотая орда 210
 Борисов город (?), крепость 48, 88, 119
 Бранденбург 399, 401
 Братислава 404 405
 Бреслау (Вроцлав), город 416, 417
 Бретань 466
 Брюссель 474
 Брянск, город 368
 Бургундия, *см. также* Бургундское герцогство 25, 190,
 413, 450, 452, 461—464, 467—469, 470—472, 475, 478
 Бургундское герцогство, *см. также* Бургундия 44, 115, 460
- Вавилон** 386, 391
 Важская земля 249
 Валанс, город 420
 Валахи, народ 60, 132
 Валахия 96, 169, 191, 192, 203

Валуйки, крепость и город	203, 213
Варшава	404 405, 407, 411, 417
Васси, город	219
Васькино, деревня Верейского уезда	275
Великая ставка, местность	48, 120
Великий Устюг, город	371
Великобритания	52, 123, 279
Великое герцогство Тосканское	52, 123
Великое государство Владимирское, <i>см. также</i> Великое княжество Владимирское	328
Великое государство Московское, <i>см. также</i> Великое княжество Московское	328
Великое государство Новгородское.	328
Великое княжество Владимирское	46, 51, 117, 122, 195, 206
Великое княжество Литовское	46, 117, 196, 206, 248, 277, 278, 353, 406, 417
Великое княжество Мегалолинское (?).	325
Великое княжество Московское.	21, 31, 36, 37, 39, 40, 46, 47, 52, 113, 117, 118, 214
Великое княжество Рязанское	195
Великое княжество Тверское	199, 249
Вена	191, 399, 401
Венгрия.	44, 48, 115, 119, 189, 399, 401, 402, 415, 460, 463, 464, 476, 479, 496
Венгры, народ	65, 136, 404, 405
Венден, крепость	221
Венеция, государство и город	33
Верейский уезд	275
Верхотурье, крепость и город	202
Вильно, Вильна (Вильнюс)	396 398, 406—408, 417
Висбаден, город.	473, 475
Висла, река.	414
Виттенберг, город.	418
Владимир, город	46, 51, 117, 122, 209, 220, 248, 370, 372, 375
Владими́ро-Суздальское ополье.	203
Владимирское Великое государство, <i>см. также</i> Великое княже- ство Владимирское.	302
Владимирское государство.	310
Вогренан, местность	462
Волга Верхняя.	410

Волга, река	47, 48, 79, 81, 96, 118, 120, 154, 170, 198, 199, 203, 204, 243, 244, 259, 384, 385, 410
Вологда	11, 46, 78, 117, 150, 169, 278, 294 295, 296, 297, 308, 309, 310, 311, 312, 330, 333, 361, 370, 372, 375, 376, 388, 393, 427
Вологодская дорога	320
Вологодский уезд	274, 276, 277
Волоцкий уезд	274, 276, 277
Волынь	288, 292
Воронеж, город и крепость	203, 213, 363, 367
Восток (Азии)	27
Восток (Европы)	27
Восточная Европа	24
Восьма, река	375
Выборг, крепость и город	377
Вязьма, город	372
Галанд, <i>см. также</i> Нидерланды	285
Галанская земля, <i>см. также</i> Нидерланды	280, 303, 309
Галич, город	105, 179, 347
Галичский уезд	351, 357
Гамбург, <i>см. также</i> Амборх	12, 29, 282, 284—285, 333, 331 334, 350, 364, 384, 475, 486
Ганзейские города	254
Гданьск, <i>см. Данциг</i>	
Гдов, крепость	366
Гейдельберг, город	395 399, 397, 401, 403, 413, 414, 418, 446
Германия	10, 26, 70, 85, 142, 188, 331, 333, 413, 415—418, 433, 454, 458, 459, 460, 468, 478
Герцберг, город	417
Гетеборг, город	413
Гиень, провинция	420
Гнезно, город	404, 405
Голландия, <i>см. Нидерланды</i>	
Голландцы, народ	486
Горицкий женский монастырь	245
Гороховец, город	239
Греки, народ	60, 77, 132, 150
Греция	56, 127
Гродно, город	404 405
Грузины (горцы ?), народ	78, 81, 150, 153, 154, 244
Грузия	244, 258

Дагестан	244
Дания	38, 51, 81, 87, 108, 122, 123, 153, 182, 206, 208, 249, 254, 379, 331 333, 334, 374, 381, 489
Данциг (Гданьск), город	403—405 406, 413, 414, 418
Датская земля	323
Двина, область	294, 295, 296, 297, 298, 299, 312, 334
Двина Северная, река	203, 204, 274, 281, 381
Двинская губа	204
Двинская земля, см. Подвинье, Двина, область	
Двинской уезд, см. также Двина, область, Подвинье	274
Дворец Правосудия, см. в Париже Дворец Правосудия	
Дедилов, крепость и город	216
Дерпт, город, см. также Юрьев (Тарту)	58, 129, 220
Дижон, город	25, 38, 446, 448, 449, 451, 452, 453, 461, 462, 466, 468, 469, 470, 471, 475
Дикое поле	213, 483
Дмитровский уезд	410
Дмитровское княжество (в титуле)	211
Днепр, река	46, 79, 93, 117, 166, 243
Добрыничи, село	250, 251, 368, 425, 428, 429, 435 437, 480, 483, 484
Доль, город	449
Дон, река	79, 93, 166, 367
Донауверт, город	219
Дорога Великой ставки (в Диком поле; Великого хана?)	74, 147
Дорога Императора, «Царская дорога» (в Диком поле)	74, 147
Дорога Крымская (в Диком поле)	74, 147
Дорога Ростовская, см. Ростовская дорога	
Дорогобуж, город	340, 375
Дрезден, город	490
Дубинки, город	406, 407
Дубна, река	410
Дюем, местность	462
Евреи, народ	58, 60, 65, 129, 132, 137, 219, 486
Европа	8, 20, 24, 31, 48, 50, 69, 121, 141, 190, 237, 362, 373, 416, 421, 456, 473, 477, 479, 480, 492
Европа Восточная	414
Европа Западная	203, 237, 365
Европа Центральная	365

Елец, крепость и город	213, 261
Енисейский уезд	201
Епархии:	
<i>митрополии:</i>	
Казанская и Свяжская Новгородская и Великолукская, Ростовская и Ярославская, Сарская и Подонская (Крутицкая)	217
<i>архиепископии:</i>	
Астраханская и Терская, Вологодская и Великопермская, Рязанская и Муромская, Смоленская и Брянская, Суздальская и Тарусская, Тверская и Кашинская	217
<i>епископии:</i>	
Карельская и Орешковская, Коломенская и Каширская, Псковская и Изборская	217
Ериссо, город	253
Женева, город	32, 422
Жилино, деревня Хотунской волости Московского уезда	276
Заволжье	427
Зальцбург, город	416
Западная Двина, река	434
Зарайск, крепость и город	222
Звенигород, город	199
Золотая Орда, <i>см. также</i> Большая орда	194, 195, 210, 224
Ивангород, крепость	61, 133, 196, 197, 287, 292, 355, 360, 365, 366, 425, 479, 482, 489
Иерусалим	17
Иерусалим, <i>см. в</i> Москве Покрова Богородицы, «что на рву», со- бор (придел)	
Изборск, крепость	366
Ильтон, округ	433
Империя (Священная Римская империя «Германской нации»)	51, 52, 81, 115, 122, 190, 191, 192, 207, 212, 254, 280, 351, 366, 365, 374, 380, 403, 406, 407, 416, 433, 464, 478, 479, 490
Ирландия	208
Исландия	38
Испания	82, 84, 85, 158, 455
Италия	68, 140
Кавказ Северный	244

Кавказа Северного народности	242
Казаки терские	484
Казаки, социально-этническая общность.	55, 79, 80, 89, 93, 96, 97, 109, 151, 162, 166, 169, 170, 183, 292, 387, 388, 392, 404, 405, 439, 484, 487
Казанка, река	198
Казанский край.	242
Казанское ханство, <i>см. также</i> Казань, Казанское царство (королевство)	190, 194, 198, 199, 200
Казанское царство, <i>см. также</i> Казань, Казанское ханство	287, 292, 328
Казань, <i>см. также</i> Казанское царство, Казанское ханство	47, 49, 51, 53, 61, 67, 77, 96, 97, 118, 120, 122, 124, 133, 149, 169, 170, 198, 199, 200, 207, 209, 218, 252, 482
Калуга, город и крепость	203, 216, 241, 256, 350, 358, 376, 378, 432, 435, 436
Кальмар, город и крепость	193
Камбре, город	447
Канарские острова	85, 158
Канары, <i>см.</i> Канарские острова	
Карачев, крепость и город	88, 161
Каргополь, город	371
Каспийское море	47, 48, 81, 118, 120, 244
Кашин, город	377
Кашира, крепость и город	216, 241, 355
Кельн, город	416
Кипр	253
Кирилло-Белозерский монастырь	246
Китай	424
Клушино, село	246, 341, 350, 363, 375, 493
Клязьма, река	354
Козельск, город и крепость.	348
Койсинский острог.	244
Койсу, река.	244
Колмогоры, <i>см.</i> Холмогоры	
Коломна.	256
Коломна, город и крепость	61, 133, 154, 216, 256, 257, 361, 482
в Коломне:	
Кремль	256
Маринкина башня	256
Комарицкая волость.	483

Константинополь, см. также Стамбул.	56, 81, 127, 153, 404, 405
Копенгаген.	489
Копорье, крепость	366
Копыл, город	406, 407
Корела, крепость и город	222, 253, 375, 377
Корельский уезд	377
Кострома, город	220, 258, 348, 350, 355, 359, 371, 411
Котбус, город	417
Краков, город	94, 168, 256, 480
Крапивна, крепость и город	216
Красная стена, см. в Москве Китай-город	
Красное село (подмосковное)	372
Красноярск, город	201
Кромы, крепость и город	88, 89, 91, 161, 162, 164, 245, 251, 354, 365, 425, 483, 491
Крым, см. также Крымское ханство	48, 200, 234, 244, 357, 380
Крымские татары, народ	52, 81, 117, 123, 142
Крымское ханство, см. также Крым	194, 200, 202, 210, 211, 254, 356 479
Крымцы, см. Крымские татары	
Кубенское, село Вологодского уезда	274
Кулаково, деревня Переяславского уезда	281
Курск, крепость и город.	213, 368
Кушалино, село Тверского уезда	212
Ладога, крепость и город	363
Лайа, город.	39
Лангедок, провинция	413
Лапландцы, народ	59, 130
Ла-Рошель, город	260
Латинский квартал, см. в Париже Латинский квартал	17
Ледовитый океан	48, 120
Лейпциг, город	396, 398, 413—417
Ленинград	39, 197, 230, 213, 469, 498, 501
Ливны, крепость и город	48, 88, 119, 161, 203, 213
Ливония	47, 58, 68, 70, 118, 120, 129, 141, 142, 220, 221, 389, 394
Ливонский орден	208, 220
Ливонцы «московские»	486
Ливонцы, этническая общность.	58, 129, 130, 221, 423, 428, 430, 481, 486
Лион, город	34, 449, 467

- Лиссабон 38
- Литва, *см. также* Великое княжество Литовское 10, 46, 47,
48, 51, 83, 118, 120, 122, 155, 206, 207, 253, 278, 327, 346, 352, 417
- Литовская земля 292, 293
- Литовцы, народ 292
- Лифляндия 433
- Лифляндия Польская 434
- Лихтенберг, город 406, 407
- Лондон 360, 361, 384, 411, 473
- Любек, город 195, 437, 479
- Люблин, город 404, 405, 417
- Люнебургское княжество 433
- Магометанские народы 44, 58, 66, 221, 492**
- Малогощ, город 259
- Мангазейский уезд 201
- Мангазея, крепость и город 202
- Манчестер, город 201, 361
- Мариенбург, крепость и город 434
- Мезекерестеш, крепость и город 202
- Мергентайм, город 479
- Мирбо, город 451
- Миремберг, город 396, 397
- Можайск, город и крепость 341, 368, 443, 494
- Молдавия 96, 169, 191, 192, 203
- Молдаване, народ 60, 132
- Монбельяр, город 454
- Мордва, народ 58, 77, 130, 150, 221
- Мордовиты, *см.* Мордва
- Москва 13, 27, 32, 35, 39, 40, 46, 53, 55, 58, 61,
63, 64, 67, 72, 73, 75, 79, 82, 83, 86—90, 92, 93, 99—101, 103, 105, 109,
111, 117, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 133, 135, 136, 139, 145, 147, 151,
154, 155, 159—163, 166, 167, 172—175, 176, 179, 182—184, 185, 188,
194, 196—198, 200—203, 207—210, 212—216, 218, 220—223, 226,
228—231, 234, 236, 240, 241, 245, 249, 251—253, 255—250, 269, 272,
273, 274, 278, 276, 277, 286, 291, 293, 295, 297, 298, 301, 304, 309, 311,
312, 313, 314, 315, 316, 317, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 327, 328, 330,
333, 335, 336, 338, 340—344, 346, 347, 348, 350, 351—353, 355—357,
358, 359, 360, 361, 364—372, 364—376, 378—380, 384, 385, 393, 394,
409—411, 414, 425—428, 432, 435, 436, 439, 442—444, 470, 474, 479,
480, 481, 482, 483, 484, 486, 489, 491, 493, 497, 498, 500—503

В Москве**1. Крепостные сооружения, строения, топонимы:**

Английский двор (подворье Английской торговой компании) . . .	384, 385, 486
Арбат	439, 442
Белый город («Царев город», «Белая стена») . .	213, 223, 350, 442, 443, 444, 482, 493
Болвановка	221
Водяные ворота (в Кремле).	442 443
Дворец царский (в Кремле) . . 94, 97, 98, 167, 171, 171, 423, 431, 485	
Земляной город («Деревянная стена», «Скородом») . . .	223
Китай-город («Красная стена»).	214, 223, 343, 384, 385, 409, 410
Конская площадка.	220
Красная площадь	98, 171, 259, 260
Кремль	52, 61, 64, 73, 93, 133, 136, 166, 167, 216, 223, 239, 258, 259, 341, 344, 365, 375, 379, 384, 385, 439, 440, 441, 442, 443, 482, 483, 495
Кулижки (Кулишки)	442, 498
Лобное место.	259, 260
Москва-река	198, 442, 443, 493—494
Наливки («Нали»), иноземная слобода	220, 221
Неглинка (Неглинная), река	441
Немецкая слобода	221, 250, 435, 436, 481, 486
Никитская улица	441, 493
Покровская улица (Покровка)	442, 493, 498
Садовое кольцо	223
Серпуховские ворота	220
Сретенка, улица	245, 252
Тверские ворота (Белого города)	498
Торговые ряды	485
Чертолье	439, 442, 443, 494, 498
Шуйских князей, дворы	266, 343
Яуза, река	221, 366, 435

2. Монастыри и соборы

Алексеевский женский монастырь	216
Архангельский собор	93, 94, 166, 167, 245
Варсанофьевский монастырь	245, 252
Вознесенский женский монастырь	88, 94, 97, 98, 160, 167, 170, 171, 216, 250

- Немецкая (лютеранская)
церковь в Немецкой слободе 87, 160
- Новодевичий («Девичий»)
женский монастырь 55, 126, 216, 250
- Покрова Богородицы, «что на Рву», собор (Василия
Блаженного), придел собора «Иерусалим» (по приделу во имя
Входа Иисуса Христа в Иерусалим) . . 57, 129, 218—219, 440
- Рождественский женский монастырь 216
- Симонов монастырь 217
- Успенский собор 57, 94, 97, 129, 167, 216, 217, 219
- Чудов монастырь 253
- 3. Учреждения, ведомства**
- Аптекарский приказ 238, 240
- Большого дворца приказ 67, 73, 138, 146, 138,
230—231, 238, 344, 356, 368, 367, 492
- Большого прихода приказ 23, 378
- Владимирская четверть 231, 241, 346
- Владимирский судный приказ 226
- Галицкая (Галицкая) четверть 231, 265, 340, 345
370, 371, 378, 457
- Денежный двор 266, 268, 270, 272, 343, 352
- Дмитровский дворец 230
- Дмитровский судный приказ 226
- Земский двор («старый») 367
- Золотая палата 352
- Иноземный приказ 240
- Казанского (Нижегородского и Меуцкерского)
дворца приказ 231, 232, 255, 367
- Казачий приказ 357
- Казенный (Большой казны) приказ, казна 9, 10, 68—70,
139, 225, 235, 240, 243, 255, 266, 343, 347, 349, 350, 357, 494
- Казенный двор 255, 266—268, 270, 271, 3553, 356
- Конюшенный приказ 68, 140, 233, 238
- Костромская четверть 231
- Купецкий двор 266, 268, 269, 271, 343, 350, 351
- Московский судный приказ 350, 358
- Нижегородская («новоприбыльная») четверть 231, 343
- Новая четверть 67, 139, 232, 261
- Новгородская и Нижегородская четверть 231, 261,
266, 268, 271, 337, 345, 367, 371
- Новгородского разряда приказ 345 346, 369, 492

Оружейная палата	269, 272, 273, 343
Печатных книг приказ	349, 352
Поместный приказ	68, 140, 233, 274, 275, 276, 277, 278, 343, 345, 349, 356, 358, 491
Посольский приказ.	225, 240, 254, 255, 261, 309—311, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 320, 321, 323, 324, 330, 334, 337, 338, 339, 343, 350, 352, 358, 371, 372, 374, 375, 378, 379, 380, 381, 425, 434, 482, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 498
Разбойный приказ	63, 135, 227, 225, 240, 350, 371
Разрядный приказ	311, 312, 345, 346, 350, 356, 358, 359, 369, 381, 425, 482, 488, 489, 491, 492
Рязанский дворец	230
Рязанский судный приказ	226
Стрелецкий приказ	226, 239, 240, 257, 347
Тверской дворец	230
Угличский дворец	230
Устюжская четверть	231, 340
Холопьевого суда приказ.	358
Челобитенный приказ	357
Четверти-приказы	67, 138
московиты, народ.	46, 108, 117, 428—430, 437, 438, 440—443, 489
Московия	21, 35, 37, 43, 46, 47, 58, 82, 114, 117, 118, 123, 129, 154, 199, 396 398, 414, 424, 428, 468, 474, 501
Московская земля	274
Московский уезд	276
Московское великое государство, см. также Великое княжество Московское	302
Московское господство	275
Московское государство	278, 282, 283—284, 286, 287, 288, 289, 290, 291—294, 296, 298, 300—303, 310, 313, 314, 316, 322, 323, 325, 326, 327, 328, 329, 332, 335, 336, 338, 359, 459, 465, 495, 500, 503
Московское княжество	194—195
Московское княжество (в титуле).	211
Мотрычи, деревня Хотунской волости Московского уезда	276
Муром, город	375
Мценск, крепость и город	356, 370
Нанси, город.	472
Нарва, город и крепость.	47, 51, 58, 61, 118, 123, 129, 133, 196, 197, 203, 205, 207, 220, 247, 363, 432, 432, 434

Нарова, река	197
Недерлянская земля, <i>см. также</i> Нидерланды	301
Нейгаузен, крепость и город	434
Немцы, народ 77, 87, 150, 221, 292312, 323, 338, 339, 423, 428, 429, 430, 438, 439, 440, 441, 483, 493	
Нидерланды . . . 9, 188, 280, 285, 304, 306, 351, 371, 373, 417, 426, 427	
Нижний Новгород, город . . . 220, 222, 252, 367, 359, 389, 378, 395	
Николо-Выксинский женский монастырь	253
Николо-Карельский (Николо-Архангельский) монастырь . . 47, 49, 118, 120, 204, 280	
Николо-Песношский монастырь	410
Новая земля, остров	48, 120
Новгород (Великий) 76, 149, 197, 204, 222, 231, 258, 312, 352, 357, 363, 368, 379, 490	
в Новгороде: <i>Новгородский дворец</i>	230—231
Новгород-Северский, крепость и город 8, 88, 89, 92, 106, 161, 162, 165, 180, 250	
Новгородский край	357
Новосибирск, город	202, 257
Новоторжский уезд	211
Ногайская орда	199
Ногайские татары, народ, <i>см. также</i> ногайцы 68, 81, 140, 153	
Ногайцы (Нагаи), <i>см. также</i> ногайские татары . 70, 77, 78, 119, 142	
Норвегия	48, 120, 208, 249
Ныса, город	416
Ньютонвиль, город	361
Нюрнберг, город	414, 413
Обдорск, крепость и город	202
Обь, река	47, 48, 49, 119, 120
Ока, река 47, 55, 79, 118, 126, 198, 203, 215, 241, 354, 357, 410	
Опашнево, сельцо Пошехонского уезда	276
Орел, крепость и город	376
Орешек, крепость	222, 365
Орлеан , город	18, 33
Оскол, крепость и город	213
Оскол, река	203
Османская империя, <i>см. также</i> Турция 190, 191, 200, 202, 203, 208, 244, 463, 464, 478	

Осон, крепость и город	449 450, 451, 453, 454, 462, 466, 468, 469 470, 472, 476
Остенде, город	455
Париж	16, 17, 21, 24, 32, 33, 34, 35, 37, 39, 43, 46, 61, 64, 113, 114, 117, 133, 187, 188, 189, 196, 223, 235, 237, 238, 260, 374, 397, 422, 449, 451, 461, 468, 469, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 492
в Париже топонимы:	
<i>Дворец правосудия</i>	17, 18, 31, 113, 187
<i>Латинский квартал</i>	17
<i>Мобер, площадь</i>	32
<i>Мон-Сен-Женевьев, улица</i>	32
<i>Нуайе де, улица</i>	17, 32
<i>Сен-Жак, ул.</i>	17, 32
<i>Сен-Женевьев, холм</i>	17
<i>Сен-Жермен, бульвар</i>	32
<i>Сент-Илер, холм</i>	36
<i>Сорбонна</i>	18
<i>Экокс д', улица</i>	36
Пелым, крепость и город	202, 371
Пельшма, село Вологодского уезда	277
Перемышль, крепость и город	356
Переяславль, город	280, 281, 283, 306, 320, 322, 364
Пермь, город	285
Персия	47, 51, 52, 70, 81, 82, 83, 119, 122, 142, 152, 200, 201, 208, 234, 349, 358, 361, 365, 448
Персы, народ	58, 66, 130, 138
Переяславль-Рязанский, город	380
Петербург, см. Санкт-Петербург	
Петрозаводск, город	366
Печеры, крепость	366
Пешково, деревня Хотунской волости Московского уезда	276
Пешт, город и крепость	202
Пинега, река	204
Питтсбург, город	39, 471
Пльзень, город	479
Поволжье	252, 487
Поволжье Нижнее	213, 232, 354
Поволжье Среднее	232, 354

- Подвинье, область, *см. также* Двина, область,
Двинская земля 204
- Подмосковье. 366
- Поднепровье. 152
- Подоллия, *см. также* Украина, Подольская земля . . . 46, 48, 51, 61,
79, 88, 96, 103, 120, 122, 133, 152, 161, 169, 177, 196, 206—297, 243, 292
- Подольская земля, *см. также* Подоллия, Украина 288
- Покровский суздальский женский монастырь. 245
- Полоцк, город 199, 209, 219, 220, 486
- Польская земля,
см. также Польское государство, Польша 292—293
- Польское государство, *см. также* Речь Посполитая. 310
- Польша, *см. также* Речь Посполитая 10, 12, 23, 37,
38, 44, 52, 57, 60, 70, 81, 83, 94, 96, 97, 98, 99, 103—108, 111, 114,
120, 128, 132, 142, 152, 155, 168, 171, 173, 178—180, 182—185, 193,
219, 245, 246, 254, 259, 286, 287, 291, 293, 301, 336, 384, 386, 387,
390, 391, 396—398, 400, 403, 404, 405, 414, 416, 439, 494, 496
- Поляки, народ. . . 46, 51, 60, 65, 77, 89, 90, 93, 97, 98, 99, 101, 103—107,
109—111, 117, 132, 150, 162, 163, 170—173, 177, 179, 180, 181, 182, 184,
186, 387, 388, 389, 392, 393, 394, 429, 430, 439, 440, 441, 443
- Поморские места 312
- Понизовные города, *см. также* Поволжье Нижнее 287, 292
- Понт Эвксинский, *см.* Черное море
- Порта, *см. также* Турция. 396, 397
- Порхов, крепость и город. 222
- Пошехонский уезд 276, 277
- Прага 247, 326, 374, 416
- Прибалтика 222, 248, 433, 434
- Прибалтика Северная 193
- Прибалтика Шведская 247, 261
- Пруссия 46, 117, 247, 404, 405, 415, 416
- Псков, город. 222, 243, 287, 292, 346, 360, 366, 368, 432
- Псково-Печерский монастырь. 223, 363
- Псковская земля, *см. также* Псков 363
- Псковское княжество (в титуле). 211
- Путивль, город и крепость. 61, 88, 90, 92, 103, 110, 133,
161, 163, 166, 177, 184, 253, 428, 482
- Ратфорд, город 34
- Рахманцево, село Московского уезда. 355
- Реты, *см.* Русины

Речь Посполитая, *см. также*

Польское государство, Польша8, 191, 192, 193, 194, 203, 206, 214, 222, 243, 255, 248, 254, 258—261, 340, 341, 342, 343, 347, 351, 352, 353, 354, 357, 358, 362, 365, 376, 379, 409, 410, 411, 415, 417, 433, 434, 435, 491 492, 495, 498

Ржев, город 377

Рига 433, 434, 435, 437

Рим8, 108, 181, 443, 496

Римская земля, *см. также* Империя. 282

Рогачево, село Дмитровского уезда 410

Российская держава 39—40

Российская империя. 7, 15, 19, 21, 26, 27, 33, 35, 39, 47, 113, 116, 117, 118, 446, 449, 468, 469, 474, 475, 492

Российское (Русское) государство 210, 228, 229, 210, 234, 244, 282, 287, 289, 290, 292, 293, 302, 365, 493, 500

Российское царствие. 289, 292, 322, 325, 327, 328, 329

Россия 7—11, 13, 24, 27, 30, 31, 36, 43, 46, 49—50, 51, 58, 60, 67—72, 81, 82, 84, 86—88, 94—97, 100, 101, 103—108, 110, 111, 114, 115, 121, 122, 123, 126, 127, 130, 132, 139, 140, 141, 143, 152, 154, 155, 157, 159, 160, 161, 168—173, 175, 177—181, 182, 184—185, 187—189, 190, 194, 201, 202, 204—206, 215, 219, 220, 222, 234—238, 242—244, 247—249, 254—256, 279, 280, 286, 289, 303, 304, 308, 318, 320, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 331, 332, 333, 339, 341, 342, 347, 350, 353, 354 357, 360—367, 373, 374, 376, 384—386, 390, 391, 410, 411, 412, 415—417, 424—427, 432—436, 439, 444, 464, 474, 477, 479—482, 485—487, 489, 492, 493—497, 500—503

Ростов, город 377

Ростовская дорога 280, 281

Ростовское княжество (в титуле) 211

Русины, народ. 60, 132

Русские, народ 45, 46, 54, 59, 70, 75, 76, 91, 84, 89, 90, 97, 100, 103, 104, 107—110, 117, 142, 143, 157, 162, 163, 166, 170, 171, 173, 177, 180—184, 337, 384, 438, 442, 443, 489

Русское государство 432

Русь 21, 46, 290—291, 309—313, 314, 315, 320

Рыльск, крепость и город 88, 90, 110, 161, 163, 184

Рязанское княжество, *см.* Великое княжество Рязанское

Рязань, город 46, 117, 384, 385, 410

Рязанский край, *см. также* Рязань 361

Сагия (?), река 384, 385, 410

Самара, крепость и город	199, 200
Самария (?), крепость и город	81, 154, 244
Самбор, город	256, 258
Санкт-Петербург, город	24, 28, 30, 35, 40, 196, 269, 272, 276, 277, 278, 330, 339, 351, 361, 385, 397, 411, 414, 420, 500—503
Сарай, город	195
Саратов, крепость и город	199, 200
Свейское государство, <i>см. также</i> Швеция	310
Свияжск, крепость и город	345, 360
Север (Европейской части России)	13, 49, 120, 361, 362—364, 385, 427, 496
Север (Азии)	27
Север (Европы)	27
Северная Двина, река, <i>см.</i> Двина Северная	
Северо-Запад Европейской части России	366
Северо-Восточная Русь	195, 210, 227
Северская земля	89, 90, 103, 162, 163, 177, 250
Северские города	287, 292
Северский Донец, река	203
Северское герцогство, <i>см.</i> Северская земля	
Северщина, <i>см. также</i> Северская земля	342
Семиградье, <i>см.</i> Трансильвания	
Семюр, крепость и город	452, 471
Сена, река	17, 61
Сен-Жан де Лон, город и крепость	44, 115, 190, 413, 452, 455, 460—463, 471, 472, 475, 476, 478
Серебряные пруды, крепость	375
Серпухов, город и крепость	55, 70, 126, 142, 215, 216, 234, 361, 389, 395, 482
Сестра, река	410
Сибири народы	59, 130
Сибирское ханство, <i>см. также</i> Сибирское царство, Сибирь	194, 201
Сибирское царство, <i>см. также</i> Сибирское ханство, Сибирь	328
Сибирь, <i>см. также</i> Сибирское царство, Сибирское ханство	48, 119, 201, 202, 207, 232, 358, 370, 372, 412
Сибирь Западная	201, 202
Сибиряки, <i>см.</i> Сибири народы	
Силезия	191, 404 405 406
Силезцы, народ	404, 405

Скифия	44, 51, 117, 118
Скифы, народ	46, 117
Слуцк, город	406, 407
Смоленск, город и крепость	12, 47, 53, 61, 76, 87, 111, 118, 124, 133, 149, 160, 186, 197, 198, 213, 216, 243, 195, 270, 274, 275, 276, 277, 278, 328, 340, 341, 342, 344, 345, 347, 348, 349, 353, 356, 358, 365, 368, 375, 387, 391, 411, 417, 478, 482, 490, 495
Смоленское княжество, <i>см. также</i> Смоленск	195
Советский союз (СССР)	26, 202
Соловецкий монастырь	223, 246, 335, 326
Соловки, острова	246, 312, 363
Соль Галичская, город	352
Сольпочики, деревня Хатунской волости Московского уезда .	276
Спасо-Прилуцкий монастырь	369
Стамбул, <i>см. также</i> Константинополь	203, 341
Старица, город	217
Старицкий Успенский монастырь	217
Стокгольм	39
Страсбург, город	414, 415
Суздаль, город	381
Сулак, река	244
Сунжа, река	244
Сунженский городок, крепость	244
Сургут, крепость и город	202
Сургутский уезд	201
Сямженская волость Вологодского уезда	276
Тара, крепость и город	202
Тарки, крепость	244
Татария	47, 49, 61, 74, 77—79, 88, 96, 101, 118, 119, 120, 124, 132, 146—148, 150, 161, 198
Татары, народ	46, 48, 53, 54, 55, 58, 70, 74, 75, 76, 77, 80, 96, 117, 119, 127, 142, 148, 150, 169, 292, 390, 395, 439
Тбилиси	502
Тверское княжество, <i>см.</i> Великое княжество Тверское	
Тверской уезд	211, 212
Тевтонский орден	208
Терек, <i>см.</i> Терский городок	
Терек, река	244
Терский городок	81, 154, 244
Тиса, река	202

- Тобольск, город и крепость 202, 345, 372
 Тойма Верхняя, погост Двинского уезда 274
 Тойма Нижняя, погост Двинского уезда 274
 Томск, крепость и город 202
 Томский уезд 201
 Торунь, город 342, 396, 398, 414
 Трансильвания 44, 60, 96, 115, 191, 203, 222,
 404, 405, 476—479, 496
 Трансильванцы 96, 104, 105, 169, 177, 179, 404 405
 Троице-Сергиев монастырь . . 245, 246, 293, 295, 297, 360, 368, 501
 Троицкий униатский Виленский монастырь 253
 Троицкое, село Московского уезда 368
 Тула, крепость и город 61, 93, 166, 203, 216, 253,
 256, 261, 347, 361, 368, 375, 380, 389, 395, 482
 Тур, город 17, 18, 32, 33, 34
 Тура, река 202
 Турин, город 456
 Туринск, крепость 358
 Турки, народ 58, 60, 65, 66, 81, 130 132, 137, 138,
 221, 289, 290 294, 296, 390, 395—396, 397, 404, 405, 439
 Турция, *см. также* Османская империя 20, 24, 34, 48, 51, 52,
 70, 120, 122, 132, 142, 191, 416
 Тушино, село 250, 256, 346, 348, 355, 365, 379
 Тушинский лагерь 253, 256, 345, 357, 365, 493
в Тушинском лагере
поместный приказ 348—379
 Тюбинген, город 415
 Тюмень, крепость и город 202
 Углич, город 24, 53, 83, 88, 99, 103, 104, 124, 125, 155, 161,
 172, 173, 177, 178, 202, 210, 213, 214, 220, 247, 251, 260, 261, 488
 Украина, *см. также* Подолия 196
 Украина Западная 243
 Урал 202
 Уфа, крепость и город 255, 360
 Филадельфия, город 409
 Финляндия 24, 193
 Фладорф, поселение 285, 289, 290, 294, 296, 298, 301
 Фонтен-Франсэз, местность 455
 Франкония 399, 401

- Франкфурт-на-Майне, город 35
- Франция 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 19, 21, 22, 24, 26,
31, 33, 35, 36, 49—50, 78, 100, 115, 117, 120, 121, 151, 173, 188, 189,
190, 194, 204, 205, 215, 219, 224, 229, 230, 232, 235, 237, 238, 253,
260, 364, 373, 384, 385, 412—415, 417, 446, 447, 450, 451, 452, 459,
460, 461, 468, 470, 473, 479, 484, 486, 492, 497
- Францовская земля, *см. также* Франция 290, 310, 313, 316
- Французская земля, *см. также* Франция 274, 276, 277, 278
- Французы, народ 46, 101, 117, 174, 323, 423, 428, 464
- Франш-Конте, провинция 449, 461
- Хаджи-тархан, *см.* Астрахань
- Харлем (Гарлем). 424
- Хеб, город 479
- Хелмштед, город 416
- Херсбергские воды в Силезии 404, 406
- Холмогорский посад, *см.* Холмогоры
- Холмогоры, город 49, 120, 203, 204, 281, 303, 304,
306, 308, 311, 312, 363
- Хотунская волость Московского уезда. 276
- Христианский мир 8, 31, 44, 46, 100, 114, 117,
173, 189, 460, 463
- Царев-Борисов, крепость и город 203
- Царево-Займище, село 341, 350
- Царицын, крепость и город 199, 200
- Царь-город (Царев-Борисов?), крепость 48, 88, 119, 120, 161
- Центральное Черноземье 203
- Цесарева земля, *см. также* Империя 283, 286, 326
- Цесарева область, *см. также* Империя. 284
- Цесарская земля, *см. также* Империя 299, 338, 475
- Цесарская область, *см. также* Империя. 294, 300, 301, 311, 336
- Цецора, крепость 341
- Цисарская держава, *см. также* Империя 280
- Цюрих, город 417
- Черемисы, народ 47, 77, 118, 149, 292
- Черкасы пятигорские 81, 153
- Черкасы, народ 77, 150, 242
- Черная Русь 46, 96, 169, 196
- Чернигов, крепость и город 88, 161

Черниговское княжество	195
Черное море	81, 154, 244
Черный Яр, крепость и город	199
Чехия	415
Чуваши, народ	292
Шацк, крепость и город	300, 371, 381
Шведы, народ	51, 312, 387—389, 392—394, 430
Швейцария	417, 454
Швеция.	8, 47, 48, 51, 81, 82, 107, 118, 120, 122, 152, 155, 181, 192, 193, 254, 279, 310, 363, 365, 373, 377, 387, 392, 414, 433, 479
Шексна, река.	209
Шкотская земля, <i>см. также</i> Шотландия.	279, 294, 296, 282, 339, 363
Шлезвиг и Гольштейн, герцогства.	208
Шотландия, <i>см. также</i> Шкотская земля.	208, 416
Шотландцы, народ	423
Эгер, <i>см. также</i> Агрия, город и крепость	48, 119, 202
Эстляндия	434
Эстония	193
Юго-Восток Европейской части России	366
Юрьев, <i>см. также</i> Дерпт	201
Яик, река	256
Ямгород, крепость	366
Ярославль	11, 105, 179, 255, 256, 260, 278, 294, 295, 303, 308—321, 323, 330, 333, 359, 360, 363, 364, 367, 371, 372, 376—378, 380, 388, 393, 486
В Ярославле:	
<i>Двор Английской компании</i>	<i>105, 179, 486</i>
<i>съезжая изба</i>	<i>318, 319, 321, 322</i>
Agria	<i>см. Агрия, Эгер</i>
Allemagne	<i>см. Германия</i>
Allemands	<i>см. немцы</i>
Amsterdam	<i>см. Амстердам</i>
Angleterre	<i>см. Англия</i>
Anglois	<i>см. Англичане</i>

Archangel, Arkangellсм. Архангельск
Arc-sur-Tille	см. Арк-сюр-Тий
Astrican	см. Астрахань
Augsbourg	см. Аугсбург
Austria	см. Австрия
Auxonne	см. Осон
Babel	см. Вавилон
Bath of Heresbergсм. Херсбергские воды
Bereyt	см. Байройт
Birze	см. Биржи
Boheme	см. Богемия
Bolshoi Prichod	см. в Москве, большого прихода приказ
Borisof Gorod	см. Борисов Город
Bourgogne	см. Бургундия
Brandenbourgсм. Бранденбург
Bratislavia	см. Братислава
Bretagne	см. Бретань
Bruxellesсм. Брюссель
Canarieсм. Канарские острова
Caratshof	см. Карачев
Casan	см. Казань
Casna (ou Tresor)	см. в Москве, Казенный приказ
Castel, Chasteau	см. в Москве, Кремль
Castell of Arhangellсм. Архангельск
Chemin de Krim	см. Дорога Крымская (в Диком поле)
Chemin de l'Empereur	. . . см.	Дорога Императора (в Диком поле)
Chemin du Grand Camp	см. Дорога Великой ставки (в Диком поле; Великого хана?)
Cheremises	см. черемисы
Chrestientéсм. Христианский мир
Columna	см. Коломна
Constantinople	см. Константинополь
Conusnej prikas	см. в Москве, Конюшенный приказ
Cosackes, Cosacqs	см. казаки
Cracovia	см. Краков
Danemarc, Denmark	см. Дания
Danscken, Dansk, Danzig	см. Данциг
Deuitsi Monasteri	см. в Москве, Новодевичий монастырь
Dijon	см. Дижон
Dona	см. Дон
Dorpt	см. Дерпт

- Dubinki см. Дубинки
 Duché de Bourgone см. Бургундское герцогство
 Duché de Siversqui см. Северская земля
 Ecosse rue d' см. в Париже Экосс д', улица
 Eglise de Nostre Dame см. в Москве, Успенский собор
 Empire de Russie см. Российская империя
 Empyr of the romis Empiour см. Империя
 Engelland, England, Englend см. Англия
 English house см. в Москве, Английский двор
 Espagne см. Испания
 Europe см. Европа
 France, Francia см. Франция
 Francofurti a. M. Frankfurt см. Франкфурт-на-Майне
 François см. французы
 Franconye см. Франкония
 Galits см. Галич
 Genève см. Женева
 Georgiens, Gorgiens см. грузины
 Germany см. Германия
 Gnesna см. Гнезно
 Göteborg см. Гетеборг
 Grand Duché de Moscovie . . . см. Великое княжество Московское
 Grande Bretagne, Grit Britan см. Великобритания
 Grece см. Греция
 Grecs см. греки
 Grodno см. Гродно
 Hamborgh см. Гамбург
 Heyligen Römischenn Reichs см. Империя
 Hiedelberg см. Гейдельберг
 Hierusalem см. в Москве, Покрова Богородицы,
 «что на рву», собор
 Holmogra см. Холмогоры
 Hongres, Hungarians см. венгры
 Hongrie, Hongrye см. Венгрия
 Ierislaf см. Ярославль
 Italie см. Италия
 Iuif см. евреи
 Ivan Gorod см. Ивангород
 Kolmengorod см. Холмогоры
 Kopyll см. Копыл
 Krim см. Крым

Krom	см. Кромы
Laia	см. Лайа
Lapes	см. лапландцы
Leypzick	см. Лейпциг
Lichtenberg	см. Лихтенберг
Lisboa	см. Лиссабон
Lituanie	см. Литва
Liven	см. Ливны
Livonie, Lyvonie	см. Ливония
Livoniens	см. ливонцы
London	см. Лондон
Lublin	см. Люблин
Lyon	см. Лион
Mahomentans	см. магометанские народы
Manchester	см. Манчестер
Mer Caspiene	см. Каспийское море
Mer Glasiale	см. Ледовитый океан
Miremberg	см. Миремберг
Moldavie	см. Молдавия
Moldoviens	см. молдоване
Mordovites	см. мордва
Mosco, Moscou	см. Москва
Moscovie, Moscovye	см. Московия
Moscovites	см. московиты, народ
Narve	см. Нарва
Nederlanden	см. Нидерланды
Nepre	см. Днепр
Newtonville	см. Ньютонвиль
Nije Novogorod	см. Нижний Новгород
Nogois	см. Ногайцы
Norvegu	см. Норвегия
Nouva Setvart	см. в Москве, Новая четверть
Novogorod Siversqui	см. Новгород-Северский
Novo-Gorod	см. Новгород (Великий)
Noyers rue des	см. в Париже, Нуайе де, улица
Obo	см. Обь
Oka	см. Ока
Orleans	см. Орлеан
Palais	см. в Париже Дворец Правосудия
Paris	см. Париж
Perse	см. Персия

- Persiens см. персы
 Petegorcqui Chercassi см. черкасы пятигорские
 Philadelphia см. Филадельфия
 Pittsbourgh см. Питтсбург
 Podolie см. Подолия
 Poland, Poleland, Polloine, Pologne см. Польша
 Pollonois, Polonnois см. поляки
 Pomiesnej pricas см. в Москве, Поместный приказ
 Pont Euxin см. Черное море
 Porte см. Порты
 Poutimel см. Путивль
 Prussia, Prussie см. Пруссия
 Rasan, Resan см. Рязань
 Red woll см. в Москве, Китай-город
 Retzes см. русины
 Rosboinie pricas см. в Москве, Разбойный приказ
 Russes см. русские
 Russia, Russie, Rwsland см. Россия
 Russie blanche см. Белая Русь
 Russie noire см. Черная Русь
 Rutherford см. Ратфорд
 Rylsque см. Рылск
 S. Hilair mont см. в Париже, Сент-Илер, холм
 Sagia см. Сагия
 Saint-Jean de Laune, Saint-Jean de Laune см. Сен-Жан де Лон
 Saint-Nicolas, Sant Nicolas см. Николо-Карельский
 (Николо-Архангельский) монастырь
 Samaria см. Самария
 Saragorod см. Царьгород
 Schercassi см. черкасы
 Schluzko см. Слуцк
 Schmolensqui, Shmolensqui см. Смоленск
 Scithes см. скифы
 Scythie см. Скифия
 Serpo см. Серпухов
 Setvart см. в Москве, четверти-приказы
 Sheremisse см. черемисы
 Shuede, Suede, Sweden см. Швеция
 Shuedois, Shuedoye, Suedois см. шведы
 Sibirie см. Сибирь
 Sibiriens см. Сибири народы

Silesia	см. Силезия
Silesians	см. Силезцы
Siverqui pays	см. Северская земля
Staities of Holland	см. Нидерланды
Stockholm	см. Стокгольм
Strassburg	см. Страсбург
Tartare Diskrim (!)	см. крымские татары
Tartares dit Nagais	см. нагайские татары
Tartares	см. татары
Tartarie	см. Татария
Tcherinigov	см. Чернигов
Terre-Neufve	см. Новая земля
Thorn	см. Торунь
Thoula, Toulà	см. Тула
Tirc	см. Терский городок
Toscane	см. Великое герцогство Тосканское
Tours	см. Тур
Transsylvania, Transsylvanie	см. Трансильвания
Transyluanians	см. Трансильванцы
Tübingen	см. Тюбинген
Turc, Turquie	см. Турция
Turcs, Turk, Turkes	см. турки
Uglits	см. Углич
Valaches	см. валахи
Valachie	см. Валахия
Varsavia, Varsawia	см. Варшава
Venezia	см. Венеция
Vienne	см. Вена
Vilna, Wilda	см. Вильно
Volga	см. Волга
Volodimer	см. Владимир
Vologda	см. Вологда
Vorets	см. в Москве, Большого дворца приказ
Wiesbaden	см. Висбаден
Yaroslave	см. Ярославль
Zaragorod	см. Царь-город

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- А. Б., см. Берелович А.
Аббас I, шах 208
Аврамов С., дьяк 369
Аделунг Ф. 38, 432
Акинфов Ан., дьяк 340
Александра, инокиня-царица,
см. Ирина Федоровна, ца-
рица (урожд. Годунова)
Александр I, император 24
Алексеев А. И. 15
Алексинская Т. Н. 14
Алябьев А. С., дьяк 265, 340
Алябьев С., дьяк 340
Анастасия Ивановна, жена
«царя» Симеона Бекбула-
товича (урожд. княжна
Мстиславская) 246
Анастасия Романовна, царица
(урожд. Захарьина-Юрьева)
209, 329
Англер Г., переводчик 434
Андроник (Трубачев), игум.
204
Андронов Ф., казначей, дьяк
349
Анна, королевна 484
Анна Алексеевна, царица
(урожд. Колтовская) 209
Анна Григорьевна, царица
(урожд. Васильчикова) 209
Антонов А. В. 25, 212
Астон А., «кн.» 280, 282—285,
289, 290, 294, 296, 298, 300,
301, 303, 307, 313, 318, 319,
321—324, 362, 363, 371, 374,
495
Ахмад, хан 199
Ахмед III, султан 208
Базир де 19
Байе Жак 463
Байе Жан 463
Байе Филипп 462, 463, 476
Баньковски-Цюллиг М. 417
Барсуков А. П. 356, 370, 372,
377, 378, 381, 500
Барятинский Манка И. М., кн.
331, 334, 381
Басманов А. Д. 250
Басманов П. Ф., боярин 88,
92, 95, 97, 98, 161, 165, 166,
168, 169, 171, 240, 250, 251,
257—259, 355, 484, 492
Басманов Ф. А. 250
Баст Д. 192
Баторий Андрей (Андраша)
191
Баторий Сигизмунд, см.
Сигизмунд Баторий,
господарь
Баторий Стефан, см. Стефан
Баторий, господарь, позд-

* Указатель составлен В. Д. Назаровым и П. Ю. Уваровым.

- нее король
Безобразов И. 349
Дю Бек Жан 20
Белармин Р., кардинал 421
Белокуров С. А. 353, 356, 357,
359, 366, 367, 369—372,
375—379, 381, 500
Бельские, князья 239
Бельский Б. Я., окольный 93,
166, 238, 252, 374
Беляев Л. А. 221
Беннигсен А. 27, 32, 39
Бер М. 28, 436, 437
Берелович А. 8, 14—16, 35, 37,
187, 205, 234, 236—238, 409,
413—417, 446, 472, 477, 478,
497
Берелович В. 14, 15
Бестужев (Безтужев) Н. 314,
319, 321
Билокар, род (фамилия) 451
Бирон герцог де, маршал, 461
Битяговский Д. М. 53, 125, 487
Битяговский М., дьяк 53, 125,
487
Богородица (дева Мария) 56,
127
Богоявленский С. К. 221, 280,
281, 283, 286, 288, 295, 297,
299, 340, 344, 350, 352, 357,
359, 371, 378, 380, 500
Бойцов М. А. 14
Боккаччо 19
Болдаков И. М. 361, 397, 401,
413, 500
Болотников И. И. 247, 259, 294,
295, 367, 376, 428
Бонгарс Жак 414, 415
Боннефон 19
Борис Федорович (Годунов),
царь 40, 44, 47, 52—56, 70,
81, 82, 86—93, 95, 96, 98,
103—106, 108—112, 115, 118,
124—127, 142, 154, 155, 159,
160, 162—167, 169, 171, 177,
178, 180, 182—186, 188, 193,
197, 200, 212—218, 224, 233,
234, 238, 239, 242, 245—247,
250—254, 358, 261, 286, 290,
301, 327, 336, 338, 344, 428,
429, 457, 461, 475, 480, 481,
484, 486, 503.
Борковский Петр, полковник
265, 267—270, 286, 291, 301,
340, 342, 344, 347, 350, 351,
354, 440, 493, 494
Бороздин И. Н. 40
Боссюэ Андре 449
Боссюэ Дениз 449, 467
Боссюэ Жак-Бенин 473
Боссюэ Жакет 449, 476
Бреденбах 22
Бренно Габриэль 475
Бретен Пьер 449
Броневский 22
Бруар Франсуа 19, 33
Брюйстер (Бревстер) М. 385,
409
Брюне Шарль 24, 38
Буало Маргерит 450, 451, 453
Буало Николая 473
Буганов В. И. 40
Будила Иосип, полковник 409,
410
Будье Мишель 452, 454
Буйе Гийом 451, 454

- Булгаков Д., купец 269
Булгаковы, купеческий род
351
Буссов Конрад 9, 13, 15, 221,
234, 257—259, 343, 425,
432—437, 457, 463, 474,
480—483, 493, 497, 500
Бусов Конрад-младший 453
Бучинский Станислав 101, 174,
254, 261
Бучинский Ян 94, 167, 254, 261
Бушев П. П. 208
- Валагр де** 19
Вандтман Альберт, капитан
439, 474; *см. также* Лантон
(Лант) Альберт
Вареев А., дьяк 271, 359
Василий I, вел. кн. 214
Василий II, вел. кн. 214
Василий III, вел. кн. 198, 207,
216, 221, 223
Василий Иванович (Шуй-
ский), царь 27, 40, 82, 90, 92,
94—103, 105, 109, 111, 118,
133, 154, 163, 165—177, 179,
183, 185, 186, 189, 198, 242,
246, 251—255, 260—262, 268,
290, 301, 327, 328, 341—345,
347, 352—355, 357, 358, 361,
365, 368—371, 375, 426, 435,
439, 483, 490, 495
Василиса Мелентьева («же-
нице») 209
Васильчикова Анна Григо-
рьевна, *см.* Анна Григо-
рьевна, царица
Васильчиковы, род 209
- Веков Я. 313, 314
Вельяминовы, род 93, 166, 193,
252
Вельтман А. 269, 272
Вервиль Бероальд де, *см.*
Бруар Франсуа
Веселовский С. Б. 257, 340, 344,
346, 350, 352, 358—360, 367,
370—372, 378—380, 500,
501
Видекинд Ю. 342, 343, 364, 374,
498, 501
Виларнон де 398
Витовтов Ал. Г., дьяк 11, 300,
334, 371, 380
Витовтов Г. Я., дьяк 346
Витовтов Е. Я., дьяк 266—268,
271, 345, 346, 348, 349, 356
Витовтов Т. А., дьяк 345
Витовтов Я. А., дьяк 345
Вишневецкая Урсула, кнг.
(урожд. Мнишек) 257
Вишневецкий Адам, кн. 104,
178, 194, 258, 261
Вишневецкий Константин, кн.
95, 98, 104, 169, 171, 178, 257,
258
Владимир Андреевич, удель-
ный кн. Старицкий (из
московской династии Рю-
риковичей) 211
Владислав, королевич 242, 258,
274, 328, 341, 343, 348, 349,
353, 354, 358, 365, 368, 414
Власьев А. И., казначей и дум-
ный дьяк 94, 168, 196, 197,
254—256, 286, 290, 301, 338,
379, 425, 474, 475, 479, 489,

- 490—492
 В. Н., см. Назаров В. Д.
 Вогренан Байе Филипп де, 94, 115, 190, 460, 461
 Волков В. 226
 Волконский Г. К, кн. 271, 356, 357
 Воротынские, князья 369
 Воротынский И. М, кн. 93, 167, 252, 260, 261, 483
 Воротынский М. И, кн. 252
 В. Р. Н., см. Новоселов В. Р.
 Вэн Катрин де 405
- Габсбург Констанция, см. Констанция, королева (урожд. Габсбург)
 Габсбурги, династия 191, 244, 496
 Гамолт (Хамолт, Гамельтон) 268, 271, 284, 289, 350, 354
 Ганс (Ханс; у Маржерета Иоганн, Иоанн), принц 87, 160, 244, 249, 250, 436,
 Гасевский А., см. Гонсевский Александр
 Гваньини А. 22
 Гвиччардини Л. 19, 34
 Гейденштейн Р. 22
 Генрих III, король 420, 421, 452, 454, 471, 478
 Генрих IV, король 16, 18, 20, 34, 44, 45, 100, 115, 116, 173, 187, 189, 190, 194, 215, 260, 373, 413, 414, 420, 421, 452—455, 457, 459, 461, 462, 470—473, 478, 479
 Георг-Фридрих, маркграф Ансбахский и Бранденбургский 402, 416
 Герберштейн С. 22, 24, 35, 199, 221, 501
 Гермоген, патриарх 216, 328
 Гиймо Матъё 16, 21, 32—35, 42, 43, 113, 114, 187, 189,
 Гиль (Хил) Яков 280, 282—285, 289, 290, 294, 296, 298, 300, 301, 303, 304, 307, 315, 318, 319, 321—324, 363, 371
 Глинский И. М., кн. 246
 Гневушев А. М. 380, 501
 Годунов Д. И., боярин 238
 Годунов И. И., окольныйчий 92, 166, 239, 252, 429
 Годунов И. М., боярин 239
 Годунов С. В., боярин 238
 Годунов С. Н., боярин 238
 Годунов Ф. Б., см. Федор Борисович (Годунов), царевич, затем «нареченный» царь
 Годунова И. Ф., см. Ирина Федоровна, царица (урожд. Годунова)
 Годунова Ксения, царевна 82, 87, 93, 155, 160, 166, 244, 245, 247, 249, 250
 Годунова М. Г., см. Мария Григорьевна, царица (урожд. Бельская-Скурагова)
 Годуновы, род («дом») 93, 166, 193, 244, 245, 252
 Голицын Августин 35
 Голицын Ан. В., кн. 372
 Голицын В. В., кн. 92 (с ошибочным отчеством), 93, 166 (с ошибочным отчеством),

- 245, 251
Голицын Н. Н., кн. 350, 369,
370, 372, 376, 380, 501
Головин С. В., окольный 311,
313, 314, 317, 318, 321, 377
Гонсевский Александр
(Корвин-Госевский А.) 269,
272, 286, 291, 344, 346, 353,
354, 356, 365, 440, 494
Гордон Патрик 403, 406, 416
Горский А. А. 194, 224
Горчаков Илья, см. Петр,
«царевич»
Грамотин И. Т., дьяк 346, 349,
353, 355, 356, 358, 489—492,
498
Григорьев П., дьяк 279, 294,
296—298, 309, 312, 314, 334,
360
Гришка, Григорий Отрепьев,
см. Лжедмитрий I, Отре-
пьев Григорий
Грот Я. 432
Грото 19
Гундоров А., кн. 440
Гусарова Т. П. 15
Гусева А. А. 218
Густав, королевич 82, 155, 247,
355, 487,
Густав I Ваза, король 247
Густав-Адольф, король 427
Давид, ветхозаветный царь 51,
57, 122, 123, 128
Даниил Александрович, пер-
вый московский кн. 195
Данилов Ст., подьячий 490
Даннинг Честер 29, 30, 39, 390,
410, 412, 458, 471, 474
Делагарди Якоп (Яков, Якуб),
граф 302, 303, 312, 335, 342,
358, 373, 412
Денисов Л. И. 204
Дервиш Али, хан 200
Деспинель 19
Дзярнович О. И. 415, 417, 418
Димитрий Иванович, царевич
52, 53, 83, 88, 99, 103, 104,
112, 123—125, 155, 161, 172,
177, 178, 186, 202, 210, 212,
214, 251, 261, 291, 327, 392,
487
Димитрий Иванович (Иоан-
нович), царь, см. Лжедми-
трий I
Диодор Сицилийский 18, 20
Дионисий Ареопagit 196
Дионисий, митрополит 217
Дионисий, новозаветный 196
Дмитриев Л. А. 498
Дмитриев П., дьяк 108, 182,
262, 489, 492
Дмитрий Донской, вел. кн.
195, 223
Довойна 220
Долгорукие, князья 369
Долгорукий И. Г., кн. 279, 294,
297, 298, 360
Долгорукий Роща Г. Б., кн. 296,
360, 368, 369
Долгорукий Ф. Т., кн. 368
Домарацкий Матвей 99, 162,
250
Дофин, см. Людовик XIII
Драут Георг 22, 35
Дрбоглав Д. А. 221

- Дюме Пьер 449
 Дюпюи Пьер 421
- Едигер (Ядгар), хан, см. Симеон Касиевич, бывший хан Казанский
- Елена Васильевна, вел. кнг. (урожд. княжна Глинская) 198, 214
- Елизавета I Тюдор, королева 52, 123, 208, 282, 300, 302
- Елизавета София, кнг. Радзивилл (урожд. Гогенцоллерн) 406, 407, 415, 418
- Еремеев Еремей 326
- Ермак 201
- Ерш Юрий, купец 309
- Ефимьев (Еуфимьев) С., дьяк 266
- Жане Пьер** 24, 38
- Желобовский (Желиборский) Михаил 339, 382
- Житиков (Житиком?) Иван, ротмистр 270
- Жолкевский Адам 493
- Жолкевский Станислав, гетман 246, 286, 291, 301, 328, 340—342, 344, 345, 347, 348, 350, 353, 354, 365, 493, 494, 501
- Жордания Г. 260, 362, 363, 373. 457, 474
- Жукович П. Н. 411
- Жюль Тома 449, 455
- Заборовский С., дьяк 333, 380
- Загоровский В. П. 203, 213
- Зайцев И. В. 200
- Замойский Ян, канцлер и гетман 192, 193, 341
- Замочников Б. 349
- Заруцкий И., боярин 256, 301, 361, 392
- Захарьины-Юрьевы, род 209
- Збаражский Христофор, кн. 267, 347
- Звенигородский Ф. А., кн. 368
- Зизаний Лаврентий 490
- Зимин А. А. 207, 209, 211—214, 221, 502
- Зиновьев С. В. 377
- Зорин Н. В. 229
- Зюзин А. И. 11, 300, 371, 380
- Иаков I, см. Яков I (Иаков, Якуб), король**
- Иван III, вел. кн. 194, 198, 207, 208, 219, 223
- Иван IV (Иоанн) Васильевич Грозный, царь 40, 47, 51, 52, 56, 58, 61, 70, 88, 92, 94, 96, 99, 103-105, 109, 110, 112, 118, 119, 122—125, 127, 129, 133, 142, 154, 161, 165, 168, 169, 172, 173, 177, 179, 184—186, 188, 190, 193, 194, 197, 198, 200, 201, 203, 208—211, 217, 219, 221, 236, 238, 245, 246, 250, 251, 257, 258, 291, 329, 346, 363, 390, 394, 485—488
- Иван Иванович, царевич 52, 123
- Иван Калита, вел. кн. 195
- Иванов А., дьяк 352
- Иванов М., дьяк 209

- Иванов Николай, «фрянчуской немчин» 312
- Ивашко, слуга 321, 323, 324
- Игнатий, патриарх 216, 253, 256
- Игнатъев У., переводчик 306, 319, 321—323, 371, 372, 380
- Иезекииль, пророк 56, 137
- Иеремиа I, патриарх 217
- Иеремиа Могила, господарь 192, 203
- Илейка Муромец, см. Петр «Федорович, царевич»
- Иоаганн (Иоанн), принц, см. Ганс (Ханс), принц
- Иоанн, король, см. Юхан III, король
- Иоанн-Георг, курфюрст Бранденбургский 415
- Иоанн-Казимир, герцог Саксонский 403, 416
- Иоанн-Сигизмунд, курфюрст Бранденбургский 415
- Иоахим-Эрнст, маркграф Ансбахский 415
- Иов, пророк 216, 217
- Ирина Федоровна, царица (урожд. Годунова) 52, 54, 55, 87, 94, 96, 124—126, 160, 167, 169
- Исаак, ветхозаветный патриарх 65, 137
- Казановский Мартин, полковник 268, 350
- Казы-Гирей Бора, хан 216, 244
- Калмыкова Е. В. 14
- Кальвин Ж. 218
- Камерариус Людвиг 402, 416, 496
- Капетинги, династия 196
- Карамзин Н. М. 8, 27
- Карин Монсдоттер, королева 247
- Карл IV, император 416
- Карл IX, король 38
- Карл IX, король Швеции 193, 197, 363, 433
- Карл Смелый, герцог 450
- Карл, эрцгерцог (Габсбург) 405, 416, 417
- Карташов И., дьяк 296, 358, 369, 370
- Кассан Бертран де, купец 101, 174, 260
- Катарина, королева (урожд. Ягеллонка) 192, 247
- Катырев М. П., кн. 251
- Кенси Пьер де 456
- Клапрот Мартин Генрих 24, 37
- Клапрот Юлиус 24, 25
- Клеман Жак 452
- Кленк Георгий, купец 309
- Климент VIII, папа 187
- Клинкин Юрий, см. Кленк Георгий
- Клобуков Г. И., дьяк 492
- Кнутсен Матвей, капитан 423, 430, 438, 474
- Князьков С. Е. 226
- Кобрин В. Б. 209
- Козляков В. Н. 256, 501
- Колонн Франческо 19
- Колтовская Анна Алексеевна, см. Анна Алексеевна, ца-

- рица (урожд. Колтовская)
 Конде, принц 421
 Констанция, королева (урожд. Габсбург) 255
 Копосов Н. Е. 469
 Корвин Госевский А., см. Гонсевский Александр
 Корецкий В. И. 249, 250
 Котов Андрей, купец 351
 Котов Родион, купец 269, 271, 351
 Котов Федот, купец 351
 Котовы, купеческий род 351
 Красицкий Ян 266
 Кристиан (Христиан) IV, король 160, 208, 249
 Кристиан (Христиан), маркграф Байройтский и Кульмбахский 415, 416
 Крылов И. 312, 313
 Кудрявцев О. Ф. 190
 Куненков Б. А. 378
 Куртанво де 25, 38
 Куник А. 432
 Кюжас 420
- Ла Бланк Жан де 397, 398, 413, 498
 Ла Кай Жан 20, 35
 Лавилль Барр де 245, 363, 364
 Лавилль Пьер де 245, 363, 364, 374, 412
 Лавицкий Андрей, иезуит 261
 Лаврентьев А. В. 253, 254, 502
 Ланглуа-отец Жак 35
 Ланглуа-сын Жак 21—25, 28, 35
 Лантон (Лант) Альберт, капитан 423, 430, 474
- Ларемит (Лермит?) Давыд, купец 310
 Лантева Т. А. 14
 Лейпцеллер, купец 399—402, 415
 Ле Мюэ Филипп 472
 Лескер Франсуа Николя де 11, 304—317, 319, 323, 325, 326, 330, 333, 362, 374, 380, 412
 Лжедмитрий I 20, 21, 24, 28, 35, 40, 44, 45, 69, 83, 88—101, 103—112, 115, 116, 141, 161—186, 188, 189, 194, 213, 217—219, 224, 233, 238—240, 242, 245, 247, 250, 252—262, 327, 340, 345, 347, 353—357, 360, 365, 368—370, 375, 376, 385, 390, 392, 420, 422, 423, 425, 427—430, 437, 438, 459, 465, 473, 479, 480, 483—489, 491, 492, 502
 Лжедмитрий II 246, 256, 258, 261, 342, 344, 347, 355, 357, 379—381, 392, 503
 Лжедмитрий III 366, 371
 Лимонов Ю. А. 30, 31, 40, 502
 Лингельсхайм Георг-Михаил 13, 396, 398, 400, 403, 414, 422, 496
 Липсий Юст 18
 Лисейцев Д. В. 225, 350, 353, 357, 359, 371, 372, 374, 375, 378—380, 490, 498, 502
 Лихачев Н. П. 345, 346, 359, 370, 503
 Лобанов-Ростовский, кн. 40
 Лувуа 38

- Лука, евангелист 56, 127, 216
- Лыков-Оболенский Б. М., кн. 239
- Любименко И. И. 201, 360
- Любомиров П. Г. 340, 346, 353, 356, 359, 367, 369, 377, 378, 503
- Людовик XI, король 450, 470
- Людовик XIII, дофин, затем король 45, 116, 194, 373, 374, 472
- Людовик XIV, король 454
- Магнус, герцог 222
- Макарий (Булгаков) 253
- Максимилиан I, император 51, 122, 207, 208, 448, 479
- Максимилиан, эрцгерцог (Габсбург) 191, 192, 208, 479
- Малов В. Н. 14
- Малогоцкий, каштелян, см. Олесницкий Николай
- Маржерет Андре 456
- Маржерет Антуан I 450, 453—458, 473
- Маржерет Антуан III 456
- Маржерет Гийом (3-е поколен.) 450, 453
- Маржерет Гийом (6-е поколен.) 448, 449, 458, 473, 477
- Маржерет Жак (Яков) 7—14, 16, 17, 20—31, 37—43, 45, 94, 113, 114, 116, 168, 187—192, 194—201, 203—218, 220—224, 226—230, 232—244, 246—251, 253, 257—265, 267—269, 271—276, 284—291, 293, 294, 296, 298, 301—303, 325, 326, 334, 335, 337, 338, 340, 342—344, 350, 354, 364, 383, 384, 395, 397—401, 403, 406—414, 418, 419, 422, 423, 425, 428—430, 437, 438, 441—443, 446, 453—457, 459—461, 463, 464, 471, 473—475, 477—498, 502
- Маржерет Жан II 449
- Маржерет Жирар 450, 470
- Маржерет Клод I 450, 451, 453, 454
- Маржерет Клод II 455
- Маржерет Клод III 455, 456
- Маржерет Клод-Аделаид 456
- Маржерет Клодина 453
- Маржерет Кретьен 451—454, 458, 460, 470, 477, 478
- Маржерет Маргерит I 449, 466
- Маржерет Маргерит II 453
- Маржерет Мари-Анн-Терез 456, 466
- Маржерет Мария 449, 453
- Маржерет Мария 456
- Маржерет Никола I 449, 450, 466
- Маржерет Пьер I 447, 468, 469
- Маржерет Пьер II 448, 451, 453
- Маржерет Пьер II 448, 451, 453, 466
- Маржерет Пьер III 449, 454, 456, 458—460, 474
- Маржерет Пьер IV 451, 456, 458, 460
- Маржерет Пьер V 449, 451, 456, 458, 460
- Маржерет Пьер VI 456
- Маржерет Роббер 453, 455

- Маржерет Франсуа 456
 Маржерет Франсуаз 456
 Маржерет Шарль 450, 451, 453
 Маржерет Шарль-Огюст 456
 Маржерет Эдм 467, 469
 Марина Юрьевна, царица
 (урожд. Мнишек) 69, 94,
 97—99, 101, 109, 141, 168,
 170—174, 183, 234, 254—257,
 259, 260, 279, 353, 361, 480,
 484, 501
 Мария Бургундская, герцо-
 гиня 450
 Мария Григорьевна, ца-
 рица (урожд. Бельская-
 Скуратова) 82, 92, 93, 154,
 165, 166, 193, 257
 Мария Медичи, королева 373,
 421
 Мария Темрюковна (Кученей),
 царица (урожд. княжна
 Черкасская) 209
 Мария (Марфа инокиня) Фе-
 доровна, царица (урожд.
 Нагая) 52, 53, 88, 93—95,
 97—99, 104, 107, 124, 161,
 167, 168, 170—172, 177, 178,
 184, 185, 194, 209, 210, 214,
 246, 251, 253, 261, 239, 483
 Мария Ярославна, вел. кнг. 214
 Майен, герцог де 462
 Марков Антон (Фогелар (?)
 Антон Марков), купец 309
 Марфа Борецкая 204
 Марфа Васильевна, царица
 (урожд. Собакина) 209
 Маршан Жером 32
 Марьин С. И., атаман 275
 Маскевич Самуил 342, 409, 410
 Масса (Массам, Массан)
 Исаак 9, 13, 15, 221, 234, 257,
 259, 336, 337, 381, 424, 425,
 426—428, 474, 480, 483, 501
 Матиас (Матвей) II Габсбург,
 император 283, 364, 415
 Матье Пьер 20
 Межов В. И. 35
 Мельникова А. С. 236, 237
 Мериме П. 25
 Меррик Вильям, см. Рассел
 (Руссель) Уильям
 Меррик Джон 14, 29, 279, 282,
 312, 330, 332, 334, 338, 360,
 361, 371, 384, 409, 411, 485,
 486
 Микулин Г. 360
 Минин К. 367
 Михаил Федорович (Рома-
 нов), царь 14, 300, 302, 306,
 308—315, 317, 318, 320, 321,
 325, 329, 332, 334, 339, 346,
 349, 350, 352, 355, 358, 359,
 366—372, 377, 378, 381, 411,
 426, 478, 486, 494
 Михай Храбрый, господарь
 191, 192, 203
 Мнишек Марина, см. Марина
 Юрьевна, царица
 Мнишек Станислав 98, 171
 Мнишек Урсула, см. Вишне-
 вецкая Урсула, кнг.
 Мнишек Юрий, воевода 94,
 97—99, 101, 107, 109, 111, 168,
 171—174, 178, 181, 183, 245,
 254—256, 258, 260, 279, 361,
 484, 485

- Монтень Мишель де 420
Монтре Никола де 19, 34, 464
Мордовина С. П. 243
Мориц Оранский, принц 304, 306, 424, 456
Морозов А. 425
Морозов Б. Н. 15
Мосальский Рубец В. М., кн. 93, 167, 238, 245, 253, 358, 428, 430, 492
Мстиславская Анастасия Ивановна, см. Анастасия Ивановна
Мстиславская Ирина Ивановна, кнг. 246
Мстиславская Прасковья Ивановна, кнг., жена Мстиславского Федора Ивановича (урожд. Нагая) 97, 98, 102, 168, 170, 175, 245
Мстиславские, князья, род («дом») 82, 154, 239
Мстиславский Ф. И., кн. 76, 82, 89, 90, 92, 93, 95, 97, 101, 103, 149, 154, 155, 162, 163, 165—168, 170, 175, 176, 241, 245, 246, 251, 257, 358, 368, 385, 410, 425, 480, 483
Мулен Себастьян дю 17
Нагая Евдокия Александровна, первая супруга удельного князя Владимира Андреевича Старицкого 211
Нагая Мария, см. Мария (Марфа Инокния) Федоровна, царица (урожд. Нагая)
Нагая) Нагая)
Нагие, род («дом») 52, 102, 104, 123, 175, 178, 209, 210, 245
Нагой А. Ф., думный дворянин 211
Нагой М. Ф., боярин 238, 492
Нагой (Немой) Ф. М., окольник 211
Нагой Ф. Ф., окольник 210, 211
Назаров В. Д. 8, 14—16, 187, 189, 190, 192—219, 221—235, 238—262, 343—347, 350—356, 358, 367, 369—382, 409, 410, 412, 413, 439, 477, 484, 487, 495, 498
Назарова Е. Л. 15
Нармацкий И., дьяк 262
Наруляк, см. Руйяк (Руайяк) маркиз де
Нелединские-Отрепьевы, род 194
Немоевский Станислав 484, 498
Никитин Н. И. 202
Николаи Никола де 20, 34
Николай Мирликийский 56, 127
Николай II, император 40
Новокомский Павел Иовий 22
Новоселов В. Р. 14, 226
Овидий 33
О. Д., см. Дзярнович О. И.
Одерборн 22
Одоевский И. И., кн. 367, 369
Одоевский И. Н., кн. 294, 296, 367

- Ожелемпер, поручик 277, 278, 412
- Озье Пьер де 447
- Озье Шарль де 447
- Олесницкий Николай, посол 97, 98, 170, 171, 259
- Омон де 471
- Орленко С. П. 15
- Отман Антуан 421
- Отрепьев Григорий 104, 105, 177—179, 194, 257, 327, 486; *см. также* Лжедмитрий I
- Павел, апостол 196
- Павлов А. П. 15, 194, 197, 210, 212, 215, 224, 231, 239, 240, 258, 262, 340, 343, 344, 366, 370, 381, 498, 503
- Павлов П. Н. 201
- Паерле Г. 28
- Палле 19
- Панеях В. М. 230
- Пантелеев Роман, купец 309
- Пере Анри 43, 114, 187
- Пернет Марион 451, 466
- Перчас Сэмюэл 12, 14, 409, 410, 422
- Перьер де 456
- Петр I, император 216, 236
- Петр «Федорович, царевич» 96, 169, 258, 259, 484
- Петрей Петр 27, 432, 437, 501
- Петров В. А. 197—199, 203, 213, 215, 501
- Петров К. В. 248
- Пибрак де Фор дю 19
- Пивов Л. М., стряпчий 315, 317, 378
- Пико Катрин 454
- Пирлинг П. 35, 261, 262, 414
- Платонов С. Ф. 221, 346, 503
- Плещевы, род 250
- Побединский М. 318
- Пожарский Д. М., кн. 279—284, 286, 287, 289, 292, 294, 296—298, 364—366
- Поздеев М., дьяк 268, 271, 350
- Поленов А. 318—324
- Полоченинов П. 320—324
- Посник Димитриев 182, 489, 492
- Поссевино Антоний 22
- Потемкин П. И., посол 21
- Потье 25
- Преображенский А. А. 202
- Пронский-Шемякин Ю. И., кн. 200
- П. У., *см.* Уваров П. Ю.
- Пунтосов Якоб, *см.* Делагарди Якоб (Якуб, Яков)
- Пушкин А. С. 7
- Пушкин Г. Г. Сулемша, воевода 311, 375
- Пушкин Н. М. 309, 312, 314, 315, 317, 334, 372
- Равикович А. М. 35
- Радзивилл Кшиштоф Перун, кн. 418
- Радзивилл Януш, кн. 389, 394, 399—404, 406—408, 410, 411, 413, 415, 418, 496
- Радзивилл Христофор (Кшиштоф), кн. 406, 407, 415, 417, 418
- Радзивиллы, род 10

- Райцес В. И.* 30
 Рассел (Руссель) Уильям
 35, 189, 330, 332, 334, 338,
 361, 374
 Расстрига, см. Отрепьев
 Григорий
 Ревека 65, 137
Ревуненкова Н. В. 30
 Ржевский И., посол 262
 Риго Николая 421
 Рише Жан 20, 422
 Роговский Г. 312
Рогожин Н. М. 304
 Розен Вальтер фон 437
Романов М. Ю. 226
 Романов Михаил Федорович,
 см. Михаил Федорович,
 царь
 Романовичи (Романовы), род
 («дом») 104, 178
 Романчуков С., дьяк 270, 278,
 281, 316, 317, 337, 352, 353,
 426
 Ромодановский Г. П., кн. 271,
 355, 356
 253, 358, 428, 430, 492
 Рудольф II Габсбург, импе-
 ратор 44, 115, 191, 192, 247,
 364, 463, 475, 479
 Руйяк (Руайяк) де, маркиз 310,
 314, 316, 317, 325, 326, 362,
 373, 374
 Рур дю, маркиз 24, 25, 38
 Руссель У., см. Рассел У.
 Рю де 19
 Рюрик, кн., основатель дина-
 стии 51, 122, 206, 207
 Рюриковичи, князья, потомки
 Рюрика 195
Рябинин И. С. 280, 281, 283,
 286, 288, 295, 297, 299, 371,
 378, 380, 500
 Сабуровы, род 93 166, 193, 252
 Саин-булат, см. Симеон
 Бекбулатович
 Саксеев Н. 315, 320, 321
 Салтыков И. М., боярин 345,
 379
 Салтыков М. Г., боярин 92,
 166, 346, 365, 425
 Самозванец см. Лжедмитрий
 Сандомирский палатин, см.
 Мнишек Юрий
 Самсонов П., подьячий 312
 Сапега, Лев, канцлер 83, 155,
 245, 248, 274—278, 341—343,
 349, 351, 355, 357, 358, 360,
 368, 409, 411, 427, 435, 485,
 491
Сахин-Тот П. 464, 476
Седов П. В. 366
 Семенов Б., холоп 320
Семенова Л. Е. 192
 Сент-Катрин Этьен де 395,
 398, 399, 413, 446, 496
 Сигизмунд III Ваза, король 44,
 94, 96, 97, 106, 111, 115, 168-
 170, 180, 185, 192, 193, 219,
 242, 246, 255, 259, 274—278,
 287, 291, 294, 296, 298, 300,
 302, 325—329, 336, 341—343,
 345—348, 351, 353, 355, 357,
 365, 378, 413, 417, 478, 479,
 486, 490, 493, 495
 Сигизмунд Баторий, госпо-

- дарь 44, 61, 115, 132, 191, 192, 463, 464, 479
- Симеон Бекбулатович, бывший хан Касимовский, затем «царь» 52, 82, 124, 124, 154, 155, 199, 211, 212, 246, 484
- Симеон Касаевич, бывший хан Казанский 47, 118, 199
- Скалигер Ж. 420
- Скобелкин О. В. 15, 362
- Скопин-Шуйский М. В., кн. 253, 352, 358, 367, 373, 376, 377
- Скотницкий, см. Вандтман Альберт
- Скрынников Р. Г. 209, 211, 257
- Скуратов-Бельский Г. Л. 193, 212, 246
- Скуратова-Бельская Мария, см. Мария Григорьевна, царица
- Смирнов И. И. 433
- Смит Томас, посол 360, 361, 502
- Симт Фабиан 332, 333
- Снегирев В. 221
- Собакина Марфа Васильевна, см. Марфа Васильевна, царица (урожд. Собакина) 209
- Собакины, род 209
- Соловецкий С., дьяк 272, 349, 351
- Соломон, ветхозаветный царь 122, 123
- Скородумовы-Глебовы, род 209
- Софья Витовтовна, вел. кнг. 214
- Софья Палеолог, вел. кнг. 198
- Станиславский А. Л. 243, 257, 340, 346, 350, 356, 367, 369—372, 375, 376, 381, 503
- Стефан Баторий, господарь, затем король 60, 10, 132, 181, 222, 390
- Сторожев В. Н. 257, 346, 350, 352, 353, 356, 359, 360, 369, 372, 375—378, 502
- Страленберг Ф. И. 27
- Строганов Н. Г. 490
- Строгановы, род 201
- Строев П. М. 269, 272, 273, 329, 343
- Струсь Николай, полковник 354, 443, 494
- Сутупов Б. И., печатник и дьяк 233, 428
- Сухотин Л. М. 265, 340, 344, 346, 349, 351, 356, 358, 359, 366, 367, 369—372, 381, 502, 503
- Сюмерны, род 450
- Таван Гийом де 462, 472
- Таван Жак де 472
- Тарло Ядвига 256
- Тарповский Станислав 266
- Тарусский Ю. М., кн. 369
- Татев Ф. А., кн. 297, 298, 370
- Татищев В. Н. 27, 39
- Татищев М. И., окольничий 95, 98, 99, 169, 171, 172, 258, 259, 484
- Твердиков Г., купец 269, 351

- Телепнев Е. Г., дьяк 270, 352
Темкин-Ростовский М. Г., кн. 311, 375
Титов А. А. 498
Тихомиров М. Н. 200
Томасов П., переводчик 319, 380
Тохтамыш, хан 195
Третьяков П. А., дьяк 316—318, 323, 337, 352, 353, 378, 379, 426
Трубецкой Д. Т., кн. 371, 374
Турилов А. А. 490, 498
Тюменцев И. О. 344, 350, 358, 366, 381, 503
Ту Жак-Огюст де 13, 15, 21, 28, 414, 420—422, 457
Ту Кристоф де 420
Ту Никола де 420
Тютчев Н. В. 380
Тюхин М., дьяк 271, 356—359
- Уваров П. Ю.* 8, 14, 15, 16, 187, 190, 194, 196—198, 205, 208, 215, 218, 223, 225, 227, 228, 229, 230, 231, 233, 234, 235, 240, 249, 253, 254, 259, 260, 373, 374, 409, 410, 413—416, 470
Ульянов Иван, см. Меррик Джон
Ульянов Ульян, см. Рассел (Руссель) Уильям
Уорт Дин 22
Успенский Б. А. 207, 208, 257
Устрялов Н. Г. 8, 27—29, 40, 385, 409, 410, 422
Ушаков С. М., посол 380
- Файльтш Урбан Каспар 402, 416
Фальконе К. 25, 38
Фанбаргин (Фенбергин?) Петр Петров, купец 309
Федор Борисович (Годунов), царевич, затем «нареченный» царь 81, 82, 87, 92, 93, 154, 155, 160, 165, 166, 245, 252, 255, 257, 258
Федор Иоаннович, царь 40, 47, 51—54, 87, 96, 98, 104, 118, 123, 125, 160, 167, 169, 170, 171, 177, 178, 193—195, 197, 198, 200, 210, 212—214, 217, 242, 259, 326, 329, 392, 487
Фердинанд I Медичи, вел. герцог 208
Феодосия, царевна, дочь царя Федора Ивановича 52, 96, 124, 169, 212
Ферретти Франческо 18, 33
Филарет (Романов), митрополит 260
Филипп II Добрый, герцог Бургундский 448, 452
Филиппов Терешка 310, 311, 313
Филострат 33
Филострат Лемносский 18, 33
Филюшкин А. И. 196, 207
Фимаркун (Фионмаркун, Фрольюидрян Марк), см. Эпернон де, герцог
Фирстенхайзер 400—403
Флетчер Джон 201, 204, 205, 502
Флорья Б. Н. 15, 192, 197, 207,

- 209—211, 248, 342, 497, 498
Флодроф (Флодорф) Андриан фон 14, 280, 282—290, 294, 296, 298—302, 304, 306, 308, 311, 324, 362, 363, 372
Фомин Иван, переводчик 310, 374
Францискус Миколай (Францискус Михаил Александр де Лескер), см. Лескер
Франсуа Николя де
Фредерик II, король 249
Фремье 462
Фремьо Бенин 471
Фремьо Клод 471
Фридрих V, курфюрст Пфальцский 395, 399, 413, 414
Фридрих-Ульрих, герцог Брауншвейгский 436
Фюретьер А. 33
- Хаклюйт Р. 409
Халберх (Гилберт) Давид 271, 339, 354
Хальс Франц 428
Хованский И. А., кн. 311, 313—318, 321, 376, 377
Ходкевич Я. К., гетман 364, 369, 385, 410, 432, 435
Хорошкевич А. Л. 15, 219, 220
Христиан (Кристиан), кн. Анхальтский 416
- Чаплин Д. 288
Чередов С., дьяк 340
Черепнин Л. В. 40, 197, 215, 254
Черкасские, князья 209
Черкасский И. М., кн. 367
- Чернецов А. В. 209
Черри Френсис, купец 361
Чингисиды, династия 199—201
Чичерин И. И., дьяк 268, 271, 348, 349, 356
- Шав (Шау) Яков (Якоб) 278—287, 294, 296, 298, 301, 360, 363, 364
Шапелен 473
Шапиро А. Л. 232
Шаскольская Т. И. 30, 31
Шеврель Анри 25, 26, 30, 38, 39, 462, 471
Шеврель Мишель Эжен 25, 29
Шереметев П. Н., окольник 102, 103, 175, 176, 261
Шереметев Ф. И., боярин 267, 271, 348, 354, 355
Шерefeldинов Ан. 257
Шлезвиг-Гольштейнский Ханс (Иоанн) 160, 244, 249, 355, 365, 425
Штаден Генрих 219—221
Шуйская Е. Г. (урожд. Скуратова-Бельская, жена кн. Д. И. Шуйского) 82, 88, 154, 160, 246
Шуйские, князья («дом») 82, 87, 154, 160, 185, 213, 239, 246, 266, 342, 484, 489
Шуйский Ан. В., кн. 246, 347
Шуйский Ал. В., кн. 246
Шуйский Д. И., кн. 82, 94, 99, 154, 167, 172, 246, 266, 268, 342—344, 347, 370
Шуйский И. И., кн. 94, 167,

- 246, 266, 343, 346
 Шунков В. И. 202
 Шушарин В. П. 192
- Щелкалов В. Я.**, печатник и
 дьяк 233, 254
 Щербачевы, князья 349
- Элмис Джон, *см.* Фомин Иван
 Эльферфельдт Каспар фон 221
 Энгельсхайм, *см.*
 Лингельсхайм
 Эпернон, герцог д', 310, 312,
 314, 316, 317, 325, 362, 373,
 412
 Эрик XIV, король 155, 247
 Эртебинэ Жанна 453
 Эртебинэ Этьен 469
 Эскин Ю. М. 15
 Эстрэ маркиз д' 24, 38
- Юдин В.**, дьяк 311, 313, 314, 317,
 318, 321
 Юдин Иван, купец 269
 Юдины, фамилия купцов 351
 Юрьев В., дьяк 266, 346, 378
 Юрьев Г., врач 374
 Юхан III (Иоанн), король 82,
 155, 192, 193, 247, 413
- Языков Д.** 280, 281
 Яков I (Иаков, Якуб), король
 13, 208, 302, 322, 332, 360—
 362, 385, 403, 407, 412, 416
 Якушевский Ю., переводчик
 (?) 284
 Ямгурчей, хан 200
 Янов В. О., дьяк 345, 346, 358
- Яков (Яков Ульянов), капитан,
см. Маржерет Жак
- Augustyniak V. 417
- Basilius Iohannes**, *см.* Василий
 III, вел. кн.
 Basmannof Pietre Fedreus, *см.*
 Басманов П. Ф., боярин
 Bazyre G. de 33
 Bec J. du 34
 Benningsen Alexandre, *см.* Бен-
 нингсен А.
 Bertrand de Cassans, *см.* Кассан
 Бертран де, купец
 Boisleau Marguerite 466
 Bongarsi Jacobi, *см.* Бонгарс
 Жак
 Bonnefons J. 34
 Boris Empereur de Russie, *см.*
 Борис Борис Федорович
 (Годунов), царь
 Borkovski P., *см.* Борковский П.
 Bossuet Denise, *см.* Боссюэ
 Дениз
 Bossuet François, 467
 Bossuet Jaquette, *см.* Боссюэ
 Жакетт
 Bossuet N. 467
 Bouchant Andrée 466
 Bouillet Guillaume 467
 Bouillt Chétien 467
 Bourée A. 470
 Boutshinsqui (Bouchinsqui), *см.*
 Бучинский Станислав
 Boyer Ph. 32
 Bracciolini F. 34
 Brewster, *см.* Брюйстер (Брев-

- степ) М.
 Brody Ervin 34
 Brunet Charles, *см.* Брюне
 Шарль
 Bushkovitch P. 409
 Bynet Jehanne 466

 Camerarius, *см.* Камерариус
 Людвиг
 Capitaine Margeret, *см.* Марже-
 рет Жак
 Cassan Bertrand de, *см.* Кассан
 Бертран де, купец
 Chachaj M. 417, 418
 Charles Archiduke Bishop of
 Nusse, *см.* Карл, эрцгерцог
 (Габсбург)
 Charles IX, *см.* Карл IX
 Chartier R. 32, 35
 Chastelain de Malagosqui, *см.*
 Олесницкий
 Chaunel Claudine 466
 Chevreul Henri, *см.* Шеврель
 Анри
 Choutsqui Demetrius, *см.*
 Шуйский Д. И., кн.
 Choutsqui Vasilej Iuanneuits,
 см. Василий Иванович
 (Шуйский), царь
 Cinet Agathe 466
 Constant J.-M. 469
 Cotquevilsh, *см.* Ходкевич
 Я. К., гетман
 Courtépée Cl. 470

 D'Arbaumont J. 469—472, 476
 David, *см.* Давид, ветхозавет-
 ный царь

 de la Blanque, *см.* Ла Бланк
 Жан де
 de St.Catherine, *см.* Сен-
 Катрин Этьен де
 De Vilarnon, *см.* Виларнон де
 Dean S. Worth 36
 Demetrius Choutsqui, *см.* Шуй-
 ский Д. И., кн.
 Demetrius Empereur, *см.* Джед-
 митрий I
 Demetrius, *см.* Димитрий Ива-
 нович, царевич
 Dethel Ph. 475, 476
 Domarasqui, *см.* Домарацкий
 Матвей, ротмистр
 Draudius Georgius, *см.* Драут
 Георг
 Drouot H. 468—470, 472, 475
 Duc Iean, *см.* Ганс (Ханс),
 принц
 Dumay Pierre 467
 Dunning Ch., *см.* Даннинг
 Честер

 Elizabeth, *см.* Елизавета I Тю-
 дор, королева
 Engelsheim, *см.* Лингельсхайм
 Георг-Михаил
 Estienne, *см.* Стефан Баторий,
 господарь, затем король

 Febvre L. 32
 Feder Iuanneuits Mistislostsqi,
 см. Мстиславский Ф. И., кн.
 Feiltsh, *см.* Файльтш Урбан
 Каспар
 Ferretti Fr., *см.* Феретти,
 Франческо

- Firstenhaiser, *см.*
Фирстенхайзер
Fleury M.-A. 473
Franklin A. 32
- Galitchin Vacile Iuanneuits, *см.*
Голицын В. В., кн.
Girault C.-X. 471
Godonof Iuanneuits, *см.* Годунов И. И., окольный
Gordone Patrik, *см.* Гордон Патрик
Goussot N. 467
Grifon Barbe 466
Gros L. 469
Grotes Philebert 467
Groto L. 34
Guenant Marie-Madeleine 466
Guichardin L., *см.*
Гвиччардини Л.
Guillaume Budé 38
Guillemot Mathieu, *см.* Гиймо Матьё
Gustaves, *см.* Густав, королевич
Habank V. 33
Hakluytus, *см.* Хаклюйт Р.
Hale J. R. 473
Harrise M. 422
Hauser H. 473
Henry IV, *см.* Генрих IV
Heric Roy de Suede, *см.* Эрик IV, король
- Iean, duc, *см.* Ганс (Ханс), принц
Imbert J. 32
Iohannes Basilius, *см.* Иван IV (Иоанн) Васильевич Грозный
Iohannes Roy de Suede, *см.* Юхан III, король
Iohannes Vaslius, *см.* Иван IV (Иоанн) Васильевич Грозный
Iuanneuits Godonof, *см.* Годунов И. И., окольный
Jacques Fardeau 32
Janusius Radzeuil, *см.* Радзивилл Януш, кн.
Jean François 32
Joinville J. de 34
Joly H. 471
Jousson M. 409
Jurain Cl. 470
Jurgens M. 473
- Klaproth M., *см.* Клапрот М.
- La Blaque de, *см.* Ла Бланк Жан де
La Gaille J. 35
Leo Sapia, *см.* Сапега Лев, канцлер
Lermond Jean de 467
Lexer Mathias 417
Leypzeller, *см.* Лейпцеллер, купец
Libersart Marie de 467
- Margerer J. 469, 475
Margaret André 467
Margaret Antonie I, *см.* Маржерет Антуан
Margaret Antonie II 466

- Margeret Antonie III 466
 Margeret Bénigne I 466
 Margeret Capitaine, *см.* Маржерет Жак
 Margeret Catherine 466
 Margeret Charles 466
 Margeret Charles-Auguste 467
 Margeret Claude I 466
 Margeret Claude II, *см.* Маржерет Клод II
 Margeret Claude III, *см.* Маржерет Клод III
 Margeret Claude-Adélaïde 467
 Margeret Claudine 466
 Margeret Crespin 466
 Margeret Edme, *см.* Маржерет Эдм
 Margeret Estienne (ou Jacques), *см.* Маржерет Жак
 Margeret François 467
 Margeret François 467
 Margeret Gabriclle 467
 Margeret Girard II 466
 Margeret Guillaume 466
 Margeret Gulot 467
 Margeret H. 467
 Margeret Hélène 467
 Margeret J., *см.* Маржерет Ж.
 Margeret Jannot 467
 Margeret Jaquette 467
 Margeret Jean I 466
 Margeret Jean II 466
 Margeret Jean III 466
 Margeret Margeret 466
 Margeret Marguerite I, *см.* Маржерет Маргерит I
 Margeret Marguerite II, *см.* Маржерет Маргерит II
 Margeret Marguerite III 467
 Margeret Marguerite IV 467
 Margeret Marie 467
 Margeret Marie-Anne-Thérèsc 466
 Margeret Nicole 467
 Margeret Nikolas I, *см.* Маржерет Никола
 Margeret Perrenot 467
 Margeret Philiberte 467
 Margeret Pierre 467
 Margeret Pierre I 467
 Margeret Pierre II, *см.* Маржерет Пьер
 Margeret Pierre IV, *см.* Маржерет Пьер IV
 Margeret Pierre V, *см.* Маржерет Пьер V
 Margeret Pierre VI 466
 Marion M. 469, 476
 Marion Pernette, *см.* Марион Пернет
 Marquiss Christian, *см.* Кристиан, кн. Анхальтский
 Martin H.-J. 32, 33
 Mathieu Guillemot, *см.* Гиймо Матьё
 Maximilan, *см.* Максимилиан I, император
 Michal Ignateuis, Tatichof, *см.* Татищев М. И., окольничий
 Michal Saltocof, *см.* Салтыков М. Г., боярин
 Misslofsqui, *см.* Мстиславский Ф. И., кн.
 Mistislostsqui Feder Iuanneuits, *см.* Мстиславский Ф. И., кн.

- Montreux N. de, *см.* Монтре
Никола де
- Mosalsqui, *см.* Мосальский Рубец В. М., кн.
- Mousnier R. 468—471, 473, 476
- Mugnier Belin 467
- Mugnier Hugotte 467
- Nazarov V., *см.* Назаров В. Д.
- Nicolas de Beaumont 32
- Nikolas de Nicolaу *см.* Никола де Николаи
- Offernace Ioanneuits Velaci, *см.*
Власьев А. И., казначей и
думный дьяк
- Ouvarov P., *см.* Уваров П. Ю.
- Palatin Sendemir, *см.* Мнишек
Юрий, воевода
- Perrault Charles 38
- Perret, *см.* Перре
- Phipps G. M. 361
- Picot Catherine 467
- Pieter Zar, *см.* Петр «Федорович, царевич»
- Pieter Miquitevits Sheremetof,
см. Шереметев П. Н.,
окольничий
- Pietre Fedreus Basmannof, *см.*
Басманов П. Ф., боярин
- Polak W. O. 342
- Posnic Demetrius, *см.* Посник
Димитриев
- Purchas, *см.* Перчас Сэмюэл
- Radziuill Christophorus, *см.*
Радзивилл Христофор, кн.
- Radzuill, *см.* Радзивиллы, род
- Rageville, *см.* Радзивиллы,
род
- Rambaud R. 35
- Redlich F. 473, 475
- Renouard Ph. 32
- Richet D. 235, 238, 470
- Romain Jean 467
- Roure du, *см.* Рур дю
- Ruric, *см.* Рюрик, основатель
династии
- Sahin-Tóth P., *см.* Сахин-Тот П.
- Salomon, *см.* Соломон, ветхо-
заветный царь
- Saltocof Michal, *см.* Салтыков
М. Г., боярин
- Sapia Leo, *см.* Сапега Лев,
канцлер
- Sendemir Palatin, *см.* Мнишек
Юрий, воевода
- Sheremetof, *см.* Шереметев П.
Н., окольничий
- Sieur de Vaugrenan, *см.* Вогренан,
Байе Филипп де
- Silvestre L.-C. 34
- Simeon Tsar, *см.* Симеон Бекбулатович, бывший хан Касимовский, затем «царь»
- St. Catherine de, *см.* Сен-Катрин Этвен де
- Stanislaus Boutshinsqui, *см.* Бучинский Станислав
- Stephanus, *см.* Стефан Баторий, господарь, затем
король
- Strahlenberg Ph. J. von 39
- Surcmain Jaquette 466

Tatichof Michal Ignateuis, *см.*

Татищев М. И., окольныйничий

Theodore Ivaneuvits, *см.* Федор

Иоаннович, царь

Thomas J. 469, 473

Tsar Simeon, *см.* Маржерет

Жак

Vacile Iuanneuits, Galitchin, *см.*

Голицын В. В., кн.

Vasilej Iuanneuits Choutsqui,

см. Василий Иванович

(Шуйский), царь

Vaugrenan Sieur de, *см.* Воргренан,

Байе Филипп де

Velaci Offernace Ioanneuits, *см.*

Власьев А. И., казначей и думный дьяк

Vilar P. 237

Vilarnon, *см.* Виларнон де

Visnouetsqui, *см.* Вишневецкие, род

Vorotinskqui, *см.* Воротынские, князья

Walter Alex E. 415

Whizner H. 417

Willan T. S. 201,361

Zar Pieter, *см.* Петр «Федорович, царевич»

Zylof Anne-Thérèse 466

ИЛЛЮСТРАЦИИ

На переднем форзаце

1. Автограф Якова Маржерета (1603/04 г.).
2. Упоминание (на полях) Марии Маржерет среди гугенотов, заявивших о приверженности к католицизму в 1585 г.
3. Фрагмент неподписанного (анонимного) проекта оккупации Севера России (автограф Ж. Маржерета).
4. Фрагмент письма Ж. Маржерета от 09.05.1619 г. к барону Сент-Катрену (автограф).
5. Автограф-расписка кн. М. В. Скопина-Шуйского в получении четвертного жалования (1603/04 г.).
6. Автограф-расписка кн. Д. М. Пожарского в получении четвертного жалования за кн. В. Г. Долгорукова (1603/04 г.).
7. Предполагаемый автограф инок Григория, «царевича Дмитрия», 1602 г.
8. Автограф «царевича Дмитрия», 1604 г.
9. Канцлер Великого княжества Литовского Лев Сапега (1557—1633) (портрет).
10. «Царевич Дмитрий», 1605 г. (портрет).
11. Медаль с изображением «царя Дмитрия Ивановича».

На заднем форзаце

Генеалогическое древо рода Маржеретов.

Жак Маржерет

СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Ж. Маржерет в документах и исследованиях
(Тексты, комментарии, статьи)

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева
Корректоры О. Курочкина, Е. Банькова
Оператор Е. Зуева
Оригинал-макет и художественное оформление переплета М. Максимова

Художник-консультант Л. Панфилова

Подписано в печать 20.06.2007. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Minion.
Усл. печ. л. 34,5. Тираж 1000. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур».
№ государственной регистрации 1037789030641.
Тел.: 207-86-93. E-mail: ljrc@com.ty.ru
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (095) 247-17-57, тел. : 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА
РОДА МАРЖЕРЕТОВ

LES MARGERET
(1430—1738)

